

Сиротка
Слезы счастья

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Волшебное пение Снежного соловья вызвало бурю аплодисментов. Хрустальный голос Эрмин Дельбо, казалось, проникал в самое сердце, и его хотелось слушать бесконечно... Для Эрмин это был особенный концерт – ведь на нем собрались все родные и близкие ей люди. Все, кроме Тошана... Уезжая, он обещал, что разлука будет недолгой, но из поездки во Францию вернулся с незнакомой красавицей. Кто она и что их связывает? Сердце Эрмин терзают муки ревности. Сумеют ли они понять друг друга и сделать шаг навстречу? Ведь только вместе, простив все обиды, они смогут спасти свою семью...

- [Мари-Бернадетт Дююи](#)
 -
 -
 - [Примечание автора](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

Мари-Бернадетт Дюпюи Сиротка. Слезы счастья

Я посвящаю эту книгу своему издателю Жану-Клоду Ларушу в память о первом произведении данной серии – «Сиротка», – написание которого навсегда останется для меня связанным со знакомством с Квебеком, а особенно с великолепными пейзажами региона Лак-Сен-Жан

- © Les éditions JCL inc., Chicoutimi (Québec, Canada), 2013
- © DepositPhotos.com / paulgrecaud, choreograph, nature78, обложка, 2015
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2015

* * *

Примечание автора

Мой очередной роман – об ангеле озера. А кто он такой, этот ангел озера? Мои верные читатели и читательницы быстро поймут, что я имею в виду одну из своих героинь, необыкновенную личность которой они все хвалили. Эта героиня очень дорога и мне.

Вы догадываетесь, что речь идет о Кионе – странной девушке, способной предсказывать будущее, воссоздавать в своем сознании события былых времен, читать чужие мысли и передавать их другим людям. Многовато у нее редких способностей, спорить не стану, но ведь такими способностями наделены от природы и некоторые из нас. Случайность или судьба?

Итак, как мне приходится частенько говорить, я снова взялась за перо, чтобы еще раз написать об Эрмин – Снежном соловье, Тошане – ее большой любви и всех тех, кто окружает эту парочку. Для меня они существуют и в самом деле, проживая в чудесном регионе Лак-Сен-Жан, и мне захотелось продолжить свой писательский труд в их компании.

Киона была еще девчонкой в книге «Сиротка. Расплата за прошлое» – то есть в предыдущем произведении, – а сейчас ей уже шестнадцать с половиной лет. Вроде бы свыкнувшись со своим даром, со своими парапсихическими способностями, она достигает возраста первых любовных волнений, точно так же, как и Лоранс и Мари-Нутта, дочери Эрмин.

Я постаралась на этот раз сплести более душевную паутину событий, свершившихся в те послевоенные годы, в которые надлежало возвращаться к обычной жизни. Надеюсь, что эти несколько месяцев, богатые на различные потрясения и протекавшие с лета по Рождество 1950 года на берегу озера Сен-Жан, смогут оправдать ваши ожидания, мои дорогие и верные читатели.

И последнее: я, к сожалению, не могу ответить на все письма, которые получаю по обычной и электронной почте, ввиду недостатка времени, однако я благодарю вас за ваши комплименты – порой очень трогательные, – за одобрительные слова и за интерес, который вы проявляете к моим произведениям.

*Искренне ваша,
Мари-Бернадетт Дююю*

Глава 1

Возвращение Соловья

Театр «Капитолий», Квебек, суббота, 8 июля 1950 года

Приглушенные звуки музыки докатились, как волны, до Эрмин. Она без труда представила себе музыкантов оркестра, занятых настройкой своих инструментов уже перед самым выступлением. Большой театр, казалось, дышал, подрагивал, трепетал вокруг нее, как будто живой.

– Боже мой, мне ужасно страшно! – еле слышно пробормотала она.

Ее большие голубые глаза приобрели безумное выражение, и это сразу стало заметно на ее отражении в зеркале гримерной, залитой золотистым светом. Светлые и слегка вьющиеся волосы обрамляли красивое и нежное лицо – лицо мадонны.

– Не надо переживать, все пройдет хорошо, – услышала она возле самого уха ободряющий шепот.

– Я на это надеюсь, Лиззи.

Та, которую она назвала «Лиззи», громко засмеялась. После окончания войны Лиззи, несмотря на свои шестьдесят лет, снова стала работать в театре «Капитолий». Она была заведующей постановочной частью и вникала абсолютно во все вопросы, следила за тем, чтобы театральные костюмы были удобными для артистов, и даже, когда возникала такая необходимость, вмешивалась в составление репертуара.

– Ты великолепна, Эрмин, ты пребываешь в апогее своей соблазнительности, да и голос твой не изменился. Я бы даже сказала, что его диапазон расширился. Я была ошеломлена, когда услышала, как ты пела во время репетиции. В общем, будь смелее. Зал переполнен, и минут через пять уже откроют занавес. Лично я очень довольна тем, что присутствую при возвращении Снежного соловья.

– При возвращении сюда, в Квебек, Лиззи. Я много раз выходила на сцену во время своих гастролей во Франции, но, как ни странно, я испытываю гораздо большее волнение, когда выступаю перед соотечественниками.

– Они устроят тебе триумфальный прием, когда ты наконец-таки решишься покинуть этот стул и выйдешь на сцену! Твой сольный концерт – моя идея. Надеюсь, ты меня не разочаруешь!

Они обменялись заговорщическими улыбками. Эрмин посмотрела на

медные часики, стоявшие среди ее баночек с румянами.

– У нас есть пять минут. Можно еще немножко поболтать, – умоляющим тоном предложила она. – Пойми меня, Лиззи, сегодня вечером я буду исполнять арии, которые записаны на моей последней пластинке. В Париже и в Лионе я выступала в операх, вместе с другими певцами. Это не одно и то же. При этом ведь чувствуешь поддержку других исполнителей, а не оказываешься в одиночку лицом к лицу с публикой.

– Вообще-то, когда ты будешь исполнять арию Турандот^[1], вместе с тобой будет выступать хор. Почему у тебя сейчас такие грустные глаза, Мимин?

Услышав, как к ней обратились, певица улыбнулась. Это свое прозвище – Мимин – она не слышала уже довольно давно. Слова, только что произнесенные Лиззи, вызвали у них обеих много воспоминаний, самым ярким из которых было воспоминание о дебюте Эрмин – Соловья из поселка Валь-Жальбер – в квебекском «Капитолии» пятнадцатью годами ранее.

– Я не видела своих старших дочерей – Лоранс и Мари-Нутту – уже полтора месяца, а это долго. К счастью, нам удалось взять с собой наших двух малышей благодаря тому, что с нами поехала Мадлен. А как давно уже я не общалась с Мукки! Если бы ты его увидела, моего старшенького!.. Он копия своего отца. Высокий, с медовой кожей, с черными волосами. Этот красивый мальчик проработает всё лето. Скоро мы наконец-то встретимся, и мне очень хотелось бы, чтобы и Тошан был здесь! Этот деятель не придумал ничего лучше, кроме как остаться на месяц во Франции. Ему захотелось обязательно съездить в Дордонь – туда, где ту женщину-еврейку и ее сына убили гестаповцы... Не смейся, Лиззи, но полеты на самолете приводят меня в ужас. Мне и так уже пришлось отправиться обратно без него. Это мне не понравилось. А он полетит обратно еще неизвестно на каком самолете. Ты, возможно, сочтешь меня сумасшедшей, но я – увы! – все никак не могу заставить себя не думать о гибели Марсея Сердана в прошлом октябре^[2]. Он хотел поскорее встретиться с Эдит Пиаф. Она так и не увидела его и уже никогда не увидит. Если бы я вдруг потеряла Тошана, то я... я...

Лиззи с удрученным видом покачала головой. Затем она расположилась позади Эрмин, чтобы помассировать ей плечи кончиками пальцев. Для этого ей пришлось снять с певицы тонкую, как паутина, шаль ярко-синего цвета с искусственными бриллиантами, покрывавшую ее молочно-белую кожу там, где было глубокое декольте.

– Между прочим, ничего никогда не повторяется! Твой повелитель лесов, как его называли в прессе, вернется быстро и очень крепко обнимет тебя своими мускулистыми мужскими руками. А теперь пора идти. Кстати, тебя ожидают и почетные гости. Взгляни на большую лужу балкона справа от тебя. Спой хотя бы для них, если квебекцы вызывают у тебя страх.

– Договорились, Лиззи! – прыснула со смеху Эрмин. – Тебе в любом случае нечего бояться. Я всегда выполняла то, о чем договаривалась.

Она проворно поднялась на ноги. Ее длинное платье из муслина цвета слоновой кости при этом едва слышно зашелестело. Как только обе женщины прошли через дверь ложи, им стало лучше слышно музыку и весьма знаковые звуки, доносящиеся из зала, переполненного нетерпеливой публикой.

– Удачи! – прошептала постановщица.

Эрмин, у которой от волнения перехватило дух, лишь кивнула в ответ. Затем она прошмыгнула за огромный красный занавес и пошла на свое место посреди сцены. Сердце в ее груди колотилось очень сильно. Тем не менее она заставила себя сделать несколько глубоких вдохов, изо всех сил стараясь думать о «почетных гостях», о которых только что упомянула Лиззи. Речь шла о Мадлен – ее верной подруге, ставшей няней для ее драгоценных детей.

«Хоть раз она сможет присутствовать при моем выступлении, – подумала Эрмин. – Мадлен вырастила моих близняшек и маленького Констанана, а теперь она заботится о Катери – моей обожаемой Катери».

Мысли о младшенькой придали ей сил и уверенности в себе. Ее доченька родилась в январе 1948 года на их землях на берегу реки Перибонки, в большом деревянном доме, в который они переезжали жить на зиму.

– Божественный подарок! – воскликнул тогда Тошан, с восхищением разглядывая младенца с матовой кожей и черноватым пушком на головке.

Бабушка Одина руководила родами с удивительной расторопностью. Эта старая индианка монтанье, обладающая талантами знахарки, с удовольствием участвовала в процессе появления на свет своей правнучки, которая, если верить предсказаниям, должна была унаследовать мудрость ее собственной дочери – покойной Талы, матери Тошана и Кионы.

«Мы назвали ее Катери – так звучит на языке ирокезов имя “Катрин” – в память о блаженной Катери Текаквите, лилии племени мохоков, которой Мадлен так часто молится!»^[3]

Прекрасное лицо молодой индианки, умершей три столетия назад, предстало перед мысленным взором Эрмин таким, каким она видела его в

святылище Канаваке возле Монреаля. «Позднее, когда Катери подрастет и станет все понимать, мы расскажем ей историю жизни этой святой и удивительной личности».

Достигнув уже возраста двух с половиной лет, малышка была радостью для всей семьи, а ее шестилетний брат Констан относился к ней с огромной нежностью. Этот робкий светловолосый мальчуган с голубыми глазами заметно оживлялся, когда ему предоставлялась возможность повозиться с сестренкой.

«Мои дорогие детки!» – подумала Эрмин, пока оркестр все еще настраивал свои инструменты. Секундой позже раздался голос какого-то мужчины. Это был директор театра, стоявший перед сложной системой занавесов. Лиззи, расположившись за кулисами, прошептала певице:

– Приготовься, его речь будет короткой!

– Знаю, знаю, – ответила уже успевшая успокоиться Эрмин, даже и не подозревая, что рядом с постановщицей находится высокий мужчина атлетического телосложения.

Его борода уже седела, а одет он был в костюм-тройку. Судя по выражению его лица, он ликовал.

– Она и в самом деле еще ни о чем не подозревает? – тихонько спросил он, наклонившись к уху Лиззи, которую, похоже, забавляла подобная заговорщическая обстановка.

– Абсолютно ни о чем, месье Шарден, уверяю вас.

– Называйте меня по имени – Жослин! Давайте будем вести себя друг с другом раскованнее. Моя жена и мои дети ждут, когда я за ними приду. Нас всех нужно будет проводить в ложу, в которой находится Мадлен.

– Туда мы и пойдем!

Они разошлись в разные стороны. Эрмин же в это время слушала выступление директора:

– Сегодня, в этот замечательный летний вечер, я с удовольствием приветствую здесь прекрасную птичку, вернувшуюся в родные края, – нашего Снежного соловья, певицу Эрмин Дельбо.

Раздавшиеся аплодисменты заставили его ненадолго замолчать, а затем он снова заговорил восторженным тоном:

– Мы не забыли об ужасах войны, которые омрачили жизнь людей по всему миру. Многие из нас утратили кого-то из близких им людей. Не миновала подобная участь и мадам Эрмин Дельбо. Тем не менее после долгого уединения в глубине леса в окружении близких людей и после рождения прелестной маленькой дочки наша дорогая знаменитость возобновила свою успешную деятельность: она выпустила новую

пластинку и съездила на гастроли в Европу. Добавлю также, что половина прибыли, полученной от этого концерта, будет передана Красному Кресту и потрачена им на сирот войны. Так пожелал Соловей из поселка Валь-Жальбер.

Буря приветственных возгласов и аплодисментов заглушила его последние слова. Занавес бесшумно раздвинулся, и сцену залил свет прожекторов. Они осветили лишь ее центр, в результате чего взору присутствующих предстал сияющий силуэт, находящийся в этом центре. Остальная часть сцены скрывалась в полутьме. Эрмин повернула лицо к публике, которую она сейчас совсем не видела, потому что ее ослепил яркий свет прожекторов. Скрипки играли музыку арии «Я жила для искусства, я жила для любви» из знаменитой оперы «Тоска» не менее знаменитого Пуччини.

Маленький мальчик, находившийся в одной из лож, затопал ногами от восторга. Затем он положил свою ручку на руку индианки монтанье лет тридцати. Индианка повернулась к нему и прижала указательный палец к губам.

- Не балуйся, Констан!
- Мама красивая, очень красивая...
- Ну конечно. Тихо, она поет.

Мадлен, как и вся остальная публика, вела себя очень беспокойно. На ее лице – обычно бесстрашном – появилось выражение восхищенного удивления. Золотой голос Снежного соловья звучал все громче. Он был сильным, чистым, нежным, звонким, звучным, тягучим, и было просто невозможно не задрожать от волнения, сильного и неудержимого. Такое волнение испокон веков охватывает людей, когда они сталкиваются с чем-то идеальным.

Искусством я жила, любовью,
Зла никому не причиняла!
Я помогала всем несчастным,
Которых в жизни я встречала.
Я, веря в Бога всей душою,
Его в молитвах прославляла.
И на алтарь, к святыням в храме,
Цветы с поклоном возлагала...^[4]

Мадлен, услышав за спиной какое-то шуршание, обернулась. К своему

превеликому удивлению, она увидела, как в ложу заходят Лора и Жослин Шарден, а вслед за ними – Лоранс и Мари-Нутта, дочери-близняшки Эрмин. Они все четверо, выразительно показав своей мимикой, что извиняются за то, что опоздали, тихонечко заняли свободные места в ложе. Констан, обрадовавшись тому, что снова видит своих бабушку и дедушку и сестер, издал восторженный возглас.

– Тихо! – поспешно прошептала ему Мадлен, глядя на новоприбывших с одновременно радостным и растерянным видом.

Лора Шарден, как обычно, блистала. Ее светлые – почти белые – волосы были завиты колечками, одета она была в платье из серого шелка, шею ее украшало превосходное ожерелье из мелкого жемчуга, а в ушах сидели хорошо сочетающиеся с этим ожерельем сережки. Взгляд лазурных глаз, поблескивающих от охватившего ее чувства гордости, был прикован к фигуре ее удивительной дочери – Снежного соловья. Поцеловав Констан, она быстро уселась на то из кресел, с которого сцену было видно лучше всего.

Ария из оперы «Тоска» заканчивалась. Сразу же за ее последними нотами последовали бурные аплодисменты. Эрмин посмотрела на дирижера. Этот ее сольный концерт, программа которого была составлена самой певицей при активном участии Лиззи, включал в себя отрывки как из классических, так и из наиболее известных современных американских и французских произведений. Полились колдовские звуки арии «Летняя пора» – одной из наиболее знаменитых арий оперы «Порги и Бесс». После того как автор этой оперы, Джордж Гершвин, умер в 1937 году, это произведение часто передавали по радио.

«Тошан обожает эту арию, и я посвящаю ее ему – ему, моему возлюбленному», – подумала Эрмин.

Поддаваясь начавшей охватывать ее меланхолической томности, Эрмин добавила в свою манеру исполнения трогательные нотки, в которых чувствовалась безграничная нежность. Ее голос, способный резко взлететь к вершинам своего диапазона, стал более ласковым и теплым. Он удивительно гармонично сочетался с сопровождающей его неторопливой музыкой. Последние звуки арии утонули в бурных аплодисментах. Слегка наклонив голову в знак своей признательности публике, Эрмин заметила в ложе справа от себя восхищенное лицо матери, не менее восхищенное лицо Мадлен и – уже более расплывчато – мордашки своих дочек. Ее сердце сжалось от ощущения безграничного счастья.

«О-о, там, похоже, и Лоранс с Нуттой, и мама, и папа! О господи, они приехали! И я их очень скоро обниму!» – с радостью и удивлением

подумала Эрмин.

Этот сюрприз придал ей новых сил, и она ощутила своего рода артистический пыл. Она прошла по сцене легкой походкой, заставляя развеиваться свое широкое блестящее платье. Ее плоть, казалось, была сделана из перламутра, а шевелюра – из чистого золота. Она слегка расправила изящным движением свои плечи, и из ее уст зазвучала ария из оперы «Мадам Баттерфляй» – произведения, довольно трудного для любой певицы, которое Эрмин тем не менее выучила еще в годы своей юности.

На море в штиль когда-нибудь увидим,
Как клубы дыма устремились к небу...

Лора, содрогаясь, закрыла глаза, чтобы полнее насладиться сильным и чистым голосом Эрмин. Жослин, сидя позади Лоры, аккуратно положил свою ладонь на ее руку, затянутую в бархатную перчатку. Он тоже сейчас пришел в восторг, хотя раньше ему часто доводилось слышать, как поет его дочь. «Она наконец вернулась! – подумал он. – Мне совсем не нравилась эта ее затея с поездкой в Европу, да еще и с двумя маленькими детьми. Не говоря уже о том, что целых два года наша Мимин провела в уединении там, на берегу Перибонки. Она почти не показывалась на люди. Но теперь она вернулась, наша дорогая, и мы этим воспользуемся, потому что она обещала нам пожить в Робервале».

Жослин Шарден смахнул слезу. В своем возрасте шестидесяти семи лет он становился все более и более сентиментальным, и семья теперь находилась в центре его интересов.

Концерт продолжался. В зале чувствовалось волнение: публика то одобрительно шепталась, то дружно приходила в восторг и начинала аплодировать. Эрмин исполняла «Где-то над радугой» – произведение, все еще пользующееся успехом по всему миру. Лоранс и Мари-Нутта обменялись умиленными взглядами: эту песню им пели в качестве колыбельной, когда они были совсем еще маленькими детьми.

Затем были исполнены «Аве Мария» Гуно и «Ария колокольчиков» из оперы «Лакме» Лео Делиба. Лиззи, стоя за кулисами, наблюдала за весьма успешным выступлением певицы сопрано. «Она просто фантастическая! Фантастическая!!! – мысленно твердила себе она. – Секрет успеха Эрмин заключается в ее золотом голосе – голосе необыкновенном – и в ее таланте интерпретации, щедрости ее актерской игры... А еще ей везет: она не пополнила ни на грамм, а кожа ее так и осталась нежно-розовой!»

Эта более чем похвальная констатация напомнила ей об инциденте с Родольфом Метцнером, про который писали сенсационные статьи в газетах три года назад. Богатый швейцарский меломан выкрал Эрмин, поскольку она вызывала у него неудержимую страсть. «После этого случая она стала бояться выходить на сцену. Она тогда переключилась на запись своих выступлений и записала сразу две грампластинки. Но это все уже позабыто. Она снова трудится на сцене и по-прежнему великолепна!»

В завершение своего выступления Снежный соловей исполнил, вкладывая в это всю свою душу, песню «К чистому роднику». Кто-то в партере стал ей подпевать, остальные подхватили, и Эрмин, растроганная действиями этих людей, не удержавшихся от соблазна спеть вместе с ней, еще раз повторила припев.

– Концерт заканчивается апофеозом! О господи, как я ею горжусь! – прошептала Лора индианке Мадлен, ласковые темные глаза которой поблескивали от нахлынувших на нее эмоций. – А кто занимается сейчас маленькой Катрин?

– Катери в надежных руках, мадам! – ответила индианка. – Мы доверили ее Бадетте, вашей подруге-француженке. Мы, представьте себе, встретили ее позавчера в порту. Эта дама работает здесь, в Квебеке.

– Бадетта? Прекрасно! – закивала Лора. – Я была бы искренне рада снова с ней встретиться. Сегодня вечером – шампанское! Ах, смотрите, люди встают, чтобы устроить нашей Мимин настоящую овацию.

Сидящие в зале и в самом деле один за другим поднялись на ноги и теперь оглушительно аплодировали стоя – по всей видимости, в надежде на то, что певица споет для них что-нибудь еще. Эрмин, чувствуя большое волнение, несколько раз поклонилась. В выражении ее лица чувствовалось облегчение и невыразимая радость. Пройдя по сцене, она остановилась и протянула руки к залу, погруженному в полумрак.

– В качестве прощания мне хотелось бы отдать должное выдающейся певице – женщине, которой я восхищаюсь уже много лет. Мне довелось услышать, как она поет, в Париже, и я никогда не забуду этого эпизода своей жизни. Думаю, мадам Эдит Пиаф не станет сердиться на меня, если я сегодня вечером исполню одну из ее недавних, очень успешных песен – «Гимн любви».

Может небо свалиться, любимый, на нас,
И разверзнуться может под нами земля,
Но я, чувствуя ласковый взгляд твоих глаз,
Ничего не боюсь, ведь ты любишь меня.

Коль в объятьях твоих я от страсти томлюсь
И у нас без любви не проходит и дня,
Я, любимый, проблем никаких не боюсь,
Потому что, мой милый, ты любишь меня...

Эрмин всецело сосредоточилась на исполнении этой песни. Перед ее мысленным взором при этом появился образ мужа – такой, каким она видела его во время их расставания в аэропорту Ле Бурже. Теплый ветерок тогда приподнимал прядь черных волос Тошана, в выражении лица которого чувствовалась тревога из-за того, что он расстается с ней, Эрмин. В нем чувствовалась также и безграничная любовь, которая с течением времени лишь крепла. Эрмин прочла в его бархатных глазах обещание восторженной встречи, нежных поцелуев, новых бурных ночей.

– Разлука продлится недолго, женушка моя, всего лишь месяц – четыре недели! – прошептал он, прикоснувшись губами к впадинке на ее шее.

Эрмин уже очень сильно тосковала по Тошану, и каждое слово, которое она произносила, бередило ее душевную рану, вызванную разлукой с любимым человеком.

Лоранс, с пролуприкрытыми глазами сидя в ложе, покусывала губы. Она повторила за певицей фразу «Коль в объятьях твоих я от страсти томлюсь», и по спине у нее побежали мурашки. «Как, наверное, приятно любить и чувствовать себя в объятиях мужчины! – подумала она. – И не какого-нибудь мужчины, а своего избранника». Избранником Лоранс Дельбо был некий Овид Лафлер, учитель, который был старше ее на двадцать три года. Мари-Нутта знала об этом, но, будучи девочкой рассудительной, не одобряла увлечение сестры.

– Лоранс, с твоей стороны очень глупо влюбляться в мужчину, который мог бы быть твоим отцом! – увещевала она сестричку. – Тебе уже шестнадцать с половиной лет, и ты вполне можешь претендовать на красивого молодого юношу. Кроме того, Киона тебя предупредила: Овид Лафлер увлечен нашей мамой, причем еще с начала войны.

Однако ничто не могло повлиять на красивую девушку-подростка с голубыми глазами, шелковистыми светло-каштановыми – почти русыми – волосами, белой кожей и слегка вздернутым носиком.

Закончив исполнение «Гимна любви», Эрмин вскоре оказалась по ту сторону занавеса, который задернули рабочие сцены. Она чувствовала себя ужасно уставшей, но при этом ее охватило ликование. Лиззи потянула ее за

руку.

– Bravo! Да-да, bravo! Ты завоевала их, своих квебекцев, и они требуют, чтобы ты снова вышла на сцену. Слышишь? Они все еще аплодируют. Ну да ладно, они в конце концов устанут хлопать и разойдутся, но я готова с тобой поспорить, что мы продадим в большом салоне превеликое множество пластинок. Ты должна будешь поставить на них свои автографы.

– Лиззи, заговорщица, тебе что, больше нечего мне сказать? Я заметила в ложе Мадлен мою мать, а также отца и дочерей.

– Это сюрприз для тебя! – рассмеялась постановщица. – Думаю, твои близкие родственники вот-вот нагрянут сюда. Ты с ними быстренько расцелуешься, а затем еще разок выйдешь к публике.

Певица мысленно констатировала, что все прекрасно организовано и функционирует, как хорошо смазанный механизм. Лиззи куда-то испарилась, а Эрмин направилась в свою гримерную, чтобы напудриться и выпить воды. Однако не успела она дойти до гримерной, как ее окружили и в самом деле нагрянувшие к ней родственники.

– Мама! – закричал Констан, вцепившись в ее платье. – Я не баловался и не шумел, но сосал свой палец...

– Дорогой мой, на этот раз у тебя было право это делать.

Затем певица угодила в объятия к своей матери. Лора бережно поцеловала ее в обе щеки и стала разглядывать.

– Ну что, дорогая моя? Ты довольна? Признайся, ты никак не ожидала нас увидеть.

– Мама, папа, как я рада! – воскликнула Эрмин, бросаясь на шею отцу.

– А мы? – шутливо возмутилась Мари-Нутта.

Она выглядела очень элегантной в узком прямом платье из зеленой тафты и с высокой прической, которая подчеркивала ее четкий, словно отчеканенный на медали профиль. Ее носик был более строптивым, чем у ее сестры, а цвет кожи – не таким белоснежным.

– Мои обожаемые доченьки, а ну-ка быстренько подойдите и поцелуйте меня! – воскликнула Эрмин, раскрывая свои объятия. – Вы великолепны. Ну прямо иллюстрации из журнала мод.

Лоранс стояла молча, слегка зардевшись. Она вела себя гораздо более сдержанно, чем ее сестра, даже когда находилась в семейном кругу. Одета она была в темно-синий дамский костюм – пиджак и юбку. Из-под пиджака виднелась бежевая шелковая блузка. Лицом и фигурой Лоранс была похожа на сестру, а вот манера поведения и привычки у нее были совсем другими.

– Мне кажется, у тебя самый красивый голос в мире! – тихонько

сказала Мадлен, обращаясь к Эрмин. – Мне было очень интересно находиться здесь, в этом красивом месте, слушать твой голос и видеть тебя в свете прожекторов. Ты была похожа на ангела.

– Спасибо, Мадлен, спасибо! – ответила певица, обнимаясь со своей давней подругой.

По мере того как время текло год за годом, эта милая индианка, приходящаяся Тошану двоюродной сестрой, стала для Эрмин незаменимой подругой и в радостях, и в горестях.

– Мы немедленно отправимся ужинать, – вмешалась в разговор Лора. – Думаю, в твоём отеле, дорогая, еду подают до довольно позднего времени, да? А ещё нужно будет пригласить Бадетту. Она ведь твоя хорошая знакомая.

– Да, конечно, мама. А где Киона? Я думала, что она рядом с вами, сидит в глубине ложи.

Жослин со смущенным видом почесал шею. Лоранс и Мари-Нутта подняли глаза к потолку – так, как будто не хотели, чтобы этот вопрос задали и им.

– Что-то случилось? Да скажите мне наконец! Мне нужно идти в большой салон, чтобы ставить автографы на пластинках. Если верить Лиззи, покупателей будет много.

– Твоя очаровательная сестренка отказалась покинуть Роберваль и приехать сюда, – проворчала Лора. – Она решила, что не может оставлять Мирей одну. Если тебя интересует мое мнение, то могу сказать, что это надуманный повод. Кроме того, я договорилась с домработницей, которая приходит по утрам наводить у нас в доме порядок, чтобы она присмотрела за нашей приболевшей служанкой. Ситуация складывается немного нелепая: мы теперь находимся в услужении у нашей служанки. Пойдем...

– Мама, я не могу упрекать Киону за то, что она заботится о Мирей! – сухо возразила Эрмин.

– Именно эти слова я твердил твоей матери всю нашу поездку, – сказал Жослин, – но она продолжала сердиться... Здесь жарко. Я пойду покурю сигару.

– Пойдем, папа, я покажу тебе, где находится служебный вход, через который заходят и выходят артисты, – пошутила Эрмин. – Ты мог бы подышать воздухом, немного прогуляться и вернуться через главный вход.

В течение следующего часа, хотя Эрмин и пришлось почти непрерывно общаться с публикой, она не могла заставить себя не думать о Кионе. Ее чудаковатая сестренка не любила город и предпочитала спокойную жизнь на лоне природы. Тем не менее ее отказ приехать

показался Эрмин очень странным и даже вызвал у нее тревогу. Ставя свою подпись на упаковке пластинок, певица то и дело концентрировала все свое внимание на Кионе, пытаясь мысленно поговорить с ней. В свои шестнадцать лет и пять месяцев Киона отличалась удивительной – и весьма необычной – красотой. Будучи умной и рассудительной не по годам, она немножко посмеивалась над своей внешностью и упорно заплетала в косы свои длинные светлые волосы, имевшие рыжеватый оттенок, носила полотняные штаны и юношеские рубашки. Ее кожа цвета дикого меда служила прекрасным фоном для ее миндалевидных янтарных глаз. Взгляд этих глаз удивительно напоминал взгляд волка.

«Киона, если бы ты только знала, как мне не хватало тебя во Франции! Я не получила от тебя ни одного знака, ни одного видения и ни разу не видела тебя во сне», – мысленно посетовала певица.

В этот момент к инкрустированному мозаикой столу, на котором лежали пластинки, подошла семейная пара.

– Мадам Дельбо, вы будете находиться в Квебеке все лето? – спросил мужчина. – Мы не видели ни одной афиши, в которой фигурировало бы ваше имя.

– Мы присутствовали при вашем дебютном выступлении, когда исполнялся «Фауст», – добавила его жена. – Жаль, что ваше имя не очень-то часто появляется на афишах. Возьмите пример с Марии Каллас. Она становится все более и более известной. Мы слушали ее в Милане в прошлом году. У нее особенный голос – так же, как и у вас, – но тембр совсем другой.

– Я очень много слышала о ней в Европе, – ответила Эрмин, широко улыбнувшись. – Я уверена, что она завоеует международную славу. Что касается меня, то для меня важнее моя семья.

Словно бы в подтверждение этих слов, Констан, воспользовавшись тем, что Мадлен на секунду отвлеклась, бросился к своей матери и прижался к ней. Появление этого красивого ребенка с голубыми глазами вызвало у семейной пары восторг.

– Ого, да ведь он ваша копия, мадам Дельбо! – воскликнула женщина. – Может быть, он станет в будущем тенором.

– Может быть... – кивнула Эрмин, целуя своего сына в лобик.

Чуть поодаль с нетерпеливым видом стояла Лора со стаканом содовой в руке. Она была весьма довольна тем, что находится среди такого большого количества элегантно одетых людей, но ей уже хотелось поскорее отсюда уйти и пообщаться с Эрмин в узком семейном кругу. Жослин подошел к ней, расположившейся возле большой стойки из красного

дерева, за которой бармен готовил кому-то коктейль.

– Лора, я чувствую себя здесь неуютно, – проворчал он.

– Потерпи, – ответила Лора очень тихим голосом. – И не забывай следить за своей речью, а то ты вечно что-нибудь да ляпнешь. Прошу тебя, не опозорь нашу дочь. Ты выглядишь прекрасно в этом костюме, у тебя добродушное выражение лица... А потому, чтобы не испортить хорошее впечатление, производимое твоей внешностью, старайся ничего не говорить!

Жослин приподнял свои седоватые густые брови. Несмотря на радость, которую вызывала у него встреча с дочерью, он уже тосковал по спокойствию их нового дома в Робервале – дома, находящегося прямо на берегу озера Сен-Жан.

– Но мы с тобой договорились, Лора: сядем на поезд во вторник, – сказал он спокойным голосом. – Ты ведь не станешь бесконечно долго бегать по магазинам с нашими девочками, а?

– Мне вполне хватит понедельника на то, чтобы сделать кое-какие покупки, неотесанный ты чурбан, – прошептала она ему на ухо. – Мне хочется потратить свои денежки, и ты мне это сделать не помешаешь.

Ее муж мимикой изобразил безысходность. Ему в жизни никогда не доводилось купаться в деньгах, а вот у его жены судьба была иной. После юных лет, проведенных в нужде, она в силу стечения обстоятельств стала богатой наследницей: получив известие о смерти Жослина (впоследствии оказавшееся ложным), Лора вышла замуж за пожилого промышленника из Монреала и после его смерти оказалась владелицей впечатляющего состояния, которое сумела приумножить.

Однако война положила конец ее завидной роскошной жизни, а пожар, случившийся четыре года назад, ее почти разорил. Тем не менее эта неутомная фламандка стала тайно играть на бирже, благодаря чему снова сумела сколотить неплохой капитал.

* * *

Эрмин наконец-то смогла вздохнуть спокойно в опустевшем театре. Публика разошлась. Директор «Капитолия», радуясь успеху вечернего концерта, предложил выпить шампанского. А еще он затеял разговор относительно заключения контракта на зимний сезон.

– Я не могу согласиться, уважаемый месье директор, – заупрямилась Эрмин. – У меня нет ни малейшего желания находиться в Квебеке с

октября по март. У меня уже сейчас, в августе, запланированы выступления в Нью-Йорке и Бостоне.

Лиззи тоже стала уговаривать Эрмин, но та не сдавалась.

– Я над этим подумаю, – вот и все, что она пообещала. – Я не принимаю никаких решений, не обсудив их сначала со своим мужем.

Нежность, с которой она произнесла три последних слова, заставила постановщицу, директора и его заместителя слегка приуныть. В кругу тех, кто интересовался оперой, ни для кого не было секретом, что Снежный соловей отдает предпочтение своему гнезду и своему выводку, а не пению.

– В общем, посмотрим, – сказала она извиняющимся тоном, чувствуя неловкость из-за того, что вызвала у своих собеседников разочарование. – Меня ведь и так очень хорошо принимали здесь с самого начала моей карьеры! Зачем мне мечтать о чем-то большем?

Жослин решил выступить в защиту своей дочери.

– Хотя Эрмин сама в этом и не признается, она с трудом пришла в себя после того, как ее похитили. Прошло уже, конечно, целых три года, но ей все еще снятся кошмары. Этот псих мог бы очень долго держать ее взаперти или же вообще убить. А тут еще родилась Катери. Женщина – певица она или не певица – должна заниматься своим маленьким ребенком и вообще своей семьей.

Эта коротенькая речь положила конец дискуссии. Час спустя два такси привезли певицу и ее родственников к роскошному отелю «Шато-Фронтенак», величественная архитектура которого подчеркивалась светом фонарей, установленных на огромной террасе Дюфферен, нависающей над темными водами реки Святого Лаврентия.

Роберваль, дом семьи Шарденов, тот же вечер

Была уже почти полночь. Киона склонилась над кроватью, в которой только что уютненько устроилась Мирей. От лампы у изголовья падал желтый свет на графин с водой, молитвенник и фарфоровую миску, в которой лежали маленькие бисквиты.

– У тебя есть все, что тебе нужно? – спросила девушка ласково.

– Да, милашка, меня тут даже балуют! Такая вот у меня везуха. А вот некоторым другим женщинам моего возраста порой приходится прозябать в убожестве.

– В том, что к тебе тут относятся очень хорошо, нет ничего удивительного, Мирей. Луи, близняшки и я – все мы считаем тебя своей бабушкой. Ты работала всю свою жизнь и теперь имеешь право на отдых.

Старая служанка схватила Киону за запястье и сжала его со

встревоженным видом.

– То, что ты мне сейчас говоришь, малышка, – враки! Ты что-то видела. Я скоро умру, да? Если не умру, то почему же тогда ты обращаешься со мной так заботливо?

– Ты еще не готова к тому, чтобы уйти, Мими, – заявила Киона, садясь на стул рядом с кроватью. – Сколько тебе уже лет?

– Мне волею Божьей уже семьдесят пять, малышка. Если бы только у меня не болели ноги, я бегала бы, как в прежние времена. Так ты говоришь, что я еще поживу?

– Да, именно это я и говорю, Мирей. А теперь я оставлю тебя одну. Мне нужно помыть посуду и вообще немного везде прибраться. Нужно, чтобы к приезду Мин все в доме было безупречным.

– Мне нравится, как ты это сказала. Мин! Ты говоришь о своей сестре таким красивым детским голосом. Это вызывает у меня приятные воспоминания о тех временах, когда ты была маленькой. Я частенько слышала эти «Мимин» и «Мин». А что еще я обожаю – так это нашего Соловья. Прямо аж не терпится ее поцеловать.

– Она появится здесь, по всей видимости, в среду, если Лора не задержит ее приезд.

– Ты ее видела? Я имею в виду, узнала ли ты, что они выедут оттуда позднее, чем планировалось?

Киона пожала плечами и тихонько рассмеялась. Для нее ничего не изменилось. Ее при малейшем поводе расспрашивали о будущем – и близком, и отдаленном, – и когда она заводила речь о каком-то самом обычном событии, которое вроде бы должно было произойти, все сразу думали, что это она сама дергает за ниточки судьбы.

– Моя дорогая Мими, я уже даже и не пытаюсь быть обыкновенным человеком, но тем не менее у меня нет никаких предчувствий и видений про длительность их поездки. Ты знаешь Лору не хуже меня! Ей ужасно хотелось съездить в Квебек, походить по магазинам, потранжирить денежки. Возможно, она заставит всех побыть в городе подольше.

Мирей покачала головой, глядя на Киону мечтательным взглядом, в котором чувствовалось восхищение.

– Моя бедная малышка. Это, должно быть, как-то странно, когда ты видишь то, чего обычные люди не видят. Лично я поначалу в это не верила. Ты была еще ростом в три яблока, а твой дух уже мог улететь далеко-далеко, чтобы встретиться с Мимин или с твоими индейскими двоюродными братьями и сестрами. Ты оставалась в том же месте, но они тебя тоже видели. Скажи, ты все еще совершаешь подобные путешествия?

– Ты сегодня вечером уж слишком любопытна! – запротестовала Киона, поднимаясь на ноги. – Мы поговорим об этом завтра утром за завтраком. Я уже привыкла ко всему этому и больше не испытываю страха. И меньше от этого страдаю. Спокойной ночи, Мими!

– Поцелуйчик в щеку, малышка!

– Как прикажете, мадам, – улыбнулась Киона. Нежно поцеловав Мирей, она добавила: – Хочу тебя предупредить, что отправляюсь на прогулку. Если понадобится, тебе нужно всего лишь очень громко позвать меня в своих мыслях, и я вернусь.

– Ну что же, посмотрим! Имей в виду, что я вполне способна специально проделать это только для того, чтобы выяснить, возможно такое или нет. Впрочем, я не стану тебе докучать, и ты сможешь погулять спокойно.

Киона посмотрела на нее с заговорщической улыбкой – одной из тех прелестных улыбок, благодаря которым этой девушке удавалось очаровывать людей с первого взгляда. Она спустилась по лестнице своими легкими шагами. Ноги ее были обуты в полотняные сандалии. Джинсовые шорты открывали загорелые ноги с изящными мускулами, а облегающая хлопчатобумажная кофточка подчеркивала очертания некрупной груди. Как только Киона зашла в кухню, находившаяся там собака – фокстерьер – бросилась ей навстречу, приветливо махая обрубок хвоста, покрытым белыми космами.

«Не шали, Фокси! Ты скучаешь по своему хозяину, я знаю, но это еще не повод для того, чтобы кусать меня за лодыжки».

Киона подняла собаку и поцеловала ее в нос. Этот фокстерьер принадлежал Луи, которому подарили его на день рождения год назад. Лора тогда, повозмущавшись, уступила мольбам своего сына.

«Хотеть обзавестись собакой в пятнадцать лет! О господи, какой же ты еще ребенок! Большой прыщеватый ребенок, – сказала она, как только на повестке дня встал этот вопрос. – Ты ведь учишься в школе-интернате! Ты ее почти не будешь видеть, эту собаку! Лишь иногда по воскресеньям да на каникулах...»

Однако Луи Шарден одержал верх в споре, поскольку его поддержали Жослин, сестры-близняшки и Киона. Лора почти всегда уступала капризам своего сына. Однако ее предсказания подтвердились целиком и полностью. Луи почти не виделся с Фокси. Впрочем, это не мешало собачонке относиться к своему хозяину с безграничным обожанием.

– Твой хозяин когда-нибудь вернется, – прошептала Киона, глядя фокстерьера. – Наверное, в конце августа.

Жослин и Лора решили отправить сына в летний лагерь, расположенный на берегу озера Труа-Сомон^[5] в сотне километров от Квебека. Это было скорее наказанием, чем поощрением: Луи, по словам его матери, в результате пребывания в школе-интернате набрался плохих манер. Киона прекрасно знала, о чем тут могла идти речь.

– Ну что, Фокси, пойдем прогуляемся, чтобы ты размял лапы. А затем я займусь уборкой.

Дом, который купила Лора, представлял собой небольшой особняк с пристройками, на крыше которого по всем углам главного здания высились островерхие башенки, а в многочисленных окнах, рамы которых были выкрашены в белый цвет, виднелись очаровательные кружевные занавески. Это великолепное деревянное сооружение прошлого века стояло близко к железнодорожному вокзалу Роберваля. Из его окон открывался прекрасный вид на огромное озеро Сен-Жан, до него было буквально рукой подать. Дом был окружен большим садом с идеально ухоженной лужайкой. В саду росли декоративные деревья и розовые кусты, а по периметру была установлена белая ограда. Киона скучала здесь по Валь-Жальберу – полузаброшенному поселку, весьма дорогому и сердцу Эрмин, – однако близость озера была ей по душе.

Она пошла быстрым шагом по берегу, омываемому небольшими спокойными волнами, пенистые гребни которых поблескивали при свете луны, словно серебро. Под ее ногами хрустела галька. Ветер приносил запахи лугов, скошенного сена. Вдалеке проплывало большое судно, мостик и иллюминаторы которого были освещены.

– Тихая и красивая ночь, – прошептала Киона, повернув свое лицо к небу, усеянному звездами.

Остановившись, она развела руки в стороны и немного помахала ими – так, как будто хотела взлететь. При этом она закрыла глаза, чтобы полнее насладиться свежим воздухом и звуками прибоя – то есть песней, которую пела движущаяся вода. Всей волей и всеми силами души она стала вызывать дух своей матери Талы, умершей восемь лет назад.

«Мама, помоги мне. Почему ты появляешься в моих снах так редко? Ты думаешь, что я всегда и сама знаю, по какой дороге идти и какие поступки совершать? Тала-волчица, благородная и гордая волчица, сжалась над своей дочерью. Мне так хотелось бы снова тебя увидеть, встретиться с тобой! Другие мертвые, к сожалению, приходят ко мне, а вот ты – нет».

Киона поспешно вытерла слезы, которые потекли по ее щекам. Ей хотелось быть сильной и мужественной. Тем не менее она резко опустилась на колени и затем легла на песок пляжа. Фокстерьер, обнюхав ее, стал

бегать туда-сюда по берегу и что-то выискивать.

– Мне нужно идти, – сказала Киона тихим голосом. – Делсен в опасности.

Вдруг задышав прерывисто, она вспомнила то зимнее утро на берегу Перибонки, в которое Делсен появился перед ее взором на опушке леса. Это произошло на следующий день после Рождества. С неба тогда медленно падали пушистые снежинки. «Я вышла покормить собак, я надела мамин плащ с капюшоном, отороченным мехом. Я была веселой и довольной тем, что провожу каникулы там, в Большом раю», – вспоминала Киона.

Этот красивый термин – Большой рай – обозначал дом возле реки Перибонки, представлявший собой бывшее жилище Талы, которое постоянно перестраивал и расширял Тошан. Теперь к дому можно было добраться гораздо легче, потому что до самой поляны, на которой он находился, была проложена хорошая дорога. Киона когда-то вынесла свое пребывание в школе-интернате в компании Лоранс и Мари-Нутты лишь благодаря обещанию, что ей позволят пожить у Эрмин в Большом раю во время каникул.

«И Делсен подал мне знак. Я сразу же его узнала. Он был еще красивее. Я побежала к нему, и мы спрятались за кустом».

Киона резко вскочила на ноги. Она прикоснулась к своим губам – как будто поцелуи, которыми одаривал ее Делсен в тот день, все еще ощущались на ее коже. Тогда, в отличие от их предыдущих встреч, Делсен вел себя по отношению к ней весьма уважительно. Он, похоже, был очень рад ее видеть: делал ей комплименты, старался быть нежным. Она позволила ему себя целовать, и по ее юному телу пробежала несколькими волнами приятная дрожь. После этой встречи Делсен стал для Кионы каким-то наваждением. Ничего не помогало, и это было даже смешно, потому что они за свою жизнь виделись всего-то раз десять, не больше. Чтобы как-то побороть охватывающее ее волнение, девушка решила мысленно перечислить все их встречи.

«Я помогла ему удрать из этой ужасной школы-интерната для детей индейцев вскоре после смерти мамы. Я видела его во дворе. Он не боялся монахов и даже вел себя с ними вызывающе. И они мстили ему в своей гнусной манере. Эти монахи оскорбляли Господа, они оскверняли имя Иисуса и священный символ – крест».

Киона, задрожав, перекрестилась. Она искренне верила в Христа-Спасителя, ибо если во всем мире в жизнь вечную верил лишь один-единственный человек, то этим человеком была эта странная девушка с

кожей цвета солнца и меда, которая разговаривала с усопшими, проходя через двери прошлого в двери будущего.

– А еще я частенько видела тот сон, – тихо сказала Киона взволнованным голосом. – Делсен и я, крепко обнимающие друг друга. Мы купались в реке – возможно, в реке Уиатшуан, – причем купались голые, радуясь свежести воды и любви, заставляющей нас дрожать. В декабре 1946 года мне было двенадцать лет. Он тогда остановился со своим дядей в верховье Перибонки. В рождественскую ночь он забрался в мою комнату. Он был грубым и жестоким, но теперь изменился. Этой зимой он был ласковым, вежливым и очень сильно влюбленным в меня – одну лишь меня! Время пришло, мы стали взрослыми, уже можем быть женихом и невестой. Мари-Нутта полагает, что он желает мне зла, но я ей не верю.

Кионе показалось, что она снова слышит предостережения своей бабушки Одины: «Делсен – дитя демонов, у Делсена черная душа. Держись от него подальше, глупышка, держись от него подальше!..»

К Кионе подбежал фокстерьер. Его шерсть была мокрой, и когда он стал отряхиваться возле Кионы, то обрызгал ее. При этом он взволнованно лаял.

– А ну-ка тихо! – воскликнула Киона. – Мне нужно подумать. Не шуми! Лежать!

Она отчаянно пыталась увидеть Делсена мысленным взором, надеясь, что у нее снова начнется одно из тех ужасных видений, которые были связаны с ним и скрытого смысла которых она все никак не могла понять. Уже несколько раз, думая об этом молодом человеке, она мысленно видела его лежащим на земле – раненым и агонизирующим.

«Что это означает? – спросила она сама себя, пряча лицо в ладонях. – Где он? Как его найти? Он сказал мне прошлой зимой, что будет работать летом в Абитиби на лесоповале. Но где именно в Абитиби? Он мог там с кем-нибудь подраться и при этом очень сильно пострадать. Именно это я и видела, но пока с ним все в порядке... Да-да, я знаю, что этого еще не произошло и что это произойдет в будущем. Делсену угрожает какая-то опасность».

Почувствовав себя измученной, она снова легла на песок пляжа, но на этот раз уже на живот. Собака легла рядом с ней. Когда Киона начала тихонько всхлипывать, фокстерьер попытался лизнуть ее лицо.

– Ты добрый, Фокси, – прошептала Киона, – но ты не можешь мне ничем помочь. Ни ты, ни кто-то другой. Ну да ладно, пошли обратно.

«Шато-Фронтенак», тот же вечер

Лора настояла на том, что нужно поужинать на террасе ресторана, чтобы насладиться летней ночью. Сидя между Лоранс и Мари-Нуттой лицом к родителям, расположившимся по обе стороны от их подруги Бадетты, Эрмин с удовольствием отведала вкусные блюда.

Что касается Мадлен, то после их возвращения в отель она удалилась в свою комнату, которую занимала вместе с двумя детьми. Констан при этом едва не засыпал на ходу, а Катери уже давно спала.

После того как были съедены креветки, свежий лосось и лимонное мороженое, пришло время выпить чаю.

– Вы рассчитываете окончательно обосноваться в Квебеке? – спросил Жослин у французской журналистки.

– Мне бы хотелось это сделать, но я не уверена, что поступлю именно так, – тихо ответила та. – Будущее покажет.

Эта красивая женщина в возрасте около пятидесяти лет совсем не изменилась. Она по-прежнему производила впечатление очень ранимого и чувствительного человека. Ее светло-каштановые волосы были собраны в пучок, а во взгляде золотисто-зеленых глаз чувствовалось что-то вроде меланхолии.

– А ваша двоюродная сестра из Шамбора, моя дорогая Бадетта? – поинтересовалась Лора. – Она не переехала?

– Нет, ей очень нравится и там.

– Вам нужно было бы ее навестить и заодно провести несколько дней в нашем новом доме в Робервале, – предложила Лора. – Это прелестное жилище. Мы также поедем в поселок Валь-Жальбер. Хотим побродить там. Маленький рай, который вообще-то принадлежит Шарлотте, служит нам пристанищем в теплое время года. Мы ездим туда на пикники.

– Я сделаю это с удовольствием, Лора, если не буду уж слишком уставшей. У меня много работы с редактированием новостей. Я ведь теперь редактор газеты «Солей».

– Вам, значит, повезло – вы работаете в газете! – улыбнулась Мари-Нутта. – Мне хотелось бы быть репортером, выдающимся репортером. Я покажу вам свою подборку фотографий, когда вы приедете в Роберваль.

Жослин с раздраженным видом поднял глаза к небу. Он считал подобные устремления своих внучек нелепыми и даже неуместными.

– Ну да, ну да, – пробурчал он. – Не говори глупостей, Мари-Нутта. Репортером... А больше никем? Лоранс надеется прокормить себя тем, что возится с карандашами и кисточками, а ты хочешь стать репортером. Эта профессия – не для женщин!

– А какая, дедушка, профессия может считаться, по-твоему, женской? –

огрызнулась Мари-Нутта. – А-а, погоди, я знаю: учительница младших классов или санитарка. Ничего другого. Или же еще домохозяйка!

– Не дерзи, Нутта! – возмутилась Эрмин.

– Но, мама, ты сама являешься примером женщины, у которой есть призвание и которая преуспела в жизни! – вмешалась в разговор Лоранс, которая обычно была очень сдержанной.

– Возможно. Однако я частенько жалела о том, что построила карьеру певицы. Пение доставило мне много радости, я это признаю, но какой ценой? Мне приходилось расставаться с вами на долгие месяцы, причем чаще всего именно с вами двумя. От этого я страдала. Каждый подписанный контракт означал новую разлуку.

– Ты предпочла бы сидеть дома, подчиняясь диктату Тошана? – усмехнулась Лора. – Ты сумела разумно совместить работу, творчество и семейную жизнь, моя дорогая.

– К тому же ты великая оперная певица, Эрмин, – певица, которой надлежит петь, надлежит дарить свой талант публике, – сухо заявил Жослин. – А вот рисовать и фотографировать – это уже нечто совсем иное.

Произнеся эти слова, он зевнул. Бадетта с улыбкой уставилась на него, а затем поочередно посмотрела на лица Лоры, Эрмин и ее дочерей-близняшек. Ее взору при этом предстали представительницы трех поколений, и она невольно восхитилась красотой этих особ прекрасного пола с чистым взглядом, изящными чертами лица и блестящими волосами. «Лишь одна Мари-Нутта, как говорят, типичного типа. А Лоранс – копия своей матери. Маленькая Катери, похоже, тоже будет восхитительной, но черноволосой и с матовой кожей».

– О чем вы думаете, Бадетта? – спросила Эрмин.

– Я мысленно говорю себе, что это настоящее счастье – быть знакомой со всеми вами и никогда не разрывать уз дружбы, которые протянулись между нами восемнадцать лет назад.

– Да, это правда, Мукки тогда едва исполнилось шесть месяцев, – добавила певица. – Это было в санатории Лак-Эдуар, после аварии на железной дороге. Ты, папа, был среди пострадавших. О господи, я вспоминаю, как ты выглядел тогда – худой, без бороды и усов, коротко стриженный. Я думала, что ты погиб. Мне даже и в голову не приходило, что тот человек – мой отец.

Жослин с взволнованным видом откашлялся.

– Давайте не будем вспоминать о тягостном прошлом, – сказал он. – Теперь мы все вместе, а война – далеко позади. В жизни так много жестокости! Поэтому мир нужно ценить. Лично я стремлюсь к

спокойствию, стремлюсь жить тихой жизнью рядом с Лорой и своими детьми.

Эрмин взяла руку своего отца и сжала ее, тем самым пытаюсь его подбодрить. В тот же самый миг, когда она смотрела на накатывающуюся на берег речную волну, перед ее мысленным взором предстала Киона. Она стояла, одетая в полотняные штаны и кофту, и ее рыжевато-золотистая шевелюра казалась сверкающим ореолом. Выражение ее лица было горестным – как будто случилось что-то ужасное. Киона появилась перед мысленным взором Эрмин лишь на несколько секунд, но видела ее Эрмин при этом очень четко – как будто наяву.

– О боже, нет! – встревоженно пробормотала она.

– Что с тобой, мама? – удивилась Лоранс.

– Что случилось, Эрмин, скажи? – воскликнул Жослин.

– Я забыла кое-кому позвонить, – соврала она. – Извините, я скоро вернусь.

– Кому ты хочешь звонить в такое время? – удивилась ее мать.

– Моей сестре Кионе.

Не давая больше никаких объяснений, Эрмин встала и поспешно вошла в просторный вестибюль отеля, где в распоряжении клиентов имелась телефонная кабина из полированного дерева и декорированного стекла. Певицу довольно быстро соединили по телефону с домом семьи Шарден, находящимся в Робервале.

Киона сразу же взяла трубку и неуверенно произнесла: «Это ты, Мин?»

– Да, это Эрмин. У меня нет таких экстраординарных возможностей общения с людьми, какие есть у тебя. Поэтому я использую телефон – замечательное изобретение.

– Да, очень полезное, – вздохнула Киона. – Мне очень жаль, Мин, я это сделала не нарочно.

– Сестричка, ты уже давно не проявляла себя подобным образом. Я испугалась. Тебя что-то тревожит? У тебя был обескураженный вид. А я вообще-то и так сильно разочарована из-за того, что ты не приехала в Квебек. Мне очень хотелось бы, чтобы ты сейчас была здесь.

– Я это сделала не нарочно, – повторила Киона. – Я думала о тебе, о твоём концерте, и...

– И?..

– И увидела тебя сидящей между Лоранс и Нуттой в белом летнем платье. Это видение длилось одну-две секунды, не дольше. Прости меня, Мин, я не хотела тебя беспокоить. Уверяю тебя, здесь у нас все в порядке.

Мирей спит, а я только что прогулялась с собачкой Луи по берегу озера.

Эрмин, растерявшись, не знала, что и сказать. Кое-какие события из прошлого позволяли ей усомниться в правдивости утверждений Кионы.

– Я тебе не верю. Твое явление никогда не происходит просто так, случайно. Ты несчастна, и я это чувствую. Если это из-за Делсена, то предупреждаю, что ты совершаешь ошибку и выбрала неправильный путь. Ты заслуживаешь кого-то получше, чем он. Бабушка Одина тебе не раз об этом говорила, да и Тошан тоже.

Киона стала кусать себе губы. Она очень сожалела о том, что рассказала Одине и Эрмин о том, что к ней на последнее Рождество приходил Делсен. Она, слава богу, не упоминала при этом о поцелуях, которыми они обменялись.

– Понимаешь, Делсену угрожает серьезная опасность. Кроме того, я имею право быть влюбленной, Мин. Когда тебе было столько же лет, сколько мне сейчас, ты влюбилась в Тошана и затем вышла за него замуж.

– Тогда все было совсем по-другому. Киона, мы снова поговорим на эту тему, когда я вернусь. А пока что я просто прошу тебя быть благоразумной. Старайся не поддаваться безумным идеям и бессмысленным мечтам. Я говорю тебе это потому, что люблю тебя всем своим сердцем, и потому, что я должна тебя защищать.

– Я это знаю, Мин. Спокойной ночи.

Киона положила трубку, чувствуя одновременно и досаду, и облегчение. То, что она услышала голос своей сводной сестры, ее успокоило, пусть даже та и стала ее предостерегать таким вот образом. Их двоих связывали неразрывные узы, и они испытывали друг к другу очень нежные чувства. Киона умела утешить Эрмин, когда в жизни у той случалась какая-нибудь беда, а Эрмин, в свою очередь, всячески проявляла заботу о Кионе.

– Мне следовало бы дождаться Мин, – еле слышно пробормотала Киона. – Она, возможно, видит все таким, каким оно есть на самом деле...

Эрмин вернулась на террасу ресторана. Ее мучило дурное предчувствие. «Мне, пожалуй, следует поехать туда завтра, и как можно раньше», – подумала она.

Однако события стали развиваться так, что это свое намерение Эрмин осуществить не удалось. Все началось с неожиданного предложения Бадетты. Едва Эрмин заняла свое место за столом, как эта журналистка, наклонившись к ней, сказала:

– Я тут кое о чем подумала во время вашего отсутствия, моя дорогая подруга. Ваша дочь Мари-Нутта интересуется моей профессией. Летом

главный редактор нанимает на работу студентов, чтобы те редактировали верстку. Это такой профессиональный термин. Имеется в виду копия статьи – своего рода распечатанный черновик, – в которой нужно найти ошибки и опечатки.

– Какие еще опечатки? – рявкнул Жослин, которого уже начинало охватывать раздражение.

– Жосс, не мог бы ты говорить не так громко?! – сердито проворчала Лора.

– Опечатки – это ошибки, появляющиеся из-за оплошности наборщиков. Они, когда набирают текст страницы, иногда случайно делают орфографические ошибки.

Мари-Нутта, взгляд которой загорелся надеждой, уставилась на Бадетту с разинутым ртом. А Бадетта продолжала:

– Это было бы для Мари-Нутты весьма полезным опытом. Я могла бы обеспечить ее жильем: в моей квартире есть свободная комната. Я вообще-то привыкла жить одна, но мне было бы очень приятно, если бы кто-то составил мне компанию.

– Нет, ни в коем случае! – отрезал Жослин.

– Папа, если бы сейчас нужно было решать, соглашаться или нет, то решал бы вообще-то не ты, – покачала головой Эрмин. – Я сказала «если», потому что об этом не может быть и речи. Тошан присоединится к нам на берегу Перибонки, когда вернется из Франции, и я ему пообещала поехать туда дней через десять. Бадетта, мне жаль, что приходится отвергать это предложение, но я отнюдь не хочу расставаться с одной из своих дочерей. Мы ведь и так уже разрешили Мукки устроиться на работу в магазин по продаже сыров в городе Ла-Бе на все лето, и нам теперь придется скучать по нему до октября.

– Ты, несомненно, права, моя дорогая, – сказала Лора. – Тем не менее дети растут, и им необходимо получать жизненный опыт, в том числе и опыт работы. Подчеркиваю, что это касается как юношей, так и девушек, а то мой супруг, похоже, мечтает вернуться в прошлое – в те времена, когда женщины занимались лишь тем, что возились у кухонной плиты или же нянчили детей.

– Хм, а чем еще ты занималась? – огрызнулся Жослин.

– Я? Ты осмеливаешься спрашивать меня, чем еще я занималась? Я... я... я вообще-то помогала Эрмин делать карьеру. Также напоминаю тебе, Жосс, что я руководила заводом «Шарлебуа» в Монреале после того, как овдовела. И если бы у меня не было деловой сметки – например, в игре на бирже, – мы бы сейчас жили в нищете.

Лоранс, в отличие от всех остальных, не проявляла ни малейшего внимания к данному разговору. Она мечтала о том, чтобы уединиться в Большом раю, между лесом и рекой. Это было идеальное место для того, чтобы рисовать акварели, на которых изображались бы птицы или пейзажи. Там, правда, она уж точно не видела бы Овида Лафлера, который несколько раз встречался ей на улицах Роберваля.

– Мама, я тебя умоляю! – неожиданно воскликнула Мари-Нутта, заставив свою сестру-близняшку вздрогнуть. – Подумай хоть немного над предложением Бадетты. Ты ведь ей доверяешь, а я знакома с ней еще с тех пор, когда была маленькой девочкой. Я могла бы остаться в Квебеке на месяц – до того, как вернется папа.

– Если бы твой отец не решил задержаться во Франции и если бы он находился сегодня вечером с нами, он, по-твоему, согласился бы? – спросила Эрмин голосом, в котором угадывались досада и разочарование.

О решении Тошана задержаться на месяц во Франции Эрмин сообщила своим родственникам во время ужина. Лора при этом нахмурила брови. Она, как и многие тещи, всегда была готова покритиковать своего зятя, хотя и относилась к нему вполне хорошо.

– Я позвоню папе завтра, – заявила Мари-Нутта. – Он мне разрешит.

– Но у тебя нет всей необходимой одежды!

Со стороны матери такое заявление было признаком того, что она может капитулировать и что это, возможно, произойдет уже завтра. Бадетта это заметила, но не осмелилась выказывать свою радость.

– Я, похоже, посеяла раздоры, – стала упрекать она сама себя голосом провинившейся девочки. – Я неисправима. Поддаюсь своим порывам и затем сама себя за это упрекаю.

Жослин посмотрел на нее угрюмым взглядом. Журналистка, оробев, стала искать защиты у Лоры.

– Я была неправа, дорогая подруга?

– Вовсе нет! Я поддерживаю идею приобретения профессионального опыта. В понедельник мы отправимся за покупками и купим Мари-Нутте недостающую одежду.

Эрмин, помрачнев, подумала, что ей теперь хочется только одного: лечь в постель и погрузиться в глубокий сон. Приближающиеся летние дни уже заранее омрачались разлукой с дорогими ее сердцу людьми. Ее муж, старший сын и теперь еще и одна из дочерей будут находиться далеко от нее. Она забыла о своей тревоге, связанной с Кионой, и о своем намерении поскорее поехать в Роберваль.

«Мне теперь совсем не хочется, чтобы Констан и Катери, эти две

очаровательные крошки, выросли поскорее, – подумала она. – К счастью, они еще не скоро станут взрослыми и захотят стать самостоятельными».

Роберваль, вторник, 11 июля 1950 года

Мирей, старающаяся быть полезной, проводила метелкой из больших перьев по инкрустированной мозаикой мебели в гостиной. Это была большая и хорошо освещенная комната. Лора не поленилась воспроизвести обстановку гостиной, бывшей в ее красивом жилище в поселке Валь-Жальбер и уничтоженной пожаром. По обе стороны окон висели великолепные шторы из мебельного ситца, а на камине, облицованном полированным дубом, виднелись восхитительные безделушки. Люстра с хрустальными подвесками, заказанная в городе Шикутими, ничуть не уступала той люстре, которая когда-то обеспечивала освещение во время многочисленных праздничных вечеринок в Валь-Жальбере.

Киона поставила пластинку певицы Ла Болдюк, чтобы доставить удовольствие старой служанке, которая, развеселившись, удаляла пыль, орудуя своим «инструментом» в такт мелодии песни «Северный дикарь». Девушка с усмешкой наблюдала за ней краем глаза.

Однажды северный дикарь,
Гоня коров с кнутом в руках,
Отправился куда-то вдаль,
Шагая в тесных башмаках.
А у реки на берегах
Сидели дети дикаря,
Держала мать двоих в руках,
Суровым взглядом вдаль смотря.
Любила я, и ты любил,
Но расстаешься ты со мной,
Забыла я, и ты забыл,
Про то, как жили мы с тобой.
А у реки на берегах
Сидели дети дикаря,
Держала мать двоих в руках,
Суровым взглядом вдаль смотря.

– Согласись, Мирей, эта твоя песня какая-то странная, – в конце концов сказала Киона. – Голос певицы – тоже.

– Хм, они не более странные, чем все то, что ты слышишь по радио! Лично я высоко ценю только мою любимую Ла Болдюк и нашего Соловья. Все остальные мне не нравятся.

– Даже Феликс Леклерк? Ты ведь слышала песни «Поезд с севера» и «Мои башмаки»?

– Да, он мне нравится, этот мужчина. Ты показывала его фотографию. Это красивый парень.

Мирей покачала головой. Ее прическа представляла собой идеальное каре, которому она не изменяла вот уже несколько лет.

– Думаю, он станет знаменитым, – прошептала Киона. – Имей в виду, что я уверена в этом потому, что у него талант, а не потому, что я заглядывала в его будущее.

Произнеся с улыбкой эти слова, Киона быстрыми шагами пошла в кухню. Она только что насмеялась над самой собой. Как и Лоранс, она мечтала о любви, но, похоже, тоже ошиблась в своем избраннике. Овид Лафлер – объект грез Лоранс – был слишком старым, а Делсен – взбалмошным и не внушающим никому особого уважения. «Скоро Мин будет уже здесь, а вместе с ней – Мадлен, Катери, Констан. Это просто шикарно! – подумала Киона, выходя в сад через наружную застекленную дверь и держа в руках корзину с постиранным бельем, которое предстояло повесить сушиться. Вслед за ней устремился фокстерьер. – А еще Лоранс, папа, не говоря уже о моей драгоценной мачехе. У Нутты есть серьезная причина для того, чтобы остаться в Квебеке: она ведь должна стать журналисткой».

Погода стояла теплая, и яркое солнце бросало свои золотые лучи на беспокойную поверхность озера Сен-Жан. Летом по этому настоящему внутреннему морю с утра и до вечера ходило множество судов – от небольших катеров до огромных элегантных кораблей, предназначенных для состоятельных туристов. Хриплые крики чаек раздавались здесь с рассвета и до наступления сумерек. Эти беспрестанные крики были похожи на нестройную музыку, к которой быстро привыкали и переставали обращать на нее внимание. Воздух был ароматным: в нем чувствовался запах сухих трав и распустившихся цветов. Киона, развесив белье, решила нарвать себе роз. Вдоль ограды росло очень много розовых кустов. Вьющиеся настурции бросались в глаза своими оранжеватыми венчиками. Киона, радуясь этой красоте, запела вполголоса:

В поезде, идущем в Сент-Адель,
Кое-кто сойти вдруг захотел.

Он уже свернул свою постель
И на полку у окошка сел.
Только как сойти, спрошу я вас,
Как такой вдруг замысел возник,
Если скорость – пятьдесят миль в час,
Да и человек тот – проводник?!
В поезде, идущем в Сент-Адель,
Был всего один лишь пассажир.
Он уже свернул свою постель
И глазел через окно на мир.
Это был все тот же проводник,
Некого обслуживать ему.
То-то головой он и поник:
Дальше ему ехать – ни к чему.
Ехал то на север, то на юг,
Поезд там, где жили бедняки.
Чух, чух-чух, чух-чух, чух-чух, чух-чух,
Он у озера мотал круги...

Затем Киона принялась насвистывать эту мелодию. Констан и особенно Катери начинали хихикать, когда она пела им песню «Северный поезд». Катери, самую младшую из своих ближайших родственников, Киона обожала. Ей очень нравились черные глаза, черные волосы и матовая кожа малышки. Тошан заявлял, что позднее эта девочка станет копией Талы, их покойной матери, и они оба видели в этом доброе знамение – подарок Великого Духа.

– Эй, девушка! – раздался чей-то голос.

Киона обернулась и увидела по другую сторону калитки парня атлетического телосложения. Это был Ламбер Лапуант, сын Онезима, их бывшего соседа в поселке Валь-Жальбер.

– Добрый день, – сказала она, подходя к нему. – Вообще-то ты мог бы называть меня по имени, Ламбер. Мы ведь с тобой знакомы.

– Хорошо, я просто не знал, как мне поступить! Меня прислал мой отец. Там возникли большие проблемы!

– Какие?

– Какой-то кретин украл вашего коня... ой, ну то есть твоего коня – Фебуса. Маруа сразу же это заметили. Они, впрочем, держали его на лугу. Я сел на велосипед и приехал сюда, чтобы сообщить тебе новость.

– У меня украли Фебуса? Но кто мог его украсть?

Ламбер Лапуант был на полголовы выше Кионы, но лет им было поровну.

Смущенный ее красотой, юноша почесал свой лоб, мокрый от пота.

– Похоже, что какой-то индеец-недоумок. Моя мама видела, как он вскочил на коня и поехал на нем в сторону «сахарной хижины» Жозефа Маруа.

Киона, злясь и негодуя, закрыла на несколько мгновений глаза. Она оставила своего коня в поселке Валь-Жальбер, потому что так было для него лучше. Вокруг этого полузаброшенного поселка росло много травы, и к тому же там Фебусу составлял компанию старый пони Базиль.

«Я этого не знала! – сердито думала Киона, сжав кулаки. – Индеец? Но ведь там нет индейцев!»

И тут вдруг она задрожала. На пурпурном экране ее закрытых век промелькнуло видение: Делсен сидит верхом на Фебусе, и на его красивых губах играет ироническая улыбка.

«Я рассказывала ему о своем коне прошлой зимой. А еще я сказала ему в начале лета, что оставлю коня на лугу в поселке Валь-Жальбер и буду приезжать туда взглянуть на него два раза в неделю. Он украл его ради того, чтобы я приехала. Да, именно так. Он, должно быть, поджидал меня там и, поскольку я позавчера не приехала, украл его».

Это умозаключение вызвало у нее одновременно и радость, и вполне обоснованное негодование. Делсен был способен на что угодно – и продать Фебуса, и даже избить его.

– Киона! – позвал ее Ламбер. – Ты ужасно побледнела!

Девушка наконец-то открыла свои янтарные глаза, и они засверкали.

– Спасибо, Ламбер. Возвращайся в Валь-Жальбер. Скажи своему отцу, что я очень скоро приеду. Я возьму велосипед Луи.

Четвертью часа позже она уже ехала на велосипеде по дороге, пролегающей вдоль озера, чтобы затем свернуть на другую, ведущую в бывший рабочий поселок. Перед тем как отправиться в путь, она побросала в свой рюкзак кое-какие мелочи – в том числе охотничий нож, который подарил ей Тошан.

– Я вернусь до наступления темноты, – заверила она Мирей.

Однако никому из родственников и близких знакомых не суждено было увидеться с ней ни в этот день, ни вообще в ближайшие дни.

Глава 2

Делсен

Валь-Жальбер, вторник, 11 июля 1950 года, тот же день

Киона прислонила свой велосипед к стене дома семьи Маруа. Она крутила педали с такой интенсивностью, что ее лоб покрылся потом даже несмотря на то, что навстречу ей дул ветер. Андреа Маруа, увидев Киону в окно, тут же вышла из дома.

– Ты приехала, малышка! – воскликнула она. – Ламбер, значит, управился быстро. Зайди, выпей стакан воды.

– Охотно. Да, кстати, добрый день, мадам Андреа!

– Для тебя, к сожалению, этот день не такой уж и добрый. Неприятная история! Твоего красивого коня похитили... А Жозеф опять в дурном расположении духа.

– Пока еще нет смысла сильно переживать, – заявила Киона, пытаюсь говорить безмятежным голосом. – Ничего страшного вообще-то не случилось.

Они пошли на кухню. Киона напряженно размышляла по дороге. Пока ей было ясно только одно: она никогда не станет в чем-то обвинять Делсена.

– Я ничего не понимаю, – с растерянным видом вздохнула Андреа.

Она – бывшая учительница, когда-то обучавшая детей из семьи Шарденов – Дельбо – за последние несколько лет сильно располнела. Соблазнительные формы этой старой девы, которой все никак не удавалось выйти замуж, пленили Жозефа Маруа, с трудом переносившего свое положение вдовца. Поженившись, они вдвоем стали вести размеренную жизнь в центре почти опустевшего поселка. Будучи владельцем дома и небольших участков земли, месье Маруа хотел провести остаток жизни в этом поселке. Пережив четыре года назад инсульт, он затем пришел в себя, и к нему вернулись все его отличительные особенности – в том числе и скверный характер.

Сидя сейчас в гостиной и услышав звуки разговора, он крикнул:

– Черт побери, я готов поспорить, что сюда примчалась та маленькая колдунья!

– Да, месье Жозеф, – ответила Киона, заходя в гостиную.

Шторы из бежевой саржи не позволяли солнечному свету проникать в

комнату. Жозеф, усевшись поглубже в кожаное кресло, курил трубку.

– А ну-ка, поцелуй меня! – пробурчал он.

– Хорошо! – сказала Киона, целуя его в щеку.

– Ты, я гляжу, веселого нрава! Небось сильно переживаешь по поводу своего животного?

– Вовсе нет, месье Жозеф. Я как раз собиралась все объяснить мадам Андреа. Это было не воровство, а скорее займ. Того парня, который, как видела мадам Лапуант, забрал Фебуса, я знаю. Даже очень хорошо знаю. Точнее говоря, это мой друг. Очень хороший друг.

– Приятель твой, если верить Иветте Лапуант, и выглядит, и ведет себя очень странно, – усмехнулся Жозеф.

Киона глубоко вздохнула, а затем, доброжелательно улыбнувшись, сказала:

– Все индейцы и выглядят, и ведут себя странно, разве не так? Вы не привыкли их видеть, а вот мы на берегу Перибонки встречаем их часто. Не стоит забывать мою бабушку Одину и моих двоюродных братьев и сестер из племени монтанье. Я разрешила Делсену забрать моего коня. Он, конечно, был неправ в том, что вас об этом не предупредил, но он, если хотите, довольно робкий юноша.

Жозеф Маруа согнул свое большое тело пополам, чтобы подняться с кресла. Встав на ноги, он нахмурил кустистые брови и смерил Киону недоверчивым взглядом.

– Перестань врать! Индеец, если он воспитанный и вежливый, всегда поговорит с людьми. Твой приятель мог бы рассказать нам, что к чему, и взять у нас седло и узду. Иветта уже все уши нам прожужжала о том, что этот твой воришка обвязал веревку вокруг шеи коня.

– Он и в самом деле поступил не очень умно, – согласилась девушка. – Я найду его, и мы вернемся вместе. Не беспокойтесь, месье Жозеф.

– В таком случае возвращайся поскорее. У тебя ведь в твоём возрасте есть возможность запросто отправиться туда, куда только захочется. А что говорит по этому поводу мой старый друг Жослин?

– Мой отец и моя мачеха сейчас находятся в Квебеке вместе с Мари-Нуттой и Лоранс. Они хотели устроить сюрприз Эрмин. Она вернулась из Франции и давала концерт в «Капитолии».

– Да, я слышала об этом по радио, – сказала Андреа. – Я без этого радио уже не могу и обойтись. По нему можно послушать красивые песни, классическую музыку, бывают интересные развлекательные передачи... Хотелось бы, чтобы Эрмин приехала к нам в гости вместе со своими детьми.

– Ну конечно, мы так и планируем поступить. Мы приедем все в Маленький рай через два или три дня, – закивала Киона. – А теперь я вынуждена вас покинуть. Ламбер сказал мне, что Делсен отправился к вашей «сахарной хижине», месье Жозеф. Я пойду туда.

– Муки небесные, а ты, я вижу, ведешь себя смело, да еще и при такой жаре! – пробурчал старик. – Ступай, маленькая колдунья, и в твоих интересах снова появиться здесь, причем, самое главное, уже с конем. И желательно до полудня, потому что нам нужно съездить в Шамбор к зубному врачу. Онезим повезет нас на грузовике.

– Если я не вернусь вовремя, не беспокойтесь. Я оставлю вам записку на пороге.

– Что-то мне это все не нравится, Киона, – прошептала Андреа со своим озабоченным выражением лица учительницы младших классов.

– Поверьте, вам не о чем переживать.

Киона поцеловала обоих своих собеседников и вышла из дома. Оттого, что она соврала, ей стало как-то не по себе. Она всегда предпочитала говорить правду и никогда не жульничать, однако за свою, пока еще недолгую, жизнь она уже осознала, что иногда следует скрывать то, чему трудно дать объяснение. Скрывать, по крайней мере, от некоторых людей. Жозеф Маруа принадлежал к числу таких людей, пусть даже ее отношения с ним и были сейчас дружескими. Прозвище «маленькая колдунья» ее отнюдь не раздражало, потому что он произносил его шутливым тоном. Между ними установились довольно хорошие отношения после того, как этот бывший рабочий четыре года назад стал жертвой инсульта. Киона помогла ему встать на ноги, причем как раз в тот период его жизни, когда он пришел в отчаяние из-за потери двух своих сыновей (старший из которых – Симон – был гомосексуалистом). Она тогда при помощи хитроумной лжи сумела утешить старика и ослабить охватившее его чувство стыда.

«Мне жаль, дорогой месье Жозеф, но у меня не было выбора. Если бы я вам сказала, что бегаю за дитятей демонов и что он и в самом деле украл Фебуса, вы бы очень сильно рассердились».

Киона решила не брать с собой велосипед. Она и пешком сможет довольно быстро пройти через кленовые рощи. Такая «экскурсия» ее отнюдь не пугала, потому что она уже привыкла к долгим прогулкам и вообще к любым физическим нагрузкам. Леса и рощи были ее любимой окружающей средой. Шагая среди кустов черники, она собирала почти созревшие ягоды. Это была знаменитая черника региона Лак-Сен-Жан, которая уже скоро полностью созреет, и тогда по всему региону мужчины,

женщины и дети станут собирать эти темно-синие ягоды – как на продажу, так и для того, чтобы сделать из них себе варенье на зиму.

– А вдруг я ошиблась? Вдруг Фебуса украл какой-нибудь незнакомец? – еле слышно спросила себя Киона на полпути.

Она в нерешительности остановилась. Три рябчика, которых она потревожила, взмыли в воздух справа от нее и уселись затем на ветви чуть поодаль.

– Я не причиню вам зла! – воскликнула Киона. – Я не охотник.

Рябчики были любимой пернатой дичью для квебекцев. Тошан тоже охотился на них незадолго до наступления зимы. Бабушка Одина готовила восхитительные паштеты, которые можно было хранить в кладовке по несколько месяцев. В ветках над Кионой сновали туда-сюда и чирикали маленькие птички, опьяненные солнцем и доступностью обильной пищи. Кионе показалось, что она чувствует, как вокруг нее шевелятся тысячи живых существ – в своих гнездах, норках, на ветках, на земле среди зарослей... «Лето – это настоящий праздник, – подумала она со сжимающимся сердцем. – Может, как раз пришло наше с Делсеном время?»

Видение, которое появлялось у нее еще в то время, когда она была маленькой девочкой, снова предстало перед ее мысленным взором: любовные игры в чистой воде реки. Встревожившись и почувствовав, что щеки у нее зарделись, она едва не повернула назад и едва не отказалась от своего намерения разыскать этого юношу, который, если сравнивать его с ее близкими родственниками, оставался для нее чужаком. О Мукки и о Луи она знала буквально все. Первый из них унаследовал от Тошана его обаяние, силу и жажду приключений, а второй был флегматичным, вялым и капризным. Однако они оба обладали двумя прекрасными качествами – приветливостью и образованностью. «Им ведь так повезло в жизни! – мысленно сказала сама себе Киона, снова зашагав вперед. – Как можно за что-то осуждать Делсена, если он никогда не знал ни уюта, ни нежности, ни доброты?»

Несмотря на беспрестанные разногласия с Лорой, Киона знала, как сильно ей повезло в том, что ее воспитывали, опекали и лелеяли Эрмин и их отец. Жослин обожал своих двух дочек и доказывал это буквально ежедневно.

– Дорогая Мин, – сказала Киона громким голосом, – завтра ты уже будешь здесь. И это замечательно! Ты мне так нужна!

Едва она произнесла эти слова, как яркие цвета окружающего ее пейзажа потускнели – потускнели так, как будто их закрыли прозрачной

сероватой завесой. Киона машинально провела рукой перед своими глазами. Завеса стала более плотной, и Кионе показалось, что все вокруг нее погрузилось в сумерки.

– Что со мной?

По ее коже побежали мурашки. Перепугавшись, она остановилась и присела на землю. Ее охватило странное чувство слабости во всем теле – как будто куда-то улетучилась вся ее энергия. Она попыталась остаться в сидячем положении, потому что была уверена, что если ляжет на землю, то потеряет сознание. Мучившее ее чувство холода усилилось, отчего у нее уже даже застучали зубы.

– Нет, нет... Мама, помоги мне, – простонала она.

Ее веки показались ей ужасно тяжелыми. Она заставила себя не закрывать глаза, но свет вокруг нее все равно исчез. Она теперь лишь слышала раздающиеся вокруг нее звуки: шум ветра в ветвях, щебетание птиц и какой-то тихий хруст.

– Я слепну! – с горечью закричала она.

И тут ей показалось, что ее лица коснулась невидимая рука. Киона снова закричала. В ответ на этот ее отчаянный крик раздалось ржание. Она почувствовала, как по ее телу пробежало что-то вроде электрического разряда, и к ней вернулось зрение, а затем в ее тело снова стала проникать жара этого июльского дня. Широко раскрыв глаза, она увидела, что ее конь скачет галопом вниз по склону. Его золотистая грива развевалась на ветру, а шерсть цвета меда блестела от пота. Морду ему сдавливал обрывок веревки.

– Фебус, не горячись, мой красавец! – крикнула она, вскакивая на ноги.

Животное узнало ее голос и замедлило свой бег. Затем оно вообще остановилось и стало топтаться на месте с бешеным взглядом, готовое в любой момент встать на дыбы.

– Фебус, успокойся, не горячись, – повторила Киона, вкладывая в эти слова все свои способности по части общения с живыми существами на расстоянии.

Она посылала своему коню успокаивающие изображения, иллюстрирующие их взаимную привязанность и дружбу.

– Иди сюда, не бойся ничего, я никогда не делала тебе ничего плохого, разве не так? Все закончилось, иди сюда...

Фебус замер. Он лишь нервно подрагивал. Девушка без каких-либо колебаний подошла к нему и принялась его гладить.

– Эта мерзкая веревка тебя поранила. Мне очень жаль! – сказала

Киона, начиная сердиться. – А где тот, кто с тобой это сделал? Я уверена, что ты его с себя сбросил. Он этого заслуживал.

Она прижалась лбом к боку Фебуса, не зная, что теперь делать. Если бы она вернулась в Валь-Жальбер, чтобы снова оставить своего коня на лугу, она уже не смогла бы разыскать Делсена. «Он, я думаю, не сильно пострадал, но наверняка очень разозлился». Предаваясь подобным размышлениям, Киона развязала веревку и обвила ее вокруг шеи животного. Конь фыркнул.

– Мне и в самом деле очень жаль, Фебус, ты мне нужен, – сказала Киона.

Она уже умела очень хорошо ездить верхом. Ей достаточно было ухватиться левой рукой за гриву, и она могла легко вскочить коню на спину. Кожаное седло и узда облегчили бы езду верхом, но она уже научилась скакать галопом и ехать трусцой и без седла.

– Давай поищем того, кто тебя украл, – вздохнула Киона.

Она давно приучила Фебуса подчиняться давлению ее ног на его бока и четко произнесенным командам, однако она также использовала и общение на уровне беззвучного обмена мыслями, к которому этот конь был очень восприимчив^[6]. Поэтому она стала без труда управлять его движениями, и двадцатью минутами позже перед ее глазами предстала «сахарная хижина» Жозефа Маруа. Это была постройка из сероватых досок с крышей из листового железа, поддерживаемая во вполне приличном состоянии, поскольку Андреа и Жозеф Маруа продолжали каждый год собирать кленовый сок и изготавливать из него сироп. Онезим Лапуант, один из последних жителей полузаброшенного поселка Валь-Жальбер, приходил им помогать вместе со своей супругой и двумя сыновьями – крепко сложенными парнями.

«Теперь я в этом уверена. Делсен там, спрятался внутри, – мысленно сказала сама себе она. – Я это знаю».

Ее сердце сильно колотилось, а во рту вдруг пересохло. Кровь пульсировала в висках, в ушах гудело.

– Нет, это не повторится! – простонала она.

На этот раз она попыталась совладать со своим недомоганием. У нее возникло болезненное ощущение того, что в дверь ее рассудка стучат, чтобы оставить там сообщение или же видения, которые причинят ей страдания. Она со смиренным видом сомкнула веки. Дыхание стало прерывистым. Перед ее мысленным взором предстала сцена из прошлого, вызвавшая у нее ошеломление. Жозеф Маруа, еще темноволосый и крепкий, размахивал топором и что-то кричал, стоя в нескольких шагах от

молодого человека удивительно привлекательной внешности. То был Тошан. Его кожа казалась золотистой от падающих на нее лучей зимнего солнца, черные волосы доходили до плеч, на устах играла ироническая улыбка, а взгляд был безмятежным. Рядом с Тошаном стояла Эрмин – красивая девушка-подросток с блестящими светлыми волосами. Вид у нее был испуганный, а лицо побледнело.

Слыша лишь приглушенное эхо слов, которые произносили эти персонажи, Киона сразу же поняла, в какое время произошел инцидент и при каких обстоятельствах. Все свершилось тогда очень быстро.

«Мин часто рассказывала мне эту историю по вечерам, – вспомнила она. – Эдмон Маруа заблудился, когда его родственники занимались получением сиропа из кленового сока. Тошан привел мальчика обратно, но Жозеф подумал, что Тошан замышляет что-то недоброе, потому что он был метисом и был одет в замшевую куртку с бахромой. Мин снова увидела своего конькобежца – того, о ком она частенько вспоминала после случайной встречи на катке в поселке. Сколько раз она мне говорила, что ее сердце тогда ёкнуло и бешено заколотилось и что он ей показался в тот день удивительно красивым. Тот самый парень, к которому Жозеф Маруа отнесся так недружелюбно!.. Почему я вдруг увидела эту сцену?»

Встревожившись, она подняла лицо к чистому голубому небу. Эдмон был теперь священником в приходе Ла-Доре, находящемся неподалеку от Сен-Фелисьена. Он приезжал иногда в Роберваль, чтобы повидаться с Лорой и Жослином. В своей черной сутане он казался долговязым. Его светло-пепельные волосы, унаследованные от матери, были очень коротко подстрижены.

От какого бдительного усопшего она получила это послание? Кионе показалось, что она знает, от какого. Она знала, что в этот день рядом с ней находились Симон и Бетти.

– Я знаю! Думаю, что знаю! – воскликнула Киона громким голосом. – Делсен? Делсен, выходи оттуда!

Киона больше не боялась. Она только что убедила себя кое в чем. Ее предупреждали, что не нужно судить о людях лишь по их внешности. Тошана, как и Делсена, часто унижали и отвергали из-за того, что он метис. Тем не менее он и Мин образовали прочную семейную пару, связанную возвышенной любовью.

Успокоившись, она освободила своего коня от веревки. Фебус станет пастись между деревьями, и далеко он не уйдет. Киона пошла прямо к хижине, дверь которой была приоткрыта, однако ей пришлось остановиться, когда она увидела, как Делсен, толкнув створку двери,

вышел на порог.

– Привет, – сказал он с насмешливой улыбкой.

Несмотря на эту его улыбку, Киона увидела в его глазах, что он рад ее видеть. А еще он был сейчас настолько красивым, что от одного только взгляда на него у нее перехватило дыхание. Киона еще никогда не видела его таким: по пояс голым и с растрепанными черными волосами. Его брови тоже были черными и напоминали крылья птицы. Раньше подростки всегда встречались только зимой, и Делсен был одет в старые кожаные шубы, а волосы его были прикрыты шапкой. Тогда он напоминал ей полубога из племени монтанье: надменные черты лица, золотистая смуглая кожа, большие и темные – как у олененка – глаза, полные губы идеальной формы, вызывающие желание предаться опьяняющим поцелуям.

– Добрый день, – робко пробормотала Киона. – Что ты здесь делаешь? Почему ты украл моего коня – именно моего?

Она стала бы говорить что угодно, лишь бы побороть огромное влечение к этому юноше – влечение, от которого ее душу охватывала тоска, а в теле возникал странный жар.

– Мне нужны деньги, – ответил Делсен. – Я хотел его кому-нибудь продать. И даже нашел покупателя. Но конь сбросил меня на землю и ускакал прочь.

– Я принесла тебе денег.

Это ее заявление его ошеломило. Он достал из кармана штанов пачку табака и скрутил себе папиросу.

– Ты, видимо, будешь хорошей женой, – усмехнулся он, посмотрев на нее каким-то двусмысленным взглядом.

Киона на всякий случай отступила немного назад. Оказавшись жертвой развратных устремлений одного из монахов, который был недостойн называться монахом, Делсен стал взрослым довольно рано. Сейчас он представлял собой мужчину девятнадцати лет, которого одолевали настойчивые желания и который не отличался ни высокой моралью, ни нравственностью.

– Ты меня плохо знаешь, – вздохнула она.

– Да нет, я тебя знаю хорошо. На берегах озера Сен-Жан тебя все хорошо знают. Дочь Талы-волчицы. Девушка, которая перелетает из одного места в другое и способна предвидеть будущее.

– Пиекоиагами. Тебе следовало бы сказать «Пиекоиагами». На языке нашего народа это озеро называется Пиекоиагами.

– Нашего народа?! Ты живешь в резервации Пуэнт-Блэ с тех самых пор, как ее создали?^[7] Представитель правительства советует нашему

народу изготавливать украшения и продавать их туристам. Я приведу к тебе туристов.

– Маштеуиатш. Это место называлось на протяжении многих столетий Маштеуиатш, и племя монтанье живет там испокон веку.

– Хорошенькое дело! Живет, но теперь уже совсем в других условиях. Детей в возрасте пяти лет стали отнимать от родителей, чтобы приучить их презирать своих предков и свои обычаи. К нам относятся как к полезным животным.

Неистовая ненависть, от которой задрожал голос Делсена, отозвалась болезненным эхом в сердце Кионы. Неужели этот парень был лишь средоточием насилия, злобы, горечи?

– Послушай, давай лучше поговорим о том, что тебе нужно, – сказала Киона. – Поскольку я заподозрила, что ты украл Фебуса для того, чтобы его продать, я взяла с собой все свои сбережения. Мой отец дает мне деньги на каждый праздник. Моя сестра – тоже. Я постепенно накопила довольно приличную сумму... Делсен, если ты будешь продолжать вести себя подобным образом, ты угодишь в тюрьму. Ты мог бы жить так, как жили наши предки. Мой двоюродный брат Шоган, прежде чем заболел полиомиелитом и умер, умудрялся жить в лесу вместе со своей семьей. Когда-то мы жили за счет охоты, рыбной ловли и собирательства и могли свободно перемещаться по огромной территории.

– Да, нескольким семьям удалось спрятаться в горах. Однако лично мне совсем не хочется ночевать в хижине и быть дикарем. И перестань считать себя одной из нас: твой отец – бледнолицый.

– Я знаю, я не чистокровная! – сердито пробурчала Киона. – Ты заявил мне это прямо в лицо три года назад, на берегу Перибонки.

Делсен, сделав несколько шагов вперед и встав прямо перед Кионой – так близко, что она почувствовала его теплое дыхание, – посмотрел на нее каким-то странным, почти ласковым взглядом.

– Получается, я тебя оскорбил? Обманщица, я не говорил таких слов.

– Ты был рассержен.

– Я тогда, наверное, выпил слишком много. А что я еще сделал тебе плохого?

Он с насмешливым видом заухмылялся и, обхватив ее руками, притянул к себе.

– Прошлой зимой в лесу я, наверное, был невежлив, да?

– Да нет, очень даже вежлив. Отпусти меня, пожалуйста.

Киона попыталась его оттолкнуть. Ее пугало возникшее у нее приятное головокружение и желание быть обласканной и расцелованной.

– Нет, ты угодила в пасть к волку, и я собираюсь тебя сожрать.

Он сжал ее еще сильнее и зарычал, как пес, а затем стал покусывать кожу на ее шее прямо под ухом.

– Умоляю тебя, Делсен, мне нужно вернуть коня в Валь-Жальбер. Люди, которые берегли его, будут беспокоиться. Они знают, что я пришла к тебе сюда.

Делсен, не обращая внимания на ее слова, закрыл ей рот страстным поцелуем, не пытаясь, однако, преодолеть барьер ее сжатых зубов. Затем ей удалось отстраниться от него.

– Делсен, послушай меня. Мне хотелось бы, чтобы мы вдвоем с тобой пошли к реке Уиатшуан. Это недалеко отсюда. У тебя нет желания искупаться... э-э... искупаться вдвоем?

Делсен вдруг помрачнел и выбросил едва начатую папиросу.

– Ты боишься, что я грязный? – резко сказал он. – В такое время года я почти все время плаваю в озере. Так что не бойся.

Киона, усмехнувшись, пожала плечами. Поняв, к чему клонит Делсен, она покачала головой.

– Что ты себе воображаешь, Делсен? Я не собираюсь с тобой ничем таким заниматься до тех пор, пока не выйду за тебя замуж.

– Замуж? Ты выйдешь за меня замуж? – усмехнулся в свою очередь Делсен.

– Возможно...

Делсен уселся на пень и расхохотался.

Этот смех придавал ему ребяческий вид, сделал его неотразимым. Киона, почувствовав волнение, присела рядом с ним.

– Ты должен все знать, – сказала она. – У меня было видение, когда я встретила тебя в интернате. В этом видении мы были одни и занимались любовью в реке при ярком солнечном свете. На нас не было никакой одежды.

Почувствовав, что у нее от этих слов зарделись щеки, Киона на несколько мгновений замолчала. Делсен все еще ухмылялся.

– Да послушай же ты меня! – снова заговорила Киона. – В этом видении было так много любви и так много счастья! Оно появлялось перед моим взором снова и снова. У меня мало-помалу появилась уверенность, что ты станешь моим мужем – мужем, от которого я рожу детей. Каждый раз, когда я тебя встречала, я чувствовала в себе эту любовь. Я не могу тебя потерять и...

– Погоди-ка, – перебил ее Делсен, становясь серьезным.

Он стал разглядывать ее недоверчиво и растерянно. Был ли он дитятей

демонов, как утверждала старая Одина, или не был, в этот момент он вдруг стал здравомыслящим и рассудительным.

– Киона, ты говоришь как юная и несмышленная девчонка. Ты увлеклась мной потому, что у тебя было какое-то видение?

– Да. Моя мама верила, что в снах и грезах можно увидеть свое будущее. Тошан в это тоже верит.

– Тошан? Твой сводный брат? Метис!

– Да. Тот самый Тошан, чью породистую собаку ты украл. Он очень ее любил.

Делсен сделал небрежный жест. Он судил о животных исключительно по той сумме денег, которую мог за них получить.

– Обворовывать богатеньких – в этом нет ничего зазорного. Я никогда не воровал у своих, – соврал он.

Затем он снова посмотрел на Киону недоверчивым взглядом. Девушка обладала такой редкой красотой, что она взяла его за душу. Пряди рыжевато-золотистых волос поблескивали вокруг ее высокого лба. Делсен опустил взгляд на ее белую хлопковую кофту, под которой угадывалась небольшая девичья грудь.

– Ты, похоже, чокнутая, – заявил он. – Но это меня не смущает. Ты мне очень нравишься.

Киона вскочила на ноги, чтобы не позволить Делсену себя обнять. Встав чуть поодаль от него, она, тяжело задышав, сказала:

– Пойдем! Мы отведем Фебуса на луг. Тебе нужно будет пообщаться с Андреа и Жозефом Маруа. А затем мы отправимся к реке. У тебя есть рубашка? Такой твой вид неуместен.

Как ни странно, Делсен уступил ей. Он, усмехаясь, прошмыгнул в хижину и затем вышел из нее одетым в заношенную голубую рубашку. Его серые полотняные штаны выглядели не лучше.

– Мне хочется есть, – пробурчал он. – Я думал, что найду какой-нибудь еды в шкафу их лачуги, но там ничего не оказалось.

Киона, торжествующе улыбнувшись, показала на свой рюкзак.

– Я так и знала! У меня тут есть чем тебя накормить. Пошли!

Она поймала своего коня и снова обвязала веревку вокруг его шеи. Идя рядом друг с другом и ведя на веревке коня, они направились по тропинке, ведущей в Валь-Жальбер.

– Тут сейчас очень красиво! Все зеленое и золотое! – воскликнула вскоре Киона. – Этот день предназначен для счастья, тебе так не кажется? Делсен, если бы именно сегодня, а не в какой-то другой день, ты почувствовал себя счастливым и хохотал от счастья!

Делсен слопал бутерброд с ветчиной и печенье с орехами. Почувствовав жажду, он выпил лимонада из дорожной фляги, которую тоже принесла Киона.

– Почему бы и нет? – ответил он. – Ты меня накормила, ты собираешься дать мне денег – значит, я вполне могу доставить тебе удовольствие.

Произнеся провокационным тоном эти слова, Делсен взял Киону за руку и легонько ее сжал – в знак того, что капитулирует. Кионе показалось, что она погружается в море блаженства. А еще ей стало казаться, что она одета в полупрозрачные ткани и восточные шелка и что она словно невеста из «Песни песней» – этой длинной поэмы, случайно прочитанной как-то вечером. Красота и чувственность стихов поразили ее настолько, что она позже выучила наизусть несколько отрывков из нее.

Голос возлюбленного моего!
Вот, он идет,
Скачет по горам,
Прыгает по холмам.
Друг мой похож на серну
Или на молодого оленя.
Вот, он стоит у нас за стеною,
Заглядывает в окно,
Мелькает сквозь решетку.
Возлюбленный мой начал говорить мне:
Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!
Вот, зима уже прошла...

Несмотря на свой незаурядный интеллект и все услышанные ею предупреждения, Киона отдавалась своей мечте. Ей казалось, что вместе со своим возлюбленным она идет к алтарю, которым для нее будут теплые камни и прохладная вода, по центральному проходу гигантской церкви. Ее свод был лазурным (лазурь эта была чистой, как сапфир), деревья вокруг казались похожими на мраморные колонны, а пение птиц звучало как свадебный марш.

Делсен хранил молчание, но его пальцы ласкали пальцы Кионы. Как и многие люди до него, он попал под действие ее удивительных чар.

Эти чары развеялись, когда Киона и Делсен приблизились к полузаброшенному поселку Валь-Жальбер. В теплом воздухе послышался

шум мотора, раздались какие-то голоса. Вернувшись с небес на землю, Киона замедлила шаг.

«Это, должно быть, Онезим завел свой грузовичок. Жозеф и Андреа вот-вот уедут. Поэтому лучше немножко подождать», – подумала Киона.

Она повернулась к своему спутнику и заставила его остановиться. Он покорно посмотрел на нее.

– Эти люди, мои знакомые, сейчас уедут. Давай немного подождем здесь. Я оставлю им записку.

Киона стояла совсем близко к Делсену. Она дрожала от нервного возбуждения и странного нетерпения. Недолго думая, она обвила руками шею Делсена и прикоснулась своими губами к его губам. Он страстно обнял ее, и его руки стали гладить ее выгнутую спину и узкие бедра. На этот раз их поцелуй был смелым. В Делсена он вселил надежду на еще большую телесную близость с этой девушкой, а Кионе позволил испытать новые для нее сладострастные ощущения, от которых она едва не потеряла голову.

Однако Киона вскоре высвободилась и взглянула на Делсена растерянным взглядом.

– Нет, не сейчас, – пробормотала она. – Нет, я не могу.

– Но к реке мы все равно пойдем, да?

– Да, конечно. Смотри, ты видишь вон там развалины? Это был большой дом, один из самых красивых в поселке Валь-Жальбер. Я жила там после того, как мой отец забрал меня из школы-интерната. Мне нравилось там жить. Для пони и коня имелась небольшая конюшня в глубине сада, возле вольера для собак. Во время войны мы учились в настоящем классе, а учительницей была женщина, до сих пор живущая в поселке. Она вышла замуж за вдовца – Жозефа Маруа. Мне в жизни, можно сказать, повезло.

– Да, так можно сказать. В сущности, ты не виновата в том, что тебе повезло. Мне ведь тоже когда-нибудь повезет. Я нашел работу на берегу озера Онтарио, но билет на поезд стоит очень дорого. Если приеду на стройку вовремя, я хорошо заработаю этим летом. Тогда я куплю машину и уеду в Калифорнию.

Киона с удивлением и недоверием уставилась на Делсена.

– Почему так далеко?

– Я стану киноактером в Голливуде. Такую идею мне подсказала одна американка прошлым летом на пляже в Пуэнт-Блэ. Она увидела меня, когда я выходил из воды, и подошла со мной поговорить. «Вам следовало бы сниматься в кино, месье!» – сказала она. Да, именно так и сказала. Там они

снимают много вестернов, и, как тебе и самой известно, им для таких фильмов нужны индейцы. Физиономия у меня симпатичная, и это может помочь получить роль!

Киона отошла от Делсена на несколько метров, чувствуя, как сжимается ее сердце. Ей так сильно захотелось плакать, что к горлу подступил ком. Это произошло не оттого, что Делсен, оказывается, мечтал уехать на другой конец континента, что означало бы для нее расставание с ним навсегда, а оттого, что перед ее мысленным взором уже в который раз предстала все та же ужасная картина: Делсен, распростершийся на темной земле с окровавленной головой. Кроме этого ужасного события, Киона предчувствовала, что он никогда не поедет в Калифорнию и никогда не станет актером – даже самым второстепенным.

«Его ждет несчастье, его ждет смерть. О Господи, помоги мне! Я должна его спасти. Пресвятая Дева Мария, Иисус, Бог-Отец, Маниту, Верховный Дух, не допустите, чтобы он погиб!» – мысленно взмолилась она. Еще с детства она обращалась в своих молитвах одновременно к различным божественным сущностям – и к тем, которым поклонялись бледнолицые, и к тем, которым поклонялись индейцы. Однако она – приходя от этого в отчаяние – уже имела возможность убедиться, что у каждого человека есть заранее предопределенная судьба и что она не может противостоять такому порядку вещей, поскольку он, возможно, определялся какими-то законами, действующими во всей вселенной.

– Киона, что с тобой? – удивленно спросил Делсен. – Ты плачешь? Ты любишь меня так сильно? Тебе грустно оттого, что я собираюсь уехать из Канады? Я возьму тебя с собой, красавица моя.

– Не называй меня так, – запротестовала Киона, бросая на Делсена сердитый взгляд. Ее глаза все еще были наполнены слезами.

Она уже чуть было не крикнула ему, что он никогда не пересечет границу Канады, но он вдруг закрыл ей рот поцелуем.

– А ты забавная девчонка, – заявил он после.

– Мне хотелось бы быть нормальной, но, как я ни пыталась стать такой, у меня ничего не получалось.

Делсен больше не слушал: он вдыхал ее запах и слегка сжимал пальцами ее грудь, снова целуя ее в губы. Она перестала сопротивляться, стала покорной и закрыла глаза. Ее сердце колотилось, кровь пульсировала в венах. И тут вдруг конь пронзительно заржал. На его ржание отозвался старый пони Базиль, который пасся на лугу.

– Пойдем, – сказала Киона, с трудом переводя дыхание. – Маруа уже уехали. Я должна заняться Фебусом. А затем мы пойдем к реке. Ты

можешь, если захочешь, взять мой велосипед. Он принадлежит моему сводному брату, но тот им не пользуется.

– У меня нет желания подходить к домам. Там есть женщина, которая орала: «Вор! Вор!». Я не хочу, чтобы она меня увидела.

– Это Иветта Лапуант, соседка. Она все рассказала Маруа. Будет лучше, если мы с ней поговорим. Я сказала Маруа, что разрешила тебе взять моего коня. Надо бы сказать то же самое и ей – так, чтобы она в это поверила. Никому не нужно знать правду. Делсен, положишься на меня. Со мной тебе бояться нечего.

Она протянула ему руку. Делсен грубовато ухватился за нее и бросил в сторону поселка недружелюбный взгляд.

– Успокойся, – вздохнула Киона. – Эти люди не злые. И вообще-то они были правы, не так ли? Ты ведь украл Фебуса. А я – дура набитая. Когда я узнала о том, что ты украл моего коня, я подумала, что ты просто не придумал никакого другого способа для того, чтобы заставить меня явиться сюда, в лес.

– А может, это и правда! – пробурчал Делсен, все сильнее и сильнее нервничая.

– Это местечко тихое, – сказала Киона, чтобы успокоить Делсена. – Им правит королева, сделанная из серебра и хрусталя. У нее самый сильный голос во всей стране. Ты его слышишь? Ты слышишь водопад Уиатшуан?

– Ты и в самом деле чокнутая, – заявил Делсен. – Это ведь всего лишь вода. Большой водопад.

Но Киона улыбнулась ему той очаровательной и нежной улыбкой, которая всегда действовала на людей успокаивающе. И Делсен пошел за ней. Она показала ему школу для девочек – величественное строение с треугольным фронтоном, остроконечной колоколенкой и красивым фасадом, в котором виднелись высокие окна. Древесина здания уже потемнела, плитки кое-где отвалились, но в целом строение все еще выглядело внушительно.

– Мою сестру Мин оставили на этом крыльце. Монахини, которые руководили этой школой, вырастили ее и научили петь.

– Я знаю, ты рассказывала мне об этом прошлой зимой.

– Прошлой зимой? – удивилась Киона. – Я тебе ничего такого тогда не рассказывала, тем более что ты пробыл рядом со мной не более часа. Тогда я всего лишь сдуру рассказала про своего коня и про то, что он будет летом здесь, в поселке Валь-Жальбер. У меня хорошая память. Я ничего не рассказывала об Эрмин и ее детстве.

– Значит, это был Лафлер...

– Кто? Лафлер? Овид Лафлер, школьный учитель? Ты с ним знаком? – удивленно воскликнула Киона.

– Да, он открыл рядом с резервацией вечернюю школу в обычном доме. Я научился там читать, а вот писать – еще нет. Как-то раз он прочел нам статью, которую написал сам. Статью о школах-интернатах для детей индейцев. В конце он упомянул твое имя: «Киона, которой повезло вырваться из этого ада и которая училась очень хорошо...» Было написано красиво. С тех пор о твоей семье очень часто говорят.

– Лафлер – хороший человек! Даже если...

– Даже если что?

– Нет-нет, ничего. Пойдем. В любом случае, я рада тому, что ты умеешь читать и что часто встречаешь Овида Лафлера.

Киона сделала для себя некоторые выводы. Она еще прошлой зимой заметила изменения в Делсене. Он все еще был заносчивым и злобным, однако в его поступках и жестах чувствовалось уже меньше издевки и грубости. И Киона уверовала в то, что если она будет любить Делсена всей душой, то спасет его от угрожающих ему опасностей.

Подойдя к дому Маруа, Делсен осмотрел велосипед, и тот показался ему очень даже неплохим: его можно было весьма выгодно продать. Киона потащила Делсена на луг позади дома. Она отпустила там Фебуса, и этот красивый конь поскакал крупной рысью к своему другу пони.

– Они почти неразлучны, – сказала Киона. – Вот увидишь, они сейчас спрячутся от солнца под яблоней и пробудут там до наступления сумерек. Лошади чаще всего пасутся вечером или утром.

Услышав, что ее кто-то зовет, Киона замолчала. Их, как выяснилось, заметила Иветта Лапуант, развешивавшая на своем дворе какие-то тряпки.

– Ты вернула себе коня, девушка? – крикнула Иветта. – Ого, да ты пришла сюда с тем парнем, который его украл?

– Добрый день, Иветта. Познакомься, это Делсен. Произошло недоразумение. Я разрешила ему забрать Фебуса, но он такой робкий, что не осмелился заговорить ни с кем из местных.

Супруга Онезима Лапуанта, давно уже известная своими любовными похождениями, до сих пор наставляла рога мужу. Ей было уже хорошо за сорок, волосы ее были накручены на бигуди, а торс обтягивала узкая кофта грязновато-желтого цвета. Вряд ли кто-то мог бы счесть ее соблазнительной. Но ей, похоже, весьма понравился Делсен.

– Он твой *boyfriend*^[8], Киона? – сказала она тихим голосом, подходя к девушке. – Ты уже, черт возьми, взрослая, а в этом есть свои плюсы.

– *Boyfriend!* – с усмешкой повторила девушка. – Вы, получается, уже

умеете говорить по-английски, Иветта?

– А что тут удивительного? Я, между прочим, хожу в кино. В американских фильмах часто используют это слово, – пробурчала Иветта.

Не желая злить женщину, Киона, захихикав, подтвердила подозрения Иветты:

– Да, вы угадали, это мой *boyfriend!*

– Ну да, нет смысла робеть, когда обладаешь такой симпатичной мордашкой, как у тебя!.. Ты как, парень, насчет того, чтобы выпить свежего пива?

– При такой жаре – не откажусь, – ответил Делсен своим чарующим голосом.

– Это очень любезно с твоей стороны, Иветта, но у нас совсем нет времени, – сухо сказала Киона. – Нам необходимо быстро вернуться в Роберваль. Так что в следующий раз...

– Да подожди ты пару минут, у меня есть новости. Сегодня рано утром, представь себе, пришло письмо от Шарлотты. Эта мадам возвращается в Канаду вместе со своим немцем и двумя маленькими детьми! Она, похоже, ничуть не изменилась, поскольку просит меня открыть ее дом, проветрить его и немножко прибрать. Как будто я обязана это делать!

Новость возымела свой эффект. Киона очень любила Шарлотту – красивую шатенку с карими глазами, сестру Онезима. Шарлотта три года назад уехала в Германию и жила там с Людвигом, которому она родила дочку Адель и сына Томаса. На Киону нахлынули воспоминания. Перед ее мысленным взором предстал поселок Валь-Жальбер, засыпанный снегом в середине зимы. «Людвиг сбежал из лагеря военнопленных. Он спрятался в одном из заброшенных домов, стоящих напротив целлюлозной фабрики. Я тайно приносила ему еду, и Шарлотта это заметила. После того они стали встречаться, и я поняла, что они полюбят друг друга...»

– Они возвращаются сюда навсегда? – спросила Киона.

– Понятия не имею. Они приедут в субботу на поезде. У них наверняка водятся деньжата, раз они способны оплатить такое путешествие.

– Ну конечно! Странно, что Шарлотта не сообщила о своем приезде Эрмин. Впрочем, нам, возможно, сегодня утром пришло от нее письмо – так же, как и вам. Я ведь ушла еще до того, как пришел почтальон.

– Лично у меня приезд моей золовки восторга не вызывает! Но я буду рада увидеть ее малышей... Ну так что, выпьете вкусного пива?

– Нет, у нас есть лимонад. До свидания, Иветта.

– Ну что же, до свидания, Киона. До свидания, молодой человек. В

следующий раз, когда придете за конем, загляните к нам.

– Ну конечно, заглянет, – ответила за Делсена Киона. – Пока, Иветта. Передай привет Онезиму. Увидимся, когда Шарлотта будет здесь.

С этими словами Киона увела Делсена прочь, по-свойски и ласково взяв его под руку. Десятью минутами позднее, пройдя перед Маленьким раем, все еще являющимся собственностью Шарлотты, Киона и Делсен оказались на берегу реки Уиатшуан.

Городишко Монпон, департамент Дордонь, Франция, тот же день

По берегу реки Иль, в спокойных водах которой отражалась листва дубов и тополей, шел какой-то мужчина. Трава под его ногами была высокой и иссушенной солнцем.

– В марте исполнилось уже семь лет, – сказал мужчина тихим голосом, бросая сигарету наземь и растапывая ее каблуком.

Тошан Клеман Дельбо был непреклонен в своем решении совершить это паломничество в Монпон – тихий городишко, находящийся в историческом регионе, который у французов принято называть «Перигор». У него остались об этом местечке довольно грустные воспоминания, которые ему было нелегко воскресить в памяти, поскольку теперь – при такой жаре и таком ярком свете – волею лукавой природы все вокруг выглядело совсем по-другому. «И зачем мне, собственно говоря, нужно было возвращаться сюда? – мысленно спросил он сам себя. – Война ведь уже закончилась, и весь мир пытается залечить свои раны».

В свои сорок лет и один год этот сын Талы-волчицы был все еще очень видным и соблазнительным для женщин мужчиной. Ирландская кровь его отца – золотоискателя Анри Дельбо – поспособствовала тому, что Тошан отличался внешне от чистокровных индейцев монтанье. Фигура у него была более стройной, чем у них, нос – более прямым, а кожа – менее темной. Во время войны, когда он стал участником движения Сопротивления во Франции, его частенько принимали за выходца из Страны Басков или какой-нибудь другой области Испании.

На колокольне церкви Успения Богородицы два раза глухо ударил колокол, и эти звуки, казалось, застыли в воздухе. Было тихо – ни ветерка. Затем на реку, весело хлопая крыльями, сели утки. Тошан посмотрел на них меланхоличным взглядом. Он очень сожалел о том, что сейчас рядом с ним нет Эрмин. Поскольку у нее уже были заключены новые контракты, она захотела вернуться в Квебек как можно скорее, и телеграмма, полученная от директора «Капитолия», ускорила ее отъезд.

«Ну, ты в любом случае не горела желанием снова увидеть этот город,

не так ли, моя дорогая Мин?» – сказал он приглушенным голосом.

Он иногда разговаривал с ней подобным образом, когда они находились далеко друг от друга. Посмеиваясь над самим собой, он продолжал идти, глядя на поблескивающую на солнце воду.

Хотя прошло уже немало лет, Эрмин не забыла о той связи, которая была у ее мужа с Симоной – еврейкой, которая, как и все евреи в те тревожные времена, подверглась преследованиям. У нее был маленький сын – Натан. Их обоих убил немецкий патруль – убил недалеко отсюда, прямо на лугу напротив семейного пансиона, в котором они все трое жили. «Симона, бедная Симона!» – подумал Тошан.

Как раз в тот момент, когда он вспомнил свою любовницу, ему вдруг показалось, что у него началась галлюцинация: на берегу реки Иль возник женский силуэт, до этого скрытый за оградой из кустов боярышника. Черноволосая, в платье из цветастой набивной ткани и черной куртке, она очень напомнила ему Симону своим профилем и вообще всей своей внешностью.

«Но этого не может быть!» – ужаснулся он.

Он провел дрожащей рукой по лбу. Неужели и у него имеется такой же дар, как у его сводной сестры Кионы, которая, если верить ей, разговаривает с призраками усопших?

«Это просто смешно», – сказал он вполголоса.

Он приготовился пойти прочь, чтобы не сталкиваться с этой странной незнакомкой. Она находилась метрах в трех от того места, где погибли Симона с сыном, а его самого ранили вражеские пули. «Я вернусь сюда завтра рано утром, – мысленно пообещал он себе. – В такое время тут никого не будет. Мне нужно побыть здесь одному».

Молитвы, которые он намеревался прочесть, стоя на коленях на земле, могут и подождать. Тошан приехал в этот городок на поезде около одиннадцати и позавтракал в ресторанчике на самой оживленной улице. Этот ресторанчик находился напротив отеля, в котором он забронировал себе номер. Когда Тошан путешествовал без своей знаменитой супруги, он довольствовался лишь минимальным комфортом и старался тратить поменьше денег.

Чувствуя себя неловко и сильно волнуясь, он бросил последний взгляд на женщину, невольно нарушившую его планы. Она повернулась к нему лицом и поприветствовала его легким кивком. Это было лишь машинальное проявление вежливости, потому что они находились на довольно большом расстоянии друг от друга. Тем не менее Тошан встревожился еще больше. «Как же она похожа на Симону!» –

констатировал он, замерев на месте.

Он уставился на нее таким пристальным взглядом, что она, смутившись, попятилась, а затем стала подниматься по пологому склону, заросшему травой. Почувствовав себя неловко из-за того, что вызвал у нее беспокойство и даже тревогу, он решил ее позвать.

– Мадам! – крикнул он. – Мадам, извините меня! Я ухожу. Вы можете остаться здесь, на берегу.

Она остановилась, и он заметил, что она слегка дрожит всем телом – так, как будто сильно испугалась. К его большому удивлению, она ответила ему:

– Мадемуазель, а не мадам...

– Извините меня, я не хотел вам докучать, – сказал Тошан. – Мне показалось, что я узнал вас... Но я ошибся. Я ухожу.

Теперь она была ярко освещена солнцем, и он смог получше рассмотреть ее. Она была моложе Симоны и стройнее.

– Это было бы любезно с вашей стороны, месье, благодарю вас.

Тошану показалось, что он заметил в ее темных глазах с длинными изогнутыми ресницами какую-то непонятную панику. Он уже собирался повернуться и уйти, когда она вдруг тихо застонала и зашаталась.

– Мадемуазель! Вы плохо себя чувствуете? Это из-за меня?

– Нет, нет, уходите, это у меня пройдет. Сейчас так жарко!

Она посмотрела беспомощным взглядом на затененный участок, простирившийся под большими деревьями выше по течению реки.

– Послушайте, – сказал Тошан, – я могу отвести вас туда, если вы страдаете от жары. Вам нечего бояться, я безобидный отец семейства. Позвольте представиться: Тошан Дельбо. Я приехал из Квебека.

Женщина молча кивнула. Ее лицо было мертвенно-бледным.

– Месье, у меня кружится голова, – сказала она. – Мне хотелось бы вернуться на берег реки.

Тошан осторожно взял ее за руку. Когда они благополучно дошли до берега, он снял с себя куртку и расстелил ее на траве.

– Присядьте и отдышитесь. Вам бы сейчас выпить мелиссовой воды с сахаром, – вздохнул он.

– У меня есть все необходимое в моей сумочке, я медсестра. Не переживайте слишком сильно. Я знаю, что со мной такое.

– Медсестра! – растерянно повторил он. – Вот уж действительно...

Судьба сыграла с ним шутку. Приехав в Монпон почтить память двух жертв нацистского безумия, он встретил в том месте, где они погибли, двойника Симоны, и эта особа, как и Симона, была медсестрой.

– Почему вы сказали «вот уж действительно»? – удивилась женщина.

Она открыла свою сумочку из красивой красной кожи и достала из нее какой-то флакон. Побрызгав прозрачной жидкостью с анисовым запахом на носовой платок, она протерла им лоб и виски, а затем прижала его к своему носу.

Тошан, оставшись стоять на ногах, медлил с ответом. Он закурил американскую сигарету и засомневался, стоит ли предложить такую же сигарету женщине. Однако пару мгновений спустя она достала из сумочки свою собственную пачку сигарет и тоже закурила.

– Вы так и не дали никакого объяснения этому своему «вот уж действительно»! – сказала она уже гораздо более самоуверенным тоном.

– А тут особенно-то и нечего объяснять. Меня просто мучают очень болезненные воспоминания, от которых я не могу избавиться. Мне не хочется омрачать ими этот великолепный летний день. Нужно уметь забывать.

Женщина подняла голову и посмотрела на Тошана с заинтригованным видом.

– Мне это понятно, однако некоторые воспоминания никогда не стираются из памяти. Лагеря смерти... Пять лет назад я находилась в Дахау, а до этого – в Аушвице. Меня зовут Эстер Штернберг. С такой фамилией мне не нужно вам много объяснять.

Смутившемуся Тошану не оставалось ничего другого, кроме как сесть рядом с ней. Он снова посмотрел на нее пристальным взглядом.

– Штернберг? – переспросил он очень тихо. – Вот уж действительно...

Эта еврейская фамилия была широко распространенной. Тем не менее совпадение ошеломило его.

– Еще одно «вот уж действительно», – покачала головой Эстер Штернберг.

– Понимаете, мадемуазель, я был знаком с одной женщиной-еврейкой. Ее звали Симона Штернберг, она была медсестрой. Это долгая история. Во время войны она лечила меня, когда я был сильно ранен. Точнее говоря, она в буквальном смысле слова спасла мне жизнь: и благодаря тому, что ухаживала за мной, и благодаря тому, что спрятала меня в мансарде своих друзей, у которых также укрывалась со своим маленьким сынишкой Натаном.

Тошан, разговаривая сейчас с Эстер, смотрел не на нее, а куда-то в пространство. Почувствовав, что к горлу у него подступил ком, он замолчал.

– Боже мой! – простонала Эстер. – Это была моя сестра. Моя старшая

сестра. Симона, Натан...

Она замолчала и так и осталась сидеть с приоткрытым ртом. По щекам у нее потекли слезы.

– Ваша сестра? Симона мне никогда не говорила, что у нее есть сестра.

– А какой смысл рассказывать о тех, кого уже нет? Моя сестра, должно быть, узнала от близких ей людей, что я была среди евреев, которых в результате облавы согнали на Зимний велодром в Париже в июле 1942 года. Исаак, ее муж, еще в самом начале войны предусмотрительно отправил ее вместе с Натаном в департамент Дордонь. Я же отказалась уехать из Парижа. Мне тогда исполнился двадцать один год, и я вышла замуж за младшего брата доктора Штернберга. Его звали Яков. Он умер очень быстро, всего лишь через месяц после того, как мы оказались в Польше, в Аушвице. А вот я выдержала. Мне повезло. Я в тот год уже начала работать медсестрой, применяла свои профессиональные знания в концлагере, в нашем бараке. Те ужасы, которые я там видела, те гнусности, свидетелем которых я была, – не существует таких слов, которыми их можно было бы описать.

Эстер сплела пальцы и так сильно сжала их, что суставы побелели. Тошану стало ее очень жаль. У него самого к глазам подступили слезы.

– Я искренне сожалею, – пробормотал он. – Мадемуазель, могу я у вас поинтересоваться, что вы здесь делаете?

– Добрые люди занимаются поисками сведений о погибших евреях. Благодаря им я узнала, что моя сестра и ее сын были расстреляны на этом лугу и похоронены в общей могиле на местном кладбище. Прежде чем отправиться на судне в Нью-Йорк, я захотела с ними попрощаться. Но я так, видимо, и не узнаю, при каких обстоятельствах они погибли. Думаю, что Симона пыталась добраться до Бордо, чтобы затем отправиться в Америку.

– Да, именно так, – тихо сказал Тошан. – Позаботиться о них и защитить их должен был один мужчина. Но он с этим не справился. Впрочем, он попытался сделать невозможное, напав на двух полицейских и патруль вермахта. Его оставили лежать на земле, потому что сочли мертвым.

– Вы хорошо осведомлены, – пробормотала Эстер. – Этим мужчиной были вы?

Тошан кивнул и продолжил свой рассказ:

– Я обязан жизнью полицейскому этого городка. Ему поручили перевезти наши три тела на кладбище, и он при этом заметил, что во мне все еще теплится жизнь. Рискуя своей собственной жизнью, он отвез меня

к врачу, который участвовал в движении Сопротивления. Я собираюсь отблагодарить его, выразить ему свое уважение и благодарность. Хозяин ресторана, в котором я обедал в полдень, дал мне его адрес. Мы, надо вам сказать, тогда расположились в доме, находящемся по ту сторону этого луга. Это дешевый семейный пансион. Он называется «У Мерло».

– Я сняла там комнату, – сообщила Эстер. – Мадам Мерло очень хорошо помнит мою сестру и Натана и то, как их расстреляли. Она сказала мне, что их действительно сопровождал какой-то мужчина, но она полагала, что он не выжил. Врач, который оказал вам помощь в тот день, должно быть, пустил слух о том, что вы погибли.

– В действительности за мной приехали из Красного Креста, и затем мне сделали операцию в Бордо. Нужно немало времени, чтобы вам обо всем этом рассказать! Прошу вас, мадемуазель, уйдите из этого пансиона и поселитесь где-нибудь в центре городка. Я подозреваю, что это Мерло нас тогда выдали.

Тошан на несколько секунд закрыл глаза. Он увидел мысленным взором Симону в сером шерстяном платье, кровавое пятно у нее посредине спины и маленького Натана, распростершегося на траве и смотрящего в пустоту невидящим взглядом мертвеца.

– Их смерть не была мучительной, поверьте мне, – прошептал Тошан. – Ко мне все еще часто приходят воспоминания о том, как они погибли.

Ему показалось, что он снова слышит бешеный крик «*Juden!*»^[9], разорвавший теплый воздух в то весеннее утро. Тошан тяжело вздохнул, к его глазам снова подступили слезы. Эстер, почувствовав себя неловко, отвернулась и стала смотреть на реку. После недолгой паузы она попыталась сменить тему разговора.

– Вы сказали, что приехали из Квебека. Насколько мне известно, у ваших соотечественников специфический акцент, но у вас его нет.

– Я метис. В моих жилах течет индейская и ирландская кровь, – сообщил Тошан, смахивая слезу. – Смешение рас. Если бы все люди могли смешаться, чтобы создать в будущем одну-единственную расу, всему миру от этого стало бы только лучше. К сожалению, это утопия. Когда я был моложе, мне пришлось испытать и презрительное отношение к себе, и унижения. Точнее говоря, попытки меня унижить, потому что вообще-то я сам насмеялся над людьми, которые пытались это делать. Я поклоняюсь духам природы, скрытым силам вселенной... Я, наверное, раздражаю вас своей болтовней.

– Вы меня вовсе не раздражаете. Я здесь уже три дня. Рассчитывала

уехать завтра или послезавтра. Что касается мадам Мерло, то ваши подозрения напрасны. Если бы вы только знали, как она за мной ухаживает! Эти люди вовсе вас не выдавали. Она в этом клянется. Вас выдал тот мужчина, который должен был довести вас на своей барже по реке до Либурна.

– Она, вполне возможно, обвиняет его только ради того, чтобы выгородить саму себя и своего мужа!

– Нет, ее мужа пытали в гестапо, а затем расстреляли в апреле 1943 года, причем как раз за то, что они приютили вас и не сообщили сразу же об этом кому следует.

Тошан сжал зубы. Ему захотелось забыть про ужасы войны, забыть про всех тех мужчин, женщин и детей, которые стали ее жертвами.

– Я искренне рад тому, что встретил вас, мадемуазель, – сказал он тихо. – Порой случаются удивительные совпадения, хоть я в совпадения и не верю. Я воспользовался своим пребыванием во Франции для того, чтобы приехать сюда, и мне кажется, что наша встреча представляет собой странное совпадение. Как будто все это было predetermined заранее.

– Вы скоро начнете говорить мне о судьбе. Я не верю в судьбу, однако я согласна, что это весьма странно, что мы оказались в Монпоне в одно и то же время.

– Это пустяки. Лично я очень рад, что мне выпала возможность поговорить о Симоне. Если быть еще более откровенным, то мы с вашей сестрой, прежде чем оказаться здесь, провели несколько дней в лесу. Между нами возникла близость. Я находился так далеко от своей родной страны! И в любой момент мог умереть. Мы оба очень нуждались в утешении и нежности.

– Я понимаю. Благодарю вас за то, что вы мне в этом признались. Теперь я, по крайней мере, знаю, что моя сестра испытала немного радости, прежде чем ее пристрелили здесь, на этом лугу, как какое-нибудь опасное животное.

Эстер тяжело вздохнула. И она, и Тошан почувствовали себя психически измученными, нервы у них начинали шалить.

– Я пойду в пансион и немного отдохну, – сказала Эстер. – Мне хотелось бы побеседовать с вами еще, но я не могу. А жаль! Когда вы говорите о Симоне, мне начинает казаться, что она все еще жива, что она где-то рядом с нами. Вы видели нечто такое, чего я уже никогда не смогу увидеть. Я могу это только представить.

Тошан, чувствуя сильное волнение, встал и помог Эстер подняться со стула. Она – сильно побледневшая – слегка оперлась на него.

– Мадемуазель, могу ли я пригласить вас на ужин? – спросил Тошан. – Я постараюсь рассказать вам те воспоминания, которые связаны у меня с вашей сестрой. Прежде всего хорошие воспоминания.

– Да, конечно. Вечером мне в комнате скучно. Время тянется медленно.

– Тогда я найду за вами в семь часов! – пообещал Тошан, довольный тем, что снова увидит эту женщину и предложит ей то, что может, – красивый портрет ее погибшей сестры. – Я провожу вас, поскольку выглядите вы не очень хорошо.

Они расстались возле террасы пансиона, которая была окружена зарослями глициний. Тошану показалось, что он чувствует опьяняющий запах мальвы, который ощущал во время своего последнего завтрака с Симоной семь лет назад. Он отказался пойти поздороваться с хозяйкой.

– Мне нужно успокоиться! – придумал он отговорку. – Сегодня вечером...

Эстер проводила его глазами, когда он пошел по улице, залитой яркими лучами солнца. Этот мужчина спал с ее сестрой, он целовал ее и наслаждался ее женской плотью. Эстер вздрогнула, почувствовав тревогу и стыд – так, как будто застала эту парочку во время их любовных утех.

«Тошан! Какое странное имя! – подумала она. – Тошан... Индеец из Квебека. Вот уж действительно...»

Эта фраза заставила ее улыбнуться. Ей вспомнился низкий и чувственный голос этого чужеземца. Слегка пожав плечами, Эстер Штернберг вошла в прохладный и полутемный зал ресторанчика.

Берег реки Уиатиуан, тот же день

Делсен только что нырнул с большого плоского камня в прозрачную воду небольшой заводи. Течение за ее пределами было сильным, с водоворотами. Его усилила вода, поступающая в реку в результате таяния снегов. Киона, сидя на камне, нагретом солнцем, не спешила раздеваться и заходить в воду. Она закрыла глаза, когда Делсен, ничуть не стесняясь, разделся. Правда, чтобы, по-видимому, ее не смущать, он не стал стягивать серые хлопковые трусы.

– Ну же, залезай в воду! – крикнул он Кионе, вынырнув на поверхность. Его волосы, намкнув, облепили голову. – Вода вообще-то холодная. Быстрее! Не перегревайся на солнце.

Он поплыл, поднимая вокруг себя серебристые брызги. Киона сняла сандалии. В ее мозгу лихорадочно роились мысли, и на душе было тревожно. «Это не совсем то, что было в моем видении! Я не чувствую того

же самого. Я, наверное, ошиблась днем или местом». Это назойливое сомнение придало ей благоразумия. Она потеряла уверенность в своей интуиции. «Единственное, в чем я уверена, – так это в том, что над Делсеном нависла какая-то серьезная опасность. Однако я не знаю, что это за опасность и чем она вызвана».

– Киона! – позвал он. – Если ты немедленно не зайдешь в воду сама, я тебя туда затащу силой.

– Иду!

– И без одежды! Ты об этом помнишь?

– Вот уж нет! – пробурчала она, снимая свою кофточку с короткими рукавами.

Предстать перед глазами Делсена в лифчике было для нее мучительно. Лифчик этот был из зеленого атласа, без каких-либо смелых излишеств. Ее трусики с ним совсем не сочетались. Киона решила, что не станет снимать ни лифчик, ни трусики, ни даже шорты. Она резко соскользнула в воду. Вода была такой холодной, что у нее перехватило дыхание.

– Ты сошел с ума! – крикнула она, размахивая руками. – Вода ледяная!

Делсен, подплыв к ней энергичным кролем, обхватил ее за талию и громко рассмеялся.

– Ну и выражение лица у тебя! – воскликнул он. – Ты хоть плавать-то умеешь?

– Девушка, выросшая у озера Сен-Жан, не умеет плавать?! Да ты идиот!

Киона оттолкнула Делсена и поплыла красивым брассом, подбадриваемая силой течения и прохладой воды. Плыть вниз по течению было легко, а вот возвращение, как она прекрасно понимала, потребует от нее немалых усилий. Делсен поплыл вслед за ней, раззадоренный тем, что только что увидел: высокие юные груди под атласным лифчиком, твердые соски, плоский живот, кожа цвета меда...

– Не заплывай слишком далеко, – посоветовал он.

Не желая ему подчиняться, она заплыла в маленькую бухточку между двумя огромными округлыми валунами, похожими на каменных монстров, навечно заснувших много веков назад. Коснувшись ногами дна, она встала и выпрямилась. Вода здесь доходила ей лишь до середины бедер. «Думаю, что это здесь. Да, это то самое место», – мысленно сказала она сама себе.

Ее намокшие шорты неприятно липли к телу. Вдруг почему-то осмелев, она взобралась на валун и – не без труда – стащила с себя шорты. Затем она выпрямилась и протянула руки к небу. Ее тело было полностью освещено солнцем.

– Благодарим тебя, о Маниту, за все твои милости и благодеяния, – сказала она шутливым тоном. – Тебя благодарят твои дети – я, Киона, и он, Делсен. Ты даришь нам вкус ягод в лесу, сок деревьев и множество ярких красок!

Ее золотистое тело было все покрыто блестящими капельками. Она повернула свое лицо к солнцу. Ее рыжеватые, потемневшие от воды косы напоминали бронзовых змей, которые вместе с изящным станом делали ее похожей на внезапно ожившую великолепную женскую статую. Она казалась олицетворением лета, сезона фруктов, урожая и изобилия.

Делсен смотрел на нее восхищенным взглядом – смотрел без настоящего вождения, но с зарождающимся чувством любви и огромного уважения. В какой-то миг ему показалось, что она сейчас взлетит ввысь, как жар-птица, и что он ее уже больше никогда не увидит.

– Киона, иди ко мне, – взмолился он, раскрывая свои объятия.

Она спустилась с валуна и, погрузившись в спокойную воду бухточки, приблизилась к Делсену и прижалась к нему. Он осторожно поцеловал ее в губы, обхватив ее руками и поглаживая спину.

– Мне кажется, я тебя люблю, – прошептал он ей на ухо. – Мне повезло, что ты у меня есть. Ты красивая, очень-очень красивая!

– Ты тоже красивый, – сказала Киона в ответ. – Очень-очень красивый! Делсен, обними меня покрепче, прошу тебя.

Он повиновался и при этом снова ее поцеловал. Их губы прижались друг к другу – мягкие, свежие, чувственные. По девственному телу Кионы побежали волны сладострастия. Она попыталась отдаться им во власть, чувствуя при этом любопытство и страх. Делсен очень быстро потерял контроль над своими эмоциями. Он схватил рукой одну из ее грудей, а второй рукой залез под атласную ткань ее трусиков. Тяжело задышав, он показал ей на расположенную неподалеку на берегу мелкую поросль.

– Пойдем, вылезай из воды, я уже больше не могу ждать. Я возьму тебя аккуратно, тебе не будет больно. Через некоторое время мы поженимся. Обещаю, что поженимся.

Киона, волнуясь, но испытывая восторг, который ей казался вполне разумным и уместным, пошла вслед за ним. Ей предстояло сделать ответственный шаг – пожертвовать своей девственностью. «Как бы там ни было, это ведь написано на звездах, – подумала она, пытаясь уверить себя в правильности своего решения. – Мне предстоит стать его женой, пусть даже свидетелем его обещания жениться на мне был лишь Маниту».

Выбравшись на берег, Делсен допустил грубую ошибку: он сразу же снял с себя трусы. Киона закрыла глаза, чтобы не видеть его возбуждения.

Делсен почувствовал, что Киона шокирована и испугана, и прижал ее к себе.

– После того как ты это сделаешь, ты уже не сможешь больше остановиться, моя дорогая, ты будешь хотеть еще, – сказал он тоном, который показался Кионе надменным. – Я об этом кое-что знаю: ты у меня не первая. Ложись, и побыстрее.

– Нет, я не могу! – воскликнула Киона, едва не плача. – Я, Киона, дочь Талы-волчицы, этого не сделаю. Мама не хотела, чтобы я отправилась сюда. Этого не хотел ни бог, ни Иисус, которого я так люблю!

Подобное заявление охладило пыл Делсена. Он отступил на шаг назад и посмотрел на Киону ошеломленным взглядом.

– Ты любишь Иисуса? И Маниту тоже? – спросил он.

– Не имеет значения, о каком боге я говорю. Мне жаль, но я не стану заниматься этим с тобой. Не стану этого делать именно здесь и именно сейчас!

Она повернулась и побежала прочь. Прежде чем вернуться туда, где лежали ее сандалии и кофта, она устремилась к валунам, намереваясь подобрать свои шорты. В конце концов одевшись и нацепив сандалии, она почувствовала, что на душе и в сердце у нее царит полный хаос. Делсен тем временем бросился в реку и поплыл против течения. Вскоре он уже был рядом с ней.

– Не сердись, я попросту не знал, каким образом мне следует тебя брать, – вздохнул он. – Ты еще к этому не готова – только и всего. Других девушек мне иногда самому приходилось от себя отталкивать.

– Да замолчи ты! – потребовала Киона. – Надень штаны и рубашку.

– А ты признайся, что в действительности не очень-то меня и любишь!

– Да нет, я тебя люблю! После того, как ты удрал из интерната, я часто думала о тебе, а с тех пор, как ты напал на меня в моей комнате на берегу Перибонки, я думаю о тебе непрерывно. Это стало еще хуже после того, как мы целовались прошлой зимой. Я мечтаю о тебе, я плачу от желания тебя увидеть, прикоснуться к тебе, но вот того, что делают влюбленные, я пока сделать не могу. А может, и никогда не смогу.

– Глупышка! – ухмыльнулся Делсен. – Нужно всего лишь начать.

– Я об этом ничего не знаю, – простионала Киона. – Делсен, поверь мне, я тебя люблю!

– Докажи это!

– Каким образом?

Делсен, нахмурившись, скрутил себе папиросу. Киона с оробевшим и отчаянным видом прикоснулась указательным пальцем к его щеке.

– Я рассказывал тебе о работе. Если у тебя есть деньги, можно купить два билета на поезд. Бригадир возместит половину стоимости после того, как мы прибудем на место. Завтра туда уезжает одна семейная пара. Они китайцы. Будут заниматься там стиркой. Они ищут себе работника – того, кто будет им помогать. Вот ты и могла бы стать у них таким работником. Мы будем жить там вдвоем. Это даст мне право на отдельную палатку. Я скажу, что ты моя жена.

Киона сначала отрицательно покачала головой, но затем, поразмыслив, сказала сама себе, что ей следовало бы поехать вместе с Делсеном, чтобы присматривать за ним и оберегать его от опасности, которая распростерла над ним свои черные крылья и тень которой она постоянно видела. С течением времени они лучше узнают друг друга и научатся друг друга понимать. Киона чувствовала себя способной победить судьбу и стереть из своего сознания ужасное видение, в котором ее возлюбленный лежал при смерти в луже крови.

– Если я и поеду, то при одном условии, – сказала Киона. – Ты не станешь насиловать меня, когда мы будем спать, даже если мы будем лежать вплотную друг к другу. Ты должен мне в этом поклясться, Делсен. Когда я решусь на физическую близость, когда я захочу ее всем своим существом, я сама тебе об этом скажу.

Делсен быстро взвесил все «за» и «против». Киона принесла ему все свои сбережения и пригнала велосипед, который можно будет довольно быстро продать. Привыкнув без особого труда соблазнять девушек – как индианок, так и бледнолицых, – он видел особую прелесть в том, чтобы суметь завоевать это странное создание редкой красоты.

– Я тебе в этом клянусь, – сказал он с нарочитой серьезностью. – Ты сама выберешь подходящий момент. Кроме шуток, ты и в самом деле поедешь со мной в Онтарио?

– Да, поеду, но сначала я должна вернуться в Роберваль, иначе Мирей начнет беспокоиться.

– Ты позвонишь ей сегодня вечером из Шамбора. Если ты хотя бы зайдешь в свой дом, у тебя пропадет желание уехать отсюда со мной. Поэтому мы уезжаем немедленно, Киона.

– У меня нет при себе никаких вещей, даже смены белья, – запротестовала девушка. – К тому же Мирей – пожилая женщина, и она нуждается во мне.

– Мы купим тебе спецовку, платье – в общем, все, что захочешь. Китайцы сядут на поезд в Шамборе. Я должен буду встретиться с ними в пять часов утра. Если ты сделаешь хотя бы один шаг назад, ты меня

потеряешь.

«Я тебя потеряю... – мысленно повторила Киона. – Он прав, если я вернусь в Роберваль, он уедет без меня, и я его потеряю».

– Договорились, Делсен, – прошептала Киона встревоженным голосом. – Уедем без каких-либо задержек.

Делсен поднялся и взял ее за руку. Они углубились в мелкую поросль, служившую своего рода зеленой оправой реке Уиатшуан. Они шли молча, с мрачным видом и были чем-то похожи на двух падших ангелов, изгнанных из рая.

Глава 3

Смятение и разочарование

Роберваль, среда, 12 июля 1950 года

Было шесть часов вечера. Едва сойдя на перрон вокзала, Эрмин посмотрела ласковым взглядом на озеро Сен-Жан, которое, сверкая на солнце всей своей необъятной поверхностью, казалось огромной массой – целым морем – расплавленного металла. Эрмин испытывала к этому водоему что-то вроде дружеской привязанности, возникшей и укрепившейся в ходе поездок по нему летом на лодке и зимой на санях – поездок, в результате которых она частенько оказывалась возле реки Перибонки, рядом с Тошаном. Впрочем, это была всего лишь привязанность, а не то странное чувство, похожее на страсть, которое она испытывала к гигантскому водопаду Уиатшуан.

– Посмотри на озеро, куколка моя. Вскоре мы будем плавать на большом белом судне – таком, как вон то, что виднеется вдалеке.

Эрмин несла на руках свою маленькую Катери, которая держалась за ее шею ручками и сонно покачивала головой: она только что проснулась. Жослин тем временем помогал Лоре спуститься из вагона на перрон: его супруга надела туфли на очень высоком каблуке и боялась оступиться.

– Аккуратнее, Жосс, – потребовала она. – Я знаю, что тебе не терпится усесться в свое любимое кожаное кресло, но это отнюдь не повод для того, чтобы заставить меня упасть.

– А мне вот кажется, что ты специально медлишь ради того, чтобы продемонстрировать всем свою новую шляпку! – пробурчал Жослин.

Мадлен, все еще находясь в вагоне, терпеливо ждала. Она держала за руку Констанана, слегка помахивавшего туда-сюда красивым плюшевым фокстерьером, которого он держал другой рукой.

– Быстрее, бабушка! – сказал он. – Мне нужно показать мою игрушку Фокси. У него теперь будет друг.

– «Быстрее, быстрее!» От вас только это и слышно... – проворчала элегантная фламандка. – Уж лучше бы я осталась еще на недельку в Квебеке.

– Если бы это произошло, мы бы обанкротились! – ухмыльнулся Жослин.

Лоранс, тащившая два чемодана, почувствовала, как у нее к горлу

подступает ком. Она уже сильно скучала по своей сестре-близняшке. Они никогда раньше не разлучались, и теперь ей казалось, что от нее отрезали часть ее самой. Единственным ее утешением была предстоящая встреча с Кионой, которая наверняка сумеет помочь ей забыть то, что она воспринимала не иначе как дезертирство Мари-Нутты. Несмотря на свой робкий характер, она уже обещала себе, что будет ходить одна в кино, совершать прогулки на велосипеде и купаться в озере – в общем, предаваться развлечениям, которые позволят ей дожидаться отъезда в Большой рай, расположенный на берегу Перибонки.

Перрон постепенно заполнялся другими пассажирами. Эрмин попыталась заставить своих родственников встать тесной группой.

– Мама, перестань расхаживать туда-сюда! Папа, держи за руку Констан: Мадлен нужно взять один чемодан у Лоранс. Надеюсь, персонал поезда выгрузил из багажного вагона оба моих чемодана. В них – ваши подарки.

– Эти пресловутые подарки! – вздохнула Лора. – Ты вообще-то могла показать их нам в Квебеке! Все то, что привозится сюда из Франции, для меня очень интересно.

– Там, бабушка, есть и подарки, привезенные из Лондона, – вмешалась в разговор Лоранс. – Мама, мне можно будет посмотреть подарки Нутты?

– Нет, твоя сестра откроет свои пакеты сама, после того как приедет к нам вместе с отцом.

Эрмин приняла твердое решение, что Мари-Нутта пробудет в Квебеке у Бадетты не дольше трех недель, то есть до возвращения Тошана.

– Хорошо, – кивнула Лоранс, оглядываясь по сторонам. – Киона могла бы прийти нас встретить.

– Ты права. Я вообще-то думала, что она будет ждать нас здесь, – сокрушенно покачала головой Эрмин. – Ну что же, пойдете! Дом, к счастью, недалеко.

– А Оны здесь нет? – вдруг спросила Катери, слушавшая, как разговаривают взрослые.

– Нет, малышка моя, Киона не пришла, – ответила ее мать ласковым голосом.

Они все наконец зашагали прочь с перрона. Первой шла Лора. Она с наслаждением смотрела на виднеющуюся вдалеке крышу нового жилища. Ей не терпелось показать своей знаменитой дочери последние нововведения по части комфорта. Это жилище представляло собой небольшой особняк «во французском стиле» (именно так говорила о нем сама Лора). Она каждый день восторженно разглядывала шесть маленьких

башенок, венчавших суживающиеся кверху крыши, а также многочисленные окна. В распоряжении обитателей этого дома имелось десять жилых комнат и две ванны. Внешние стены были покрыты дощатой обшивкой, состоящей из прочных досок, которые перекрашивались раз в десять лет. Сейчас они были выкрашены в красно-коричневый цвет, который удивительно красиво контрастировал с белыми рамами окон и пастельными тонами цветов на цепляющихся за стены растениях.

– Когда ты увидишь свою комнату, моя дорогая, ты будешь приятно удивлена, – сказала Лора, обращаясь к Эрмин. – Я заказала в Шикутими великолепные обои и шторы из красивого бархата. Твоя кровать теперь украшена балдахином из такого же материала. Обо всем остальном я тебе рассказывать не стану: пусть это будет для тебя сюрпризом.

Они уже подходили к калитке, встречаемые неистовым лаем собаки, бегавшей туда-сюда вдоль белой ограды. Пространство возле дома, ограниченное этой оградой, содержало в себе так много красивых деталей, что невольно радовало глаз, тем более что чуть поодаль виднелось величественное озеро Сен-Жан. Лужайка возле дома была аккуратно подстрижена. За одной из лип виднелась кованая садовая мебель, выкрашенная в белый цвет.

– *Home, sweet home!*^[10] – сказала, засмеявшись, Лора.

Но тут все заметили, что под передней частью навеса сидит старая служанка с носовым платком у лица.

– Моя дорогая Мирей! – воскликнула Эрмин.

Она передала Катери Мадлен и побежала обнимать милую пожилую женщину с покрасневшими веками и наполненными слезами глазами, которая позволила проявить к себе знаки внимания, прежде чем начала громко причитать.

– Моя бедная Мимин, если бы ты только знала, что на нас свалилось! О господи, это настоящее несчастье! Несчастье для всех, а особенно для мсье Жослина!

Жослин, услышав это, замер в ожидании дальнейших объяснений. Лора по привычке тут же попыталась взять ситуацию под свой контроль:

– Что тут еще произошло, моя бедная Мирей? Ты разбила одну из моих фарфоровых ваз? Нет, я знаю, ты упомянула Жослина – а значит, ты по оплошности перевернула его макет корабля. Перестань стонать, и давайте зайдем в дом! Мы только что протряслись десять часов в поезде, а потому нам хорошо бы сейчас отдохнуть и выпить чаю. Где Киона?

– Да-да, где Киона? – забеспокоился Жослин.

Мирей, ничего не отвечая, плакала. Эрмин, встревожившись, взяла ее за плечо.

– Да говори же ты наконец! Она попала в аварию?

– Я предпочла бы, чтобы она сломала себе ногу, Мимин. Наша Киона поступила по отношению к нам очень нехорошо. Она уехала.

– Уехала? То есть как это – уехала? – воскликнула Лоранс.

Жослин, не выдержав, заставил Мирей зайти в дом. Его раздирали гнев и неверие.

– А я еще мечтал о спокойствии в уютном доме! – проворчал он. – Что ты говоришь, Мирей?! Киона уехала? Куда она уехала, почему и на чем?

– Расскажи-ка нам все подробно! – рявкнула Лора, красивое лицо которой перекопилось от гнева.

Мирей задрожала всем телом. Эрмин, почувствовав к ней жалость, подвела ее к одному из кресел.

– Мама, пожалуйста, не кричи на нее. Если Киона и совершила глупый поступок, то Мирей тут ни при чем. Насколько я помню с ваших слов, это Киона должна была присматривать здесь за Мирей, а не наоборот.

– Ты, конечно же, будешь, как всегда, защищать свою Киону! – огрызнулась Лора. – А минут через десять за нее начнет заступаться и твой отец.

– Да ты ничего не понимаешь, – возмутилась Эрмин. – Я не защищаю Киону, мама, я защищаю Мирей от твоих несправедливых вспышек гнева, как мне часто приходилось делать и раньше.

Испугавшись криков и напряженности, воцарившейся в комнате, Катери широко раскрыла рот и издала громкий жалобный возглас. Она была вообще-то удивительно спокойным ребенком, но довольно быстро впадала в панику.

– Я поднимусь с детьми наверх, – решила Мадлен. – Они утомлены. Я переодену их и останусь с ними там, наверху.

Индианка хорошо ориентировалась в этом доме. Она жила в нем с Эрмин в начале и в конце лета на протяжении вот уже трех лет, что было связано с учебой детей Эрмин в школе и их каникулами.

– А я приготовлю чай, – объявила Лоранс угрюмым тоном.

Она была удивлена меньше других. Из своих откровенных разговоров с Кионой она знала, что та готова отправиться за Делсеном хоть на край света – тот знаменитый край света, о котором мечтали все влюбленные и который являлся символом идеального уединения и бесконечно долгого медового месяца.

Жослин снял свою льняную куртку и засучил рукава рубашки.

Стараясь выглядеть спокойным, он уселся в свое любимое кожаное кресло и достал курительную трубку.

– Ну так что, Мирей? – спросил он, стараясь говорить как можно более добродушно.

– Киона уехала вчера из дому на велосипеде Луи, – стала тихо рассказывать Мирей. – Перед этим приехал сын Онезима, Ламбер, и сообщил ей, что ее коня украли. Когда она уезжала, то пообещала мне, что вернется так быстро, как только сможет. Однако прошел целый день, а ее все не было. Вечером, в семь часов, она позвонила мне по телефону.

Все затаили дыхание. Воцарившаяся тишина так смутила Мирей, что она и сама замолчала.

– И что дальше? – не выдержала Эрмин.

– Она сказала мне: «Не беспокойся, моя дорогая Мими, я не могу вернуться немедленно, но я нашла Фебуса. Со мной все в порядке, я в безопасности. Я отправила письмо папе и Мин. Если у тебя возникнет какая-нибудь проблема, вызови домработницу. Прости меня! Целую тебя». Как только она сказала это, сразу же положила трубку. О господи, я так переполошилась!

– Но тебе следовало немедленно сообщить нам об этом! У тебя ведь был номер телефона нашего отеля в Квебеке! – рявкнула Лора.

– Я не решилась вам об этом рассказать, я была потрясена, мадам, – призналась несчастная служанка, теребя свой платок. – Да и что вы могли бы сделать, находясь так далеко отсюда?

– Разумные слова! – закивал Жослин. – Мне бы в течение всей поездки было не по себе. А письмо? Ты его получила?

– Да, месье. Не сердитесь, я позволила себе его вскрыть, потому что изнемогала от охватившей меня тревоги. Я, черт возьми, все время плакала!

Мирей протянула вскрытый конверт. Лора схватила его резким движением и вытащила сложенный вчетверо листок бумаги. Развернув его и не дожидаясь, что скажет по этому поводу ее муж, она стала громко читать:

Дорогой папа, моя драгоценная Мин!

Мне жаль, что я, по всей видимости, доставляю вам немало беспокойства – а может, и вызываю у вас гнев. Я уехала с Делсеном работать на строительной площадке, расположенной посреди леса очень далеко от Роберваля. У меня не было выбора. Поверьте этим моим словам и доверяйте мне. Мне не угрожает никакая опасность. Я это знаю точно. А вот ему, Делсену, угрожает опасность. Я уже достигла того возраста,

в котором могу уехать с человеком, которого люблю, – прежде всего ради того, чтобы его защитить.

От всего сердца, смиренно и со всей любовью, которую я к вам испытываю, прошу вас отнестись к моему решению с уважением и не пытаться меня найти.

Крепко обнимаю вас, а также Лоранс, Мари-Нутту, Мадлен, малышей и Лору. Я еще вернусь.

Киона

– Это все? Она написала только это? – воскликнула Эрмин. – Боже мой, да она сошла с ума!

Лоранс слышала все это, находясь на кухне. Принеся затем поднос с чаем, она разочарованно искривила губы.

– А что тут такого? – хмыкнула она. – Это можно было предвидеть. Делсен, опять Делсен!

Жослин с приоткрытым ртом смотрел на тюлевую занавеску, колыхаемую дующим с озера ветром. Его как будто поразила молния. Вскоре он задрожал всем телом и спрятал лицо в ладонях. Его трубка упала на ковер.

– Папа, мой дорогой папа! – простонала Эрмин, опускаясь перед отцом на колени, чтобы нежно его обнять. – Не бойся, она сильнее и опытнее всех нас, вместе взятых. Я ужасно разочарована поступком Кионы и не одобряю ее поведение, но мне кажется, что ей ничто не угрожает. Я ведь и сама ушла с Тошаном точно в таком же возрасте.

– Этот тип воспользуется в своих целях ее наивностью! – взревел Жослин. – Муки небесные, ну неужели она не могла влюбиться в серьезного юношу, встречаться с ним здесь, в городе, познакомить его с нами? Эрмин, нет смысла пытаться закрывать нам глаза: этот Делсен запудрил ей мозги. Доказательство тому: она уезжает с ним, не думая о последствиях. Это все равно что плюнуть нам в лицо!

– Жосс, успокойся, – вздохнула Лора. – Твоя дочь всегда пренебрегала условностями. Она считает, что может поступать так, как ей вздумается, и это началось не вчера. Ты пожинаяешь то, что посеял, когда относился к ней как к принцессе и не устанавливал для нее никаких ограничений. Я ведь тебя неоднократно предупреждала! Я очень люблю Киону, однако она зачастую бывает дерзкой, упрямой и эгоистичной – что она и подтвердила, удрав от нас.

В этих ее заявлениях было так много правды, что Жослин не осмелился сразу же что-нибудь возразить.

Лоранс, погрузившись в мрачное молчание, подавала чай. Эрмин

встала и подошла к ней.

– Моя дорогая, если тебе что-то известно, ты должна нам рассказать. Киона в последнее время встречалась с Делсеном? Она встречалась с ним тайно?

– Насколько я знаю, нет. В последний раз она видела его прошлой зимой, на берегу Перибонки, и, насколько я помню, она рассказывала об этом нам – то есть тебе, Нутте и мне.

– Да, это верно. Боже мой, я не могу прийти в себя! Я не могу смириться с тем, что Киона уехала неизвестно куда, – сокрушенно покачала головой певица. – А Тошана, как назло, здесь нет. Он бы ее нашел. Он ведь сохранил свои связи в местных сообществах индейцев.

Лоранс села возле своего дедушки на табурет. Начав грызть сухое печенье, она добавила загадочным тоном:

– У Овида Лафлера тоже имеются такие связи. Делсен был его учеником. Лафлер дает вечерние уроки возле Пуэнт-Блё. Он даже попросил меня приехать и показать мои рисунки и картины детям из резервации. А еще – научить их основам рисования.

– Ты встречалась с месье Лафлером? – удивилась Эрмин.

– Да, и довольно часто. Здесь, в Робервале. Во время пасхальных каникул и совсем недавно, до нашего отъезда в Квебек. Я восхищаюсь его заботой о нашем народе. Мама, не напускай на себя такой изумленный вид. Все, похоже, забывают, что и в моих жилах течет индейская кровь. Я согласна с тем, что это не так уж очевидно. Однако лично я думаю об этом довольно часто. Тала была моей бабушкой. Мне жаль, что мне не довелось узнать ее поближе.

Упоминание имени Талы было в данном случае не совсем уместным: обстановка в гостиной и так уже накалилась.

– Давайте не будем преувеличивать! – вспыхнула Лора. – Да, индейская кровь, конечно, но ее ведь очень мало. Твой отец и сам не чистокровный индеец, а метис. Эти разговоры о наследственности меня утомляют. В тебе, кстати, есть и бельгийская кровь, если тебе хочется вспомнить обо всех своих предках, Лоранс.

Лоранс пожала плечами, не осмеливаясь перечить бабушке. Эрмин смотрела на нее, думая о том, что сама она осталась за пределами того маленького сообщества, которое образовали эти три девушки – ее дочери-близняшки и Киона. В течение примерно года Акали – сирота-индианка, удочеренная Мадлен, – уже не входила в это сообщество: Акали, проигнорировав возражения близких ей людей, стала послушницей в монастыре конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей, расположенном в

Шикутими.

«Какая Лоранс красивая! – подумала Эрмин. – Она, кажется, похожа на меня, однако у нее, по-моему, более тонкие черты лица, а в глазах порой видны зеленые отблески».

– Завтра я попытаюсь позвонить Тошану во Францию, – громко заявила Эрмин. – Ему следует вернуться сюда как можно скорее. Я не собираюсь позволять Кионе совершать поступки, идущие вразрез со здравым смыслом.

– А как твой муж ее найдет? – спросил Жослин. – Он же не обладает даром ясновидения. Это все равно что искать иголку в стоге сена! Если бы только я остался здесь, а не поехал в Квебек! Малышка тогда не решилась бы удрать черт знает куда.

– Папа, ты об этом ничего не знаешь, – сказала Эрмин. – Мама права в том, что Киона частенько вела себя недисциплинированно, причем и у нас, и в школе, и все из-за того, что она следует своей интуиции.

Лоранс поспешно поднялась. Ее светлые глаза вдруг заблестели.

– Если ты разрешишь мне, мама, то завтра утром я наведаюсь к месье Лафлеру. Съезжу к нему на велосипеде, это недалеко отсюда. Он, возможно, что-то знает.

– Нет, моя дорогая! Если необходимо, я поеду на машине с твоим дедушкой. Одна ты в Пуэнт-Блэ не поедешь, нет.

Лоранс сразу же поднялась в комнату, в которой она обычно жила со своей сестрой и Кионой. Усевшись на краю своей кровати, она стала вытирать слезы, навернувшиеся ей на глаза от нервного напряжения.

– Мне это уже надоело, надоело! – прошептала она. – Я буду теперь поступать по-своему. Как это делают Нутта и Киона.

Франция, городок Монпон в департаменте Дордонь, четверг, 13 июля 1950 года

На церкви городишка Монпон семь раз ударили в колокол. Как часто бывало в те времена, когда Тошан участвовал в движении Сопrotивления, он пересчитал, какое сейчас время в Квебеке. Сидя на террасе быстро с сигаретой в углу рта, он только что заказал бокал белого вина.

«Сейчас там час пополудни. Солнце, должно быть, уже вовсю светит над озером Сен-Жан. Эрмин, наверное, уже вернулась в Роберваль. Тем лучше: она сможет немного отдохнуть в гнездышке своих родителей. А может, позвонить ей?»

Он слегка улыбнулся, радуясь одной мысли о том, что услышит голос Снежного соловья (как называли его супругу канадские и европейские

газеты). Затем его мысли переключились на Эстер Штернберг, которую он ждал, чтобы пойти вместе с ней поужинать. Следует ли ему упоминать об этой молодой женщине в телефонном разговоре с Эрмин? Он очень быстро пришел к выводу, что делать это смысла нет и что он расскажет жене об этой встрече уже после своего возвращения в Канаду, когда будет разговаривать с ней с глазу на глаз. «Мин ведь становится все более и более ревнивой! – мысленно сказал он сам себе. – Зачем беспокоить ее, сообщая ей, что я познакомился с сестрой Симоны?»

Он встал и вошел в полутемное помещение кафе. Будучи одетым в белую рубашку с открытым воротом и коричневые льняные штаны, он удивлял своей внешностью других посетителей. Официантке же он показался очаровательным. Со своей бронзовой кожей, еще больше потемневшей на июльском солнце, с темными глазами, с черными как смоль и необычно длинными волосами, закрывающими сзади шею, Тошан Дельбо не остался незамеченным в этом городишке департамента Дордонь.

– Подскажите, можно ли позвонить от вас в Канаду? – спросил Тошан у хозяина заведения, стоящего за оцинкованной стойкой. – Или же мне придется идти на почту?

– Оператор телефонной станции скажет вам, можно или нет, но я думаю, что, в принципе, можно. В прошлом году один желтолицый хвастался, что смог дозвониться с моего телефонного аппарата до Пекина, и...

– Вы, наверное, хотели сказать «один китаец», – сказал Тошан, смерив своего собеседника холодным взглядом.

– Ну да, конечно!

Произнеся эти слова, хозяин заведения прокашлялся и посмотрел на метиса с пренебрежением. Тошан задумался, что за человек сейчас перед ним и, в частности, какую позицию он занимал во время войны. Возможно, это был бывший коллаборационист – один из тех, кто, не задумываясь, выдавал евреев. Тошан инстинктивно сжал кулаки и мысленно пообещал себе, что никогда больше не будет заходить в это заведение. Тем не менее он решил все же воспользоваться телефонным аппаратом, который находился в глубине зала и был огражден лишь простеньким металлическим колпаком.

Его соединили с Робервалем через десять минут, которые показались ему бесконечно долгими. Трубку взяла Эрмин. Услышав голос мужа, она издала возглас радости и облегчения.

– Тошан, я звонила сегодня утром в твой отель – ну, то есть тот отель, в котором ты забронировал себе номер из Парижа.

– Я находился за пределами отеля, на террасе кафе, Мин! Значит, ты уже под крылышком драгоценной Лоры и своего почтенного папы?

– Да. Они устроили мне сюрприз: приехали на мой концерт в «Капитолии». Но мы поговорим об этом как-нибудь потом. Мне необходимо сообщить тебе нечто ужасное.

Несмотря на тысячи километров, разделяющие этих двух людей, потрескивание и бульканье в телефонной трубке, Тошан почувствовал, как сильно встревожена его супруга.

– О чем идет речь? Произошел какой-то несчастный случай?

– Киона сбежала с Делсенем – юношей, в которого она влюблена. Я в отчаянии, Тошан, я не могу в это поверить. Как она посмела поступить подобным образом? Она даже не дождалась меня, хотя мы не виделись с ней целых два месяца!

Эрмин заплакала. Тошан, растерявшись, не знал, что и сказать.

– Ну и нагнала ты на меня страху! – в конце концов стал упрекать он ее. – Я уж подумал, что произошла трагедия, что кто-то серьезно заболел или при смерти.

Эрмин, всхлипывая, кратко изложила содержание полученного от Кионы письма.

– Ты должен поскорее вернуться, мой дорогой. Прошу тебя, садись завтра на самолет. Только ты один способен найти ее и вернуть домой.

– Мин, дорогая, мне очень жаль, но я не могу отменить все свои планы из-за какого-то каприза Кионы. На следующей неделе в Париже меня должны будут представить аббату Пьеру. Ты ведь сама выписала мне чек на сумму, которой ты хочешь поддержать его общество «Эммаус»^[11]. Мне очень хочется встретиться с этим человеком. Это для меня очень важно. Не расстраивайся и не порти себе нервы. Наша сестра просто уже стала взрослой. Если она решила поискать себе приключений вместе со своим возлюбленным, то зачем же им мешать? Вспомни, как девятнадцать лет назад сбежали на санях и мы с тобой. Я, по сути дела, тебя украл, и ты об этом потом никогда не жалела.

– Делсен очень отличается от тебя. Я этому юноше не доверяю. Тошан, у меня складывается неприятное впечатление, что мне приходится переносить жизненные невзгоды одной, без какой-либо помощи с твоей стороны. Послушай, можешь ты хотя бы раз в жизни немедленно приехать ко мне, если я тебя зову?

– Я позволю тебе позднее из своего отеля. Не переживай так сильно, Эрмин. Киона, возможно, вернется еще раньше меня. Целую тебя, дорогая моя.

Тошан, обрывая разговор, положил трубку. Эстер уже стояла на террасе и искала его, Тошана, глазами. Он сидел в углу, в котором было довольно темно, а потому она увидела его не сразу. Она была одета в красное платье в белую горошину, а на голове у нее красовалась маленькая белая соломенная шляпка. Ее глаза были скрыты за темными солнцезащитными очками, а губы накрашены ярко-красной помадой.

– Извините меня, я звонил по телефону своей супруге, – сказал Тошан, подходя к Эстер. – Лучше бы я от этого воздержался. Давайте пойдем в какое-нибудь другое место.

Тошан швырнул на металлическую стойку деньги за выпитый им бокал вина и, взяв Эстер за локоть, повел ее прочь. Она, растерявшись, поначалу позволила ему это сделать, но, пройдя несколько шагов, высвободила свою руку.

– Я не выношу, когда со мной обращаются подобным образом, – пояснила она. – Что сейчас происходит? Вы получили плохие известия от вашей семьи?

– Достаточно и того, что я позволил себе немного свободы и уже кусаю себе из-за этого локти. Но мне совсем не хочется докучать вам своими семейными проблемами.

– У меня больше нет на свете никаких близких людей, а потому я вполне могу разделить ваши семейные проблемы, – вежливо сказала Эстер.

– Ну хорошо! Моя шестнадцатилетняя сводная сестра убежала с молодым повесой, к тому же индейцем. Моя супруга требует, чтобы я отправился обратно домой на самолете уже завтра, разыскал эту девчонку и привел ее за ухо в отчий дом. Но кто сможет разыскать Киону?

– Киону? – переспросила Эстер, останавливаясь в тени церкви.

– На языке индейцев это означает «позолоченный холм», и никогда еще имя не было таким подходящим. Представьте себе очаровательную девушку, похожую на пламя, с длинными рыжевато-золотистыми волосами, с янтарными глазами, с кожей цвета меда и с незаурядными интеллектуальными способностями. Кроме того, у нее имеется удивительный природный дар.

– Какой лестный портрет, невольно вызывающий к себе интерес! – подняла брови Эстер. – Расскажите мне о ней поподробнее, но уже за столом. Мне хочется есть. Где вы намереваетесь поужинать?

– Да где угодно, лишь бы не в этом бистро, в котором, должно быть, подают прогорклый салат и черствый хлеб. Я предпочитаю отсюда уйти. Я не переношу никаких форм расизма. Простите, если я вызвал у вас недовольство тем, что потянул вас за локоть.

Эстер сняла темные очки и внимательно посмотрела на Тошана. Затем она слегка улыбнулась и сказала:

– У меня нет явных шрамов на теле после моего пребывания в концентрационном лагере, но в душе я развалина! Я стала болезненно чувствительной и боюсь людей. Вчера утром, когда вы подошли ко мне, мне показалось, что меня охватил ужас – ужас, как я сама осознаю, необъяснимый. Но давайте лучше поговорим о вашей сводной сестре. По правде говоря, Тошан, то небольшое, что вы рассказали о своей семье, меня очень заинтересовало.

Получасом позднее они уселись в беседке, обвитой густо разросшейся жимолостью. Они заказали жареную гусятину, жареный картофель и – в качестве десерта – пирожки с клубникой. В конце ужина Эстер Штернберг знала уже очень много о Кионе – дочери Талы и Жослина Шардена. Ее удивили и позабавили сложные родственные связи, существующие между Эрмин, Кионой и Тошаном. Метис в ходе этого разговора рассказал ей обо всех своих детях – начиная с самого старшего, Мукки, и заканчивая самой младшей, Катери. Он также поведал о нелегких условиях жизни индейцев монтанье – субэтнической группы индейского племени инну, проживающей в регионе Лак-Сен-Жан, причем большей частью в резервации. Мрачным голосом он в завуалированной форме рассказал о порядках, царящих в школах-интернатах, которые были учреждены церковниками и в которые отправляют индейских детей, чтобы те научились хорошим манерам и забыли свой родной язык.

– Делсен – ну, тот парень, которого, как кажется моей сестре, она любит, – подвергся в этих позорных школах жестокому обращению. Следы такого обращения остались и на его теле, и в его душе. Я не особо надеюсь на то, что он когда-либо полностью излечится. Я с ним никогда не встречался, только видел его издалека, но, по-моему, он кипит ненавистью.

– Поэтому тревога вашей супруги вполне объяснима, – сказала Эстер.

– Если кто-то на этой земле и может спасти его от демонов, так это Киона. Как я вам уже говорил, у нее часто бывают видения, которые, как потом выясняется, соответствуют действительности. Всегда соответствуют действительности. Она медиум и даже может переносить часть своего сознания из одного места в другое. Я только что наблюдал за вами, когда рассказывал о ее прошлых подвигах, и вид у вас был ошеломленный.

– Да, я ошеломлена!

– Мне, в частности, вспоминается один вечер. Летний вечер. Я едва не погиб здесь, в Монпоне, и после долгого пребывания в больнице вернулся к родным в свой дом, находящийся в глубине леса. После всего того, что мне

довелось вынести, я уже не мог жить, не мог любить, я стал закрытым для ласки, сострадания, нежности. Киона тогда пришла ко мне поговорить и сумела подобрать слова, в которых я нуждался. Я обнял ее и смог начать дышать свободно, смог исцелиться. Она же тайно страдала. Она с изможденным видом легла на доски веранды из-за того, что увидела мысленным взором много ужасного, и это подействовало на нее удручающе. Мне кажется, она увидела то, что происходило в концентрационных лагерях. Она заверила меня, что Симона и Натан теперь находятся там, где свет, и что они не испытали мучений.

Тошан замолчал, почувствовав, что к горлу у него подступает ком. Эстер, сильно разволновавшись, едва сдерживала слезы.

– Самое прекрасное в Кионе – это ее улыбка, – продолжал Тошан. – Она лукавая, ослепительная. Улыбка ангела. Некоторые считают Киону юной ведьмой, но моя супруга и ее отец считают ее ангелом. Ну да ладно, давайте сменим тему разговора. Вы уезжаете завтра, да?

– Да, мне здесь больше делать нечего. Я получила ответы на все свои вопросы у мадам Мерло и – особенно – у вас. Вчера вечером вам удалось воскресить Симону. Я благодарю вас за это от всей души. Теперь я знаю, что она прожила несколько месяцев спокойной жизнью у своих друзей в городишке Руффиньяк и что ей повезло встретиться с вами.

– Или, наоборот, не повезло, – вздохнул Тошан. – Кто-нибудь другой на моем месте сумел бы успешно справиться с этим заданием. Как я вам уже говорил, в то утро я допустил ошибку, задержавшись в бистро и тем самым подставив вашу сестру под немецкие пули.

– Не терзайте себя, Тошан, – прошептала Эстер. – Слушая вас вчера вечером, я поняла, что вы готовы были умереть ради того, чтобы спасти Симону и ее сына. Бог сохранил вам жизнь – только и всего. После окончания войны у вас родилось двое детей. Нам – то есть тем, кто выжил, – следует теперь наслаждаться жизнью. Мы с вами расстанемся хорошими друзьями, не так ли?

Эстер прикурила сигарету, слегка откинув голову назад. Ее иссиня-черная шевелюра поблескивала в лучах солнца, проникающих сквозь листву.

– Вы обоснуетесь в Нью-Йорке? – спросил Тошан. – У вас там есть какие-нибудь связи? В начале войны очень много евреев покинули Европу и уехали в Америку.

– Я знаю. Могу разыскать там парижских знакомых, но вообще-то не хочу. Я предпочла бы завязать новые знакомства и отгородиться от своего прошлого.

– А почему бы вам не поехать в Квебек? – предложил Тошан, проникнувшись состраданием к молодой еврейке. – Вы ведь медсестра. В Робервале есть санаторий, и там постоянно нуждаются в квалифицированном персонале.

Тошан тут же пожалел об этом своем предложении: Эрмин может устроить ему сцену, когда она увидит, что в Лак-Сен-Жан приехала эта красивая женщина, похожая на Симону. Но затем ему стало стыдно за то, что он так плохо подумал о своей жене. «Эстер – мученица, выжившая в лагере смерти. Она имеет право на мирную жизнь вдали от этого старого континента, на котором произошло доселе невиданное массовое истребление евреев. Холокост. У Мин очень доброе сердце, она обладает восхитительной широтой души, а потому поймет меня и одобрит мой поступок».

Пока он так размышлял, Эстер достала из своей сумочки записную книжку и авторучку.

– Я запишу ваш адрес и номер телефона. Если в Нью-Йорке мне не понравится, я наведаюсь в ваш Квебек, однако я мерзлячка, а там, насколько я знаю, зимы суровые.

– В Нью-Йорке тоже.

– Вы упрямы. Я подумаю о том, как мне поступить, во время своего путешествия через океан. Тошан, я еще раз благодарю вас за все то, что вы сделали, за этот ужин и за этот разговор. Мы с вами могли бы переписываться. Я делала бы это с удовольствием.

– Тогда записывайте: «Тошан Дельбо, в середине леса, на берегу Перибонки – бурной реки, которая несет в своих волнах мелкий золотистый песок и которая на несколько месяцев в году покрывается льдом!» – сказал Тошан, смеясь. – Я шучу! Самое простое – это направлять письма моей теще, мадам Лоре Шарден, которая живет на бульваре Сен-Жозеф в Робервале. А она будет переправлять ваши письма мне. У нас имеется для этого свой особенный способ. Или нет, подождите, записывайте: «Постоялый двор в поселке Перибонка». Я там бываю часто. Это захолустный городок на берегу озера. Летом я езжу туда на мотоцикле, а зимой запрягаю своих собак в сани, которые сделал сам и которыми очень горжусь.

На его лице появилось меланхолическое выражение. Он скучал по своей земле, по своим деревьям, по своей реке и по тому уникальному чувству свободы, которое испытывал, когда оказывался наедине с природой.

– Вы в конце концов убедите меня остановить свой выбор на Квебеке и

отказаться от Нью-Йорка, – покачала головой Эстер.

– Я добьюсь этого сегодня, поскольку приглашаю вас провести остаток вечера со мной. Сегодня ведь канун нашего расставания, и я настаиваю на том, чтобы вы согласились.

– Это было бы неразумно с моей стороны. Я намеревалась сегодня лечь спать рано. Мой поезд отправляется в семь часов утра. Отвратительный поездишка, который доставит меня в Перигё. Оттуда я поеду другим поездом в Париж.

– Мне вообще-то тоже здесь делать больше нечего. Вчера после полудня, как вам уже известно, я смог выразить свою благодарность местному полицейскому. Мы выпили с ним по три рюмки за мое воскресение. Я поеду в Париж вместе с вами. У нас будет время поболтать. Я вообще болтливый. Если хотите, я расскажу вам об особенностях квебекского диалекта. В нем много специфических словечек.

Тошан произнес несколько фраз на квебекском диалекте, так забавно имитируя акцент своих земляков, что Эстер прыснула со смеху. Тошану она казалась очаровательной, и, зачастую легко поддаваясь женским чарам, он впервые за время общения с ней почувствовал смущение.

– Вам нет никакой необходимости меня эскортировать, – шутливым тоном сказала Эстер.

– Несомненно, но поездка в Париж в вашем обществе покажется мне не такой длинной. Если я вам надоем, перейду в другой вагон. Обещаю.

– Я напомню вам об этом вашем обещании, если вы будете уж слишком болтливы, дорогой друг.

Глядя друг на друга заговорщицким взглядом, оба улыбнулись.

Находясь весьма далеко от Монпона, Киона только что заснула, положив голову на плечо Делсена. Она сильно вздрогнула от видения, которое предстало перед ее мысленным взором, прервав сон: ее сводный брат Тошан стоял, ярко освещенный солнцем, возле красивой женщины, лицо которой было Кионе знакомо.

– Что с тобой? – проворчал Делсен. – Ты меня разбудила.

– Ничего, ничего, – сонно пробормотала Киона.

– Ну, тогда спи. Нам на этом поезде еще ехать и ехать. Мы прибудем к месту назначения завтра.

– Хорошо, Делсен.

Однако Киона, разволновавшись, осталась лежать с широко раскрытыми глазами. Эта женщина, которую она только что увидела своим мысленным взором и которой было на вид лет тридцать, почему-то вызвала у нее чувство тревоги. «Я не хочу, чтобы она приехала к нам! – мысленно

сказала Киона самой себе. – Этого допускать нельзя!»

Она не смогла бы объяснить самой себе почему. Чувствуя сильную тревогу, она уставилась на профиль Делсена. Затем мало-помалу успокоилась, и эта незнакомка отошла в ее сознании на второй план. Только ее возлюбленный имел для нее по-настоящему большое значение. Убаюкиваемая равномерным покачиванием вагона, она в конце концов снова заснула.

Расположившиеся на соседней полке вагона китаец и китайка – семейная пара – снова принялись разглядывать Киону, задаваясь вопросом, будет ли для них хорошей работницей эта странноватая и красивая молоденькая девушка. Впрочем, назад пути уже не было, и им придется так или иначе с ней уживаться.

Роберваль, дом семьи Шарденов, пятница, 14 июля 1950 года

Лора величественно восседала в кухне за круглым столом, за которым она и ее родственники сейчас завтракали. Планировка этого ее нового дома и ухудшающееся здоровье ее пожилой служанки привели к появлению у нее новых привычек. Не отводя своих светлых глаз от пара, поднимающегося над чашкой кофе, она рассказывала об этом Мадлен.

– Эта кухня не имеет ничего общего с кухней, которая имела у нас в Валь-Жальбере, – она, кстати сказать, больше походила на какой-то не очень удобный офис. Здесь я распорядилась установить самое современное оборудование, и теперь мы можем готовить пищу и есть в одном и том же помещении. Большую часть времени нас только трое, и поэтому...

Индианка с вежливым выражением на лице взглянула на холодильник (представлявший собой узкий и довольно высокий шкаф ослепительно-белого цвета), а затем посмотрела на блестящую электрическую плиту и кухонный рабочий стол из полированной древесины. На крючках на стене висели новые медные кухонные инструменты. Они висели под полкой, на которой стояли фарфоровые сосуды с геометрическим орнаментом. Яркий солнечный свет проникал сюда через два больших окна и наружную застекленную дверь, выходящую в сад.

– Это все и в самом деле очень комфортабельно и практично, мадам, – закивала Мадлен.

Сидя на высоком стуле, маленькая Катери ела кашу из овсяных хлопьев, подслащенную кленовым сиропом. На ее груди висел слюнявчик. Она очень ловко орудовала ложкой.

– Какая она милая! – воскликнул Жослин. Его лицо было осунувшимся и бледным. – Я пожил на белом свете достаточно долго для того, чтобы

дождаться появления своих внуков. Так что жаловаться мне не следует. А куда запропастилась Эрмин?

– Она скоро спустится сюда, месье, – ответила Мадлен. – Констан не хотел одеваться. Он частенько капризничает. Особенно тогда, когда рядом нет Тошана и, следовательно, некому его поругать.

– Какое все-таки это тяжкое дело – воспитание детей! – пробурчал Жослин. – Я из-за Кионы ночью не сомкнул глаз. Она, можно сказать, вонзила мне нож в спину!

Лора подняла глаза к потолку, а затем намазала черничным вареньем свой бутерброд с маслом.

– Мой бедный Жосс, я не устану повторять: ты пожинаешь то, что сам посеял!

– Я это уже понял, а ты только и можешь, что твердить мне о моих ошибках. Самое же печальное – то, что ты получаешь от этого удовольствие. Мне даже кажется, что ты радуешься моему горю.

Катери посмотрела с недовольным видом на этих двух взрослых, которые, по ее мнению, разговаривали уж слишком громко. Мадлен успокоила ее поглаживанием по щеке. Лоранс в этот момент спустилась по лестнице. Она была одета в бежевые полотняные штаны и голубенькую кофточку. Ее волосы были собраны в хвост на затылке и завязаны синей ленточкой.

– Добрый день! – сказала она приглушенным голосом. – Бабушка, мне нужно отнести тарелку Мирей. Она жалуется на боли в спине.

– О господи, каким беспомощным становится человек, когда стареет! – посетовала Лора. – Но я буду заботиться о ней до конца ее дней, я в этом даже поклялась. Отнеси ей еду помягче, а иначе она, бедняжка, скоро еще и сломает себе какой-нибудь зуб.

Тут, в свою очередь, появилась Эрмин – в белом платье и с волосами, собранными в пучок. Она шла с измученным видом, держа за руку Констана.

– Этот гадкий мальчишка еще и дуется! Он отказывался расчесываться и надевать кофту. Все никак не могла его уговорить.

– Нужно было проявить твердость, дорогая моя, и шлепнуть его хорошенько, – покачала головой Лора.

– Но сама ты почему-то не использовала подобные методы по отношению к Луи, разве не так? – огрызнулась дочь Лоры. – Ты явно его баловала и выполняла его малейшие прихоти.

– Вовсе нет!.. Ну ладно, моя дорогая, давай не будем ссориться. Ты ведь не для этого сюда приехала. Я рада, что у меня будет возможность

общаться с тобой в течение трех недель. Так что давай будем жить дружно.

Эрмин расположилась между своим отцом и Мадлен и налила себе чаю.

– Прости меня, мама, у меня просто сейчас не самое лучшее настроение. Вчера вечером мне еще раз звонил Тошан. Мы смогли поговорить с ним уже подольше. Он отнюдь не обрадовался, когда узнал, что Мари-Нутта осталась в Квебеке и что присматривать за ней будет одна лишь Бадетта. Тем не менее он отказывается приехать сюда раньше, чем планировал. Впрочем, ему, может быть, станет совестно, и он все-таки вернется поскорее.

– Моему зятю плевать на наши проблемы, – пробурчал Жослин. – Ну и ладно. Я отправляюсь на поиски Кионы! Нужно провести расследование – так, как это делает полиция. Она упоминает в своем письме о строительной площадке, расположенной посреди леса. Думаю, не придется прибегать к каким-либо особым ухищрениям для того, чтобы узнать, где в нашем регионе находятся такие площадки.

– Папа, а я думаю, что Киона уехала из нашего региона, – сказала Эрмин. – Она могла отправиться на поезде в Абитиби или даже в Соединенные Штаты.

– Без паспорта? – спросила Лоранс. – Киона взяла с собой все свои сбережения, я это проверила. Но у нее нет никакого удостоверения личности. Она и Делсен наверняка находятся на территории Канады.

– Сегодня во второй половине дня я пойду в полицейский участок, – заявил Жослин. – Моя дочь – несовершеннолетняя. Наверняка найдется какой-нибудь способ, при помощи которого ее можно будет найти. Я отнесу туда ее фотографию.

– Она на тебя за это рассердится, дедушка. В своем письме она просит вас всех ее не разыскивать.

– Ну и пусть сердится! Не вмешивайся в мои дела, Лоранс.

Лоранс быстро допила свой чай и с обиженным видом встала из-за стола. Выйдя из комнаты быстрым шагом, она бегом направилась в сарай, примыкавший к задней стене дома. Этот сарай использовался для хранения садового инвентаря, деревянных ящиков, набитых тряпками, и старых железных бидонов, а также двух велосипедов, на которых катались сестры-близнецы. «Я уезжаю, – мысленно сказала сама себе Лоранс. – Маме я оставлю записку! Я положу ее на свою подушку – так делают в фильмах».

В тот далекий декабрь, в который Тала узнала о рождении у ее дочери двух девочек-близняшек, она дала им индейские имена. Мари получила имя «Нутта», которое означает «мое сердце», а Лоранс досталось имя

«Нади», означающее «благоразумная». Хотя никто другой девочек так не называл, Тала упрямо использовала эти имена на протяжении нескольких лет. И вот теперь под влиянием опрометчивого поступка Кионы «благоразумная» Лоранс начала терять свое благоразумие.

«Через полчаса я буду уже в Пуэнт-Блэ и увижу Овида», – подумала Лоранс, беря один из велосипедов и осторожно направляясь с ним к ограде.

Едва не сломав одну из веток розового куста, девушка протолкнула велосипед сквозь живую изгородь и затем пролезла за пределы огороженного участка сама, оцарапав себе при этом левое предплечье. Увидев, как на ее перламутровой коже появилась капелька крови, она аккуратно ее слизнула. Эта капелька крови показалась ей символом отваги.

Вскоре Лоранс уже ехала на велосипеде по бульвару Сен-Жозеф. Она была опьянена свободой и гордилась своим бунтом. Она не знала, находится ли Овид Лафлер в данный момент в индейской резервации, однако это было не так уж и важно. Что было для нее по-настоящему важно и что вызывало у нее ликование – так это то, что она вырвалась из-под материнской власти. Мари-Нутта и Киона поступили так, как им самим взбрело в голову? Ну что же, ей есть с кого брать пример.

Ей повезло: прибыв в Пуэнт-Блэ, она тут же узнала старый зеленый «шевроле» Лафлера, припаркованный возле деревянной постройки с крышей из листового железа. Это строение полностью соответствовало тому описанию, которое дал ему Овид во время одной из своих встреч с ней, Лоранс, в Робервале. Он сказал ей, что на стене его висит большой плакат, на котором под крупным заголовком «Бесплатные занятия» приводится расписание этих занятий. Его импровизированная школа находилась приблизительно в шестистах метрах от границы резервации. Лоранс этому обрадовалась, поскольку у нее не было ни малейшего желания подходить к жилищам индейцев монтанье, расположенным на берегу озера. Тошан всегда описывал ей эти места в мрачных тонах. С его точки зрения, было унижительно заставлять индейские семьи селиться строго в определенных местах и лишать их огромных пространств, на которых они когда-то жили.

– Странно, со стороны кажется, что здесь нет ни души, – прошептала Лоранс, не осмеливаясь слезть со своего велосипеда.

Сильно оробев, девушка едва не повернула назад, но затем, мысленно отругав себя за свою трусость, решила постучать в дверь. Однако не успела она дойти до двери, как та отворилась сама. На пороге появился Овид Лафлер в серой кофте. Вид у него был ошеломленный.

– Лоранс! Какой сюрприз! – негромко воскликнул он.

– Добрый день, месье Лафлер! Я решила прогуляться.

Чувствуя, что ее тело от волнения дрожит, а щеки зарделись, Лоранс прислонила велосипед к дереву.

– Решили прогуляться без Мари-Нутты? Разве Мари-Нутта уже не уделяет внимания физическим упражнениям? – усмехнулся Овид, пожимая протянутую руку Лоранс.

– Моя сестра проведет три недели в Квебеке. Она пройдет там что-то вроде стажировки в газете «Солей». Ей устроила это Бадетта, подруга семьи. Бадетта работает в этой газете.

– А-а, да, Бадетта, я ее помню. Заходите в тень. Легкий загар, конечно же, сделает вас еще красивее, однако вы будете лучше чувствовать себя в моей карманной школе. Сегодня у меня только один ученик.

Лоранс с колотящимся сердцем зашла вслед за Лафлером в здание. За столом, склонившись над книгой, сидел какой-то мальчик. Он бросил взгляд на вновь прибывшую и поприветствовал ее легким кивком.

– Вот тут я и обитаю во время каникул, – сказал учитель. – Я ненавижу праздность, поскольку она вызывает скуку у меня, вашего покорного слуги. Поэтому я предложил детям из резервации летом учиться читать.

В свои сорок лет Овид Лафлер выглядел намного моложе. В его светло-каштановой шевелюре еще не виднелось ни одного седого волоска, а кожа его лица, в выражении которого чувствовались ум и доброта, была гладкой и молочно-белой. Его зеленые глаза искрились неугасимым оптимизмом, и у Лоранс возникало желание потеряться в этом вечно молодом взгляде.

– Ну, и что вы думаете об этой моей школе? – спросил Лафлер. – Мало кто интересуется тем, чем я здесь занимаюсь, но у вас это, должно быть, вызвало определенный интерес. Да, Нади?

– Вы помните мое индейское имя?

– Конечно же! У меня феноменальная память, – ответил, подмигивая, Лафлер. – Смотрите, я смог забрать старые парты в школе, которая закрывалась. У меня даже есть классная доска. Ваша драгоценная матушка поучаствовала в приобретении этого застекленного шкафа, из которого я сделал книжный шкаф. Я написал ей о своем замысле в письме, и она прислала мне чек, чтобы помочь этой моей деятельности – деятельности очень скромной, однако камешек за камешком можно возвести и замок. Кстати, а как поживает ваша мама?

– После своего возвращения в Квебек – не очень хорошо. Месье, я прогуливалась отнюдь не без определенной цели. По правде говоря, я хотела с вами поговорить. Киона сбежала с Делсеном – одним из

мальчиков, которые посещали вашу вечернюю школу.

– С Делсеном! Я не видел его с середины июня. А жаль, потому что он учился хорошо и усваивал материал быстро. Значит, Киона сбежала с ним, да? Что-то мне в это не верится.

– Она тем не менее сообщила об этом маме в письме. А еще она написала, что собирается устроиться где-то на работу. Мой дедушка от такого известия почувствовал себя плохо. Кроме того, мой отец сейчас находится далеко – во Франции. Мне пришла в голову мысль обратиться к вам. Может, Делсен упоминал в разговорах с вами о какой-то строительной площадке, где он рассчитывал устроиться работать этим летом?

Овид с ошеломленным видом жестом пригласил Лоранс сесть и предложил ей выпить стакан воды. Все это он сделал молча.

– Дайте-ка мне подумать, – сказал он наконец тихо. – Делсен большей частью рассказывал мне о своей мечте стать киноактером в Голливуде и ездить на роскошном автомобиле. Он, похоже, думает, что режиссеры только и ждут, когда же он к ним приедет. Я не отрицаю, что вестерны сейчас в моде и, чтобы придать им реалистичность, к съемкам привлекают индейцев. Кто знает? Вообще-то именно эта мечта и натолкнула его на мысль пойти ко мне учиться.

Лоранс слушала, завороженная его приятным голосом и манерой речи. Этот мужчина был образованным и обладал знаниями во многих областях. Она с восхищением представляла себе, что станет супругой такого человека, представляющего собой кладезь знаний, к тому же привлекательного внешне. «Я стану помогать ему на его вечерних занятиях, – мысленно сказала она сама себе с ласковой улыбкой. – Я буду преподавать рисование детям моего народа, потому что я тоже немного индианка. Он, Овид, это знает, и это его трогает. Мы будем жить в Сен-Фелисьене – там, где он преподает в течение учебного года. Мне наплевать на то, что он намного старше меня!»

– Лоранс, вы тоже мечтаете о кино?.. Извините меня, я шучу. Впрочем, а почему бы и нет? Вы девушка красивая и очаровательная.

– Спасибо! – пробормотала Лоранс, сильно смутившись. – Так что по поводу Делсена?

– Этот юноша не сидит на месте. Могу вам признаться, что он совершал мелкие кражи в Сен-Фелисьене и в Перибонке. Поскольку им заинтересовалась полиция, ему пришлось пуститься в бега. И если больше за ним ничего не числится...

– То, о чем вы рассказали, по моему мнению, само по себе ужасно.

– Я согласен с вами, Лоранс. Однако самая большая проблема Делсена,

как и очень многих индейцев еще с давних времен, – это алкоголь. Когда он выпьет слишком много, он становится агрессивным. Поэтому желательно найти Киону как можно быстрее. Если бы я мог вам помочь! Увы, я не знаю, куда он мог ее увезти. Передайте, пожалуйста, своей матери и своим бабушке и дедушке, что я им искренне сочувствую. Я обещаю вам, что, если мне станет что-нибудь известно, я приеду в Роберваль и поставлю вас в известность. Однако должен сказать, что с вашей стороны было неблагоразумно приезжать сюда одной, даже если вам и разрешили это сделать.

– Я не вижу здесь для себя никакой опасности, месье Лафлер. Вы ведь и сами предлагали мне приезжать и показывать свои акварели детям во время каникул!

– Я имел в виду, что приезжал бы за вами к вашим бабушке и дедушке и привозил сюда на своем «шевроле», пусть даже эта моя машина и старенькая. По правде говоря, Лоранс, злонамеренные люди есть везде – и среди белых, и среди индейцев, живущих в Маштеуиатше. Опять же, из-за алкоголя. Я понимаю их язык, и мне известно, что некоторые из них испытывают чувство ненависти и горечи – особенно те, которые учились в школах-интернатах в 1920-е годы. Самые печально известные из этих учреждений были уже закрыты властями, но ничто не стирает последствий перенесенного насилия. Делсен – тому пример. Однажды вечером, напившись, он хвастался, что разыскал монаха Марселлена и перерезал ему горло.

Лоранс задрожала от охватившего ее ужаса. И тут она заметила, что маленького мальчика в помещении уже нет. Он, должно быть, выскользнул в узкую дверь в дальнем конце комнаты.

– Вы меня пугаете, – сокрушенно покачала головой Лоранс. – Прошу вас, не отчитывайте меня, если я скажу вам правду. Сегодня утром я уехала из дому без разрешения, потому что мама запретила мне приезжать сюда.

Лоранс неуклюже поднялась и посмотрела на Овида с умоляющим видом.

– Ну и дела! – воскликнул тот. – Меня заподозрят в том, что я сбил вас с верного пути.

Он вздрогнул, потому что в этот момент послышались звуки захлопываемых автомобильных дверей. Несколькими секундами позже в класс стремительно вошла Эрмин.

– Добрый день, Овид, – сказала она, подходя к своей дочери и давая ей с размаху пощечину.

Вслед за Эрмин появился Жослин – бледный, с осунувшимся лицом.

Учитель, растерявшись, закашлялся.

– Не было никакой необходимости ее бить, Эрмин, – наконец решился сказать он.

– Воспитание моих детей – это дело только мое и моего мужа! На чем они все трое останутся? Мари-Нутта требует независимости, Киона убегает с каким-то проходимцем, а Лоранс позволяет себе покинуть дом, несмотря на мой запрет. Боже мой, тут уж невольно вспомнишь добрым словом школу-интернат! Когда дети учатся там, я, по крайней мере, точно знаю, где они находятся и чем занимаются.

– Не совсем так, мама! – огрызнулась девушка, разъяренная тем, что ей дали пощечину на глазах у человека, которого она любит. – Если бы ты услышала, о чем разговаривают в интернате по вечерам, ты бы упала с небес на землю.

– Помолчи, Лоранс, и вообще, воздержись в общении со мной от такого дерзкого тона. Сожалею, Овид, что пришлось вторгнуться к вам без предупреждения, но как только я нашла записку этой ветреницы, я попросила моего отца немедленно привезти меня сюда.

– Вам что-нибудь известно о Кионе? – спросил Жослин, глядя на учителя с отчаявшимся видом. – Эта девчонка хотела навести справки у вас. Может, она и права!

Взволнованный голос этого стареющего человека тронул Овида за душу, и ему захотелось дать исчерпывающий ответ.

– Уважаемый месье, мне ничего не известно. Делсен ходил на мои вечерние занятия, однако вот уже более двух недель он на них не появляется. Я сказал Лоранс, что попытаюсь узнать что-нибудь в резервации. Я очень беспокоюсь за Киону. Как я уже сказал вашей внучке, Делсен не сидит на одном месте. Обратитесь в полицию – это будет разумнее.

– О господи, неужели дело дошло до этого? – запричитала Эрмин.

Овид всмотрелся в ее лицо и почувствовал, что у него ёкнуло сердце и что его охватило смешанное чувство ностальгии и горечи из-за несбывшихся надежд. Эту необыкновенно красивую женщину он любил уже давно. Однако Снежный соловей принадлежал Тошану Дельбо – грозному сопернику, для которого он, Овид, стал другом.

«Никогда еще она не была такой красивой, – с тоской подумал учитель. – Без румян, с наспех причесанными волосами, в этом простеньком белом платье, которое подчеркивает ее формы, она восхитительна».

Лоранс перехватила взгляд Овида, любующегося ее матерью, и

почувствовала себя уязвленной и брошенной. Киона сказала правду: этот учитель влюблен в Эрмин. «Ну конечно же, Киона ведь никогда не ошибается. Никогда!» – подумала Лоранс, еле сдерживая подступившие к ее глазам слезы. Она с этого момента перестала обращать внимание на то, что говорят находящиеся рядом с ней люди. А говорили они о полицейском участке, об объявлении в розыск, о расследовании.

– Делсен частенько ездил послоняться по Шамбору, – сказал Овид. – Почему бы нам не наведаться туда прямо сейчас? Я знаю многих жителей, потому что учительствовал там. Что вы об этом думаете, месье Шарден?

– Я готов делать что угодно, лишь бы вернуть Киону домой, месье Лафлер, – ответил Жослин.

Он, глубоко уязвленный в отцовское сердце, был уже не похож сам на себя.

– Ну тогда поехали! – тихо сказал учитель.

Провинция Онтарио, тот же день

Киона разглядывала поверхность озера, простиравшегося перед ней до самого горизонта. Полотняная кепка почти полностью скрывала ее шевелюру и затеняла своим большим козырьком часть ее лица. Просторная рубашка из дешевой хлопчатобумажной ткани делала незаметной грудь, а великоватая для нее спецовка маскировала ее тонкую девичью фигуру и бедра. Ее вполне можно было принять за паренька, и она оделась так умышленно, чтобы ее было трудно опознать. Стоя босиком на песке, она позволяла проникать в себя благотворным силам природы, исходящим из земли, воды и свежего утреннего воздуха.

– Ты еще обширней, чем Пиекоиагами, еще красивее и лучезарнее, о Онтарио, что означает на прародительском языке «красивая блестящая вода», – прошептала она.

Здесь было полно птиц, в том числе чаек, уток и других видов, существование которых зависело от берегов, заросших камышами, и от рыбы, являющейся для этих птиц основной их пищей.

«Наша земля остается прекрасной, несмотря на весь тот ущерб, который причиняют ей люди», – подумала Киона.

Неподалеку от нее Делсен ставил их палатку чуть в стороне от остального лагеря. Голый по пояс, он весело насвистывал, потому что был доволен тем, что приехал сюда, где до него вряд ли доберутся полицейские Роберваля, да еще и не один, а с красивой девушкой, которая доверила ему кругленькую сумму денег. Он все еще никак не мог понять, за что она его любит и почему с ним поехала, однако жаловаться на это он, конечно же, не

собирался. Ему захотелось ее обнять, и он окликнул:

– Эй, Киона, иди сюда! Тебе не станут платить за то, что ты любишься водой.

Киона повернулась к Делсену с загадочным выражением лица, а затем подбежала и бросилась к нему на шею.

– Я разговаривала с озером, бандит, – призналась она. – Это не просто вода – это священный водоем. В этом регионе жили алгонские племена, а также ирокезы и гуроны.

– Но их отсюда вытеснили. Не осталось уже никого. И единственное, что я сейчас здесь вижу, – это прекрасная строительная площадка, которая на несколько месяцев обеспечит работой нуждающихся людей. Здесь нужно рубить деревья, выкорчевывать пни и строить дома. И лично тебе, Киона, следовало бы поторопиться, а то наши китайцы тебя уже заждались.

– Ну, тогда поцелуй на прощание, – потребовала девушка.

– Поцелуев будет сколько угодно, тем более что ни на что другое у меня права нет. А ну-ка...

Он обхватил ее руками и поцеловал в губы, поглаживая ладонями ее спину и поясницу. Киона стала слабо сопротивляться, раздражаемая между желанием удрать и желанием лечь на траву и отдаться Делсену.

– Оставь меня, – вдруг сказала она. – Ты прав, меня ждут. А вот кое в чем другом ты не прав. Люди прошлых времен – здесь. Я чувствую их дух, их радости и горести.

Делсен пожал плечами. Он считал Киону немного чокнутой, но это его не очень-то смущало. Киона, улыбаясь, высвободилась и пошла прочь. Она стала подниматься по тропинке, которая была протоптана в траве и вела к огромной прямоугольной палатке цвета хаки. В одном из углов этой палатки была устроена кухня, оснащенная надлежащим образом.

– Добрый день, мадам! – сказала Киона, подходя к низкорослой женщине с кожей воскового цвета. Одета она была в широкую белую кофту, юбку и сероватую шапочку.

Киона сложила ладони вместе и слегка поклонилась.

– Откуда вам известна эта наша манера приветствовать друг друга? – удивилась Ли Мэй Фан, произнося французские слова не очень уверенно.

– Я прочла о ней в какой-то книге, мадам, – соврала Киона. – Чем я могу вам помочь?

– Для этого надо работать и быть серьезной, мадемуазель. Нужно помыть десять ящиков овощей и затем порезать эти овощи на кусочки.

– Киона. Меня зовут Киона.

Как только Делсен познакомил ее с этой китайской семейной четой,

перед мысленным взором Кионы стали появляться виды огромной страны, богатой древними памятниками и необычной архитектурой. Люди в этой стране были облачены в одежду из разноцветного атласа и, когда встречались друг с другом, вели себя очень вежливо. Что касается мужа этой китайки – повара по имени Чен Фан, – то он предстал перед мысленным взором Кионы в виде солдата, которого пытал другой солдат, одетый в совершенно иную форму, – похоже, японец. Все это, по-видимому, происходило во время Второй мировой войны, когда между Китаем и Японией велись ожесточенные боевые действия.

Весь остаток утра Киона трудилась в поте лица, выполняя самую разнообразную работу. Ей еще никогда не доводилось чистить и резать тонкими ломтиками так много моркови, репы, лука-порея и вдыхать запах неизвестных ей пряностей. Когда подошло время обеденного перерыва, было приготовлено три полных котла риса с легким приятным запахом.

Стали приходить рабочие. Каждый из них держал в руках что-то вроде алюминиевого солдатского котелка, в который следовало положить кусок вареной рыбы, овощи и рис. Делсен одним из первых пришел получить свою порцию. Киона хотела положить ему ее лично, однако Ли Мэй опередила ее и затем еще и упрекнула в том, что девушка уж слишком медлительна.

– Побыстрее, побыстрее! – протараторила она своим гнусавым голосом.

Делсен, усмехнувшись, подмигнул Кионе и исчез среди других рабочих, которые громко разговаривали на английском и французском, смеялись, толкались локтями, протискивались между столами, расставленными в этой большой палатке.

– Это твой муж? – поинтересовалась китайка подозрительно.

– Да, – беззаботно ответила Киона. – Мы об этом вам сказали еще в поезде. Как только получим первую зарплату, Делсен купит нам обручальные кольца.

– Но ты же еще слишком юная!

– Моя старшая сестра вышла замуж в таком же возрасте, как и я. Я прошу вас не говорить больше со мной на эту тему, мадам Фан. Вам следует мне доверять.

Китайка слегка поклонилась и отошла в сторону, бормоча что-то себе под нос на своем родном языке. Киона вздохнула. Она заглянула в мысли Ли Мэй и выяснила, что думает китайка по поводу этого предполагаемого брака. Китайка сомневалась в правдивости ее, Кионы, утверждений, причем была абсолютно права.

Когда обед закончился, Чен Фан подал ей тарелку с рисом и небольшим куском рыбы. Киона, уже успевшая проголодаться, съела эту еду с удовольствием. Китаец наблюдал за тем, как она ест, с загадочной улыбкой на своих тонких губах. Затем он подал ей два золотистых пирожка, поблескивающих от жира. По-французски он разговаривал плохо, но, по крайней мере, попытался что-то сказать:

– Внутри мармелад, ананас... Хороший фрукт...

– Ананас! Я никогда его не пробовала. Спасибо, месье Фан, спасибо.

Киона слегка поклонилась ему по-восточному, а затем одарила его одной из своих восхитительных улыбок. Китаец вздрогнул, почувствовав, что на душе у него вдруг стало удивительно легко. Он тоже поклонился, и в его узких глазах появилось выражение глубокого почтения.

Киона до самого вечера старательно помогала китайской чете. Она мыла и расставляла посуду, вытирала столы, очищала и измельчала следующую партию овощей. Когда пришло время ужина, Ли Мэй отпустила ее, протянув ей корзинку, прикрытую тряпкой.

– Иди отдыхать. Я положила две порции – для тебя и для твоего мужа. Я жду тебя завтра утром в семь часов. В термосе – зеленый чай.

Киона пошла к своей маленькой палатке спокойным шагом. Она сильно устала, а руки ее покраснели оттого, что она перемыла гору посуды и очистила превеликое множество овощей.

– Делсен! – позвала она, поставив корзинку на землю возле палатки.

Со стороны озера донесся какой-то шум. Киона, присмотревшись, разглядела над поверхностью воды чью-то голову. Затем там стали появляться руки, от движения которых по воде расходились концентрические круги, освещаемые лучами заходящего солнца.

Делсен плавал в озере. Киона поспешно стащила с себя всю свою одежду и бросилась в воду. Делсен успел заметить, как она бежит по берегу – абсолютно голая, с развевающимися на ветру волосами. Он тут же поплыл к ней: в нем снова проснулись его мужские желания. Однако когда Киона посмотрела на него своими большими янтарными глазами, поблескивавшими в пурпурном свете солнца, он решил к ней не прикасаться. Делсен сейчас впервые в полной мере почувствовал, какая эта девушка необыкновенная, почувствовал силу ее души и ее абсолютную чистоту. У него возникло смутное понимание того, что ему следует либо поклоняться этому неприкасаемому идолу, либо сломать его, чтобы не подчиниться ему полностью.

Роберваль, тот же вечер

Опершись локтями о подоконник, Эрмин смотрела тусклым взглядом на озеро Сен-Жан, по поверхности которого бежали золотисто-розовые волны. Она сегодня долго плакала. Отсутствие Кионы, Мари-Нутты и Тошана было для нее невыносимым. Вся остальная семья собралась на первом этаже в ожидании ужина, который обещал быть скучным, мрачным и молчаливым. Во время этого ужина не будет слышно смеха Констанана и Катери, которых Мадлен уже уложила спать.

– Сестра моя, моя дорогая сестренка, ну почему ты поступила так, почему ты нас бросила, почему ты нас предала? – прошептала Эрмин, чувствуя, как у нее сжимается сердце. – Киона, без тебя мне все здесь кажется пустым.

Она смахнула последнюю слезу, сопровождая взглядом летящую чайку. Эта птица летала кругами, почти не маша при этом своими грациозными крыльями.

– Мы были бы здесь такими счастливыми все вместе! – сказала Эрмин тихо.

Почувствовав досаду, она повернулась спиной к великолепному пейзажу, который вскоре уже погрузится в ночную темноту, взяла усталым жестом носовой платок и вытерла им свои покрасневшие веки. В полумраке, возникшем от прикосновения материи к глазам, она вдруг различила силуэт, от которого исходил свет, а затем прорисовалось лицо – красивое и улыбающееся лицо Кионы.

«Прошу тебя, не грусти, сестра моя, – послышался в ушах Эрмин голос. – Разве ты забыла о невидимых дорогах, о которых тебе говорил Тошан и по которым мы должны идти?»

Затем это приятное видение исчезло. Эрмин показалось, что в небе что-то вспыхнуло и тут же погасло. Почувствовав облегчение, она поспешно вышла из комнаты и спустилась по лестнице.

– Папа! – воскликнула она, входя в гостиную. – Я ее видела! Я видела Киону! Она со мной разговаривала.

Никто не стал ей возражать, даже Овид Лафлер, которого пригласили на ужин: всем присутствующим в этом доме было хорошо известно об удивительных способностях Кионы.

– Вот это меня радует! – пробурчал Жослин. – Она собирается вернуться?

– Думаю, что нет. Она дала мне понять, что должна идти по своей невидимой дороге. Тошан говорил мне то же самое, когда я встретила его на лугу возле мельницы Уэлле и когда мне было столько же лет, сколько сейчас Кионе. Боже мой, она была прекрасна. Ну прямо ангел из чистого

золота, наш ангел, ангел озера Сен-Жан.

Лоранс насупилась. Ее мать никогда не говорила таким восторженным тоном о своих собственных дочерях – о Мари-Нутте и о ней, Лоранс. Сидя возле нее на диване, Овид почувствовал, что ее охватила тоска и досада. Он легонько похлопал ее ладонью по руке.

– Вы сегодня тоже великолепно выглядите, – прошептал он ей, убедившись в том, что на них никто не смотрит.

– Не так великолепно, как моя мама, – едва слышно сказала Лоранс в ответ.

Она вызывающе посмотрела на него своими лазурно-голубыми глазами. Лафлер понял, что он имеет дело уже не просто с умненькой девушкой-подростком, а с быстро взрослеющей девушкой.

– Мое предложение остается в силе, – сказал он доверительным тоном. – На следующей неделе я заеду за вами, и мы покажем ваши творения моим ученикам.

Лоранс, одновременно приятно удивившись и успокоившись, в знак согласия кивнула. Ей вспомнилось, как она сегодня ехала в автомобиле своего дедушки. Она и Овид сидели на заднем сиденье. Овид несколько раз касался ее плеча своим плечом – как будто случайно, – и от этих прикосновений по ее девичьему телу пробегали приятные мурашки. «Я не отступлюсь, – подумала она. – Даже если он все еще любит мою маму, она замужем. А я – нет!»

А Лора тем временем негодовала по поводу того, о чем ей стало известно. Поездка в Шамбор принесла свои результаты. Начальник вокзала вспомнил, что видел молодую парочку: рыжеволосую девушку и парня-индейца. Они взяли билеты до Торонто.

– Подумать только: эти два идиота отправились в Онтарио! – сокрушенно вздыхала Лора. – Жосс, Мимин, завтра вы примете все необходимые меры. Нужно везде позвонить и навести справки на строительных площадках. О господи, наша Киона угодила в лапы к юному пьянице. Мне сказал об этом месье Лафлер.

– Моя бедная мадам Лора! – запричитала, вздрагивая всем телом, Мирей. – Знаете, лично я выпила бы немного карibu^[12], потому что, по моему мнению, все еще только начинается.

Глава 4

Шарлотта и компания

Роберваль, суббота, 15 июля 1950 года

Лора пребывала в весьма дурном расположении духа. Уже в который раз события разворачивались совсем не так, как ей хотелось, и она никак не могла прийти в себя от охватившего ее горького разочарования. Киона своим поступком едва не вызвала у нее депрессию. Кроме того, Эрмин не сказала и слова ни про великолепные ситцевые шторы, висящие в гостиной, ни про очаровательный низенький столик красного дерева, украшенный мозаикой и хорошо гармонирующий с пианино – недавней покупкой, которой хозяйка дома очень гордилась. На этом прекрасно настроенном музыкальном инструменте стояла бронзовая лампа с абажуром из красного атласа, которая освещала гостиную мягким светом.

– Мне захотелось воссоздать обстановку нашего жилища в поселке Валь-Жальбер, и я постаралась, чтобы интерьер был очень красивым, но все над этим смеются, – заявила Лора слушающей ее Мирей. – Моя дочь даже и не взглянула на стоящую на камине в гостиной белую мраморную статуэтку, которая является точной копией статуэтки, имевшейся у нас в Валь-Жальбере.

Было еще довольно рано, и только эти две женщины уже поднялись с постелей. Они завтракали, сидя в залитой солнечными лучами кухне.

– Не расстраивайтесь, мадам! Вчера вечером Мимин сказала вам комплимент по поводу вашего ковра в восточном стиле.

– Неужели? Не надо мне об этом рассказывать! Если моя дочь и обратила внимание на качество этого ковра, то только потому, что чистила его после того, как его запачкал ее Констан. Этот ребенок делает все, что ему вздумается. Он бегал по гостиной со стаканом молока в руке! Это пятно не отмоется, можешь мне поверить.

– Я займусь пятном, мадам, я умею выводить пятна.

– Но ты ведь едва можешь наклоняться, моя бедная Мирей! Я попрошу заняться им приходящую домработницу.

Старая служанка тяжело вздохнула. Она так полностью и не пришла в себя после пожара, который уничтожил роскошный дом Лоры в поселке Валь-Жальбер четыре года назад. Врач в Робервале говорил, что у Мирей сильная психическая травма, которая ослабила весь ее организм.

Со второго этажа донесся топот ног по паркету, послышались крики. Эрмин, должно быть, бегала за Констаном, который, как и в любое другое утро, отказывался одеваться. Был также слышен ворчливый голос Мадлен.

– Видишь ли, Мирей, я была рада принять у себя мою дочь и ее малышкой, но я уже устала от этого шума, от пререканий и различных неприятных споров. Кто виновен в такой напряженной атмосфере? Киона. Опять Киона. Если бы я до нее добралась, я бы заставила ее понять, по какой дороге она должна идти! А мой зять? Ну как можно было додуматься задержаться во Франции, причем без жены! Тошан и Киона – одного поля ягоды. Они – эгоисты и нарушители существующего порядка.

Фокстерьер, лежавший под столом у ног Лоры, вдруг затявкали.

– Это, наверное, пришел почтальон, мадам, – сказала Мирей.

– Несомненно. К почтовому ящику ходит мой муж. Лично я ничего особенного не жду.

Лоранс сбегала вниз по лестнице в прелестную прихожую, стены которой были покрыты панелями цвета слоновой кости. Одета в розовое платье с «крылышками» (как того требовала мода), она, заглянув в кухню, пожелала доброго утра обеим женщинам и выскочила в сад.

– Ты обратила внимание на то, что Эрмин совсем никак не наказала ее за непослушание? – язвительно сказала Лора. – Боже мой, куда катится мир?

Словно бы в ответ на эти причитания на кухню торжественно вошел Констан, одетый в одни трусики. Вслед за ним появились Мадлен, державшая на руках Катери, и Эрмин, которая, казалось, находится на грани нервного срыва.

– Добрый день всем, – сказала с улыбкой Мирей. – Присаживайтесь. Я намазала маслом гренки, а молоко еще теплое.

– Что делает Жослин? – поинтересовалась Лора, бросая гневный взгляд на своего внука, розовая кожа и пухленькое тело которого казались ей проявлением недопустимой непристойности. – Констан, твоя мама может поступать так, как ей вздумается, но лично я не разрешаю тебе завтракать в таком наряде. Ты находишься в моем доме, и я – твоя бабушка. Поэтому я прошу тебя подняться наверх и одеться.

– Нет! – решительно ответил шестилетний мальчик. – Мне жарко. Я хочу пойти купаться в озере. Одежда мне не нужна.

– Оставь его в покое, мама! – вмешалась Эрмин. – Если бы мы находились в Большом раю, у себя дома, никого бы не смутило то, что кто-то ходит в одних трусах.

– Да это понятно, что там – логово дикарей, – пробурчала Лора.

– Что-что? – возмущенно переспросила Эрмин. – И тебе не стыдно такое говорить? Логово дикарей! Какая наглость! Ты раз сто говорила, что наш дом – великолепный и ухоженный. А если под дикарями ты имеешь в виду Одину и Аранк, которых я очень люблю, то прошу тебя взять обратно слова, которые ты только что произнесла!

– О господи, да беру я их обратно, беру! Уж слишком ты нервная, дорогая моя. Я ведь просто пошутила... – смущенно пробормотала Лора.

– Что-то я в этом сомневаюсь. По правде говоря, ты, мама, становишься невыносимой. Ну просто мегера какая-то!

Возвращение Лоранс из сада положило конец этой перебранке: Лоранс, широко улыбаясь, размахивала голубым конвертом.

– Новости от Шарлотты, и марка на этот раз не немецкая, а французская! – пояснила она. – Мама, письмо адресовано тебе.

– Ну наконец хоть что-то приятное! – обрадовалась Эрмин. – Я вскрою письмо и прочитаю его для всех вас вслух.

– В таком случае следовало бы предложить Жоссу спуститься к нам, – сказала Лора. – Он очень любит Шарлотту. Кроме того, всегда именно он отвечает на ее письма. К ее последнему письму прилагался рисунок маленькой Адели, на котором было написано: «Дедушке Жослину». Для семилетней девочки она рисует очень даже неплохо. А то, что она хромает, окружающие почти не замечают.

Эта девочка, родившаяся на берегу Перибонки, в доме Тошана, летом 1947 года заболела полиомиелитом. Лора и Жослин приютили ее на несколько недель, необходимых для ее лечения, поскольку Шарлотта тогда вот-вот должна была родить второго ребенка – ребенка, который едва не стоил жизни своей матери и которого назвали Томасом.

– Я схожу наверх за дедушкой, – сказала Лоранс, поспешно выходя из гостиной.

– Твоей дочери то и дело легко удастся куда-нибудь удрать, Эрмин, – покачала головой Лора. – У нее как будто есть крылья.

– Просто ей не очень интересно находиться здесь одной, без своей сестры и Кионы.

– Хм! Видимо, именно по этой причине ты разрешила ей помогать Овиду Лафлеру в его школе для индейцев.

– Именно так, мама! – резко ответила Эрмин, начиная сердиться. – Овид придет за ней в понедельник и отвезет ее туда. Она ничем не рискует, и к тому же такая деятельность заставит ее быть серьезнее и позволит ей позаботиться о тех, у кого есть гораздо больше оснований жаловаться на жизнь, чем у нас.

Лицо у Эрмин было осунувшимся, а взгляд – отсутствующим. В это утро она надела обтягивающую бежевую тенниску и штаны из джинсовой ткани – той голубой ткани, которая быстро завоевывала популярность в Америке. Что касается ее пышной светлой шевелюры, то она была частично скрыта под платком.

Жослин спустился по лестнице, ступеньки которой были покрыты цветным шерстяным ковром, удерживаемым тоненькими медными прутьями.

– Что, мисс Лолотта нам что-то написала? – проворчал он. – Если ее писанина сможет нас отвлечь от мрачных мыслей, то я с удовольствием ее послушаю. А если нет, то лучше вернусь в постель.

– Папа, ты что, намереваешься провести всю оставшуюся жизнь в постели? – негодуяще воскликнула Эрмин. – Мы сделали в отношении Кионы все, что следовало. Полиция Онтарио поставлена в известность. Как только полицейские ее найдут, мы поедем за ней на поезде.

– Если этот маленький чертенок не удрал куда-нибудь еще дальше! Наша страна – огромная, – вздохнул Жослин.

– Итак, я читаю! – заявила Эрмин. – Пожалуйста, ведите себя потише. «Париж, 26 июня 1950 года».

– О господи, это письмо было написано больше двух недель назад! – покачала головой Лора. – А что, интересно, они делают в Париже?..

– Тихо! – перебил ее Жослин. – Она могла написать письмо в тот день, но отправить его не сразу.

– Я продолжаю, – нетерпеливым голосом сказала Эрмин. – Сейчас мы, возможно, все и узнаем.

Париж, 26 июня 1950 года

Дорогая Мимин!

Ты, несомненно, удивишься, когда прочтешь письмо подобного содержания. Мы – Людвиг, дети и я – собираемся вернуться и поселиться в Маленьком раю. Родители моего мужа – очень милые люди, и, как я тебе уже сообщала в ходе нашей переписки, они отнеслись ко мне с уважением и добротой. Однако я уже больше не могу выносить ни эту страну, ни людей того города, в котором я работаю по утрам. Хотя леса здесь похожи на наши, зимой тоже выпадает много снега, а многие дома, как и у нас, построены из древесины и красиво украшены, я не перестаю тосковать по моей родной земле и особенно по всем

вам: по тебе, моя дорогая Мимин, по маме Лоре, по папе Жоссу, по Мадлен и по детям. Вот уже два месяца меня терзает что-то вроде меланхолии: я почти ничего не ем и плохо сплю. Поэтому Людвиг решил отвезти меня в Канаду, на берега озера Сен-Жан – мою единственную родину.

Маленький рай принадлежит мне на правах собственности. Мы будем жить там так, как и раньше. У нас будет большой огород, куры, свинья, и Людвиг даже надеется найти там работу, чтобы у нас имелись наличные деньги.

Мы сейчас находимся в Париже, в скромном семейном пансионе. Я также написала Иветте, чтобы предупредить ее о своем приезде. Поскольку она – моя невестка, она не сможет отказать мне в моей просьбе проветрить дом, заправить постели и подготовить шкафы. Кроме того, так как твои родители часто приезжают туда по воскресеньям, я уверена, что там чисто и прибрано. Что меня заботит – так это то, что в зимние месяцы дом не отапливался. Влага могла проникнуть в конструкции дома и нанести им ущерб.

Я возвращаюсь исключительно по своей собственной воле и вопреки огорчению, которое я вызываю этим решением у моего свекра и моей свекрови. Если бы я и дальше оставалась в Германии, я не выдержала бы этого и зачахла.

Если бы ты знала, Мимин, как твоя Лолотта будет рада снова тебя увидеть и обнять! Я нуждаюсь в общении со своими близкими родственниками, и мне нравится осознавать, что я рожу своего третьего ребенка в Валь-Жальбере – там, где родилась и я сама. Думаю, что это будет мой последний ребенок. Но пока что это тайна. Я забеременела совсем недавно, и об этом не знают даже мои свекор и свекровь. Я боялась, что если они об этом узнают, то не позволят мне уехать.

Мы сядем на судно послезавтра. В Квебек мы прибудем 14 или 15 июля, и, если на железной дороге все будет хорошо, мы приедем на железнодорожный вокзал Роберваля в воскресенье, 16 июля, в середине дня.

– То есть, получается, завтра! – воскликнула Лора. – Боже мой, ну почему мы не узнали об этом раньше? Шарлотта будет жить в Валь-Жальбере, она возвращается... Я не могу в это поверить.

– Да, они приезжают завтра, – закивала Эрмин, чувствуя

одновременно и радость, и растерянность. – Ох уж эта Шарлотта! Вернуться жить сюда после того, как она настояла на переезде в Германию! Ну да ладно, я дочитаю письмо до конца. Может, в нем есть еще какие-нибудь новости.

Я горю желанием поскорее оказаться у себя дома и рядом со всеми вами. Расцелуй от моего имени маму Лору, папу Жосса, Тошана, детей, девочек, которые, должно быть, уже сильно подросли, Мирей, Мадлен. Я также целую тебя крепко-крепко.

Ваша Шарлотта

– Это письмо шло к нам очень уж долго! – посетовал Жослин. – А ведь теперь почту доставляют на самолетах.

– Они вообще-то могли бы и позвонить нам, – пробурчала Лора, вставая. – Шарлотта сообщает в этом письме, что она написала и своей невестке. Если Иветта получила письмо от нее раньше, чем мы, Онезим вполне мог бы приехать сюда и предупредить нас. Маленький рай не проветривался, и никто не наводил там порядок. Поэтому они пока будут спать у нас. Боже мой, я так волнуюсь! Я просто ошеломлена – не могу даже подобрать какого-нибудь другого слова.

Киона могла бы кое-что сообщить по поводу письма, присланного Иветте, однако этой беглянке не представилось возможности объявить о приезде Шарлотты. А еще, как ни странно, никто не явился в поселок Валь-Жальбер, чтобы допросить семейства Лапуант и Маруа относительно предполагаемого похищения Фебуса. Мирей, обратив внимание на данный факт, сообщила, что Киона, прежде чем взять велосипед Луи, сказала ей, что она знает, кто украл ее коня.

– Это, конечно же, был Делсен, – сделала вывод Эрмин. – Киона и он вернули Фебуса на луг возле дома Маруа, и затем они удрали.

Было решено наведаться в Валь-Жальбер в воскресенье и поговорить с бывшими соседями на эту тему.

– Я попытаюсь связаться с мэром Валь-Жальбера, поскольку у Онезима телефона нет, – громко заявила Эрмин. – Он предупредит Иветту. Завтра мы отвезем Шарлотту и Людвига туда. Им потребуются помощь для того, чтобы там разместиться. О господи, я так волнуюсь от одной только мысли о том, что снова ее увижу. Томас еще совсем маленький, ему всего-то три года. Адели уже семь лет. Она, должно быть, похожа на ту маленькую Шарлотту, которую я впервые увидела в спальне школы-интерната.

Произнеся эти слова, Эрмин смахнула слезу. Ей захотелось повернуть

время вспять, снова стать подростком и возвратиться в те времена, когда ее мать, только что снова появившись в ее жизни, поселилась в красивом доме Лапуанта – доме с зеленой крышей и с просторной верандой с колоннами. Она, Эрмин, тогда уже «сохла» по Тошану – красивому юноше с длинными черными волосами и огненным взглядом. В поселке Валь-Жальбер тогда имелось еще немало жителей. «Мой водопад, ворчливый и могучий Уиатшуан», – подумала она, чувствуя, как у нее сжимается сердце.

– Да, мы поедem вместе с ними, и мы могли бы там даже заночевать, – добавила она. – Я схожу поприветствовать водопад и, чтобы набраться новых сил, поразглядываю его и послушаю, как он поет.

Все посмотрели на Эрмин и увидели, что ее красивая головка немного склонена в сторону, а в выражении блестящих голубых глаз чувствуется плохо сдерживаемая ностальгия. Эрмин и Шарлотта выросли в Валь-Жальбере в те времена, когда в этом рабочем поселке – образцовом поселении с современной концепцией застройки – жизнь была ключом. Те, кто обосновывался в нем, считали, что им повезло: им доставалось комфортабельное жилище с электричеством, водопроводом, множеством комнат, тогда как в соседних селениях их обитатели освещали свои жилища при помощи керосиновых ламп или свечей и ютились всей семьей в одной или двух комнатах.

– У меня с этим местом связано так много воспоминаний! – снова заговорила Эрмин. – Большею частью хороших.

Лоранс, растрогавшись, обняла мать.

– Не грусти, мама. У тебя ведь есть наш подарок на Рождество – то памятное Рождество 1946 года, на которое бабушка и дедушка приехали поужинать с нами на берегу Перибонки.

– Это замечательный подарок, моя дорогая, и я бережно его храню. Знаешь ли ты, что я частенько люблюсь теми акварелями, которые ты нарисовала, чтобы проиллюстрировать ими рассказы о прошлом моего поселка? Потрясающая работа, как говорит твой отец. Этот толстый альбом нужно будет показать Констану и Катери, когда они достигнут того возраста, в котором станут что-то понимать.

– Не переживай, Мин, все уладится, – сказала Мадлен своим приятным голосом. – Киона скоро вернется, Тошан и Мари-Нутта – тоже. Через месяц мы будем в Большом раю с бабушкой Одиной и тетей Аранк. Все вместе!

– Большой рай и Маленький рай племени Шарден-Дельбо! – воскликнул Жослин. – Черт побери, вы видите жизнь сквозь розовые очки. А ведь там, в лесу и в Валь-Жальбере, жизнь никогда не была похожей на жизнь в раю.

– Мы обязаны этими названиями детям, которые чувствовали себя в этих двух домах очень хорошо. Наш дом – то есть тот, который построил Тошан, – получил у них большее признание, потому они и назвали его Большим раем.

Этот ответ Эрмин вызвал у Жослина легкую улыбку. Он познакомился с этим местом еще в ту эпоху, когда Тала-волчица жила там одна и когда она выложила на поляне круг из белых камней, чтобы отпугивать им злых духов. Внутри круга эта красивая индианка разводила костер. Киона была зачата возле этого костра, на мягкой июньской траве. «Моя дочка, моя маленькая доченька, – мысленно запричитал Жослин, охваченный чувством горечи. – Ну как она могла связаться с этим проходимцем?»

Он был намного сильнее расстроен поступком Кионы, чем могло показаться со стороны. Его стала мучить бессонница, и он терзался мрачными мыслями каждый раз, когда представлял себе, что его дочь может поддаться мужским желанием своего непутевого избранника. У него никогда не вызывала такого негодования и таких треволнений его старшая дочь Эрмин, которая, слава Богу, уже давно стала женой и матерью. С Кионой же все было по-другому. С возраста восьми лет она росла под его крылышком и, с его точки зрения, излучала необыкновенную чистоту – по-видимому, в силу того дара, которым наделили ее небеса или же какие-то таинственные силы. Он считал, что она очень отличается от простых смертных и что она подобна архангелам из святых книг – архангелам, которые спускались на землю, чтобы улучшить или направлять в нужное русло жизнь несчастных людей, представляющих собой неисправимых грешников. И вот теперь Жослин никак не мог примириться с мыслью, что Киона и днем и ночью находится рядом с этим Делсенем, который, как говорили, отличался агрессивностью и был склонен к пьянству.

Разговор продолжался, и в основном он был посвящен Шарлотте. Каждый из присутствующих, участвуя в этом разговоре, вспоминал о тех отношениях, которые связывали его с этой молодой женщиной, тяжелый характер которой уже даже стал постоянным предметом шуток.

– Я не удержусь и стану называть ее Лолоттой, – пообещала Эрмин. – Она и сама так называет себя в своем письме, чтобы меня подразнить. Это сильнее меня: я обожаю смотреть на разгневанное выражение, которое появляется на ее лице, когда я использую это прозвище.

– А что ее в нем так сильно раздражает? – поинтересовалась Лоранс, которую тоже радовало, что Шарлотта возвращается.

– В детстве она не возражала против этого прозвища, потому что жаждала ласки и нежности, – пояснила Эрмин. – Но как только стала

красивой девушкой, это прозвище стало казаться ей стыдным. Симон дразнил Шарлотту, называя ее «мисс Лолотта», и это выводило ее из себя. Тогда он стал называть ее просто «мисс», и вот это ей уже нравилось.

Мирей, покачав головой, перекрестилась. Ей когда-то очень нравился Симон Маруа – красивый юноша, который любезно с ней здоровался, а иногда при этом еще и громко чмокал ее в щеку.

– Бедный молодой человек! – простонала она. – Месье Маруа пережил немало горя, потеряв двух своих сыновей из-за этой проклятой войны.

– Мирей, ты только и можешь, что об этом говорить! – возмутилась Лора. – Все пережили немало горя, в том числе и ты. Перестань наконец твердить одно и то же! Что произошло, то произошло, и оно уже стало прошлым. Я, к примеру, перестала сетовать по поводу того, что потеряла в результате пожара, случившегося четыре года назад. Симон умер как герой, Арман – тоже. Я была с ними знакома, с этими мальчиками, я их высоко ценила, но сейчас нужно думать о живых. Эдмон, например, – вот кто идет по предначертанной ему дороге и не сворачивает. Он стал священником и счастлив им быть.

– Эх, жаль, что он стал священником, – вздохнула Лоранс. – Он ведь такой красивый!

Сидящие за столом в знак согласия закивали, оживившись из-за этой реплики. Эдмон Маруа, которому уже исполнилось двадцать пять лет, был широко известен в регионе Лак-Сен-Жан своими белокурыми локонами и светло-зелеными глазами – «kozyрями», унаследованными им от его покойной матери Бетти, когда-то приютившей у себя Эрмин. Он и в самом деле представлял собой красивого мужчину с тонкими чертами лица и стройной фигурой, очертания которой подчеркивались его черной сутаной.

– Вы, безусловно, были бы милой парочкой, – хихикнула Мирей, растроганная репликой Лоранс. – Но он, черт возьми, священник.

– И моя дочь пошла в монастырь, – посетовала Мадлен. – Акали могла бы сидеть сейчас здесь с нами, если бы не решила дать монашеский обет.

– Но она ведь, насколько я знаю, пока еще только послушница, – сказал Жослин. – Может, она изменит свое решение.

Индианка взяла маленькую Катери на колени, чтобы утолить свою жажду нежности и материнской любви. Ей, чтобы официально удочерить Акали, пришлось выполнить очень много формальностей, однако девушка, проучившись год в школе домоводства в Робервале, которой заведовали монахини, решила уйти в монастырь, находящийся в Шикутими. Только Мадлен была известна истинная причина такого ее решения. «Моя милая Акали сильно влюбилась в Людвига, который был женат, да к тому же еще

и на Шарлотте, – подумала Мадлен. – Она сочла эти свои чувства нечистыми и постыдными, да! Она не смогла оправиться от этой влюбленности и не смогла приучить себя к мысли, что когда-нибудь встретит подходящего для нее мужа».

Как и Делсен, Акали подверглась сексуальному насилию в той ужасной школе, из которой когда-то удрала Киона.

– Мама, я предпочитаю остаться целомудренной и тем самым искупить вину за те плохие мысли, которые возникали у меня о Шарлотте, – как-то раз сказала Акали, объявляя Мадлен о своем решении стать монахиней. – Ты ведь тоже в моем возрасте вроде бы должна была уйти в монастырь.

– Да, это правда, но я стала няней. И я рада тому, что мне довелось вырастить Лоранс и Мари-Нутту, повозиться с малышами Эрмин и поддержать тебя возле себя несколько лет. Не покидай меня, Акали! – взмолилась тогда Мадлен.

Однако все ее уговоры и молитвы оказались напрасными. Акали решила отойти от мирской суеты. И вот теперь Мадлен – похудевшая и неизменно одетая в серое платье с белым воротником – посвящала себя Констану и Катери. Именно она и подсказала Эрмин это имя для дочери через час после ее рождения, чтобы тем самым еще раз почтить ту святую Катери, которой она поклонялась.

– Ну ладно, давайте обсудим практические вопросы! – воскликнула Лора, вставая. – Нужно будет отпраздновать возвращение Шарлотты и продемонстрировать ей, как мы счастливы ее видеть – и ее, и ее семью. Надеюсь, им удастся зажить безбедной жизнью в Валь-Жальбере, даже если Людвиг не найдет себе работу.

– Обязательно найдет! – живо возразил Жослин. – Люди нас тут знают, и мы его порекомендуем. Я очень доволен тем, что Шарлотте понравилось жить в Германии. Она ведь нам как дочка, не так ли, Лора? Мы могли бы заняться маленькой Аделью. Ей нужно будет пойти в школу здесь, в Робервале.

– Мы порекомендуем немца? – усмехнулась Лора. – Уж лучше нам говорить, что он финн или датчанин. Кто теперь стал бы хвастаться тем, что он немец, после того как немцы уничтожили миллионы евреев?

Эрмин, почувствовав усталость, стала убирать грязную посуду со стола. Ей не нравилось, что на подобные темы разговаривают в присутствии детей.

– А кто они такие, эти евреи? – спросил Констан, тем самым делая опасения Эрмин не напрасными.

– Я объясню тебе это чуть позже, мой дорогой, – сказала она. – А пока можешь пойти поиграть в саду. Я буду присматривать за тобой через окно.

– Поиграть в саду в таком одеянии? – вскипела Лора. – Нет, об этом не может быть и речи! Лоранс, отведи своего брата наверх и надень на него шорты, сандалии и футболку.

Лоранс подняла мальчугана и взгромоздила его себе на спину. Он попытался было сопротивляться, но тут же перестал: у него вдруг вызвало интерес такое средство передвижения.

– Поехали, озорник, я – дикая лошадь! – воскликнула Лоранс.

Мадлен пошла вслед за ними, держа на руках Катери. Оставшись наедине со своими родителями и Мирей, Эрмин сердито заявила:

– Мама, я с тобой кое в чем согласна. Во время войны мы толком не знали, что происходит в Германии, которой правит этот бесноватый Гитлер, и тогда на каждого немца смотрели как на опасного врага, которого нужно либо уничтожить, либо хотя бы обезвредить. Однако теперь пришло время признать, что далеко не все немцы были нацистами. Людвиг – самый вежливый, самый ласковый и самый преданный из всех людей, которых я когда-либо встречала. Хотя нам и известно сейчас о всех тех жутких злодеяниях, которые совершали эсэсовцы, нужно относиться с уважением к немецкому народу и, в частности, к таким людям, как родители Людвига, которые, как и многие другие немцы, тоже пострадали во время войны.

– Я поняла свою ошибку, моя дорогая, и постараюсь не повторять ее в будущем, – сказала в ответ Лора.

Эта мгновенная капитуляция удивила Эрмин. Она подошла к своей матери и обняла ее.

– Мы все нервничаем. Возвращение сюда представлялось мне гораздо более спокойным и обыденным! Нам бы нужно как-то развеяться. Может, устроим в полдень пикник на берегу озера?.. Дети будут купаться, а мы немного освежимся.

– В холодильнике лежит тесто, которое я замесила вчера, – сказала Мирей. – Я приготовлю пирог с ветчиной и картошкой. Его можно будет взять с собой.

– А я пока наведаюсь еще раз в полицейский участок, – объявил Жослин. – Полицейские, возможно, уже получили телеграмму из Онтарио. Мне нужно пройтись, это меня успокоит.

Он надел свою соломенную шляпу, взял трость с рукояткой из слоновой кости, надел куртку и вышел из дому.

Именно таким Жослина и увидела своим мысленным взором Киона, занимаясь очередной чисткой овощей. Перед этим, почувствовав легкое

недомогание, она закрыла глаза на несколько секунд. Трагическое выражение на лице отца заставило ее сердце болезненно сжаться. Ей захотелось поехать к нему, предстать перед ним и успокоить, но тут раздался недовольный голос Ли Мэй:

– Ты слишком долго копаешься, поторопись!

Киона тут же заверила китаянку, что сделает все вовремя, и перестала думать о той части своей жизни, которая была связана с ее горячо любимыми родственниками.

Париж, тот же день

Эстер Штернберг и Тошан сидели на террасе «Кафе де Флор» – кафе, расположенного на углу бульвара Сен-Жермен и улицы Сен-Бенуа. Если в Монпоне они невольно привлекали к себе любопытные взгляды, то здесь, в Париже, никто не обращал на них ни малейшего внимания, тем более что они находились сейчас в том квартале на левом берегу Сены, в котором вот уже много лет собиралась парижская интеллектуальная элита.

Их защищала от солнца большая занавеска. Они сидели за столом, на котором перед ними стояло по бокалу пива, и наслаждались летним теплом.

– Вы собираетесь вернуться в Квебек раньше, чем предполагали? Ваша сестра еще не вернулась в отчий дом?

– Нет, не вернулась. Я только что звонил жене. У нее нет никаких новостей относительно Кионы, но вот одна семейная пара, с которой мы когда-то поддерживали тесные отношения, приезжает завтра в Роберваль. Их зовут Шарлотта и Людвиг. Я рассказывал вам о них, когда мы ехали в поезде.

– Они приезжают к вам в отпуск?

– Нет. Они собираются обосноваться в Валь-Жальбере – полузаброшенном рабочем поселке, о котором я вам тоже рассказывал. Думаю, Шарлотта опять заставила подчиняться своим капризам бедолагу Людвигу, который из кожи вон лезет, лишь бы ей угодить. Эта очаровательная дамочка полностью захватила власть в своей семье. Я очень ее люблю, но следует признать, что она очень расчетливая, коварная, да к тому же еще и притворщица. Впрочем, в детстве она была прелестной девочкой, нежной и ласковой. Кроме того, она была слепой.

– Слепой? – удивилась Эстер.

– Я забыл вам об этом рассказать. Ей восстановили зрение еще в детстве благодаря щедрости моей тещи, которая выделила деньги на необходимую операцию. Эрмин относится к Шарлотте как к своей сестре. Она очень болезненно восприняла ее переезд в Германию.

Тошан замолчал, начав слегка нервничать. Он прикурил сигарету и поправил солнцезащитные очки, которые купил в то же утро.

– Вы курите слишком много, – заметила Эстер.

– Я чувствую себя виноватым из-за того, что устроил сам себе что-то вроде каникул. Я бывал в Париже только во время войны. Так приятно находиться здесь, не испытывая страха и не видя вокруг знамен со свастикой!

– Тс-с! Мы ведь с вами договорились: ни слова о войне, – взмолилась Эстер.

– Да, верно, простите меня, Эстер. Мне следовало бы быть более внимательным и не бередить ваши раны, а особенно после того, как мы пообщались с аббатом Пьером. Рядом с этим человеком мне казалось, что я маленький, но при этом намного лучше, чем я себя считал.

Эстер растроганно улыбнулась.

– Вы говорили мне об этом вчера за ужином. Я еще раз благодарю вас за то, что вы взяли меня с собой. Эта короткая поездка в Нёйи-Плезанс, к активистам общества «Эммаус», очаровала меня. Если бы я осталась во Франции, я бы с удовольствием стала одним из тех добровольцев, которые работают вместе с этим аббатом. Вы правы. Данная встреча надолго запомнится и мне. В глазах этого человека так много света, так много доброты и так много решительности! Он полон прямо-таки божественного желания побороть равнодушие богачей! Вы ведь помните, как он нам сказал: «Я страдаю от страданий страждущих»?^[13] Я почувствовала себя готовой свернуть горы равнодушия.

– Да, совершенно верно. Я обязательно расскажу своей жене, как сильно его растрогал ее жест. Деньги и диск с записями ее песен – два прекрасных подарка. Музыка ведь тоже может быть источником утешения.

– Когда вы говорите о музыке, следует, несомненно, также упомянуть о великолепном голосе. С тех пор как я с вами познакомилась, вы не жалеете хвалебных слов, когда описываете необыкновенный голос своей супруги.

– Тем не менее как-то раз после одного из ее выступлений я не смог должным образом выразить свою гордость за нее и свое восхищение ею. Я слушал ее с раскрытым от изумления ртом, я вздрагивал от восторга, но когда концерт закончился, я сказал ей что-то банальное вроде: «Сегодня вечером ты пела хорошо».

Эстер прыснула со смеху, взглянув на раздосадованную физиономию метиса. Она немало забавлялась в его компании и с удовольствием слушала все те занятные истории, которые он ей рассказывал.

– Тошан, вам следовало бы побыстрее вернуться к себе домой. Что вас еще тут держит? Вы познакомились с аббатом Пьером и совершили паломничество в Монпон. Мне кажется, что ваша семья в вас очень нуждается. Это ведь так здорово – иметь свою семью!

Ее голос был полон тоски. Тошан, взволновавшись, ответил тихо:

– В таком случае поедemте вместе. Вы говорили в поезде, что у вас имеется достаточно средств для того, чтобы позволить себе полет на самолете, и что только необъяснимый страх перед этими летательными аппаратами вас удерживает. Чтобы пересечь океан на судне, вам потребуется около двух недель.

– Но я ведь мечтаю об этом! Ходить по мостику, жить в каюте, танцевать в большом салоне пассажирского судна – да, я об этом мечтаю. Кто знает, может, я встречу на этом судне мужчину, который мне приглянется.

– Подумайте тем не менее о моем предложении обосноваться в Квебеке. Вы найдете себе работу в санатории Роберваля. Я высоко ценю ваше дружеское отношение ко мне. Кроме того, первый раз в моей жизни у меня завязывается настоящая дружба с женщиной.

Эстер, польщенная, молчала. Тошан ей нравился, но он был женат, и если что-то, с ее точки зрения, и являлось непреодолимым барьером, так это священные узы брака.

– Буду с вами откровенной, – сказала она. – Я с удовольствием приняла бы ваше предложение, если бы была уверена, что это не доставит беспокойства вашей супруге. Мы с вами были весьма откровенны друг с другом – настолько откровенны, что я уже знаю о вашем прошлом буквально все. Эрмин рассердится, если в регионе, в котором она живет – Лак-Сен-Жан, – появится сестра Симоны. Вы ведь и сами считаете, что в глубине душе она вас еще не простила. Так зачем же будоражить ее моим появлением? Вы что, садист? Или глупец?

– Садист – нет, глупец – может быть! Но ведь моей бывшей любовницей были отнюдь не вы; а неверность, в которой я виноват, связана со стечением обстоятельств и охватившим нас тогда страхом смерти. Нам казалось, что мы вот-вот погибнем. Простите, я снова воскрешаю в памяти эти неприятные воспоминания!

– Эрмин может подумать, что вас очаровало мое сходство с Симоной, и станет ревновать вас ко мне. Это поставит меня в неловкое положение. Я ставлю себя на ее место! У меня бы такая ситуация вызвала раздражение, а то и что-нибудь посерьезнее.

– Мне нравится думать, что моя жена – человек неординарный и что

она способна на великодушие и понимание. У нас пятеро детей и прекрасное будущее. Зачем бы я стал жертвовать этим счастьем, которое порой так трудно завоевать?.. Но я вас утомляю. Давайте сменим тему! Сегодня вечером мы будем наблюдать, как лучи заходящего солнца освещают фасад Собора Парижской богородицы. Эстер, я последую вашим советам и побыстрее отправлюсь домой. Думаю, в понедельник.

Тошан, произнося эти последние слова, слегка улыбнулся, а затем закурил еще одну сигарету. За несколько прошедших дней эта медсестра стала значимой величиной в его жизни, и он, рискуя вызвать скандал в собственной семье, упорно пытался уговорить эту женщину поехать в Лак-Сен-Жан. Для него это был способ исправить свою оплошность, допущенную восемь лет назад, вернуть к жизни Симону и Натана, доказать им и самому себе, что он способен спасать людей.

Он делал это с чистым сердцем, поскольку не испытывал к Эстер ни физического влечения, ни каких-либо других зазорных чувств. Она стала для него подругой, стала его сестрой.

Провинция Онтарио, суббота, 15 июля 1950 года

Киона охотно выполняла ту физическую работу, которую ей давала Ли Мэй, потому что, выполняя ее, она могла спокойно размышлять почти в полной тишине. Ее хозяева не были болтливыми и старались тщательно выполнять те требования, которые предъявлялись здесь к ним как к поварам. Им ежедневно приходилось решать нелегкую задачу насыщения аппетита лесорубов, грузчиков, каменщиков и плотников.

«Завтра воскресенье, – подумала Киона, нарезаая морковку тонкими кружочками. – Обычно по воскресеньям я вожу Мирей на богослужение, поддерживая под руку. Бывает, с нами ходит и мой папа. Хотя он и любит ругаться неприличными словами, он, насколько мне известно, добрый христианин». Несмотря на усилия воли, она часто видела огорченное лицо своего отца и страдала оттого, что заставила страдать его. В ее душу закрадывались сомнения относительно того, правильно ли она сделала, сбежав с Делсеном.

– Ты чем-то обеспокоена? – вдруг спросила Ли Мэй, перестав орудовать ножом.

– Нет, мадам.

– Почему же тогда ты плачешь? Рядом с тобой ведь нет лука!

Китайка произнесла эти слова с таким смешным акцентом, что Киона невольно заулыбалась. Она прикоснулась пальцами к своей щеке и почувствовала влагу.

- Мне что-то попало в глаза, – пояснила она.
- Твой муж невежлив с тобой?
- Нет, мадам, очень вежлив.
- Ну да, конечно, муж должен быть вежливым с женой.

Ли Мэй отошла в сторону, пробурчав что-то себе под нос на своем родном языке. Киона, удивляясь, вытерла слезы. Она, похоже, так глубоко задумалась, что даже не заметила, что плачет.

«Возможно, когда я уезжала вместе с Делсеном, я представляла себе нашу жизнь совсем по-другому, – подумала она. – Он в этом не виноват. Я его люблю, но совсем не так, как женщина любит мужчину. Хотя нет, я лукавлю. Его поцелуи... очень приятны. Но я не могу пойти дальше».

Прошлым вечером, лежа в своей палатке, они долго обнимались. Делсен начал поглаживать ее поясницу, но не запускал при этом руки под ее рубашку. Киона вся судорожно сжалась: ей стало страшно от тех ощущений, которые она испытывала.

«Да дай ты самой себе немножко воли! – воскликнул Делсен. – Ты что, дурочка? Если бы я хотел, я взял бы тебя силой. Я пытаюсь тебя успокоить, пытаюсь сделать тебе приятно, а ты меня отталкиваешь».

Это было правдой, однако Киона, испугавшись, вскочила и убежала в кленовый лес, простиравшийся за строительной площадкой. Там она заснула у основания ствола непонятно как выросшей в этом лесу большой ели на мягкой подстилке из порыжевшей мелкой хвои. Она чувствовала, что ей угрожает опасность, поскольку Делсен и в самом деле мог взять ее силой.

– Мадам Фан, вы позволите мне сделать десятиминутный перерыв? – вдруг спросила Киона, вставая со своего складного стула. – Морковь уже готова, капуста – тоже. Я вернусь быстро.

Она по-прежнему носила на голове полотняную кепку, чтобы скрывать под ней свои волосы. В таком виде она с ее тонкой шеей и хрупкими плечами казалась всего лишь подростком.

- Хорошо, иди. Но поторопись.

Киона решила позвонить своему отцу и поговорить с Эрмин, которая, по всей видимости, уже вернулась в Роберваль. Ей, Кионе, нужно было объяснить им всё, нужно было рассказать, что она знает, что делает, и – самое главное – что она их любит. Единственный имеющийся на стройке телефонный аппарат находился в помещении, занятом канцелярией. Это помещение представляло собой дощатую пристройку, примыкающую к дому бригадира.

Кионе требовалось пройти около пятисот метров по грунтовой дороге,

на которой виднелись многочисленные следы шин то и дело проезжавших по ней грузовиков и прочих автомобилей. Секретарша – кудрявая брюнетка лет сорока – приняла Киону без особой любезности, взглянув на нее абсолютно равнодушным взглядом. Разговор между ними состоялся на английском – языке, который Киона изучала в школе-интернате и которым владела довольно хорошо.

– Ты хочешь позвонить в Квебек, мой мальчик? А у тебя есть на это деньги?

– Какие еще деньги? – спросила Киона, мысленно усмехаясь тому, что ее приняли за подростка.

– За пользование телефоном нужно платить. Это не бесплатно.

– Я принесу вам деньги чуть позже, у меня их просто с собой нет. Прошу вас, мадам, это очень важно.

И тут вдруг произошло что-то странное. Киона почувствовала уже знакомое ей недомогание, ее охватила сильная дрожь. Она повернулась и поспешно зашагала к двери, на которой было написано «Туалет».

– Нет-нет, иди наружу, этот туалет – не для общего пользования, – запротестовала секретарша.

Однако Киона уже закрыла дверь изнутри на щеколду. Она была уверена в том, что над ней внезапно нависла опасность. Какая именно – этого она не знала. Не прошло, однако, и минуты, как послышались мужские голоса. Она узнала среди них низкий голос бригадира. Затем другой – неизвестный ей – голос заглушил все другие голоса.

– Мы разыскиваем девушку, которую зовут Киона Шарден. Она вроде бы прибыла на эту строительную площадку в компании с индейцем по имени Делсен. Эту девушку разыскивают ее родственники. Ей шестнадцать с половиной лет. Вот ее фотография!

– Пожалуйста, пройдите в мой кабинет, – сказал бригадир. – Вообще-то здесь у нас нет семейных пар и отдельных лиц такого возраста. И девушки с такой внешностью здесь тоже нет.

Раздался звук закрывающейся двери. Сердце Кионы бешено колотилось. Это, конечно же, приходили полицейские, и она уже мысленно представила себе, как ее принудительно отвезут обратно в Роберваль. У нее мелькнула мысль, что ей, возможно, следует удрать отсюда через окно, но она решила этого не делать.

«Пока они находятся в кабинете бригадира, мне следует выйти отсюда не спеша и с невинным видом, иначе секретарша потом расскажет, что здесь находился какой-то паренек и что появление полиции его напугало. А еще мне необходимо поставить в известность Делсена. Если папа дал

полицейским фотографию, на которой я хорошо причесана и красиво одета, никто меня не узнает».

Она улыбнулась и засунула руки в карманы своей спецовки.

– Мадам, я иду за деньгами, – сказала она по-французски. – Извините, мне просто приспичило.

– Ты вполне можешь позвонить из близлежащей деревни! Там есть телефонная кабинка на почте.

Киона, почувствовав облегчение, вышла и отправилась на поиски Делсена. Она нашла его сидящим на пне. Его кирка валялась рядом с ним на земле. Он курил сигарету, а между его ступнями на земле стояла бутылка пива.

– Ты здесь один? – спросила Киона.

– Мой напарник скоро придет. Он пошел за инструментом. А тебе что здесь нужно?

– Сюда нагрянула полиция! Нам нужно спрятаться. Ненадолго, потому что полицейские скоро уедут. Меня разыскивают, Делсен. Они показали мою фотографию бригадиру. Также назвали твое имя, они знают, что ты индеец.

– Мне следовало бы предвидеть, что ты доставишь мне неприятности! – пробурчал Делсен, а затем разразился серией ругательств. – Но меня они не найдут, потому что я записался здесь под другим именем: Том Митчел.

– Но в твоих документах, удостоверяющих личность, написано твое настоящее имя, разве не так?

– У меня нет с собой документов, удостоверяющих личность. Только агент по найму, работающий в резервации, может сказать, кто я такой, – и никто больше.

– И все же давай укроемся в лесу, прошу тебя!

Киона почувствовала себя необычайно слабой. Ей показалось, что она уже не может использовать свой разум и свой природный дар. Ее сознание было захвачено одной одержимостью – не расставаться с Делсеном.

– Нет! – отрезал он. – Ты уж лучше пойди к этим полицейским и вернись к своему папочке в его красивый дом. Ты ведь все равно меня не любишь.

– Нет, я тебя люблю, я в этом уверена!

– Я поверил в это, потому что ты поехала со мной, дала мне денег и позволяла себя обнимать и целовать. Но этого мне недостаточно. Ты еще всего лишь девчонка!

– Делсен, ты пообещал мне быть терпеливым. Мы с тобой находимся

вместе всего лишь пять дней. Я не готова. Если бы ты меня любил, ты бы меня понял!..

– Я тебя не люблю, я вообще никого не люблю! – проревел Делсен. – Впрочем, тебя я мог бы и полюбить. Прошлой зимой, когда я пришел на берег Перибонки, я был рад снова увидеть тебя там – ласковую, нежную. После этого часто думал о тебе. Но здесь ты меня разочаровала. Ты за кого меня принимаешь? Ты спишь рядом со мной, ты купаешься голой, и я при этом не должен к тебе прикасаться. Оставь меня в покое, уезжай, а иначе...

Делсен, сжав челюсти, посмотрел на Киону своим суровым, мрачным взглядом. Кионе показалось, что она слышит, как ее бабушка Одина твердит: «Делсен, дитя демонов, Делсен с черной душой...»

– Ты меня пугаешь! – прошептала Киона, начиная пятиться.

– И ты меня пугаешь – пугаешь своими желтыми глазами и рассказами о своих видениях, – сказал в ответ Делсен.

Чувствуя обиду, Киона внимательно посмотрела на того, кого она мысленно называла своим возлюбленным. Даже в таком виде – разъяренный, в грязной и рваной одежде, с растрепанными волосами – он был настолько красивым, что его красота почти гипнотизировала. Она вспомнила, как когда-то увидела его во дворе школы-интерната для детей индейцев – гордого, надменного, готового вынести какие угодно наказания ради того, чтобы не опускать головы и продемонстрировать свое мужество. В ту пору он казался ей жертвой, символом страданий их народа, постепенно истребляемого на протяжении вот уже нескольких столетий.

«Он кипит от ненависти, и этот яд отравил его тело и душу, – мысленно сказала она самой себе. – Я могу его спасти, я должна его спасти». А ведь за миг перед тем она была готова бежать сдаваться в полицию. Она уже представляла свое возвращение в Роберваль, где ее встретят с распростертыми объятиями ее дорогая Мин и отец. Ее ждут там радостный смех детей, тьяканье Фокси, улыбки Мадлен, душевные разговоры с Лоранс.

– Сегодня вечером, Делсен, сегодня вечером я сделаю то, что ты хочешь, – объявила она, нервно дрожа, – даже если ты меня и не любишь, я хочу остаться с тобой.

Делсен тут же изменил свое поведение: он одним прыжком оказался возле Кионы, обнял и нарочито страстно поцеловал ее.

– Ну что ж, буду с нетерпением ждать вечера, – прошептал он ей на ухо. – Не переживай, я просто разозлился, но вообще-то я тебя люблю, Киона, да, я тебя люблю. Ты такая красивая! Вот увидишь, мы с тобой будем очень счастливы.

Прижавшись лицом к плечу Делсена, Киона ничего не ответила. Делсен был одет лишь в облегающую кофту без рукавов, и Киона почувствовала под своей щекой его теплую шелковистую кожу. И вдруг она прикоснулась к этой крепкой мускулистой плоти своими губами – как будто в знак полного подчинения.

Провинция Онтарио, тот же день, двумя часами позже

Киона укрылась за большой палаткой, в которой находилась столовая. Закрыв глаза и сжав кулаки, она сконцентрировалась, пытаясь вызвать у себя видение. «Полицейские... они ушли? – спрашивала она сама себя. – Мне нужно это знать!»

Минут через десять в палатку должен был хлынуть поток проголодавшихся людей, а потому Кионе следовало срочно вернуться на рабочее место. Как она ни пыталась активизировать свой природный дар, перед ее мысленным взором не появлялось нужного ей видения.

«Они, должно быть, допросили Ли Мэй и Чена, показали мою фотографию, и те, возможно, сказали им, что я нахожусь здесь. Ну что ж, в таком случае меня отвезут домой насильно. Значит, меня не будет здесь сегодня вечером и мне не придется делать *это...*» Обещание, данное Делсену, вызывало у нее страх. Она уже собиралась поспешно обогнуть палатку, чтобы оказаться с другой стороны, но тут вдруг появилась китаянка. Выражение ее лица было разгневанным, и она жестом велела Кионе подойти к ней. Киона подошла, чувствуя, как от волнения у нее перехватывает дыхание.

– Ты, я вижу, прячешься, – прошептала Ли Мэй. – Я недовольна. Приходили полицейские, они задавали нам вопросы. Я ничего не рассказала, Чен тоже ничего не рассказал. Но я обо всем догадывалась. Это парень тебе не муж. Ты просто удрала из дому. Ты обманщица, бесчестная девушка. Как только я найду кого-нибудь серьезного, я от тебя избавлюсь.

– Я сожалею, мадам. А еще я благодарю вас. Да, я вас благодарю.

– Оставь свою благодарность при себе, – сердито пробурчала Ли Мэй, отчаянно пытаясь разговаривать на правильном французском. – Мне не нравится доносить на кого-то в полицию. Но мне следовало бы это сделать.

– Почему же тогда вы этого не сделали? – поинтересовалась Киона.

– Соломенный домик, в котором сменяются, лучше дворца, в котором плачут, – сказала в ответ Ли Мэй. – Это есть такая пословица на моей родине. Если ты считаешь, что будешь счастлива с этим парнем, мне не нужно вмешиваться. Я подумала, что тебе было плохо у тебя дома, раз уж ты оттуда сбежала. А теперь иди работай. Опасность миновала.

– Иду, мадам. А вообще-то я у себя дома была счастлива. Проблема заключается лишь в том, что я люблю Делсена. Я люблю его уже давно, не первый год.

– Хороший меч из плохого железа не выкуешь, – ответила китаянка. – Это еще одна пословица! Подумай о том, что я хотела ею тебе сказать.

Киона, растерявшись, не нашла подходящего ответа. Ее больно кольнула правда, прозвучавшая из уст этой маленькой женщины, которая ходила бесшумно в своих причудливых черных мягких туфлях и белый фартук которой защищал ее бирюзово-синие атласные штаны, ее тунику из такого же материала, расшитого изящными изображениями птиц, цветов и лиан. Киона, сделав два больших шага, догнала уходившую прочь китаянку и положила ей ладонь на плечо. Сознание девушки тут же погрузилась в густой туман, а затем на его фоне она увидела старую китаянку, пребывающую в трансе и, похоже, исполняющую какой-то религиозный ритуал. Через пару мгновений перед мысленным взором Кионы появились яркий летний свет и пейзаж живописной страны.

– Ли Мэй, ваша мать была в вашей стране шаманом, – заявила Киона. – Женщины ведь выполняют эту роль, чтобы общаться со злонамеренными силами, с демонами, не так ли?

Ли Мэй резко обернулась. Приоткрыв рот от испуга, она окинула Киону взглядом с головы до ног и задрожала всем телом.

– Кто ты? – прошептала она, наклоня голову набок.

– Тьен Хоу! Так звали вашу мать. Ее убили японские солдаты.

Киона, сама едва не впадая в транс, произнесла эти слова монотонным голосом. В ее мозг хлынуло гораздо больше сведений, чем она ожидала. Почувствовав изнеможение от тех сцен насилия, которые мелькали перед ее мысленным взором, она зашаталась.

– Ты – яомо, демон!

– Нет, вовсе нет!

– Ты ведьма, уходи отсюда!

– Прошу вас, Ли Мэй, выслушайте меня, я тоже шаман, и я могу видеть прошлое и будущее. Когда я была девочкой, мне казалось, что я сойду от этого с ума. У меня нет злых намерений, я вам в этом клянусь.

Китаянка юркнула в палатку. Киона пошла вслед за ней на кухню. Они больше не сказали друг другу ни слова, а вот Чен Фан их сурово отчитал. Рис был теплым, пиво не принесли, а овощи, тушившиеся на больших глубоких сковородках, уже слегка пригорели.

– Это я виновата, месье, – сказала Киона, с уважительным видом кланяясь. – Вашей супруге пришлось пойти меня искать. Я прошу у вас

прощения.

– Я знаю, что происходит! – рявкнул китаец своим гнусавым голосом. – Тебе повезло в том, что ты здесь нужна. Тебе следовало бы поскорее отсюда уехать. Полицейские появятся здесь снова.

Киона молча кивнула, а затем с мрачным выражением лица надела свой фартук и надвинула пониже на глаза козырек своей кепки. Несмотря на зловещие заявления Ли Мэй и увещевания Чен Фана, сейчас она чувствовала себя в безопасности. Но вот когда наступит вечер, никто уже не станет защищать ее от неистового желания Делсена. Он хотел владеть ею полностью, и ей даже не приходило в голову удрать.

«Если это – единственный способ остаться рядом с ним, то я согласна!» – мысленно твердила сама себе девушка.

* * *

В шесть часов вечера Жослин Шарден поднял трубку звонившего телефона. До этого он отказался поехать вместе со всеми в Валь-Жальбер, чтобы не оставлять Мирей одну. Кроме того, он хотел остаться дома на тот случай, если Киона вдруг даст о себе знать. После оживления, царившего в доме во второй половине дня, в нем стало удивительно тихо. Поднося телефонную трубку к уху, Жослин тяжело вздохнул. Полицейский, родным языком которого, по-видимому, был английский, заговорил с Жослином на ломаном французском.

– Месье Шарден, вашу дочь найти не удастся. Мы съездили на строительную площадку, находящуюся ближе всего к тому железнодорожному вокзалу, на котором она была замечена в компании с индейцем. Их там не оказалось. По-видимому, они уехали еще дальше. Мне жаль, месье Шарден. Мы, конечно же, будем продолжать поиски.

Жослин поблагодарил полицейского слабым голосом и положил трубку. Выражение его лица стало отчаянным.

– Моя малышка, мой ангелочек с золотыми крылышками, не делай глупостей! Вернись, Киона! Вернись!..

Глава 5

Такой красивый демон

Провинция Онтарио, в субботу вечером

Киона вышла из озера, закутанная в платок, который был достаточно большим для того, чтобы скрыть ее груди и нижнюю часть туловища. Материя платка, намокнув, прилипла к телу. Киона была одна в этой маленькой бухточке, по берегам которой росли камыши высотой в человеческий рост. Солнце заходило за горизонт, окрашивая своими лучами в оранжевый и золотой окружавший Киону великолепный пейзаж.

Девушка бросила жадный взгляд на воды озера, поблескивающие от яркого света. Вдалеке летали птицы. Их грациозные силуэты казались нарисованными черными чернилами на розовом небе. Киона почувствовала умиротворение: ее успокаивала необыкновенная красота заката.

«Благодарю тебя, о Верховный бог, благодарю тебя, Маниту!» – сказала она тихо.

На этой земле, когда-то населенной свободными племенами, живущими в гармонии с природой, Киону иногда охватывала глубокая меланхолия. У нее возникало смутное ощущение того, что где-то рядом находятся тысячи людей, блуждают духи – духи тех индейцев, которые здесь когда-то жили. Их плоть уже давно сгнила на берегах озера Онтарио, а души вознеслись к бесконечности и впали в вечный сон.

Идя неторопливым шагом, Киона подошла к палатке, в которой после Делсена остался легкий беспорядок. Тщательно вымывшись с мылом в озере, она теперь чувствовала себя гладкой и чистой.

«О еде беспокоиться не нужно: Ли Мэй дала мне то, что осталось от ужина», – подумала она. Сегодня вечером вместо уже надоевшего всем риса подавали картофель и салат. Киона натянула на себя платье, купленное ею в Шамборе в день ее бегства – простенькое хлопчатобумажное бежевое платье без рукавов. Она принялась наводить порядок в их скромном жилище.

– Это должно быть праздником, – прошептала она. – Мы будем праздновать нашу свадьбу. Разве в древности люди, чтобы стать мужем и женой, приходили к мэру или к священнику? Нет, они просто соединялись воедино, потому что любили друг друга. Церемония бракосочетания заключалась для них в их первом союзе.

Эти ее слова вызвали у нее чувство тревоги и заставили слегка задрожать. Кионе не нравилось, когда она чего-то не знала. Она, когда-то читая украдкой романы определенного содержания, узнала добрую тысячу нюансов, относящихся к половым отношениям, чтобы ничему не удивляться и не вести себя как идиотка, когда придет ее час впервые отдаться мужчине. Тем не менее предстоящее первое в жизни соитие ее пугало.

«Почему принято говорить, что именно женщины отдаются мужчинам, а не наоборот? – вдруг подумала она. – Мужчины, получается, лишь берут и ничего не дают?»

Этот вопрос ее взволновал. Впрочем, она задумывалась над ним уже давно. «Если я отдамся, то есть отдам себя, я себя потеряю, я уже не буду полностью такой, какой была, – подумала она. – А если я забеременею, это будет еще хуже, потому что я стану пленницей любви, которую испытывают матери к своим детям».

Закончив наводить порядок в палатке, Киона стала настороженно прислушиваться, не донесутся ли звуки шагов по тропинке. Скоро уже должен был появиться Делсен: в субботу работа заканчивалась раньше. Киона, успокоившись, решила развести огонь в кругу из камней, который она поспешно соорудила, когда они с Делсеном приехали сюда. И тут вдруг со стороны камышей донесся едва слышный шум. Киона уставилась на камыши. Из них вышел большой серый волк. Он посмотрел на Киону своими желтыми глазами. Это было крупное и величественное животное. Оно застыло в красивой позе. Киона, не испытывая ни малейшего страха, заговорила с ним громко: «Эй ты, откуда ты пришел? Ты нас не боишься? Тебя не отпугивает запах строительной площадки?»

Животное не двигалось. Ветер, дующий с озера, слегка шевелил его шерсть, которая издали казалась шелковистой. Его пристальный взгляд в конце концов заставил Киону встревожиться. Ей вдруг показалось, что она видит прекрасную Талу, Талу-волчицу, причем в образе не человека, а волка.

– Мама? – пробормотала Киона. – Это ты?

Продолжая стоять на месте, волк повернул голову в сторону ближайших бараков и понюхал воздух.

«Мама, если ты пришла, если ты наконец пришла, то наверняка для того, чтобы предупредить меня о какой-то опасности!»

Киона, почувствовав, что к горлу у нее подступает ком, а голова начинает кружиться, опустилась на колени возле костра. Ей стало холодно, очень холодно, а ее взор затуманился.

«Я ничего не вижу – как в Валь-Жальбере, когда я шла к “сахарной хижине” Жозефа Маруа, – подумала Киона. – Но почему?»

Она легла на бок и прижалась щекой к земле. Ее сердце лихорадочно заколотилось, и ей даже показалось, что она вот-вот умрет. Перед ее мысленным взором предстала сцена неслыханной жестокости: Делсен наносил удары ножом священнику – лысому и очень худому старику, который сжимал в руке распятие, висевшее на цепочке на его шее.

«Нет, нет, нет! – запричитала Киона. – Нет, только не это!»

Затем она увидела этого священника лежащим на больничной койке. Его тело было перебинтовано, и над ним склонилась медсестра. Киона поняла, что раны не были смертельными.

Ужаснувшись увиденному, она стала всхлипывать. Однако к ней снова вернулось зрение, и ей уже не было холодно. Она поспешно протянула руку в ту сторону, где только что стоял волк. Но он уже исчез.

«У меня была галлюцинация, не более того. Или же это духи посылают мне такие видения, чтобы вызвать у меня страх. Но это все неправда, неправда!» – сказала Киона самой себе, вставая.

Уже поднявшись на ноги, она увидела, что по тропинке по направлению к ней идет Делсен. Он пошатывался из стороны в сторону и выглядел очень веселым. Киона догадалась, что он выпил спиртного. Она впервые видела его пьяным, и все ее существо возмутилось против этого. Гнев и негодование открыли ей глаза, и она увидела, что на самом деле представляет собой ее возлюбленный.

«Что я наделала? – мысленно спросила она себя. – Как я могла быть такой слепой, такой глупой?»

Делсен в этот момент окликнул ее сильным голосом, не похожим на его собственный:

– Эй! Киона, я уже иду! Я думал о тебе весь день, красавица моя, и ты знаешь почему!

Делсен сбросил со своих плеч серый полотняный рюкзак Кионы, который он взял еще утром, и достал из него бутылку виски. Откупорив ее и бросив пробку в траву, он сделал большой глоток.

– Ложись, я сейчас приду, – сказал он, подмигивая.

– Нет, – резко ответила Киона. – От тебя воняет спиртным и потом. Лучше пойдешь проспиться.

– А как насчет того обещания, которое ты дала мне утром? – усмехнулся Делсен. – Ты ведь мне кое-что обещала. Так что бегом в постель!

– Делсен, мне за тебя стыдно. Неужели у тебя была какая-то

необходимость выпить именно в этот вечер? Мне нужно с тобой поговорить, это важно, и нужно, чтобы ты меня выслушал. У меня есть кофе. Он холодный, но от него ты, возможно, немножко протрезвешь.

Делсен в ответ лишь обхватил девушку руками за талию и попытался поцеловать ее в губы. Киона стала яростно сопротивляться, не подозревая о той опасности, которой она себя подвергает.

– Когда-нибудь, возможно, и свершится то, к чему ты так стремишься. Когда-нибудь, но не сейчас, – сказала Киона суровым тоном. – Я считала тебя пострадавшим, считала тебя человеком, которого нужно спасать и о котором нужно заботиться, но теперь я понимаю, что ты этого не заслуживаешь. Делсен, ты ранил ножом священника, причем старика, да? Ты ведь вроде бы скрываешься от полиции из-за каких-то мелких краж, совершенных тобой в различных местах. А может, по какой-то иной причине? Рассказывай! Я тебя видела!

Ошарашенный данным обвинением, Делсен замер и посмотрел на Киону недоверчивым взглядом.

– Такого не может быть, ты не могла меня видеть, – пробормотал он. – Кто тебе рассказал об этом? Полиция узнала обо всем и рассказала китайцам?.. А я, может быть, даже горжусь тем, что совершил, понятно? Ты что, забыла о том, что монахи делали с нашими братьями в интернате?

Он посмотрел на Киону с угрозой. Ей следовало бы броситься наутек, поскольку он сейчас выпустил ее из рук, но она не могла этого сделать: ей очень хотелось узнать правду, хотелось победить в себе то чувство, которое она испытывала к этому юноше вот уже несколько лет.

– Этот старый священник – хороший человек, очень хороший, я это чувствую. Если ты хочешь отомстить за то, что тебе довелось пережить, нападай на того, кто действительно в этом виноват, то есть на монаха Марселлена, а не на первого попавшегося священника. Паршивых овец в большом стаде служителей церкви отнюдь не много. Среди священников нашей страны есть самые настоящие святые, и они не должны отвечать за грехи тех, кто нарушает свою клятву творить добро.

Делсен с туповатым видом посмотрел на нее своими оленьими глазами, а затем криво усмехнулся.

– Заткнись! – рявкнул он. – Хватит с меня твоих разговоров и твоих красивых слов!

Однако затем он, оробев от выражения лица Кионы, отступил на шаг назад. Ее изящные черты исказились, и она на какое-то время перестала быть самой собой. С ней происходило нечто такое, чему не раз доводилось быть свидетелями Жослину и Эрмин. Она сейчас совсем не была похожа на

себя и казалась существом непонятно какого возраста, наделенным даром, происхождение и значимость которого были Делсену неведомы.

– Проклятая ведьма – вот кто ты такая! – наконец процедил сквозь зубы Делсен.

– Мне плевать на то, кто я такая! Я уже привыкла к тому, что ко мне относятся как к ведьме. А вот ты – обманщик и вор. Ты позоришь наших предков, наш народ. Твоя красота скрывает то, кем ты являешься на самом деле. Ты – демон, гнусный демон. А я еще, как какая-нибудь дура, тебе все прощала: и то, что ты украл собаку Тошана, чтобы ее продать, и то, что ты украл моего коня... Получается, ты просто пользовался моей наивностью и слепотой. Ты всегда ими пользовался.

– Да заткнись же ты наконец! – вспыхнул Делсен.

Его вдруг охватил неудержимый гнев, и он бросился к Кионе, схватил ее за левый локоть и несколько раз ударил по лицу. Киона от этих сильных ударов едва не потеряла сознание.

– Я тебе покажу, как я обращаюсь с девками вроде тебя, – проревел Делсен, заставляя Киону опуститься на колени.

Без особого труда он затащил ее в палатку, по-прежнему держа за локоть и ухватив другой рукой еще и за волосы. Швырнув ее на подстилку, служившую им матрасом, он стал бить ее по животу, лицу и груди. Его охватило бешенство: лицо перекосилось, взгляд стал обезумевшим, а губы растянулись в почти зверином оскале.

Киона от боли испытала такой ужас, что не могла произнести ни слова. Ей показалось, что она вернулась на восемь лет назад, в карцер школы-интерната, в котором она стала жертвой извращенной похоти монаха Марселлена, причем, как ни странно, именно один из индейских детей, тоже ставших там такими жертвами, теперь пытался ее изнасиловать. А может, даже убить.

«Его душа – черная, да, абсолютно черная, – подумала она. – Бабушка Одина была права».

Ей нужно было сейчас закричать. Да, нужно было закричать, причем погромче. Ее крики наверняка кто-нибудь услышал бы. И пришел бы ей на помощь. Перед ее мысленным взором снова появился волк, стоящий в камышах. Если в нем обитает дух Талы, этот зверь может прибежать сюда и спасти ее, Киону!.. Однако ей никто не поможет. Сегодня ведь суббота, и многие рабочие, покинув свои бараки и палатки на строительной площадке, отправились в соседнюю деревню выпить пива и развлечься игрой в карты. Те, кто остался в лагере, занялись тем же самым.

Делсен прижал Киону к земле коленом. Он уже больше не скалился –

он был серьезным, спокойным и похожим на жреца какой-то древней цивилизации, собирающегося совершить жертвоприношение своим богам, жаждущим крови.

– Умоляю тебя, Делсен, не делай этого, – наконец сумела выдать из себя Киона.

Ее дрожащий голос не только не остановил Делсена, а наоборот, подтолкнул того действовать активнее.

– Ты уже не такая гордая и не такая красивая после того, как я слегка обработал твое личико. Веди себя тихо, иначе прикончу. И еще кое-что: того старого священника я пырнул перочинным ножиком – маленьким перочинным ножиком, от которого никакого серьезного вреда быть не может. У этого старика, я думаю, просто останутся шрамы – только и всего... Да, я выпил алкоголя, я люблю пить, и если бы у меня была такая возможность, я выпил бы еще больше.

В хаосе, охватившем ее рассудок, Киона сумела рассмотреть, что Делсен охвачен одновременно и ненавистью, и страхом.

– Отпусти меня! – взмолилась она.

Она уже больше не хотела помогать ему и пытаться предотвратить тот несчастный случай, который, как ей казалось, должен был произойти с Делсеном и который она видела несколько раз и во сне, и в видениях, представавших перед ее взором, когда она бодрствовала. «Пусть идет по своей дороге, пусть следует своей судьбе!» – подумала она, постепенно приходя в себя и начиная мыслить уже более хладнокровно.

В палатке было темно, но она тем не менее увидела, как Делсен приспускает свои штаны. Он – с голым торсом и напряженным лицом – выглядел по-прежнему великолепно. «Демон, но такой красивый демон!» – подумала Киона, парализованная страхом. Если она станет сопротивляться, он снова начнет ее бить. Тогда она потеряет сознание и станет легкой добычей. Ей нужно было как-то перехитрить Делсена. Может, каким-либо образом его разжалобить.

– Мне плохо, – захныкала она. – Сжался надо мной, убери колено с моего живота. Ты надавил на меня всем своим весом. Мне сейчас станет дурно.

Ей почти не нужно было притворяться: от полученных ударов тело болело, сердце сильно колотилось, и ее действительно могло вот-вот стошнить. Делсен лег на нее сверху. Его возбужденный член коснулся ее бедер. Киона в отчаянии закрыла глаза: ей так и не пришлось в голову, при помощи какой хитрости можно было бы остановить Делсена. В этот критический момент перед ее мысленным взором предстало еще одно

видение, обрамленное тусклым свечением: Талу, ее мать, еще очень молодую и ослепительно красивую, насильно очень крупный мужчина, одетый в лохмотья и угрожающий ей ножом. Лезвие этого ножа слегка касалось нежной кожи шеи. Этот бородатый мужчина в зимней одежде наслаждался совокуплением, по-звериному скалясь. Его лицо было похоже на физиономию демона.

«Что это означает? Этого не может быть, этого не происходило!» – мысленно сказала сама себе Киона.

Делсен, ободренный ее пассивностью, разорвал ее атласные трусики и попытался в нее войти. Киона вся встрепенулась и сказала слабым голосом:

– Я тоже этого хочу, позволь мне тебе помочь. Моей спине больно, под подстилкой, наверное, лежит камень. Будь нежным, Делсен!

Делсен, удивленный и слишком пьяный для того, чтобы что-то заподозрить, отодвинулся в сторону, но на всякий случай крепко схватил Киону за руку. Киона, внезапно высвободившись, с размаху ударила Делсена кулаком по носу, а затем, воспользовавшись его замешательством, выскочила из палатки и побежала к лесу. Она инстинктивно направилась в сторону, противоположную строительной площадке, потому что не хотела предстать в полуголом виде перед теми, кто вообще-то мог бы ее спасти. Уже темнело. Киона знала, что бежит быстрее многих мужчин. Ей, охваченной страхом, пришло в голову, что она побежит по следам волка – того волка, который, по всей видимости, был ее матерью, пришедшей ее предупредить.

Оказавшись под кронами больших деревьев, она почувствовала облегчение – как будто сама природа должна была теперь ее защитить и дать ей пристанище. Ее обоняние чувствовало едва уловимые запахи: запах теплой и влажной земли, запах моха, запах папоротников, запах спелых ягод черники, усеявших кусты с малюсенькими листьями.

– Мама, прости меня! – пролепетала Киона, как только осмелилась остановиться, чтобы перевести дыхание. – Ты не оставила меня одну. Раз я тебя раньше никогда не видела – а если и видела, то редко, – то это, несомненно, потому, что ты верила в меня. Мама, ты пыталась меня предупредить и ради этого дважды делала слепой. Я и в самом деле была слепа, хотя видела очень хорошо. Я ведь не смогла рассмотреть, какая черная душа у Делсена. Боже мой, как мне хочется вернуться домой, увидеться с Мин и папой!

Киона всхлипывала так сильно, что начала задыхаться. Она заставила себя успокоиться, чтобы можно было отдышаться, полностью восстановить дыхание. В ночной тишине до нее донеслись звуки поспешных шагов и

ругань: похоже, приближался Делсен.

Разъярившись из-за того, что позволил этой девушке так легко себя одурачить, Делсен и в самом деле выскочил из палатки, допил виски из бутылки и бросился по следам Кионы, держа в руках топорик, которым срубал на строительной площадке мелкую поросль и который он в этот вечер принес в рюкзаке к своей палатке.

– Киона! – позвал Делсен. – Мерзкая метиска, а ну-ка вернись!

Киона поняла, что сама загнала себя в ловушку, убежав так далеко от строительной площадки, на которой ей могли бы прийти на помощь. Ли Мэй и Чен Фан наверняка бы за нее заступились. Один из них мог бы поставить в известность бригадира или кого-нибудь еще – почтенных отцов семейств, которые не поленились бы вырвать ее, совсем еще юную девушку, из когтей Делсена. Она, которую так часто хвалили за ум и сообразительность, только что совершила такую досадную оплошность.

– Ну почему я такая глупая? – тихо упрекнула она себя.

Ей от всей души захотелось, чтобы произошло какое-нибудь чудо. Хотелось испариться, исчезнуть из поля зрения этого безумца, которого она считала своим возлюбленным. Она даже попыталась мысленно предстать перед Эрмин и своим отцом, чтобы они узнали, что над ней нависла опасность. Однако у нее ничего не получилось, и она снова бросилась бежать. Ей казалось, что она видит какой-то кошмарный сон.

Вскоре она почти выбилась из сил и почувствовала, что не может бежать дальше. Ее икры и лодыжки были исцарапаны колючими растениями, а мышцы ног то и дело сводило судорогой. Киона остановилась и прислонилась к стволу клена. Делсен приближался. Он был похож на злобного демона-палача, наделенного сверхъестественной неутомимостью. Маленькую полянку, на которой остановилась Киона, освещала луна. Девушка так сильно устала, что ей было наплевать на свою судьбу. «Лечь на землю, отдохнуть, заснуть! – подумала она. – Пусть он делает со мной все, что хочет, только бы я могла закрыть глаза, прилечь и отдышаться».

Чувствуя, что горло и грудь у нее буквально горят, она капитулировала и стала робко ждать, чем это все закончится. Она осознала, что угодила в эту ужасную ловушку по своей собственной воле и что теперь ей придется за это поплатиться. Что ее удивляло больше всего – так это ее собственное неразумное поведение. С восьми лет она всегда тайно мечтала о Делсене. Она выдумала для себя иллюзорный роман, основанный на одном-единственном видении. «Когда ведут себя так глупо, всегда проигрывают, – подумалось Кионе. – Боже мой, вот он уже идет. Иисус, помоги мне, Иисус,

спаси меня».

Делсен, тоже тяжело дыша, остановился. Он пыхтел так, как пыхтит во время гона американский лось, готовый броситься на своих соперников.

– Ты, мерзкая метиска, ты заставила меня бежать! – проревел Делсен. – Ты думала, что способна меня перехитрить? Теперь ты не уйдешь далеко, и я смогу добиться от тебя того, что мне нужно.

Делсен снова зашагал по направлению к Кионе. В правой руке он держал топорик с блестящим лезвием. Киона попыталась найти для себя какое-либо укрытие и, ничего не найдя, подумала, что попытается разжалобить Делсена и ради этого попросит у него прощения. Может, тогда он не станет ее бить. Однако ее гордость тут же отмела мысли о подобном пресмыкании. Охвативший ее ужас неожиданно сменился гневом.

– Не оскорбляй меня! – крикнула она Делсену. – Ты сделаешь то, чего ты хочешь от моего тела, но моя душа и сердце останутся для тебя недоступными. И имей в виду, что, если ты осмелишься ко мне прикоснуться, я обрушу на тебя гнев наших предков!

– Прекрати нести тарабарщину, Киона! – заорал Делсен, снова останавливаясь.

Киона увидела, как он взял поудобнее свой топорик и бросил его в ее направлении. Топорик вонзился в ствол дерева в нескольких сантиметрах от ее головы. Киона попыталась было схватить этот топорик, но Делсен, бросившись на нее, не позволил ей этого сделать. Вытащив топорик из ствола, он обхватил Киону за талию, крепко поцеловал в губы и затем больно укусил ее за нижнюю губу. Горьковатый вкус крови вызвал у нее отвращение.

– Ты отдашься мне или нет, а? – проревел Делсен. – Вот тебе, получи, получи.

Он обрушил на ее голову целый град ударов. Она упала на живот, но сознания, однако, не потеряла. Земля под ее лицом слегка поблескивала в лунном свете. Прямо перед ее глазами какое-то насекомое ползло между двумя травинками. Делсен отбросил топорик и навалился на Киону всем своим весом.

– На этот раз ты от меня не уйдешь, – проревел он, охваченный неконтролируемым сексуальным исступлением, – хотя тебе, курочка моя, я думаю, не очень понравятся те гнусные шалости, которые так любил монах Марселлен.

– Нет! Только не это!

Киона, заорав пронзительно, стала изгибаться и вырываться. Протянув в ходе этой борьбы руку в сторону, она случайно нащупала топорик. Ее

пальцы прочно обхватили его рукоятку. Затем она, ничуть не колеблясь, изо всех сил нанесла топориком наугад удар назад, изогнув при этом свою руку так сильно, что ее мускулы и сухожилия едва не затрещали. Делсен, издав какой-то животный хриплый звук, повалился на бок и замер, вытянувшись на темной земле во весь свой рост.

– Боже мой, я его, наверное, убила, – пробормотала Киона, поспешно вскакивая.

Она посмотрела ошалелым взглядом на представшую ее взору сцену. Делсен лежал неподвижно, а на его черных волосах и вокруг головы виднелась кровь.

«Я его убила! Господи, прости меня, я его убила! Я не хотела этого делать! Я хотела его спасти, я поехала вместе с ним, чтобы его защитить, и я его убила! Только я виновата в его смерти, только я одна. Он меня хотел, он сходил из-за этого с ума».

От своих всхлипываний она едва могла дышать. Она стала кричать и царапать себе лицо. Мир вокруг нее рушился, она не понимала, что происходит, ее приводила в ужас непоправимость того поступка, который она совершила. Порядки, существующие в человеческом обществе, потеряли для нее смысл. В данный момент понятие необходимой обороны ничего для нее не значило.

«Я его убила, убила Делсена, дитя демонов, Делсена с черной душой!»

Она не решилась наклониться над ним или хотя бы прикоснуться к нему носком стопы.

– Я сделала это не нарочно, – простонала она. – Мама, мама, забери меня отсюда, я тоже хочу умереть.

Дрожа всем телом и не отводя глаз от ужасной сцены, которая уже представала перед ее мысленным взором, Киона медленно попятилась. Да, это была именно та сцена, которую она видела ранее.

«Мне следовало поступать наоборот, мне следовало избегать его, держаться от него подальше! Я боялась, что произойдет какой-то несчастный случай, какая-то массовая драка, а угроза, оказывается, исходила от меня самой. Я стала причиной его смерти!»

Эта мысль не давала ей покоя. Ею завладело только одно желание – удрать отсюда, удрать с этого места, где только что произошло такое ужасное событие. Она, шатаясь, словно пьяная, повернулась и пошла в сторону лагеря, расположенного на берегу озера Онтарио. Однако вскоре у нее начались видения и галлюцинации. Вокруг появились какие-то полупрозрачные силуэты, шагающие, словно похоронная процессия. В ее ушах зазвучали заклинания – зазвучали в ритм с лихорадочным биением ее

сердца.

Она снова увидела того самого волка. Он бежал трусцой рядом с ней – мощный, молчаливый. Иногда Киона пыталась шепотом убедить саму себя, что ей все это только кажется: «Здесь нет никого, кроме меня. Все, что я сейчас вижу и слышу, мне всего лишь кажется. Всего этого не существует, я просто больна, я стала такой же чокнутой, как Делсен!»

Даже мысленное упоминание имени этого юноши едва не вызвало у нее тошноту. Она порылась в своей памяти и извлекла из нее обрывки воспоминаний о том, как Делсен – «дитя демонов» – улыбался ей, как он разговаривал.

«Никогда, никогда ты не будешь киноактером! Никогда у тебя не будет красивой машины! Боже мой, я тебя убила, Делсен. Как я могла тебя убить?»

Она взвыла от охватившего ее отчаяния. Окружавшие ее призраки исчезли, и она увидела вокруг себя лишь устремившиеся ввысь деревья. Волк тоже исчез.

«Кризис миновал!»

Киона прошептала эти слова, сама не понимая, почему она это делает. К ней вернулась ясность сознания, а вместе с ней и усилившееся до невыносимости чувство собственной виновности.

– Я пропала, – обреченно сказала она. – Я должна исчезнуть с лица земли. Да, исчезнуть.

Она вернулась в свою палатку в середине ночи. Получалось, что у нее еще есть время подготовить побег. Сначала она развела небольшой костер, разделась догола и сожгла свою одежду, которая была кое-где порвана и испачкана кровью. Затем она залезла в ледяную воду озера и тщательно вымылась при помощи тряпки и кусочка мыла. При этом девушка не испытывала ни приятных, ни неприятных ощущений и не чувствовала ни тепла, ни холода. Она казалась самой себе лунатиком.

Однако она, по крайней мере, четко осознавала, что ей нужно покинуть строительную площадку еще до наступления рассвета. Усевшись возле костра в своей мужской одежде, она написала на листке, вырванном из маленькой записной книжки, короткую записку, адресованную бригадиру: «В лесу на поляне, по направлению на северо-восток, лежит труп молодого человека».

Перечитав написанное, Киона с надеждой подумала о том, что Делсена, наверное, найдут утром, что он не останется валяться в лесу, где его глаза, похожие на глаза оленя, выключают вороны, а лицо обезобразят насекомые и грызуны. Все еще пребывая в состоянии транса, она

приготовила свой рюкзак, забрала свои деньги и навела порядок внутри палатки.

Затем она взяла охотничий нож, который ей подарил Тошан. Когда она вытащила нож из ножен, его клинок блеснул в свете пламени костра. Проверив остроту лезвия, она обрезала свои рыжевато-золотистые волосы так, чтобы они стали короткими – как у юношей. Собрав отрезанные волосы, она бросила их в догорающий костер. Запах горелых волос заставил ее поморщиться, но она тем не менее почувствовала облегчение.

«Ну вот, теперь все в порядке», – сказала Киона сама себе.

Ей оставалось только найти для себя какое-нибудь средство передвижения и добраться на нем до ближайшего железнодорожного вокзала. Десятью минутами позднее она осторожно подошла к хижине, в которой жили китайцы.

– Мне жаль, что приходится так поступить, простите меня, – прошептала она.

У Чен Фана имелся старенький велосипед, рама которого была выкрашена в блестящий зеленый цвет и на котором он ездил в деревню. Откуда у китайца взялся такой велосипед? Киона об этом ничего не знала, но велосипед этот раньше путешествовал с его владельцем и на поезде, и, возможно, на корабле. Киона взяла этот велосипед и доехала на нем по дорожке до здания, в котором жил бригадир. Там она засунула свою записку под его дверь.

Когда рассвело, Киона уже отъехала на велосипеде от строительной площадки на много километров. Как ни странно, чем больше она удалялась от этой площадки, тем менее уставшей чувствовала себя. «Передо мной открыт весь мир, – думала она, крутя педали. – Мне всего лишь нужно все время двигаться вперед. Впереди у меня – тысячи дорог и тропинок. Я могу даже пересечь озера и океаны. Отныне я буду жить в мире, в котором нет Делсена, нет Мин, нет Тошана. Я предала тех, кого любила. Я уже не смогу появиться перед моим отцом и Лорой и – главное – не смогу обнять Констанана и Катери».

Она отогнала на задний план своего сознания мысли об ужасе совершенного ею преступления, о своем горе и о перенесенном унижении. На ее теле и лице остались следы ударов, синяки и кровоподтеки, которые усугублялись тем, что она еще и исцарапала сама себе лицо. Эти постыдные следы скоро исчезнут, однако у нее имелись и гораздо более ужасные раны – раны в душе.

Размышляя над этим, Киона поняла кое-что такое, что уязвило ее очень больно: она поняла, что была введена в заблуждение двумя

видениями, которые предстали перед ее мысленным взором с промежутком в восемь лет. Результат этого заблуждения был катастрофическим: она убила Делсена.

«Наше купание в реке вовсе не было удивительным, хотя мы и целовались! Я боялась, что меня постигнет банальная судьба большинства женщин. Я жаждала любви, я жаждала объятий, которые считаются опьяняющими, и, приходя в отчаяние от уверенности в том, что он этим летом умрет, я спровоцировала катастрофу. Стоит мне только подумать о том, что его убила именно я, как...»

Она в отчаянии засыпала саму себя вопросами, пока наконец ей не пришла в голову разгадка мучившей ее тайны. «А может, это было предопределено свыше? Может, я была частью трагической судьбы Делсена? Его уже поджидала смерть, и я стала ее орудием. Не более чем орудием».

К полудню Киона съехала на какую-то лесную тропинку. Ей очень хотелось спать. Вскоре она заметила справа от себя строение, похожее на заброшенную хижину лесника. Дверь этой хижины, пространство перед которой изрядно заросло травой, была распахнута настежь. Киона, изнемогающая от голода и усталости, оставила велосипед у входа и зашла в хижину.

Пол в ней был усыпан сероватой соломой. Киона улеглась на ней, положив себе под голову вместо подушки руку, и с каким-то животным удовольствием погрузилась в сон. Недалеко от этого ее убежища заржали лошади, и ветер донес оттуда запах конюшен: во владениях Патрика Джонсона пришло время раздавать лошадям овес.

Роберваль, воскресенье, 16 июля 1950 года, три часа дня

– Поезд явно опаздывает, – заявила Лоранс, держа фокстерьера на поводке.

– Да, уже на целую четверть часа, – кивнул Жослин, только что побеседовавший с одним из служащих вокзала.

– Мы ждем уже целых двадцать минут, – посетовала Лора, защищаясь от солнца цветастым зонтиком. – Я сейчас сварюсь.

– Иди сюда, мама, здесь не так жарко, – сказала Эрмин.

Она укрылась под деревом вместе с Мадлен и детьми. Почти все родственники и просто близкие люди собрались, чтобы встретить Шарлотту и ее семью. Даже Мирей пришла. Эта старая служанка, нарядившаяся в праздничное платье, сидела сейчас на скамейке. Чувствовалось всеобщее нетерпение: все были рады, но напряжены. Три

года – это долго. К радости предстоящей встречи примешивались какие-то неясные опасения.

Кроме того, напряжение усилилось при появлении на перроне Онезима Лапуанта, старшего брата Шарлотты. Этот рыжеволосый великан, можно сказать, выставил напоказ свои мускулистые – как у борца-тяжеловеса – ноги молочно-белого цвета: он в последнее время завел привычку ходить в коротких шортах. Этот бывший сосед семьи Шарденов по Валь-Жальберу, известный тем, что не стеснялся в выражениях и говорил с сильным акцентом, громко со всеми поздоровался:

– Привет всем! Ну и жарница! Неужели моя сеструха и в самом деле возвращается сюда со своим немчиком? Черт бы его побрал!

Он пожал руку Жослину и приподнял свою соломенную шляпу, приветствуя дам.

– Друг мой, следите за своей речью, а то здесь дети, – сказал ему Жослин. – Моя внучка повторяет все, что слышит, поверьте мне.

– Но я ведь не сказал ничего плохого! – возразил Онезим.

Тем не менее он слегка смутился. Эрмин встала и, подойдя к нему, поцеловала его в щеку. Такого она прежде никогда не делала.

– Мой дорогой Онезим, мы с вами благодаря Шарлотте являемся в некотором смысле родственниками. Я уверена, вы очень довольны тем, что находитесь сейчас здесь, и я должна вам сказать, что вы были очень хорошим соседом, всегда готовым прийти на помощь. Я частенько по вам скучаю. Как поживают ваши дети? И как поживает Иветта?

Гигант – ошеломленный, но польщенный – поначалу не нашелся что ответить. Он весь напрягся, чтобы подобрать подходящие слова для разговора с этой женщиной, красота и приветливость которой впечатляли его уже много лет.

– Ламбер ищет себе работу на каком-нибудь заводе, на котором он мог бы быть механиком. Танкред после окончания каникул пойдет в колледж. Иветта в поселке скучает, тем более что мадам Андреа – не из тех женщин, с которыми ей нравится общаться.

– Теперь она сможет болтать с Шарлоттой, – сказала Эрмин. – Мы приедем сегодня вечером в Валь-Жальбер. А завтра мы приглашаем вас к нам на обед. Мы накроем возле дома большой стол.

– Это будет замечательно, мадам!

– Мадам? Онезим, ты дразнил меня, когда я приходила навестить твою бедняжку маму. Я все еще вижу ее, Аглаю, прикованную к постели и очень радующуюся возможности поболтать! Я приносила ей глазированные оладьи, которые пекла Бетти. Ты часто называл меня Мимин. Поэтому

давай обойдемся без этих «мадам»!

Онезим Лапуант засмеялся, а затем сказал:

– Но ты же первая обратилась ко мне на «вы». Меня это даже испугало! Кроме того, ты в нашей стране – знаменитость, и даже поешь во Франции и в Штатах.

– Извини, я просто во время своих недавних турне привыкла говорить «вы» людям, которых встречаю. Забудь поскорее о моей оплошности.

– Это пустяки, Мимин! – усмехнулся Онезим. – А как там малышка Киона? Никаких новостей? О ней здесь сейчас столько разговоров! Моя жена вся извелась, потому что она видела, как Киона уходила со своим индейцем, а Иветта ее не удержала.

– Она вряд ли смогла бы это сделать, Онезим. Мы держим этот удар судьбы, но нам тяжело, очень тяжело.

– Еще бы! Уж лучше иметь сыновей, чем дочерей, черт бы их побрал! – пробурчал Онезим.

Раздавшиеся хорошо знакомые звуки – шипение и скрежет – заставили его замолчать. Приближался поезд. Лора проверила, правильно ли лежат ее светлые, точнее, платиновые локоны; Мирей встала, опираясь на свою трость; Мадлен взяла Катери на руки, опасаясь, что малышка может побежать по перрону; Жослин выпрямился, пригладил усы и поправил соломенную шляпу; Эрмин почувствовала сильное волнение, и ей показалось, что сердце в ее груди вот-вот разорвется.

Поезд, невыносимо медленно проехав вдоль перрона, наконец-то остановился. Те пассажиры, которые не выходили в Робервале, спокойно смотрели в окна, но из вагонов доносился нарастающий шум, вызываемый суматохой, которую устроили те, кто, держа в руках свой, зачастую громоздкий, багаж, ринулись к выходу.

– Они, наверное, находятся в хвосте поезда, – предположила Лора. – Я их не вижу.

– Да нет же, вот они, вот моя Лолотта! – воскликнула Эрмин, бросаясь куда-то в сторону.

Темноволосая женщина, увидев Эрмин, стала махать ей рукой. Это была Шарлотта Бауэр. Одета в очень скромное розовое платье, нижняя часть которого колыхалась вокруг ее худеньких икр, она побежала навстречу Эрмин. Ее темные волосы были повязаны белым платком.

– Мимин! Мимин! – закричала она.

Эти две женщины бросились в объятия друг друга. Расплакавшись от волнения, они не могли произнести ни слова и лишь наслаждались этим радостным и счастливым моментом.

– Не забывай и о нас! – запротестовала Лора, поспешно подошедшая к Шарлотте вместе с Жослином.

– Мама Лора, папа Жосс! – простонала Шарлотта, устремляясь к ним и начиная обниматься уже с ними.

Мадлен, стоя поодаль, терпеливо ждала. При этом она наблюдала за Людвигом, который медленно приближался, держа двух своих детей за руки. Его дочь прихрамывала.

Онезим пошел прямо ему навстречу, глядя на него недоверчивым взглядом.

– Добрый день, месье Бауэр! – сказал он мрачноватым тоном. – Где ваш багаж? Я погружу его в свой грузовичок.

– Добрый день, месье Лапуант. Вон там, посреди перрона, стоят чемоданы, и еще три больших чемодана выгрузят из товарного вагона. Мне пришлось показывать им, какие чемоданы наши. Поэтому я и пришел сюда позже Шарлотты.

– Хм! – хмыкнул гигант, направляясь к чемоданам.

– Онезим! – позвала своего брата Шарлотта. – Иди сначала меня поцелуй – ты, плохо вылизанный медведь!

Онезим, нахмурившись, повернулся и пошел назад. Эта красивая тридцатилетняя женщина, сильно похудевшая, как ему показалось, когда-то была слепой девочкой, которой он помогал делать первые шаги. Она была его кровной родственницей, однако ему было за что на нее сердиться.

– Я не могу находиться одновременно в нескольких местах! – пробурчал он.

Но когда Шарлотта бросилась ему на шею, он, схватив за талию, приподнял ее и начал кружить в воздухе.

– Черт возьми, ты вообще ничего не вешишь! Тебя там, в Германии, не кормили досыта?

Ее дети – Адель и Томас – со страхом наблюдали за этой сценой. Их страх был вполне объяснимым: Онезим Лапуант представлял собой гиганта с массивными плечами, красной физиономией и зычным голосом.

– А вот и наши милые малыши! – воскликнула Лора, слегка склонившись. – Не бойтесь, этот мужчина – ваш дядя. Дядюшка Онезим. Ты меня узнаешь, Адель?

Адель, одетая в очаровательное желтое платье, посмотрела своими голубыми глазами на эту женщину с певучим голосом. В ее памяти ожили далекие и смутные воспоминания.

– Да, мадам, мне кажется, что узнаю...

– Как я рада! А ты, Томас, каким красивым мальчиком ты стал!

Блондин с карими глазами – это оригинально. Ты знаешь, что я видела тебя еще младенцем?

Мальчик опустил голову и начал всхлипывать, а затем стал звать свою маму тоненьким голоском. Онезим отпустил сестру и заявил, что отвезет багаж напрямиком в Маленький рай.

– Путешествие на поезде утомило детей, – пояснила Шарлотта, лаская своего сына. – А на пароходе мы плыли, как нам показалось, вообще бесконечно долго. Нам довелось пережить шторм. Мне даже стало казаться, что мы вообще никогда больше не увидим берег.

Эрмин, слушая Шарлотту и разглядывая ее, слегка взволновалась из-за того, что «ее Лолотта» очень худа, лицо у нее осунувшееся и бледное, а скулы сильно выпирают.

– Ну, теперь ты отдохнешь, – заявила Эрмин. – Мирей приготовила пироги. Ты отведаешь их дома у мамы.

– Ой, да это же твой Констан – вон там, рядом с Мадлен. Он так вырос с тех пор, как я видела его в последний раз! Ух ты, вы похожи с ним как две капли воды! А это – Катери, да? Она еще красивее, чем на фотографиях. О-о, Лоранс! Какая красивая девушка!.. Мирей, моя дорогая Мирей, дай-ка я тебя поцелую!

Мирей беззвучно заплакала. Когда Шарлотта стала ее целовать, она прикрыла глаза и зашмыгала носом.

– Я все время тосковала по твоим глазированным оладьям и пирогам с изюмом и патокой, моя дорогая Мирей, – сказала Шарлотта. – А откуда взялась эта собачка?

Лоранс, державшая Фокси на поводке, поспешно ответила:

– Эта собака принадлежит Луи.

– А где он, Луи? И где Мари-Нутта, Киона, Мукки? – удивленно спросила Шарлотта.

Ей все объяснили. Узнав о бегстве Кионы, она удрученно воскликнула:

– Боже мой, какая история! Поступок Кионы меня очень удивляет. Она заставила вас сильно переживать!

– Мы надеемся, что нам удастся разыскать ее уже в ближайшее время, – вздохнула Эрмин. – Подождите-ка, я еще не обнялась с Людвигом...

Она подошла с любезной улыбкой к этому красивому немцу. В свои тридцать три года он сохранял внешность вечного юноши. Его очень светлые волосы были коротко подстрижены, а темные зрачки голубых глаз были такими маленькими, что иногда создавалось впечатление, будто их вообще нет. У этого высокого худощавого мужчины сохранялось такое же

ангельское лицо, какое пленило сердце Шарлотты восемь лет тому назад. Находясь в лагере для военнопленных, расположенном на севере провинции Квебек, он сбежал оттуда и забрел во время сильного снегопада в Валь-Жальбер. Там он спрятался в каком-то подвале и умер бы от голода и холода, если бы его не спасла Киона. Затем ей «на смену» пришла его будущая жена, которая даже отдала ему свое девичье тело и одарила его своей беззаветной любовью.

– Я очень рад снова видеть вас, Эрмин, – сказал Людвиг, старательно выговаривая французские слова. – Я никогда не забуду те годы, которые провел там, на берегу Перибонки. Празднование Рождества...

– Спасибо, Людвиг, это очень любезно.

Их перебила Лора, щеки которой казались розоватыми в желтой тени ее зонтика от солнца:

– Давайте поскорее пойдем в дом. Малыши смогут освежиться, а мы перекусим в саду, в беседке.

Дорога была недлинной, однако все шли очень медленно, продолжая разговаривать. Нужно ведь было поговорить о Тошане, все еще находящемся во Франции, о ревматизме Мирей, о последних шалостях Луи, о замечательных успехах Мукки в учебе. Шарлотта, слегка ошеломленная громким гулом голосов и таким количеством внимания, уделяемого ее особе, радостно посмеивалась.

– Как здесь хорошо! – воскликнула она, входя в дом Лоры. Эти слова она произнесла в характерной квебекской манере.

Людвиг усмехнулся: его жена давно уже не говорила с таким квебекским акцентом.

– Теперь она, по крайней мере, выйдет из депрессии! – тихонько сказал он Жослину.

– Черт побери, ее тоска по родине достигла такой степени?

– Да, она ничего не ела и почти не спала.

– Мальчик мой, вы правильно сделали, что привезли ее сюда, к родным.

– Несомненно, месье Шарден, но у меня и не было другого выбора.

– А-а, ну да, ваша женушка с характером! Мы ее хорошо знаем, нашу Лолотту: если она не получает того, что хочет, жизнь останавливается.

– Именно так, – кивнул Людвиг.

Шарлотта пошла вверх по лестнице вслед за Лорой, чтобы взглянуть на жилые комнаты. За ними увязались Эрмин и Лоранс. Мадлен осталась стоять в окружении четырех детей – Томаса, Катери, Констанана и Адель. Они настороженно разглядывали друг друга.

– Я угощу маленьких шалунов лимонадом! – весело крикнула Мирей из кухни. – Идите сюда.

Жослин и Людвиг отправились на кухню. Людвиг повел за собой Томаса, а вслед за ним пошла, прихрамывая, Адель.

«Господи, как она несчастна! – подумала индианка, еще крепче прижимая Катери к своей груди. – Инвалид на всю жизнь».

Четвертью часа позже все собрались в саду и расселись в беседке. Посреди стола из вскрытого лаком металла стоял пирог с изюмом и патокой – произведение кулинарного искусства с поблескивающей аппетитной коричневой корочкой из жженого сахара. Это был любимый десерт Эрмин, которая научила готовить его и своих дочерей. Глазированные оладий в тот день не подавали, потому что это лакомство было одной из зимних традиций.

– Я испекла два больших пирога с засахаренными фруктами, – сообщила Мирей. – Малыши тоже могут их есть, потому что я не добавляла в них ром.

– Твои вкусненькие пироги! – вздохнула Шарлотта. – Мимин, скажи, ты споешь для нас? Я рассказала Адели, что ты – великая артистка. Ты прислала мне одну из своих пластинок, но она – я сама не знаю, каким образом – куда-то запропастилась.

– Ты ее разбила, – подсказал Людвиг.

– Нет-нет, ну что ты такое говоришь? У меня ее, скорее всего, украли. Твой двоюродный брат Герман...

– Ничего страшного, я подарю тебе другую и дам проигрыватель. У меня их тут целых два, – сказала Эрмин.

Она почувствовала, что между Шарлоттой и Людвигом есть какие-то трения. Они оба старались не встречаться друг с другом взглядами и не выказывали по отношению друг к другу нежности. Это заметила и Лора.

– Нервы у вас взвинчены, – сказала она с улыбкой. – Несколько дней отдыха в Маленьком раю – и вы поправитесь. Это, конечно, нелегко – совершить такое долгое путешествие вместе с детьми сначала на пароходе, а затем еще и на поезде. Я в этом кое-что понимаю, потому что я вообще-то иммигрантка, и в ту эпоху, когда я покинула Бельгию, условия путешествий были еще менее комфортными.

– Да, я устала, – призналась Шарлотта. – Мне вообще-то не следовало переезжать жить в Германию. Я чувствовала себя намного лучше в лесу, среди индейцев.

– Боже мой, среди индейцев! – возмущенно воскликнула Мадлен. – Это были мои близкие родственники, а не просто какое-то индейское

племя. Мой брат Шоган принял вас в своем лагере. Он игнорировал законы, насаждаемые властями, и жил так, как жили наши предки.

– Прости, я не хотела тебя обидеть, – стала извиняться Шарлотта. – Кстати, а где Акали? Ее тоже здесь нет.

– Моя дочь решила уйти в монастырь. Я пишу ей письма раз в неделю. В следующем письме я сообщу ей о вашем приезде.

– Акали стала монахиней? – удивился Людвиг. – Но она ведь еще совсем юная!

– Я, как ни пыталась, не смогла ее отговорить, – призналась Мадлен.

Последовало недолгое молчание, во время которого каждый уплетал свой кусок пирога. Вскоре разговор был продолжен, но уже не в такой оживленной манере, как раньше. Когда пирог был съеден, Лоранс спросила:

– Можно, я свожу детей на берег озера? Я буду внимательно за ними смотреть, так что можете не беспокоиться.

Ей дали разрешение, и вскоре она пошла на берег во главе маленькой группы. Адель, с восторгом глядя на волны, начала бросать в воду камешки. Констан, поначалу слегка оробев от вида такого огромного водоема, последовал примеру Адели. Эти двое когда-то несколько месяцев играли вместе на берегу Перибонки, и Лоранс показалось, что они «признали» друг друга и снова подружились.

То и дело видя перед собой мысленным взором Овида Лафлера, Лоранс несла Катери на своей спине, частенько поглядывая на Томаса – маленького мальчика, который для своего возраста был уж слишком молчаливым. В августе ему исполнялось четыре года, но он вел себя как девочка двух с половиной лет.

«В понедельник Овид заедет за мной, и мы будем в машине одни, – подумала Лоранс. – Это неправильно. И как это моя мама допускает такое? Впрочем, я знаю: она полностью доверяет Оvidу. Я тоже. Господи, как любовь может перевернуть человеческие жизни! Киона бросила нас ради Делсена, а Акали отрешилась от мирской жизни из-за красавца Людвига. Я уверена, что она сделала это именно из-за него и что она в него влюблена. Мы с Мари-Нуттой обе в этом уверены, хотя Акали всячески это отрицает. Я же и не собираюсь становиться мученицей. Я сумею завоевать того, кого люблю».

Валь-Жальбер, Маленький рай, тот же вечер

Перед домом Шарлотты поставили стол – поставили перед дверью его бывшего входа, которая уже едва держалась на петлях и которую подперли при помощи досок, предоставленных Онезимом. В качестве скатерти на

стол положили белую простыню.

– Нужно будет поставить свечи, – сказала Лоранс, расправляя эту простыню. – Ой, мама, не хватает одной вилки.

– Ты в этом уверена? – удивилась Эрмин. – Я вроде бы насчитала десять человек. Андреа с Жозефом, Иветта, Онезим, Шарлотта, Людвиг, мама, Мадлен и мы с тобой. Дети уже ужинают. Затем они будут играть тут, рядом с нами. Я имею в виду Констана и Адель, потому что Катери и Томаса уже уложили спать.

– Да, они устали, бедные малыши. Они так много бегали!

– Боже мой, как бы мне хотелось, чтобы Киона была здесь, рядом с нами! – сокрушенно покачала головой Эрмин. – Каждый вечер, когда темнеет, я думаю о ней и мое сердце сжимается.

– Я знаю... Ты забыла о Ламбере, – пробурчала Лоранс, которой уже надоело слушать причитания по поводу отсутствия Кионы.

– Нет, не забыла. Иветта сказала, что Ламбер уехал в Роберваль к своим двоюродным братьям, – возразила Эрмин. – Лоранс, я тебя не понимаю. Тебе, похоже, поведение Кионы кажется нормальным.

– Она всего лишь последовала твоему примеру!

– Я попрошу тебя не дерзить мне. Последовала моему примеру! Ты ошибаешься, малышка моя. Господи, поскорей бы уже Тошан приехал сюда! Без него я просто не знаю, как мне поступать.

– Я вовсе не хотела тебе дерзить, мама. Но все только и говорят, что о побеге Кионы, об опасности, которой она себя подвергает, о тяжести разлуки с ней. А вот о Мари-Нутте и обо мне – ни слова! Дедушка даже не целует меня утром, а у бабушки очень часто ни с того ни с сего вдруг резко меняется настроение. Как хорошо, что Шарлотта вернулась!

С порога Маленького рая донесся громкий радостный голос.

– Спасибо, Лоранс! – крикнула хозяйка дома. – Я знала, что мне следует вернуться. А ну-ка, быстренько поцелуй меня, красотка. Хорошо бы мне поскорее увидеть твои произведения. Говорят, ты стала рисовать еще лучше.

Лоранс, польщенная, с сияющим лицом пошла целовать Шарлотту, подумав, что хоть эта женщина проявляет к ней, Лоранс, какой-то интерес.

– Ну что же, – сказала затем Шарлотта, – у меня просто невероятная новость: я хочу есть. Господи, я уже много недель не испытывала такого желания чего-нибудь покушать, как сейчас. Мимин, ну ты даешь! Когда я увидела, что ты купила, я от радости чуть не подпрыгнула до потолка. Пирожные, жареное мясо, вареная ветчина и копченый лосось. Кроме того, наш местный вкусный хлеб.

– Мне очень хотелось хорошо отпраздновать нашу встречу, моя Лолотта, – сказала Эрмин. – Я заполнила твои шкафы. Думаю, это вполне нормально. У нас ведь не было времени готовить, а потому пришлось купить продукты в магазине.

Она в Робервале не пожадничала. Лора – тоже. Машину Жослина – великолепный черный «Линкольн Континенталь» – доверили вести Людвигу. Хотя салон этого автомобиля и был очень просторным, он не мог вместить всех. Понимая, что может возникнуть подобная проблема, Онезим приехал за Мадлен, Констаном и Аделью на своем грузовичке. Мадлен совместно с Иветтой, которая с ней почти не разговаривала, постаралась сделать Маленький рай как можно более уютным.

Теперь, чтобы сесть ужинать, ждали лишь, когда придут Иветта с Онезимом и Андреа с Жозефом. Лора отправилась за ними, надев очень элегантное льняное платье безупречного покроя.

Шарлотта обошла длинный стол, рассматривая еду, разложенную по большим тарелкам и салатницам.

– Корнишоны! Я иногда ела их там, в Германии, – сказала она. – Уксус укрепляет мне нервы. Я возьму сейчас один.

Эрмин посмотрела на нее обеспокоенным взглядом. Веселость ее подруги показалась ей фальшивой, а ее энтузиазм – показным.

– А что делает Людвиг? – спросила она.

– Он кормит десертом Адель и Констана. Ну хоть разок он проявил заботу о них!

Эти слова были произнесены резким тоном. Наружный блеск становился тусклым, и сквозь него проглядывали трещины в отношениях этой семейной пары, которая еще совсем недавно считалась счастливой.

– Лоранс, тебе следовало бы навеститься к Маруа, – посоветовала Эрмин. – Твоя бабушка вполне способна выпить какой-нибудь аперитив и поболтать с ними, не глядя на часы.

– Хорошо, мама, я к ним наведуся.

Лоранс зашагала прочь. Ей очень понравилась идея съездить в Валь-Жальбер. Ее здесь не пугали ни сгущающиеся сумерки, ни пустота за стеклами окон заброшенных домов. Она то и дело представляла себе, что рядом с ней находится Овид Лафлер, ее верный рыцарь. Она особенно часто думала о нем, когда оставалась наедине с собой.

Увидев, что Лоранс отошла на достаточно большое расстояние, Эрмин взяла Шарлотту за руку и увлекла ее вслед за собой на бывший огород.

– Шарлотта, ты что, чем-то заболела? Или у вас с Людвигом начались серьезные проблемы? А может, и то и другое?.. Ты так сильно похудела! Я

вижу, что ты напряжена, чувствуешь себя как-то неловко. Ты много смеешься, пытаешься выглядеть довольной, но меня не обмануть: я чувствую, что ты что-то скрываешь.

– Я даже не сомневалась, что ты это заметишь, Мимин. Мне хотелось поговорить с тобой об этом позднее, но можно и прямо сейчас.

– Неужели это так серьезно? Что произошло? Твои свекор и свекровь были с тобой невежливы?

– Нет. По крайней мере вначале. Да, поначалу все шло хорошо... Эрмин, прошу тебя, не осуждай меня, попытайся меня понять. У меня там не было друзей, я была одна, совсем одна...

Шарлотта подавила рвущийся из горла стон, прислонившись лбом к плечу Эрмин, которая, почувствовав неловкость, прижала ее к себе.

– Да рассказывай же! И поскорее, а то ты нагоняешь на меня страху!

Эрмин уже мысленно представила себе бесконечные ссоры и словесные перепалки. Она была знакома с капризным характером Лолотты и ее ничем не обоснованными вспышками гнева. Однако она разинула рот от изумления, когда услышала, как Лолотта – едва слышным голосом – сказала:

– Я изменила Людвигу. И я не знаю, кто является отцом ребенка, которого я ношу сейчас в животе. Вот так!

– Нет, такого не может быть! Ты говоришь глупости! Ты не способна на такой поступок, Шарлотта! Не способна! Людвиг ведь главная любовь всей твоей жизни, твоя большая любовь. Вы не спасовали ни перед какими препятствиями, вы даже жили в горах под крылышком у Шогана и Одины, и после восьми лет брака ты поставила свое семейное счастье под угрозу? Но почему?

– Я тебе уже сказала, что была одна – все время одна с утра и до вечера. Людвиг очень много работал, и я его за это не упрекаю. Однако он находился у себя на родине, в Германии, и после приезда встретил своих школьных друзей и двоюродных братьев и сестер. Когда все его близкие родственники собирались за одним столом на семейный обед или ужин, я не могла принимать участие в разговоре, потому что все болтали по-немецки и я почти ничего не понимала. Вообще-то я сама была в этом виновата, потому что, хотя и прожила там три года, не удосужилась выучить местный язык и войти в тамошнее общество. Я вела себя так, как будто в глубине души желала только одного: вернуться сюда. В общем... Когда свекровь стала возиться с моими детьми, я нашла себе работу в близлежащем городе. Мне приходилось ездить туда на автобусе, но меня это устраивало. Я, по крайней мере, больше не умирала от скуки. В конце

концов я познакомилась с французом, который женился на немке. Он тоже был бывшим военнопленным. Его звали Венсан. Он, так же как и я, чувствовал себя в Германии не в своей тарелке, поскольку не мог привыкнуть к новой жизни. Мы стали хорошими друзьями, и чуть больше шести месяцев назад я уступила его домогательствам и отдалась ему. Он так этого жаждал! Он говорил, что обожает меня. Я встречалась с ним раз в неделю, не чаще. Самое странное, Эрмин, заключается в том, что я не переставала любить Людвига даже и на миг. Я клянусь тебе в этом. Мои отношения с Венсаном были лишь мимолетным увлечением, забавой, но в конце концов нас кто-то выдал. Я уверена, что это сделал Герман, двоюродный брат Людвига. Гнусная личность.

Эрмин машинально выпустила из своей руки руку подруги, которую этот жест больно уколол.

– Я вызываю у тебя отвращение? – спросила Шарлотта со слезами на глазах.

– Нет, но...

– Ты почти оттолкнула меня от себя!

– Мне жаль, Шарлотта, но я возмущена. Да, возмущена. У меня, кстати, есть на это право! Изменить такому человеку, как твой муж, всего лишь ради забавы? Я никогда еще не слышала ни о чем более жестоком, более грубом. Ваш приезд сюда имеет какое-то отношение к этой истории?

– Конечно! Мне хотелось доказать Людвигу, что я люблю только его, что Венсан не имеет для меня никакого значения. Я стала для семьи Бауэр паршивой овцой. Мать Людвига испепеляла меня взглядом, а его отец перестал со мной разговаривать. Между нами – то есть мною и Людвигом – состоялся долгий и тяжелый разговор по поводу ребенка, которого я сейчас жду. Людвиг в конце концов меня простил, и мы уехали, не сообщая никому, что я беременна. Через несколько месяцев мы объявим, что у нас здесь, в Валь-Жальбере, родился ребенок, и он будет считаться символом примирения и прощения.

– Но ведь это же совсем не так! Господи, мне теперь понятны и замешательство в глазах Людвига, и твое встревоженное выражение лица. Он заставляет себя улыбаться нам и шутить, но я чувствую, что его мысли где-то далеко и что мысли эти горестные...

Шарлотта, нахмурившись, посмотрела на Эрмин сердито.

– Мне, представь себе, тоже есть на что жаловаться, – процедила она сквозь зубы. – Людвиг иногда возвращался домой в полночь, причем изрядно навеселе. Он проводил вечера с деревенскими девушками. Мне рассказывали, что он танцевал с ними и пел. Можешь быть уверена, он не

простил бы меня, если бы у него самого совесть была чиста.

– Единственное, в чем я уверена, моя бедная Лолотта, – так это в том, что вы должны сохранить свою семью и снова стать счастливыми друг с другом. Что касается ребенка...

– Я вполне могла бы обойтись без него! Я не хотела еще одного ребенка. Роды – это тяжкое, изнурительное событие для женщины, и меня отнюдь не радует, что мне придется пережить его еще раз.

Они услышали, что Лора зовет их в дом очень веселым голосом:

– Пожалуйста за стол, дорогие мои! Куда вы запропалились?

– Не говори никому ни слова! – потребовала Шарлотта с отчаянным видом. – Людвиг знал, что я поговорю об этом с тобой, но все остальные не должны узнать правды. И не напускай на себя такой возмущенный вид. Ты ведь сама спала с учителем!

– Ты что, рехнулась? Я никогда не спала с Овидом. Никогда! Я слишком сильно люблю Тошана. Он бы меня не простил.

Они, стоя лицом к лицу, затараторили шепотом, каждая оправдывая саму себя. Первой сдалась Шарлотта.

– Мимин, прошу тебя, не отталкивай меня. Это как раз тот момент, когда ты можешь доказать, что ты для меня и в самом деле немножко сестра, что ты моя настоящая подруга и по-прежнему любишь меня так, как любила, когда я была маленькой. Я сожалею о том, что совершила, и я пожертвовала бы чем угодно ради того, чтобы вернуться в то время, когда родился Томас, на берег Перибонки. Если бы мы не уехали, между мной и Людвигом ничего бы такого не произошло.

Они услышали, что кто-то приближается к ним легкими шагами. Это была Лоранс.

– Я услышала ваши голоса. Бабушка вас зовет, а вы даже не откликаетесь! Что вы делаете здесь, среди сорняков?

– Мы разговариваем, дорогая моя, – сказала Эрмин.

– Все уже готово, пойдете.

Атмосфера за столом была довольно мрачной. Лоранс с наступлением темноты зажгла свечи, но Шарлотта настояла на том, чтобы включить также и наружную лампу, чтобы та отвлекала на себя комаров. Вопреки усилиям Лоры и Онезима, рассказывавшего различные истории про Валь-Жальбер, всем было как-то тягостно – главным образом из-за мыслей о Кионе. Жозеф Маруа вообще не переносил того, что он называл «драмой».

– Когда я подумаю о ситуации, в которой оказался Жослин, мадам Лора, у меня пропадает аппетит! – заявил он в тот момент, когда Мадлен принесла пирожные. – Если бы мне раньше сказали, что Киона осмелится

сбежать с каким-то там парнем, я бы над этим заявлением просто посмеялся. Мне все еще не верится, что это правда. Не верится. Этот индеец ее просто похитил – так, как это произошло однажды с Луи, когда тот был маленьким. Вы помните, мадам Лора?

– Ну конечно! Какая мать смогла бы забыть о таком трагическом событии? Я думала, что его найдут мертвым. Такое вполне могло произойти. Если бы не Тошан, который не побоялся добраться до пещеры Феи, мой сын был бы обречен.

– Вовсе нет, бабушка! – возразила Лоранс. – Там были люди, которые прятались, чтобы их не призвали в армию. Они не допустили бы, чтобы маленький ребенок погиб.

– У них имелась вполне серьезная причина для того, чтобы прятаться. Они не отправились на эту бойню и не погибли на ней! Проклятая война! – пробурчал Жозеф Маруа. – Она забрала у меня двух сыновей.

– Успокойся, – сказала Андреа.

– Не трогай меня, Андреа. Ту рану, которая у меня вот здесь, в сердце, не вылечить никому. Моя маленькая колдунья сделала эту рану менее болезненной, но полностью не исцелила.

Нежность и уважение, которые чувствовались в словах этого бывшего рабочего о Кионе, заставили всех снова вспомнить о ней.

– Она сыграла прекрасную роль в ту эпоху, появляясь в снах нашего бедного маленького Луи, – отметила Эрмин. – Она чувствовала недомогание, потому что ему угрожала опасность, и утешала его, как могла. Она повторяла ему, что ее брат Тошан его спасет.

– Киона всегда казалась мне похожей на ангела, – сказал Людвиг с задумчивым видом.

– Странный она ангел, если взяла и удрала с парнем, да еще и с проходимцем, – возразила Иветта. – Послушать вас – так ее хоть сейчас в рай возьмут, но на самом деле она такая же, как и все остальные девчонки ее возраста.

Эти слова вызвали у присутствующих замешательство. Лора смущенно откашлялась, Лоранс улыбнулась какой-то загадочной насмешливой улыбкой, а Мадлен воспользовалась воцарившимся молчанием для того, чтобы изложить свою точку зрения.

– Что бы там ни говорилось в святых книгах, нам известны далеко не все ангелы. Индейцы верят скорее в добрых духов, которые могут помочь людям и утешить их, а Киона – ангел она или нет – обладает удивительной способностью утешать других людей. Не так ли, месье Маруа?

Жозеф в знак согласия кивнул и что-то пробурчал. Шарлотта почти не

слушала разговор. Прежде она думала, что расскажет о своих несчастьях Эрмин не раньше, чем через несколько дней после своего возвращения, и теперь, поторопившись, она лишь с трудом заставляла себя делать вид, что у нее в семейной жизни все хорошо. Сидя рядом с Людвигом, она тайно ждала какого-нибудь проявления нежности с его стороны (может, он положит ладонь на ее бедро или плечо), однако он на нее даже не смотрел.

Констан и Адель, игравшие под навесом возле дома, вдруг сбежали вниз по ступенькам со встревоженным видом.

– Мама, в кустах какой-то зверь! – воскликнула девочка.

– Да, и я думаю, что это злой зверь! – добавил мальчик.

Онезим тут же встал и стал всматриваться в темноту.

– Вообще-то тут в округе бродит лось, – сказал он. – Самец. Если он и дальше будет подходить так близко к домам, я шандарахну по нему дробью из ружья.

Людвиг посадил дочь себе на колени, а Констан бросился в объятия своей матери. Затем все увидели, как из колючих кустарников появилось маленькое четвероногое существо, которое тут же бросилось, твякая, в сторону стола.

– Да это же Фокси! – удивилась Лоранс. – Вот так злой зверь! Иди сюда, мой песик. Как ты здесь оказался?

Пару мгновений спустя на краю светового пятна, в центре которого находился стол, появился Жослин, про которого все думали, что он находится в Робервале. Следом за ним шел Овид Лафлер.

– Боже мой, что случилось? – воскликнула Эрмин испуганным голосом. – Какие-то плохие новости?

– Черт побери, опровергать это твое предположение я не стану! – прогремел ее отец. – В противном случае я бы сюда не приехал.

Оба мужчины, вид у которых был мрачный и встревоженный, быстро со всеми поздоровались.

– Я приехал в Роберваль, как только смог это сделать, – стал рассказывать учитель. Лоранс смотрела на него не отрываясь. Ее привело в восторг его такое эффектное – как в театре – появление. – Мне хотелось рассказать вам о том, что удалось узнать в резервации, но я нашел там только месье Шардена. Поскольку он заявил, что ему нужно к вам приехать, я повез его сюда. К сожалению, в моей машине на региональной дороге закончился бензин, и нам пришлось преодолеть остаток пути пешком.

– Жосс, у тебя ужасное выражение лица. Садитесь оба за стол и расскажите нам побыстрее все то, что вам известно! – прошептала Лора,

хватая своего мужа за руку.

– Да-да, садитесь за стол, Овид. Мадлен, тебе, наверное, уже пора пойти уложить детей спать. Они устали.

– Хорошо, Мин, я поднимусь с ними на второй этаж, – сказала индианка с озабоченным видом. – Я буду молиться за нас всех, пока они будут засыпать.

Овид сел на стул, который освободили для него рядом с Лоранс, а та в глубине души этому очень обрадовалась. Жослин сел на деревянную скамью рядом с Лорой.

– Нужно что-то предпринять, черт побери! – сдавленно сказал он.

– Из-за детей частенько приходится сильно нервничать и портить себе кровь, да? – проворчал Жозеф Маруа.

Этих двоих мужчин уже давно связывали крепкие узы дружбы.

– Да. Просто ужас какой-то! – признался несчастный отец.

– Муки небесные, – не выдержал Онезим, – вы собираетесь рассказать нам, что произошло, или не собираетесь?

Шарлотта, которую подобное появление здесь Жослина и Овида заставило на время позабыть о собственных горестях, поддержала своего брата:

– Да рассказывайте же вы, в конце концов.

– Расскажите им сами, Овид. У меня не хватает мужества, – сказал Жослин.

Лора, сильно побледнев, перекрестилась. Она морально подготовилась к самому худшему, хотя поведение мужа убедило ее по крайней мере в одном: Киона не погибла, потому что в противном случае Жослин не мог бы ни стоять на ногах, ни даже дышать. Его сердце, как ей казалось, не выдержало бы.

– Итак, – начал рассказывать Овид, – я пообещал навести справки, и я это сделал. Для индейцев, живущих в Пуэнт-Блэ, характерна солидарность. Они никогда не выдадут никого из своих, однако Делсена они своим, в общем-то, не считают. Его дядя, хотя он тоже индеец монтанье, пользуется очень дурной репутацией, потому что частенько мошенничал в делах с соплеменниками и обманывал их. Короче говоря, когда я сообщил, что Киона, дочь Талы и правнучка уважаемого шамана, удрала с Делсеном, языки развязались. Киону в этой округе знают и относятся к ней очень хорошо, хотя многие ее ни разу не видели. Так вот, я еще раньше говорил Лоранс, что этот Делсен совершил много мелких правонарушений, в том числе краж, и, возможно, участвовал в драках. Однако оказалось, что он виновен и кое в чем похуже. Прошлой зимой один старый священник

приехал в резервацию, чтобы давать уроки Закона Божьего тем индейским детям, родители которых приняли крещение и стали католиками. Делсен в тот вечер выпил много спиртного и набросился на этого милого старика, стал наносить ему удары ножом. Раны, правда, были неглубокими, поскольку его сутана ослабила силу ударов. Полиция, конечно же, стала подозревать в содеянном всех индейцев, но никого конкретно, а реальный виновник, как принято говорить, испарился. Делсену нет смысла снова появляться в Пуэнт-Блэ. Его там встретят весьма недружелюбно, потому что он доставил неприятности всем обитателям резервации.

– Боже мой, какой ужас! – воскликнула Эрмин. – Овид, как получилось так, что вы не знали ничего этого раньше?

– Я же вам сказал: у индейцев действует своего рода закон молчания! Кроме того, прошлой зимой я находился в Сен-Фелисьене.

– Полицейские, которых я видел в участке, мне тоже ничего не сказали! – сердито пробурчал Жослин.

– Они не смогли выяснить, что данное правонарушение совершил именно Делсен. Он, кстати, часто меняет свое имя. Я думаю, что на строительной площадке в Онтарио он поступил точно таким же образом и записался под другой фамилией.

– Но Киона так поступать не стала бы, – заявила Лора. – Если она все еще рядом с ним, они должны были ее узнать! У нее ведь довольно специфическая внешность. Овид, вы, похоже, колеблетесь. У вас есть какие-то еще новости такого же рода и такие же неутешительные?

Учитель смущенно покосился на Лоранс, которая делала из хлеба маленькие шарики и раскладывала их на скатерти.

– К сожалению, есть! – признался он. – Мне было бы неудобно говорить об этом в присутствии юной девушки, но Лоранс вообще-то уже взрослая. Думаю, это не вызовет у нее шока.

Эрмин данное заявление Овида очень не понравилось: он, получалось, обратил внимание на то, что Лоранс в своем физическом развитии уже перестала быть всего лишь подростком. «Нет, это все глупости, у меня просто сильно напряжены нервы. Он произнес эти слова просто так, без какой-либо задней мысли. Господи, какие еще испытания ты для меня приготовил? Шарлотта предала любовь Людвига, Киона убежала с каким-то вспыльчивым безумцем, который к тому же еще и алкоголик, а Тошан так до сих пор и не приехал».

Все смотрели на учителя с любопытством, смешанным с тревогой. Жослин, которому все уже было известно, стал набивать трубку дрожащими пальцами. Овид стал объяснять тихим голосом:

– Одна крещеная индианка, назвавшаяся Марией, сообщила мне в завуалированной форме, что Делсен совершил... э-э... порочные действия по отношению к тринадцатилетней девочке. Малышка рассказала об этом лишь этой женщине, отличающейся незаурядной мудростью. У девочки нет родителей, и она живет у своего дяди. Данное признание вызвало у меня серьезное беспокойство и даже ужас, и я подумал, что обязан поставить вас в известность. Киона не сможет оказать сопротивление этому мерзкому типу, если он вдруг напьется и начнет действовать безрассудно. Думаю, он подговорил ее сбежать с ним отнюдь не из любви к ней.

Эрмин побледнела и привстала было со стула, но затем снова опустилась на него. Ей, похоже, как и восемь лет назад, захотелось немедленно помчаться спасать свою сводную сестру.

– Овид! – воскликнула она. – Мы не можем сидеть сложа руки и болтать о прегрешениях, которые совершило это дитя демонов, как его называла бабушка Одина. Прошу вас, помогите мне. Давайте позаимствуем у моего папы автомобиль, который находится в прекрасном состоянии, и поедем в Онтарио. Мы обследуем те же самые места, которые обследовала полиция, то есть железнодорожные вокзалы и строительные площадки. Тошан вернется не раньше чем через две недели. Я так долго ждать не могу. Мы когда-то уже спасали Киону. Давайте попробуем сделать это еще раз.

Овид посмотрел на нее ошеломленным взглядом. Его смутило, что Эрмин напоминает ему о поездке, которую они совершили вдвоем осенью 1942 года и в ходе которой они искали Киону, отнятую у ее матери представителями местных властей. Перед его мысленным взором предстала комната на постоялом дворе в поселке Перибонка. Когда они находились в этой комнате, Эрмин, ничуть не стесняясь, прижалась к Оvidу. Она, видимо, вдруг возжаждала тогда нежности и физического наслаждения. Но он оттолкнул ее, проявляя тем самым уважение к ее статусу замужней женщины и матери семейства и опасаясь, что станет любить ее еще больше, если они соединятся физически.

– На этот раз поиски ни к чему не приведут, – ответил он натянутым тоном.

– Вы отказываетесь! А ты, Онезим, ты мне поможешь? Я тебе потом за это заплачу. Ты согласишься отвезти меня в Онтарио? – умоляющим тоном спросила Эрмин.

– Я не смогу этого сделать, – отрицательно покачал головой гигант. – Будет лучше, если ты поедешь туда вместе со своим мужем, когда он вернется. У меня ведь полно работы на поле. Уже давно пора окучивать

картошку.

Людвиг хотел было вызваться помочь Эрмин, но тут же передумал, чтобы не вызывать неудовольствия у Шарлотты, которая могла бы усмотреть в этом пренебрежительное отношение к ней с его стороны. Лоранс начала испытывать угрызения совести по отношению к Кионе, на которую раньше злилась из-за ее побега. Ее юная тетя имела полное право удрать со своим возлюбленным и жить с ним, избавившись от всех препятствий к этой своей любви, но вот подвергать себя опасности – это уж, извините, нет. Лоранс сказала громко:

– Но ведь Киона является нам, когда она страдает или боится. А сейчас она до сих пор никому еще не явилась. Мама, ты со мной согласна? Вполне может быть, что у нее все хорошо, что Делсен ее действительно любит и не причинит ей никакого вреда.

– По правде говоря, я считаю, что она способна подчинить своей воле кого угодно, – заявила Лора. – Я, конечно, тоже очень переживаю, но вообще-то Киона – умная и осмотрительная. Если она уехала с этим парнем и ничуть его не боится, она, видимо, знает, что делает. Или я неправа, Жосс? Эрмин?

– Любовь может творить чудеса! – сочла уместным добавить Шарлотта.

– Чудеса! – пробурчал Жослин. – Муки небесные, моя малышка стала слепой и глухой! Мне кажется, мы ее не уберегли. Она последовала за Делсеном, полагая, что об этом бедняге нужно заботиться... Лично я еду с тобой, Эрмин. Если необходимо, то хоть этим вечером.

– Нет, Жосс, ты сейчас не в состоянии вести машину, – резко возразила Лора. – Ты весь дрожишь, у тебя неровное дыхание. Давайте не будем терять голову! Нужно снова съездить в полицейский участок. Овид может рассказать там о том, что он узнал. А ты, Эрмин, поставь в известность Тошана. Ему следует вернуться побыстрее, на самолете. Просто сесть на один из ближайших рейсов и прилететь. Может, даже завтра. И веди себя немножко серьезнее. Ты собираешься рыскать по всей провинции Онтарио? Ну-ну! Но это ведь не такой регион, как Лак-Сен-Жан. Онтарио – провинция немаленькая. Это будет все равно что искать Киону в нескольких странах Европы, не имея никакого адреса.

Эрмин – нехотя и с тяжелым сердцем – согласилась с доводами Лоры, но пробормотала, что не может пытаться связываться по телефону с Тошаном, потому что во Франции сейчас три часа ночи.

– Тем более что в Валь-Жальбере телефон имеется только у мэра, – добавила она.

– Ну и что? Он ведь спать еще не лег, – пожал плечами Онезим. – Я поеду с тобой в мэрию, Мимин.

– Но я не уверена, захочет ли дежурный администратор в гостинице в Париже будить Тошана. Ну да ладно, поехали! Я, к счастью, взяла с собой записную книжку, где есть нужный номер телефона.

Шарлотта с раздосадованным видом посмотрела вслед уходящим Онезиму и Эрмин. Она надеялась, что эта вечеринка пройдет совсем по-другому. «Я рассказала бы про Германию, мы поели бы с аппетитом, а Мимин нам бы спела. Ну почему Кионе обязательно нужно было так поступить по отношению к своим близким?»

Овид, поддавшись настояниям Лоранс, согласился съесть кусок холодного жареного мяса. Лоранс подала ему блюдо с очень любезной улыбкой, а затем еще положила на край тарелки Овида лист салата, корнишоны и немножко горчицы. Ее сердце трепетало от радости – так, как, наверное, трепещет сердце птицы при наступлении весны. Колено Овида касалось ее колена под скатертью, покрывавшей стол. Вообще-то их колени встретились совершенно случайно, однако они не стали отодвигать их. Их обоих охватили волнующие чувства от этого телесного соприкосновения.

Мэр с удовольствием согласился оказать содействие Соловью из Валь-Жальбера, являющемуся, по его словам, национальной гордостью. Предложив Онезиму бокал карibu (коктейля, который жена мэра готовила не только зимой, но и летом), он увел его в кухню.

Оставшись в одиночестве в уютной и обставленной дорогой мебелью гостиной, Эрмин прождала довольно долго, прежде чем ее соединили с Парижем. Когда наконец трубку взял дежурный администратор, она попросила его разбудить ее мужа.

– Будить его не придется, мадам, потому что месье Дельбо находится в нашем баре. Я пойду скажу, что вы ему звоните.

Администратор, будучи неболтливым и осмотрительным, не стал уточнять, что Тошан пьет ликер в обществе очень красивой особы.

– Мин? – удивился Тошан, взяв трубку и услышав голос своей жены. – Что-то случилось? Ты вообще знаешь, который час?

– Час, в который ты уже давно должен был бы спать, – огрызнулась Эрмин. – Но это даже хорошо, что ты не спишь. Тошан, дорогой мой, прошу тебя, вернись сюда как можно скорее. Кионе угрожает опасность, можешь мне поверить. Я не могу сейчас рассказать тебе, в чем заключается эта опасность, потому что рассказ займет уж очень много времени, но я просто умоляю тебя: возвращайся немедленно. Нам с тобой необходимо

поехать вдвоем в Онтарио, чтобы разыскать Киону.

Слова Эрмин вызвали у Тошана такое замешательство, что он ответил не сразу. Он почувствовал по дрожащему голосу своей жены, что ее охватило отчаяние и что ситуация и в самом деле серьезная.

– Не переживай, Мин, я решил сесть на самолет в понедельник утром. Я уже купил нам билеты.

– Вот и замечательно! – пробормотала Эрмин. – Но не оставайся на два-три дня в Квебеке, как ты планировал, чтобы пообщаться с Мари-Нуттой. Сразу пересаживайся на другой самолет и лети в Роберваль. Поверь мне, события развиваются так бурно, что мне без тебя не обойтись.

Эрмин даже не обратила внимание на то, что Тошан упомянул о билетах во множественном числе. Тошан же, поняв, что допустил досадную оплошность, стал кусать себе губы.

– Мин, дорогая, мне необходимо поговорить с тобой кое о чем важном. Я перезвоню тебе завтра утром.

– Поговори со мной уж лучше сейчас. Мы находимся в Валь-Жальбере, и я звоню тебе от мэра. Сегодня мы будем ночевать в Маленьком раю, и я пока даже не знаю, в какое время вернусь в Роберваль.

Тошан столкнулся с трудной дилеммой. Как сообщить Эрмин, что он привезет в Квебек сестру Симоны, тем более что она, Эрмин, находится сейчас, похоже, в состоянии паники? Однако, если он умолчит про эту встречу и приедет с Эстер, не сообщив о ней Эрмин заранее, это может привести к семейному скандалу. Тошан решил отложить принятие решения на следующий день.

– Мин, дорогая, в таком случае я позвоню завтра вечером в дом твоих родителей. Не переживай уж слишком сильно по поводу Кионы. Она такая же сильная, какой была моя мама. Я тебя люблю, моя маленькая женушка-ракушка.

– Тошан, любовь моя, когда ты приедешь сюда, я уже не буду ничего бояться.

Они обменялись еще несколькими ласковыми фразами, а затем Эрмин, успокоившись, положила трубку. Она настояла на том, чтобы мэр принял у нее деньги, необходимые для оплаты этого телефонного разговора, а затем, еще раз его поблагодарив, вернулась вместе с Онезимом в Маленький рай.

«Какой прекрасный вечер! – подумала она. – На небе светит луна, а воздух такой нежный, как хлопок. Киона, моя маленькая Киона, прошу тебя, будь сильнее Талы. Да, ты должна быть намного сильнее Талы-волчицы. И вернись к нам, Киона, вернись!»

Роберваль, понедельник, 17 июля 1950 года

Эрмин, изнывая от нетерпения, ждала звонка Тошана. Она сидела в плетеном кресле под молодой липой, растущей в углу сада и возвышающейся там над всеми другими растениями. Понимая, что, скорее всего, и сама услышит, сидя в этом кресле, металлическое треньканье телефона, она тем не менее попросила Мирей немедленно позвать ее, если телефон зазвонит. Рассеянно листая лежащий на коленях журнал мод, она терзалась мрачными мыслями.

День клонился к вечеру, и было очень тихо. Со стороны озера доносился тихий плеск волн, которые непрерывно накатывались на берег и там со всем знакомым шелестом умирали.

«Тут, в общем-то, нет ничего особенного, – едва слышно сказала сама себе Эрмин, – но тем не менее это место мне нравится».

Она посмотрела на великолепные розовые кусты, которые тянулись длинной полосой вдоль границы леса и вдоль стен дома, выкрашенных в коричневый цвет. Легкий бриз доносил до нее опьяняющий запах их цветов. Коротко подстриженная ярко-зеленая трава, устилавшая землю плотным ковром, казалось, так и звала поваляться и покувыркаться на ней – так, как кувыркаются маленькие дети.

«Ну чем там занят Тошан? – начинала злиться Эрмин. – Если он не позвонит до шести часов, я позвоню ему сама».

Лоранс и Лора отправились прогуляться вместе с детьми по бульвару Сен-Жозеф, намереваясь выпить лимонада на террасе «Шато-Роберваль» – большого отеля, в котором Эрмин дебютировала на сцене. Жослин, сославшись на то, что ночь в Маленьком раю была тяжелой, устроил себе долгий дневной отдых. Только Мирей хлопотала по хозяйству. Она заявила, что чувствует себя лучше и что ноги у нее снова стали такими, как в молодости, благодаря таблеткам, которые ей дала Лора.

Радуюсь тому, что может теперь без затруднений ходить куда угодно, Мирей частенько выходила на порог за наружной застекленной дверью кухни и, держа в руках тряпку, вдыхала свежий воздух. Ветер дул со стороны озера. И вот старая служанка в очередной раз появилась на пороге с широкой улыбкой на устах.

– Ты все еще отдыхаешь, Мимин? Да, ты и в самом деле нуждаешься в отдыхе после всех тех неприятностей, с которыми столкнулась вчера вечером в Валь-Жальбере.

– Да, я спала там очень плохо. Я даже не сходила к водопаду. Иди сюда, Мирей, тебе следует посидеть и отдохнуть возле меня вот в этом кресле. Береги себя, даже если тебе и полегчало. Мы поболтаем вдвоем.

– Нет, мне нужно кое-что сделать. Мне хочется, чтобы всем тут, в моем маленьком мирке, было уютно. Я готовлю большой и вкусный пирог со свининой. Вышла подышать свежим воздухом, потому что до этого резала лук и у меня стало щипать глаза. А еще я прислушиваюсь, не зазвонит ли телефон.

– В таком случае я тебе помогу. Время будет тянуться для меня не так медленно, если я займу чем-нибудь руки.

Эрмин – с распущенными светлыми волосами, ниспадающими на плечи, – пошла вслед за Мирей легким шагом. Эрмин была одета в голубое шелковое платье, широкая юбка которого колыхалась в такт ее движениям.

– Хм, пахнет аппетитно! – сказала она.

– Я варю курятину, свинину и говядину порезанными на маленькие кусочки. В этом случае они варятся быстрее... Мимин, мне никто ничего не рассказал. Наша Лолотта, она хорошо устроилась?

– Лучше всех. Шкафы у нее набиты. В них там еды недели на две. В Маленьком раю чисто, его хорошо проветрили.

Мирей, будучи женщиной проницательной, всмотрелась в лицо Эрмин, однако его выражение не сказало ей практически ничего. Тон ее голоса тоже был необычно бесстрастным.

– Мимин, у Шарлотты какая-то проблема? – спросила Мирей. – Я тебя хорошо знаю. Ты сейчас разговариваешь как-то смущенно.

– Нет, никаких плохих новостей. Я просто очень встревожена. Только и думаю, что про Киону. Мне без нее нет жизни, моя дорогая Мирей, я хочу ее найти, хочу привезти ее сюда, к нам. Вчера вечером было то же самое, я потеряла аппетит. Мне было грустно, очень грустно! По правде говоря, я не смогла в полной мере порадоваться возвращению Шарлотты. Когда все снова станет так, как должно быть, я смогу вздохнуть спокойно и съездить снова в Валь-Жальбер.

Мирей покачала головой, помешивая большой ложкой поджаривающиеся кусочки мяса. Ничего больше не говоря, она стала подбрасывать тонко нарезанный лук.

– Хочешь, я замешу тесто? – предложила Эрмин.

– Я уже замесила его сегодня утром, когда ждала вас. Я разнервничалась из-за того, что провела ночь одна. Здесь, кроме меня, не было никого, даже собаки! Сейчас, черт возьми, так много тревог и волнений, и все из-за Кионы! Да, из-за нее. Впрочем, она хорошая девочка. Если бы ты только знала, как она обо мне заботилась! Я, Мимин, молюсь утром и вечером о том, чтобы с ней не произошло никакого несчастья. Твой отец просто с ума сходит. Он уже по полдня проводит в постели.

Эрмин, чувствуя, как к горлу у нее подступает ком, ответила шепотом:

– Да, именно так, Мирей. Мадлен тоже молится и вкладывает в свои молитвы всю душу. Она сейчас в церкви... Но давай сменим тему. Что я могла бы сделать? Шоколадный торт?

Мирей с лукавым видом разгладила ладонями свой фартук с узором из фруктов и овощей и сказала:

– Десерт уже стоит в холодильнике! Ванильные сливки, политые карамелью.

Эрмин, растрогавшись, обняла Мирей, жаждающая утешения и нежности. Эта крепкая низенькая женщина, родом из Тадуссака, в течение многих лет заботилась о ней, как мать заботится о своей дочери.

– Крепись, малышка, – тихо сказала Мирей. – Твой муж уже завтра будет здесь. А на Тошана вполне можно положиться.

В этот миг зазвонил телефон. Эрмин чмокнула Мирей в щеку и побежала в гостиную.

– Тошан? Тошан, это ты?

Из телефонной трубки раздавались какие-то жуткие звуки, свист, треск и бульканье – как будто на другом конце провода вопила целая орава каких-то горластых зверей. Эрмин показалось, что иногда слышался и голос Тошана, но она не была в этом уверена. После нескольких минут подобной какофонии ей пришлось положить трубку.

– Черт возьми! – ругнулась она. – Наверное, где-то сильная гроза.

На лестнице, ведущей в прихожую, появился Жослин. Он спускался в домашнем халате, бледный, непричесанный. В общем, вид у него был жалкий.

– Есть какие-нибудь новости? – поинтересовался он, когда Эрмин, испытывая сильное разочарование, подошла к нему.

– Нет, ничего не было слышно. Как назло! Думаю, это звонил Тошан... Папа, смотри, полицейские.

Поскольку погода стояла очень жаркая, передняя дверь была распахнута настежь. Эрмин и ее отец могли видеть часть сада и дорожку, окруженную желтыми розами и ведущую к калитке в форме арки.

– Входите, господа! – крикнула Эрмин полицейским, чувствуя, что сердце у нее сжимается от дурных предчувствий.

У обоих полицейских было мрачное выражение лица – как у тех, кто пришел сообщить плохие новости. Жослин уперся дрожащей рукой в стену.

– Начальник полиции! – пробормотал он. – Моя бедная Мин, я чувствую себя совсем уж плохо.

Эрмин, которая предпочла бы устремиться навстречу полицейским,

была вынуждена подойти к отцу, чтобы его поддержать.

– Добрый вечер, господа, – сказала она слабым голосом. – Проходите в гостиную.

Тот из полицейских, у которого было более высокое звание, показал жестом, что в гостиную они заходить не станут. В руке он держал листок бумаги.

– У нас есть некоторые новости, – сказал он. – Нам позвонили коллеги из Онтарио. В лесу неподалеку от строительной площадки компании «Редфорд» было обнаружено тело молодого человека. Бригадиру сообщили о том, что там лежит это тело, в записке, которую подбросили под дверь его кабинета. Было проведено расследование, и выяснилось, что тело принадлежит некоему Делсену, внешность которого соответствует тому описанию, которое дано в вашем заявлении, месье Шарден. По словам китайской семейной пары, фамилия которых Фан, у них на кухне работала молодая девушка, говорившая, что ее зовут Киона. Они наняли ее на железнодорожном вокзале в Шамборе. Так что все сходится.

– Получается, ваши коллеги из Онтарио плохо выполнили свою работу, когда ездили на эту строительную площадку! – проворчал Жослин.

Он вздрагивал, рот его был приоткрыт, а глаза – вытаращены. Эрмин попросила его сохранять спокойствие.

– А этот молодой человек... Вы упомянули о его... теле. Он что, мертв? – спросила Эрмин, чувствуя, что у нее перехватывает дыхание.

– Нет. Его доставили в больницу в коматозном состоянии. Медики, осмотревшие его, полагают, что он выживет. У него в черепе глубокая рана – по-видимому, от удара топором, который валялся на земле в том месте, где произошел данный инцидент.

– А Киона? Где она? – снова задала вопрос Эрмин.

– Судя по первым результатам расследования, она украла у своих хозяев велосипед и пустилась в бег. Именно она и написала ту записку, о которой я упомянул. Девушку сейчас активно разыскивают. Мы будем держать вас в курсе. Если эта девушка появится здесь у вас, вы должны сообщить нам, чтобы мы могли ее задержать. Она рассматривается как подозреваемая и как важный свидетель в данном деле, потому что эти двое молодых людей утверждали, что они муж и жена.

Эрмин и Жослин, оторопев от изумления (но при этом и чувствуя некоторое облегчение), молча слушали начальника полиции Роберваля. Из кухни к его словам прислушивалась и Мирей. Сообщив все, что намеревались, полицейские ушли.

– Боже мой! – вздохнула Эрмин. – Что там произошло? Папа, иди-ка

лучше присядь. Мы теперь, по крайней мере, знаем, что Киона жива и здорова. Она вернется, вот увидишь.

– Иисусе милосердный, у меня от такого известия аж во рту пересохло! – заявила Мирей, заходя в прихожую. – Это тем не менее хорошая новость. Да, месье? Да, Мимин?

– Даже и не знаю, – процедил сквозь зубы Жослин. – Вполне возможно, что череп этому проходимцу раскроила моя малышка. Ее посадят в тюрьму.

– Нет, папа, ты ошибаешься. Делсен, должно быть, подрался с каким-то другим рабочим на этой стройке. Киона вряд ли смогла бы совершить подобный поступок. Лично я в этом уверена. Как только сюда приедет Тошан, мы отправимся в Онтарио и разыщем ее. Она не могла исчезнуть бесследно. Я даже уверена в том, что она позвонит нам либо сегодня вечером, либо завтра.

Она закрыла на пару мгновений глаза. Очень скоро они узнают правду, и очень скоро она обнимется со своей сводной сестрой.

Глава 6

Боб

Провинция Онтарио, понедельник, 17 июля 1950 года

Проснувшись, Киона почувствовала, что у нее все тело затекло. Она еще не знала, что проспала как убитая, не видя никаких снов, более суток. В щели между бревнами хижины проникали оранжевые лучи солнца, свидетельствующие о том, что день клонится к вечеру. Птицы устроили в близлежащей мелкой поросли настоящий концерт, и их пение – разноголосое, но гармоничное – заставило Киону вспомнить об Эрмин и о различных вечерах из ее прошлой жизни, которые в большинстве своем были очень приятными.

«Мне нужно отречься от своего прошлого», – решила Киона.

Все ее тело ныло и болело, а разбитая нижняя губа распухла. Она прикоснулась к ней пальцем и нащупала ранку. Затем она почувствовала, что ей хочется пить. Очень хочется пить. Ее рюкзак лежал рядом с головой. Не приподнимаясь с пола, она нашарила маленькую металлическую флягу, которую, покидая стройку, наполнила водой из имеющегося на кухне крана.

«Мне нужно сесть на поезд сегодня вечером или завтра утром. Но я все еще чувствую себя такой усталой! – мысленно сказала она самой себе, делая жадные глотки из фляги. – Интересно, сколько я проехала миль?»

Отец когда-то говорил ей, что велосипедист со средним уровнем подготовки может преодолевать за час расстояние от пятнадцати до восемнадцати километров. Поэтому она подумала, что отъехала от места совершенного ею преступления на довольно приличное расстояние. Впрочем, этого все равно было мало. Нужно было уехать еще дальше. Намного дальше. Причем она не боялась полиции – она спасалась бегством от своих родственников, потому что страшилась тех упрекающих взглядов, которыми они станут на нее смотреть.

– Я ведь наверняка доставила им немало беспокойства! – вполголоса посетовала она. – Меня считали ангелом, а я ступила одной ногой в ад. Я едва не провалилась в бездонную пропасть и едва не сгорела в пламени стыда.

Она приподнялась и села на полу, морщась от боли. Перед ее мысленным взором вдруг предстал Делсен, лежащий на поляне, с забрызганными кровью красивыми черными волосами. Киона

почувствовала, как к ее горлу подступает ком, и ей очень захотелось плакать.

– О Иисус, несущий людям свет, о Иисус милосердный, которому я так много молилась, которого я любила всей своей душой, ну почему это произошло? Ну как я могла совершить самый ужасный из всех возможных поступков – лишить другого человека жизни?

Она произнесла эти слова шепотом, но ей вдруг показалось, что они отразились от леса эхом. Мгновением позже она поняла, что это просто откуда-то поблизости донесся громкий лай. Судя по его зычности, собака была немалых размеров. Чуть позже Киона услышала, как эта собака ходит вокруг хижины и нюхает почву. Скорее всего, она нюхала след от велосипедных колес. Животные никогда не вызывали у Кионы страха, поскольку ей неизменно удавалось наладить с ними контакт при помощи своих удивительных способностей по части общения с другими живыми существами. Даже если у животных и не было своего языка, они легко понимали телепатические послания.

«Надеюсь, эта собака прибежала сюда одна», – подумала Киона, глядя на приоткрытую входную дверь, у которой отсутствовал один петельный крюк, и из-за этого она висела немного криво. Однако в тот самый момент, когда Киона увидела в дверном проеме коричневый силуэт с желтыми глазами, со стороны близлежащей тропинки донесся топот лошадиных копыт.

«Уходи, ты, уходи отсюда!» – прошептала Киона.

Собака в ответ залаяла глухим и равномерным лаем.

– Ко мне, Гризли, ко мне! – позвал молодой пронзительный голос по-английски.

Топот копыт стих, затем раздалось короткое ржание и характерное лошадиное фырканье. «Там кто-то есть. Похоже, девушка, которая прогуливается на лошади с собакой!» – с тревогой подумала Киона.

Она поправила свою кепку, надвинув ее до бровей, и проверила, застегнуты ли все пуговицы рубашки с длинными рукавами, которую она носила под своей полотняной спецовкой. «Если меня здесь обнаружат, мне следует сделать вид, что я парень, и – самое главное – говорить по-английски», – решила она, радуясь своему многоязычию: она ведь умела говорить на французском и английском, а также на языке монтанье.

Собака, которую, как выяснилось, звали Гризли, замолчала. Она, видимо, засомневалась, как ей следует поступить. Ее коричневато-желтые глаза смотрели прямо в глаза беглянки.

«Да уходи же ты, уходи и уведи отсюда свою хозяйку, не выдавай

меня!» – попыталась Киона пообщаться с собакой телепатически.

– Гризли, ко мне! Ты почему меня не слушаешься? – снова раздался голос всадницы. – Что там, в этой хижине? Енот? Или лиса?

Киона невольно сжалась. Собака завиляла хвостом и заскулила, чтобы продемонстрировать свою симпатию. Вдруг она переступила порог и, подойдя к Кионе и обняв сначала ее полотняные туфли, затем лицо, лизнула ее в щеку. Снаружи донеслись звуки легких шагов, а потом в эту маленькую полуразрушенную хижину заглянула с заинтригованным видом девушка-подросток.

– А-а, теперь мне все понятно! – воскликнула она. – Велосипед там, снаружи, – он твой?

– Да, – ответила Киона. – Я тут просто немножко отдохнул. В этом нет ничего плохого.

Она старалась говорить низким хриловатым голосом. Поскольку Киона раньше часто одевалась в индейскую одежду – тунику и штаны – и вела себя как мальчишка, она, натянув на себя мужскую одежду, легко могла ввести в заблуждение тех, кто не был с ней знаком.

– Это вообще-то частная собственность! – сухо заявила незнакомка.

– Извините, но здесь нет ни замка, ни ограждения.

– Верно, нет, – согласилась незнакомка, с любопытством разглядывая Киону.

Киона, в свою очередь, тоже разглядывала свою собеседницу. Та представляла собой девушку из зажиточной – может быть, даже богатой – семьи, и было ей от роду лет четырнадцать или пятнадцать. Она была одета в белую кофту, брюки галифе, предназначенные для верховой езды, и черные кожаные сапоги. Фигура ее была худощавой и изящной, а вьющиеся волосы собраны на затылке в пучок. На фоне ее молочно-белой кожи отчетливо выделялись серо-зеленые глаза, которые были довольно узкими, но при этом удивительно ясными.

– Я отсюда уйду, так что не переживайте, – сказала Киона.

– Вот и хорошо! Как тебя зовут?

– Боб. А для некоторых – Бобби.

Киона, долго не раздумывая, назвала первое мужское имя, которое пришло ей в голову, – самое простое, самое обычное.

– А я – Эбби. Эбигейл Джонсон. А ты, я вижу, с кем-то подрался!.. Я никогда не видела тебя в нашей округе. Ты откуда?

Не зная, как избавиться от этой назойливой девушки, Киона на ее реплику о драке пробурчала «да» и пожала плечами. Все еще чувствуя в своем теле оцепенение и усталость, она не осмеливалась подняться на

ноги. Вопреки присущей ей пронизательности, она не заметила одной важной детали: Эбби Джонсон начинала проявлять симпатию к этому пареньку с очаровательными янтарными глазами и лицом со следами побоев. Боб был одет аккуратно и вел себя вежливо. Для подростка это был большой плюс.

– Откуда ты? – снова спросила Эбби.

– Из Ошавы^[14]. Я ищу себе в сельской местности работу на лето. Я долго ехал на велосипеде и сегодня утром должен сесть на поезд.

Киона и в самом деле рассчитывала найти какой-нибудь вокзал железнодорожной компании, один из поездов которой привез их – ее и Делсена – в маленький городок, находившийся ближе всего к строительной площадке. Если она поедет дальше на северо-запад, ее не найдут.

– Я могла бы спросить у своего отца, нужен ли ему еще один работник на конюшнях, – сказала Эбби. – Мы разводим лошадей для скачек и конного спорта. Ты любишь лошадей?

– Да, очень! – импульсивно воскликнул «Боб». – Я и собак тоже люблю. Твой ньюфаундленд просто великолепен!

– О, ты знаком с этой породой? Это хорошо. Ты умеешь ездить верхом?

– Нет, не умею, но мне уже доводилось ухаживать за лошадьми.

В мозгу Кионы, к которой вернулась ясность сознания, возникла идея: возможно, было бы целесообразно укрыться у этих людей и устроиться у них на работу. Во всяком случае, ей сейчас лучше держаться в стороне от оживленных дорог и не появляться на железнодорожных вокзалах.

– Иди посмотри на мою кобылу, хватит уже сидеть в этой дыре, – сказала Эбби непринужденным тоном.

– Хорошо, я выхожу отсюда, но к твоей кобыле подходить не стану. Если она не привязана, она может испугаться и ускакать.

– Не ускачет, я приучила ее всегда меня дожидаться, когда повод лежит у нее на шее.

Киона с облегчением увидела, что Эбби выходит из хижины, а вслед за ней и ее собака. Чувствуя ломоту во всем теле, Киона кое-как поднялась на ноги, задаваясь вопросом, как сейчас выглядит ее лицо. «Оно сейчас, наверное, не очень-то красивое!» – с усмешкой подумала она.

Когда она вылезла из своего убежища, ее поразила красота деревьев, кроны которых в лучах клонящегося к закату солнца приобрели золотистый оттенок. Местность была равнинной, и со всех сторон возвышались дубы и ели. Киона едва не изменила свое решение: ей захотелось попрощаться с юной и красивой Эбби, сесть на велосипед и снова отправиться в путь по

этому прекрасному лесу. «Пребывание в лесу в одиночестве вернет мне душевный покой и немного утешит меня. Мне следовало бы укрыться где-нибудь в лесу, на природе, а не здесь, у этих людей. Спать под звездами...»

Эбби тем временем не сводила с Кионы своих светлых глаз.

– Вот она, моя кобыла Камелия, чистокровка, – сказала она. – Мой отец собирается вскоре отправить ее на скачки.

Киона невольно залюбовалась изящной лошастью гнедой масти с длинными мускулами и темно-коричневыми гривой и хвостом.

– Какая она красивая!

Польщенно улыбнувшись, Эбби легко и непринужденно вскочила в седло.

– Я возвращаюсь домой. Поговорю о тебе со своим отцом. А ты поезжай за мной на своем велосипеде. Я буду ждать тебя во дворе конюшен.

– Пока! – сказала Киона, пытаясь подражать жестам и мимике Мукки, который сейчас был для нее своего рода образцом по части того, как ведут себя юноши.

Старший сын Эрмин и Тошана обладал способностью вести себя непринужденно в любых ситуациях и завоевывать симпатии представительниц слабого пола всех возрастов – от маленьких девочек до седовласых бабушек.

– Секундочку! – вдруг сказала Эбби. – Раз ты хочешь получить работу, должна тебя кое о чем предупредить. Если работаешь на моего отца, то нельзя пить ни капли алкоголя, даже пива, нельзя курить и нельзя ввязываться в драки.

– А я и не люблю драться! Поверишь ты или нет, но я просто упал вчера с велосипеда.

«Боб» опустил голову и посмотрел на свою обувь.

– Прости, я обвинила тебя понапрасну, – ответила Эбби. – Я объясню это своему отцу, иначе он тоже заподозрит, что ты любишь драться.

Эбби улынулась своей ребяческой улыбкой и, повернув лошадь на сто восемьдесят градусов, поскакала рысью прочь. Кионе вспомнился ее собственный конь – красавец Фебус. После того как Эбби уехала, у нее, Кионы, появилась возможность беспрепятственно отправиться туда, куда ей самой захочется. Ничто не обязывало ее следовать за этой девушкой-подростком по аллее, которая виднелась чуть поодаль и была обсажена подстриженными декоративными кустами, жимолостью и самшитом.

«Я стану для полицейских подозреваемой сразу же после того, как они допросят Ли Мэй и Чен Фана. Даже если я и отъехала на расстояние в

несколько десятков миль, полиция все равно может нагрянуть в любом месте, – стала тихонько рассуждать вслух Киона. – Возможно, было бы проще сдать полиции и честно рассказать о том, что произошло. У меня ведь будет право на адвоката, он докажет, что я находилась в ситуации необходимой обороны, и если меня и упрячут в тюрьму, то ненадолго. Но ведь я все-таки убила человека, а потому, наверное, проведу за решеткой далеко не один месяц!»

Мысль о том, что ей придется оказаться в темной и тесной тюремной камере, в четырех стенах, заставила ее задрожать от отвращения. Киона всегда жила на открытых пространствах – как в Валь-Жальбере, так и на берегу Перибонки. Учась в школе-интернате, она всегда первой выбегала на переменке во двор. А еще она там выбрала для себя кровать, стоящую возле окна.

«Что же мне делать? – мысленно спросила она себя. – Я убила Делсена, я – злая и чокнутая, я – ведьма! Не было никакого волка и никаких призраков, которые, как мне показалось, меня окружали. Я не хочу видеть ни отца, ни Мин, ни кого-либо другого из моих родственников».

Уверенность в этом оказалась сильнее всех ее сомнений, ее печали и того ужаса, который вызывал у нее совершенный ею поступок. Она восстановила силы благодаря тому, что проспала очень и очень долго (хотя пока еще не знала об этом). Теперь, после того как она немного успокоилась, тихий внутренний голос иногда начинал нашептывать ей, что она всего лишь защищалась. «Делсен хотел причинить мне зло, большое зло», – мысленно сказала она себе.

Не зная, какое решение принять, она неторопливо надела рюкзак на спину и взяла велосипед за руль. Так как же ей поступить? Стоит ли ей в течение некоторого времени побыть «Бобом»? На конюшнях наверняка имеются другие работники, причем мужчины. Ей придется работать рядом с ними, и они могут ее раскусить. Любая оплошность выдаст ее.

«Было бы, наверное, лучше найти какой-нибудь женский монастырь и попросить в нем пристанища и защиты настоятельницы. Я понимаю Акали. Она правильно сделала, что отошла от мирской жизни и посвятила себя Богу. Акали, моя милая Акали!»

Киона, чувствуя, как у нее сжимается сердце, закрыла глаза и напрягла всю свою волю. Ей хотелось увидеть эту юную индианку, которая была ее подругой по играм в течение многих лет и которая, как и Делсен, когда-то стала жертвой сексуального насилия. Акали, несмотря ни на что, сумела пойти по пути чистоты и света, пусть даже и ради того, чтобы спастись от своей любви к Людвигу.

«Акали, Акали!» – забормотала Киона.

Она не почувствовала ничего – ни недомогания, ни головокружения, ни ощущения легкости, которые обычно предшествовали ее биллокации – одновременному присутствию в двух разных местах. Киона попыталась представить себе свою подругу в одежде послушницы, мысленно оказаться с ней рядом, однако ее усилия были тщетными. Словно бы пытаясь найти этому объяснение, Киона обратила лицо к бескрайнему бледно-голубому небу, по которому плыли розоватые облака.

«Меня наказали! – подумала она. – В конце концов, только у ангелов имеются крылья!»

Роберваль, вечер, дом семьи Шарденов

Эрмин ходила взад-вперед по гостиной, скрестив руки на груди и тем самым как бы пытаясь защититься от терзающих ее волнений. Лора, сидя за пианино, нервно нажимала на клавиши.

– Дорогая моя, ты причиняешь мне боль. Присядь и выпей бокальчик хереса, – сказала Лора своей дочери.

– Мама, уже больше шести часов, и Тошан должен был бы находиться здесь, рядом со мной. Самолет, на котором он летел, наверное, разбился. Такое иногда случается.

– А ты не забыла о том, что Квебек и Франция находятся в разных часовых поясах? – спросил Жослин, куривший свою трубку.

– Нет, папа, не забыла. Согласитесь, что это странно! Вчера вечером он так и не позвонил. Я заждалась этого проклятого звонка. Сегодня уже понедельник – то есть тот день, в который, как он мне обещал, он должен сюда вернуться. Он, возможно, передумал, или же у него возникли какие-то проблемы в аэропорту. Но, что бы ни случилось, ему следовало бы мне позвонить. Он ведь, в конце концов, знает, как сильно я переживаю из-за Кионы.

Лора встала и положила на клавиши накидку из черного бархата, защищающую музыкальный инструмент от пыли.

– Но он ведь знает еще не все, – сокрушенно покачала головой она. – Того парня – печально известного Делсена – обнаружили с разбитым черепом... Боже мой, когда вы сообщили мне эту новость, я была просто в шоке!

– Эти господа из полиции что-то больше не появляются, и нам пока неизвестно, кто едва не убил этого проходимца, – сказал Жослин. – Меня никто не заставит поверить, что это сделала Киона! Я не могу больше заснуть, и...

Его голос дрогнул, и он замолчал. Закрыв себе глаза ладонью, несчастный отец отчаянно всхлипнул.

– Папа, ты видишь все в черном цвете, – запротестовала Эрмин. – Только ты один делаешь различные жуткие предположения. Не говори мне больше об этом, пощади меня!

Жослин и в самом деле провел весь этот день, выдвигая ужасные предположения: на Делсена напали или же он подрался с таким же, как и он сам, бандитом, а тот, убив Делсена, мог изнасиловать, убить и закопать в землю Киону. Эрмин и Лора, с испугом и негодованием выслушав эту версию, категорически ее отвергли.

– Жосс, надейся на лучшее! – вздохнула Лора. – Не забывай о том, что под дверь кабинета бригадира сунули записку и что у китайцев, которые наняли Киону, украли велосипед. Лично я уверена в том, что Делсен попытался наброситься на Киону и что твоя дочь сумела себя защитить. Я ее с этим даже поздравлю, когда мы снова увидимся. А увидимся мы уже скоро – в этом я не сомневаюсь.

Эрмин, наклонившись к Жослину, поцеловала его в лоб и ласково погладила его седеющие волосы.

– Два раза – это уж слишком много, – ответил Жослин. – Когда какой-то мерзкий тип похитил нашего Луи, мне показалось, что я схожу с ума. А теперь еще исчезла Киона. Это все равно как если бы с неба навсегда исчезло солнце!

Эрмин так растрогало то отчаяние, которое охватило ее отца, что у нее потекли слезы. Быстренько вытерев их, она возобновила свое хождение взад-вперед. «Господи, сделай так, чтобы Тошан приехал. Господи, не оставляй нас наедине с нашими опасениями и нашими горестями. Господи, сделай так, чтобы мой муж, мой возлюбленный остался жив, а не разбился в какой-нибудь летающей железке». Она ходила от одного окна к другому в надежде увидеть, как подъезжает такси или к дому подходит человек, держащий в руке чемодан. Но ничего такого она не увидела.

Ее мать с наступлением теплого сезона установила на окна москитные сетки, и это позволяло держать окна открытыми, не опасаясь, что залетят какие-нибудь насекомые. Ветер, дующий с озера, небрежно теребил эти тонкие сетки и наполнял комнаты свежим воздухом.

– А Лоранс? – вдруг поинтересовался Жослин. – В котором часу ее привезет Овид? В сложившейся ситуации, Эрмин, тебе не следовало бы разрешать своей дочери даже приближаться к Пуэнт-Блэ.

– Папа, я полностью доверяю Оvidу. И не нужно считать опасными всех индейцев, живущих в резервации. Делсен – это ведь особый случай.

Всем это понятно.

– Дорогая моя, не говори о нем в прошедшем времени, он ведь – слава Богу – жив! – укоризненно покачала головой Лора. – Крайне необходимо, чтобы этот парень выжил, чтобы мог дать показания и чтобы его осудили, если он совершил что-либо противоправное по отношению к Кионе. Вы понимаете, *что* я имею в виду?..

Она замолчала, потому что со стороны кухни донеслись шаркающие шаги. Вскоре появилась Мирей. Она держала в руках поднос, на котором стояли стаканы.

– Мадам, я принесла то, что можно выпить в качестве аперитива. Если Тошан придет, он тоже с удовольствием это выпьет. Ой, Мимин, ты плакала?

– Это все нервы, Мирей. Мне очень хочется увидеть, как мой муж заходит в калитку. Без него я чувствую себя брошенной на произвол судьбы, а особенно в такой ситуации, какая сложилась сейчас.

– Он не позвонил ни вчера вечером, ни сегодня. Вот беда! – посетовала старая служанка. – А ведь обещал... Ты так разоделась!

Лора подняла глаза к потолку: ее раздражали причитания Мирей, произносимые к тому же еще и с дрожью в голосе.

– Прошу тебя, Мирей, я уже больше не могу! – сказала Лора тихо. – Иди-ка лучше приготовь ужин для детей, раз уж ты теперь снова можешь ходить. Мадлен повела их на прогулку, и они вернутся с нее проголодавшимися. Нам нужно не терять надежды. Все в конце концов уладится.

– Хорошо, мадам, я возвращаюсь на кухню.

Мирей, сутулясь, ушла. Лора протянула руки к Эрмин.

– Иди сюда, моя дорогая, дай я тебя обниму. Уж что я знаю совершенно точно, так это то, что ты в этом платье и с распущенными волосами выглядишь великолепно.

Эрмин позволила себя приласкать, но затем снова стала ходить от пианино к камину, от камина – к окнам, от окон – к пианино. Compliment, сделанный матерью, не принес ей никакой радости, ибо ее внешность в данный момент для нее значила мало. Начиная со второй половины дня она без особого энтузиазма готовилась к приезду Тошана: приняла горячую ванну, нанесла легкий макияж, надела одно из платьев, купленных по совету ее мужа в Париже. Верхняя часть этого платья, с вырезом в форме буквы V, подчеркивала очертания ее груди и ее размеры. Лиф был сшит из легкой атласной ткани и на талии соединялся с юбкой из более плотной двойной шелковой ткани.

«Мне нравится, когда ты носишь одежду голубого цвета, – говорил ей Тошан. – Твои глаза от этого кажутся еще более голубыми. Вообще-то ты одеваешься зачастую уж слишком скромно. А в этом платье твои плечи и спина будут открыты».

Эрмин вспомнился тот вечер, когда Тошан произнес эти слова. Они тогда поужинали на террасе ресторана, с которой был виден Лувр, прогулялись, держась за руки, по набережным и, вернувшись в отель, вдруг почувствовали неудержимое взаимное физическое влечение и провели добрую половину ночи в любовных забавах.

Воспоминание об этом приободрило Эрмин. Они ведь так сильно друг друга любили! Ничто не могло их разлучить.

«Люди никогда не наслаждаются в полной мере теми моментами настоящего счастья, которых немало в их жизни, – подумала она. – И поэтому они никогда не чувствуют себя по-настоящему счастливыми. Я только что получила тому доказательство... Отсутствие Кионы и ее молчание приносит мне не только душевные, но и физические страдания. Возможно, опасения папы вполне обоснованны. А вдруг она уже мертва?!» Разозлившись на саму себя за то, что ей в голову пришли такие мысли, она сердито покачала головой.

– Что с тобой? – удивилась Лора.

– Я уже больше не могу, мама, – вот что! Думаю, Тошан задержал свой отъезд из Парижа. Я вообще-то уже приготовила дорожную сумку, потому что хотела выехать сегодня вечером или же завтра рано утром в Онтарио, чтобы разыскать там мою сестру. Без нее я, наверное, сойду с ума.

– Муки небесные, мы сойдем с ума оба! – пробурчал ее отец. – Ой, прислушайся, какой-то автомобиль притормаживает на бульваре. Хоть бы это приехали Лафлер и Лоранс! Мы пригласим учителя на ужин. В прошлый раз он обыграл меня в шахматы, а потому должен дать мне возможность взять у него реванш. Игра в шахматы отвлекает меня от мрачных мыслей.

Эрмин его уже не слушала: она бросилась в прихожую и сбежала по ступенькам крыльца. На улице ее встретили золотистый свет заходящего солнца, сладкий запах розовых кустов и свежий ветерок. И вдруг она прислушалась: из-за ограды донесся мужской голос. Это был голос Тошана. Да, именно Тошана, она не могла ошибиться. Нужно было побежать к нему, броситься ему на шею, обнять и поцеловать. Ее повелитель лесов, как его прозвала их подруга Бадетта, был уже совсем рядом. Вдвоем они разыщут Киону, и весь этот кошмар закончится.

Поддавшись охватывающему ее страстному порыву, она выбежала за

калитку. Какой-то автомобиль уезжал прочь. Тошан и в самом деле стоял на тротуаре, а рядом с ним – его чемодан. Однако Тошан был не один: возле него Эрмин увидела красивую темноглазую женщину, черные волосы которой ниспадали на ее хрупкие плечи. Эта женщина выглядела очень элегантно в своем сером льняном дамском костюме с красными вставками и улыбалась, однако улыбка ее была какой-то сконфуженной.

– Тошан, что происходит? – пробормотала Эрмин.

– Я тебе все расскажу, – ласково ответил Тошан. – Мин, дорогая, мне жаль, но я так и не смог поговорить с тобой по телефону. На линии был ужасный треск и шипение. Но я, как видишь, приехал.

Он раскрыл свои объятия. Если бы в этот самый момент не появилась Лора, Эрмин позволила бы себя обнять и отложила бы все объяснения на потом, ибо для нее сейчас было вполне достаточно и того, что она почувствовала сильное облегчение. А вот ее мать повернула ход событий совсем в другое русло.

– Мой зять! Ну наконец-то! – воскликнула она. – Мы уже начали переживать, не случилось ли с вами чего-нибудь. А кто эта дама?

– Познакомьтесь: это Эстер Штернберг. Она устроилась работать медсестрой в санатории в Робервале. Мы приехали вдвоем. Мин, я хотел с тобой о ней поговорить, но мне не представилось такой возможности. Эстер – сестра Симоны. Мы встретились в Монпоне.

Провинция Онтарио, тот же вечер

Киона только что вселилась в выделенную ей комнату, представляющую собой квадратное помещение размером три на три метра, расположенное над складом седел в конюшне. Мебель – узкая кровать с потрепанным матрасом, шкаф без дверей, но с полками, маленький шкафчик и табурет. Еще тут имелись спиртовка на железной подставке, маленький умывальник и прикрепленное над ним маленькое зеркало. Такая незатейливая обстановка Киону вполне устраивала. Она поставила свой рюкзак на пол, сняла кепку и пошла поглазеть на себя в зеркало.

– О-о, меня прямо-таки трудно узнать!

Ее волосы, подрезанные при помощи ножа и довольно грязные, торчали короткими прядями. С такой странной прической, распухшей губой, синяком на подбородке и еще одним синяком на лбу она показалась самой себе просто ужасной. «Я и вправду похожа теперь на парня – бестолкового парня, который свалился то ли с велосипеда, то ли откуда-то еще», – с облегчением подумала она.

Она открыла окно, довольно узкое, и растянулась на сероватом

матрасе. В шкафу лежали две простыни и одеяло, но Кионе не хотелось приводить в порядок свою постель: для нее было намного важнее привести в порядок свои мысли.

Календарь, который она увидела в кабинете мистера Джонсона, дал ей возможность узнать, какое сейчас число и какой день недели. «Сейчас понедельник, вечер. Получается, что я проспала больше суток. Я, наверное, была в трансе, когда крутила педали, потому что озеро Онтарио находится в сорока милях отсюда. Интересно, это достаточно далеко?» – мысленно спросила она себя.

Ей вспомнился ее разговор, проходивший на английском, с отцом Эбби – джентльменом, выглядевшим элегантно даже в одежде фермера. Он представлял собой мужчину высокого роста, с коротко подстриженными светлыми волосами, с суровыми чертами лица, с тонкими губами. Киона, конечно же, стала ему врать, стараясь при этом говорить низким голосом.

– Ты вроде бы из Ошавы, да? – спросил Джонсон. – Чем занимаются твои родители?

– Они погибли от несчастного случая. Я живу у своих дяди и тети. Летом я нахожу себе какую-нибудь работу, чтобы поддержать их. Денег у них совсем не много.

– А сколько тебе лет? И как твоя фамилия?

– Меня зовут Боб Тэйлор. Мне скоро исполнится восемнадцать лет.

Патрик Джонсон внимательно разглядывал Киону – так, как хищная птица разглядывает свою потенциальную жертву.

– Мне вообще-то очень нужен третий конюх. Его обязанностью будет чистить стойла и подметать конюшни. Моя дочь сказала верно: это немного разгрузит старого Джека, который работает у нас уже сорок лет. Однако эта работа – только на лето. Понятно? У нас еще есть Моррис, он работает на полную ставку. Но живет не здесь, а со своей семьей в деревне неподалеку. Кстати, никакого алкоголя и никаких сигарет! Я также требую внимательности и послушания. Надеюсь, ты не соврал моей дочери, когда сказал, что упал с велосипеда. Если выяснится, что ты забияка и драчун, я тебя сразу же уволю. Впрочем, ты такой тощий, что мне трудно даже представить, чтобы ты полез на кого-то с кулаками...

– Я все понял, сэр.

– Вот и хорошо. Джек отведет тебя в твою комнату. А скажи-ка мне, мальчик мой, тебя что, не научили снимать головной убор, когда это требуется правилами вежливости?

– Простите, сэр. В следующий раз я обязательно это сделаю.

Разговаривая с этим богатым землевладельцем и главой семейства,

Киона сумела вести себя хладнокровно. Когда она подъехала вслед за Эбби к конюшням, то увидела луга, огороженные забором из досок, покрашенных в белый цвет, и племенных кобыл с жеребятами, которые щипали красивую густую траву. Чтобы убедить Джонсона в своем намерении работать добросовестно, она заявила:

– Я люблю лошадей. Да, я их очень люблю.

Патрик Джонсон в ответ лишь с рассеянным видом кивнул. Он сказал своему новому конюху, какая у того будет зарплата, и отвел его в одну из своих двух конюшен, представлявших собой длинные строения, отличающиеся просто образцовой чистотой. Один из коней – черный со светлой полосой на морде – заржал, когда Киона проходила мимо него. Киона тайком погладила его морду кончиками пальцев.

«Он мучается! – констатировала она. – У него начинаются колики».

На табличке, прикрепленной к дверце стойла, было написано его имя: «Винтернайт». «Зимняя ночь», – мысленно перевела Киона это имя с английского языка на свой родной. Ее удивило то, как отчетливо она ощутила, что этот конь чувствует себя плохо. Впрочем, животные всегда очень быстро проникались к ней доверием и симпатией. Она еще с детских лет могла общаться с ними телепатически, однако это относилось чаще всего к тем животным, которых она хорошо знала, – к ее собственному коню и к собакам Тошана. Здесь же, на конюшне, произошло нечто совсем иное.

Киона раздумывала над этим, лежа на матрасе и уставившись своими янтарными глазами в потолок. «Он позвал меня, когда я проходила перед его стойлом, как будто бы почувствовал, что я его понимаю. Это для меня нечто новенькое!»

Она сконцентрировала свои мысли на настоящем моменте, на Эбби и ее отце, на конюшнях, на своей роли Боба Тэйлора. Ей не хотелось даже думать о той трагедии, которую она совсем недавно пережила. Она напрягала все свои душевные силы для того, чтобы не взвыть от ужаса и не начать терзать себя мрачными мыслями и раскаянием, чтобы не осуждать себя. Если бы она не занимала свой рассудок безобидными мыслями, к ней снова вернулись бы подробные воспоминания о полученных ею ударах, об оскорблениях, о боли, причиненной ее никомушным возлюбленным, вдруг превратившимся в какого-то изверга, жаждущего быть жестоким и насильничать. Она еще не решалась оценивать, насколько сильно пострадала, потому что была уверена, что утратила свою чистоту и те невидимые крылья, которые, как считалось, у нее есть в силу того, что она обладает удивительными способностями.

«Винтернайт! – мысленно повторила она, стараясь думать о чем-нибудь безобидном. – Интересно, кто дал ему такое красивое имя? Его наверняка так называли потому, что он черный, но с белым пятном на морде, которое похоже на луну».

Джек, пожилой конюх, сообщил Кионе, что работники могут ужинать на кухне, расположенной в полуподвальном этаже. Туда можно было попасть через дверь, находящуюся с тыльной стороны хозяйского дома.

– Я вполне могу поужинать и в своей комнате, – сказала в ответ Киона. – На сегодняшний вечер у меня есть все, что нужно. А затем я, наверное, буду ходить есть в деревню. Я стесняюсь...

– Ешь где хочешь, хозяевам на это наплевать. Они не станут интересоваться, приходишь ли ты на их кухню или нет. Я два раза в неделю беру грузовик и еду в бакалейный магазин покупать себе сладости. Я, паренек, могу свозить тебя туда завтра.

– Договорились! – пробормотала в ответ Киона.

Джек – низкорослый и щуплый мужчина – уставился на нее пристальным взглядом, и это вызвало у нее дурные предчувствия. Долго ли она сможет водить его за нос? Этот вопрос вызывал у нее немалое беспокойство. «Я в любой момент могу себя случайно выдать. Так что необходимо играть свою роль идеально. Мне хочется остаться здесь, с лошадьми», – мысленно сказала себе Киона, приподнимаясь и садясь на своей постели.

Ее мучило еще одно желание – каким-либо образом мысленно связаться с Акали, которая сейчас находилась в монастыре. Впрочем, для Кионы было очевидно, что, если ей удастся связаться с Акали, об этом рано или поздно узнает Мадлен – а следовательно, и Эрмин.

«Я должна от всех от них отвернуться, – сказала она очень тихо. – Я не заслуживаю ничего лучшего. Я их утратила, я утратила саму себя».

Она в отчаянии закрыла глаза и прикрыла лицо ладонями, надеясь, что перед ее мысленным взором предстанет какое-нибудь видение. Причем не важно какое. Сейчас она нуждалась в том, чтобы успокоиться, узнать, как обстоят дела у ее отца, у ее дорогой Мин, у Лоранс, у Мари-Нутты, у детей. Но никакого видения она так и не вызвала! Вообще никакого! Как она ни молилась и сколько ни думала о каждом из этих людей, она не почувствовала никакого недомогания, являющегося предвестником очередного случая билокации.

– Что со мной?

Она, которая так часто желала стать обычной девочкой, теперь сожалела о том, что больше не обладает своими экстраординарными

способностями. Она снова открыла глаза и, уставившись с удрученным видом куда-то в пустоту, сидела неподвижно, даже не прикасаясь к еде и питью, до тех пор, пока не наступила ночь.

Роберваль, дом семьи Шарденов, тот же вечер, но немного ранее

Лора с превеликим удовольствием играла свою роль гостеприимной хозяйки. Она беспрестанно расхваливала Роберваль очаровательной Эстер Штернберг, которая чувствовала себя очень неловко здесь, в провинции Квебек, среди незнакомых людей. Что касается Эрмин, то она, сидя в гостиной между своим отцом и Тошаном, все еще дулась, напуская на лицо бесстрастное, граничащее с равнодушным выражение. Ей снова и снова вспоминался тот момент, в который она услышала из уст своего мужа эти жуткие слова: «Эстер – сестра Симоны».

Поначалу она была ими шокирована и буквально окаменела. Лора, присутствовавшая при этой сцене, решила взять ситуацию под свой контроль. Несмотря на свой тяжелый и взбалмошный характер, она умела искусно навязывать окружающим свою волю и заставлять их соблюдать приличия.

– Это замечательно, что вы наконец-то прибыли сюда, дорогой зять! – воскликнула она. – Мадемуазель, добро пожаловать в Роберваль. Входите поскорее в дом, отдохните и чего-нибудь перекусите. Поездки всегда так утомляют!

Тошан с тревогой поглядывал на напряженное лицо Эрмин. Он ее перед этим поцеловал, но только в щеку, потому что она отвернулась в тот момент, когда он стал искать губами ее губы. Эстер, идущая вслед за Лорой, ничего этого не заметила.

«Не бойся ничего, дорогая моя, я тебе все объясню, – прошептал Тошан жене. – Не надо устраивать скандалов, прошу тебя».

Жослин изумленно приподнял брови, когда Тошан представил ему Эстер как сестру Симоны. Все взрослые члены семьи знали это еврейское имя, поскольку о короткой связи Тошана с молодой женщиной, носившей такое имя, в конце концов стало известно. Поначалу о ней узнала одна лишь Лора, затем Мадлен и, наконец, Жослин и Мирей. Только лишь «молодежь» – Мукки, Луи и Лоранс с Мари-Нуттой – ничего об этой истории не слышали.

Мирей, сразу же встав на сторону своей Мимин, посмотрела на чужачку весьма недружелюбно и поджала губы. Все сели в гостиной за круглым столом красного дерева, на котором стояло множество хрустальных бокалов, бутылка хереса и графин с лимонадом.

– В вашем интерьере чувствуется изысканный вкус, – сказала Эстер, внимательно разглядывая каждую безделушку, лишь бы только не встречаться взглядом с Эрмин.

«Сестра Симоны! – мысленно твердила себе Эрмин, бросая на Эстер пристальные и все более и более яростные взгляды и мысленно негодуя по поводу поступка своего мужа. – И как он только осмелился привезти эту женщину в дом моих родителей, даже не предупредив нас об этом? Ну да, конечно, он утверждает, что не смог связаться с нами по телефону и что ему пришлось принимать безотлагательные решения, но я-то знаю, что он просто предпочел поставить меня перед свершившимся фактом».

Как раз в этот момент Тошан давал объяснения в свойственной ему манере. Он прибегнул к хитрости, которую считал неотразимой и которая заключалась в том, чтобы рассказать все не своей жене, а кому-нибудь другому и постараться при этом доказать свою благонамеренность, а также продемонстрировать, какой коварной иногда бывает судьба. На роль этого «кого-нибудь другого» лучше всех подходил Жослин.

– Согласитесь, тещь, что наша с ней встреча в Монпоне – нечто весьма странное. Мы приехали туда с одной и той же целью в один и тот же день одного и того же года. Удивительно, не так ли, Мин, дорогая?

– У меня это вызвало ошеломление, – сказала Эрмин притворно-слащавым тоном.

Лора и Жослин всем сердцем сочувствовали дочери, но при этом старались вести себя цивилизованно и любезно по отношению к своей гостье.

– Затем события как бы сами по себе выстроились в одну цепочку. Возвращение в Париж, перелет в Канаду на самолете... Само собой разумеется, что после трагических событий, которые здесь произошли, я постарался поскорее вернуться. Так и не было найдено никаких следов?

– Любовь моя, мы вообще-то занимаемся сейчас не тем, что охотимся на лису или лося! Мы хотим побыстрее найти твою сводную сестру! – воскликнула Эрмин, уже готовая дать волю своему гневу. – Мадемуазель Штернберг, я думаю, в курсе того, что здесь произошло, да?

– Да, мадам, и я вам искренне сочувствую, – ответила Эстер, чувствуя себя еще более неловко.

Ей было вполне понятно раздражение этой горделивой женщины, красивое белокожее лицо, светлые волосы и объемные формы которой удивительно гармонично сочетались с ее большими голубыми глазами. «Я же говорила Тошану, что глупо привозить меня в этот дом сразу же после моего прибытия сюда, в эту местность! Мне следовало остановиться в

отеле, а не являться немедленно сюда, к этим людям!» – подумала Эстер.

– Мне не хочется продолжать стеснять вас и дальше, – вдруг громко сказала она. – Не могли бы вы порекомендовать мне какой-нибудь хороший отель? Когда я начну работать медсестрой в санатории, я сниму небольшой домик или квартиру.

– Отель «Шато-Роберваль» будет для вас, пожалуй, дороговат, – вежливо сказала в ответ Лора. – Жосс, ты должен сопровождать мадемуазель и подобрать для нее подходящий отель. Туризм в нашем регионе развивается активно, и есть уже немало весьма уютных гостиниц.

Эрмин слушала этот разговор с угрюмым видом, стараясь не смотреть в сторону своего мужа. Тошан обнял ее за плечи, надеясь, что она не станет отталкивать его, когда на них смотрят столько глаз.

– Дорогая моя, не переживай, я ведь уже приехал и нахожусь теперь рядом с тобой. Киона наверняка скоро даст о себе знать и появится перед нами – перед тобой и мной.

– Почему-то до сих пор она этого не сделала. Кроме того, ты еще не всё знаешь. Мы поговорим об этом позже, когда останемся в кругу своей семьи, без посторонних.

Она произнесла эти слова нарочито холодным тоном. Эстер, даже не пригубив бокал с лимонадом, который подала ей Мадлен, встала.

– Мадам Дельбо права, – сказала она. – В той ситуации, которая сложилась, вам и в самом деле необходимо поговорить в кругу своей семьи, без посторонних. Я очень рада тому, что познакомилась со всеми вами, но мне хочется поскорее остаться одной и лечь спать.

– Да не торопитесь вы так, Эстер, – возразил Тошан. – Мин, а где малыши? И где Лоранс?

– Мадлен повела малышей на прогулку, но она давно должна была вернуться, – ответила Эрмин уже более теплым голосом, в котором чувствовалось вдруг охватившее ее легкое беспокойство. – Лоранс тоже опаздывает. Ее должен привезти сюда Овид Лафлер. Она пробыла целый день на его бесплатных занятиях, которые он проводит рядом с резервацией.

Тошан, вдруг сердито нахмутив брови и повысив голос, сказал:

– Час от часу не легче! Правильно ли было отпускать Лоранс в Пуэнт-Блэ, тем более что Мари-Нутта все еще развлекается в Квебеке? И что там взбрело в голову Мадлен? Уже ведь почти ночь. Обычно к этому времени Констан и Катери уже заканчивали ужин, купались и отправлялись спать.

Эрмин выслушала эти упреки с враждебным и насупленным видом и затем холодно сказала:

– Если бы ты не задержался во Франции, то всех этих неприятностей, вполне возможно, и не было бы! Если уж требовать от кого-то дисциплины и уважения к установившимся порядкам, то начинать нужно с себя, Тошан Дельбо. Послушать тебя, так ты один имеешь на все право и обладаешь свободой действий. Насколько я помню, мне частенько приходилось заниматься нашими детьми без какой-либо помощи с твоей стороны. А еще я могу сказать, что в отношении детей я полностью доверяю Мадлен. И Овиду тоже.

Она решилась посмотреть на Тошана, и взгляд ее был ледяным, в нем чувствовались горечь и обида. К всеобщему удивлению, этот красивый метис вдруг потерял терпение. Он резко поднялся и, встав посреди комнаты, заговорил язвительным тоном:

– Ты меня разочаровываешь, Эрмин! В тот день, в который я собирался рассказать тебе, что встретил Эстер, ты думала только о Киона. Ты едва не бросила трубку после того, как узнала, что я подчиняюсь твоим настоятельным просьбам и возвращаюсь сегодня. Киона, опять Киона. Однако она уже достигла того возраста, когда уже можно любить, причем того, кого хочется, – даже такого типа, как Делсен. И что такого ужасного он совершил, не считая того, что он индеец монтанье без образования и без денег, обреченный пьянствовать и воровать? Если Киона выбрала Делсена, то для того, чтобы спасти этого парня, помочь ему и найти в нем свою любовь. Вот что я об этом думаю. Зачем нужно пытаться любой ценой вернуть ее сюда?

Жослин, в свою очередь, поднялся на ноги и встал перед своим зятем.

– Замолчите, Тошан! Вы тут разглагольствуете, а сами не знаете, что в действительности произошло.

– Нет, я не замолчу! – воскликнул Тошан. – Мне не в чем упрекнуть ни вас, Жослин, ни вас, Лора, а вот ты, Мин, как ты смеешь устраивать мне сцены перед моей гостьей и подругой? Эстер собиралась в Нью-Йорк. Я посоветовал ей отправиться не в Нью-Йорк, а сюда, в Роберваль, потому что здесь она, по крайней мере, не будет чувствовать себя одинокой. Мы будем рядом с ней. Мы. Вам известно, где ей пришлось побывать? В концентрационном лагере. Да, в лагере смерти. Пока ты жила в безопасности в Валь-Жальбере, она пыталась выжить в аду. Понимаешь? В аду.

– Прошу вас, Тошан, вам не нужно об этом говорить, – взмолилась молодая еврейка.

– Вы, мой дорогой зять, похоже, кое о чем забываете, – стала возражать Лора. – Эрмин помчалась во Францию в самый разгар войны,

чтобы с вами увидаться и спасти вас. Она отнюдь не была в безопасности ни в самолете, в котором летела, ни во французской столице, где ее приняли в одной из ячеек движения Сопротивления.

– Ну и что из того? – кипятился Тошан. – Эстер – сестра Симоны, а не воскресшая Симона!

Эстер, не выдержав, надела пиджак своего костюма и направилась в прихожую, где Тошан оставил ее чемодан. Ей захотелось поскорее покинуть этот дом и никогда больше не встречаться с этими людьми. Она решила, что утром следующего дня сядет на поезд, идущий в Квебек, а оттуда направится в Нью-Йорк. Однако дорогу ей вдруг преградила небольшая компания: Мадлен и Лоранс поднимались вверх по ступенькам крыльца и несли каждая по ребенку. За ними по пятам следовал черно-белый терьер.

– Добрый вечер, мадам! – воскликнула Лоранс, удивившись тому, что видит незнакомую женщину в доме своих бабушки и дедушки.

– Добрый вечер! – ответила Эстер тихо, едва не плача.

За несколько секунд перед взором Эстер промелькнул целый калейдоскоп изображений: красивая девушка-подросток, очень похожая на Эрмин Дельбо и несущая на руках маленькую сонную девочку; индианка лет тридцати с длинными темно-каштановыми косами в сером платье с белым воротником; светловолосый голубоглазый мальчик, висящий у нее на спине и весело улыбающийся.

– Извините, но я ухожу, – сказала Эстер, волоча свой чемодан.

И тут кто-то схватил ее за плечо. Даже не оборачиваясь, она, подавив всхлип, сказала:

– Нет, Тошан, мне здесь делать нечего. Оставьте меня.

– Мадемуазель, подождите!

Обернувшись, Эстер увидела, что ее схватила за плечо Эрмин. Обе женщины впились друг в друга взглядом. Обе дрожали от нервного напряжения.

– Мне жаль, что так получилось. Вы стали свидетельницей семейной ссоры, и я об этом сожалею. Сомневаюсь, что лично вы в чем-либо виноваты, потому что я хорошо знаю своего мужа. Если бы он меня предупредил, у меня было бы время привыкнуть к мысли о том, что вы появитесь здесь. Однако он прав в том, что вы – не Симона, и мне стыдно за свое поведение. Мне и должно быть стыдно, потому что вашу сестру и вашего племянника расстреляли. Извините меня.

– Не извиняйтесь, вы ведь прошли через суровое испытание, и я вполне могу себе представить, что вы могли почувствовать, когда узнали,

кто я такая. Мадам, я не хотела приезжать в Роберваль и уж тем более – к вам. Однако ваш муж обладает невероятной силой убеждения. Ему следовало бы заняться политикой... или стать агентом туристической фирмы. Он так искусно расхвалил Роберваль и регион Лак-Сен-Жан, что я не удержалась перед соблазном открыть для себя эту местность. Ваша семья показалась мне очаровательной. Но это была ошибка. Прощайте, мадам. Я не хочу и дальше доставлять вам неприятности. Я уйду. Мне нравится ходить пешком. Я сама смогу найти какой-нибудь отель.

Не зная, как поступить и что сказать, Эрмин прислушалась. Из гостиной доносились веселые возгласы и взрывы смеха. Тошан радовался встрече с тремя из своих пяти детей. Эстер Штернберг сходила уже по самым нижним ступенькам лестницы. Она, оглянувшись, снова посмотрела на Эрмин и сказала ей:

– Я тоже терзалась бы ревностью, если бы была связана с таким мужчиной, как он, однако в данном конкретном случае я могу вас заверить, что вам беспокоиться не о чем. К тому же вы такая красивая...

– Спасибо, это очень любезно!

В этот момент выбежала на лестницу Лора. Она обхватила свою дочь рукой за талию и зашептала ей на ухо:

– Дорогая моя, у меня пять свободных комнат. Мне понятен твой гнев и твоё негодование, но мне жаль эту молодую женщину. Она ведь пережила депортацию, сумела выжить в лагере смерти. После того как я прочла, что нацисты делали с евреями, я задаюсь вопросом, как все остальное человечество могло бы исправить эту гнусность.

И тут в рассудке и сердце Эрмин что-то произошло. Хотя она и не простила Тошана за то, как он по отношению к ней поступил, ей, однако, вдруг показалось, что сейчас представляется замечательная возможность продемонстрировать всем свою доброту и величие своей души. Кроме того, у нее возникло смутное чувство, что если она проявит в данном случае доброту и снисходительность, то у нее появятся шансы спасти Киону.

– Мадемуазель Штернберг, Эстер, прошу вас, не уходите, – сказала она. – Вы – наша гостья.

* * *

Эстер Штернберг согласилась остаться, однако почти сразу же удалилась в комнату, которую ей выделила и уже показала Лора.

– У вас здесь имеется отдельный санузел, а из окна открывается вид на

озеро, – сказала, широко улыбаясь, Лора. – Кровать уже застелена, и воздух в комнате свежий, потому что я проветриваю эту комнату – как и все другие помещения – каждый день. Если вы чувствуете себя усталой, Мирей приготовит для вас еду на подносе, а моя внучка вам этот поднос принесет. В общем, всё как в отеле.

Медсестра поблагодарила хозяйку дома, по-прежнему чувствуя себя неловко. Ей казалось, что она попала в какую-то ловушку, и она все никак не могла понять, почему Эрмин вдруг так резко изменила свое поведение.

– Это очень любезно с вашей стороны, мадам. Но по поводу подноса с едой прошу вас не беспокоиться, я не голодна. Я предпочла бы растянуться на кровати и заснуть.

Лора не решилась настаивать. Поскольку совесть ее теперь была спокойна, она удалилась, мысленно пообещав самой себе, что наутро предложит своей гостье вкусный завтрак.

На первом этаже царило относительное спокойствие. Мадлен и Лоранс следили за тем, чтобы дети хорошенько поели. Мирей наблюдала за ними задумчивым взглядом со стороны. Увидев свою хозяйку, она воскликнула:

– Наша бедная Мимин! Вам не следовало бы оставлять эту чужачку здесь, мадам!

– Помолчи-ка ты лучше! – тихо сказала Лора. – Я поступаю так, как сама считаю нужным. Я у себя дома. Эта молодая женщина и так уже немало настрадалась в прошлом. Мне очень захотелось приютить ее сегодня вечером у себя.

– Бабушка, а кто она? – поинтересовалась Лоранс.

– Бывшая узница концлагерей, решившая приехать сюда, в Канаду. А по профессии она медсестра. Она устроилась на работу в санатории.

– Но что она делает у нас? – не унималась Лоранс.

– Тошан встретил ее во время своей поездки, и ему очень захотелось нас с ней познакомить. Кстати, а где твои родители?

– Они пошли погулять на берег озера, – ответила Мадлен.

– Ага, понятно! – воскликнула Лора. – А где шлялись вы обе? Это с вашей стороны что-то новенькое – возвращаться с наступлением темноты.

– Меня провожал Овид. Когда мы ехали по бульвару Сен-Жозеф, я увидела на тротуаре возле пристани Мадлен с малышами. Солнце уже садилось, и погода была хорошей. Овид вызвался угостить нас лимонадом на террасе ресторана, который находится на пристани.

– А что ты делала на бульваре возле пристани, Мадлен? – удивилась Лора.

– Я ходила на почту. Мне нужно было отправить письмо. На обратном

пути Констану захотелось посмотреть на корабли, и он поиграл там с мальчиком его возраста. Кроме того, я никогда не отчитывалась перед Мин, поскольку она мне полностью доверяет. Когда мы были во Франции, я поступала так, как сама считаю нужным – впрочем, точно так же, как и тогда, когда мы находимся в Квебеке.

– Я знаю, знаю! – вздохнула Лора. – Я ни в чем тебя не упрекаю, Мадлен.

– Кроме того, мы очень приятно провели начало вечера, – сказала Лоранс. – Овид рассказывал нам о том, что он недавно прочел, и о своей профессии.

Лора хотя и была взбалмошной фламандкой, но при этом обладала немалым жизненным опытом, а потому заметила, что голос ее внучки вибрирует от восторга, и это ее встревожило, тем более что Лоранс называла учителя по имени – Овид – и произносила это имя довольно ласково. «Господи, да она влюблена в Лафлера! – подумала Лора. – Эрмин следовало бы относиться к нему настороженно! О чем она, в конце концов, думает? О Кионе, конечно! О ком же еще? Мне нужно навести во всем этом порядок».

Однако в действительности Эрмин думала сейчас больше об Эстер Штернберг, и Тошану пришлось столкнуться с настоящим ураганом ревности. Когда ее мать вела сестру Симоны на второй этаж, певица направилась в сад. Муж догнал ее на берегу озера, но все никак не решался ни коснуться ее, ни заговорить с ней.

– Не подходи ко мне и даже и не пытайся со мной заговорить! – твердила Эрмин, изнемогая от ярости и дыша так тяжело, как будто задыхалась.

Тошан следовал за ней, а она шла прочь почти бегом. Ее волосы развевались на ветру. Наконец Тошану надоело это безрезультатное преследование, и он, догнав Эрмин несколькими быстрыми шагами, схватил ее за руку. Эрмин плакала.

– Ты всегда издеваешься надо мной, – пробормотала она жалобно. – Ты обманываешь, ты живешь так, как тебе вздумается. Ты можешь представить себе тот шок, который я пережила, когда ты представил мне сестру своей бывшей любовницы? Она ведь очаровательная и элегантная женщина, ты, похоже, с ней довольно близко подружился! Ты ведь вполне мог рассказать мне о ней, когда звонил из Монпона! Или из Парижа! Признайся, что ты не осмелился этого сделать, ты предпочел воспользоваться предоставленной тебе свободой и избежать моих упреков. Ты проявил ко мне неуважение! Оставь меня, я хочу еще пройтись, мне

нужно пройтись пешком!

Тошан не решился удерживать ее силой. Эрмин снова пошла вдоль берега, на который с шелестом накатывались волны.

– Мин, дорогая Мин! – позвал Тошан. – Я сожалею, что так получилось.

Тошан осознавал, что он был неправ. Злясь уже на самого себя, он стал медленно скручивать папиросу. Его жена неожиданно повернулась и пошла к нему.

– Я хочу, чтобы ты знал, что мы – мама и я – приютили Эстер из жалости и сострадания к ней из-за тех тяжелых испытаний, через которые ей пришлось пройти. В глубине души я на нее не сержусь. Я почувствовала, что она порядочная женщина и что сложившаяся ситуация угнетает ее так же, как меня. Я из-за тебя повела себя как какая-нибудь мегера. Эстер, наверное, почувствовала себя ужасно неловко. У тебя пусто в голове, Тошан Дельбо. У тебя даже не голова, а пустая ореховая скорлупка. Понимаешь ли ты, что я пережила? Ты обнимался с сестрой Эстер, ты спал с ней. И не говори мне, что эта женщина тебе не нравилась. Если бы она тебе не нравилась, ты никогда бы мне с ней не изменил. Судьба свела тебя вместо нее с ее сестрой – более молодой и, наверное, не менее красивой женщиной. Вы проводите время вместе, вы ужинаете вместе, гуляете вместе, приезжаете сюда из Франции вместе... Согласись, я вполне обоснованно могу заподозрить, что между вами произошло и кое-что еще. Или ты полагал, что я стану прыгать от радости?

– В моих отношениях с Эстер нет никакой двусмысленности. Она всего лишь мой друг. Если бы она была моей любовницей, то, как подсказывает здравый смысл, я не стал бы привозить ее сюда, в дом твоих родителей.

– Вот тебе, вот тебе, вот тебе! – затараторила Эрмин, начав бить Тошана по груди кулачками. – Ты достаточно хитрый для того, чтобы придумать какой-нибудь коварный план и попытаться с его помощью заставить меня поверить, что она для тебя не более чем друг.

Тошан морщился под градом получаемых им безобидных ударов. Если бы он не осознавал, что его жена сейчас пребывает во взвинченном состоянии, эти удары вызвали бы у него смех.

– Ну хватит, хватит, успокойся, моя дорогая. Я вообще-то подозревал, что ты будешь огорчена моим поступком. Я прошу у тебя прощения. Да, мне следовало бы тебя предупредить, однако я опасался, что если стану говорить об этом по телефону, то не смогу тебе ничего объяснить, и ты попросту бросишь трубку. Признай, что все твои мысли тогда были заняты

только Кионой. Если бы эта своенравная девчонка не сбежала, я бы наверняка смог поговорить с тобой об Эстер.

Имя их сводной сестры, прозвучавшее в ночной темноте, возымело свой эффект. Эрмин перестала барабанить кулаками по груди своего мужа и отступила от него на шаг.

– Боже мой, Киона! Тошан, она сейчас уже, возможно, мертва.

– С какой стати? Прошу тебя, не говори глупостей!

– Но ты же ничего не знаешь! Вообще ничего! – воскликнула Эрмин. – Мы не успели тебе рассказать о том, что произошло.

– Так ведь ты сама в этом виновата – взяла и удрала на берег озера!

Эрмин обессиленно покачала головой. Ну какое значение могли иметь Эстер Штернберг и поступок Тошана по сравнению с тем, что случилось с Кионой?

– Полицейские нашли Делсена тяжело раненным в лесу неподалеку от строительной площадки, на которой он и Киона устроились на работу, – стала рассказывать, вздохнув, Эрмин. – Кто на него напал, пока неизвестно. Может, какой-то мужчина. Может, несколько мужчин. Неизвестно и то, что эти звери могли сделать с Кионой. Мама полагает, что Делсена, возможно, ранила сама Киона. Полицейские в провинции Онтарио разыскивают ее, чтобы выяснить, что же произошло на самом деле.

Эта новость ошеломила Тошана. Он уставился на поверхность озера, переливающуюся серебряными отблесками. На небе виднелся месяц, освещавший весь пейзаж блеклым светом.

– Мин, я сожалею, прости меня. Я не знал, что все так серьезно. Прошу, позволь мне тебя обнять. Мы отправимся завтра вместе на поиски Кионы.

Эрмин резко отпрянула назад. Она была еще слишком сердита для того, чтобы позволять Тошану прикасаться к себе. Тошан хотел было схватить ее и обнять силой, но не решился этого сделать.

– Моя маленькая женушка-ракушка! – воскликнул он. – Я люблю тебя всем своим существом. Не отстраняйся от меня.

– Не называй меня так только для того, чтобы задобрить.

– Для меня ты всегда будешь той шестнадцатилетней девушкой с перламутровой кожей, которая отдалась мне, дрожа от страха, на поляне среди лиственниц. Мин, я тебя так сильно люблю! Никто не сможет вытеснить тебя из моего сердца.

Эрмин ничего не отвечала, но эти его слова ее все-таки утешили. Почувствовав это, Тошан добавил:

– А теперь давай забудем хотя бы на время об этой нашей ссоре. Нам

нужно сосредоточиться на Кионе. Забудь об Эстер, прошу тебя. Она устроилась на работу в санатории и будет жить в городе. На этом и закончатся дискуссии. Я признаю, что именно я предложил ей приехать сюда. Знаешь почему? Это была для меня возможность искупить свою вину. Я должен был доставить Симону и ее сына в безопасное место и помочь им отплыть в Англию, но я с этой задачей не справился. Всю свою жизнь я буду упрекать себя за то, что оставил их одних в то утро и задержался в бистро в Монпоне. Протянуть Эстер руку дружбы после того, как я признался ей, что не смог спасти ее сестру и племянника, – это был поступок, который я попросту не мог не совершить. Я, возможно, идиот, но я даже подумал, что и ты могла бы стать для нее другом. У тебя ведь нет подруг, если не считать Мадлен. Я же для Эстер не настоящий друг, хотя я и открыл для себя, что дружба между людьми противоположного пола вполне возможна. Например, как дружба между тобой и Овидом Лафлером.

Эрмин, почувствовав, как у нее похолодело в груди, прикусила губу. Лишь она одна знала, что это весьма неудачный пример.

– Да, такая дружба возможна... – пробормотала Эрмин. – Хочешь, поедem завтра утром?

– Разумеется. Но уверена ли ты сама в том, что мы должны поступить именно так? Киона никак о себе не заявляла? Ты пыталась вступить в контакт с ней?

– С тех пор как она исчезла, я только это и делаю. Как-то раз вечером я видела ее в своей комнате. Она улыбнулась мне, и я услышала в голове ее голос. Он упомянула о невидимых дорогах, о которых когда-то говорил ты, и сказала, что должна идти по такой своей дороге. В общем, что-то в этом роде. После этого она ни разу больше не появлялась – как будто ее больше нет, как будто она умерла.

Эрмин начала всхлипывать. Тошан притянул ее к себе.

– Ну ладно, ладно! – прошептал он. – Мы поедem на ту строительную площадку и встретимся с полицейскими, которые проводят расследование. Киона не могла заехать куда-то очень далеко и, самое главное, вряд ли она погибла. Не такой она человек. Если бы она погибла, то ее призрак, я думаю, уже нас бы «навестил». По правде говоря, я разделяю мнение твоей матери. Если Киона нанесла серьезные телесные повреждения Делсену, она вполне могла испугаться последствий и пуститься в бег.

– Нет, она никогда бы не стала причинять ему никакого вреда. Мне припомнилась одна важная деталь. Когда я звонила ей из Квебека и сетовала по поводу того, что она не приехала на мой концерт, она мне сказала, что Делсену угрожает какая-то серьезная опасность. У Кионы,

наверное, было видение о той трагедии, которая затем произошла на берегу Онтарио, и именно поэтому она уехала вместе с этим парнем. Она хотела его защитить.

Эрмин прижалась к Тошану и расплакалась. Тепло его мужского тела ее успокаивало. Тошан стал гладить ей спину и бедра и целовать ее щеки, лоб и волосы.

– Надеюсь, твой отец даст нам свой «линкольн», да? – сказал он. – Нам нужно вернуться в дом и подготовить багаж.

– Мой чемодан уже готов, твой – тоже. Тебе нет смысла его даже открывать: ты же только что приехал.

Она посмотрела ему в глаза. Он наклонился и поцеловал ее в губы.

– А давай помиримся немедленно, пока мы тут одни! – прошептал он ей на ухо. – Завтра мы почувствуем себя сильнее и сплоченнее и нам будет легче искать Киону.

– Нет! Я все еще сержусь. Это было бы для тебя уж слишком легко. Ты скрыл от меня существование Эстер и провел с ней вдвоем немало дней. В поезде во Франции вас принимали, наверное, за семейную пару. Я не могу заставить себя не ревновать. Я тебя очень сильно ревную!

– Но это же глупо! – запротестовал Тошан, отстраняясь от Эрмин. – Мин, мы с тобой не виделись довольно много дней. Я по тебе скучал. Иди сюда, не отталкивай меня.

– Если мы с тобой были в разлуке, то по чьей, скажи, пожалуйста, вине? Тебе следовало вернуться в Квебек вместе со мной. Но ты предпочел отправиться в Монпон и, словно бы по воле случая, встретился там с сестрой Симоны. Чем ты можешь мне доказать, что у тебя не была назначена там встреча с ней и что ты не знаешь ее уже давным-давно?

– О господи!.. – сокрушенно покачал головой Тошан. – Если ты продолжаешь так упорно мне не верить, то давай просто прекратим эти дискуссии. Разыскивать Киону со мной может поехать и Жослин. Мы с ним сумеем действовать более эффективно. Раз уж ты продолжаешь меня подозревать и обвинять в том, что я тебя обманывал, то мне с тобой ехать разыскивать Киону не хочется.

У Эрмин мелькнула мысль, что если она будет продолжать упорствовать, то, пожалуй, может получиться так, что она и в самом деле не поедет вдвоем со своим мужем разыскивать Киону.

– Ты меня шантажируешь? – сухо спросила она. – Я должна переспать с тобой прямо здесь, иначе ты не возьмешь меня с собой? Это недостойно ни тебя, ни нашей любви.

Тошан в отчаянии поднял руки к небу. Ему показалось, что они

разговаривают с Эрмин на разных языках.

– Черт побери! – ругнулся он. – Ты моя жена, и я не совершил ничего зорного и уж тем более я тебя не шантажирую. Мне хотелось снова обрести тебя и положить конец твоей холодности.

Эрмин, не зная, как ей поступить, пошла к озеру и, остановившись неподалеку от воды, стала смотреть на его огромную поверхность, по которой двигались небольшие волны. Дувший со стороны озера ветер осушал ее слезы и теребил юбку платья. Тошан наблюдал за ней со стороны. Охвативший его гнев мало-помалу прошел. Гнев этот, по правде говоря, был направлен на него самого. Как и очень многие люди, он, чувствуя себя виноватым и пытаясь защититься, предпочел перейти в нападение и дать волю своему гневу. Неожиданно рванувшись с места и подбежав к Эрмин, он крепко обнял ее сзади и прижался животом к ее спине. Затем он стал покрывать страстными поцелуями ее затылок и обхватил ладонями груди, которые теперь, после нескольких беременностей, были более объемистыми, чем в молодости.

– Я тебя так сильно люблю! – произнес он хриплым голосом. – Моя невидимая дорога вьется вокруг тебя вот уже двадцать лет. Ты – центр моей вселенной, смысл моего существования. Я частенько доставлял тебе неприятности, и в очередной раз – сегодня вечером. Прости меня, любовь моя.

Эрмин повернулась и посмотрела на Тошана. Тусклый свет луны освещал столь знакомые ей черты лица и отражался от его черных глаз. От этого света его кожа медного цвета казалась не такой темной. Тошан был похож сейчас на языческое божество, которое явилось побродить по берегу озера и которое наделено неслыханным могуществом. А еще он был похож на бога-мужчину, способного снисходительно отнестись к проявлению ее слабости – слабости женщины, матери и сестры.

– Тошан, побожись, что у тебя не было никакой интимной связи с Эстер Штернберг! – взмолилась Эрмин.

– Я никогда в своей жизни не божился, Мин. Это привычка истинных католиков, которые причиняют кому-то зло и затем хотят выпросить себе отпущение грехов. Я мог бы побожиться и тем самым тебя успокоить, но я не такой. Даже в той больнице в Бордо, когда я находился между жизнью и смертью, если я и не сразу рассказал тебе про Симону, то это из-за страха, что заставлю тебя страдать. Ты должна мне верить, потому что, если бы у меня были какие-то интимные отношения с этой женщиной, я не осмелился бы привозить ее сюда – в дом, в котором спят наши дети, – и не осмелился бы тебя с ней знакомить. Нет, я не стану божиться, но могу поклясться

душой моей матери Талы и именем Кионы, которая без труда читает наши мысли. Между мной и Эстер ничего нет – ничего, кроме недавно зародившейся дружбы и взаимного уважения. Мы с тобой не можем себе даже представить того, что она пережила в концентрационных лагерях, и уж лучше бы нам этого и не знать. От того, что я прочел о зверствах, совершенных там нацистами, и от фотографий, которые я видел, мне становилось дурно – так же как и тебе, и твоим родителям. Эстер пришлось побывать в этом аду. Я попытался убедить ее приехать в нашу страну – страну огромную и прекрасную – в надежде на то, что здесь у нее заживут ее душевные раны. Она не хочет о них говорить и не хочет примиряться со своей ролью жертвы. Между нами не было ни малейшей двусмысленности. Я желаю ей лишь одного – чтобы она встретила мужчину, который сделает ее счастливой. Это ты понимаешь?

– Да, теперь я поняла.

Она прижалась лицом к груди Тошана, рубашка на которой была расстегнута. Не удержавшись от соблазна, она прикоснулась губами к его теплой бархатистой коже. Он издал едва слышный возглас радости и облегчения, задрал край ее платья и скользнул рукой между ее бедер. Им овладело непреодолимое желание.

– Моя дорогая, моя милая! – пробормотал он. – Пойдем вон туда, под дерево. Нас там никто не увидит.

Они пошли, целуясь в губы и пошатываясь на ходу, как пьяные. Тошан первым прилег прямо на каменистую землю. Эрмин опустилась на колени. Ее ошеломила вдруг возникшая у нее настоящая потребность дать волю своим чувствам и предаться физическим наслаждениям. Она быстренько стащила с себя атласные трусики, и Тошан притянул ее к себе.

– Да, вот так, садись на меня, моя красивая, моя драгоценная, моя любимая!

Эрмин нравилась эта поза, в которой она доминировала во всем и была свободна в движениях. Тошан это знал, и это было своего рода маленьким подарком с его стороны, которым он как бы компенсировал доставленные ей неприятности. Тошан в такт ее движениям ласкал руками ее груди и спину. Когда длинные волосы его прекрасной партнерши касались его тела, он слегка постанывал от удовольствия. Соединяясь, они вдыхали запах своей родной земли и прозрачных вод большого озера. К этому запаху примешивались запахи скошенной травы, цветов и их разгоряченных тел. Полностью сливаясь с окружающей природой, твердой почвой под своей спиной и свежим воздухом, Тошан то и дело поглядывал исступленным взглядом на небесный свод, на котором месяц и звезды, казалось, стали

светить гораздо ярче. А еще он разглядывал свою великолепную супругу, которую подарила ему судьба. Эта женщина сейчас пребывала в расцвете лет, была чувственной и – когда нужно – бесстыдной. Ее исступленное выражение лица в эти минуты еще больше усиливало его возбуждение. Она дышала очень часто, приоткрыв рот и полуприкрыв глаза. Вскоре ее тело настигла долгая судорога. Эта судорога отдалась эхом в его плоти, и он, ликуя и тяжело дыша, сосредоточился на своих чувствах.

Через полчаса, помирившись, они пошли, держась за руки, ко входу в дом семьи Шарденов.

Провинция Онтарио, вторник, 18 июля 1950 года

Патрик Джонсон поднялся с постели в полшестого утра. Он выпил в пустом помещении столовой чая с бергамотом. Этот чай ему подал Питер, который во время войны был его ординарцем. Затем Джонсон съел яичницу с беконом, мечтая о будущих призах на скачках и о рождении у его породистых кобыл новых жеребят. После завтрака он, уже в своей рабочей одежде и сапогах, отправился на конюшни, чтобы убедиться, что работа там выполняется должным образом и что его лошади абсолютно здоровы.

В это утро, зайдя на конюшни, он сразу же заметил необычное оживление, сопровождающееся громкими возгласами.

«Хозяин, возможно, будет недоволен!» – сказал кому-то Моррис, старший конюх, своим хрипловатым голосом.

Поспешно подойдя ближе, Джонсон увидел, что один из его лучших жеребцов – Винтернайт – стоит посреди центрального прохода и что его держит за повод паренек, которого он, Джонсон, нанял на работу днем раньше.

– Что здесь происходит? – рявкнул Джонсон. – Зачем вы вывели этого жеребца из стойла?

– Хозяин, не сердитесь! – сказал старый Джек. – Боб спас вашего коня. Если бы не Боб, Винтернайт умер бы сегодня ночью от колик.

«Боб», стоя с опущенной головой, разглядывал носки своей полотняной обуви. Козырек кепки скрывал верхнюю часть его лица.

– От колик? – удивился Джонсон. – У этого коня никогда не было колик.

– А сегодня ночью были, мистер Джонсон, – ответила Киона спокойным тоном. – У меня возникло такое подозрение еще вчера, когда я увидел его в стойле, и поэтому я позже спустился за ним понаблюдать. Он поглядывал на свой живот, вертелся и хотел лечь на землю и покататься по ней. Поскольку он очень сильно мучился, я сделал то, что необходимо

делать в подобном случае: я вывел его из стойла и устроил ему прогулку. Через два часа он смог опорожнить кишечник, при этом из его живота доносились громкие звуки. Это был хороший признак. Затем я снова вывел его на прогулку.

– Я поступил бы точно так же и даже лучше, хозяин, – заволновался старый Джек, – но вчера вечером я не заметил ничего подозрительного, а ночью спал как убитый. Моррис же, наверное, пришел бы слишком поздно.

Хозяин конюшен долго молчал. Поначалу ему пришла в голову мысль, что Боб все это выдумал и что он вывел жеребца из стойла просто для того, чтобы полюбоваться им или же – кто знает? – его украсть. «Нет, животное либо воруют, либо не воруют. Если бы он задумал его украсть, он сейчас был бы уже далеко, – стал мысленно урезонивать Джонсон самого себя. – Кроме того, ему потребовался бы сообщник с грузовиком».

– Объясни-ка мне одну вещь, Боб. Ты заявляешь, что у тебя возникло подозрение еще вчера, когда ты зашел на конюшню. А какими внешними признаками оно было вызвано? Я ведь находился недалеко, причем я знаю своих лошадей достаточно хорошо – лучше, чем кто-либо другой, – и что-то я не заметил, чтобы Винтернайт мучился.

– Тем не менее он страдал. Я это почувствовал. Вы мне не поверите, но он сам мне об этом сказал. Дело в том, что я, сам того не желая, еще с детства могу общаться с животными. Они разговаривают со мной в своей манере, и я их понимаю^[15].

– Он тебе сам об этом сказал, – ухмыльнулся Моррис – крепкий сорокалетний мужчина с взлохмаченной седеющей шевелюрой и красноватым лицом. – Хозяин, вы же не станете воспринимать эту чушь всерьез?

Патрик Джонсон, однако, внимательно осмотрел жеребца и пощупал его бока и спину. Затем он открыл ему рот и всмотрелся в цвет его слизистых выделений.

– У него, похоже, и в самом деле были колики, – закивал он. – Его шерсть слиплась, он много потел, а бока слегка впалые. Мне непонятно только, чем это было вызвано.

– Это произошло потому, что вы поставили его позавчера в стойло, а ему хотелось остаться на лугу. Кроме того, сено, которое ему дают, – не очень хорошее. Это я, кстати, заметил и сам.

Джонсон посмотрел ошеломленным взглядом на того, кого он считал просто мальчишкой.

– Это сено привезли по моему заказу позавчера. Может, ты насчет него и прав. Моррис, принеси мне пучок этого сена, чтобы я на него посмотрел.

– Хозяин, а я ведь вас уже предупреждал о том, что Винтернайт не любит стоять взаперти, – сказал Моррис.

– Я поступаю с ним так, как это предусмотрено программой его подготовки! – резко ответил Джонсон. – В воскресенье ему предстоит участвовать в скачках.

– Он будет скакать не менее быстро, если позволять ему находиться днем на лугу, – тихо возразила Киона. – Я даже думаю, что он выиграет скачки.

– *Damn it!*^[16] – воскликнул хозяин. – Ты что, ясновидец?

– Нет-нет, я просто хорошо разбираюсь в животных, особенно в лошадях. А этот жеребец – нечто особенное. Это сразу видно.

«Мой природный дар изменился! – подумала Киона. – Я больше не могу общаться на расстоянии с теми, кого люблю, но зато теперь я читаю мысли лошадей, как в какой-нибудь книге».

В этот момент появилась Эбби Джонсон, одетая в белую блузку покроя мужской рубашки и в брюки галифе, предназначенные для верховой езды.

– Добрый день, папа! Я собираюсь проехать на Камелии.

Она улыбнулась в знак приветствия Бобу и старому Джеку, стоявшим рядом.

– Кто вывел Винтернайта из стойла? – спросила Эбби. – Ты собираешься его тренировать?

– Нет, не сегодня. Ему нужно отдохнуть. Боб, отведи его на луг. Я благодарю тебя за твою старательность, малыш, но в следующий раз, если какая-нибудь лошадь заболит, разбуди Джека и немедленно вызови ветеринара. Тебе повезло. Если бы этот мой жеребец-производитель умер по твоей вине, у тебя начались бы серьезные проблемы. Ты не можешь делать то, что тебе вздумается. Это тебе понятно?

– Да, мистер Джонсон, – ответила Киона. – Простите, я этого не знал. Я думал, что поступаю правильно.

– Я не одобряю проявление инициативы, пусть даже, по всей видимости, ты и спас Винтернайта. Не забывай о том, что я тебе сказал, если хочешь остаться у нас. При малейшем отклонении от обычного ставь в известность Джека или ветеринара. Его номер телефона написан на двери аптеки. Если бы он пришел, он тоже смог бы спасти жеребца.

Эбби напряженно пыталась понять, что здесь происходит. Она посмотрела с заинтригованным видом на Боба, который, пожав плечами, пошел прочь, ведя под уздцы черного коня. Моррис вернулся, держа в руках охапку сена. Качество этого сена не понравилось Джонсону, и он поспешил позвонить по телефону фермеру, поставившему ему такое сено.

– Бобби, подожди меня! – крикнула Эбби, побежав вслед за Кионой.

Новый конюх даже не обернулся. Эбби, догнав его, широко ему улыбнулась. Это была обольстительная и лукавая улыбка, которая вполне могла бы очаровать Боба. Да, именно Боба, но отнюдь не девушку, которая совершила убийство и была вынуждена скрываться.

Глава 7

Сердечные истории

Пуэнт-Блэ, среда, 26 июля 1950 года

Лоранс сидела за столом в первом ряду в том помещении, в котором Овид Лафлер давал уроки детям индейцев, проживающих в резервации. Она рисовала акварельными красками. Очертания ее грациозного стана были скрыты широкой голубой блузкой. Она молча и старательно работала кисточкой, очаровывая своим мастерством двух детей монтанье, стоящих позади ее стула. Прямо у них на глазах на бумаге появлялось большое озеро Пиекоиагами, по зеркальной поверхности которого бежали волны и над которым кружили белые чайки.

– Ты научишь меня делать это? – спросила девочка с очень смуглой кожей. Нос у нее был с горбинкой, а одета она была в разноцветную тунику.

– Да. Начиная с завтрашнего дня я буду давать вам бумагу и акварельные краски.

Стоявший рядом с девочкой мальчик лет семи прямо-таки задрожал от радости, услышав это. К ним подошел, держа книгу в руке, Овид.

– У вас и в самом деле есть талант, Лоранс, – вздохнул он. – Завидую вам, поскольку не смогу ничего нарисовать даже карандашом на бумаге.

– Но ведь учителя обычно умеют рисовать, – усмехнулась Лоранс.

– Значит, я представляю собой исключение! – пошутил в ответ Овид.

Лоранс ослепительно улыбнулась, подумав о том, что ее дорогой Овид представляет собой исключение очень во многих отношениях. Он галантный, остроумный, образованный, терпеливый и испытывающий сострадание к обездоленным людям. Например, к этим маленьким монтанье, обреченным расти на огороженной территории и лишенным возможности наслаждаться теми просторами, которыми их племя когда-то владело. Лоранс проводила рядом с Овидом уже шестой день, и он окончательно ее очаровал. Влюбившись в него по уши, она мысленно сравнивала себя с красивым кораблем, готовым поплыть по океану счастья, как только решится признаться в романтических чувствах избраннику своего сердца.

– Ну вот, я закончила, – сказала она громко. – Вам нравится этот рисунок, дети?

– Да, мадемуазель, – ответила девочка, которая была не такой робкой,

как стоявший рядом с ней мальчик. – Нужно прикрепить его к стене рядом с другими рисунками. Можно я это сделаю, прежде чем уйду?

– Да, если хочешь.

После того как рисунок был прикреплен к стене, оба ребенка выбежали из класса на улицу, соскучившись по солнцу и свободе.

Лоранс поднялась, вытерла тряпкой испачканные краской пальцы и сняла свою куртку. Овид, смотревший на нее, отвел взгляд в сторону. Он, однако, успел увидеть под тонкой шелковой материей блузки выпирающую девичью грудь, а также тонкие предплечья с молочно-белой кожей. В глубине души он часто сравнивал Лоранс с розовым бутонем, от которого исходил прелестный запах и лепестки которого уже вскоре должны были распуснуться, превратив бутон в великолепный цветок. Овид теперь не обращал внимания на внешнее сходство Лоранс с Эрмин, поскольку в красоте и манере поведения Лоранс имелось много и того, что было присуще лишь ей одной. Иногда у него возникало желание погладить ее золотисто-каштановые кудри и прикоснуться губами к ее пухленькой – как у маленьких детей – щеке; однако он удерживался, понимая, что намного ее старше, и стараясь не предавать доверия Эрмин – женщины, которую он когда-то обожал и к которой до сих пор испытывал нежные чувства.

– Что-то я сомневаюсь, что от меня здесь много пользы, – посетовала Лоранс. – У вас ведь так мало учеников! Они приходят сюда, когда им нечего больше делать.

– Сейчас лето, а потому они хотят удить рыбу или же играть на берегу. Однако то небольшое, чему мы их научим, даст свои плоды. Алфавит, цифры и рисование – все это их интересует.

– Спасибо, вы меня переубедили. А может, пообедаем? Бабушка, как обычно, дала мне корзинку с едой.

– Я это знаю, поскольку вы каждое утро выходите из дому с этой корзинкой. Поблагодарите бабушку. Я еще никогда в жизни так вкусно не ел.

Лоранс тихонько рассмеялась. Ее смех был похож на птичий щебет. Она постелила небольшую скатерть на один из столов и разложила на ней съестные припасы. Овид пошел налить воды в графин из крана, установленного в глубине помещения над небольшой раковиной.

– Исчезновение Кионы – это нечто очень странное! – сказал он, вернувшись. – Ваши родители находятся в Онтарио уже неделю и до сих пор не обнаружили ни малейшего ее следа. Эта провинция, не стану отрицать, огромная, но Киона ведь, скорей всего, не уехала очень далеко.

– Как это можно знать? У нее есть деньги, поэтому она может купить

себе билет на поезд и поехать на нем, куда ей захочется. Мой дедушка в отчаянии. И мне его так жалко! Он лежит в постели почти весь день, пока не стемнеет, а ночью встает и бродит по дому или по саду. Он думает, что Киона погибла.

– А что думаете вы? Но только честно.

– Я думаю, что вряд ли она погибла. Я даже уверена в том, что она жива, потому что, если бы она умерла, я бы это почувствовала. Мы все это почувствовали бы. У меня такое впечатление, что мир без нее изменился. Странно, что я так думаю, правда? Как сказала бабушка, мы не отдавали себе отчета в том, какое место она занимает среди нас. Впрочем, мне кажется, что мама себе в этом отчет отдавала. Она звонила сегодня вечером и плакала. Мне хотелось поговорить об этом с вами сегодня утром в автомобиле.

– А я затеял разговор о Леонардо да Винчи, величайшем гении всех времен, и о его «Джоконде» с таинственной улыбкой.

– Иногда очень нужно поговорить о чем-нибудь другом, – заметила Лоранс. – Я сильно встревожена, хоть и пытаюсь быть оптимисткой. У меня, к счастью, есть вы.

Произнося эти слова, она пристально посмотрела на него. В ее светлых глазах засветился настойчивый призыв – призыв такой же древний, как само человечество. Ни один мужчина не смог бы ошибиться насчет того, что означает этот взгляд, и Овид, конечно же, понял, какие чувства и желания одолевают эту юную красавицу.

– Безусловно, и я приложу все усилия для того, чтобы утешить вас во время этого сурового жизненного испытания, – сказал Овид, стараясь не глядеть в глаза Лоранс, смотрящей на него столь откровенно.

Несмотря на свою чувствительную натуру и привлекательность для противоположного пола, Овид Лафлер очень мало общался с женщинами. Он концентрировался на своей работе, вел почти монашеский образ жизни и оставался глух к своим инстинктам. Однако в этот июльский день, в то время как в близлежащих зарослях вовсю щебетали птички, у него появился жуткий соблазн – прикоснуться своими губами к этим полным розовым губкам, которые сейчас находились так близко, поцеловать затем округлую белую шею и потом начать обнимать, тискать и ласкать эту девушку, наслаждаясь прикосновениями к ее юному телу...

Овид, отпрянув, поспешно подошел к входной двери и открыл ее. Эта дверь выходила на порог, и ее плотно прикрыли, уходя, его ученики.

– Нужно впустить сюда немного свежего воздуха, – сказал учитель.

– И комаров, – добавила Лоранс.

От ее внимания не ускользнули те сомнения, которые только что охватили Овида. Ей даже показалось, что он вот-вот ее поцелует, и теперь она с трудом скрывала свое разочарование. Поцелуй, подумала она, стал бы подтверждением их зарождающейся взаимной любви. Ей, начитавшейся любовных романов, уже казалось, что Овид ее тоже любит. Доказательств тому у нее имелось немало. Он, например, предложил ей помогать ему в этой бесплатной школе, которой он руководил и которую финансировал с согласия уполномоченного по делам индейцев. Приезжая за ней, он никогда не опаздывал, а вот когда приходило время отвезить ее обратно, частенько оттягивал момент расставания, начиная рассказывать о литературе или живописи.

– Знаете, а я ведь больше не ребенок, – сказала Лоранс тихим голосом.

Она только что села за стол и стала разворачивать пакет с хлебом, нарезанным тонкими ломтиками. Овид тоже сел за стол. Внешне он казался спокойным, однако это отнюдь не соответствовало его реальному состоянию.

– Я заметил это, моя дорогая, но зачем вы говорите мне об этом сейчас? – спросил он шутливым тоном.

– Чтобы вы поняли это в полной мере, пусть даже уже и заметили. В моем возрасте моя мама вышла замуж. Я вспоминаю об этом каждый раз, когда мои бабушка и дедушка пытаются обращаться со мной как с ребенком.

– Времена меняются, Лоранс. Общество развивается. Лично я считаю, что не следует жениться и выходить замуж в очень юном возрасте – в этом возрасте нужно пользоваться своей независимостью и тратить свое время на получение образования, особенно если растешь в обеспеченной семье. Кушайте! Этот паштет, по-моему, удивительно вкусный.

Лоранс разочарованно вздохнула. Она не осмеливалась сказать, что для нее уже пришло время любить и что любит она его. Овид, опасаясь нежелательного для себя поворота в ходе разговора, попытался сменить тему.

– В общем, про Киону нет никаких новостей?

Лоранс подняла взгляд к потолку:

– Да, про нее – никаких новостей.

– Тогда расскажите мне немного о Шарлотте и ее семье.

– Бабушка и Мадлен в воскресенье ездили к ней в гости. Онезим Лапуант приезжал за ними, потому что мои родители забрали машину дедушки. Констан играл с Аделью, а Катери – с Томасом. Людвиг копал что-то в огороде, перекрашивал входную дверь и ремонтировал ступеньки

крыльца. Шарлотта уже пришла в себя после долгого и утомительного путешествия.

Произнеся эти слова унылым тоном, Лоранс надолго замолчала, а затем, посмотрев на Овида, сказала с надеждой в голосе:

– А может, съездим к ним в гости сегодня во второй половине дня? А затем вы, как обычно, отвезете меня в Роберваль. Хорошо?

Овид засомневался, чувствуя на себе взгляд больших светлых глаз, который сильно напоминал ему взгляд других голубых глаз. Перед его мысленным взором замелькали различные картины, но на всех фигурировала только лишь эта девушка, юбка которой развевалась на ветру, когда она выходила из машины, а шелковистые волосы, освещенные солнцем, приобретали золотистый оттенок.

– Думаю, это было бы неуместно, – сказал Овид. – Мне жаль, Лоранс, но я договорился с вашими родителями, что буду привозить вас сюда утром и отвозить домой вечером, и я не могу взять на себя смелость оправиться с вами без их разрешения на прогулку по какому-то другому маршруту. Понимаете, малышка, после того как овдовел, я стал закоренелым холостяком. Если нас увидят вдвоем на местной автодороге, причем вы ведь еще так юны...

Слова, которые употребил Лафлер, вызвали у Лоранс сильное раздражение. «“Малышка”... “Вы ведь еще так юны”... Он что, считает меня младенцем?» От охватившего Лоранс негодования ее лицо стало еще красивее.

– О господи, да не называйте вы меня малышкой! Я, между прочим, уже достигла того возраста, когда можно обручаться и выходить замуж. Кроме того, ваши аргументы звучат неубедительно. Нас вот уже неделю каждый день видят вместе – и в Робервале, и здесь. А еще вы сами сказали, что общество развивается. Мужчина, которого хорошо знают и уважают в регионе, вполне может повезти куда-нибудь на своем автомобиле дочь одной из своих хороших подруг... Я просто вам не нравлюсь – только и всего!

Лоранс резко поднялась со стула – так резко, что стул опрокинулся. Выскочив из здания наружу, она побежала к елям, чтобы спрятаться где-нибудь среди них. Найдя укромное место, она остановилась и дала волю слезам. «Боже мой, ну зачем я это сказала? – мысленно спрашивала она себя, всхлипывая. – Он не захочет, чтобы я и дальше приезжала, и прекратит все то, что приносит мне столько радости. Мне следовало бы помалкивать, хитрить, изображать из себя серьезную холодную девушку, неспособную испытывать желание и любовь».

Овид разыскал ее и подошел, чувствуя большое смущение. Она сделала вид, что собирается снова бежать прочь, но он удержал ее, схватив за руку.

– Мне очень жаль, – прошептал Овид. – Не плачьте, ничего ужасного не произошло. Лоранс, прошу вас, возьмите себя в руки! Мне следовало предвидеть, что такое может произойти. Я, возможно, сам это спровоцировал, пусть даже и неумышленно. Если говорить откровенно, вы мне нравитесь, и даже очень. Однако мне уже сорок лет, а вам – всего лишь шестнадцать с половиной. Это, с моей точки зрения, – непреодолимый барьер, настоящая гора. Я ведь вам в отцы гожусь.

– Но вы же мне не отец! – возразила, фыркнув, Лоранс. – Есть очень много семейных пар, в которых муж и жена прекрасно уживаются друг с другом, хотя между ними очень большая разница в возрасте. Правда заключается в том, что вы все еще влюблены в мою маму. Киона меня об этом предупреждала.

Лоранс заплакала еще сильнее: она вдруг очень сильно – до боли в душе – затосковала по Кионе и Мари-Нутте. Они ведь росли все втроем и очень сильно сблизилась. Особенно тогда, когда находились в школе-интернате.

– Влюблен в вашу маму... – пробормотал учитель. – Какой смысл это отрицать? Да, я был влюблен в нее. Во время войны. Она была одинока и пыталась побороть горе, вызванное потерей новорожденного. А ее голос – голос Снежного соловья! Это ведь настоящее чудо! Как-то раз она спела песню «Голубка» – и я не выдержал, я сделал из нее своего идола. Кто мог бы не влюбиться в вашу маму? В нее влюбились Пьер Тибо (один из бывших друзей вашего отца), я, ваш отец и множество других – неизвестных нам – мужчин по всей нашей стране. А в скором времени все начнут влюбляться и в вас, Лоранс. Если Эрмин обладает от рождения удивительным голосом, то ваш талант заключен в ваших пальцах. Кроме того, вы очень красивы. Я же должен закрывать глаза на вашу красоту и стараться не слышать ваш плач, даже если это стоит мне больших усилий.

Лоранс в ответ закивала. Ее восхитили комплименты Овида в ее адрес и опьянил его вкрадчивый голос, который, казалось, ласкал ее. «Он меня любит, я в этом уверена, но боится того, как отреагируют на это другие люди, в особенности мои родители. Мне нужно ждать и дальше находиться рядом с ним, общаться с ним побольше».

– Простите меня, Овид, я глупая. Думаю, в моем возрасте девушки мечтают о том, чтобы нравиться мужчинам, быть соблазнительными и чувствовать, что они уже превращаются в женщин. Я сегодня утром что-то

разнервничалась, да еще вы разозлили меня тем, что стали обращаться со мной как с маленькой девочкой.

Овид не поверил ее словам, но сделал вид, что верит, чтобы наконец-то завершить этот разговор, который казался ему слишком уж интимным.

– Я вас прощаю. В наше время всё уже перестало быть простым. Ваши родственники очень взбудоражены исчезновением Кионы и возвращением Шарлотты. А вы к тому же сейчас разлучены со своей сестрой-близняшкой.

– Да, ее отсутствие действует мне на нервы, но эта моя привязанность к ней – отнюдь не взаимная. Она прекрасно обходится и без меня, и без нас всех. Она регулярно звонит нам, чтобы узнать, нашли ли мы Киону, но вот возвращаться в Роберваль не собирается. Эта мадемуазель использует в качестве отговорки свою работу. Ей наплевать на то, что я тут чувствую себя несчастной – как и многие другие.

Лоранс посмотрела глазами, полными слез, на Овида и медленно пошла в сторону дома, в котором он проводил свои занятия.

– А вот мне на вас не наплевать! – крикнул он ей вслед. – В доказательство этому я прямо сейчас повезу вас на прогулку в Валь-Жальбер.

Роберваль, дом семьи Шарденов, тот же день, шесть часов вечера

Лора разглядывала искусный рисунок на своей чашке из китайского фарфора. На этом рисунке была изображена темно-красной и темно-зеленой красками какая-то местность. Лора провела взглядом по ветвям дерева и по силуэту женщины, одетой в восточном стиле. Ее успокаивало «погружение» в этот маленький мир, в изображения страны, куда она никогда не поедет. Затем Лора допила свой чай, который помутнел от нескольких капелек молока, добавленных в него несколько минут назад.

– Я не могу допустить даже мысли о том, что Киона умерла, – пробормотала она. – Однако дни проходят один за другим, а полиция все никак не может ее найти. Если бы только этот Делсен вышел из комы! Он мог бы рассказать, что произошло там, в лесу. Вам не кажется, Эстер, что нам всем лучше было бы узнать правду, какой бы она ни была? Ожидание, неопределенность... Я больше этого не перенесу.

– Однако еще есть надежда, мадам, – тихо ответила Эстер.

– Я без усталости успокаиваю моего мужа, но надежду потеряла уже и я сама. Я ведь хорошо знаю Киону. Даже если она заболела, столкнулась с какими-то серьезными проблемами, осталась без денег или даже потеряла дар речи, она вполне могла бы вступить в контакт с кем-нибудь из нас благодаря своему дару.

Эстер посмотрела с меланхолическим видом на бронзовые часы, стоявшие на каминной доске возле белой мраморной статуэтки, изображающей полуголое и крылатое древнегреческое божество.

– Прошу вас, мадам, не теряйте мужества. Киона для меня – настоящая тайна. Все, что мне о ней рассказывали, меня ошеломляет! Я видела по ее фотографии, что она представляет собой блистательную молодую девушку, и мне попросту не верится, что она могла погибнуть.

– Как здорово, что вы находитесь здесь, Эстер! – воскликнула Лора, растроганная до слез. – Я правильно поступила, что убедил вас остаться и пожить в одной из комнат моего дома, пусть даже вы и настаиваете на том, что будете мне за нее платить, хотя я отнюдь не требую с вас никаких денег. Без вас мне было бы так тоскливо! Эрмин и Тошан, похоже, решили обшарить всю провинцию Онтарио, а Жослин не встает с кровати. Точнее говоря, он встает с нее только ночью и бродит в одиночку по дому. И еще все время курит свою проклятую трубку. А ведь он когда-то болел туберкулезом! Но вы здесь, и это подарок судьбы. Давайте поговорим о каких-нибудь пустяках, хорошо? Мы с вами понимаем друг друга прекрасно, потому что обе обожаем моду и красивые вещи. Когда вы рассказываете мне о Париже, я просто на седьмом небе.

– Благодарю вас. Я тоже рада тому, что общаюсь с вами, что я встретила вас, Лора... ой, извините, мадам.

– Нет-нет, не извиняйтесь. Давайте не будем использовать это слово – «мадам». Называйте меня просто Лора.

Они обе улыбнулись. После того как ее дочь и зять уехали, Лора предложила госте пожить у нее – по крайней мере до тех пор, пока та не подыщет себе подходящее жилье в Робервале. Эстер, прежде чем дать ответ, довольно долго думала, поскольку ей не хотелось докучать Эрмин. Однако Эрмин наверняка будет отсутствовать несколько дней, а вместе с ней здесь не будет и Тошана.

– Ну хорошо, Лора. Хотите, пойдём погуляем на берег озера? Может, встретим там Мадлен и детей.

– Нет, только не сегодня вечером. Сейчас как раз такое время, когда может позвонить Эрмин, и поэтому я не хочу выходить из дому. Конечно, трубку могла бы взять и Мирей, но я предпочитаю первой услышать новости, если они будут.

– Тогда подожду вместе с вами. Вообще-то я закоренелая любительница пеших прогулок. Я даже отношусь к таким прогулкам как к универсальному средству от многих недугов – как телесных, так и душевных. К сожалению, санаторий расположен далеко от вашего дома.

Если бы я решила ходить туда пешком, мне пришлось бы выходить уж очень рано и возвращаться слишком поздно. Мне повезло, что вы дали мне велосипед.

Мирей, не удержавшаяся от того, чтобы побродить по дому поблизости от гостиной, осторожно заглянула в нее.

– Мадам, могу я унести поднос с чашками?

– Да, хотя мы с Эстер можем сделать это и сами. И приготовить ужин мы тоже можем сами.

– О господи, а зачем вам этим заниматься? С тех пор как я стала принимать ваши антисептические таблетки, я уже даже не хожу, а бегаю. Ноги несут меня сами.

– Не антисептические, а болеутоляющие, Мирей, – поправила ее Лора, усмехаясь.

– Эти таблетки ослабляют мучающие вас боли, но не устраняют их причины, – сказала Эстер. – Вам нужно быть с ними осторожнее. Я вполне способна приготовить ужин и навести порядок в доме, тем более что сегодня вечером не работаю.

– Если у вас выходной, то воспользуйтесь им для отдыха! – ответила Мирей.

Эстер сумела завоевать симпатию этой женщины благодаря тому, что в общении с ней сделала ставку на максимально возможную откровенность. Как-то раз утром она принялась уверять ее в своем исключительно дружеском отношении к Тошану, упоминая о своем статусе человека, вынужденного покинуть родину.

«Я вернулась из лагерей смерти. У меня не осталось на этой земле ни одного родственника, но я, по крайней мере, жива. Я сейчас хочу только одного – наслаждаться маленькими радостями жизни, – и я никогда не стану разбивать эту семейную пару», – заявила Эстер, глядя своими темными глазами в лицо Мирей.

Этого оказалось достаточно. Мирей вскоре прониклась симпатией к этой красивой женщине – жизнерадостной, услужливой, разносторонне образованной и исключительно вежливой. Польщенная тем, что Эстер охотно вступает с ней в разговор, Мирей с благодушным видом сказала:

– Мне, похоже, очень повезло. Если вам хочется мне помочь, мадемуазель, то вообще-то еще нужно взбить яйца и порезать сало.

– Иду прямо сейчас, – сказала Эстер.

– Я тоже! – воскликнула Лора, вставая и беря в руки поднос, на котором стояла ее драгоценная посуда. – Я умею неплохо готовить.

В этот момент зазвонил телефон, и все три женщины вздрогнули. Лора

быстренько поставила поднос обратно на стол и побежала брать трубку. Мирей и Эстер, затаив дыхание, услышали, как она несколько раз сказала «Да!», «О господи!» и «Боже мой!». Она произносила эти слова без трагического пафоса в голосе, а значит, ей вряд ли сообщали сейчас какие-то очень плохие новости. Со стороны лестницы донеслись звуки тяжелых шагов: это шел вниз Жослин, внимание которого привлекло металлическое треньканье телефона.

– Когда вы вернетесь? – спросила Лора. – А-а, вы будете продолжать поиски... Понятно... Да, я все поняла.

Подрагивая от нервного возбуждения, она положила телефонную трубку. Ее муж дошел уже до середины лестницы.

– Ну что там, мадам? Рассказывайте! – не выдержала Мирей.

Эстер из вежливости помалкивала, но в ее взгляде тоже чувствовалось нетерпение.

– Жосс! – позвала Лора, прижав ладони к своей груди – там, где находится сердце. – Киона не сделала ничего плохого. Твоя дочь защищалась. Она находилась в ситуации необходимой обороны. Так сказали полицейские.

Жослин переступил порог комнаты. Лора с восторженным видом бросилась ему на шею.

– Делсен пришел в себя и во всем признался! Господи, какое счастье! Этот парень напился и попытался изнасиловать Киону. Он угрожал ей топором, но она, обезумев от страха, как-то умудрилась ударить его по голове тем же топором. Боже мой, невольно поверишь, что наши молитвы были услышаны. Этот проходимец вполне мог соврать и наговорить на Киону, но он сказал правду и подтвердил, что она ни в чем не виновата.

Мирей перекрестилась, а Эстер дружески обняла ее за плечи. Жослин, пока еще не решаясь радоваться, спросил:

– Это все хорошо, но где она, моя доченька? Где Киона?

– Эрмин уверена в том, что она жива и прячется, поскольку думает, что убила Делсена. Но полиция уже воспринимает ее совсем в другой роли, понимаешь? Раньше она была подозреваемой, теперь – нет.

Жослин, задрожав так, как дрожит дерево при сильном ветре, направился к креслу. Он за последнее время похудел и еще больше поседел. На него было больно смотреть.

– Я хочу, чтобы Киона вернулась, – пробормотал он. – Мой ангел, мой маленький ангел.

– Жосс, подумай немного: мы теперь наконец-то можем вздохнуть спокойно. Твое предположение о том, что те, кто напал на Делсена, убили

Киону, не подтвердилось. Ты увидишь свою малышку, Жосс.

Предыдущие дни, полные тревог, изменили Лору: ее характер стал более мягким. Кроме того, стремясь произвести хорошее впечатление на Эстер, которая с самого начала вызвала у нее большую симпатию, она даже перестала быть капризной и уже не попрекала своего мужа, как раньше, с утра до вечера.

Лора обняла Жослина, поцеловала его влажный лоб и потерлась своей напудренной щекой о его щеку, кожа на которой была жесткой и покрытой колючей щетиной. Услышав, однако, как перед домом затарахтел мотор, она тут же бросилась в сад.

– Иисусе милосердный, мадам побежала вприпрыжку! – удивилась Мирей. – Это ведь всего лишь Лафлер привез Лоранс.

Эстер покачала головой. В промежутках между ее работой в санатории и прогулками по берегу озера ей еще ни разу не доводилось встречаться с этим учителем, хотя тот и приезжал в Роберваль каждый день, кроме субботы и воскресенья.

– Я думаю, что мадам Шарден просто захотелось поскорее сообщить последние новости месье Лафлеру и Лоранс, – сказала Эстер, улыбаясь Мирей.

Жослин, как ему и советовала его супруга, решил «немного подумать». Если Киона разможила череп Делсену, когда он попытался изнасиловать ее, то, значит, этому мерзавцу не удалось овладеть ею. «Черт побери, если он к ней хотя бы прикоснулся, я его прикончу!» – мысленно пообещал Жослин себе.

Лора, стоя с Овидом и Лоранс перед домом, подробно рассказывала им обо всем, что она узнала от Эрмин.

– Это хорошая новость, – одобрительно закивал учитель. – Делсен сказал правду. Можно предположить, что его стали мучить угрызения совести или же что он не нашел в себе сил врать полиции.

– Однако еще нужно найти Киону, – добавила Лоранс. – Сегодня вечером я попытаюсь сконцентрироваться и позвать ее изо всех сил. Она в конце концов появится.

– Мы все станем это делать! – загорячилась Лора. – Овид, зайдите к нам выпить бокальчик хереса, чтобы отметить это событие. Что теперь ясно – так это то, что именно Киона оставила ту записку и украла велосипед у китайцев. Значит, она жива. Пойдемте, Овид, заглушите свой мотор.

Лафлер согласился. Он тоже почувствовал облегчение, хотя его и терзало чувство собственной вины. По дороге в Валь-Жальбер, когда они с

Лоранс ехали навестить Шарлотту, он по просьбе Лоранс остановил машину на обочине региональной автотрассы, чтобы поглазеть на прыгающих с ветки на ветку белок. Их так сильно позабавили акробатические прыжки этих зверюшек, что они начали хохотать – хохотали до опьянения. И тут он, Овид, поцеловал сидящую рядом с ним молоденькую девушку в губы и наконец-то осмелился погладить ее волосы. Он не сделал ничего, кроме этого, но этот его поступок ее так восхитил, что она даже порозовела от радости. «Простите! – воскликнул Овид после. – Я просто идиот! Простите!» Однако Лоранс даже не слышала его извинений: она, чувствуя себя на седьмом небе, еще больше уверилась в своих предположениях относительно того, что Овид ее любит.

Теперь же, направляясь вслед за Лорой и Лоранс в дом, Овид терзался из-за этого своего зазорного поступка. Проходя через калитку с аркой, украшенной маленькими розами, он низко опустил голову и смотрел куда-то в пустоту. Подойдя к ступенькам крыльца, ведущим к двери в прихожую, он невольно поднял голову – и увидел незнакомку в сером платье с золотистым поясом. Незнакомка была очень красивой женщиной с кожей цвета лепестков лилии, с блестящими карими глазами и черными как смоль волосами.

– Овид, позвольте познакомить вас с Эстер Штернберг, нашей гостьей. Эстер, это месье Овид Лафлер. Близкие друзья называют его просто Овид, – стала разглагольствовать хозяйка дома.

– Добрый вечер, мадемуазель, – поздоровался Овид слабым голосом. – Лоранс рассказывала мне о вас, но... но у меня еще не было возможности поприветствовать вас и пожелать вам приятного пребывания в Квебеке.

Эстер протянула ему свою тонкую изящную руку, и он осторожно пожал ее. Эстер улыбнулась, заметив удивление во взгляде этого мужчины с тонкими чертами лица и зелеными глазами, внешность которого – вьющиеся волосы, тонкие светло-каштановые усы и изящная бородка – делали его похожим на парижского артиста, ведущего слегка фривольный образ жизни.

– Добрый вечер, месье, – сказала Эстер своим ласковым низким голосом.

Лоранс, бросившаяся в гостиную, чтобы обнять своего дедушку, не присутствовала при этой сцене. Опьяненная охватившей ее радостью и парящая на облачке, сотканном из радужных надежд, она обняла Жослина, к которому возвращался оптимизм, а затем помогла Мирей подать аперитив в беседку, заросшую цветущим сиреневым ломоносом.

Лора вела себя как гостеприимнейшая хозяйка. Ей очень нравилось

видеть, что ее муж снова сидит с ней рядом и что он уже не так молчалив, как был в последние дни. Разговор вращался главным образом вокруг Кионы и признаний Делсена. Эстер старалась не смотреть на Овида, и тот тоже старался на нее не смотреть. Учитель, храня молчание, собирал в своей памяти те немногие сведения, которые имелись у него об Эстер. От Лоранс он уже слышал о прибытии этой молодой женщины в Квебек и о том, что она поселилась в одной из комнат в доме семьи Шарденов. Судя по отдельным фразам, услышанным им от Лоранс, Эстер была сестрой какой-то еврейки, которую Тошан вроде бы пытался спасти во время войны. Тошан встретил Эстер во Франции. Овид также знал, что эта женщина устроилась работать медсестрой в санаторий и что она сумела избежать гибели, находясь в лагерях смерти. Этих сведений было одновременно и мало, и много. Ее статус пострадавшей и с трудом избежавшей смерти вызывал у Овида сострадание.

– Все очень быстро станет таким, каким было прежде, – заявила Лора, держа в руке бокал с белым вином. – Ой, слышите эти веселые возгласы? Мадлен возвращается с нашими двумя маленькими шалунами!

Некоторое время спустя в гостиную и в самом деле зашла Мадлен с детьми. Катери выглядела очень усталой, а Констан, одетый лишь в полотняные шорты, измазанные в земле, недовольно дулся.

– Этот мальчик меня сильно утомляет, – призналась Мадлен. – Внешне он похож на ангелочка: светлые кудри, голубые глаза... Но это только внешне. Он не слушается, балуется, ведет себя очень шумно и все время чем-то пачкает свою одежду – вот какой он, Констан.

– Что я слышу? – пробурчал Жослин. – Конфет ты больше не получишь, несносный мальчишка.

– Уложите его в постель прямо сейчас, без ужина, Мадлен, – сердито сказала Лора. – Его нужно наказать.

– Но сначала я должна его искупать, – вздохнула индианка. – Он играл в грязной луже. Ой, я забыла поздороваться. Добрый вечер, месье Лафлер.

– Добрый вечер, Мадлен. Мне жаль, что Констан доставляет вам так много хлопот.

Учителю пришла в голову одна мысль. Он вообще-то собирался отказаться от помощи Лоранс на своих бесплатных занятиях, чтобы отгородиться от опасных соблазнов. Ситуация ведь будет только ухудшаться, он был в этом уверен, а особенно после того, как он эту юную девушку поцеловал. Однако ему теперь захотелось и дальше приезжать в дом семьи Шарденов – и почаще, – чтобы иметь возможность видеть Эстер Штернберг.

– У меня имеется решение для этой проблемы, – заявил он. – Поскольку я приезжаю за Лоранс в течение всей рабочей недели, мы могли бы забирать с собой и Констана. Ему уже пришло время учить алфавит и цифры. Пока его родители в отъезде, я немножко облегчу вам жизнь. Полагаю, я сумею придумать, как уgomонить этого нарушителя спокойствия.

– Да, правильно! – воскликнула Лора. – Нам следовало подумать об этом еще раньше. Работа и дисциплина – вот два замечательных лекарства от зловредного характера. Кроме того, Констан побаивается своей старшей сестры, которая умеет подчинять его своей воле. Я не упрекаю тебя, Мадлен, но ты с ним слишком уж мягка.

– Возможно, – не стала возражать индианка. – Впрочем, нужно было бы спросить у Эрмин и Тошана, придерживаются ли они такого же мнения.

Лоранс поначалу огорчилась (хотя и не подала виду), а затем, поразмыслив, пришла к выводу, что предложение Овида было очень разумным и уместным. Она вполне обоснованно побаивалась того, как может отреагировать Овид на страсть, которая, как ей казалось, зарождалась между ними двумя. Констан был бы идеальной преградой, не позволяющей им дать волю своим желаниям, а также гарантией того, что они и дальше будут проводить время вместе. В этом предложении Овида она узрела лишь его стремление сберечь их любовь.

Владения Патрика Джонсона, провинция Онтарио, тот же день

Киона заперлась в своей комнате, на двери которой имелась задвижка, правда, скорее символическая, чем настоящая. Кто угодно мог бы, резко навалившись плечом, сломать этот хрупкий механизм. Кионе частенько приходила в голову эта мысль. Ее теперь то и дело охватывал панический страх. Днем у нее было так много работы, что мысли оставляли ее в покое, а вот ночью начинали мучить с новой силой. Ей снова и снова казалось, что ее продолжает избивать, злобно ухмыляясь, Делсен и что она опять чувствует его неприятные прикосновения к своему телу.

Если бы не лошади мистера Джонсона, она убежала бы вглубь леса и стала бы там умолять Маниту и Иисуса избавить ее от этих кошмаров. Она не хотела покидать этих животных, которые проявляли к ней дружеские чувства, привязанность и даже нежность. Она знала о них все: что происходило с ними в прошлом, чего они боятся, от чего они страдают. Ее общение с ними так восхитило мистера Джонсона, что он решил, что, наверное, наймет этого удивительного конюха не на лето, а на целый год. Благодаря «Бобу» Джонсону удалось решить несколько проблем, которые

возникали у него с его кобылами, жеребцами и его любимым скакуном – Винтернайтом. Этот черный конь, кстати, как и предсказывал юный конюх, одержал победу на очередных воскресных скачках.

– Этот парень меня изумляет, – снова и снова говорил Джонсон своей дочери, когда они завтракали или ужинали вместе. – Несколько веков назад его наверняка сожгли бы на костре, однако он оказывает мне очень ценные услуги. Да, этот парень меня изумляет!

– Я это вижу, папа, – кивала в ответ Эбби, тайно всей душой надеясь на то, что Боб проработает на конюшнях ее отца еще не один месяц.

Эбби, пользуясь отсутствием своей матери, предоставила сама себе полную свободу. Ее мать – Оливия Джонсон – находилась сейчас в Нью-Йорке, у своей старшей сестры. Эбби, будучи у своих родителей единственной дочерью, жила так, как ей вздумается, ибо ее отец был слишком занят для того, чтобы успевать присматривать за дочерью. Киону это очень расстраивало, поскольку она уже не знала, как ей избавиться от заигрываний этой юной девицы, уверенной в своей неотразимости и пленительной красоте.

За десять дней, которые прошли с момента появления на конюшнях «Боба», Эбби уже раз сорок меняла блузку и раз десять – прическу. Она вдруг стала сильно интересоваться нелегкой работой конюхов, хотя раньше относилась к ней с насмешкой и презрением. Эбби по любому малейшему поводу заглядывала на конюшни и неизменно ходила по пятам за «Бобом».

«Если она будет продолжать в том же духе, я отсюда уйду», – в конце концов решила Киона.

Впрочем, ей было жалко Эбби из-за того, что та увлекалась «Бобом», которого в действительности не существовало, – этим немногословным и даже замкнутым Бобом, который был попросту не в состоянии ответить ей взаимностью. Прошлым вечером Эбби удивилась тому, что у «Боба» почти отсутствует волосяной покров на теле и что у него уж очень милые черты лица. Похихикав по этому поводу, она шепотом сказала, что никогда еще не встречала такого красивого парня...

Киона разделась, с удовольствием стянув с себя полотняную спецовку и плотную хлопчатобумажную рубашку, в которой ей было очень жарко. Стоя в лифчике и трусиках, она посмотрела на свое изображение в зеркале. Синяки на лице исчезли, а разбитая нижняя губа зажила. На ее теле еще оставалось несколько желтоватых следов от синяков, которые тоже уже исчезали. Ей показалось, что ее мышцы окрепли и округлились оттого, что ей частенько приходилось на конюшнях толкать перед собой тяжелые тачки, нагруженные навозом. Что касается ее волос, то они напоминали

теперь золотистый ореол, поскольку короткие пряди немного завивались.

Она стала грызть сухое печенье, прихлебывая из стакана воду. Ближайшие часы будут тянуться очень долго. Она это знала. Ей предстояло дожидаться полуночи, чтобы затем спуститься в конюшню, в которой находились самые ценные лошади. Там она растянется на соломе ногами в сторону мерина рыжей масти, у которого было странное имя – *Brother*. В переводе с английского оно означало «брат». Когда поблизости никого не было, Киона его так и называла – Брат. Эта конюшня была единственным местом, в котором мучившие ее жуткие видения теряли свою силу и которое она поэтому считала своим убежищем.

Усевшись на край кровати, Киона мысленно произнесла свою обычную молитву, представлявшую собой перечисление тех, кого она любила и кого решила навсегда покинуть: «Мин, папа, мой братишка, Лоранс, Мари-Нутта, Мадлен, Катери, Констан, Тошан, Лора... да, и ты, Лора! Шарлотта, месье Жозеф, Луи, Мукки, простите, я вас забыла. Мама, Тала-волчица, Тала, Тала...»

Киона убаюкала себя этими двумя слогами, которые вызывали у нее мучительные воспоминания о матери. Она снова увидела ее иссиня-черные косы, рот с тонкими губами и высокие скулы.

«Это ведь ты явилась мне в тот вечер возле озера Онтарио, не так ли? В тот вечер, в который я утратила свои крылья, свой природный дар и способность получать радость от жизни... Ты явилась в образе волка – великолепного волка, – но ты меня не защитила и мне не помогла».

Задыхаясь от хлынувших из ее глаз горьких слез, Киона легла на кровать и прикрыла глаза ладонями. Она уже устала оттого, что ей приходится устраивать этот спектакль, заставляя себя говорить низким голосом, терпеть грубость Морриса, который не испытывал к ней большой симпатии, слушать откровения старого Джека, который, не стесняясь, рассказывал ей о своих давнишних любовных похождениях, поскольку был уверен, что разговаривает с молодым парнем, которого нужно учить одерживать победы над женщинами.

«Завтра я отсюда смоюсь, – подумала Киона, одолеваемая дремотой. – Возьму велосипед, куплю билет на поезд и отправлюсь на запад. И почему бы мне не позвонить домой, моему любимому папочке?»

Устроившись здесь на работу, она спрятала украденный у китайцев велосипед в глубине небольшого здания, заваленного уже не используемыми бочками, досками и ржавыми инструментами. А мысль о том, чтобы позвонить домой с помощью телефонного аппарата, который имелся в кабинете мистера Джонсона в одной из конюшен, преследовала ее

уже давно. Лишившись своей экстраординарной способности вступать в контакт с родственниками, она долго сомневалась, написать ли им письмо или же позвонить по телефону, и в конце концов решила не делать ни того ни другого, поскольку считала саму себя преступницей.

Твердо решив отсюда уехать, но уже чувствуя тоску из-за предстоящей разлуки с лошадьми, которые позволили ей открыть в себе способность телепатического общения с животными, Киона и не заметила, как задремала. И тут вдруг у нее началось видение. Она увидела, как на краю ее кровати сидит Делсен. Вид у него был миролюбивый, а голова обмотана бинтами.

«Тебе лучше вернуться домой, Киона, – сказал он. – У нас с тобой никогда бы ничего не получилось. Ты для меня слишком умная, слишком скромная, слишком красивая».

Радуюсь тому, что слышит французскую речь после того, как больше недели общалась только на английском, Киона стала улыбаться во сне. Однако Делсен вскоре исчез – его как будто стерли с листа бумаги резинкой, – и вместо него появилась Тала-волчица – молодая, красивая и одетая в тунику из красной кожи, расшитую жемчужинами и бирюзой.

«Дитя мое, неужели ты собираешься позволить умереть от горя своему отцу – отцу, зачавшему тебя внутри круга из белых камней, который я выложила вокруг нас, прежде чем соединиться с ним? Киона, моя любимая дочь, ты, бывшая моим единственным сокровищем на всей земле, ты должна вернуться к своим родичам. Делсен спасен – спасен и телом, и душой. Его спасла ты».

Тала протянула руку, стала делать такие движения, как будто гладит ей, Кионе, лоб, и затем тоже исчезла. Вместо нее появился большой волк, которого Киона уже видела возле озера и который теперь смотрел на нее, спящую, своими янтарными глазами. Этот пристальный взгляд заставил ее сильно вздрогнуть и проснуться. Ее сердце лихорадочно забилось.

«Мама... Делсен...» – прошептала она, уставившись вытаращенными глазами на стену комнаты, в которой находилась.

В ней никого не было, и ничего в ней не изменилось. Киона – ошеломленная и недоумевающая – поднялась с постели.

– Что это означает? – тихо спросила она.

Дрожа от нервного напряжения, она оделась. На часах было восемь вечера. Старый Джек, очень любящий вкусно поужинать и поболтать с прислугой, уже ушел, наверное, на кухню, расположенную в полуподвальном этаже хозяйского дома. Моррис отправился к себе домой. Киона поспешно спустилась по узкой лестнице, прошла через помещение,

в котором хранились седла, и подбежала к стойлу коня по имени *Brother*.

– Мне придется тебя покинуть, Брат, – прошептала она, глядя его шею. – Я снова увижусь с Фебусом, моим конем! Ты знаешь его, я тебе много о нем рассказывала.

В центральном проходе конюшни царил полумрак. Киона сконцентрировалась на том, что передавал ей телепатическим образом конь. Она не услышала, как во дворе раздались чьи-то шаги. И тут вдруг кто-то включил электричество. В конюшне стало светло.

– Но кто... – начала было говорить Киона, поворачивая голову.

Она увидела Эбби, Джека и мистера Джонсона. Тот держал в руке газету, и лицо его покраснело от охватившего его гнева. Они все втроем тарачились на нее, причем не без удивления, потому что она сейчас была без своей кепки, которую раньше никогда не снимала, и ее рыжеватозолотистые волосы красиво поблескивали в свете ламп.

– Я требую объяснений! – рявкнул Джонсон. – И я тебя предупреждаю, что не выношу, когда меня обманывают и держат за дурака! Ты не Боб Тэйлор, а Киона Шарден, не так ли? Тебя вот уже ровно десять дней разыскивает полиция.

Эбби беззвучно плакала, а ее щеки порозовели от охватившего ее волнения. Ей казалось, что она совершила ужасный грех, влюбившись, получается, не в парня, а в девушку.

– Это недопустимо – устраивать маскарад, лгать, злоупотреблять доверием людей, которые стараются помочь своему ближнему! – добавил Джонсон, который был ревностным католиком.

– Теперь мне понятно, почему тебе не хотелось ужинать на хозяйской кухне, – пробурчал старый конюх. – Ты старалась спрятаться, как только у тебя появлялась такая возможность. Мы с кухаркой, кстати, заметили, что для мальчика у тебя слишком уж красивое лицо.

– Мне жаль, что так получилось, – сказала Киона. – У меня не было другого выбора. Я спасалась бегством, и Эбби обнаружила меня в той хижине. Поскольку она приняла меня за парня, я решила побыть некоторое время парнем. Я прошу вас всех меня простить. И не переживайте, я отсюда уеду.

– Судя по тому, что написано в этой газете, тебя подозревают в попытке убить своего дружка.

Мистер Джонсон использовал слово *boyfriend*. Кионе вспомнилась Иветта Лапуант, которая – с накрученными на бигуди волосами – тоже когда-то употребила это слово. Девушка не смогла удержаться от улыбки.

– Тебе что, даже не стыдно? – возмутился Джонсон.

– Я находилась в ситуации необходимой обороны, – ответила Киона. – Кроме того, Делсен не умер.

– Да, это верно, он сейчас в коме. У него серьезная рана на голове.

Кионе захотелось крикнуть, что Делсен совсем недавно явился к ней во сне, что он точно не умрет и что он на нее не сердится. Однако эти люди ее не поняли бы.

– Да, у него есть серьезная рана на голове, но я его не убила, – сказала Киона. – Эбби, прости меня. Пожалуйста, не будь такой грустной.

Мистер Джонсон гневно нахмурил брови. Слезы его дочери раскрыли ему глаза на кое-что еще: Эбби испытывала к мнимому Бобу определенные чувства. Впрочем, это его не сильно встревожило: в таком возрасте, как у нее, она очень быстро оправится от этой своей маленькой несчастной любви.

– А можно мне прочесть эту статью, сэр? – осмелилась спросить Киона. – Пожалуйста...

Она, сделав над собой усилие, улыбнулась ему очаровательной улыбкой. Джонсон уставился на Киону, как будто видел ее впервые в жизни. Затем он, почти как загипнотизированный, протянул ей газету.

Киона увидела на первой странице большую фотографию и сразу же себя узнала: распущенные волосы до плеч, жемчужное ожерелье на шее... Под фотографией большими и жирными черными буквами было напечатано объявление о розыске. Киона, ничуть не пытаясь сконцентрироваться и не закрывая глаз, увидела мысленным взором, как Эрмин и Тошан заходят в кабинет главного редактора и просят его разместить фотографию и объявление о розыске на первой странице. «Они находятся в Торонто, и они делают все возможное и невозможное для того, чтобы меня найти, – подумала она, испытывая огромную радость, поскольку к ней возвратился ее природный дар. – Я исцелилась, исцелилась!»

– Ты ограничиваешься лишь разглядыванием фотографии правонарушительницы и не утруждаешь себя чтением того, что там про тебя написано? – громко возмутился мистер Джонсон. – Я тебя предупреждаю: даже и не думай отсюда удрать. Я вызвал полицию.

– Вы правильно поступили, месье, – сказала Киона по-французски. – Если позволите, я пойду соберу свои вещи.

Она повторила эти слова по-английски, хотя выражение лица Джонсона и подсказало ей, что основной их смысл он понял.

– Джек сделает это не хуже тебя. А я пока тут за тобой присмотрю. Иди, Джек.

Эбби, успокоившись, присела на табурет. Она прочла все, что было написано в газете про Киону, и история этой девушки показалась ей очень даже романтической: юная парочка, решившая удрать, вспыльчивый индеец Делсен, совершавший нападения на людей и кражи, Киона Шарден – девушка с прекрасным образованием, выросшая в обеспеченной семье и являющаяся сводной сестрой знаменитой певицы Эрмин Дельбо по прозвищу Снежный соловей. «Мама, по-моему, купила одну из ее пластинок, – подумала Эбби. – Я идиотка. Да, настоящая идиотка. Я должна была догадаться, что это девушка. Странное имя – Киона...»

– Моя мама была индианкой из племени монтанье, – тут же сообщила Киона.

– Ты что, читаешь мои мысли так, как читала мысли лошадей? – удивилась Эбби.

– Может, читаю, может, нет. Раз уж вы узнали мое настоящее имя, оно вполне может показаться вам странным. Меня так назвала моя мама.

– Помолчи-ка лучше! – приказал мистер Джонсон. – Слава богу, что старый Джек поехал в город и увидел эту газету. Если бы этого не произошло, сколько еще времени ты водила бы нас за нос и скрывалась от правосудия на моих землях и в моих конюшнях?

– Да я вообще-то собиралась уехать, месье, – ответила Киона. – Я планировала сделать это завтра утром. Я пришла сюда попрощаться с вашими лошадьми. Мне особенно симпатичен *Brother* – настоящий брат. Сэр, не забывайте о том, что Винтернайту нужно позволять находиться на лугу в течение всего лета. Он не боится ни жары, ни мух, а вот стойла не выносит. У Уоллис будут тяжелые роды. Вызовите ветеринара, как только у нее начнутся схватки.

– Следует ли мне теперь следовать советам *Кионы*, а? – с усмешкой спросил Джонсон.

– Думаю, следует. У меня ведь тоже есть конь. Его зовут Фебус. И я умею ездить верхом.

– Ты всего лишь мерзкая лгунья! – воскликнула Эбби. – Я тебя ненавижу! Папа, я не хочу ее больше видеть! Я возвращаюсь в дом!

Кионе хотелось ее удержать и утешить, но она ограничилась лишь тем, что проводила Эбби взглядом, когда та выходила из конюшни во двор.

– А когда приедут полицейские? – спросила Киона у Джонсона. – Мне хотелось бы с вами поговорить. В присутствии Эбби я не могла этого сделать.

С лестницы спустился Джек, держа в руках рюкзак Кионы. Он нес его с таким видом, как будто ему было противно это делать. Когда он собирал

вещи Кионы там, в ее комнате, он продолжал ворчать и ругать ее.

– Ты можешь пойти поесть, Джек, – сказал ему мистер Джонсон. – Молли, я думаю, оставила твою еду на плите, чтобы она не остыла. А я тут останусь в компании мадемуазель Шарден.

Старый конюх, продолжая сердиться, вышел из конюшни. Оказавшись во дворе, он плюнул на землю и в последний раз посмотрел презрительным взглядом на разоблаченного «Боба». Киона подошла к Брату, и тот нежно потерся о нее своим лбом. Затем Киона рассказала спокойным тоном мистеру Джонсону, как именно развивались на самом деле события – начиная с побега из Валь-Жальбера и заканчивая попыткой Делсена ее изнасиловать, в результате которой ей пришлось обороняться.

Неприятнь, которую испытывал к ней Джонсон, сменилась полным замешательством. Киона не произнесла ни одного слова, которое могло бы его шокировать, однако он живо представлял себе описываемые ею сцены, и ему, отпрыску аристократической английской семьи, показалось, что Киона проявила жуткое бесстыдство.

– Ладно, я больше не хочу этого слышать, – резко сказал он. – Тебе придется повторить все это в полиции. А я предпочитаю остаться в стороне. Если бы я был твоим отцом, то натянул бы повод посильнее.

Кроме разочарования и досады, которые он испытывал и которые не позволяли ему проникнуться состраданием к этой девушке, его также терзал один вопрос, который он не решался задать.

– Я не лгала насчет всего того, что касается ваших лошадей, мистер Джонсон! – заявила Киона, сама удивляясь тому, как легко она читает мысли этого человека. – Вам хотелось это узнать – вот я вам это и говорю. Они и в самом деле мысленно общаются со мной. Я этому удивилась первая, потому что эти лошади были мне незнакомы. Вот Фебус – совсем другое дело. Мы ведь с ним друзья!

– Но как ты узнала, о чем я думаю? – воскликнул Джонсон, чувствуя такой же страх, какой зачастую испытывают в своем большинстве простые смертные, когда сталкиваются с чем-то сверхъестественным – например, с неординарными людьми, наделенными способностями, выходящими за пределы человеческого понимания.

– Я Киона, дочь Талы-волчицы, внучка Алиетты, то есть доброй колдуньи, родившейся во Франции и умершей в Квебеке, и правнучка очень могущественного шамана Наку.

– А еще ты сестра Эрмин Дельбо, удивительной певицы сопрано, да?

– Да, мистер Джонсон. Я увижу ее завтра утром, и она меня обнимет.

Торонто, на следующий день, после обеда

Эрмин и Тошан, сгорая от нетерпения, ждали, когда подъедет нужный им автомобиль. Они стояли посреди тротуара, держась за руки. Шел дождь, но он был очень мелким и теплым, а потому они не обращали на него внимания. Им заранее сообщили, в какое приблизительно время Киону привезут сюда, в этот полицейский участок в городе Торонто. По улице медленно проезжали роскошные легковые авто, а также мотоциклы и грузовики.

– Тошан, это будет так замечательно – снова с ней встретиться! – воскликнула Эрмин. – Какое счастье! Кошмар закончился. Боже мой, мне хочется поскорее увезти ее в Роберваль.

Тошан со встревоженной улыбкой кивнул. Он ждал предстоящей встречи с большой настороженностью, хотя и старался этого не показывать.

– Мин, что-то у тебя слишком уж много энтузиазма. Я чувствую такую же радость и облегчение, как и ты, но мы должны быть готовы к худшему. Киона пережила тяжелое жизненное испытание, и она наверняка изменилась. У нас есть этому подтверждение: она ни разу не вступила в контакт ни с одним из нас. Делсен вполне мог ее уничтожить – и физически, и морально. Я боюсь, что она уже не та прелестная сестренка, которая очаровывала нас до этой печальной истории.

– Знаешь, Тошан, это самая маленькая из моих забот. Я сейчас хочу только одного: прижать ее к себе! – воскликнула Эрмин. – Я думала, что она погибла. Я говорила тебе об этом снова и снова в последние дни. Ты видел, что я плачу и вздыхаю. Я безмолвно молила Бога о том, чтобы он оставил ее в живых. Даже если у нее уже больше нет ее природного дара, я буду любить ее еще больше, и если то, что она пережила, оставило на ней след, я всячески постараюсь ее утешить и помочь ей об этом забыть.

Эрмин, скрестив руки на груди, посмотрела на Тошана тяжелым взглядом, полным упрека. В платке, защищающем волосы от дождя, в свитере с высоким воротником и в штанах, Эрмин казалась со стороны очень молодой и хрупкой. Тошан обнял ее и легко поцеловал в щеку.

– Прости меня! У тебя нервы на пределе, и я боялся, как ты отреагируешь, если увидишь, что Киона сильно изменилась. Я просто хотел тебя защитить. Я чувствовал, что ее исчезновение подействовало на тебя очень и очень сильно.

– Но не сильнее, чем на всех вас!

– Да нет же, намного сильнее, чем на нас, за исключением, пожалуй, твоего отца, который переживал так сильно, что начал вызывать у близких беспокойство.

Эрмин, задрожав и почувствовав, что к горлу у нее подступил ком, закрыла глаза. Ей вспомнился тот момент, когда она позвонила утром в Роберваль и сообщила сногшибательную новость: «Мы нашли Киону. Она жива и здорова. Мы увидим ее сегодня после обеда».

Лора тогда начала всхлипывать. Затем она стала смеяться, чуть позже – снова плакать. Киона жива – это было главным. Все остальное не так уж важно. Выпустят ли Киону немедленно? У Эрмин не было ответа на этот вопрос, и она старалась о нем не думать.

– Дорогая, вон они едут. Я ее вижу, она нам улыбается! – воскликнул Тошан, беря свою жену за плечо.

Эрмин впилась взглядом в красивое лицо Кионы, виднеющееся за стеклом дверцы. Большой белый полицейский автомобиль «плимут» остановился возле тротуара. Из него вышли двое полицейских в форме, которые затем сказали Кионе, чтобы она следовала за ними. Киона даже в своей рабочей одежде и с растрепанными короткими волосами все равно была очень красива. В ее янтарных глазах светилась уверенность в себе. А еще Киона улыбалась. Да, она улыбалась!

«Свет мира! – подумала Эрмин, протянув вперед руки. – Наше солнце, которое светит нам и только нам!»

– Мин! – воскликнула Киона, уже прижимаясь к своей сводной сестре.

Они так и остались стоять, обнявшись и чувствуя себя безмерно счастливыми. Они так сильно обрадовались этой своей встрече, что все окружающие – и даже Тошан – перестали для них существовать, превратившись в нечеткие силуэты, скрытые густым туманом.

Роберваль, вторник, 1 августа 1950 года

Лора, чувствуя сильное волнение, еще раз осмотрела большой стол, установленный в беседке. Он представлял собой множество скрепленных друг с другом досок, положенных на козлы и накрытых белой скатертью. На том столе, который обычно использовали, когда ужинали во дворе, в этот вечер накрыли десерт – графины с компотом и напитками для детей, булочки и различные сладости.

«Превосходно, великолепно!» – сказала сама себе Лора, очарованная украшениями, подготовленными ею при помощи Эстер.

Маленькие букетики роз подчеркивали ровную линию, в которую были выстроены бутылки шампанского и фарфоровые тарелки с нарезанными колбасами и овощными салатами. Ужин пришлось делать «холодным», поскольку точное время приезда Эрмин, Тошана и Кионы известно не было. Однако они должны были приехать именно сегодня

вечером: это пообещала Эрмин, когда звонила утром по телефону. После выполнения различных формальностей и общения с полицией, которые задержали их в Торонто на целых три дня, Эрмин, Тошан и Киона отправились в путь. Их ждал Роберваль.

«Наконец-то они возвращаются! Спасибо тебе, Господи, за твою милость к нам!» – прошептала Лора.

Она нарядилась в платье из серой переливчатой тафты, надела на себя свои самые красивые украшения и соорудила на голове тюрбан из черного шелка, с которым еще лучше смотрелись ее платиновые кудри.

Лора обратила к бледному небу свое лицо с искусным макияжем и посмотрела на быстро движущиеся облака. Гроза или обычный дождик – пусть даже и летний – могли все испортить. А ведь вечеринка должна была стать памятной.

– Бабушка, – раздался очень звонкий голос, – я несу цветные бумажные фонарики.

Мари-Нутта вышла из кухни через наружную застекленную дверь. Сразу же вслед за ней появилась и Бадетта, одетая в очаровательный льняной костюм бежевого цвета. Они вдвоем приехали из Квебека, чтобы принять участие в намечающемся торжественном событии. Приехали они на поезде, выпросив на работе кратковременный отпуск, который им, однако, предоставили с определенным условием, но об этом условии сдержанная Бадетта еще не решилась заявить. Ее главный редактор очень хотел напечатать статью о том, как вернулась в отчий дом сестра Снежного соловья, и сопроводить эту статью семейными фотографиями.

Лоранс тоже выбежала во двор. Она ликовала по поводу того, что рядом с ней снова находится ее сестра-близняшка. «Сегодня вечером Киона тоже будет с нами в нашей комнате. Спать нам, похоже, не придется. Мы ведь так много должны друг другу рассказать!» – подумала она, любуясь накрытым столом, за которым не стыдно было бы даже отпраздновать свадьбу.

Жослин гулял по берегу озера в компании с Мадлен и детьми. Они прохаживались там, откуда можно было видеть сад. Жослин, еще совсем недавно целыми днями лежавший в постели и самоизолировавшийся от остальных обитателей дома, не находил себе места с того незабываемого четверга, который стал для него знаменательным днем – днем, когда Эрмин позвонила из Торонто по телефону и сообщила, что полиция нашла Киону и что ее скоро передадут родственникам. К Жослину после этого вернулся аппетит, и он снова стал дышать спокойно и наслаждаться видами сада, пляжа, неба...

– Дедушку прямо-таки не узнать, – сказала Лоранс, показывая кивком на силуэты тех, кто гулял по берегу озера. – А раньше на него просто больно было смотреть! Не так ли, бабушка?

– Господи, я уже даже думала, что он зачахнет! – призналась Лора, тяжело вздохнув. – Как я на него ни ворчала, он упорно не заботился о себе самом. Однако сегодня утром он приводил себя в порядок так, как никогда раньше: принял ванну, тщательно побрился, надел воскресный костюм и даже свой позолоченный зажим для галстука.

– Как же вам всем пришлось помучиться! – посочувствовала Бадетта. – Нет ничего хуже, чем маяться в ожидании новостей. А особенно если исчезла именно Киона! Я все время думала о вас и много молилась.

– Да уж! Мы даже ходили молиться в квебекский собор, – присоединилась к разговору Мари-Нутта. – Я там поставила три свечи.

– И Господь услышал наши молитвы, – сказала Лора серьезным тоном. – Я в последние несколько дней очень часто ходила в церковь. Я пообещала Деве Марии, что отныне стану для Кионы настоящей матерью и не буду больше ни критиковать ее, ни ссориться с ней.

Бадетта с задумчивым видом села на плетеный из ивовых прутьев стул, на который – для большего удобства – была положена розовая подушечка.

– Нам повезло и в том, что ее признали ни в чем не виновной, – сказала Бадетта.

– Так она и в самом деле ни в чем не виновна, – возразила Лоранс. – Везение тут ни при чем. С какой стати полиция ее арестовала? Делсен искупил свою вину тем, что сказал правду.

– Его тем не менее посадят в тюрьму, – покачала головой Мари-Нутта. – Жаль, что у такого красивого мальчика такая мерзкая натура и что он изувер, подонок и извращенец.

– Следи за своей речью, малышка! – с негодованием воскликнула ее бабушка. – Такие слова – и из твоих уст! Имей в виду, что мне это очень не нравится.

– Мы с Лоранс уже больше не маленькие девочки! – сердито пробурчала Мари-Нутта.

В своих белых штанах и зеленой рубашке и с каштановыми волосами, собранными в хвост на затылке, она в этот вечер явно уступала в элегантности всем остальным.

– Я тебя поняла, мисс журналистка! – усмехнулась Лора. – Ты бы лучше поднялась в свою комнату и оделась приличнее. Если ты не привезла с собой платьев, то надень какое-нибудь из платьев своей сестры.

– Я останусь в том, во что одета сейчас. Кионе наплевать на то, как я выгляжу.

Бадетта, позабавленная строптивым характером своей подопечной, слегка улыbnулась. Пожив две недели с Мари-Нуттой в одной квартире, она перестала ее осуждать, поскольку пришла к выводу, что девушка унаследовала темперамент Лоры Шарден.

К ним подошла своими неслышными шагами Мирей. Она пыталась передвигаться почти бегом, однако получалось это у нее довольно смешно, потому что она сильно наклонялась вперед.

– Мадам, мне приготовить взбитые сливки «Шантийи» для клубники?

– Нет, еще рано, Мирей! Этим займется Эстер, я тебе говорила уже несколько раз. Такая работа слишком уж утомительная, и тебе не следует ею заниматься.

– Иисусе милосердный, я прочла рецепт и считаю, что вполне могу справиться. Будет жаль, если такую дорогую клубнику мы съедим без этих знаменитых сливок.

– Да будут у нас сливки «Шантийи», не переживай! Я тебе говорю, что Эстер сделает их, как только вернется из санатория, а вернется она минут через двадцать. Я пригласила к нам Овида, и он заедет за ней по дороге.

Лоранс недовольно поморщилась. Она не ездила в Пуэнт-Блэ ни в этот день, ни накануне, потому что хотела побольше пообщаться со своей сестрой-близняшкой. В результате этого Констан присутствовал на занятиях Овида только в пятницу, и этот день оставил у Лоранс весьма неприятные воспоминания. Ее младший брат отнимал все внимание Овида, разбил стакан и даже заставил учителя выполнить два или три его каприза. Поездка в автомобиле с Овидом тоже оказалась для Лоранс уже не такой интересной: ее испортил этот шалопай в коротких штанишках.

«Овид поцеловал бы меня еще раз, если бы мы были с ним в машине только вдвоем», – утешала себя Лоранс, сосредотачиваясь на своей работе, которая состояла в том, чтобы расставить свечи в цветных бумажных фонариках.

– А что делает Шарлотта? – спросила Мари-Нутта. – Ты же ее тоже пригласила, бабушка?

– Да, моя дорогая, но она придет без своего мужа и детей. В роли ее кавалера выступит Онезим. Он оставит Иветту и своих сыновей в Валь-Жальбере. Мне хотелось бы увидеть Жозефа и Андреа, но они поехали в Дебьен, к родителям Андреа.

Произнеся эти слова, Лора вдруг замолчала и насторожилась: она услышала, что подъезжает какой-то автомобиль.

– Боже мой, это, наверное, они! – пробормотала она.

– Нет, не они, – возразила Лоранс. – Я узнала звук мотора автомобиля Овида.

– Месье Лафлера, моя дорогая! Я, несомненно, старомодна, но мне кажется очень странным то, что сорокалетнего мужчину ты называешь не по фамилии, а по имени. Бадетта, вы со мной согласны?

– Конечно, моя дорогая Лора. Девушке в возрасте шестнадцати лет следует соблюдать некоторые условности.

Лоранс, бросив на журналистку мрачный взгляд, сказала в ответ:

– Я помогаю Оvidу уже дней десять. Помогаю его ученикам заниматься. Он называет меня «Лоранс», я называю его «Овид». В этом нет ничего плохого.

Мари-Нутта подошла к своей сестре-близняшке и увлекла ее за собой к калитке сада.

– Пойдем к бабушке и Мадлен. С твоей стороны очень глупо рассказывать всем о том, что у вас с Овидом якобы близкие отношения, – прошептала она ей на ухо.

– Почему ты говоришь «якобы»? – возмутилась Лоранс. – Он поцеловал меня в губы и погладил мои волосы. Мы скоро станем женихом и невестой, а значит...

– А значит, тебе следовало бы вести себя осмотрительно. Родителям не понравилась бы даже мысль о том, что ты оказалась в объятиях этого коварного соблазнителя.

Лоранс, разозлившись, прошипела в ответ:

– Никакой он не коварный соблазнитель!

– Да нет, я наблюдала за ним вчера вечером, когда он приехал узнать, нет ли каких новостей про Киону. Он начал заигрывать с мадемуазель Эстер.

– Ты врешь! Ты приехала сюда черт знает откуда ради того, чтобы врать мне прямо в глаза? Зря стараешься.

– Лоранс, я тебя люблю, ты ведь моя сестра. Пожалуйста, спустись с небес на землю! А ну-ка, пойдем обратно. Ты сможешь увидеть месье Лафлера в действии. Они все еще в автомобиле – Эстер и он.

Девушки, к этому моменту дошедшие уже почти до берега озера, повернули назад. Сердце в груди у Лоранс бешено заколотилось. Ей ужасно захотелось плакать. Мари-Нутта заставила ее спрятаться в зарослях молодых ив. Они обе увидели, как Овид открывает дверцу своего автомобиля и любезно протягивает руку сидящей в нем Эстер, чтобы помочь ей выйти. Затем Овид и Эстер направились, держась рядом, к

калитке. Разговаривали они очень тихо, и девушки не смогли расслышать их слов. Вскоре эта парочка исчезла из их поля зрения.

– Я не увидела ничего экстраординарного, – процедила сквозь зубы Лоранс. – Овид вообще очень галантный и внимательный мужчина. Не станешь же ты его и в этом упрекать?

Ее сестра, смутившись, ничего не ответила. Со стороны бульвара Сен-Жозеф донесся громкий треск мотора, свидетельствующий, по-видимому, о том, что приближается на своем старом грузовичке Онезим Лапуант.

– А вот и Шарлотта! – воскликнула Мари-Нутта. – Я ее еще не видела. Пойдем быстрее.

Девушки устремились, посмеиваясь, на тротуар. Шарлотта, заметив их со своего сиденья в кабине грузовика, помахала им рукой через оконце с опущенным стеклом.

– Привет, мои красотки! – крикнула она им. Ее брат разразился звучным ругательством, потому что она попыталась громко посигналить. – Они едут сюда! Мы пересеклись с ними на углу улицы Сен-Альфонс. Мимин, Киона и Тошан едут сюда!

Лоре показалось, что она слышит громкие возгласы и шум еще одного мотора. Вдруг побледнев и слегка задрожав, она положила ладонь себе на грудь.

– Бадетта, мои ноги меня не держат. Вы могли бы пойти и позвать моего мужа? – попросила она. – Нужно, чтобы он пришел сюда: думаю, Киона уже вот-вот приедет.

– Уже иду, Лора!

Журналистка прикрыла свои волосы платком, чтобы их не растрепало ветром, и пошла быстрым шагом в сторону озера. На пороге кухни появилась Мирей.

– Иисусе милосердный, мадам, вы так сильно побледнели, что аж страшно!

– Я знаю, Мирей, я знаю. Я возьму себя в руки, не переживай.

Своенравная фламандка закрыла на несколько секунд глаза. Сегодня утром, когда Эрмин позвонила, чтобы поставить ее в известность о приблизительном времени своего возвращения в Роберваль, она сообщила ей, Лоре, кое-что еще. Это кое-что и вызывало у нее страх.

«Нужно предупредить всех, мама, что Киона уже не такая, какой была раньше, – сказала Эрмин. – Она изменилась. И самое главное, пусть никто даже не подает виду, что заметил это».

Едва Эрмин произнесла эти слова, как связь оборвалась. Но она, Лора, никого ни о чем не предупредила. Ей хотелось устроить замечательный

праздник в честь своей падчерицы, а не сходку встревоженных людей вокруг ангела, который возомнил себя падшим.

«Господи, я поступила неправильно! Мне нужно было послушаться Эрмин, нужно было их предупредить... По крайней мере, Жосса. Моего беднягу Жосса. Что же теперь будет?»

Киона застала ее стоящей с закрытыми глазами, заломленными руками, побледневшей. Она сразу же прикоснулась к ее плечу и прошептала:

– Все будет хорошо, дорогая Лора. Ничего не бойся. Я вернулась.

Глава 8

Праздничный вечер

Роберваль, вторник, 1 августа 1950 года, тот же вечер

Киона сказала: «Я вернулась». Лора открыла глаза и посмотрела на эту девушку. Она показалась ей еще более худенькой, чем раньше, поскольку ее шею и щеки уже не скрывали длинные волосы. Волосы у нее теперь были короткими и, поскольку они слегка вились, напоминали что-то вроде короны из темного золота – идеальное обрамление для ее необычайно красивого лица. Одетая в очень модное платье из зеленого муслина, нижний край которого доходил ей до середины икры, она выглядела прямо-таки ослепительно.

– Боже мой, Киона! Наконец-то ты опять здесь! – воскликнула Лора. – Но ты что, прочла мои мысли?

– Неужели это так удивительно? В этом же нет ничего нового. Мой дар всего лишь ослабел, но не исчез.

Лора, кивнув, раскрыла свои объятия. Ей захотелось прижать к себе это юное и гибкое тело и прикоснуться щекой к щеке девушки. Однако раздавшийся хриплый возглас заставил ее отпрянуть. Словно эхо этого возгласа, послышался негромкий лай.

– Моя малышка, моя доченька, Киона! – воскликнул Жослин, устремляясь к Кионе и едва не наступая при этом на бегущего впереди него фокстерьера.

Этот несчастный отец перепрыгнул бы через преграждающий ему дорогу забор, если бы только был физически способен это сделать, но ему пришлось пройти вдоль ограды и зайти через калитку. Он шел, чувствуя сильное волнение и пошатываясь. Киона побежала навстречу и бросилась ему на шею, даже не замечая, что фокстерьер, тоже радуясь встрече с ней, встал на задние лапы и, опираясь передними лапами на ее ноги и прыгая, царапает когтями ее икры.

– Папа, папа! Прости меня, папочка!

– Я прощаю тебя сто раз и тысячу раз, потому что ты снова здесь! – сказал Жослин, плача. – Мой ангел, мой прекрасный ангел! Фокси, да не прыгай ты так! Оставь нас в покое! Киона, малышка, ну наконец-то...

Он обнимал ее так крепко, что она едва могла дышать, и гладил ее волосы дрожащими пальцами. Киона прижималась к своему отцу и не

могла от него оторваться. Она ведь заставила его так много страдать! Именно это больше всего вызывало у нее угрызения совести, именно от этого у нее наворачивались слезы на глаза.

– Ну ладно, пойдём! – пробормотал Жослин наконец. – Смотри, все тебя ждут, все хотят тебя обнять.

Киона направилась к тем, кто ее ждал, – группе людей, тесно столпившихся в саду неподалеку от большого стола. Она увидела Бадетту, Мари-Нутту, Лоранс, всхлипывающую Мирей, держащихся за руки Лору и Шарлотту, Овида Лафлера и какую-то незнакомую ей красивую темноволосую женщину. Когда Киона ехала в Роберваль вместе с Эрмин и Тошаном, они оба – каждый по-своему – рассказали ей об Эстер Штернберг.

– Вообще-то я видела ее только накануне того дня, в который мы поехали тебя искать, – сообщила Кионе ее сводная сестра. – Я невольно почувствовала к ней симпатию, хотя меня и терзала ревность.

– Это очень хорошая, умная и культурная девушка. Ты и сама заметишь это, когда с ней познакомишься, – сказал Тошан.

– Мама предоставила ей комнату в своем доме, – добавила Эрмин. – Я узнала об этом вчера, когда звонила в Роберваль.

Киона слушала их, удивляясь тому, с какой легкостью она может проникать в мысли беседующих с ней людей. Если она и утратила свой дар биллокации и если у нее уже не было больше видений, то ее способность к телепатии возросла до пугающего уровня. Она едва ли не со страхом призналась в этом Эрмин, когда они остановились на ночь в каком-то отеле.

– Я ничего не могу с этим поделать, Мин! Лично мне совсем не хочется узнавать мысли других людей. Такое иногда случалось со мной и раньше, но лишь от случая к случаю, когда я оставалась с кем-нибудь наедине. Я пытаюсь замкнуться в себе, подумать о чем-нибудь другом, но это ни капельки не помогает. Я уже рассказывала тебе, как неожиданно для себя обнаружила, что могу мысленно общаться с лошадьми мистера Джонсона. Как только мне явился Делсен – явился, по всей видимости, потому, что уже выходил из комы, – я почувствовала, что исцелилась. Однако затем я осознала, что запросто могу читать мысли других людей – тех людей, которые находятся рядом со мной. Знаешь, когда полицейские повезли меня в Торонто, я была в курсе всего того, что приходило им в голову. Абсолютно всего. И я не хочу, чтобы такое продолжалось со мной. Как это можно выносить? У меня складывается впечатление, что это какая-то небесная кара для меня!

Эрмин попыталась ее утешить, сказав, что это явление, возможно,

временное и что оно вызвано шоком, который она, Киона, пережила.

– Меня нужно везти не в Роберваль, а в какой-нибудь монастырь, – заявила Киона.

– Об этом не может быть и речи! – резко возразила ее сводная сестра. – Мы скоро поедem в Большой рай, на берег нашей любимой реки Перибонки. Там ты придешь в себя. Мы будем жить там всей семьей.

Теперь же, когда на Киону были обращены радостные взгляды одновременно многих людей, ей показалось, что на нее нахлынули мириады путающихся друг с другом мыслей, которые вызвали у нее головокружение и от которых она едва не сошла с ума. Она схватилась за Жослина – так, как будто он мог стать для нее щитом.

– Добрый вечер. Я очень рада снова видеть вас, – негромко сказала она.

– Целоваться, целоваться! – воскликнула Мари-Нутта.

Киона стала целоваться с присутствующими и начала с самого пожилого человека среди них – Мирей. Та задрожала от волнения, а по щекам у нее потекли слезы.

– Иисусе милосердный, ну наконец-то ты опять здесь! Ты очень расстроила меня тем, что удрала и оставила меня одну! – запричитала Мирей.

– Прости меня, Мирей. Мне очень жаль, что так получилось.

Киона без труда прочла мысли этой женщины: «Надеюсь, что тот мерзкий тип ее не обрюхатил. Я бы не удивилась, если бы она родила нам через несколько месяцев ребеночка. Ох, как жаль, что у нее теперь такие короткие волосы!»

– Они еще отрастут! – прошептала Киона на ухо Мирей, коварно улыбаясь.

Как ей сказал Тошан, этот дар позабавит ее не раз и не два и даст возможность узнать, что в действительности представляет собой тот или иной человек. Тошан, кстати, почти не удивился тому, что у нее появились подобные способности: он заявил, что многие шаманы в индейских племенах могли читать чужие мысли. Кроме того, хотя Киона всей душой желала утратить эту свою странную способность – или, по крайней мере, уменьшить ее до приемлемых пределов, – ей все же нравилось использовать свой дар в благих целях. По выражению лица своего собеседника она могла понять, правильно ли она прочла его мысли или нет.

– Ну что же, посмотрим! – покачала головой Мирей.

Продолжая целоваться с родственниками, Киона собрала большой букет различных мыслей. Мари-Нутта, например, хотя и была рада встрече

с ней, Кионой, но думала больше о том, удастся ли ей запечатлеть эту вечеринку на фотопленку и будет ли работать у ее фотоаппарата вспышка. Бадетта, наблюдая за этой трогательной встречей, жалела, что не завела своих детей и всецело посвятила себя работе. Лоранс думала в основном про Овида, снова и снова вспоминая о поцелуе, которым они обменялись на региональной автотрассе, ведущей из Валь-Жальбера в Роберваль. Онезим радовался тому, что отведал колбас, лежащих на тарелках на столе, и выпьет шампанского.

Что касается Шарлотты, которая обняла Киону с какой-то странной страстью, то ее мучили мысли о беременности. «Киона скажет мне правду, – думала Шарлотта. – Мне придется ей все объяснить».

Киона высвободилась из объятий сильной похудевшей Шарлотты и с успокаивающим видом улыбнулась.

– Ну конечно, я скажу тебе правду, – еле слышно прошептала она.

Овид всего лишь протянул ей руку, и Киона почувствовала было облегчение, но тут же – к своему разочарованию – осознала, что и мысли этого учителя ей тоже доступны. Он думал об Эстер Штернберг, собираясь пригласить ее на ужин на берегу озера завтрашним вечером. «Бедная Лоранс!» – подумала Киона, подходя уже к гостье Лоры – сестре Симоны.

– Рада с вами познакомиться, мадемуазель, – сказала Эстер своим бархатистым голосом с легким парижским акцентом.

Произнеся эти слова, она, по примеру Овида, хотела пожать Кионе руку: она ведь не входила в число родственников девушки, а потому сочла, что ей не следует рассчитывать на знаменитый квебекский поцелуй.

– Мне хотелось бы вас поцеловать и обнять, – вдруг сказала Киона. – Если вы не против.

– Ну конечно же, я не против! – пробормотала, растерявшись, Эстер.

Киона прикоснулась губами сначала к правой, а затем и к левой щеке Эстер, обняла ее одновременно и бережно, и нежно. Это стало для бывшей узницы лагерей смерти своего рода вторым рождением и проявлением сострадания и любви, которое стерло следы пережитого ею кошмара. Киона, со своей стороны, почувствовав величайшее потрясение, стала молча дрожать и плакать, не выпуская из своих объятий Эстер, которая тут же пустила слезу.

Лора, начав переживать, подошла к своему мужу.

– Боже мой, что происходит? – спросила она вполголоса. – Жосс, я должна была тебя предупредить, что Эрмин сказала мне, будто бы Киона уже не такая, какой была прежде...

– Может, и не такая, но она здесь, с нами, – ответил Жослин.

У Тошана хватило присутствия духа для того, чтобы попытаться отвлечь внимание присутствующих на что-нибудь другое: он громко заявил, что уже умирает от голода и жажды.

– Давайте воздадим должное угощению и отпразднуем, как полагается, – предложил Тошан, хлопая в ладоши. – Мин, пойдём, моя дорогая. Эстер, пойдите к столу, это вас успокоит.

Психологическое напряжение, вдруг возникшее в этом сообществе, тут же спало. Эрмин пошла за своим мужем. Она последние несколько дней жила, разрываясь между надеждами и сомнениями, и ей все никак не удавалось ни расслабиться, ни спокойно заснуть. Ей хотелось только одного – поехать в свой настоящий дом, то есть в Большой рай, и пожить там подольше.

Киона выпустила из своих объятий Эстер, прошептав ей какие-то извинения, и снова подошла к Жослину, словно бы желая найти у него защиту.

– Все хорошо, моя маленькая, – нежно прошептал Жослин. – Лора, пусть открывают шампанское, и поскорее. Хочется выпить за мою дочь. За моих дочерей.

Бадетта, усевшись в беседке, наблюдала со стороны за этой сценой и старалась ничего не упустить и все запомнить. Она уже набрасывала в уме свою статью, подбирая лаконичные, но звучные фразы. Эта журналистка много лет занималась тем, что составляла информационные сообщения в разделах новостей, записывая при этом свои впечатления и мысли в обычных школьных тетрадках. В своих заметках она называла эту замечательную группу родственников «кланом Дельбо – Шарденов».

– Рассаживайтесь! – крикнула Лора.

Вечеринка началась. Онезим пристроил свое громадное тело на скамейку и, схватив Шарлотту за запястье, притянул поближе к себе.

– Садись рядом со своим старшим братом, Лолотта. Черт побери, я чувствую себя здесь неловко! Мне следовало бы надеть галстук.

– Не нужен тебе никакой галстук, дуралей, ты и так нормально выглядишь, – возразила Шарлотта.

Овид и Тошан открыли каждый по бутылке шампанского. Киона, решившись наконец отойти в сторону от своего отца, взяла на руки маленькую Катери.

– Милашка моя, О́на вернулась, О́на будет возиться с тобой, как и раньше, – прошептала она ей. – Я прочту тебе завтра сказку на ночь, чтобы тебе легче было уснуть. Сегодня вечером я пока еще занята.

Катери положила свою темноволосую голову на плечо Кионе,

посасывая при этом пальчик. Констан же тем временем бросал лукавые взгляды на Бадетту.

– Эй, маленький принц! – сказала ему журналистка. – Ты, наверное, хочешь мне что-то сказать? Может, я забыла причесаться или напудрить свой носик?

Мальчуган расхохотался: слово «пудра» ассоциировалось у него с тальком, которым Мадлен присыпала ему попку и ступни после купания.

– Знаешь, а ты похож на Маленького Принца из замечательной книги, которую написал для детей и взрослых Антуан де Сент-Экзюпери – некий месье, который летал на самолете, как летал твой папа, чтобы добраться отсюда до Франции. Думаю, ты тоже летал на самолете вместе со своими родителями и Мадлен.

– Да, и мне было совсем не страшно, – с гордостью заявил Констан.

– Лично я предпочитаю пароход...

– Мама тоже.

Киона слушала их разговор. Тут к ней подошла Мадлен и забрала у нее из рук Катери, поскольку эту малышку уже было пора укладывать спать.

– Спокойной ночи, моя красавица Катери, – сказала маленькой девочке Киона, целуя ее в лобик.

После этого она подошла к Бадетте и Констану.

– Я слышала то, что вы говорили, Бадетта, и вы правы в том, что Констан мог бы стать олицетворением Маленького Принца, однако при условии, что он станет послушным и откажется от своей любимой затеи – быстренько засунуть вам под кофту земляного червяка, которого он прячет за своей спиной.

Бадетта, испугавшись, поспешно прикрыла вырез своей кофты рукой. Разоблаченный Констан со смехом бросился наутек.

– Спасибо, Киона. Вы меня спасли. Если бы этому озорнику удалось задуманная им проделка, я стала бы громко кричать и перепугала бы всех вокруг.

– Это пустяки, – усмехнулась Киона, садясь на кованую скамью со спинкой и подлокотниками, которую недавно купила Лора. – Можно с вами поговорить, Бадетта? Это не займет много времени.

– Ну конечно, можно! – закивала журналистка, удивленная, впрочем, тем, что Киона то и дело поглядывает куда-то ей за спину – как будто ее внимание привлекла какая-то штуковина, зависшая в воздухе.

– По правде говоря, я никогда не пыталась познакомиться с вами поближе. Однако вы дружите с моими отцом и мачехой и Эрмин вот уже

много лет. Безусловно, когда вы приезжали в Валь-Жальбер, я была всего лишь девчонкой, только то и делавшей, что игравшей с Лоранс и Мари-Нуттой. Вы были там на Рождество, в которое Лора воссоздала в одном из складов целлюлозного завода библейскую сцену рождения Христа?

– Да, конечно, я была там. Какие приятные воспоминания! Вы были настоящим ангелочком – вся белая, с крылышками из настоящих перьев. Прямо-таки архангел Гавриил.

– Это имя перекликается с именем одного человека, которого вы очень любили и которого вспоминаете с нежностью до сих пор, – вашей тети Габриэль.

Бадетта вздрогнула от вдруг нахлынувших на нее эмоций и посмотрела на Киону ошеломленным взглядом.

– Как вы об этом узнали? – прошептала она.

– Точно так же, как я узнала о земляном червяке, которого Констан надеялся засунуть за вырез вашей кофты. Я немного погодя поговорю со своими родственниками и нашими друзьями и расскажу им о том, что со мной произошло. Однако мне очень хочется сначала поговорить лично с вами. Я до сего момента была не очень-то внимательна по отношению к вам – человеку, который много страдал в прошлом. Бадетта, не делайте такое изумленное лицо. Я просто читаю ваши мысли. Только что, когда вы упомянули об архангеле Гаврииле, я знала, что вы думаете о своей тете – милой и восхитительной женщине. Если бы не она, вас сейчас на этом вечере не было бы, не так ли?

Журналистка удивленно таращилась на Киону. К ее золотисто-зеленым глазам подступили слезы.

– Да, я с любовью вспоминаю о ней, – тяжело вздохнула она, чувствуя, как к горлу подступает ком. – Мне иногда даже кажется, что она по-прежнему рядом со мной.

– Отчасти это так.

– Господи, что вы хотите этим сказать?

– Бадетта, те люди, которых мы утратили, которых не можем забыть и которые нас любили, – все они находятся рядом с нами и смотрят на нас. Вашу тетю Габриэль, которую коротко называли Габи, я сейчас вижу такой, какой она была в возрасте тридцати с лишним лет. Возраст Иисуса Христа, когда он принял смерть. Она была очень красивой изящной женщиной со светлыми глазами и ангельским лицом!

В этот момент Киону вдруг стала звать Мари-Нутта, но ее заставила замолчать Эрмин.

– Оставь их в покое! Киона больше не поступает безрассудно. Если

она решила поговорить с Бадеттой, то на это, значит, имеется серьезная причина. Лучше принеси-ка им по бокалу шампанского.

– Хорошо, мама!

Бадетта взяла предложенный ей бокал, а вот Киона решительно отказалась пить шампанское.

– Я предпочла бы стакан воды, Нутта, – сказала она, улыбаясь. – Я сама себе его налью чуть позже.

Эта коротенькая передышка дала журналистке возможность прийти в себя. Как только они с Кионой снова остались вдвоем, она прошептала:

– Вы и в самом деле сейчас видите мою тетю Габю?

– Да. Она даже улыбнулась мне, когда я подошла к вам. Я этому и сама рада, потому что уже очень давно не видела никого из потустороннего мира.

– Боже мой, от ваших слов у меня голова идет кругом!

Бадетта инстинктивно обернулась и впилась взглядом в темноту сада за своей спиной, хотя прекрасно знала, что ничего там не увидит. Вздрагивая всем телом, она взяла свою сумочку и открыла ее.

– Подождите, у меня есть при себе фотография моей тети. Я вам ее покажу. Она на ней сфотографирована еще молоденькой девушкой вместе с Луизой, своей сестрой-близняшкой, а также их матерью и братом. Вот, смотрите!

Киона долго смотрела на пожелтевшую фотографию, прежде чем отдать ее обратно журналистке. Та тут же спросила:

– Так вы видели именно ее?

– Да. Она ваш ангел-хранитель с самого вашего рождения. Мне даже не пришлось закрывать глаза для того, чтобы увидеть картины вашего детства. У вас была серьезная болезнь. Я вижу, что вы лежите в больнице и ваша тетя борется за то, чтобы вас спасти. Она уносит вас к себе закутанной в одеяло, поскольку не верит врачам, которые сказали, что вы обречены. Бадетта, вам нужно как-то почтить ее память. Вы ведь хорошо владеете пером. Напишите о ней статью или роман. Вы могли бы также упомянуть о своей большой любви, которая была у вас в возрасте двадцати лет. Любви, которую вы до сих пор оплакиваете и которая помешала вам полюбить кого-то еще...

На этот раз Бадетта начала рыдать едва ли не навзрыд. Несмотря на свой пятидесятилетний возраст, она стала очень похожа на маленькую девочку, которая потерялась и, испугавшись, расплакалась.

– Вообще-то у меня было много любовных увлечений, – призналась она тихим голосом, – но я так и не смогла ни выйти замуж, ни создать

семью. Я всецело посвятила себя работе. Только что, находясь здесь, среди вас, я сожалела о том, что одинока, что у меня нет спутника жизни и детей. А у Эрмин все сложилось по-другому: она сумела совместить карьеру с личной жизнью.

– Но не без ударов судьбы, неприятностей и жертв, – сказала Киона.

– Знаете, а я вот задаюсь одним вопросом... Те дорогие нам люди, которые уже ушли из жизни и которых вы благодаря своему удивительному дару можете видеть, – они всегда рядом с нами?

– Нет, они время от времени приходят и уходят, поскольку им надлежит заботиться не только о нас, но и о других душах. Ваша тетя Габи находится посреди божественного света. Она время от времени навещает вас, когда вам грустно, или когда вы напуганы, или когда вас одолевает меланхолия – как, например, сегодня вечером. (Янтарные глаза Кионы, произносившей эти слова, поблескивали каким-то странным блеском.) Я могу привести вам яркий пример. Как вам известно, восемь с половиной лет назад ушла из жизни моя мама. Я полагала, что она отказывается являться мне, чтобы меня утешить и защитить. Иногда я приходила от этого в отчаяние. Я даже вслух упрекала ее за молчание. Будучи ребенком, я погрузилась в свой особенный мирок, масштабов которого не знала. Мертвые являлись мне и передавали какие-то сообщения, но меня это ничуть не тревожило. Мне явилось очень много усопших, а вот моя мама, Тала-волчица, – ни единого раза. И вот наконец она захотела явиться мне в моем сне. Это произошло как раз перед рождением Томаса, сына Шарлотты. Она предупредила меня об опасности, нависшей над этой молодой матерью: она могла умереть во время родов. А совсем недавно я осознала, что моя мама никогда не оставляла меня на произвол судьбы. Как раз в тот момент, когда я уже вот-вот собиралась броситься в опасную западню, передо мной появился великолепный серый волк. Моя мама спасла меня, а я спасла того парня, пусть даже и рискуя при этом его убить... Простите меня, все это, конечно же, очень сложно!

– Но при этом трогательно и удивительно! – воскликнула Бадетта так громко, что Тошан и Эрмин обернулись.

Киона звонко рассмеялась, а затем, наклонившись к Бадетте, тихонько сказала:

– Если мой отец и моя сводная сестра не станут возражать, то я, со своей стороны, тоже разрешаю вам написать задуманную вами статью и сопроводить ее фотографиями. Я имею в виду ту статью, которую вам заказали, когда давали разрешение приехать сюда, в Роберваль. Вы размышляете над этой статьей со вчерашнего вечера.

– Ну вы даете! – изумилась журналистка. – Это правда, мой главный редактор очень хочет напечатать большую статью о вас, поскольку вы сестра знаменитой Эрмин. Однако я постараюсь быть благоразумной, моя дорогая Киона. Если я разболтаю в статье о вашем удивительном даре, у вас больше не будет ни одного спокойного дня. К вам станут приезжать отовсюду – со всего Квебека, из Европы... Люди – и прежде всего те, кто оказался в беде, – легко верят во все сенсационное, а особенно паранормальное. Они тянутся к ясновидящим, и те – как настоящие ясновидящие, так и обманщики – зачастую пользуются этим в своих интересах.

– Я это знаю, Бадетта. А теперь давайте-ка лучше вернемся к столу. Вы проголодались.

– Да, верно. Это вы тоже прочли в моих мыслях?

– Нет, я просто предположила – не более того, – ответила, весело улыбнувшись, Киона.

Никто не смог бы догадаться, что она, пытаясь казаться веселой, всего лишь притворяется. Хотя она никоим образом не упрекала свою мачеху за то, что та организовала вечеринку в ее честь, но вообще-то в глубине души считала себя недостойной подобного мероприятия. «Я не заслуживаю того, чтобы меня так ценили! Не нужно было праздновать мое возвращение, – думала она, подходя к столу, уставленному яствами. – Правда, как мне рассказывала Мин, они уже даже полагали, что утратили меня навсегда, что я, возможно, погибла и что меня закопали где-нибудь в лесу, но страдали-то они по моей вине, из-за моей глупости».

Она взяла с тарелки и съела – без малейшего аппетита – редиску и кружочек огурца. Сидя между Овидом и Жослином, Эстер наблюдала за ней, все еще испытывая волнение и восхищение. «Она красива, как ангел, – подумала молодая еврейка. – Она обладает превеликим множеством достоинств, а также душой и сердцем из чистого золота».

Почувствовав волнение Эстер, Овид решил тихонечко ее расспросить.

– Вы, похоже, растерялись, когда Киона повела себя так странно, да?

– Нет, это было какое-то уникальное чувство, – прошептала Эстер, – и я даже забыла, что все взгляды обращены на меня. Эта девушка за каких-то пару минут дала мне очень и очень многое. Однако мне не хочется об этом говорить. Во всяком случае, не сегодня вечером!

– Извините меня, – сказал учитель, чувствуя разочарование из-за того, что так ничего и не узнал.

Лора, стремясь поддерживать непринужденную обстановку, прилагала всяческие усилия к тому, чтобы разговор велся на самые безобидные и

банальные темы. Отдавая должное угощению, все обсуждали июньские грозы, письма Луи, жаловавшегося на свое житье-бытье в летнем лагере, и последние шалости Констана. Онезим грубоватым голосом рассказывал о похождениях своего сына Ламбера, называя его «чертовым балбесом».

Наконец Мари-Нутта положила конец этой безобидной болтовне, посмотрев на Киону с заинтригованным видом и спросив ее:

– Мама сказала мне, что ты десять дней выдавала себя за парня. Лично я сразу же догадалась бы, что ты девушка. Те люди, наверное, либо подслеповатые, либо идиоты, да?

– Мари-Нутта, ну что за бестактность! – возмутилась Эрмин. – Я же просила тебя про это никому не говорить!

– Ничего страшного, Мин, – пожала плечами Киона. – Я и сама собиралась поговорить об этом. Да, Нутта, я носила мужскую одежду и кепку. Ее я никогда не снимала. Я старалась говорить грубоватым голосом и подражала манере поведения Мукки и Луи. Я смогла бы ввести в заблуждение и тебя, если бы ты не была со мной знакома и никогда меня раньше не видела. Меня даже на строительной площадке частенько принимали за парня. Я ведь купила себе спецовку на пару размеров больше, чем нужно, а еще мужскую рубашку. Свои волосы я скрывала под кепкой.

– Иисусе милосердный, но зачем же тогда ты их обрезала? – удивилась Мирей.

– Это чтобы саму себя наказать, чтобы чем-то пожертвовать, – призналась Киона. – Думаю, пришло время рассказать вам всем о моих невеселых приключениях. Мне не хотелось портить эту вечеринку такого рода рассказами, но, я думаю, это необходимо.

Ее лицо приняло самоуверенное выражение, благодаря которому она выглядела намного взрослее и становилась похожей на неземное существо, явившееся на землю, к людям, чтобы заставить их поверить в то, во что они упорно не верили. Со времен ее детства ее родственники были свидетелями этого явления, которое становилось теперь уже не таким очевидным, поскольку Киона уже превращалась во взрослого человека, но которое тем не менее не могло не привлекать к себе внимания.

– Мне хотелось бы многое вам рассказать, – продолжала Киона. – Начнем с самого важного. У мистера Патрика Джонсона, у которого я работала, выдавая себя за некоего Боба Тэйлора, я почувствовала, что лошади – лошади, которых я раньше никогда не видела, – мысленно общаются со мной, и я могу понимать их телепатически. Благодаря этому я также могла ослаблять их тревогу и боль или же попросту успокаивать их.

Меня это восхищало. Мистера Джонсона – тоже. Он разводит беговых лошадей, некоторые из них очень дорогие. Самая красивая из них – жеребец по имени Винтернайт. Я поняла, что у него колики, потому что он не терпит стойла. Мистер Джонсон прислушивался к моим советам и, я думаю, нанял бы меня на работу на целый год, но, когда он узнал, кто я на самом деле, – узнал накануне того дня, когда я собиралась удрать оттуда, – он пришел в ярость. Я рассказала ему о том, что со мной произошло, и вдруг обнаружила, что могу читать его мысли и мысли его дочери Эбби. Когда я приехала сюда и оказалась среди вас, я осознала, что могу читать и ваши мысли. Простите меня, я всеми силами пыталась не проникать в сознание других людей, но, как выяснилось, ничего с этим поделать не могу. Эрмин и Тошан уже знают об этом. Именно поэтому мне не хотелось сюда возвращаться. Прошу вас, старайтесь рядом со мной думать всего лишь о каких-нибудь пустяках.

Снова став девушкой-подростком всего лишь шестнадцати с половиной лет, Киона еле удерживалась от того, чтобы не начать всхлипывать.

– Мне кажется, я за что-то покарана – вот что я обо всем этом думаю! – добавила она.

– Это происходит только тогда, когда ты прикасаешься к нам, да? – спросила Лоранс. – Или когда ты просто находишься рядом с нами?

– Расстояние играет определенную роль, но не очень большую, – сообщила с обеспокоенным видом Эрмин.

– Но такое ведь попросту невозможно! – воскликнул Овид Лафлер.

– Это должно быть невозможным, – ответила Киона. – Я сама никогда не хотела обладать подобными способностями. Если я не исцелюсь, то уйду в монастырь и попрошу там, чтобы меня держали взаперти в какой-нибудь келье.

– А может, у тебя что-то не в порядке с нервами? – предположила Лора. – Это вполне может быть после всего того, что ты перенесла. Не бойся, Киона, я уверена, что это продлится недолго. Рядом с тобой находимся мы, и мы готовы тебе помогать и тебя оберегать.

– Лора, прошу, не относись ко мне как к жертве. Вы все уж слишком добры ко мне. Я этого не заслуживаю. Папа, тебе следовало бы оттолкнуть меня, когда я бросилась тебе на шею, и дать мне пощечину. Никто не стал меня ни в чем упрекать – ни ты, ни Мин, ни Тошан. А вот бабушка Одина отругала бы меня, наказала бы или же перестала бы со мной общаться. Она ведь предупреждала меня насчет Делсена, а я ее не послушала. Я предала ваше доверие ко мне, я сочла себя способной оказаться сильнее

обстоятельств, и обстоятельства обратились против меня. Демоны очень сильны.

Констан, сидя на коленях у Тошана, начал плакать, испугавшись напряженного выражения лица Кионы и слов, которые она только что произнесла. Мадлен тут же стала извиняться:

– Ой, простите, мне следовало уложить его спать одновременно с Катери. Пойдем, мой мальчик, я спою тебе колыбельную. Ты поел достаточно и наверняка уже хочешь спать.

Как только индианка увела Констана, Лоранс продолжила прерванный разговор.

– Киона, обладать способностью читать мысли других людей – это никакая не кара. Мне бы это понравилось. Я благодаря такому дару узнала бы очень много интересного.

Произнеся эти слова, она покосилась на Овида.

– Много интересного из числа того, чего тебе знать совсем не обязательно, – фыркнула Лора. – Я согласна с Кионной: это неприлично и гнусно! У каждого есть право на свой тайный сад. Бадетта, вы со мной согласны?

– Представляю себе, как это стеснительно и для того, кто читает чужие мысли, и для того, кто знает, что его мысли уже не являются больше его личной тайной.

Шарлотта, сидящая молча, поняла, почему Киона пообещала ей сказать то, что она, Шарлотта, хотела узнать. Это имело отношение к плоду, который она носила в своей утробе. «Господи, сделай так, чтобы этот ребенок был от Людвиг! Умоляю тебя! Я не смогу любить этого малыша, если он родится как результат моей ошибки – очень большой ошибки», – подумалось Шарлотте. Она впиалась взглядом в лицо Кионы, ожидая от нее немедленного ответа.

Однако Киона только что усадила себе на колени фокстерьера и стала его гладить. «Ты, Фокси, мечтаешь вернуться на берег озера, побегать по песку и гальке и поймать одного из тех маленьких грызунов, которым все время удается от тебя улизнуть. У тебя это получится!»

– Ну и о чем, черт возьми, думает твой зверек? – насмешливым голосом спросил Онезим.

– О своем секретном саде, – ответила Киона. – Но я о нем ничего говорить не стану.

– А что там происходило дальше с Делсеном? – поинтересовалась Мари-Нутта. – Ты навещала его в больнице в Торонто?

– Нет, я не хочу его больше видеть! – с горячностью ответила Киона. –

Он будет жить, но далеко от меня.

– Ну все, хватит! – неожиданно воскликнула Эрмин. – Для Кионы уж слишком болезненны воспоминания о том, что ей пришлось недавно пережить. Поэтому, чтобы удовлетворить любопытных, я сейчас сама кое-что расскажу. Киону освободили в прошлую пятницу, после того как она провела ночь в полицейском участке. Мы встретились с судьей, которому были сообщены все обстоятельства дела и который счел, что Киона находилась в ситуации необходимой обороны. Прежде чем отправиться в обратный путь, мы поехали на строительную площадку, чтобы вернуть чете Фан велосипед. Ли Мэй Фан не стала подавать заявление в полицию: она решила, что Киона одолжила велосипед. В общем, этот злополучный эпизод в жизни Кионы закончился. Делсена, как только он выздоровеет, посадят за решетку.

Прежде чем произнести эту короткую речь, Эрмин встала. В мягком свете фонарей она – светловолосая и розоволицая – выглядела великолепно, а решительное выражение лица придавало ей высокомерный вид.

Жослин, позволив себе поаплодировать, громко сказал:

– Bravo, моя дорогая, больше нет нужды вспоминать те ужасные дни... А может, ты споешь нам арию из какой-нибудь оперы?

– Но не прямо сейчас! – вмешалась в разговор Киона. – Я еще не закончила. Вы должны меня выслушать. Когда я удрала со строительной площадки, украв при этом велосипед, я была уверена, что убила Делсена. Мысль об этом доставляла мне мучения, поскольку я уехала вместе с ним только потому, что полагала, будто ему угрожает опасность. Серьезная опасность. У меня было видение, что он лежит на земле, а под его головой – лужа крови. Я отправилась вместе с ним в Онтарио только ради того, чтобы ничего подобного не произошло, чтобы спасти его. Я предполагала, что он может подраться с кем-нибудь или же что с ним может произойти несчастный случай. Однако в действительности главной угрозой для него оказалась я, потому что именно я ударила его топором. Я все никак не могла свыкнуться с этой мыслью. Я чувствовала себя погубленной и – самое главное – недостойной того, чтобы снова появиться перед вами, обнять Катери и Константа, опять стать частью вашей жизни. Я, когда уезжала с Делсеном, взяла с собой все свои сбережения, а потому решила, что отправлюсь на поезде куда-нибудь далеко, на Аляску, и устроюсь там где-нибудь на работу. Однако усталость сыграла со мной забавную шутку: я, сама того не желая, проспала целые сутки в хижине, стоящей на участке, принадлежащем мистеру Джонсону. Там я, убедив всех и саму себя в том, что теперь я Боб, а не Киона, смогла восстановить свои силы. Знаешь,

Мари-Нутта, мне так хотелось быть парнем, что я, наверное, сумела изображать парня очень убедительно. Эбби ни в чем ни разу не усомнилась.

Последовало долгое молчание, когда все думали о том, что так терзало Киону, а именно – о ее отношениях с Делсеном, ее страхе, ее боли и реальных причинах того, почему она ударила Делсена топором.

– Ну хорошо, дебаты закончены! Жосс, еще шампанского! – потребовала Лора.

– У вас завтра утром наверняка будет болеть голова, мадам Шарден, – пробормотал Онезим, который и сам уже опорожнил немало бокалов с шампанским.

– У тебя тоже, приятель, – усмехнулся Жослин. – Даже и не думай сегодня садиться за руль своего драндулета! Ночевать тебе придется здесь.

– Нет, я должна буду вернуться сегодня домой, я это обещала Людвигу! – запротестовала Шарлотта.

– Знаешь, твой немчик сможет подтереть задницы вашим шалопахам не хуже тебя! – замотал головой ее брат.

Эстер громко расхохоталась. Она уже привыкла к местной манере выражаться, и та уже не вызывала у женщины никаких эмоций, но вот высказывания Онезима легко могли поколебать ее невозмутимость.

– Простите меня! – сказала она, смутившись. – Может быть, все дело в шампанском, но я так не смеялась вот уже несколько лет.

Овиду она показалась еще более красивой с ее белоснежными, как фарфор, зубами и маленькой морщинкой у краешка тщательно окрашенных губ.

«Господи, сделай ее счастливой! – подумала, глядя на Эстер, Киона. – И как только одни люди могут совершать зверства по отношению к другим людям? Кто из присутствующих может в полной мере представить себе все то, что перенесла Эстер? Она не хочет об этом рассказывать, и я ее понимаю. Мне вот захотелось рассказать о своих злоключениях, но какой в этом был смысл? Это ведь самая обычная житейская драма. Одна из тех драм, которые неоднократно случались на протяжении многих веков: пьяный парень пытается изнасиловать девушку, которая, как он считает, принадлежит ему... Впрочем, нет, наши предки не пили спиртного. Это бледнолицые, прибыв сюда, на эту землю, приучили их употреблять алкоголь. А моя мама полагает, что я спасла Делсена!»

– Тала сказала мне, что Делсен спасен! – громко заявила Киона. – Наша мама, Тошан, подарила мне мужество, необходимое для того, чтобы дать отпор Делсену.

Все присутствующие знали, кто такая Тала, – даже Эстер, которой Лора рассказала про детство Кионы.

На Тошана нахлынула огромная волна эмоций. Он резко поднялся из-за стола и направился широкими шагами в глубину сада – туда, куда не доставал свет от фонариков. Ему вспомнилось то время, когда Тала ждала ребенка от Жослина и когда он, Тошан, невольно проникся неприязнью к ней. Она скрывала свою беременность, но Тошан обо всем догадался.

«Как же я ее презирал, эту необыкновенную женщину – женщину, которая родила меня на белый свет! – подумал Тошан. – Я пересек озеро Сен-Жан на санях. Была жуткая снежная буря, и от сильного ветра у нас едва не застыла кровь в жилах. Тала ни разу не пожаловалась, а ведь она была беременна Кионой – ребенком, о котором я и слышать ничего не хотел. Киона, живое чудо!»

Он закурил американскую сигарету и стал ходить из стороны в сторону, задаваясь вопросом, почему некоторые люди – как, например, его сводная сестра – обладают способностью видеть тени усопших, открывать двери в прошлое и приподнимать завесу над будущим. «По сравнению с ней мы все слепые и глухие, – мысленно сказал сам себе Тошан. – Но стоит ли ей завидовать? Она с детства проходит то через одно, то через другое жизненное испытание. Ей приходится испытывать все муки и ужасы, какие только бывают во вселенной».

Тошан вздрогнул: кто-то положил ему руку на плечо. Это была Киона.

– Возвращайся. Мин без тебя тоскливо. Мне жаль, Тошан, что так получилось. Вы были рады тому, что нашли меня и привезли домой, а я все испортила своим сумасшествием.

– Никакая ты не сумасшедшая! – возразил Тошан. – Ты не сумасшедшая и не больная, а просто другая. Не такая, как мы. И это очень хорошо.

– Ну ладно, пусть так... Пойдем, Эрмин сейчас будет петь.

– Еще кое-что, Киона. Ты очень красива в этом платье, которое мы купили тебе в Торонто.

– Мерси, Тошан.

Они, взявшись за руки, направились в сторону беседки, освещенной фонариками. Эрмин смотрела на них, чувствуя, что очень любит обоих этих отпрысков Талы-волчицы.

– Быстренько присаживайтесь! – сказала Лора. – К черту все разговоры и пересуды! Наш соловей сейчас осчастливит нас своим пением.

Эстер с нетерпением ждала того момента, когда золотой голос певицы сопрано зазвучит в ночной темноте. Вопреки настоящим советам

хозяев дома, в котором она расположилась, она отказывалась слушать пластинки, записанные в течение последних трех лет. «Возможно, ваша дочь когда-нибудь споет для нас, – говорила Эстер. – Мои впечатления тогда будут еще сильнее».

– Мама, в первую очередь – песню про радугу, – попросила Лоранс, которую тут же поддержала Мари-Нутта.

– «Где-то над радугой» из фильма «Волшебник страны Оз»! – уточнила с улыбкой Бадетта. – Я видела этот фильм аж два раза. В нем снялась очаровательная Джуди Гарленд.

– Да, мама, ты пела нам эту песню, когда мы были маленькими, – добавила Мари-Нутта.

Эрмин согласилась, хотя ей и хотелось начать с «Арии колокольчиков» из оперы «Лакме», чтобы тем самым почтить память Талы. Она вложила огромную нежность в свою интерпретацию песни «Где-то над радугой», предлагая публике целую палитру очень высоких нот, которые, однако, звучали очень мелодично. Ее голос был нежным, переливчатым, чистым и пленительным.

Когда она замолчала, Шарлотта достала носовой платок и вытерла глаза.

– Боже мой, какая она красивая, эта песня! – пробормотала она.

– Не плачь, Лолотта, иначе я больше не буду петь, – пригрозила Эрмин с улыбкой, показывающей, что эта угроза лишь шутка. – Эту песню выбрали мои дочери. Я предлагаю и вам сделать то же самое и сказать мне, что вы хотели бы услышать. Папа?

– Спой то, что сама хочешь спеть. Мне все доставит удовольствие.

– Мама?

– Нет, сначала спроси у наших гостей.

– Эстер, у вас есть какие-либо предпочтения?

– «Набукко» Верди. Вы ведь знаете «Хор рабов»? – робко поинтересовалась Эстер.

– Да, конечно.

Выбор ее не удивил. Эрмин подумала даже, что такой выбор придет сам собой, если пережить смертоносное безумие нацистов. Начав исполнять это произведение, она вложила все свое сердце в его исполнение, поскольку оно неизменно производило на нее сильное впечатление каждый раз, когда она слушала его или исполняла сама.

Овид не смог удержаться от того, чтобы не зааплодировать. Его примеру последовал Онезим, а затем стали хлопать и Жослин с Шарлоттой. Эстер же воззрилась на Эрмин восторженным взглядом.

– Спасибо, мадам! – воскликнула она. – Я благодарю вас от всей души. Это было и в самом деле великолепно, тем более что вы пели без музыки – *а капелла!*

– Я привыкла петь на репетициях именно так. Отсутствие музыки меня отнюдь не смущает. Кстати, зовите меня просто по имени – Эрмин. Так будет проще.

– Хорошо, – пробормотала Эстер, растрогавшись из-за такой любезности певицы.

– А может, споешь нам «Три колокола» из репертуара Эдит Пиаф? – предложил Жослин.

– Боюсь, что я забыла слова, папа. Я не пела это произведение уже давным-давно. Но я попытаюсь после того, как выпью большой стакан воды.

Тошан поспешно налил ей воды. Однако тут все услышали, что поблизости затормозил автомобиль. Мотор заглох, и затем хлопнула дверца.

– Похоже, кто-то приехал, – насторожилась Лора.

Киона резко поднялась и с радостной улыбкой побежала к калитке, крикнув:

– Это Мукки!

– Мукки! – повторила Эрмин, устремляясь вслед за Кионой.

Несколькими минутами позже в слабом свете фонариков появился молодой человек, рядом с которым шли его мать и его юная тетя. Его встретили восторженными криками, а сестры бросились ему на шею.

– Боже мой, какой приятный сюрприз! – воскликнула Лора.

Мукки представлял собой очень красивого юношу, которому в сентябре исполнялось восемнадцать лет. Он был чуть выше Тошана и унаследовал от своего отца густые черные волосы, смуглую кожу и темные глаза. Однако его стройная фигура, массивные плечи и квадратная челюсть свидетельствовали о том, что в его жилах течет и ирландская кровь. После обычных для такого случая рукопожатий и объятий Мукки усадили за стол.

– Я не мог не прийти на вечеринку, посвященную возвращению Кионы, – заявил он, смеясь. – Благодаря бабушке я был в курсе событий, даже находясь в Ла-Бе. Завтра у меня выходной, и тут еще совершенно случайно получилось так, что один из моих приятелей смог одолжить мне свою машину – «бьюик». Думаю, что куплю у него этот автомобиль в конце лета.

– Купишь автомобиль?! Ничего себе! И что ты будешь с ним делать, мальчик мой? – удивился Жослин.

– Ну как это что? В нем мне будет намного удобнее ездить, чем на поезде, дедушка!

Мукки расплылся в широкой улыбке. Ему дал такое имя Тошан. На языке местных индейцев это слово означало «ребенок». Мукки обвел взглядом всех собравшихся в беседке.

– Наша Лолотта вернулась на родину! – воскликнул он. – Мне очень хотелось тебя увидеть. Как здорово, что мама и бабушка часто писали и звонили мне!

– Иисусе милосердный, ты правильно поступил, что приехал! – воскликнула Мирей, сидящая рядом с Мукки. – Да ты поешь, поешь. Тут полно еды, и все хоть чего-нибудь да отведали.

– Я собираюсь наброситься на все эти яства, но нужно будет попробовать и сыры, которые я привез.

– О-о, квебекские сыры! – оживилась Эстер. – Я с момента своего приезда сюда еще ни разу не попробовала ни одного. Я смогу сравнить их с французскими сырами, которые считаются очень вкусными.

– Готов поспорить, что вы отдадите предпочтение моим сырам, мадемуазель, – улыбнулся Мукки. – Если хотите поближе познакомиться с нашим регионом, вам следует посетить сыроварню моих хозяев. Это симпатичное местечко.

– Да, Эстер, это неплохая идея, – поддержал внука Жослин. – Мы с Лорой могли бы вас туда свозить.

Киона тем временем разглядывала Мукки. Она почувствовала какое-то странное облегчение из-за того, что он находится сейчас здесь, в кругу ее ближайших родственников. Мукки всегда был ее товарищем по играм и настоящим задушевым другом. Ее очень растрогало то, что он приехал сюда ради нее одной. Это подтверждали его мысли, которые она сейчас читала.

Все так увлеклись разговором, что забыли о том, что Эрмин вроде бы должна для них петь, и это ее даже порадовало. Она любовалась своим старшим сыном, наслаждалась его присутствием здесь, его хриловатым голосом и его улыбками. «Все мои дети здесь, рядом со мной», – подумала она, чувствуя, что на душе у нее становится значительно легче. В число своих детей она инстинктивно включала и Киону. «Я видела ее еще младенцем, когда она висела на спине Талы, примотанная куском разноцветной материи. Ей было пять-шесть месяцев, но уже тогда она улыбалась удивительной улыбкой, которая меня очаровывала и успокаивала».

Ее вывел из задумчивости хриплый голос Онезима Лапуанта: гигант

потребовал, чтобы включили музыку.

– Нам всем нужно потанцевать, черт возьми, чтобы лучше переварились пироги!

– Ну да! – живо поддержала его Лоранс, тут же представившая себе, как будет танцевать с Овидом. – Мама, можно было бы включить проигрыватель на кухне и поставить громкоговоритель на пороге!

– Почему бы и нет? – согласилась с ней Лора. – Но если уж и танцевать под какую-то музыку, то под венские вальсы.

– Мы сейчас все устроим, – сказала Мари-Нутта. – Пойдем, Лоранс.

Бадетта, украдкой разглядывая то одного, то другого из присутствующих, слегка улыбнулась. Она никогда не танцевала с тех самых пор, как умер горячо любимый ею мужчина. Ее охватил озноб, поскольку вообще-то было уже довольно прохладно, но тут она, к своему удивлению, почувствовала, что кто-то укрыл ее плечи шалью.

– Вам немного холодно, да? – прошептала ей на ухо Киона. – Мин это заметила и решила одолжить вам свою шаль.

– Большое спасибо! Вы обе – ну просто настоящие ангелы!

– Мин, возможно, и ангел, а вот я – нет, – пробормотала Киона.

– Скажите, вы еще видите мою тетю Габи? – тихонько поинтересовалась Бадетта.

– Нет. Мне жаль, но я ее не вижу.

Произнеся эти слова, Киона пошла помогать Тошану и Мадлен, которые стали заменять уже почти сгоревшие свечи в фонариках новыми. Четвертью часа позже на газон сада начали выходить первые танцевальные пары. Мукки поспешил пригласить Киону. Он испытывал настоящую потребность прикоснуться к ней, чтобы удостовериться, что она действительно находится здесь, в кругу своих родственников, живая и здоровая.

– Если бы ты знала, как я за тебя переживал! – признался он, вальсируя с ней под красивую музыку Йоганна Штрауса. – Я тоже хотел отправиться тебя искать, но мама запретила мне оставлять работу.

– Я доставила серьезные неприятности тем, кого люблю, и сама на себя из-за этого очень сильно злюсь, Мукки!

– Скажи мне, этот Делсен не слишком сильно тебя обидел? Если слишком, то я его когда-нибудь найду и ему придется за это дорого заплатить!

– Он и так уже достаточно дорого заплатил. Я ведь его едва не убила.

– Киона, как ты – при твоём уме и твоём природном даре – могла бездумно броситься в пасть к этому волку?

Киона посмотрела на Мукки грустным взглядом и твердо сказала в ответ:

– Делсен никакой не волк. Это животное – тотем моей матери и твоей бабушки, Талы-волчицы. Я, должно быть, натолкнулась на демона, притаившегося в теле бедного индейского юноши, которому примерно столько же лет, сколько и тебе, и который представляет собой алкоголика и несчастного человека. Я долго думала, Мукки, прежде чем согласилась уехать с ним. Я объясню тебе, как это получилось, но только не сегодня вечером.

– Хорошо, – тихо сказал Мукки. – Но то, что ты сделала со своими волосами, – это какое-то зверство! Я, когда сюда приехал и увидел тебя, ничего по этому поводу не сказал, но вообще-то мне это очень не нравится.

– Знаешь, Мин водила меня в парикмахерскую в Торонто. До этого было еще хуже, потому что я отрезала себе волосы вслепую своим ножом. У меня они тогда вообще торчали ключьями во все стороны.

Они оба тихонько рассмеялись. Неподалеку от них Овид кружился с Эстер под огорченным взглядом Лоранс. Лора грациозно вальсировала с Онезимом, который, несмотря на свою неуклюжесть и массивность, оказался очень ловким партнером. Жослин пригласил Шарлотту, и со стороны теперь казалось, что та – миниатюрная и изящная – не танцует, а летает, потому что ее туфли на высоких каблуках едва касались земли.

– Вам тоже следовало бы потанцевать, моя дорогая мадам, – посоветовала Мирей Бадетте, когда зазвучали звуки уже второго вальса. – Если бы у меня сейчас были такие ноги, как в молодости, то меня уговаривать бы не пришлось. Вы только посмотрите: нашей Мимин удалось заставить танцевать своего мужа!

– Они великолепная пара! – восторженно заявила журналистка. – Повелитель лесов и его Снежный соловей! Скажу вам по секрету, Мирей, я уже начала писать о них большую статью.

– Иисусе милосердный, мне хотелось бы ее прочесть, когда вы ее напишете.

– Договорились, я дам вам ее почитать.

Их разговор был прерван Жослином. Шарлотта танцевала теперь уже с Мукки, и хозяин дома подошел пригласить на танец свою давнишнюю подругу. Бадетта, посомневавшись, согласилась. Тошан стал вальсировать с Мари-Нуттой, а Эрмин закружилась в танце с Овидом. Им в последние дни почти не предоставлялось возможности поговорить, и Эрмин воспользовалась этим танцем, чтобы поболтать с учителем.

– Может, я ошибаюсь, но у меня складывается такое впечатление, что

вы заинтересовались Эстер. Она, я должна признать, очень красива.

– Я должен воспринимать ваши слова как упрек, как проявление ревности? – пошутил Овид.

– Вовсе нет! Просто как констатацию факта.

– Я готов признаться только в одном: она вполне может потеснить вас в моем сердце.

– Значит, я была права.

– А я, скажем так, был неправ в том, что так долго оставался холостяком. В этом, в общем-то, нет ничего хорошего. Однако виноваты в этом вы, Эрмин, – прошептал он ей на ухо.

– Овид, поскорее решайтесь создать для себя семейный очаг, ибо вы этого заслуживаете. Я имею в виду не одну лишь Эстер, а вообще любую женщину, которая будет любить вас всей душой. Я была кое в чем неправа относительно вас, я это признаю. Но теперь мы хорошие друзья, и вам следует найти для себя родственную душу – супругу, которая сделает вас счастливой.

– Поживем – увидим, – пробормотал Овид.

Вальс закончился, и они разошлись в стороны. Несколько секунд спустя зазвучали звуки вальса «На прекрасном голубом Дунае». Лафлеру хотелось пригласить на танец Эстер, но тут он натолкнулся на Лоранс, которая едва ли не бросилась ему на шею. Эта девушка выпила два бокала шампанского и теперь была готова на любые смелые поступки.

– Вы позабыли обо мне, месье Лафлер, – усмехнулась она. – Один поцелуй – и ничего больше.

– Тише, не говорите так громко! – пробормотал учитель. – Вы думаете, ваши родители стерпят, если узнают о том, что произошло между нами?

– А-а, значит, между нами все-таки что-то произошло!

Овид попытался переместиться с Лоранс в сторону и танцевать чуть поодаль от всех остальных.

– Прошу вас, Лоранс, ведите себя сдержаннее, а иначе я оставлю вас и уйду. Тот поцелуй был ошибкой. Я прошу у вас прощения, я потерял голову. Вы, мне кажется, тоже.

– Вовсе нет. Я ждала этого поцелуя. Я люблю вас всей своей душой, Овид. Я готова отдаться вам тогда, когда вы этого захотите – хоть завтра, хоть сегодня ночью, – прошептала Лоранс.

На этот раз Овид, сильно разволновавшись, стал увещевать девушку суровым тоном:

– Вы пьяны и потому говорите глупости, бедный ребенок! Мужчины, которые относятся к вашей молодости не так уважительно, как я, могли бы

этим воспользоваться. Прошу вас, Лоранс, будьте благоразумны. Имейте в виду, что, хотя я вами восхищаюсь и высоко вас ценю, я не собираюсь делать вас своей любовницей.

– Ну тогда женитесь на мне, – чуть слышно сказала Лоранс.

– Дорогая малышка, не говорите глупостей, тем более что на нас сейчас смотрит ваш отец.

– Вы ведь приедете за мной завтра утром, не так ли? Вот мы и поговорим по дороге в Пуэнт-Блё. Пообещайте мне это, Овид.

– Я вообще-то полагал, что завтра вы останетесь здесь со своей сестрой и Кионой. Так будет правильнее. Никто не поймет, с какой стати вы вдруг куда-то едете в такой момент. Лоранс, здравый смысл подсказывает, что вам лучше прекратить приезжать и помогать мне.

Лоранс, не желающая прислушиваться к этим доводам и намеренная и дальше жить в мире своих грез, увидела в увещевании Овида его желание сохранить свои отношения с ней. Она ответила ему тихо:

– Значит, в четверг. Я приеду в четверг. Бадетта и Нутта сядут на поезд рано утром. Вы правы: нам следует быть осторожными.

– Ну хорошо, в четверг, – вздохнул Овид, решив, что в долгом и обстоятельном разговоре еще сумеет переубедить эту девушку.

Лоранс, успокоившись, полуприкрыла глаза и переключила свое внимание на музыку и на ощущения, которые вызывали у нее пальцы Овида, прикасающиеся к ее ладони и к ее талии. Ее кожа в местах этого прикосновения, как ей казалось, буквально горела (она даже была готова в этом поклясться), и от них расходилось приятное тепло.

Киона больше не танцевала. Усевшись в кресло из ивовых прутьев, она гладила запрыгнувшего ей на колени фокстерьера. Лапы у песика были грязными, и он испачкал ими ее платье из зеленого муслина, однако она не обратила на это ни малейшего внимания, поскольку намеревалась вскоре переодеться в свою любимую одежду – штаны и рубашку. К ней подошел, завершив танец, Тошан. Он слегка наклонился и прикоснулся к ее плечу.

– Как ты себя чувствуешь, сестренка? Тебя все еще донимают наши мысли?

– Это настоящая какофония идей, сожалений, надежд... – призналась Киона. – Однако Фокси – это очень хорошее средство от моей проблемы.

– Вот этот песик?

– Да. Я пытаюсь сконцентрироваться исключительно на его мыслях. В них тоже есть своя пикантность. Он думает о разрытой земле, об изгрызенных деревяшках, о противных грызунах, которым удастся от него удрать... А еще он думает о том, что ему дадут остатки еды.

– Ты шутишь, Киона?

– Да нет, я говорю серьезно. Если бы я могла, я держала бы Фокси на руках целыми днями. Тошан, когда мы отправимся на берег Перибонки? Бабушка Одина, возможно, сумеет меня исцелить! Там ведь есть твои ездовые собаки. Я буду прогуливаться с ними большую часть дня, и тогда у меня уже не будет возможности читать ваши мысли.

– Я могу дать тебе один совет. Ты говорила о каре, но лично я сильно сомневаюсь, что тебя кто-то покарал. Мне кажется, что ты скорее покарала себя сама. Когда мы возвращались сюда, я слышал, как вы спорили – ты и Мин. Ты повторила несколько раз, что бросила нас, предала. То явление, от которого ты страдаешь, может быть вызвано твоими угрызениями совести. Ты читаешь наши мысли, как будто тебе хочется узнать, какие чувства мы испытали на самом деле за время твоего отсутствия и действительно ли мы были несчастны.

Киона уставилась на Тошана ошеломленным взглядом. Тошан, почувствовав сострадание к ней, погладил ее по щеке.

– Хотелось бы мне, чтобы твои слова были правдой! – сказала Киона.

– Разберись в себе самой, сестренка. Меня ведь, между прочим, тоже родила на свет Тала-волчица. Так что моя интуиция может оказаться правильной.

Тошан, улыбнувшись, выпрямился. К нему подошла Мари-Нутта.

– Папа, мне хотелось бы потанцевать буги-вуги или чарльстон, но никто на это не соглашается. А у бабушки вообще-то есть такая пластинка. Танцевать вальс – это ведь не очень интересно.

Отец тут же поддержал свою дочь, но это не помогло: все остальные и слышать не хотели о том, чтобы танцевать под подобную музыку. Лора и Жослин объявили, что они устали и уже идут ложиться спать. Их примеру последовала Мадлен. Онезим, слегка протрезвев после танцев, решил, что ему пора ехать домой. За ним увязалась Шарлотта.

– Надеюсь, черт побери, что мой драндулет сможет завестись и поехать прямо, и я доведу Лолотту до отчего дома. Всем пока!

– Пока, мой малыш! – ответила ему первой Мирей.

Шарлотта подошла к Кионе и, обняв ее, прошептала озабоченным тоном:

– Приезжай поскорее в Валь-Жальбер. Ты мне нужна.

– Хорошо, приеду.

Эстер и Бадетта разошлись по своим комнатам, а вслед за ними ушли Эрмин и Тошан. Овид Лафлер тоже решил поехать домой, в Сен-Фелисьен. Его терзали угрызения совести и сомнения. Он пожал руку Кионе и

зашагал к своему автомобилю, чувствуя на себе взгляд ее янтарных глаз – взгляд, который был полон упрека и в котором не ощущалось ни капельки жалости.

Мирей осталась, как она сама выразилась, «наедине с молодостью».

– А ну-ка все по кроватям, детишки! – шутливым тоном сказала она, глядя на Киону, Мукки и сестер-близняшек, сидящих за столом под фонариками.

– Ты сама ложись-ка поскорей спать, – ответила ей Мари-Нутта. – Я помогу тебе подняться по лестнице, и затем мы тут всё уберем. Завтра утром тебе делать будет нечего.

– Я и сама могу подняться по лестнице, милашка, а завтра утром домработница придет в семь часов. Мадам ее об этом попросила! Однако, если вам хочется спокойно поболтать друг с другом, поступайте, как сами считаете нужным. А теперь подойдите и поцелуйте меня все...

Молодые люди радостно повиновались. Когда они остались одни, Мукки сказал девушкам:

– Я доволен: Мирей чувствует себя намного лучше. Когда я видел ее в прошлый раз в конце июня, у нее сильно болели ноги и спина.

– Врач прописал ей таблетки, которые ослабляют боль, – угрюмо сказала Лоранс.

– А может, пойдём на берег озера после того, как тут уберем? – предложила Мари-Нутта. – Разведем небольшой костер и станем вчетвером ждать рассвета. У нас, кстати, еще осталось шампанское.

– Костер – это здорово, но давайте без шампанского! – сказала Киона. – Кстати, тебе, Лоранс, не следовало пить так много.

– Я делаю то, что хочу! И уж кому-кому, но не тебе поучать меня, как нужно себя вести.

– Почему это? Ошибки, совершенные людьми, учат их уму-разуму!

– Господи, куда подевалась моя ласковая сестренка? – покачал головой Мукки. – Что с тобой случилось, Лоранс?

– Она влюблена! – заявила, усмехнувшись, Мари-Нутта. – У нее на все одна причина!

Лоранс сердито поднялась и пошла в направлении озера. За ней побежал фокстерьер.

– Иди успокой ее, Нутта! – потребовала Киона. – А мы с Мукки тут все приберем.

– Тогда шевелитесь побыстрее и затем принесите на берег все то, что нужно для костра.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь периодическим монотонным

уханьем совы, сидящей на вершине ели. Мукки, слегка встревожившись, стал расспрашивать свою юную тетю:

– Как, по-твоему, Лоранс и в самом деле любит Лафлера? Мне помнится, вы посмеивались над ней во время каникул, но она тогда в ответ тоже смеялась. Потому я не воспринял это серьезно.

– Я ничего не знаю. В течение нескольких лет – еще с тех пор, когда была совсем еще девчонкой, – я была уверена в том, что люблю Делсена. Я представляла себе, что выйду за него замуж, рожу от него детей и буду жить счастливо. Я наделена экстраординарными способностями, но они, эти способности, привели меня к катастрофе. Так что получается, я ошибалась, Мукки. Поэтому – ну что определенного я могу сказать тебе по поводу Лоранс?..

– Однако папа сегодня сказал мне, что ты вот уже несколько дней можешь читать чужие мысли.

– Да, это правда. Однако это не дает мне в данном случае никакого определенного ответа, потому что Лоранс думает только про Овида. А ты, кстати, уже забыл Акали? Ты прошлым летом вообще-то был в нее влюблен.

– Я не настолько силен, чтобы соперничать с Богом, – сказал Мукки с обреченным видом. – Вообще-то это все было ребячеством. Она казалась мне красивой, и я вбил себе в голову, что она мне очень нравится. Однако в Ла-Бе я встретил очаровательную девушку, которая мне действительно понравилась. Ее зовут Эмилия. Светлые волосы, курносый носик...

Они стали тихонько что-то обсуждать друг с другом с заговорщическим видом, курсируя между кухней и беседкой. Наконец, закончив свою работу, они смогли пойти к сестрам-близняшкам на берег озера. Ночь была спокойной и ясной. Над поверхностью озера дул легкий ветер, поднимавший небольшие волны, поблескивающие при свете луны.

Близняшки сидели на берегу. Мари-Нутта обнимала свою сестру. Киона, быстро собрав сухих веточек и еловой хвои, развела небольшой костер. Вскоре уже заплясали золотистые языки пламени, свет которых отражался на лицах молодых людей.

– Нам недостает Луи, – посетовал Мукки. – О нем есть какие-нибудь новости?

– Бабушка получила от него на прошлой неделе открытку, – ответила Лоранс. – Месье Луи скучает в летнем лагере и хочет вернуться домой. Дедушка позвонил туда и посоветовал воспитателям присматривать за ним получше.

– Но он тем не менее вернется раньше, чем предполагалось, –

сообщила, ни на секунду не задумавшись, Киона.

– У тебя опять видение, да? – предположил Мукки, прикуривая сигарету – на это он не отваживался в присутствии своих родителей.

– Нет, видения у меня не было. Я просто это предчувствую. Я полностью изменилась с тех пор, как едва не погиб Делсен. Я могу читать ваши мысли, однако уже не могу ни с кем вступать в контакт на расстоянии. У меня больше нет дара биллокации, нет видений, нет ничего! – посетовала Киона.

– Киона постепенно становится обычной девушкой – обычной до банальности, – усмехнулась Мари-Нутта. – В таком случае, ты не знаешь ничего о том, о чем мне поведала Лоранс?

– Может, и не знаю...

– Ну так вот, я теперь в курсе кое-каких событий из ее жизни, и я убедилась, что вы можете о них рассказать. Представьте себе, месье Лафлер, которому целых сорок лет, осмелился ее поцеловать, причем в губы! А еще он погладил ей волосы и шею.

– Что-что? – возмущенно переспросил Мукки. – Какая наглость!

– Но я сама этого хотела! – воскликнула Лоранс, едва сдерживая слезы. – Кроме того, он потом попросил у меня прощения.

– Он тебя попросту использовал, – резко заявил ее брат. – Лоранс, ты слишком молода для того, чтобы встречаться с этим мужчиной. Я скажу папе, чтобы он запретил тебе видеться с Лафлером.

– Прошу тебя, Мукки, не делай этого. Я уверена, что Овид меня любит. Он, конечно же, говорил мне о нашей разнице в возрасте, но это все глупости. Я подсчитала: дедушка старше бабушки на тринадцать лет, но они тем не менее были очень счастливы друг с другом. Они счастливы друг с другом и теперь.

Киона молчала. Она могла бы очень многое рассказать по поводу счастья Лоры и Жослина, а также о том, кто настоящий отец Луи Шардена, которым, насколько она знала, был пианист Ханс Цале, погибший в Европе во время недавней войны. Она также могла бы многое рассказать про Овида Лафлера, к которому она не испытывала большой симпатии, потому что он в свое время мог расколоть такую замечательную пару, какой являлись Эрмин и Тошан. Да, Кионе следовало молчать, следовало хранить тайну о тех катаклизмах, которые случались в отношениях даже самых устойчивых семейных пар. Мукки, Лоранс и Мари-Нутта не знали, что у их отца была любовница по имени Симона, и они даже не заподозрили бы, что их мать когда-то загорелась желанием отдаться Оvidу.

– Лоранс, Мукки прав, – сказала Мари-Нутта. – Тебе следует

держаться подальше от этого твоего драгоценного учителя, который, кстати, сегодня вечером строил глазки Эстер. Если она решит его соблазнить, то ты с ней тягаться не сможешь. Она женщина очень очаровательная.

– Ну и что? – пожала плечами Лоранс. – Овид несколько раз говорил мне, что я очень красивая. Вы ничего не понимаете. Вообще ничего. Я предупреждаю вас всех троих: если вы завтра расскажете о том поцелуе папе или маме, я вас возненавижу. Пообещайте мне, что никогда об этом не расскажете!

Лоранс начала всхлипывать, приходя в отчаяние от одной только мысли о том, что прекратятся ее поездки в Пуэнт-Блэ и что она выдала человека, которого очень любит.

– Я обещаю! – заявила Киона.

– Я тоже, хотя мне это и нелегко, – сказала Мари-Нутта. – Ты тоже пообещай, Мукки.

Мукки засомневался, но в конце концов уступил и тоже пообещал ничего не рассказывать, подумав при этом, что его родители скоро уедут вместе с близняшками на берег Перибонки и что благодаря этому Лоранс окажется достаточно далеко от этого Лафлера. Лоранс, успокоившись, переключилась в разговоре еще на одну тему, которая ее интересовала.

– Киона, я призналась насчет того поцелуя. А может, ты теперь расскажешь нам о том, что у тебя произошло с Делсенем? Ты ведь так сильно его любила! Ты спала рядом с ним несколько ночей...

– Ничего такого, о чем ты сейчас думаешь, не произошло! – ответила Киона с меланхолической улыбкой. – Ты не одна такая любопытная, Лоранс, – сегодня вечером буквально все задавались этим вопросом. Мы с Делсенем целовались и обнимались в реке Уиатшуан, а также в поезде, когда ехали в Торонто. Делсен хотел большего, но я не смогла. Я попросту побоялась, хотя мне и самой этого хотелось. Я не боялась потерять девственность, нет, – я боялась потерять свою свободу. Как бы это вам объяснить? Пока что у меня не получается... А еще я была одержима той опасностью, которая ему угрожала. Чтобы его спасти, я намеревалась пожертвовать собой и уступить его настояниям. Но он в тот вечер пришел пьяным, стал вести себя агрессивно, и мне пришлось защищаться. Однако об этом вы уже знаете достаточно много.

Киона задрожала, вспомнив об ужасах, пережитых ею на берегу огромного озера Онтарио.

– Ну ладно, ладно! – вздохнул Мукки, обнимая ее за плечо. – Все уже позади, ты вернулась, и Делсен остался жив. Давайте, девочки, поболтаем

немного обо мне и Эмили...

В три часа утра Эрмин проснулась от звуков шагов, которые были, в общем-то, негромкими и доносились из коридора на втором этаже. Она услышала, как кто-то перешептывается и как осторожно закрываются двери. Усмехнувшись, она придвинулась к спящему Тошану и, прижавшись щекой к его торсу, поцеловала. Они, улегшись в постель после вечеринки, занялись любовью и занимались ею как-то так молча, по-животному, но у нее осталось от этой их близости приятное ощущение благополучия и пресыщенности.

«Мне уже больше нечего бояться. Всем нам уже больше нечего бояться. Киона – рядом с нами!» – подумала Эрмин, снова засыпая.

Глава 9

Ангел озера Сен-Жан

Валь-Жальбер, четверг, 3 августа 1950 года

Жослин припарковал свой шикарный «Линкольн Континенталь» неподалеку от Маленького рая, но мотор глушить не стал. Оглянувшись на двух своих дочерей, расположившихся на заднем сиденье, он посмотрел на них лукавым взглядом. На переднем пассажирском сиденье стояла большая корзина, наполненная съестными припасами, предназначенными для Шарлотты и ее семьи.

– Я очень доволен этой поездкой, – сказал он. – Мне не так уж часто доводится общаться с вами обеими одновременно.

Обменявшись растроганными взглядами, Эрмин и Киона улыбнулись своему отцу. Они обе были одеты в почти одинаковые летние платья из цветной материи, купленные в Торонто – как и то платье из зеленого муслина, в котором Киона красовалась на вечеринке.

– Я первым делом навещу моего старого приятеля Жозефа! – сказал Жослин. – Раз уж я сейчас без супруги, мы сможем покурить и поболтать спокойно.

– Ты забыл об Андреа, – сказала Эрмин.

– Я отправлю ее к вам, чтобы она могла поцеловать малышкой и поболтать с вами. Я приду позже.

На часах было три часа дня. Бадетта и Мари-Нутта еще рано утром сели на поезд, едущий в Квебек. Мукки вернулся в Ла-Бе в среду вечером. Что касается Лоранс, то Овид Лафлер, как обычно, приехал за ней, но настоял на том, чтобы взять с собой еще и Констанана, хотя тот всячески сопротивлялся, поскольку ничуть не хотел учиться читать.

– Ну ладно, папа, пока! – сказала Киона, выходя из машины. – Не пей слишком много карибу, тем более что у Жозефа он уж очень крепкий. Подожди-ка минутку, я возьму корзину.

Эрмин, тоже вышедшая из «линкольна», наклонилась над дверцей водителя и легонько поцеловала Жослина в щеку.

– Спасибо, папа, ты прекрасно водишь автомобиль.

Он в ответ сделал такое движение, как будто приподнимает кепку, которой в действительности на его голове не было, и затем медленно поехал по поселку, изнывающему от жары и залитому ослепительным

солнечным светом. Эрмин и Киона неторопливо направились к дому Шарлотты.

– Ты использовала свою способность читать наши мысли, чтобы устроить эту поездку только для нас двоих? – поинтересовалась Эрмин.

– В определенной степени – да, использовала, – ответила Киона. – Я знала, что у Лоры болит голова и что она не согласится ехать. Мысли Тошана мне и читать не пришлось: он еще вчера в обед объявил, что поедет сегодня во второй половине дня в аэропорт Роберваля. Он все еще мечтает обзавестись собственным самолетом!

– Он теперь только о гидросамолете и думает! Боже мой, я вот уже три года не могу исполнить его самое заветное желание. Он меня не упрекает, потому что я все-таки отложила денег на эту покупку, причем довольно приличную сумму. Но я стараюсь быть благоразумной. Я не решаюсь инвестировать в такие аппараты, про которые даже не знаю, благодаря какому чуду они летают.

– Мин, Тошан по меньшей мере десять раз объяснял тебе, каким образом функционируют самолеты, а особенно самолеты небольших размеров.

– Я неисправима: у меня в одно ухо влетает, а в другое – вылетает. Смотри, а вот Адель. Какая она милая!

Адель, игравшая в тени навеса, увидела их и пошла им навстречу. При ходьбе она подпрыгивала, едва не падая, потому что старалась скрыть от этих красивых женщин свою хромоту. «Бедняжка, она уже начала стыдиться своего недостатка!» – подумала Киона, чувствуя, как у нее сжимается сердце. Эрмин тоже почувствовала жалость, но, целуя ребенка, широко улыбнулась.

– Добрый день, Адель. Ты узнаешь эту девушку, которая приехала со мной?

Малышка, оробев, опустила голову и засунула указательный палец в рот, как будто это освобождало ее от необходимости отвечать на вопрос немедленно.

– Добрый день, Адель! Лично я узнаю твои темные локоны, твой красивый носик и твои глаза небесного цвета, – заявила Киона. – А еще я помню о том, что у тебя скоро день рождения. Тебе исполнится семь лет, и я принесу тебе подарок.

– Спасибо, мадемуазель!

– Это Киона, – сообщила Эрмин. – Она возилась с тобой, когда ты жила в лесу, на берегу реки.

– Нет, у Кионы были длинные волосы, – возразила Адель.

– Я их отрезала. Иди сюда, дай мне руку.

На пороге дома появилась Шарлотта – босоногая, в простенькой блузке из розового ситца и в юбке. Увидев, как элегантно одеты ее подруги, она едва удержалась от вздоха.

– Если бы я знала, что вы приедете, я бы постаралась привести себя в порядок, – сказала она бесцветным голосом. – Господи, не выношу такой жары. Скорей бы наступила зима, выпал бы снег! Заходите, заходите. Адель, ты тоже зайди в тень. Твой отец мог бы захватить тебя с собой!

– Людвиг нет? – удивилась Киона. – А где Томас? Мне не терпится его увидеть. Ты ведь понимаешь, что, когда вы отправились в Германию, ему было лишь несколько месяцев от роду.

– Мне жаль, но Томас выводит меня из себя, – сказала Шарлотта, сядя за кухонный стол, заваленный невымытой посудой. – Он здесь становится капризным. В общем, Людвиг пообещал продержаться возле себя до вечера. Они на берегу реки. Я наготовила им еды.

Эрмин осмотрелась по сторонам с мрачным видом. Царящий вокруг нее беспорядок и выражение лица Шарлотты свидетельствовали о том, что эта молодая женщина пребывает в мучительной депрессии.

– Какой это все-таки тяжкий груз – брак, дети! – прошептала Шарлотта.

– Лолотта, не говори так! Если ты устала, тебе нужно нам об этом сказать. Дашь мне какой-нибудь фартук? Мы с Кионой наведем тут порядок.

– Нет, давайте лучше поболтаем. Тут навел бы порядок Людвиг, если бы я не попросила его пойти на реку вместе с Томасом.

– Мы поболтаем позже, – возразила Киона. – Адель, может, ты поиграешь возле дома, в тени яблони? Я дам тебе миску с водой, чтобы ты постирала одежду своей куклы. Это ведь твоя кукла там, на крыльце?

Девочка в ответ кивнула. Ее глаза заблестели от радости при мысли о том, что она сможет поиграть с водой и мылом. Она поспешно направилась к выходу.

– Ты хотя бы взгляни на то, что мы тебе принесли, – вздохнула Эрмин, обращаясь к Шарлотте.

– Вы очень любезны. Мне все это пригодится. Однако лично я уже не могу ничего есть – как там, в Германии. А еще меня тошнит.

Киона наполнила миску водой и пошла отдавать ее девочке. Шарлотта тут же спросила:

– Если ты пришла вместе с Кионой, это означает, что ты рассказала ей о том, что я натворила. Или же ты передала ей, что я хочу ее видеть. Так

что же ты ей сказала?

– Не было никакой необходимости что-либо говорить ей: она и сама это уже знала. Успокойся, Лолотта, а то ты вся дрожишь. Со стороны даже кажется, что ты выпила. Взгляд у тебя какой-то блуждающий.

– Да ничего я не пила, но если тот ребенок, который у меня в утробе, – не от Людвига, то я сойду с ума, Мимин.

Ласковые прозвища, которыми они называли друг друга в детстве, и сейчас легко слетали с их губ, свидетельствуя о том, что их по-прежнему связывают тесные узы дружбы.

– Ты должна выдержать этот удар ради Адели и Томаса. Они нуждаются в тебе и в твоей нежности. Ну же, не вешай нос! Я тут, рядом с тобой, Киона тоже.

– Я вскипячу воду.

К ним вернулась Киона. Она посмотрела на Шарлотту, облокотившуюся на стол, а затем на Эрмин, надевшую на себя фартук и возившуюся возле кухонной раковины. Все три женщины слышали, как за окном тихонечко что-то напевает Адель.

– Давайте поторопимся, – сказала Киона. – Пойдем в гостиную, Шарлотта. Мне нужно побыть с тобой наедине. Не обижайся, Мин!

– Поступай так, как считаешь нужным, моя дорогая.

Киона и Шарлотта вошли в гостиную, где царил полумрак. На окне, выходящем на какие-то густые заросли, висела москитная сетка. В комнате было прохладно. На всей мягкой мебели лежали старые покрывала.

– Если уж тебе отдыхать, то здесь, – сказала Киона. – Ты не будешь страдать от жары.

– Нет, не стоит устраивать кавардак везде и всюду. Если тут побывают мои малыши, порядка уже не будет.

– Его и так нигде нет! Шарлотта, я поняла, что тебя беспокоит, но я не обещаю тебе какого-то чудесного избавления от твоих проблем.

Киона усадила эту будущую роженицу на диван, на котором лежало льняное покрывало.

– Ты можешь узнать, кто отец этого ребенка, или нет?

Голос Шарлотты был полон отчаяния. Кроме того, она выглядела сильно похудевшей. Она положила ладони на свой живот, который только начинал округляться.

– Я на себя злюсь. Боже мой, как я на себя злюсь! Поначалу я буквально обезумела и думала только о том, как бы уехать из Германии, подальше от родственников мужа. Но с тех пор, как я вернулась к себе

домой, в Валь-Жальбер, меня терзает стыд, Киона. Поверь мне, я никогда не переставала любить Людвига – ни на одну секунду. Я даже могла бы умереть от любви к нему.

– Я знаю. Но не говори громких трагических слов. Тебе необходимо жить и растить детей.

– Да, конечно, у меня на это мужества хватит, если ребенок, которого я жду, – от Людвига, моей любви. Киона, сжался надо мной, скажи мне правду.

Киона села на диван рядом с Шарлоттой и взяла ее за руки. Она хотела дать себе самой время подумать о том, каким образом ей следует сейчас поступить. Еще во время вечеринки в Робервале, когда она обнималась с Шарлоттой, у нее возникло ощущение, что малюсенькое существо, формирующееся в утробе этой женщины и еще не превышающее по размерам земляничку, было зачато не Людвигом Бауэром. «Но ведь я могу и ошибаться, – мысленно сказала сама себе Киона, встревоженная тем, какое большое значение будут иметь слова, которые она скажет. – Если бы я не прочла в рассудке Шарлотты признание в том, что у нее имелась любовная связь с одним французом там, в Германии, я могла бы ничего и не заметить. И если на меня повлияло такое важное обстоятельство, то могу ли я дать правильный ответ?»

– Ну так что? – изнывая, спросила Шарлотта.

– Тише, имей терпение! – сказала Киона, сидя с закрытыми глазами.

– Нет, скажи мне, скажи поскорее! Я уже не могу больше терпеть! – выпалила Шарлотта, которую вдруг охватил гнев. – Я хочу заявить своему мужу, что ему не придется растить ребенка, зачатого другим мужчиной, я хочу спасти нашу с ним семью. Людвиг делает вид, что он меня простил, но я себя простить не могу. Я была глупой, зловредной, распутной, и меня постигла за это небесная кара! Богу вообще следовало бы испепелить меня молнией за такой грех.

Шарлотта начала судорожно всхлипывать. Киона притянула ее к себе и обняла.

– Поплачь, поплачь подольше, Шарлотта, и не втягивай Бога во все это. Прежде чем испепелять тебя молнией за твои грешки, он должен был бы сначала заняться теми, кто виновен в преступлениях, в тысячу раз более тяжких. Некоторым нацистским палачам удалось скрыться, и они остались безнаказанными. По сравнению с ними ты заслуживаешь только того, чтобы снова начать радоваться жизни, оберегать свой семейный очаг и доказывать своему мужу, что ты любишь только его одного. Перестань удручать его, мучить своими сомнениями и заставляй его чувствовать на

себе тяжесть твоих угрызений совести!

Шарлотта, перестав всхлипывать, отстранилась от Кионы и посмотрела на нее одновременно испуганным и зачарованным взглядом. Может, она грезила наяву? Ей казалось, что от этой девушки исходит едва заметное сияние. Ее золотистая кожа была как бы освещена изнутри, а глаза ярко блестели. Голос Кионы, когда она только что говорила, был тихим и низким и действовал на нее, Шарлотту, умиротворяюще.

– Скажи мне, кто ты? – пробормотала, полностью успокоившись, Шарлотта.

– Если бы я это знала! – ответила Киона. – Мне и самой пришлось пройти через тяжелое испытание. Послушай меня, Шарлотта, послушай меня внимательно. Я обнаружила нечто удивительное в те несколько ужасных дней, когда была уверена, что я – убийца, что я совершила грех, который, с моей точки зрения, был непростительным. У меня исчезли мои неординарные способности, в том числе и дар биллокации. В былые времена любой вождь ирокезов мог мысленно перемещаться в пространстве и появляться перед взором тех, перед кем хотел появиться, хотя ему ранее довелось убить немало своих врагов. Почему же тогда у меня вдруг пропала такая способность? Я этого не знаю и по сей день, однако Тошан помог мне понять нечто очень важное: я, несомненно, наказывала сама себя, пытаясь подавить свой дар и суя свой нос в мысли всех окружающих. Сейчас я постепенно исцеляюсь. Более того, я решила искупить свои грехи и ради этого полностью сконцентрироваться на помощи другим людям. Мой отец и Мин часто говорят обо мне как об ангеле, однако это весьма далеко от действительности: ангел никогда бы не совершил такую глупость, как я, когда поехала вместе с Делсенем. Однако я все-таки попытаюсь вернуть свои крылышки, пусть даже они и не настоящие.

Киона почувствовала, что Шарлотта слушает ее все менее внимательно, потому что она, Киона, уж слишком сильно углубилась в свои собственные наваждения и навязчивые идеи.

«Ребенок, к сожалению, не от Людвига, – подумала Киона. – Могу ли я сообщить ей то, чего она боится больше всего на свете? Она тогда погибнет от гнева и ненависти к себе самой. Ее детям это причинит страдания, ее мужу – тоже. Значит, нужно решиться на благонамеренную ложь! У меня нет другого выхода. Ее спасти может только благонамеренная ложь!»

– Шарлотта, отец этого твоего ребенка – Людвиг. Я почувствовала это, когда прижала тебя к себе.

– Ты уверена? Ведь если ты утратила свой дар... – забормотала Шарлотта, не решаясь обрадоваться услышанному.

– Да, я в этом уверена, не бойся ничего.

– Господи, благодарю тебя! Спасибо, Киона, спасибо!

Шарлотта крепко обняла Киону, дрожа от охватившего ее облегчения.

– А теперь мне хотелось бы, чтобы ты оказала мне одну услугу, если она тебя не слишком затруднит, – сказала Киона твердым тоном. – Сегодня вечером мне хотелось бы забрать с собой Адель. Она чувствует себя несчастной. Она тебя боится, потому что вчера вечером видела, как ты била себя по животу и кричала, что не хочешь этого ребенка. Представь себе, какое негативное впечатление может вызвать подобная сцена у девочки ее возраста, нуждающейся в душевном покое и веселом времяпрепровождении!

– Боже мой, она меня видела! Бедная Адель, у меня случился нервный срыв, когда Людвиг был вместе с Томасом у Маруа. Да, я разрешаю тебе забрать ее, но только на три-четыре дня, не дольше. Мне также нужно будет поговорить об этом с ее отцом.

– Разумеется! Я сумею о ней позаботиться, поверь мне.

– Я в этом даже не сомневаюсь.

Они вернулись на кухню, где Эрмин уже успела навести удивительный порядок: она аккуратно разложила все съестные припасы по полочкам, вытерла стол и накрыла его чистой желтой скатертью, вымыла посуду и поставила ее сохнуть возле окна на специальной подставке, а паркетный пол тщательно подмела.

– Ты просто настоящая добрая фея, – сказала Киона, улыбаясь. – Я пойду нарву роз. Их тут рядом, в заброшенных садах, полно. А затем мы выпьем чаю.

Шарлотта проводила взглядом направившуюся к выходу Киону, которая выглядела очень грациозной в своем разноцветном платье, а затем бросилась в объятия Эрмин.

– Как это замечательно, что вы обе пришли ко мне! Я чувствовала себя как никогда плохо, а теперь у меня вдруг возникло ощущение, что я оживаю. Мимин, Киона заверила меня, что этот ребенок – от Людвига. Я тоже убеждала сама себя в этом... С тем другим мужчиной я ведь встречалась не так уж часто!

– Замолчи, ни слова больше о нем! Забудь об этом событии, раз уж теперь все выяснилось. Ты должна сама себя спасти, Лолотта. Моя дорогая Лолотта, стань такой, какой я знала тебя в старые добрые времена. А может, ты наденешь сейчас что-нибудь красивое и причешешь волосы?

– Хорошо. Я постараюсь сделать это быстро.

Когда Жослин приехал на своем автомобиле к Маленькому раю, перед

его взором предстала очаровательная сцена: три красивые женщины пьют чай, сидя в тени яблони за маленьким столом. Они начали ему улыбаться и махать руками.

– Ты как раз вовремя, папа! – крикнула Эрмин. – У нас еще осталось несколько кусков пирога. Иди скорей сюда.

Жослин подошел к ним. Он выглядел очень элегантно в костюме из серой саржи.

– А почему ты не отправил к нам Андреа? – спросила Киона.

– Дело в том, что мадам Дамасс все еще в Дебьене. Но мой приятель Жозеф был на месте. Мы с ним славно поболтали – как два старых хрыча. Добрый вечер, Шарлотта. Ты очень красивая!

– Спасибо, папа Жосс, – жеманно сказала Шарлотта, одетая в то розовое платье, в котором она была в день своего возвращения в Лак-Сен-Жан. Ее исхудавший стан сжимал белый пояс. Она подкрасила ресницы тушью, а губы – ярко-красной помадой. – Адель, может, отложишь ненадолго свою куклу и поцелуешь папу Жосса?

Девочка не заставила себя долго упрашивать, хотя лишь смутно помнила этого высокого бородатого мужчину, улыбающегося ей сейчас доброжелательной улыбкой.

– Я предложила Шарлотте отдать нам Адель на несколько дней, – сообщила Киона. – Я лично за ней присмотрю.

– Вот так новость! – воскликнул Жослин. – Готов поспорить, что Констан запрыгает от радости. Эй, он тебе нравится, твой товарищ по играм?

– Да, папа Жосс, – робко ответила девочка, радуясь тому, что снова увидит того светловолосого мальчика.

– Я сейчас же приготовлю сумку с ее вещами, – заявила Шарлотта. – Но мне все-таки хотелось бы поговорить с Людвигом. Заодно Адель с ним попрощается.

Эрмин бросила взгляд за пределы огорода – в сторону реки Уиатшуан, которая текла между берегов, заросших травой и кое-где усыпанных большими валунами.

«Я до сих пор не сходила к водопаду, – подумала Эрмин. – Может, схожу сегодня вечером, прежде чем поехать обратно в Роберваль».

Она прислушалась, чтобы лучше различить непрерывный шум падающей воды, который казался ей музыкой, сочиненной природой для того, чтобы убаюкивать полузаброшенный поселок с дремлющими домами, в которых уже не было ни огня в каминах, ни освещения, ни детских криков, ни влюбленных вздохов.

– Людвиг и Томас уже идут сюда, – вдруг сказала Киона.

На нее последние пару минут не смотрели, а потому никто не увидел, что она закрыла глаза, пытаясь сконцентрироваться на молодом немце и его сыне. И она увидела их, озаренных золотистым светом клонящегося к горизонту солнца. Трехлетний малыш сидел на шее своего папы, свесив ноги и держась руками за его голову.

Пуэнт-Блэ, тот же вечер

Лоранс мыла свои кисточки в маленьком умывальнике, примыкающем к классной комнате. Она смотрела задумчивым взглядом на воду, приобретающую красноватый цвет оттого, что с ней смешивалась гуашь. Сегодня у Овида было шесть учеников, а вместе с Констаном – семь. Ее маленький брат, немного подувшись, вдруг заинтересовался занятиями, которые проводил Лафлер. Индейские дети вели себя сегодня тише, чем обычно, слегка оробев от присутствия рядом с ними мальчика, молочно-белая кожа и светлые кудри которого казались им очень забавными.

«Вообще-то это был неплохой день, – подумала девушка. – Констану необходимо больше общаться с другими детьми, играть с мальчиками. А у Овида прекрасное чувство юмора».

Она заулыбалась, подумав о том, что вечером, когда она ляжет в постель и станет, как обычно, вспоминать события прошедшего дня, перед ее мысленным взором промелькнет немало сцен: Овид, стоящий возле доски в своей длинной серой рубашке; Овид, сидящий на ступеньках крыльца и внимательно наблюдающий за парочкой птичек, сидящих на высокой ветке молодой ели... Несмотря на предостережения своих сестры и брата, Лоранс позволяла себе отдаваться во власть этой великолепной любви, от которой взволнованно колотилось ее сердце. Она верила, что Овид скоро поцелует ее еще раз, но уже более крепким поцелуем, и это вызывало у нее огромную радость.

– Вы закончили? – спросил учитель, выводя Лоранс из мечтательной задумчивости.

– Почти.

– А я уже навел тут порядок и могу отвезти вас домой. Я дал Констану шарики, и он играет на лужайке. Сегодня вечером я вообще-то немного спешу.

– Мне осталось только высушить кисточки, и я готова ехать. Овид, вам понравился мой последний рисунок – тот, который еще сохнет на столе?

– Простите меня, но я его еще не рассмотрел.

– А-а, ну так взгляните на него! Мне захотелось изобразить грозу на

озере. Завтра я нарисую то же самое, но уже масляными красками и на холсте. Я покажу, как это делается, вашим ученикам.

Овид смущенно смотрел на красивый профиль этой девушки. Он не мог и дальше позволять ей на что-то надеяться.

– Лоранс, мы должны были сегодня серьезно поговорить, но у нас не было такой возможности. Мне, однако, хотелось бы сказать вам нечто важное: вам больше не нужно сюда приезжать.

– Ну почему вы все время чего-то боитесь? Мои родители ни о чем не догадываются. Если вас испугало то, что я глупо повела себя, когда танцевала с вами, то забудьте об этом. Мне не следовало ни предлагать вам на мне жениться, ни говорить все прочее, что я вам сказала. Я поступила необдуманно и даже неприлично. Овид, если я перестану приезжать в Пуэнт-Блэ, я начну чахнуть, буду страдать, почувствую себя мученицей и...

– Пожалуйста, не надо так говорить, моя бедная девочка. Вы даже и понятия не имеете, что такое настоящие страдания и в чем заключается смысл слова «мученица». А еще прошу вас проснуться! Кроме того поцелуя, за который я не перестану себя упрекать, между нами не было никаких серьезных отношений. Я повторяю вам, что никогда не злоупотреблю вашей девичьей наивностью. Через год-другой вы встретите красивого парня, который подойдет вам во всех отношениях. Буду с вами откровенным: я испытываю к вам лишь большую симпатию и дружеские чувства. Вы, безусловно, восхитительная, красивая, очаровательная и талантливая девушка, но я в вас не влюблен и – самое главное – мне очень не хочется причинить вам какое-либо зло.

Лоранс с напряженным выражением лица и с отсутствующим взглядом вытерла руки тряпкой. Ее ошеломило то, что она только что услышала.

– К сожалению, вы уже причинили мне зло, – ответила она слегка дрожащим голосом. – Зачем вы меня тогда поцеловали?

Набравшись мужества, она посмотрела ему прямо в глаза. Ее лицо стало очень бледным и приобрело отчаянное выражение. Овид, которого этот ее вопрос застал врасплох, растерянно пожал плечами.

– Это была глупость. Безрассудный порыв! Не стану отрицать: вы мне очень нравились в тот момент. Да и раньше тоже. Но затем ко мне вернулось благоразумие, и я понял, что поступал неправильно. Кроме того, я не хочу злоупотреблять доверием ваших родителей, которые являются моими очень близкими друзьями, а также ваших бабушки и дедушки.

Овид не решился сказать Лоранс правду: после того поцелуя, оставившего у девушки такое сильное впечатление, он повстречал Эстер Штернберг, и та – очень красивая женщина – очаровала его и вызвала у

него желание установить с ней очень близкие отношения. Кроме того, он был уверен, что данное желание было взаимным.

– Лоранс, прошу вас, не будьте такой печальной! – умоляющим тоном сказал Овид. – В вашем возрасте люди очень легко поддаются различным наваждениям.

– Перестаньте беспрестанно напоминать мне о моем возрасте! – вскипела Лоранс. – Если бы вы любили меня так, как я люблю вас, мой возраст не имел бы для вас значения.

Она, тяжело дыша, уставилась на Овида, очень надеясь в душе, что сейчас в его поведении вдруг произойдет резкий поворот в желательную для нее сторону. Он казался ей еще более привлекательным – с его худощавым лицом, прической поэта и зелеными глазами, полными сочувствия.

– Овид, – сказала она с отчаянным видом, – мое индейское имя Нади означает «благоразумная», но я даже и не собираюсь быть благоразумной...

В этот момент она заметила, что в дверях появился Констан. Учитель не мог видеть мальчика, потому что стоял к нему спиной. Лоранс вдруг охватило желание отомстить.

– Тогда поцелуйте меня в последний раз, поцелуйте на прощание, – прошептала она, обхватывая шею Овида руками и целуя его в губы – неуклюже, но страстно.

Учитель, ошеломленный ее поступком, тут же отстранил ее от себя – решительно, но не грубо.

– Перестаньте, это уже несерьезно! – пробурчал он. – Вы окончательно убедили меня в том, что вам не нужно больше сюда приезжать, хотя я и высоко ценю ту помощь, которую вы мне здесь оказывали.

– Вы без нее запросто обойдетесь! Не переживайте, я больше не стану вам докучать.

Лоранс поискала взглядом своего младшего брата. Однако он из ее поля зрения исчез. «Констан наверняка расскажет кому-нибудь о том, что он видел! Оvidу придется давать объяснения, в том числе и о том, настоящем поцелуе. Тогда ведь он сам меня поцеловал!» – со злорадством подумала девушка.

– А теперь давайте поторопимся, – пробормотал учитель.

Лоранс вышла из здания первой, умышленно не взяв с собой коробку с красками, свои кисти и альбом с рисунками. Констан стоял в ожидании возле старенького «шевроле» Лафлера. Он сосал при этом свой палец, что ему было запрещено и свидетельствовало о том, что его что-то тревожит.

На обратном пути в машине царил напряженное молчание. Лоранс

сидела на заднем сиденье рядом с братом и смотрела в окно с сердитым видом. Когда учитель остановил автомобиль рядом с домом семьи Шарденов, девушка поспешно вышла из машины, увлекая за собой Констанана.

– До свидания! Передайте от меня привет своим близким, – сказал ей вслед Овид.

Разворачивая свой «шевроле» на широком бульваре, чтобы поехать назад, он пребывал в полном смятении. События последних нескольких дней уж слишком сильно разбередили его душу.

«Ну и наломали же мы дров! – качал он головой, чувствуя при этом, что во многом виноват сам. – Мне хотелось убедить Лоранс в том, что у нее есть талант, помочь ей поверить в себя, дать ей возможность приобщить моих подопечных к искусству, а закончилось все тем, что я ее поцеловал. Но вообще-то я же чувствовал, что тут есть некая опасность, чувствовал, что я ей нравлюсь. Мне, сорокалетнему мужчине, следовало знать свое место и держать девочку на расстоянии».

Он терзался этими невеселыми мыслями, пока не подъехал к санаторию – огромному строению современной конструкции, расположенному возле самого озера. Эстер уже ждала его, сидя на одной из скамеек парка, предназначенного для отдыха пациентов. Как только он ее увидел, все его мрачные мысли сразу же улетучились. Он помахал ей рукой, она встала со скамейки и направилась легкой походкой к автомобилю. Подол ее юбки развевался на ветру.

– Вы опоздали! – воскликнула Эстер, подойдя к машине.

Она, однако, при этом улыбалась и выглядела радостной. Овид сегодня утром пригласил ее поужинать вместе в одном скромном ресторане, находящемся возле набережной в Робервале. Там можно было отведать филе уананиша. Так на языке индейцев монтанье назывался пресноводный лосось, мясо которого было очень вкусным. Овид и Эстер пожали друг другу руки, и это простенькое прикосновение вызвало у них обоих приятное ощущение.

– Вы, похоже, чем-то обеспокоены, – сказала Эстер, усаживаясь на переднее сиденье.

– Я опасался, что приеду, а вас здесь нет, – ответил Овид.

– Почему же? Секретарь санатория передала мне ваше письмо, как только я приехала сюда сегодня утром. Но вообще-то вы могли бы отправить это письмо на адрес Лоры...

– И рисковать тем самым, что вы прочтете мое приглашение лишь сегодня вечером?

– Да, вы правы, я выхожу из дому очень рано – еще до того, как приходит почтальон. Вам, похоже, очень хотелось пригласить меня на этот ужин!

– Сильнее, чем вы можете себе представить.

Эти слова были своего рода признанием, констатацией серьезности намерений. Сердце Эстер забило немного быстрее, а щеки порозовели. Она подумала, что правильно поступила, когда согласилась поехать вместе с Тошаном в Квебек.

В доме Лоры часом позднее

Шестилетний Констан искал себе подходящего собеседника, который мог бы дать ему разъяснения по одному волнующему его вопросу. Лоранс, оставив своего братишку на кухне, поспешно поднялась по лестнице и юркнула в свою комнату. Констан первым делом уставился на Мирей, сидящую за столом. Мирей с мрачным видом лущила горох, а ее губы при этом шевелились так, как будто она беззвучно разговаривала с кем-то невидимым. Ребенок даже не догадался бы, что она мысленно напевает песенку своей любимой певицы Ла Болдюк.

– Ты что, хочешь мне помочь? – ворчливо спросила Мирей. – Что стоишь и таращишься? Иди-ка лучше к Мадлен и своему отцу в сад.

Испугавшись уже одного только вида лежащей на столе большой кучи гороха в стручках, Констан выбежал из кухни. Он стал бродить вокруг шезлонга, в котором лежал, отдыхая, Тошан с сигаретой в зубах и со свернутой газетой на животе. Катери играла со своими кубиками в метре от шезлонга, сидя на одеяле. Рядом с ней примостился фокстерьер.

– А-а, вот и наш херувим! – воскликнула Мадлен, сидящая на стуле возле своего двоюродного брата.

– Скорее наш чертенок, – поправил ее отец Констана. – Чему тебя, молодой человек, научил сегодня месье Лафлер? Я предупреждаю, что скоро потребую, чтобы ты перечислил мне по порядку все буквы алфавита.

– А я потребую, чтобы ты перечислил цифры, – добавила индианка, штопая чулки.

Мальчик благоразумно предпочел ретироваться в гостиную. Там он увидел свою бабушку, сидящую на диване с обивкой из бархата гранатового цвета и читающую журнал мод.

– Добрый вечер, мой дорогой, – ласково сказала ему бабушка. – Я слышала, как вы вернулись – ты и твоя сестра. Ты пришел рассказать мне о том, как прошел у тебя день в Пуэнт-Блэ? Ты хоть вел себя послушно?

– Да, очень послушно.

- Твои товарищи относились к тебе хорошо?
- Да, хорошо. А еще месье Лафлер подарил мне шарики.
- Видимо, потому, что ты этого заслужил, – рассеянно ответила Лора.
- Скажи, бабушка, как ты думаешь, они поженятся, Лоранс и месье

Лафлер?

Лора с ошеломленным видом посмотрела на ребенка. Природная хитрость удержала ее от того, чтобы начать бурно выражать свое удивление.

– А почему ты так думаешь, Констан? Объясни мне, мой дорогой.

– Когда мы гуляли с Мадлен в Париже, я видел, как какой-то дядя и какая-то тетя целовались. – Он показал указательным пальцем на свои губы и продолжил: – Я спросил у Мадлен, почему они так делают, и она ответила, что они собираются пожениться. Или уже женаты. Папа и мама ведь тоже целуются.

– Не так уж часто, а если ты рядом – то вообще почти никогда, – сказала Лора, начиная все больше и больше нервничать. – Хорошо воспитанные люди не целуются у всех на глазах. Во Франции, может, и целуются, но здесь, у нас – нет. Констан, а ты что, видел, что Лоранс и месье Лафлер целуются?

Оробев от обращенного на него посуровевшего взгляда бабушки, мальчик в ответ лишь слегка кивнул. Он уже начал инстинктивно чувствовать, что совершил какую-то глупость.

– А где? В классе или в машине?

– Я за ними не подглядывал, – жалобно сказал мальчик. – Они были в классе, а я играл в шарики. Я потерял один шарик и хотел, чтобы моя сестра его поискала.

Лора, бросив журнал на паркет, резко приподнялась, села на край дивана и притянула ребенка к себе.

– Мой дорогой, то, что ты видел, – это секрет. Я дам тебе денег на конфеты, но ты не должен никому рассказывать про месье Лафлера и свою сестру. Мне даже хотелось бы, чтобы ты поскорее забыл о том, что видел. Такие дела касаются только взрослых.

– Хорошо, бабушка, я никому не расскажу.

– А теперь иди поиграй в саду и помни: это – секрет.

Еще больше оробев от торжественного тона своей бабушки, мальчик шепотом пообещал хранить тайну и поскорее вышел из гостиной.

«Господи, ну какая муха укусила наших девушек этим летом?» – сокрушенно покачала головой хозяйка дома.

Затем она сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, и,

поднявшись на второй этаж, постучала в комнату Лоранс. Дверь оказалась запертой изнутри на ключ.

– Лоранс, немедленно отпри! – негромко потребовала Лора. – Мне нужно поговорить с тобой кое о чем серьезном. Очень серьезном. А ну-ка открывай, маленькая дурочка!

Девушка повиновалась, и перед взором Лоры предстало ее лицо, опухшее от слез, и покрасневший от рыданий нос.

– Я требую, чтобы ты рассказала мне всю правду, – мрачно потребовала Лора. – Констан стал невольным свидетелем возмутительной сцены. Он рассказал об этом мне. Ты сейчас мне все объяснишь, причем быстро. Объяснишь все, я предполагаю, со своей точки зрения. Будет лучше твоим родителям ничего не говорить. Эрмин и так много страдала из-за Кионы, да и Жослин тоже. Нам отнюдь не нужна еще одна личная трагедия. Значит, ты встречаешься с Овидом, который тебе в отцы годится?

– Да, – кивнула девушка. – Мы друг друга любим.

– Вы друг друга любите! Вот так штука! – сердито проворчала Лора, стараясь при этом не повышать голоса. – Боже мой, как этот человек меня разочаровывает! Впрочем, нет, мне вполне следовало этого ожидать: Лафлер не испытывает уважения ни к чему. Он считает, что ему все позволено, и оправдывает свои шалости при помощи цитат из литературных произведений. Начитался книг известных современных писателей и все время цитирует их!

– Это неправда, лично меня он очень уважает, – возразила Лоранс. – Мы с ним всего лишь поцеловались. Что в этом плохого? К сожалению, он не хочет, чтобы вы знали о наших отношениях, потому что опасается ваших моральных предрассудков. Да, без вас всех, без ваших дурацких принципов я смогла бы жить с ним.

Лора, опешив и затем разозлившись из-за подобных заявлений, дала Лоранс пощечину. Было бы, наверное, разумнее поставить в известность Эрмин, как только та вернется из Валь-Жальбера, или даже Тошана. Сложившаяся ситуация показалась теперь Лоре гораздо более серьезной, чем поначалу.

– Маленькая дурочка, ты спрашиваешь, что в этом плохого? Да ты подумай своей головой! Позволить себя поцеловать – это само по себе уже нечто зазорное. Это является со стороны девушки проявлением слабости, и затем неизбежно она соглашается на нечто гораздо более опасное. Лоранс, тебе всего лишь шестнадцать с половиной лет, и ты еще не знаешь, какие ловушки и опасности таит в себе любовь. Жить с ним, не являясь его женой! О господи, да ты теряешь голову!

Лоранс замерла в растерянности, держась ладонью за щеку. Ее план мести, поспешно придуманный ею под влиянием гнева и недовольства, трещал по швам. Целуя Овида на глазах у Констанана, она надеялась, что у учителя возникнут из-за этого досадные неприятности. Ее отец затеет с ним серьезную ссору, потому что вообще всегда легко выходит из себя, а мать огорчится, узнав, как повел себя ее так называемый большой друг. Безусловно, она, Лоранс, потеряет все шансы когда-либо завоевать Овида, но зато, по крайней мере, он будет унижен и исключен из числа друзей семьи. Однако теперь Лоранс уже отнюдь не была уверена, что ей и в самом деле хотелось бы доставить ему такие неприятности.

– Кто начал первым? – тихо спросила Лора. – Ну конечно же, он! Этот месье пытается заигрывать с прекрасным полом, потому что хочет наверстать все то, что упустил за годы холостяцкой жизни, и ради этого гонится одновременно за двумя зайцами. Однако я не позволю ему вести себя подобным образом, я скажу ему пару ласковых слов, причем уже завтра.

– Нет, прошу тебя, не делай этого! Бабушка, я так несчастна! Но ты не переживай, это все уже закончилось. Он не хочет, чтобы я приезжала в Пуэнт-Блэ, потому что я слишком молода для него.

– Бедняжка моя, ты тешишь себя иллюзиями. Хочешь, чтобы я со всей откровенностью высказала тебе свое мнение? Если бы Овид повел себя порядочно, если бы вы объявили нам, что любите друг друга и хотите сочетаться законным браком, и твои родители, и мы с дедушкой, возможно, согласились бы на этот союз, несмотря на вашу разницу в возрасте. Отношения внутри таких семейных пар всегда складываются очень хорошо. Однако я угадываю здесь нечто совсем иное, а именно гнусную попытку этого мужчины соблазнить невинную девушку, забившую себе голову романтическими мечтами. Ты ни в чем не виновата, моя дорогая. Лафлер просто использовал тебя. Я тебе обещаю, что в этом доме он больше никогда не появится.

Лоранс, впадая в панику, молча кивнула, а затем расплакалась. Лора, почувствовав сострадание, поспешно принялась ее утешать.

– Тебе кажется, что ты его любишь, однако позабудешь его очень быстро, – прошептала она своей внучке на ухо. – Кроме того, хотя мне и не хочется еще больше огорчать тебя, моя дорогая, но я должна сказать, что, по-моему, ему очень нравится Эстер.

– Эстер? Нет, нет, этого не может быть!

В этот момент в дверь постучали, и затем зашла, не дожидаясь разрешения, Киона.

– Добрый вечер, – сказала она, внимательно посмотрев на Лору и Лоранс. – Мы вернулись. Лора, я привезла сюда на несколько дней Адель, потому что Шарлотта очень устала. Констан приезде Адели очень обрадовался, и они уже играют вдвоем. Извини за то, что я тебя не предупредила. Я вполне могла бы позвонить из Валь-Жальбера, но Мин сочла, что в этом нет необходимости. Папа – тоже.

– Да я вообще-то буду рада приютить у себя эту малышку. Ты поступила правильно.

Киона, в мозг которой хлынули бурным потоком мысли ее мачехи и мысли Лоранс, поднесла ладонь к своему лбу, закрыла глаза и искала наощупь, на что бы опереться.

– О нет! – пробормотала она. – Как мне это все уже надоело, надоело!

Лора подскочила к ней, чтобы ее поддержать, и тихонько спросила:

– Что с тобой? Все та же проблема? Ты прочла наши мысли и узнала о том, что происходит? Мы от тебя, получается, не можем вообще ничего утаить.

– Все хуже и хуже, все хуже и хуже! Лоранс, почему ты так поступила? Тебе не следовало этого делать. Постыдилась бы! Ложь, все время ложь! Даже мне – и то приходится врать!

Сильно дрожа всем телом, Киона опустилась на кровать. Немного придя в себя, она взглянула на Лору и сказала ей с негодованием:

– Лоранс тебе солгала. Она сама поцеловала Овида, чтобы тем самым доставить ему неприятности. Я не испытываю никакой симпатии к этому мужчине, но он вел себя правильно. Он попытался ее урезонить, он сказал ей правду. Он ее не любит.

– Господи, у меня сейчас голова лопнет! – воскликнула Лора, с отчаянным видом поднимая руки вверх. – Какой кошмар!

– Но это все из-за нее, бабушка, опять все из-за Кионы! – вспыхнула Лоранс. – Она везде насаждает свои порядки. А себя она считает ни в чем не виноватой. Святая! Ангел! Ей ты веришь на слово, а меня считаешь лгуньей. Однако она сама только что призналась, что тоже врет. Я не хочу ее больше видеть! Выйди из этой комнаты, Киона, выйди отсюда! Уж лучше бы ты осталась там, где ты ухаживала за лошадьми!

– Нет. Я отсюда не уйду, и Лора тоже не уйдет. Нам нужно спокойно втроем поговорить и принять решение.

Эти слова были произнесены четко и абсолютно спокойным голосом. Затем в комнате на несколько томительных минут воцарилась тишина.

Эрмин и Тошан разговаривали, сидя в беседке. Они наслаждались

прохладой вечера и возможностью побыть наедине друг с другом. Мадлен накормила всех троих детей приготовленным Мирей гороховым пюре, в которое та добавила сливочное масло и кусочки вареной ветчины. Мирей смотрела, как едят дети, радуясь тому, что Адели такая пища по вкусу. Что касается Жослина, то он, довольный совершенной им прогулкой, но уставший, отдыхал в гостиной, потягивая из бокала херес.

– Я разочарована, – сказала Эрмин своему мужу. – Я надеялась отправиться на будущей неделе в Большой рай, но теперь мне кажется, что это не состоится.

– Мин, дорогая, не наша вина, что новые события нарушили наши планы. Мари-Нутта устраивается на работу в Квебеке, Киона исчезает, а теперь еще ты начинаешь переживать за Шарлотту, и нам приходится взять к себе на несколько дней Адель.

– Я это знаю, любовь моя. Но если мы задержимся здесь надолго, то сможем отдохнуть там, на берегу Перибонки, лишь несколько недель. Девочки возвращаются в колледж Бон-Пастёр^[17] в октябре, да и Констану пора идти в школу. Мама предлагает отдать его в школу здесь, в Робервале, но в таком случае всю зиму он будет далеко от нас. Слишком далеко!

– К черту законы, он пойдет в школу позднее, чем полагается, в следующем году^[18]. Если придется заплатить за это штраф, мы его заплатим, хотя вряд ли кто-то придет проверять нас посреди зимы на берег Перибонки.

– Было бы разумнее выхлопотать себе соответствующее разрешение, – вздохнула Эрмин. – Мукки пообещал мне, что будет с нами. Он уже получил аттестат о среднем образовании и теперь может серьезно подумать о том, какая профессия ему по душе. Думаю, он захочет поступить в университет.

Тошан посмотрел усталым взглядом на бледно-голубое – почти сиреневое – небо и затем процедил сквозь зубы:

– Современное общество мне не нравится. В прежние времена, чтобы прокормить семью, нам нужно было всего лишь научиться охотиться, ловить рыбу и выращивать фасоль и кукурузу. Я пытаюсь поддерживать такой образ жизни на своих землях, но, как только я снова сталкиваюсь с цивилизацией, я говорю себе, что мои усилия напрасны. Когда я слушал, что говорит Мари-Нутта, я осознавал, что она пристрастилась к городской жизни и к городским развлечениям. Если ей предложат постоянное рабочее место в этой газете – «Солей», – то зачем ей сюда возвращаться? Ей ведь уже шестнадцать лет, и она имеет право работать.

– Тошан, будь объективен. Ты ругаешь прогресс, но при этом мечтаешь о маленьком самолете и даже о гидросамолете. Нам повезло: в Большом раю мы живем по старинке, но благодаря прогрессу можем путешествовать, ездить во Францию и Италию, можем наслаждаться комфортом этого превосходного дома. Мама – женщина расторопная. Она уже не так богата, как до пожара, однако обладает впечатляющим состоянием.

– Ей следует быть осторожнее! Игра на бирже не всегда приносит прибыль. Может случиться так, что она очень быстро разорится.

Эрмин взяла Тошана за руку. Он, взглянув на супругу, нежно ей улыбнулся.

– Дорогая моя, давай установим какую-то конкретную дату. Поезжай вместе с детьми в Большой рай пятнадцатого августа.

– А ты сам-то что, не поедешь?

– Я завтра утром поплыву на пароходе на Перибонку. Не сердись, но мне крайне необходимо поехать туда и удостовериться, что у нас там все в порядке и что дом к вашему приезду готов. Бабушка Одина и моя тетя Аранк уже, должно быть, ждут нашего возвращения. Я объясню им, как обстоят дела, и займусь своими собаками. А еще заготовлю дров. Думаю, вернусь дней через шесть.

Эрмин подавила вздох. Она охотно пустила бы слезу и стала бы уговаривать своего мужа подождать, однако, хорошо зная его, предпочла позволить ему поступать так, как он сам считает нужным.

– А твоя подруга Эстер? Ты что, ее бросаешь? – съехидничала Эрмин.

– Думаю, наш дорогой друг Овид займется ею вплотную, – усмехнулся Тошан, прикуривая сигарету.

– Вполне возможно! Я заметила, что он проявляет к ней интерес.

Она испытывала какое-то странное чувство ревности и мысленно ругала себя за это дурой. После окончания войны она ведь сама стала больше всех уговаривать Овида найти себе какую-нибудь очень хорошую женщину, которая смогла бы сделать его счастливым.

– Они, в общем-то, будут прекрасной парой, – добавил Тошан.

Он хотел было продолжить разговор на эту тему, но тут вдруг на пороге наружной застекленной двери, ведущей в кухню, появилась Киона. В своих черных полотняных штанах и темно-зеленом свитере из тонкой шерсти и с зачесанными назад короткими влажными волосами она вполне могла бы сойти за юношу – красивого юношу с тонкими чертами лица. Тошан заметил, что лицо у нее озабоченное и даже растерянное.

– Киона, ты больна? – поинтересовалась Эрмин, которая тоже это

заметила.

– Нет, я просто сильно устала. Я помогала Мадлен купать малышкой. Они сейчас уже ложатся спать. Нужно, чтобы вы поднялись на второй этаж и пожелали им спокойной ночи.

Киона подошла к столу и положила ладони на плечи Тошана, словно бы желая прикоснуться к его сильному мужскому телу и позаимствовать его силы. В этот момент на пороге появилась Лоранс. Она была бледна и двигалась, как какой-нибудь лунатик.

– Я накрою на стол, – сказала она. – Бабушка проголодалась. Знаете, я не буду больше ездить в Пуэнт-Блэ. Это пустая трата времени. Там сейчас уже почти нет учеников. А Констана я могу научить алфавиту и сама.

– Мне очень жаль, что ты туда больше не поедешь! Ты ведь относилась к этим занятиям с огромным энтузиазмом, а Овид отзывался о тебе исключительно хорошо! – сокрушенно покачала головой Эрмин.

– Мама, не настаивай. Месье Лафлер и сам считает, что я и так ему уже достаточно помогла. К тому же мы скоро уедем на берег Перибонки.

– Не раньше чем через десять дней, – уточнил Тошан. – У тебя такой же усталый вид, как у Кионы. Ложись сегодня спать пораньше.

– Хорошо, папа, – ответила Лоранс послушно.

Ужин прошел абсолютно спокойно. Жослин часто зевал, разглагольствуя гораздо меньше, чем обычно. Мирей, обычно сидевшая за столом с хозяевами дома, тоже в основном молчала. Лора, которую угнетала всеобщая молчаливость, предпринимала усилия к тому, чтобы скрыть, что пребывает в дурном расположении духа, но тем не менее частенько тяжело вздыхала.

– Как у нас тут весело! – пошутила Эрмин, принимаясь за десерт – грушевый компот и печенье.

Мадлен мечтательно улыбнулась, не уловив иронии в голосе своей подруги. Эта индианка радовалась тому, что присматривает и ухаживает за Аделью, пусть даже наряду с ней этим занималась и Киона. Адель заполняла собой ту пустоту, которая образовалась в душе Мадлен, когда Акали ушла в монастырь.

– Со стороны может показаться, что на наш дом обрушилось какое-то несчастье, – хмыкнул Тошан. – Слава Богу, ничего подобного не произошло.

– Известно ли вам, что ангелы вовсе не являются любимчиками Бога и что он охотнее обращает свою любовь на людей – согрешивших, но покаявшихся? – вдруг сказала Киона, как будто бы эти ее слова являлись ответом на реплику ее сводного брата. – Ангел, достойный называться

ангелом, не знает, что такое грех. Он вообще никогда не грешит, и Бог в какой-то степени обходит его своим вниманием. Кто при таком положении дел согласился бы быть ангелом?

– Не говори глупостей, – вздохнул Жослин. – Малышка моя, ты сегодня вечером какая-то странная.

– Жосс, так написано в Библии, которую твоя дочь читает вот уже несколько лет, – сказала Лора.

– Мой дорогой папочка, тебе кажется, что я сегодня вечером какая-то странная? – удивилась Киона. – Это почти что плеоназм.

Это заумное слово вывело Мирей из ее апатии.

– Иисусе милосердный, ты что, говоришь на иностранном языке?

– Нет, я говорю по-французски. Плеоназм – это то же самое, что повторение, то есть когда одно и то же говорят два раза. Лично мне кажется, что я всегда была странной, еще с рождения. Имя Киона уже могло бы стать синонимом слова «странная».

– Я в этом ничего не смыслю, малышка. Ой, слышите, возле дома лает собака? Кто-то приехал, – сказала Мирей.

– Это, несомненно, Эстер! – воскликнула Лора. – Она сегодня закончила работать поздно.

Эстер, подойдя к столу, поздоровалась с присутствующими. Возле ее ног крутился фокстерьер. Эстер выглядела великолепно: белая кожа, карие глаза, блестящие черные волосы, чувственные губы, тщательно покрашенные помадой неяркого цвета.

– Хотите перекусить? – спросил Жослин, очарованный этой красивой женщиной.

– Нет, благодарю вас, я уже поужинала. Меня приглашал на ужин месье Лафлер. Я отведала самого вкусного лосося в мире – уананиша из озера Сен-Жан. Белое вино тоже было неплохим. Завтра месье Лафлер не будет проводить занятий. Он повезет меня покупать сыр на сыроварню, на которой работает Мукки. Вообще-то это просто повод для хорошей прогулки. Ваш сын, Эрмин, очаровал меня своими рассказами о городе Ла-Бе и его окрестностях. Я желаю вам всем спокойной ночи и сама отправляюсь спать. Мы с Лафлером договорились встретиться возле церкви.

– Я рад за вас, Эстер, – сказал Тошан, который и в самом деле был рад за эту женщину.

Лора тоже сказала Эстер, что рада за нее, однако ее голос при этом был не очень твердым. Ее светлые глаза забегали: она старалась не смотреть на свою внучку, которую такие слова могли сильно уязвить. Никто не заметил

этого, кроме Кионы, – она прочла в мыслях Лоранс, что слова ее отца и бабушки и в самом деле были для нее не очень приятны.

Эстер направилась в прихожую, весьма довольная тем, что поделилась своей радостью с семьей, приютившей ее у себя. «Если Эрмин все еще переживает по поводу своего мужа, то теперь она успокоится, – подумала Эстер. – Я наглядно показываю всем, что эта страна мне нравится и что ко мне возвращается вкус к жизни. И все благодаря им – Тошану и особенно Кионе».

Лоранс стоически проглотила последнюю ложечку компота. Сложив салфетку, она выпила немного воды.

– Я ложусь спать, – заявила она, чувствуя, как у нее сжимается сердце и все тело охватывает озноб, а душу – отчаяние.

Она обняла своих родителей, бабушку с дедушкой, Мирей и Мадлен и пошла в свою комнату очень бледная, не произнося больше ни слова. Киона сразу же пошла вслед за ней с мрачным лицом. «Отныне я буду твоей тенью, Лоранс, – сказала она. – Можешь меня хоть ненавидеть, но я тебя одну не оставлю».

* * *

На наручных часах Кионы, положенных на ночной столик, было два часа ночи. Луна заливала тусклым светом эту комнату, в которой в последние два года так часто болтали о том о сем, хихикали и откровенничали друг с другом три девушки, стараясь при этом не шуметь, чтобы не мешать всем остальным домочадцам. Комната представляла собой просторное помещение с двумя окнами, которое предназначалось для сестер-близняшек, но в котором стояла также кровать, выделенная Кионе. Лора вообще-то предоставила Кионе и отдельную комнату, однако девушка использовала ее в основном для того, чтобы хранить свою одежду, книги и прочие личные вещи. Этой ночью в той комнате спала Адель в компании своей единственной куклы и плюшевого мишки, которого ей дал Констан.

Киона, чувствуя, что веки у нее отяжелели, изо всех сил старалась не заснуть. Она смотрела на Лоранс, которая лежала на соседней кровати спиной к ней, Кионе. Ее волосы разметались по подушке, а тело по самую шею было скрыто одеялом.

«Надеюсь, я приняла правильное решение, – мысленно говорила себе обескураженная Киона. – Лора разделяет мое мнение насчет того, что нам

не следует предавать огласке эту историю с Овидом».

Запершись тогда, перед невеселым ужином, втроем в комнате, Киона, Лора и Лоранс очень напряженно спорили друг с другом, проглотив в качестве аперитива коктейль из упреков, признаний и слез. Лоранс все рассказала бабушке: и о первом поцелуе в «шевроле» (поцелуе коротеньком и легком), и о поцелуе втором, при помощи которого она, Лоранс, решила отомстить учителю, выбрав в качестве орудия мести своего маленького брата.

«В сущности, это были детские выходки, капризы, – заявила Лора. – Лафлеру следовало бы стыдиться, но вообще-то он не заслуживает ни того, чтобы его поливать грязью, ни того, чтобы обвинять его в попытке тебя соблазнить. Ты, должно быть, сама приложила немалые усилия к тому, чтобы вскружить ему голову. Я знаю, о чем говорю, мне ведь тоже когда-то было шестнадцать лет».

Киона сидела на кровати, прижавшись спиной к ее спинке. Она весь вечер чувствовала, какие сильные душевные страдания испытывает Лоранс, которой казалось, что ее унизили, что у нее отняли ее мечту о любви и отнесли к ней как к какой-нибудь девчонке, тогда как ее тело и душа стремились быть взрослыми.

«Об этом прискорбном эпизоде твоим родителям сообщать не стоит, – сказала Лора, бледная от охватившего ее негодования. – Констан ничего никому не расскажет – я об этом позабочусь. Что касается Овида, то я напишу ему, чтобы он больше здесь, у меня дома, не появлялся. Если ему хочется общаться с Эстер, то пусть назначает ей встречи где-нибудь в другом месте. Да-да, моя малышка, ты, возможно, ничего вокруг себя не видишь, но ему хочется встречаться с Эстер. Она ему очень нравится».

Эти слова прозвучали как суровый приговор. Они отразились гулким эхом и в сердце Кионы. Однако окончательным приговором стали слова, произнесенные Эстер, хоть она об этом даже не подозревала.

«Лоранс ни разу ничего не сказала мне с того момента, как мы сюда пришли, – подумала Киона. – Как я ее ни упрашивала, она даже не открыла рта. Когда я попыталась ее обнять, она резко отпихнула меня с бешеным взглядом. Мне показалось, что она готова вцепиться в меня ногтями. Но она не смогла заставить меня выйти из этой комнаты. А о чем она думает, я знаю. Мне нельзя засыпать ни на секунду. Впрочем, сама она уже спит. В этом я уверена».

Киона поднялась и, босоногая, стала бесшумно ходить туда-сюда. В это время года через час-другой уже должно было начать светать. Нужно было всего лишь продержаться до рассвета.

«У кого-то – счастье, а у кого-то – горе, – мысленно сказала себе Киона. – Я сумела излечить душевную боль Эстер, и та теперь уже готова любить и быть любимой, а вот как мне помочь Лоранс – я не знаю. Я так сильно на себя за это злюсь! Я сомневалась, что она испытывает какие-то чувства к Овиду, но они у нее и в самом деле есть – чувства пугающей силы, чувства опасные. Мне хотелось бы сейчас поговорить об этом с Мин. Любая мать должна в этом разбираться. Однако мы с Лорой договорились сохранить все в тайне».

Сдержать это свое обещание и Кионе, и Лоре было очень трудно.

«Не рассказывайте моим родителям о том, что я натворила, – со слезами на глазах попросила Лоранс. – Они, должно быть, не знают, что я люблю Овида и что я еще долго буду его любить. Я и так уже испытала немало стыда! Я не вынесу их взглядов, их поучений и их жалости ко мне. Пообещай мне, бабушка, пообещай мне, Киона! Ты мне это должна, раз ты украла у меня мою маму. Ты значишь для нее больше, чем я, больше, чем все ее дети! И я уверена, что у тебя было видение, что ты знала про Эстер, но ты тем не менее мне ничего не сказала, даже в тот вечер на берегу озера, когда Мукки читал мне мораль».

Поскольку эти обвинения были справедливыми, они очень болезненно кольнули Киону. И вот теперь, чтобы случайно не уснуть и оставаться настороже, она старалась думать именно о них.

«Прости, моя маленькая Лоранс, – прошептала Киона, подходя к кровати. – Ты для меня сестра, и я тебя очень люблю!»

Почувствовав изнеможение, она опустилась на колени и положила голову на край кровати Лоранс. Чувствуя, что уже не может больше бороться со сном, она вытянула руки и обхватила ими тело Лоранс.

Вскоре ей уже начал сниться сон, причем такой хороший, что она даже, продолжая спать, заулыбалась. В этом сне она была ребенком и гуляла в лесу вместе с Талой-волчицей. Ее мать собирала чернику посреди зарослей, освещенных яркими солнечными лучами. Рядом с ней был Шоган, брат Мадлен, который четыре года назад умер от полиомиелита. Он шел впереди них с охотничьим ружьем, висящим на ремне. Тала и Шоган разговаривали на своем родном языке – языке монтанье, – и их мелодичные голоса смешивались с трелями птиц. Затем Кионе приснилось, что она лежит в хижине, сделанной из веток, на мягкой подстилке из шкур животных и кусков разноцветной материи. Тала ласкала ее и обнимала. Ее мать была еще молода и красива. Во всем, что видела Киона в этом замечательном и долгом сне, чувствовались безмятежность и спокойствие.

Эту идиллию нарушил лай собаки. Он раздался совсем рядом с ухом

спящей Кионы, и она с оторопелым видом открыла глаза.

– Фокси? – прошептала Киона.

Однако собаки рядом с ней не было. Не было на кровати и Лоранс. Судя по тому, как лежало одеяло, Лоранс поднялась с постели и ушла очень осторожно.

«Нет, нет! Боже мой, уже наступил рассвет».

Киона, чувствуя, как ее охватывает отчаяние, вскочила на ноги. Она снова различила тот же самый лай, но он уже доносился откуда-то издалека и был едва слышным. Она подбежала к одному из окон и раскрыла его. Из этого окна открывался широкий вид на озеро.

«Господи, не дай этому свершиться», – простонала Киона, всматриваясь в поверхность озера и бегущие по ней волны.

Затем она выскочила в коридор и бегом спустилась по лестнице, решив, что не будет поднимать тревогу и всех будить. Она была связана дурацким обещанием держать все в тайне и необходимостью спасти Лоранс в одиночку.

Ее сердце бешено колотилось. Она стала взывать ко всем небесным силам, умоляя их о том, чтобы они помогли ей увидеть мысленным взором, где сейчас находится Лоранс.

– Маниту, Дева Мария, Иисус, помогите мне ее увидеть, даже если это будет уже самое последнее в моей жизни видение! Мама, помоги мне, мама, сжался надо мной, мне необходимо увидеть Лоранс...

Впадая в панику, она устремилась в сад и побежала по тропинке, ведущей на берег озера. К счастью, она не сняла вечером свою одежду и обувь и ей не пришлось тратить драгоценное время на то, чтобы одеться и обуться. Она очень злилась на себя за то, что уснула, хотя вполне возможно, что так было угодно судьбе, зачастую жестокой.

«Фокси, где ты?.. Он больше не лает, и я его не вижу», – пробормотала Киона, на мгновение останавливаясь.

У нее вдруг началось головокружение, а взор заволокло густым туманом. Тяжело дыша и пока еще не веря, что у нее и в самом деле начинается видение, она различила на сером фоне следующую сцену: Лоранс плывет к острову Ужей^[19], смутно прорисовывающемуся между небом и водой. И Лоранс, и этот остров были слабо освещены оранжево-розовым светом утренней зари, постепенно сменяющей предрассветные сумерки.

– Она жива! – воскликнула Киона.

Она еще никогда не бежала так быстро. Вскоре она увидела сначала маленького песика, который, похоже, только что бросился в воду и теперь

отчаянно боролся с волнами, а затем и плывущую прочь от берега Лоранс, движения которой постепенно замедлялись. Еще немного – и она, пожалуй, выбьется из сил и пойдет ко дну.

Киона с ужасом огляделась по сторонам, однако в этот ранний час вокруг никого не было. Озеро тоже было пустынным – ни лодки, ни парохода. Дом семьи Шарденов, находящийся далеко позади, показался ей малюсеньким.

«Я не могу туда возвращаться. Кроме того, даже Тошан не сможет плыть достаточно быстро».

Хрипло вскрикнув от гнева и отчаяния, Киона сняла сандалии, штаны и свитер и бросилась в озеро. Фокси, с ошалелыми глазами борясь с волнами, пытался плыть на восток.

– А ну-ка выбирайся отсюда! – крикнула ему Киона. – Возвращайся на берег!

Мужество этого маленького животного вызвало у Кионы восхищение, и она принялась плыть быстрым кролем. Тем не менее, как она ни напрягалась, плыть быстро у нее не получалось.

Киона два раза переходила на брасс, чтобы можно было разглядеть, где находится торчащая из воды голова Лоранс, то и дело исчезающая за волнами. Перейдя на брасс в третий раз и уже едва не сходя с ума от огорчения, бессильного негодования и отчаяния, она, всецело концентрируясь на своем стремлении спасти Лоранс, подумала, что ей нужно сообщить Лоранс, что она, Киона, находится здесь. Почувствовав когда-то бывшее для нее хорошо знакомым, но теперь уже почти забытое недомогание, она вдруг увидела, что находится рядом с Лоранс, при этом абсолютно не ощущает вокруг себя воды.

– Помоги! – крикнула Лоранс, увидев Киону. – Спаси меня! Я не хочу умирать, Киона! Я наглоталась воды, мне плохо. Помоги мне, я боюсь, я очень боюсь!

– Поворачивай назад, Лоранс, прошу тебя! – мысленно обратилась к ней Киона, напрягаясь изо всех сил. – Если ты повернешь к берегу, волны понесут тебя сами. Сегодня утром ветер дует на берег.

– Хорошо, я попытаюсь. Я уже не решалась больше двигаться, я растерялась, – стала всхлипывать Лоранс. – Киона, останься рядом со мной!

Однако она снова была одна. Заставляя себя делать глубокие вдохи, Лоранс повернулась на сто восемьдесят градусов и, делая равномерные движения руками и ногами, поплыла брассом. И тут вдруг она увидела Киону – увидела не ее изображение, а настоящую, живую Киону, которая

хотя и находилась еще довольно далеко от нее, но все же плыла прямо к ней. По пустынному пляжу с лаем бегал туда-сюда фокстерьер.

«Киона плывет ко мне, – мысленно сказала себе Лоранс. – Мне нужно ее дождаться. Она поможет мне доплыть до берега».

На востоке медленно поднимался огненный диск солнца, первые яркие лучи которого, освещая поверхность этого огромного озера, делали его похожим на море расплавленного золота. Две девушки наконец-то подплыли друг к другу, тяжело дыша, и их охватила какая-то первобытная радость: они ведь одержали победу над смертью и над демонами, таившимися в ночной темноте и грозящими им большой бедой.

– Лоранс, держись за меня! Ну же, давай!

– Да, да, я держусь за тебя, спасибо.

Киона, изнемогая, обхватила рукой Лоранс, губы которой уже посинели от холода, а тело с молочно-белой кожей покрылось голубоватыми пятнами. Прошло еще несколько бесконечно долгих минут, прежде чем они почувствовали под своими ногами гальку, отполированную водой на протяжении многих столетий. Выбравшись наконец на берег, они посмотрели друг на друга усталым, но довольным взглядом.

– Ты вся дрожишь, ты очень замерзла, Лоранс.

Киона подняла с земли свои штаны и, как полотенцем, стала растирать свою племянницу, у которой зубы стучали от холода. Фокстерьер, успокоившись, уселся на песок и стал разглядывать Лоранс и Киону.

– А теперь надень мой свитер. Скорее согреешься.

– А ты? Тебе самой тогда будет нечего надеть.

– Это для меня не имеет значения, Лоранс. Я не чувствую холода, потому что ты здесь, рядом со мной, и ты жива. Понимаешь, я заснула! Было, наверное, три или четыре часа ночи. Я очень старалась не заснуть. Я знала, что ты хочешь наложить на себя руки, но не знала, когда и каким образом. Это твое желание уйти из жизни переполняло твой рассудок и твое сердце, и я не могла прочесть в твоих мыслях ничего другого. Лоранс, я не могу в это поверить. А если бы я не проснулась вовремя и не нашла тебя?! У меня даже не хватило ума поднять на ноги Тошана и Эрмин. Впрочем, я осознавала, что даже одна потерянная минута может помешать мне тебя спасти.

Киона помогла Лоранс натянуть шерстяной свитер, который при этом прилипал к ее мокрому телу.

– Я потеряла голову, – призналась Лоранс. – Я очень разозлилась на тебя, бабушку, Эстер. Когда я проснулась, на мне были твои руки, но я сумела встать с постели так, чтобы тебя не разбудить. Я почувствовала

сильную душевную боль, мне показалось, что я самая несчастная девушка на свете. Вот уже несколько месяцев я связывала свое будущее с Овидом. Мечтала о нашей с ним помолвке, нашей свадьбе, нашей брачной ночи в «Шато-Роберваль» или в «Шато-Фронтенак» в Квебеке. Я уже мысленно представляла себя в его квартире в Сен-Фелисьене. Знаешь, мы с ним много разговаривали, когда ездили на его машине в Пуэнт-Блэ и обратно. Когда его мать умерла, он продал ее небольшую ферму в Сент-Эдвиге и купил себе эту квартиру, потому что она находится в одном здании со школой, в которой он преподает. Мы с ним были в моих мечтах такими счастливыми! Я рисовала бы весь день, дожидаясь его, а затем мы ужинали бы вместе. И вдруг все это исчезло. Для меня было невыносимо смириться с такой потерей. Кроме того, я наговорила тебе всяких гадостей, и мне было стыдно за то, что я поступила так жестоко и несправедливо. В общем, я надела купальник и пришла сюда. Какой-то идиотизм, правда? Я не хотела, чтобы меня нашли голой, и не хотела оставлять свои вещи на пляже.

– Перестань, Лоранс, пожалуйста, замолчи! – потребовала Киона, крепко прижимая девушку к себе.

– Нет, выслушай меня! Ты должна знать правду. Едва я вошла в воду, как очень сильно вздрогнула. Я будто проснулась – проснулась от кошмарного сна. У меня тут же пропало желание умирать, однако я решила доплыть до острова Ужей, чтобы тем самым отмежеваться от этой нелепой истории, устроить своего рода крещение для новой Лоранс. Я пообещала себе, что после того, как вернусь, попрошу у тебя прощения за то, что принесла вам всем столько хлопот. Я ведь последние несколько дней думала только об Овиде. Чем дальше я заплывала, тем более свободной от этого наваждения чувствовала себя. Я не понимала, за что его любила. И тут вдруг у меня свело судорогой правую ногу. Я пришла в отчаяние, начала тонуть. Это было ужасно: вода уже даже потекла в мои легкие. Однако мне удалось вынырнуть на поверхность, снова начать дышать, и почти сразу же я увидела тебя. Киона, я ведь думала, что ты уже не можешь так перемещаться в пространстве, что у тебя больше нет дара биллокации.

– Ради тебя мне это удалось! Ну да ладно, пойдем поскорее в дом. Вполне возможно, что все еще спят. Если кто-нибудь заметит нас в таком виде – ты в трусах и свитере, а я – в штанах и лифчике... Но я предчувствую, что все будет тихо. Мы сейчас вытремся насухо и оденемся потеплее, а затем выпьем крепкого горячего кофе. Лоранс, ты можешь мне поклясться, что, когда ты заплывала так далеко, не собиралась покончить с собой?

Девушка задумалась и ответила не сразу. Они обе пошли по направлению к дому.

– Ты все равно это и сама знаешь, потому что можешь читать мои мысли.

– Уже не могу. Это закончилось. Всё, похоже, становится таким, каким оно было раньше. У меня ведь было видение. Я сумела появиться перед твоим мысленным взором. Если бы ты только знала, как настойчиво я молилась и умоляла! И мои мольбы были услышаны. Я, впрочем, по-прежнему уверена в том, что демоны – существа могущественные. Не зря об этом говорится в священных книгах. Чем больше приближаешься к Богу, тем более свирепые существа появляются рядом с тобой. Лоранс, я задала тебе этот вопрос из-за всего того, что пережила во время своего общения с Делсеном. Только ты будешь знать все подробности.

Киона – дрожащим голосом и с напряженным выражением лица – рассказала Лоранс о той гнусной ночи, которую ей довелось пережить и в которую молодой индеец вел себя ужасно агрессивно. Упомянув о его грубости, оскорблениях и угрозах, она в заключение своего рассказа сказала:

– У меня не было другого выхода. Если бы он меня изнасиловал, я бы от этого умерла – либо сразу, либо постепенно. Но я и без изнасилования была потом сама не своя, и мне тоже хотелось умереть. Я не знаю, что меня спасло. Я, как и ты, чувствовала себя униженной, грязной, истерзанной. Как ни странно, именно в тот момент, когда Эбби обнаружила меня в хижине, я вдруг ощутила желание жить, желание выжить, желание увидеть ее кобылу Камелию и других лошадей. Когда я уезжала вчера вечером из Валь-Жальбера, я хотела вместе с Аделью погладить Фебуса. Он был рад тому, что снова меня увидел. Я это поняла – поняла своим собственным способом.

Лоранс уставилась на изящный профиль Кионы. Она была покорена ее красотой и ошеломлена всем тем, что она только что услышала.

– Понятно, почему мама тебя так любит, – прошептала Лоранс. – Ты ведь такая замечательная и необыкновенная! Ты наш ангел-хранитель.

– Мин – чудесная мать. Ты ошибаешься насчет той любви, которую она ко мне испытывает и на которую я отвечаю взаимностью. Она просто любит меня не так, как тебя, а совсем по-другому – только и всего. Я никогда не буду ее ребенком, и я могу тебя заверить, что она любит вас всех больше, чем кого-либо еще в целом свете.

В большом доме семьи Шарденов было тихо, а потому они смогли незаметно подняться в свою комнату, вытереться насухо и одеться. Затем

они принялись смеяться над только что пережитой драмой, однако смех их был нервным и едва не переходящим в слезы. Пройдет еще немало дней, прежде чем они освободятся от тяжести пережитых ими нескольких жутких часов, однако они поклялись друг другу, что забудут о них.

Впрочем, применительно к Кионе речь могла идти даже не о днях, а о месяцах. Перед ней разверзлась бездонная пропасть, и она боялась, что упадет в нее, если сделает хотя бы один неверный шаг.

– Боже мой, ты ведь сейчас уже могла бы быть мертва! – прошептала она трагическим тоном, сидя за столом в кухне и держа в руках чашку с кофе. – У меня такое впечатление, что я чувствую одновременно и боль тех, кто тебя любит, и свою собственную боль.

– Перестань, Киона! Не терзай себя. Я ведь здесь, рядом с тобой, живая, здоровая и даже хочу есть. Я не могла умереть, потому что за мной присматривала ты!

– И Фокси. Он начал громко лаять прямо в мое ухо. Это еще одна загадка для меня, потому что он в тот момент находился далеко. Он звал тебя, пытался тебя остановить. Думаю, он попытался бы тебя спасти и утонул бы сам.

Кионе показалось, что она задыхается, что на нее обрушивается огромная масса ледяной воды. Лоранс погладила ее по щеке.

– Прости меня. Тебе сейчас тяжело, и все из-за меня.

– Нет, не переживай, это пройдет. Мне нужно думать о чем-нибудь другом. Как бы мы могли сегодня развлечься? А-а, я знаю! Можно сделать картонный домик для куклы Адель! Ты этот домик раскрасишь, и затем мы испечем крошечные пирожные.

– Жаль, что я этого не увижу, – раздался чей-то приятный голос.

Это была Эстер, спустившаяся в прихожую и проходившая мимо кухни. Она случайно услышала последние слова Кионы. В своем наряде – красный платок на черных волосах, облегающие брюки и белая кофточка – она вполне могла бы сняться для какого-нибудь журнала мод.

– А вы сегодня ранние пташки, – добавила она. – Ну ладно, не буду мешать. Мне не хочется заставлять месье Лафлера ждать. До свидания!

Она вышла из дому, осторожно закрыв за собой входную дверь. Лоранс с оторопелым видом нахмурила брови.

– Я тоже исцелилась, Киона. Да, мне кажется, что я уже больше не люблю Овида. Если бы любила, то почувствовала бы сейчас ревность. Ты со мной согласна?

– Да, согласна. А ты случайно не лукавишь?

– Нет, я и так уже наделала слишком много глупостей во имя великой

любви. Мне уже даже не хочется быть женщиной, женой, матерью. Можешь мне поверить! Я была влюблена, и, как частенько говорит бабушка, такого рода страсть гаснет так же быстро, как загоревшаяся соломинка. Киона, а ты не могла бы заглянуть в будущее и описать мне мужчину, которого я буду любить всю свою жизнь – моего будущего мужа?

Киона в ответ лишь слегка улыбнулась и покачала головой. Она слышала детские голоса, доносившиеся со второго этажа, топанье по паркету, смех в комнате Эрмин и Тошана. Обитатели дома просыпались. Их ждал спокойный день в семейном кругу, наполненный ароматом роз, теплом солнечного света и сладостью сахара. Тени рассеивались, колдовские чары ослабевали. Никто и на секунду не заподозрит, что одна чрезмерно впечатлительная и романтичная девушка едва не покончила с собой и тем самым едва не устроила для своих близких настоящий траур.

– Ну так что? – стала настаивать Лоранс. – Не молчи!

– Пусть это станет для тебя сюрпризом. Так будет намного лучше. Ничего не знать об уготованной нам судьбе – это ведь так замечательно!

Глава 10

Секретные сады

Пятница, 4 августа 1950 года

Овид медленно ехал на своем автомобиле, рассказывая о некоторых особенностях своего региона Эстер, восхищенной великолепной красотой пейзажей. Она, приехав сюда, в Канаду, еще толком не осознала, как огромен североамериканский континент.

– Здесь все совсем по-другому, если сравнивать с Францией, – сказала она после того, как они проехали пару десятков километров. – Когда я добиралась сюда с Тошаном, мы ехали главным образом ночью, и я чувствовала себя такой измученной, что много спала. Вы открываете для парижанки совершенно новый мир. Я ведь, кстати сказать, очень редко выезжала куда-нибудь из Парижа.

– Знаете, а я с детства мечтал побывать в этом городе, – заявил Овид, радуясь тому, что Эстер разговаривает с ним так откровенно.

– Париж – один из красивейших городов мира, его даже Третий рейх – и тот не стал разрушать. Настоящее чудо! Вообще-то, хотя улочки в некоторых кварталах очень узкие, в Париже довольно просторно. Мне нравилось прогуливаться по набережным Сены и в парках. Как ни забавно, но лишь когда я села на поезд, направляющийся в Перигё, я смогла увидеть сельскую местность Франции, в которой все не такое громадное, как здесь. Деревни там живописные. Дома в них будто прижимаются друг к другу. А здесь строения разбросаны, вокруг них много свободного места, на котором можно строить. Во Франции реки довольно маленькие, а озер я там вообще не видела. Однако, если даже они там и имеются, наверняка ни одно из них не сравнится с озером Сен-Жан – вашим внутренним морем, как то и дело называет его месье Шарден. Животный мир здесь, в Канаде, тоже удивительный. Я задрожала от страха, когда то гигантское животное перешло дорогу. Это был лось, да?

– Да, американский лось.

Овид тайком поглядывал на Эстер. Она казалась ему очаровательной и очень соблазнительной женщиной. «Меня притягивают противоположности, – подумал он. – Эрмин абсолютно не похожа на Эстер, особенно внешне. Впрочем, они обе умны, чувствительны и образованны».

Вспомнив о Лоранс, он задался вопросом, сумела ли эта молоденькая

девушка оправиться от своего разочарования и душевной боли. Радость, доставляемая Оvidу общением с Эстер, была немного омрачена чувством вины перед Лоранс.

– Я изображал из себя экскурсовода с того самого момента, как вы сели в мой автомобиль, – сказал Овид, – но мне вообще-то хотелось бы узнать последние новости о наших с вами общих друзьях – клане Шарденов – Дельбо. Не я придумал это наименование, они сами себя так называют...

– Вы правильно поступили, что завели разговор о них, – закивала Эстер. – Вчера вечером, когда я вернулась, они еще сидели за столом. В тот момент я ничего не заметила, но затем, когда я уже была в своей комнате, у меня возникло странное чувство. Мне показалось, что у них там... как бы это сказать... напряженная атмосфера. Обычно в конце трапезы за столом царит веселье, все улыбаются. Вспомнив, кто как выглядел, я пришла к выводу, что самыми мрачными и замкнутыми были Лоранс и Киона. По правде говоря, я не могла даже представить, что эта удивительная девушка может быть такой угрюмой. У нее ведь необыкновенная улыбка! Но вчера вечером она совсем не улыбалась.

– А-а... – обеспокоенно протянул Овид.

Он совсем забыл о том, что Киона может читать мысли окружающих ее людей и заглядывать в прошлое и будущее.

– Это вполне можно понять после всего того, что ей довелось пережить, – сказал он затем уже более спокойным и твердым голосом.

– Да, несомненно, – вздохнула Эстер. – Однако сегодня рано утром, насколько я могла видеть, эти две девушки пребывали в очень хорошем настроении. Они собирались сделать из картона домик для куклы. Киона также была довольно веселой на вечеринке, которую устроила в ее честь Лора. Откровенно говоря, я испытала в тот вечер удивительное ощущение. Когда я еще находилась во Франции, Тошан описал мне всех своих близких родственников очень подробно и даже рассказал о них всевозможные забавные истории. Поэтому мне казалось, что я встретила с персонажами прочитанного романа. Сестры-близняшки, Констан, Мадлен – сдержанная, но очень любезная, месье Шарден со своей трубкой, которую он курит по десять раз на дню, Эрмин с ее золотым голосом, Лора, Киона, Мукки, Бадетта-журналистка, Мирей, то и дело говорящая «Иисусе милосердный»... О своей теще Тошан отзывался не очень лестно. Он говорил о ней как о раздражительном, капризном и надменном человеке. Я же легко нашла общий язык с Лорой и считаю ее потрясающей женщиной. Я даже не осмеливаюсь искать себе другое жилье, потому что боюсь ее

обидеть.

– Почему?

– Дело в том, что она мне как-то раз сказала, что она и ее муж чувствуют себя одинокими, когда Эрмин, Тошан и их дети находятся в своем доме на берегу Перибонки. Я правильно назвала ту реку?

– Да, да, правильно.

– Зимой им кажется, что время тянется бесконечно. Лоре хочется, чтобы я и дальше жила в ее доме, в комнате для гостей. Мне много рассказывали в санатории о местной зиме – знаменитой квебекской зиме. Слова о ней звучали из уст пациентов, коллег и врачей как какая-то жуткая угроза. А я ведь мерзлячка. Да, я стала ужасно бояться холода!

Эстер вдруг замолчала. К горлу у нее подступил ком. Ей вспомнилось, как она мучилась от ледяного холода в бараке в Аушвице. Зимы в Польше суровые, и они убивали одного за другим тех узников, которым удавалось избежать газовых камер и расстрела.

– В доме у мадам Шарден вы уж точно не замерзнете, – заявил Овид. – Она женщина не бедная, а потому провела в свое жилище центральное отопление. Если бы вы только видели, в каком великолепном доме она жила в Валь-Жальбере и какая там была внутри роскошь! Да и ее нынешний дом, по правде говоря, почти ничем не уступает тому, который превратился в пепел четыре года назад...

– Тошан мне об этом рассказывал, – перебила Овида Эстер.

– Да, и я, стало быть, не могу рассказать вам ничего нового. Может, поговорим о вас?

– Мне не хочется этого. Впрочем, я могла бы рассказать вам о той мечте, которая не раз посещала меня во время войны. Я мечтала иметь небольшой дом, который можно было бы надежно запирать на ключ. В этом доме висели бы на окнах шторы, я задергивала бы их по вечерам и тогда, когда становится очень жарко. А еще там стояли бы шкафы, наполненные продуктами. Во время войны я находила спасение в этой мечте, в этом воображаемом доме. Я даже придумала себе игру – подбирала по рекламным журналам мебель, диванные подушки, покрывала и скатерти с определенным узором, ковры с одинаковой бахромой. Возможно, я выжила именно для того, чтобы сделать эту свою мечту реальностью!

Овид внимательно слушал Эстер. Его едва не охватила дрожь, когда он представил себе Эстер среди тех узников концентрационного лагеря, лица которых он с ужасом разглядывал на фотографиях, опубликованных в иностранных газетах.

– Если эта мечта вас спасла, Эстер, ее и в самом деле следовало бы

воплотить, тем более что это не так уж трудно. Я знаком с очень многими людьми в этом регионе, и здесь имеются симпатичные дома, которые пустуют. Я помогу вам навести в таком доме порядок, заново покрасить его, получше приколотить, если потребуется, ступеньку-другую.

– Вы очень любезны, но давайте сменим тему, хорошо? Не сердитесь на меня, однако я не хочу разговаривать про этот период своей жизни. У меня нет никакого желания вызывать жалость. Вообще-то большинство людей начинают чувствовать себя неловко, когда узнают, откуда мне удалось спастись. Я никогда не забуду отель «Лютеция» в Париже... Мы были призраками среди жизнерадостных живых людей.

Овид, медленно ведя машину, с затаенным дыханием ждал, что же дальше скажет его собеседница. Несмотря на то, что не хотела вспоминать о прошлом, она продолжала рассказ:

– Нас принимали с самым что ни есть радушным видом, но у всех на лицах был написан ужас. И еще во взглядах чувствовалась жалость, а я этого не переношу.

Раздавшийся звук автомобильного сигнала заставил их обоих вздрогнуть. Их всего лишь хотел обогнать грузовичок, но у него не получалось это сделать, потому что Овид, ошеломленный рассказом своей пассажирки, ехал прямо посередине дороги.

– Я вас отвлекаю, простите! – воскликнула Эстер. – Пожалуйста, притормозите ненадолго, прошу вас. Я не очень хорошо себя чувствую.

Овид поспешно съехал на обочину и остановился, а затем, выскочив из машины, открыл дверцу Эстер и помог ей выйти из «шевроле». Эстер сделала глубокий вдох и сняла солнцезащитные очки, которые до этого удерживали ее волосы, зачесанные назад.

– Какой приятный воздух! – тихо сказала она. – Смесь запахов сена, смолы и сырой земли. Мне следовало бы благодарить Бога за то, что мне выпало счастье остаться живой и оказаться здесь, вдали от Европы, но я уже больше не верю в Бога.

– Эстер, вы можете рассказать мне о том, что пережили во время войны. Вы испытываете неприязнь к жалости, но ведь существует еще и сочувствие. Я вполне могу сочувствовать, не унижая вас при этом жалостью.

– Я в такое не верю, – сказала в ответ Эстер.

Затем она пошла одна по лесной тропинке, петляющей между гигантскими елями.

Овид не решился пойти за ней, опасаясь, что это может ей не понравиться. «Мне хотелось бы дать ей пристанище, о котором она так

мечтала, защищать ее и заботиться о ней, – подумал он, провожая Эстер взглядом. – Я много лет любил Эрмин безнадежной любовью и даже боготворил ее, однако у меня никогда не возникало желания взять ее под свое крыло и ежедневно доставлять ей маленькие житейские радости. Тем не менее я ее любил, и мы с ней могли бы стать крепкой и счастливой семьей».

Ему вспомнилась Лоранс, которая вызывала у него раньше такую симпатию, что он иногда терял благоразумие и способность рассуждать трезво. Теперь он презирал себя за то, что поцеловал ее и тем самым спровоцировал ее душевную драму. «Любой, кто узнал бы о том, что я совершил, счел бы меня развратником, который дошел уже до того, что набросился на шестнадцатилетнюю девчонку. Что подумала бы обо мне Эстер, если бы она узнала об этом прискорбном эпизоде?» Овид живо представил себе, как Эстер придет в негодование и не захочет с ним больше общаться. Тем не менее он решил рассказать Эстер обо всем этом, когда представится подходящий момент.

Эстер повернула назад и подошла к Оvidу – изящная и элегантная в своих брючках из серой саржи и белом блейзере, надетом поверх шелковой кофточки цвета слоновой кости.

– Простите меня, – сказала Эстер. – Мы можем ехать дальше. Когда мы доедем до сыроварни? До или после того, как остановимся пообедать в Жонкьере?

– После, поскольку нам еще ехать и ехать – до самого Ла-Бе. Я предлагаю вам совершить прогулку по берегу озера Кеногами, а также послушать во время обеда мой короткий рассказ по истории данного региона. При такой жаре лучше будет поехать за сыром в последнюю очередь.

– Жаль. Я полагала, что мы сможем пригласить Мукки на обед. За мой счет, конечно же! Этот юноша мне очень понравился. Он красивый, веселый и открытый. Копия своего отца.

Эта реплика Эстер заставила Овида насторожиться. Тошан, возможно, завоевал сердце этой женщины еще во Франции, не изменяя при этом Эрмин.

– Вы и в самом деле считаете Тошана Дельбо веселым и открытым? – усмехнулся учитель, почувствовав ревность. – Я скорее сказал бы, что он угрюмый и скрытный. По словам его жены, ему изрядно довелось пострадать оттого, что он метис.

– Ничего удивительного! Спросите у евреев, не довелось ли им в последние десять лет – да и раньше тоже – пострадать оттого, что они

евреи. Я часами разговаривала с Тошаном о кое-каких параллелях. Но давайте оставим эту тему.

Эстер сделала усталый жест рукой и снова села в машину. Овид не решился спрашивать ее о Симоне.

– Мне необходимо, чтобы Киона снова меня обняла, – заявила Эстер с печальной улыбкой. – Мне казалось, что я уже исцелилась от своих наваждений, но ее благотворного воздействия на меня хватило лишь на два или три дня.

– Получается, я себе льстил, – посетовал Овид шутливым тоном. – Мне казалось, что я играл определенную роль в вашем прекрасном энтузиазме. А выходит, что только странноватая Киона обладает такой привилегией. Хотите сигарету? Я купил вам американские сигареты, с вирджинским табаком.

– У меня есть и своя пачка сигарет, она лежит вот здесь, на дне моей сумочки, однако все равно спасибо за эту вашу милую внимательность ко мне.

Они улыбнулись, глядя друг другу прямо в глаза, и искорка, которая появилась в тот вечер, когда они впервые увидели друг друга, снова зажглась и стала светить так ярко, что даже слегка ослепила их.

Проехав еще с десятков километров и болтая при этом обо всякой чепухе, да и то с долгими паузами, они в конце концов увидели голубые воды озера Кеногами.

Валь-Жальбер, Маленький рай, тот же день

Людвиг, раздевшись до нижней рубахи, с размаху колот дрова топором. Звуки ударов железа по древесине раздавались на всю округу. Шарлотта, сидя на дощатом ящике лицом к утреннему солнцу, смотрела, как он работает. Яркий дневной свет подчеркивал черты ее исхудавшего лица и заставлял блестеть вьющиеся черные волосы. Маленький Томас играл неподалеку металлической машинкой, громко подражая звуку двигателя.

– Вы оба производите уж слишком много шума, – недовольно проворчала Шарлотта.

– Извини, но нам необходимо заготовить дрова, чтобы было чем топить зимой, – ответил ее муж. – А тебе совсем необязательно сидеть так близко от нас.

– Черт возьми, а мне, может быть, нравится любоваться твоей работой вблизи.

– Шарлотта, в Германии ты уже не употребляла таких выражений –

«черт возьми». Мне даже кажется, что ты заставляешь себя это делать.

– Вовсе нет! А что еще тебе кажется? Я вообще-то частенько вижусь со своим братом и его женой, и такие выражения сами по себе передаются от них мне.

– Ну хорошо, хорошо, – вздохнул Людвиг, решив, что лучше не спорить.

– И вообще теперь, что бы я ни делала, тебе все не нравится. Ты много лет относился ко мне как к принцессе, но теперь это закончилось.

Едва не расплакавшись, она встала и пошла прочь. Проходя мимо своего сынишки, она наклонилась и рывкнула на него:

– Прекрати ты это свое «р-р-р»! Ты меня раздражаешь!

Мальчик тут же начал плакать, издавая жалобные возгласы. Людвиг, бросив топор, бросился его успокаивать:

– Тихо, тихо, это закончилось, *das ist beendet... Du bist ein guter kleiner Junge!*^[20] – сказал он, беря малыша на руки и начиная его слегка покачивать, словно убаюкивая.

– Тебе нет необходимости разговаривать с ним по-немецки! – крикнула Шарлотта с крыльца. – Томас будет расти здесь, будет ходить в школу здесь, и он будет говорить по-французски.

Произнеся эту сердитую тираду, она начала всхлипывать и юркнула внутрь Маленького рая, название которого в последние дни уже теряло свой символический смысл. Эта семейная пара ступила скорее на порог ада, и сделать хотя бы шаг назад у них не получалось.

– Мама просто устала, – сказал Людвиг тихо своему сынишке. – После того как я схожу в лес и мы поужинаем, пойдем на прогулку.

– Я хочу еще на рыбалку! – прошептал Томас.

– Хорошо, но удить рыбу я повезу тебя на берег озера. Большого озера. Может, мы увидим Адель. Я спрошу у дядюшки Онезима, не одолжит ли он мне свой грузовичок.

Шарлотта, спрятавшись за большой открытой дверью, наблюдала за своим мужем. Она видела, что он широко улыбается их сыну и ласково поглаживает его – так, как он когда-то поглаживал и ее. «Господи, как же я несчастна! – подумала она. – То, что ребенок – от него, ничего не изменило. Людвиг, похоже, не поверил, когда я ему об этом сказала, хотя он и верил всегда в то, что говорит Киона».

Шарлотта покинула свой тайный наблюдательный пункт и стала готовить кофе – напиток, которого она пила чрезмерно много и который еще больше подрывал ее уже и без того расшатанную нервную систему.

«Уж лучше бы у меня случился выкидыш, – подумала она. – Я ведь и

не хотела обзаводиться третьим ребенком. Господи, сжался надо мной! Как бы мне хотелось, чтобы ничего этого не произошло!»

Шарлотта со слезами на глазах стала рыться в карманах куртки Людвиг, ища кiset с табаком. Она нашла его во внутреннем кармане, поспешно скрутила папиросу и закурила. Однако легче ей от этого не стало. Перед ее мысленным взором стали появляться в хаотическом порядке сцены из ее жизни, напоминающие о злосчастном развитии событий. Она увидела саму себя сидящей у изголовья кровати своей умирающей матери. Затем она увидела, как в страхе бежит по лесу, удирая от своего отца. «Меня тогда утешила и защитила Мимин, – напомнила она сама себе. – Мимин и мама Лора. Благодаря им я стала зрячей и у меня появилась собственная семья, любовь, нежность. Это вполне нормально, что я предпочитаю жить у себя на родине, в окружении людей, которых люблю еще с детства».

В этот момент в дом вошел Людвиг, оставив Томаса на нижних ступеньках крыльца, где малыш снова принялся играть со своей машинкой.

– Почему ты опять плачешь? – спросил Людвиг.

– Потому что ты изменился. Я прекрасно вижу, что ты меня больше не любишь. Я говорила сама себе, что, если бы мне не было так грустно и одиноко там, в Германии, ничего бы и не произошло. Ты делаешь вид, что прости меня, но это неправда. Ты предпочел бы остаться рядом со своими родственниками и наплевать на мою тоску. А я нуждаюсь в том, чтобы рядом со мной были Мимин, мой брат, мама Лора и папа Жосс!

Людвиг неторопливо налил кофе в свою чашку, тем самым давая себе время подумать. Поведение Шарлотты вызывало у него растерянность.

– Я тебя прости, у тебя не должно быть на этот счет никаких сомнений, – в конце концов сказал он. – Я знаю, что и сам поступал неправильно, и я это признал. Кто сейчас все портит – так это ты. Тебя раздражают наши малыши, ты попрекаешь меня с утра до вечера, притом что я занимаюсь домашним хозяйством, стряпней и прочими делами.

Шарлотта шмыгнула носом и вытерла его тыльной стороной ладони. Вид у нее был жалкий.

– Даже когда мы жили в лесу, в лагере Шогана, мы с тобой были счастливы, Людвиг. Я тогда вообще ни на что не жаловалась. Мы любили друг друга так сильно! Ты помнишь? Я смазывала свои волосы, как Аранк, и носила одежду из кож. Ночью ты сжимал меня в своих объятиях. Ты меня хотел. Признайся, что сейчас это все уже закончилось. Иногда у меня возникает ощущение, что я рядом с Симоном, сыном Жозефа Маруа. Мы с ним были помолвлены, но он ко мне даже не прикасался. Правда, как-то раз

Эрмин объяснила мне, что он гомосексуалист...

– Мне это все известно, и не нужно мне об этом снова рассказывать! – вспыхнул Людвиг. – Ты беременна, и лишь поэтому я к тебе не прикасаюсь – только и всего!

– Врешь! Я вызываю у тебя отвращение из-за той истории с Венсаном.

Людвиг пожал плечами. Он видел Венсана Милуэна всего лишь раз. Он наткнулся на него перед своим домом в Германии. Этот молодой француз поздоровался с ним и затем – со сконфуженным и виноватым видом – поспешно пошел прочь.

«Это мой сослуживец! – заявила Шарлотта, когда Людвиг спросил ее, кто это такой. – Я пригласила его к нам в дом выпить пива, потому что он подвез меня на своей машине. Он женат на немке. Забавно, не правда ли? Он, как и ты, бывший военнопленный».

Если бы не вмешательство его двоюродного брата Германа, который поведал Людвигу, что Шарлотта и Венсан – любовники, сколько еще времени могла бы продлиться их любовная связь? Вспомнив о тех тяжелых днях, когда он, Людвиг, утратил свои иллюзии, молодой немец сердито покачал головой и попытался сконцентрироваться на настоящем.

– Вовсе ты не вызываешь у меня отвращения, Шарлотта, – заявил он. – Я больше не хочу слышать таких слов. Мы с тобой, когда плыли на судне, договорились, что забудем это все и не будем больше говорить ни о чем таком. Иди немного отдохни, а я пока приготовлю чего-нибудь поесть.

– Тогда поцелуй меня! – взмолилась Шарлотта, подходя к мужу. – Поцелуй настоящим поцелуем...

Шарлотта обхватила шею Людвига руками и подставила губы. Людвиг лишь прикоснулся к ним своими плотно сжатыми губами: он не смог заставить себя ни обнять ее, ни удовлетворить ее желание поцеловаться страстным поцелуем.

– Я тебя ненавижу! – воскликнула Шарлотта, подаваясь назад. – Ты лицемер, ты меня больше не хочешь. Уж лучше тогда умереть!

Она пошла вверх по лестнице, бормоча какие-то оскорбления и громко всхлипывая. Людвиг услышал, как она хлопнула дверью их спальни, в которой они во время войны не раз и не два страстно обнимались, когда он прятался там при содействии Кионы.

– Ты ничего не понимаешь, – вздохнул он, а затем побежал следом за ней, испугавшись, как бы она не решилась на какой-нибудь отчаянный шаг.

Его жена уже два раза угрожала ему, что наложит на себя руки. Войдя в спальню, он увидел, что она лежит поперек кровати.

– Моя бедная маленькая Шарлотта, – медленно произнес он. – Я тебя

искренне простил, потому что во многом был виноват сам. Впрочем, я, возможно, и в самом деле еще ревную. Очень часто, когда ты просишь меня о поцелуе или о чем-то еще, я невольно вспоминаю о том, другом мужчине. Будь терпелива, прошу тебя.

Шарлотта поднялась с кровати и посмотрела на Людвига злобным взглядом.

– Тогда поклянись мне, что ты, несмотря ни на что, меня любишь! – рявкнула она. – Поклянись, что любишь меня так же, как прежде! И докажи это!

Она стала с неуверенным видом расстегивать свою кофточку. Людвиг тут же воспротивился:

– Мы не можем надолго оставлять Томаса возле дома одного, без присмотра.

– Да, ты прав. Послушай, отведи его к Иветте. Она вполне может посидеть с ним часок! И возвращайся поскорей. Я задерну шторы и буду ждать тебя в нашей постели. Людвиг, я нуждаюсь в тебе и твоих ласках. Я схожу с ума, когда снова и снова думаю о том, что ты больше не хочешь меня и уже никогда больше не захочешь.

Она, задышав чаще, подняла юбку и, схватив руку Людвига, провела его ладонью по своим обнаженным бедрам. Людвиг, почувствовав к ней сострадание, показал жестами, что сделает то, что она хочет, и, выйдя на крыльцо, сказал сыну, чтобы тот следовал за ним.

Уже шагая к дому семьи Лапуант, находящемуся посреди длинной вереницы заброшенных построек, Людвиг вдруг вспомнил о Кионе. Вчера, возвращаясь с реки, он впервые увидел ее после трех с половиной лет разлуки. Девочка с круглыми щеками и длинными рыжевато-золотистыми косами превратилась в лучезарную девушку – худощавую, стройную, с гораздо более светлыми волосами. Он из вежливости сказал ей комплимент по поводу такого перевоплощения, а она ответила ему улыбкой, которая запомнилась ему своей невиданной ослепительностью и необычайной доброжелательностью. Он был очень многим обязан Кионе! Она, еще будучи маленькой девочкой, стала подкармливать его, когда он, немец, сбежал из лагеря для военнопленных. Она была готова пойти на какой угодно риск ради того, чтобы ему помочь. Накануне рождения Томаса она предупредила всю родню об опасности, угрожавшей его будущей матери.

«Только она может спасти Шарлотту еще раз и заставить ее образумиться, – мысленно сказал он сам себе. – А возможно, и Эрмин. Если Онезим одолжит мне грузовичок, мы поедем напрямиком в Роберваль».

Однако Онезим пребывал в дурном расположении духа и встретил

Людвига нелюбезно.

– Нет, мой грузовик мне нужен и самому! Муки небесные, тебе нужно купить свой автомобиль, Бауэр, если ты хочешь разъезжать на колесах с моей сестрой и вашими шалопаями. В городе есть в продаже не очень дорогие автомобили.

– Хорошо, извините меня, – поспешил сказать Людвиг, чувствуя себя неловко и поглядывая на Иветту, обычно отличавшуюся словоохотливостью, а сейчас почему-то упорно молчавшую.

– Мадам Лапуант, не могли бы вы в таком случае присмотреть за Томасом около часа? – поинтересовался немец. – Шарлотта чувствует себя плохо, а мне нужно поработать довольно далеко от дома.

– Ну конечно! С какой стати я стала бы отказывать? Но не надо называть меня «мадам». Просто Иветта. Мы ведь родственники.

– Скажи мне, Бауэр, если моя сестра, как ты говоришь, чувствует себя плохо, то почему же ты тогда хотел повезти ее на моем грузовичке на прогулку?

Людвиг, оказавшись в неловком положении, тут же сумел из него выпутаться.

– Мы хотели заехать к мадам Шарден, у которой есть болеутоляющие таблетки. Шарлотта жалуется, что у нее болит спина.

– Нужно, чтобы она легла в постель и не напрягалась! – сказал Онезим. – Я одолжу тебе свой автомобиль завтра. Мне его нужно отремонтировать. А своего малыша можешь нам оставить, у нас ему будет хорошо.

Томас еще крепче ухватился за руку своего отца: на мальчика наводил страх этот дядя с зычным голосом и фигурой великана. Иветта, впрочем, сумела его быстренько успокоить.

– Иди сюда, мой милый, я покажу тебе своих цыплят. Да, у одной моей курицы вылупились цыплята. Красивые желтые и черные цыплята. А затем я дам тебе пюре и кусок ветчины. Сегодня я кормлю его обедом, Людвиг. Скажи Шарлотте, чтобы не беспокоилась.

Людвиг поблагодарил Иветту и отправился восвояси. Он мало-помалу уже привыкал к своим соседям, тем более что Иветта и Онезим Лапуанты являлись для него родственниками со стороны жены. Подходя к Маленькому раю, он поднял взгляд на окно спальни и увидел, что шторы задернуты. Пять минут спустя он уже вошел в спальню.

«Супружеский долг!» – подумал он, раздеваясь и ложась под одеяло рядом с обнаженной Шарлоттой, тело которой за последние несколько недель сильно исхудало. Оно тем не менее было теплым и нежным. Его

запах был приятным, а кожа цвета слоновой кости – шелковистой. Шарлотта прижалась к Людвигу и, прерывисто дыша, впилась в него недоверчивым взглядом.

– Раз ты пришел – значит, ты меня любишь, да?.. Я тебя очень люблю, мой дорогой, мой Людвиг, моя любовь!

Ее опьяняли эти слова, которые она очень часто произносила в прошлом, и она позволила себе действовать очень раскованно, даже смело. Людвиг, закрыв глаза и поддаваясь этому водовороту страсти, стал отвечать на поцелуи Шарлотты и ее ласки.

– Мой дорогой, моя любовь! – бормотала Шарлотта, став похожей на дикарку со своими растрепанными волосами и исступленным взглядом. – Ложись на спину. Ты замечательно любил меня, когда я была сверху – да, да, вот так!

Она села на него сверху и начала совершать движения взад-вперед, издавая страстные стоны. Людвиг позволил ей самой определять ритм их соития, не решаясь на нее взглянуть и лишь придерживая ее за талию. Он вдруг представил ее в такой же позе, но на Венсане, ее любовнике. Когда она была с тем мужчиной, она тоже двигалась так исступленно и тоже стонала? Ему пришлось сделать над собой большое усилие для того, чтобы не оттолкнуть ее и в конце концов достичь оргазма.

«Впервые после того, как мой двоюродный брат мне все рассказал, впервые после того, как она мне изменила!» – подумал он, когда она, получив удовлетворение, вытянулась рядом с ним на постели.

– Теперь я знаю, что ты меня еще любишь, мой дорогой, – заявила Шарлотта с радостным вздохом. – Как нам здесь хорошо друг с другом!

Однако она ошибалась. Все было как раз наоборот. Людвиг только что окончательно осознал, что эту женщину он больше не любит.

Роберваль, тот же день

Лоранс и Киона сидели за столом, стоящим в беседке. Вооружившись ножницами и тюбиками с клеем, они уже заканчивали мастерить картонный домик для куклы. Жослин оказал им в этом помощь: он посоветовал установить эту хрупкую конструкцию на деревянное основание, которое сам смастерил из двух тоненьких дощечек и планок, найденных в сарае.

– Мы покрасим его после того, как поедим, Адель, – сказала Киона. – Он тебе нравится?

Девочка с восторженным видом закивала. Она охотно стала бы играть с этим домиком прямо сейчас, то есть не дожидаясь, когда его покрасят,

однако, будучи послушной, ничего не сказала.

– У бабушки есть лоскутки, – добавила Лоранс. – Я сделаю из них занавески на окнах и ковры во всех четырех комнатах.

– Вы не сделали в этом домике камин, – заметил Констан, с интересом наблюдавший за «строительством» картонного домика.

– Я нарисую камин, месье, и языки пламени в нем!

Лора и Эрмин наблюдали за всем этим, расположившись в шезлонгах.

– Мне это кажется странным, мама, – тихо сказала Эрмин. – Вчера я заметила, что Киона и Лоранс ведут себя неприязненно по отношению друг к другу. Особенно это чувствовалось во время ужина. Сегодня же между ними как будто полное взаимопонимание.

– Не стоит ломать себе голову. В таком возрасте настроение меняется очень часто и очень резко, причем даже из-за каких-нибудь пустяков, – ответила Лора. – Ты лучше взгляни на саму себя, моя дорогая. У тебя удрученный вид – вид женщины, которую лишили ее обожаемого мужа.

– Мне вряд ли стоит жаловаться. Тошан нуждается в свободе, но он вернется уже скоро. Что я могу клянчить у небес? Киона снова рядом с нами, сияющая и исключительно любезная. Надеюсь, она быстро забудет о том, что ей пришлось пережить. Кстати, мама, завтра нужно будет купить выпуск газеты «Солей». Вчера позвонила Мари-Нутта. Она сказала, что статья Бадетты будет напечатана в субботнем номере.

– Мы отправим за газетой Лоранс и Киону. Им будет приятно прогуляться.

Лора снова посмотрела на этих двух девушек, полное взаимопонимание между которыми вообще-то удивляло и ее. Она немало отдала бы за то, чтобы узнать, когда и каким образом они сумели помириться. Смех Лоранс и ее задор казались ей неподдельными, тогда как она вроде бы должна была дуться и напряженно размышлять над своей несчастной любовью. Эрмин снова погрузилась в чтение.

– А что ты читаешь, моя дорогая? У тебя есть забавная привычка оборачивать бумагой обложки тех книг, которые покупаешь. Поэтому их названий не видно.

– Это роман Эрве Базена, который я купила в Париже. Его опубликовали, по-моему, года два назад. Роман называется «Змея в кулаке». В нем описывается одна мать семейства, персонаж очень суровый и даже жестокий.

– Надеюсь, ты меня с ней не сравниваешь? – поинтересовалась Лора.

– Вовсе нет, мама. Ты женщина с характером и порой бываешь не очень-то любезна, однако ты проявляешь ко мне много любви и всячески

заботаешься о нас всех. Знаешь, я иногда по вечерам, прежде чем заснуть, воображаю себе, какой была бы моя жизнь, если бы в ней снова не появились вы с папой. Что мне совершенно ясно, так это то, что я ушла бы с Тошаном и не стала бы жить с Жозефом и Бетти Маруа, которые хотели меня удочерить. Я пела бы для Талы и ее соплеменников в лесной глуши и не сделала бы никакой карьеры. Своим профессиональным успехом я обязана тебе, мама. Ты часто оказывала мне действенную помощь, делала для меня все возможное и невозможное благодаря своему умению распоряжаться деньгами, а также поддерживала меня восхищением, вызванным моим творчеством.

Лора, сильно расчувствовавшись, погладила свою дочь по щеке. Когда она стала ей отвечать, ее голос слегка дрожал:

– Какой сегодня, похоже, будет прекрасный день, не так ли? Я могу воспользоваться твоим присутствием здесь, Мимин, для того, чтобы с ностальгией вспоминать с тобой те времена, когда ты была еще совсем юной. Мы ведь, тем более, окружены сейчас детьми и улыбающимися девушками.

– Да, день сегодня замечательный, однако кое-кому придется потрудиться. Я тоже обещала приложить руку к тесту в прямом смысле этого слова. Я должна сделать пирог с изюмом и патокой, а еще пирог с вишней и блинчики.

– Господи, кто это все съест? – усмехнулась Лора.

– Мама, нас тут много. Папа, Мадлен, Катери, Констан – у которого, кстати, сейчас аппетит, как у людоеда, – Киона, Лоранс и мы с тобой. Мы могли бы также пригласить Овида и Эстер, если только они не вернутся из своей поездки на сыроварню слишком поздно.

– О-о! Судя по записке, которую Эстер оставила рано утром на столике в гостиной, она сегодня работает в ночную смену. Думаю, Лафлер довезет Эстер до санатория, а сам поедет домой. Так что на них нам не стоит рассчитывать. Смотри, а вот Мадлен и Катери. Если ты не вмешаешься, твоя младшенькая в конце концов окажется, как Акали, в монастыре. Ведь это надо же – таскать каждый день в церковь такого маленького ребенка! А еще дать ей такое имя...

– Это просто повод для прогулки. Мадлен зажигает свечу, произносит молитву и выходит. Я сомневаюсь, что это вызовет у моей малышки религиозный пыл. А по поводу ее имени могу сказать, что оно мне очень нравится.

Индианка посмотрела на них с мечтательной улыбкой и пошла показывать Катери картонный домик. Киона взяла девочку на руки и стала

объяснять ей, как будет украшен дом.

– Вот эти две комнаты будут выкрашены в розовый цвет, а большая комната на первом этаже – в желтый и розовый.

– Я тоже хочу такой домик, – прошептала маленькая Катери, которая уже всю пыталась разговаривать.

– Ты будешь играть со мной! – воскликнула Адель. – У тебя есть кукла, которая еще меньше, чем моя. Они будут жить в этом домике вдвоем.

– Ты очень добра, Адель, – сказала Мадлен. – Чем бы я могла вам помочь?

– Ты могла бы помочь на кухне, – ответила Лоранс. – Дедушка получил наряд на чистку картошки – целых пять фунтов! Скоро уже, наверное, пойдет дождь: у Мирей стали ныть суставы.

– Нет, подождите, – вдруг запротестовала Киона. – Мадлен, мне хотелось бы прижать тебя к себе и крепко поцеловать.

– А зачем?

Несмотря на свое удивление, индианка позволила Кионе с ней обняться. Затем Киона отвела ее в сторону от беседки – туда, где перед крыльцом главного входа имелся небольшой газон – и сказала ей на ухо, что есть очень радостная новость.

– Эта новость касается меня? – поинтересовалась Мадлен.

– Да. Тебе нужно будет прийти на железнодорожный вокзал к шести часам вечера.

– Акали?

– Она уходит из монастыря. Она возвращается, Мадлен.

– Киона, я не решаюсь обрадоваться этому прямо сейчас. Я не стала сообщать ей в своих двух последних письмах о том, что Шарлотта и Людвиг вернулись. А ты стала бы ей об этом сообщать? А Лоранс стала бы? Я горевала из-за того, что Акали ушла в монастырь, но при этом, по крайней мере, знала, что она защищена там от мирских невзгод.

– Защищена от мирской любви? – спросила Киона едва слышно. – Мадлен, вы все считали меня очень и очень умной. Вы полагали, что мои экстраординарные способности не позволят мне совершать глупости, однако все вышло совсем иначе. Близняшки и мы с Акали сейчас достигли того возраста, когда сердца бьются учащенно и сильное чувство может зародиться от одной лишь улыбки или пристального взгляда. Мы вот уже года три втихомолку разговариваем друг с другом о мальчиках, которые нам нравятся. Мари-Нутта, как и я, мечтала о Делсене, Акали – о Людвиге, а Лоранс – кое о ком еще. Но все это не было по-настоящему серьезным. Не

бойся, Акали хотя и не знает пока о том, что Людвиг в Валь-Жальбере, это не произведет на нее никакого впечатления.

Эрмин, заинтригованная тем, что Киона отвела Мадлен в сторону и о чем-то с ней шепчется, приблизилась к ним со стороны дома, держа в руках свою соломенную шляпку.

– О чем это вы тут шушукаетесь? – спросила она.

– Мне нужно было поговорить с Мадлен с глазу на глаз, – ответила Киона. – Но ты тоже иди сюда! Ты имеешь право узнать об этом второй. У меня только что было видение, когда я взяла на руки Катери. Знаешь, кто к нам скоро приедет? Акали. Наша Акали. Она возвращается.

– Правда? Ты в этом уверена?

– Абсолютно.

Мадлен, приложив руки к сердцу, заплакала. Эрмин обняла ее, еще не понимая, почему она плачет, но Киона стала ей объяснять.

– Не беспокойся, Мин. Она плачет от радости, плачет от огромного счастья. Нужно будет подготовить комнату.

Берег озера Кеногами, тот же день, двумя часами позже

Эстер захотела устроить пикник на берегу озера, в тени кленовой рощицы. Овид, чтобы купить для этого еды, остановился по дороге у магазинчика, в котором продавались прохладительные напитки и бутерброды. Когда он их распаковал, на его лице появилось загадочное выражение.

– Это символично, – сказал он. – Смотрите, я купил для вас бейглы с копченым лососем, сливочным сыром и травами. У них, к сожалению, уже не было копченого мяса. Это все моя любимая еда. Я пробовал это в Монреале. Там тесто было с ароматом зернышек кунжута.

– Не знаю, что это, но выглядит аппетитно. У меня от свежего воздуха разыгрался аппетит. В общем, бейглы или бутерброды – не так уж важно.

Учитель подавил вздох. Он когда-то узнал, что появление этих маленьких хлебцев в виде кольца связывается с прибытием в Монреаль большого количества иммигрантов-евреев.

– Я вообще-то по своей природе любопытен, – добавил Овид. – Я задался вопросом, в чем разница между бейглом и обычным хлебом. Колечки из теста сначала варят в кипящей воде несколько минут, а затем кладут на сковородку. Именно благодаря этому они приобретают свой специфический цвет и блестящую корочку.

Эстер рассеянно кивнула, наблюдая при этом за семьей, расположившейся в сотне метров от них. Регион привлекал туристов из

Соединенных Штатов: они приезжали купаться в озере и ловить в нем рыбу. Когда здесь проложили железную дорогу, соединяющую Шамбор с Шикутими, это поспособствовало заселению близлежащих территорий.

– В начале века по этому озеру плавал экскурсионный пароход, он назывался «Мария-Нина», – сообщил Овид, надеясь снова завладеть вниманием своей спутницы.

– Экскурсии на нем, наверное, были очень интересными, – тихо сказала Эстер. – Не обижайтесь, но я должна вам сказать, что предпочла бы, чтобы вы рассказывали мне об истории этого региона, а не о кулинарии. Кулинария меня совсем не интересуется.

– Мне тут не на что обижаться. Я просто полагал, что бейглы вам знакомы, потому что их вообще-то придумали евреи.

– А-а, так вот в чем дело! Сожалею, что приходится вас разочаровывать, Овид, но я прежде всего парижанка и француженка. Мои предки осели в Париже еще в восемнадцатом веке. Лично я никогда не интересовалась иудейской религией, и мне неизвестны многие из наших национальных традиций и уже тем более наши кулинарные рецепты. Может, вам еще хотелось бы, чтобы я носила желтую звезду?

Эстер с разгневанным видом поднялась и пошла прочь. Овид, смутившись, поплелся за ней. Она остановилась возле деревянного домика, в котором можно было купить или взять напрокат рыболовные снасти.

– Простите меня, я был бестактен, – прошептал он. – Однако и вы уж очень обидчивы.

– Да, это верно! Потому и вы меня простите. Вы ни в чем не виноваты, и я на вас ничуть не сержусь. Давайте вернемся и будем есть эти ваши бейглы.

Она вдруг взяла Овида под руку, словно бы это прикосновение должно было ее успокоить. Овид, растрогавшись, признался ей:

– Я не ходил на людях под руку с женщиной уже давным-давно – думаю, лет тринадцать. Поэтому я чувствую большое волнение. Вы, наверное, считаете меня наивным простаком.

– Нет, вы человек откровенный и чувствительный. Я терпеть не могу тех мужчин, которые бравируют своей принадлежностью к мужскому полу и заявляют, что у них нет никаких слабостей. Мне не хочется показаться вам бестактной, но позвольте все же у вас спросить, почему вы обрекаете себя на одиночество.

Они присели на одеяло, которое Овид расстелил на траве еще полчаса назад. Мухи, облепившие разложенные на одеяле пресловутые бейглы, с легким жужжанием поднялись в воздух.

– Ой, сколько тут мух. Не знаю, будете ли вы теперь есть эти бейглы... – с растерянным видом пробормотал Овид.

– Мухи – это не так страшно. Со мной, как вы сами знаете, бывали случаи и похуже! Однако вы мне так и не ответили. Тошан рассказал мне очень подробно обо всех членах своего «племени». Он сам так и сказал: «мое племя». А вот касательно вас он был не очень-то словоохотлив. Вы, насколько я знаю, близкий друг их семьи и интеллектуал, который делает немало хорошего для детей народа монтанье.

– Такое резюме мне вполне подходит! – усмехнулся Овид. – Ну, раз уж вы хотите узнать обо мне поподробнее... Я женился, как и большинство мужчин, еще в молодости и готовился стать отцом. К сожалению, близнецы, которых моя жена Катрин произвела на белый свет, родились недоношенными и не выжили. После этих тяжелых родов моя жена в течение трех долгих лет все время болела. За ней ухаживала моя мать – ее звали Сельвиния, – потому что я должен был работать. Катрин скончалась...

– Я вам искренне сочувствую, – вздохнула Эстер. – Вы, как говорят некоторые, были безутешным вдовцом?

– Не совсем так, – счел возможным признаться Овид, вдруг ощутив необходимость быть откровенным и ничего не скрывать от Эстер. – У нас у всех есть свой тайный сад, не так ли? Хочу пригласить вас в мой сад, который был изрядно потрепан множеством бурь.

Эстер смущенно посмотрела на Овида, а затем без малейшего ехидства сказала:

– Вы, стало быть, ведете меня в опустошенный сад, в котором цветы затоптаны, ветки поломаны, а трава пожелтела!

Овид невольно рассмеялся: его собеседница не могла выразиться точнее.

– Описание соответствует действительности, Эстер, – сказал Овид. – Вам придется проявить мужество.

Затем он, нервничая, прикурил сигарету. Взгляд его зеленых глаз стал меланхолическим. Его охватили сомнения: ему показалось, что он играет с огнем.

– Вы наверняка почувствуете ко мне жалость после того, как прогуляетесь по моему саду, – наконец сказал он. – Но лично я не боюсь жалости. Чего я боюсь – так это потерять шанс стать вашим другом.

– Вы знаете, а ведь страх – плохой советчик. Я, кстати, совсем не расположена вас за что-либо осуждать.

Эстер замолчала. Она в своей жизни сталкивалась с чудовищами в

человеческом обличе, с безжалостными преступниками, и поэтому у нее выработались свои подходы к оценке людей. В данном случае она полагала, что если этот учитель помогал индейским детям и если его высоко ценили Эрмин и Тошан, то он попросту не мог совершить ничего предосудительного.

– За последние годы я сильно изменился, – начал рассказывать Овид. – В начале войны я и летом, и зимой разъезжал по региону Лак-Сен-Жан в поисках каких-нибудь заработков в дополнение к моей основной работе. Я страстно увлекался французской и американской литературой и много читал. Литературные произведения были для меня чем-то вроде Библии, заменяли собой духовного наставника. У меня возникла навязчивая идея научить читать индейцев, чтобы им стала доступна эта духовная мощь. Они очень быстро прониклись ко мне симпатией, и я завел среди них много друзей. В 1939 году одна очень набожная индианка монтанье познакомила меня с Эрмин, Снежным соловьем. Я вскоре в нее влюбился, и эта любовь и украсила, и опустошила мою жизнь, потому что Эрмин обожала своего мужа.

Он из уважения к Эрмин решил соврать:

– Я хочу подчеркнуть, что между нами никогда ничего не было – никогда и ничего! Да и кто станет соперничать с Тошаном Дельбо, которого называют в прессе повелителем лесов и красавцем метисом!.. Ну да ладно, хватит об этом. Мало-помалу я перезнакомился со всеми ее близкими родственниками – Лорой, Жослином, детьми. О военных годах у меня, в общем-то, остались хорошие воспоминания, потому что я помог Эрмин забрать Киону из государственной школы-интерната. Затем мы писали статьи, в которых рассказывали о безобразиях, имевших место в такого рода заведениях. Я с ностальгией вспоминаю о том, каким я тогда был, ибо я ревностно защищал индейцев. А еще я восхищался Кионой, удивительные способности которой заставляли меня усомниться в абсолютной правильности моих материалистических воззрений. Мало-помалу я ожесточился в ходе мимолетных любовных интрижек, которые не могли привести ни к чему серьезному, и своего траура по большой, но безответной любви. Каких только усилий я не предпринимал, чтобы отвлечься от грустных реалий моей жизни: и старался говорить более грамотно, избегая местных словечек и выражений, и читал все больше и больше, и беспрестанно что-то изучал... Но все было бесполезно.

Эстер посмотрела на Овида с задумчивым видом, а затем отпила немного лимонада и закурила сигарету.

– Пока что я не услышала ничего шокирующего, – сказала она. – Я без

труда могу себе представить, что какой угодно мужчина может влюбиться в Эрмин и сохранять это чувство много лет. Она женщина удивительной красоты, и красота эта не только физическая. Она представляется мне милой, нежной, щедрой, умной. А что говорить про ее удивительный голос?! Столько замечательных достоинств в дополнение к ее прекрасным светлым волосам, белоснежной коже и большим голубым глазам! Лоранс на нее очень похожа – больше, чем Мари-Нутта.

Овид, сильно смутившись, опустил голову. Однако затем он – в поспешной манере – решился быть предельно откровенным и рассказал, ничего не утаивая, о том, что произошло у него с Лоранс. Эстер на этот раз так удивилась, что, сняв свои солнцезащитные очки и не произнося ни слова, с недружелюбным видом стала смотреть куда-то в сторону.

– И случилось так, что этот нелепый поцелуй стал прелюдией к нашей с вами встрече, Эстер, – добавил Овид. – Я пребывал в полном замешательстве, потому что не знал, каким образом мне дать задний ход, когда на крыльце дома семьи Шарденов вдруг появились вы. Я все понял для себя в тот момент, когда наши с вами взгляды встретились... Вот такие дела! Вы, наверное, теперь меня презираете, и я вполне этого заслуживаю. Я не мог скрыть от вас этот прискорбный эпизод, который позволил мне понять одну вещь: я потерял уважение к самому себе из-за того, что мне польстили чувства, возникшие ко мне у Лоранс – невинной шестнадцатилетней девушки. Ну да ладно... Я сейчас соберу остатки этого нашего пикника, и затем мы поедem на сыроварню. Если, конечно, вам все еще хочется туда поехать.

– Овид, с какой стати я стала бы вас презирать? Вы ведь просто живой человек, которому ничто человеческое не чуждо. Я и сама не святая. Меня охватывали точно такие же чувства, какие были у вас, и я переживала точно такое же разочарование. Когда я училась в лицее в Париже, мой преподаватель древнегреческого языка – настоящий фат – невольно заставлял мое сердце биться быстрее. Мне было пятнадцать лет, и я училась только на отличные оценки. Он часто улыбался и этим вскружил мне голову. Это было настоящим безумием! Я была уверена в том, что люблю его и что он тоже любит меня. Как-то раз после занятий я поступила точно так же, как Лоранс: бросилась ему на шею и поцеловала его.

– И как он на это отреагировал?

– Он довольно бесцеремонно оттолкнул меня и в качестве наказания оставил на два часа после занятий. Вдобавок к этому он задал лично мне перевести один древнегреческий текст, который представлял собой настоящую головоломку. Я, подумав, что он злой и глупый, спустилась со

своего розового облака на землю. Он очень быстро меня исцелил.

– Я даже и представить себе не могу, как бы я мог наказать Лоранс, которая помогала мне обучать моих немногочисленных учеников. Для этого мне, по меньшей мере, нужно быть невиновным. Возможно, она полностью пришла в себя, раз уж вы видели ее сегодня утром веселой. И пусть она ненавидит меня, я не стану переживать, если только это поможет ей не испытывать никаких душевных страданий.

Эстер встала, подняла с земли одеяло и свернула его. Овид, взяв у нее из рук одеяло, очень тихим голосом спросил:

– Скажите честно, мои откровения не вызвали у вас неприязни ко мне? Нет?.. А я ведь так себя терзал! Прошлой ночью я почти не спал. Я чувствовал себя виноватым и перед Лоранс, и перед вами.

– Овид, это все занятные пустяки – эпизоды из жизни, о которых потом вспоминают с умилением, если только они не привели к серьезным последствиям. Какая-нибудь другая женщина, возможно, осудила бы вас и разорвала бы с вами отношения, но я так поступать не стану. Не стану из-за всего того, что я в своей жизни видела и пережила. Это хорошо, когда человек испытывает угрызения совести, чувствует себя виновным и стыдится. Я себя часто спрашивала, как палачи из Аушвица могут спать, есть, смотреть на себя в зеркало и даже дышать... А вы вообще-то человек хороший.

Эстер подняла свою красивую голову и, посмотрев на Овида, слегка улыбнулась ему. Ее губы при этом едва заметно подрагивали. В тени деревьев ее кожа цвета слоновой кости казалась более бледной. Ветер, дующий со стороны озера, заставлял плясать маленькую прядь волос, упавшую на ее лоб. Не сводя глаз с Овида, которого ее слова очень обрадовали, она слегка прикоснулась губами к его темно-розовым губам красивой формы.

– А у меня что, нет права на поцелуй? – прошептала она, почувствовав, что он колеблется. – Никто в мире не станет на вас из-за него сердиться.

Выпустив из рук то, что он в них держал, Овид осторожно обнял Эстер и очень нежно ее поцеловал. Они оба почувствовали, что их души тянутся друг к другу и ведут себя при этом не так робко, как тела, уже давно не испытывавшие плотских наслаждений. Затем Овид, проникнувшись нежными чувствами, обнял Эстер уже намного крепче и стал покрывать легкими поцелуями ее щеки и волосы.

– Мне не хочется выпускать вас из своих рук, – прошептал он ей на ухо. – Я хочу прижимать вас к себе и тем самым заставить позабыть обо

всем, что вы пережили.

– Я вряд ли об этом забуду, но мне тем не менее очень хочется жить... А теперь нам нужно поторопиться на сыроварню. Я ведь сегодня должна прибыть на работу в восемь часов вечера.

– Да, вы правы. Собираемся поскорей – и поехали.

Овид весь дрожал от того невероятного ощущения счастья, которое доставили ему эти объятия и поцелуи. Они сулили ему новые поцелуи и новые моменты близости.

Примерно час спустя он остановил свой старенький «шевроле» возле сыроварни, на которой работал Мукки. Когда они подъезжали к ней, то увидели справа и слева от дороги пасущихся коров с шерстью коричневого цвета или же, гораздо реже, рыжеватых. Некоторые из них были с телятами.

– Канадская порода, которую начали выводить еще первые переселенцы, – сообщил Овид. – Их предки – нормандские коровы. А также голландские и английские.

Сейчас, в середине дня, было так жарко, что это усиливало чувствующиеся в воздухе запахи соломы, сухой земли и кислого молока. Овид и Эстер вышли из машины рядом с большими кирпичными зданиями, окруженными деревянными постройками размером поменьше. Им навстречу почти сразу пошел высокий парень с кожей цвета меди. Это был Мукки. Одет он был в куртку и штаны из синего полотна, а его иссиня-черные волосы прикрывала кепка. Эстер он улыбнулся очень широкой улыбкой, а вот на Лафлера взглянул без особой доброжелательности.

– Добрый день, мадемуазель Штернберг! – громко сказал Мукки. – Я вообще-то думал, что вы приедете с моими бабушкой и дедушкой, и не сегодня, а через недельку-другую.

– Мне очень захотелось взглянуть на те пейзажи, которые вы так восторженно хвалили, Мукки. А еще я хотела купить сыра. Собираюсь угостить им своих коллег по санаторию и ваших родственников. Ко мне все так хорошо отнеслись!

– Моя хозяйка машет вам рукой. Пойдемте, она сможет посоветовать что-то лучше, чем я, – сказал Мукки, бросая на Овида хмурый взгляд и тем самым заставляя его остановиться.

Овид, удивившись и смутившись, достал свою пачку сигарет и предложил Мукки угоститься сигаретой.

– Нет, спасибо, в рабочее время я не курю!

Дождавшись, когда Эстер отойдет достаточно далеко, Мукки тихо спросил суровым тоном:

– Вы уже поставили крест на моей сестре, месье Лафлер? Теперь пришла очередь мадемуазель Штернберг?

– Послушай, Мукки, мы ведь с тобой друзья! Зачем ты называешь меня «месье Лафлер», даже если тебе и есть в чем меня упрекнуть?

– Я уже больше вам не друг и не мальчишка, которого легко одурачить. Я в эти последние три дня много думал. Вы все время крутились возле моей матери, а затем стали крутиться вокруг Лоранс. Поэтому я вас предупреждаю: не смейте больше подходить ни к одной, ни к другой. Я знаю, что вы целовались с Лоранс, и у меня этот случай не вызывает восторга – как не вызвал бы он восторга и у моего отца. Я пообещал сестре, что ничего не расскажу родителям, но я вполне имею право высказать свое мнение вам.

– Знаешь, Мукки, я тебе, черт побери, не какой-нибудь извращенец! Я извинился перед Лоранс, сказал ей, что с моей стороны это была ошибка, мимолетное наваждение!

– Ну и что? Вы думаете, что все смогли уладить своими дурацкими извинениями? Она любит вас вот уже несколько месяцев. Для нее этот поцелуй имел большое значение. Если бы вы тоже ее любили, я бы больше других этому обрадовался, потому что мне наплевать на вашу разницу в возрасте. Однако вы ее не любите. Это видно невооруженным глазом.

– Мне очень жаль, что так получилось, – сказал Овид. – Эти слова звучат банально, я знаю. Мы поговорим об этом позже, через несколько лет, когда ты уже не будешь таким непреклонным и таким юным. Имей в виду, что я восхищаюсь Лоранс и испытываю к ней глубокое уважение. Ты говоришь, что она меня любит вот уже несколько месяцев. Разве я в этом виноват? Я был честен с ней. Можешь ее даже спросить об этом. Что касается Эстер Штернберг, то она имеет полное право встречаться с кем угодно, в том числе и со мной. А теперь позволь мне пройти.

Мукки с разгневанным видом повернулся к учителю спиной и направился быстрым шагом туда, куда пошла Эстер. Овид решил, что не станет участвовать в выборе сыра, и стал ходить взад-вперед перед зданием, которое использовалось в качестве магазина. Эстер некоторое время спустя вышла из этого здания с восторженным видом – как у ребенка, которому купили понравившуюся ему игрушку. Она несла в руках большой пакет из плотной бумаги, похоже, довольно тяжелый.

– Я тут накупила всякой всячины, – сказала она Оvidу. – Меня уговорили попробовать новый сорт сыра, у которого легкий запах трав и вкус ореха и сливок. Мукки попросил меня попрощаться с вами от его имени. Его хозяйка поручила ему прибраться в маленьком помещении,

которое находится за магазином. Поедемте быстрее! Эти лакомства боятся жары.

– Мы поедем со скоростью света, – пошутил Овид. – Мы правильно сделали, что поели на траве, на берегу озера. Думаю, Мукки не смог бы составить нам компанию.

– Да, верно, он показался мне очень серьезным, почти не улыбался и вел себя гораздо сдержаннее, чем у своих бабушки и дедушки, – закивала Эстер.

Овид с облегчением отправился в обратный путь. «Шевроле» казался ему своего рода надежным убежищем – вторым его домом, в котором никто не сможет помешать ему общаться с Эстер.

– Не переживайте, я доставлю вас в Роберваль вовремя, – заявил Овид. – Куда мне вас довезти – до санатория?

– Я предпочла бы заехать в дом Лоры, чтобы переодеться. Я могла бы там сразу подарить ей сыр, который выбрала для нее. Или это для вас не совсем удобно?

Овида умилили ее обходительность и любезность. Эстер не стала ждать его ответа.

– Хотя нет, у меня возникла идея получше, – заявила она. – Мы поужинаем в каком-нибудь ресторане на бульваре Сен-Жозеф, а затем вы отвезете меня в санаторий. В санатории на кухне имеется большой холодильник. В него я и положу свои покупки.

– Вы восхитительны, – вздохнул Овид, бросая на Эстер взгляд, полный благодарности. – К сожалению, я не могу пригласить вас сегодня вечером на ужин в ресторан. По правде говоря, у меня при себе осталось слишком мало денег.

– Овид, я не получу в полной мере удовольствия от этой нашей поездки, если мне придется расстаться с вами раньше, чем хотелось бы. Я вас приглашаю. Давайте не будем лишать себя возможности пообщаться друг с другом, сидя за столом, из-за каких-то там условностей. У меня есть деньги – а значит, их нужно тратить.

– Если вы настаиваете, я охотно соглашаюсь. И я начинаю понимать, почему вы так легко находите общий язык с Лорой Шарден: она любит тратить деньги.

– Это верно. Я тоже люблю их тратить. Я, к своему превеликому удивлению, некоторое время назад унаследовала небольшое состояние. Мой зять – муж моей сестры Симоны – и один из его двоюродных братьев спрятали драгоценности и золото в камине одной квартиры, которая досталась нам по наследству перед войной. Два года назад я предъявила

свои права и вступила во владение этой квартирой. Вся мебель, все картины, все безделушки к тому моменту куда-то исчезли, а вот этот тайник никто не заметил, и его содержимое не пропало. Это было просто невероятно! Я почувствовала себя в тот день по-настоящему свободной. Имейте в виду, что вы – единственный, кому я доверила эту тайну.

– Вы не рассказали об этом Тошану?

– Нет, ни единого слова. Поскольку вы мечтаете посетить Париж, то, если представится возможность туда поехать, вы будете знать, где остановиться. Я не хочу ни продавать эту квартиру, ни сдавать ее внаем.

Эстер замолчала и опустила стекло. Ветер пошевелил несколько прядей ее черной шевелюры. Ее накрашенные губы, освещенные яркими солнечными лучами, поблескивали.

– Там такой квебекский простофиля, как я, чувствовал бы себя потерянным! Мне нужно, чтобы меня сопровождали вы, Эстер, а иначе я никуда не поеду! – пробурчал Овид с сильным квебекским акцентом.

Эстер расхохоталась – радостно и от души. Наклонившись к Овиду, она поцеловала его в щеку.

– Вы мне нравитесь, – призналась она.

– Вы мне тоже нравитесь, и это еще слабо сказано, – заявил Овид в ответ.

Он изгнал из своего сознания воспоминания о гневных упреках Мукки и жалобные вздохи Лоранс. В его жизни происходил новый поворот – поворот в сторону будущего, которое ему хотелось видеть таким же безоблачным, каким было сейчас голубое небо над его головой, и которое – впервые за много лет – уже абсолютно никак не увязывалось в его сознании с восхитительным взглядом голубых глаз Эрмин.

Роберваль, дом Лоры, пять часов вечера

Картонный домик для куклы был уже готов. Лоранс разукрасила его своими красками, гуашью, которая очень быстро сохла на свежем воздухе. Адель была так восхищена этим домиком, что даже не осмеливалась с ним играть: она просто разглядывала его, сидя на одеяле – Эрмин и Киона решили, что будет правильнее поставить домик прямо на газон, чтобы освободить стол в беседке для чаепития, столь дорогого сердцу Лоры.

– Какой чудесный день! – восторженно воскликнула Лора, расстилая на этом столе скатерть. – Время как будто остановилось, заботы улетучились... Мне нравится это время суток – когда уже наступает вечер. Розы приятно пахнут, воздух теплый...

– Ты говоришь верно, мама, – кивнула Эрмин. Она надела простенькое

белое платье, а волосы собрала в пучок на затылке. – Мне даже хочется петь.

– Иисусе милосердный, это неплохая мысль! – заявила Мирей, уже усевшаяся в тени. – Не стесняйся, Мимин! Лично мне нравится и этот день, и вообще моя жизнь. Я в этом доме как кот в масле катаюсь... Хотя нет, правильнее сказать «кошка». Старая драная кошка.

– Мирей, не говори таких слов в присутствии детей, они станут их повторять! – запротестовал Жослин. – Посмотри-ка, какой веселой стала физиономия у Констан. Ступай на кухню, мальчик! Ты уже достиг того возраста, когда можешь чем-то помочь. Принеси сахарницу и тарелку с блинчиками.

– Нет, папа, он может ее уронить. Хватит и сахарницы! – вмешалась Эрмин. – Я целый час топталась на кухне, чтобы приготовить для вас эти блинчики, поэтому мне совсем не хочется, чтобы они шлепнулись на траву.

Лоранс расставила на столе чашки из китайского фарфора, а Киона принесла пузатый чайник для заварки, из носика которого шел пар.

– Спасибо, мои дорогие! – промурлыкала Эрмин.

Она начала петь, но старалась не напрягаться и пела негромко. Однако так продолжалось недолго. Вскоре она уже стала брать высокие ноты и, к великой радости детей, делать танцевальные движения. Катери начала хлопать в ладоши, Констан – тоже, а Адель просто сидела и слушала, как зачарованная.

О Магали, любовь моя,
Давай мы убежим вдвоем.
В лесу, где мягкая земля,
Местечко тихое найдем...
Покрыла нас вуалью ночь,
И вижу я в твоих глазах:
Звезда – ночного неба дочь —
Влюбленным светит в небесах^[21].

– Это песня, обращенная к Магали, из оперы «Мирей»! – сообщил Жослин, когда его дочь закончила петь.

– Я выучила ее, чтобы доставить удовольствие Бетти – моей дорогой Бетти, – задолго до того, как стала выступать на сцене. Как-то раз зимним вечером я спела ее Мелани Дунэ – очаровательной пожилой женщине, которая жила на улице Сен-Жорж. Мне тогда было четырнадцать лет. Она

напустила на себя возмущенный вид и сказала мне, что эта песня фривольная и что петь ее меня научили явно не монахини из монастырской школы. Мне очень нравилось ходить по заснеженным улицам Валь-Жальбера! Из печных труб валил дым, а во всех окнах горел свет. Мне помнится, я носила горячий суп мадам Дунэ, а сестра-монахиня по имени Викторианна готовила для нее целебные настои из трав.

Киона ласково положила руку на плечо Эрмин. Это легкое прикосновение позволило ей увидеть те сцены из прошлого, которые мелькали сейчас перед мысленным взором ее сводной сестры.

– Ты также пела ей песню «Скиталец из Канады», которая очень нравилась Жозефу, – сказала Киона.

– Спой, мама! – попросила Лоранс. – Я ее не слышала.

– Хорошо, если вспомню слова... Позвольте мне подумать.

Жослин сел на одну из скамеек и, улыбаясь, стал набивать свою трубку. В тот же момент появилась Мадлен, спустившаяся со второго этажа. Она села рядом с хозяином дома, неизменно очень сдержанная. Эрмин начала петь песню в медленной и меланхоличной манере.

Один скиталец из Канады,
Оттуда изгнанный тираном,
Бродил там, где ему не рады,
По разным зарубежным странам.
Однажды он стоял печальный,
Терзаясь своим тяжким горем,
На берегу в чужбине дальней,
И так сказал теченью моря:
«Когда достигнешь ты Канады,
Где тяжело жить простому люду,
Моим друзьям (пусть будут рады!)
Скажи, что я их не забуду»... [22]

Мирей пустила слезу, а Лора, к горлу которой подступил ком, не смогла удержаться от того, чтобы не зааплодировать. На нее нахлынули воспоминания. Она вспомнила, как сидела в глубине роскошного обеденного зала в отеле «Шато-Роберваль» в траурных одеждах, слушая, как поет чудо-ребенок, которого уже тогда называли Соловьем из Валь-Жальбера. Восхищаясь талантом и великолепным голосом своей дочери, она сейчас испытывала такое же чувство гордости, как и тогда, в те далекие

времена.

– А как же блинчики? – вдруг спросил, проголодавшись, Констан. – Уже пора есть пироги и блинчики.

– Вначале сядь за стол, озорник! – засмеялся Жослин. – Ты тоже иди сюда, Адель! Твой красивенький картонный домик никуда не улетит.

– Не хватает горшочка с молоком, – сказала Киона, после того как помогла Адели сесть на стул. – Но...

Ничего больше не сказав, она побежала на кухню. У нее только что началось видение, которое заставило ее смутиться. Она поспешно вернулась из кухни и поставила молоко на стол.

– Кое-кто не осмеливается войти в сад, – сообщила она. – Я пойду его приведу. Он будет нашим гостем.

– Перестань плодить тайны, Киона! – вспыхнула Лора. – Ты иногда немного злоупотребляешь этим своим чертовым природным даром!

– Мама, следи за своей речью! – возмутилась Эрмин. – Знаешь, мои дети послушают-послушают тебя и папу да сами начнут ругаться...

– Я имела в виду Людвиг, – пояснила Киона. – Он пришел с Томасом.

Она, улыбаясь, ушла. Мадлен с раздосадованным видом посмотрела на свои наручные часы – подарок, который она получила на предыдущее Рождество. Если Акали и в самом деле приедет на поезде в шесть часов вечера и придет сюда, этот молодой немец все еще будет здесь, в саду, и все начнется сначала. Ее приемная дочь расстроится из-за того, что увидит Людвиг, и ее встреча с ней, Мадлен, будет испорчена. «Поэтому я приду на перрон вокзала чуть раньше и постараюсь как-то задержать Акали, – подумала она. – Мы совершим небольшую прогулку. Мы ведь так долго не виделись, и нам нужно очень многое друг другу рассказать! Впрочем, Киона могла и ошибиться. Разве Акали покинула бы монастырь, не предупредив об этом меня? Она вполне могла мне написать и попросить меня к ней приехать, чтобы мы могли обсудить это ее решение!»

Пока эта милая индианка предавалась подобным рассуждениям, Киона пошла к калитке, украшенной маленькими розами. Она увидела за ней уходящего прочь светловолосого мужчину, который держал на руках мальчика с такими же светлыми волосами. «Какой он несчастный! И грустный, очень грустный!» – подумала Киона, уже собираясь окликнуть Людвиг.

Однако ей этого делать не пришлось: Людвиг и сам оглянулся еще до того, как она произнесла его имя, а затем, повернувшись и облегченно вздохнув, пошел назад, к ней навстречу.

– Я боялся, что помешаю. Эрмин пела, и мне показалось, что мое

появление в этот момент будет несвоевременным, – объяснил он со смущенной улыбкой.

Он, однако, чувствовал себя вполне раскованно рядом с Кионой, которая до сих пор оставалась в его представлении лукавой и дерзкой девчонкой-подростком из Валь-Жальбера, экстраординарными способностями которой он восхищался на берегу Перибонки.

– Идемте, там у нас есть горячий чай, блинчики и пироги, приготовленные белыми ручками Снежного соловья! – сказала Киона шутливым тоном.

– Ты теперь обращаешься ко мне на «вы»? – удивился Людвиг. – Мне это не нравится. Мы ведь с тобой старые друзья.

Томас уставился на Киону своими карими глазами, прижавшись головой к ложбинке на плече отца.

– Людвиг, ты вообще-то не один. Я приглашала и твоего сына тоже.

– Большое спасибо. Я воспользовался этой прогулкой для того, чтобы всех навестить. Месье Маруа любезно согласился одолжить мне свой автомобиль. Вообще-то мы скучаем по Адели – и Томас, и я. А Шарлотта сейчас отдыхает.

– Ну и правильно, – сказала Киона. – Пойдем.

Киона пошла впереди Людвига. Она выглядела в штанах и рубашке так же грациозно, как и в летнем платье. Людвиг, идя вслед за ней, удивлялся тому, что он вдруг перестал ощущать тяжесть на душе – тяжесть, которая мучила его с того драматического момента, когда он понял, что больше не любит свою жену. «Я, наверное, ошибся, – подумал он. – Я должен лелеять Шарлотту и оберегать ее. Она ведь моя супруга, и я ее простил».

Несколькими минутами позднее он уже сжимал в своих объятиях Адель, а Томас бегал по лужайке вместе со следовавшей за ним по пятам Катери. Людвиг все встретили очень тепло, потому что было невозможно относиться плохо к этому человеку, отличающемуся необычайной любезностью.

– Здесь – еще один маленький райский уголок, – сказал он, усевшись за стол и взяв в руки чашку с чаем. – Есть маленький райский уголок в Валь-Жальбере и большой – на берегу Перибонки. Как вы будете называть свой дом в Робервале, мадам Лора?

– Рай озера Сен-Жан! – воскликнула Лоранс. – И у нас есть наш ангел – Киона...

– Нет, не надо этого говорить! – запротестовала Киона. – С меня хватит!

Однако она весело рассмеялась, с волнением прислушиваясь к тихому внутреннему голосу, шептавшему ей, что рядом с ней в этот тихий вечер находится другой ангел – мужчина, способный прощать обиды, предательство и капризы, которые ему приходится терпеть от своей законной жены, и умеющий скрывать боль ради того, чтобы беречь своих детей.

Чувствуя восхищение и сострадание, Киона мысленно пообещала себе, что позаботится о Людвиге, Шарлотте и их детях. А пока что первая ее забота заключалась в том, чтобы аккуратно разрезать пирог с изюмом и патокой и раздать всем по куску.

Минут через двадцать Мадлен поднялась из-за стола. Она абсолютно ни к чему не притронулась.

– Извините меня, мне нужно пойти немного прогуляться, – сказала она.

– Ты имеешь полное право немножко побродить в свое удовольствие, – ответила ей Эрмин, которая знала, куда на самом деле сейчас пойдет Мадлен.

Индианка пришла на перрон железнодорожного вокзала и стала ходить из конца в конец, мысленно произнося молитвы. Когда раздался свисток паровоза, она замерла на месте и задышала тяжело. «Господь, Дева Мария, блаженная Катери, сделайте так, чтобы слова Кионы оказались правдой, сделайте так, чтобы моя дочь вернулась и я могла ее обнять».

Состав остановился с оглушительной симфонией скрежета и треска. Двери вагонов открылись, и пассажиры стали спускаться из вагонов на перрон, держа в руках чемоданы и пакеты. Мадлен не знала, где ей высматривать свою приемную дочь – то ли с одной стороны перрона, то ли с другой. Силуэты засновавших по перрону людей сливались в одну безликую толпу, в которой было очень трудно кого-либо рассмотреть.

– Мама! Мама! – раздались крики из гущи толпы.

К Мадлен подбежала девушка в розовом платье, с пряничной кожей, с черными волосами. Она смеялась. Через плечо у нее висела кожаная сумка.

– Акали! Мое дорогое дитя!

Они обнялись и обе расплакались. На них со всех сторон смотрели: кто умиленным, кто недоуменным, а кто равнодушным взглядом, – но Акали и Мадлен этого не замечали: они, опьяненные радостью встречи, видели только друг друга.

– Мама, я не смогла ни бросить тебя, ни отказаться от тех, кого я люблю, от лесных песен и журчащих рек, – прошептала Акали.

– А как быть с твоей несчастной любовью? – тихо спросила Мадлен. –

Тебе удалось ее победить?

– Да, на этот счет можешь вообще не переживать.

– Ну, тогда все прекрасно, моя дорогая малышка. Пойдем поприветствуем Пиекоиагами – озеро наших предков.

Они покинули вокзал, держась за руки, и пошли неторопливым шагом к огромному озеру, волны которого, освещенные солнцем, казалось, что-то поют только лишь для них двоих.

Глава 11

На берегах озера

Роберваль, пятница, 4 августа 1950 года, десять часов вечера

Акали сидела, поджав ноги, на кровати Мари-Нутты рядом с Кионой. Юная индианка монтанье, скрестив руки, удерживала ими у себя на животе подушку. В свои девятнадцать лет она обладала уже полностью сформировавшейся женской фигурой, да и щеки у нее теперь были не такими круглыми, как раньше. Ее прическа – каре – тоже способствовала тому, что она выглядела взрослее.

– Ты правильно поступила, что ушла из монастыря, – сказала Лоранс, сидевшая лицом к Акали. Она была уже в пижаме, но расположилась на коврик. – Ты очень красивая, и было бы жаль, если бы ты провела всю оставшуюся жизнь в монашеском одеянии!

– Красивая или некрасивая – это значения не имеет, – ответила Акали, – однако я о своем решении не жалею. Я даже сама удивляюсь, как смогла продержаться так долго. К счастью, там были дети. Я возилась с маленькими девочками: присматривала за ними, когда они гуляли и играли.

– Мы не решились задавать тебе слишком много вопросов за ужином, – вздохнула Лоранс. – Ты, наверное, чувствовала себя очень неловко, когда сообщала о своем решении настоятельнице?

– Вообще-то она сама спросила меня, насколько сильно я убеждена в том, что хочу посвятить себя Богу. Она сказала, что где-то с марта начала замечать, будто бы я стала рассеянной и по вечерам частенько плачу. Мы с ней очень долго разговаривали, и в конце концов я призналась ей, что мне не хочется ни становиться монахиней, ни оставаться в Шикутими.

Киона слушала, не вмешиваясь в разговор своих двух подруг. Хотя она и заявляла, что уже не может читать мысли своих близких, в действительности делать это ей не составляло большого труда, и потому у нее имелось свое представление о том, что заставило Акали вернуться к мирской жизни.

– Ты чувствовала себя несчастной из-за Людвига? – прошептала Лоранс, невольно вспоминая и о своем недавнем горьком опыте.

– Вовсе нет. Даже в тот год, который я провела здесь, в школе домоводства, я почти не думала о нем. Точнее говоря, я мучилась уже гораздо меньше и пришла наконец к пониманию, что он не моя судьба.

– Скажи-ка лучше правду, Акали, – вмешалась в разговор Киона, произнося слова вкрадчивым голосом. – Лоранс тебя осуждать не станет.

– Нет, мне слишком стыдно. Об этом знает только моя мама Мадлен. Ну и, видимо, ты. Расскажи ты. Сама я не осмелюсь этого сделать.

Киона пожала плечами – так, как будто речь шла о старой истории, не имеющей большого значения.

– Акали хотела стать монахиней для того, чтобы искупить свою вину, – объяснила она. – Ты помнишь, Лоранс, как родился Томас? Так вот, в тот вечер нашей Акали на несколько секунд захотелось, чтобы Шарлотта умерла во время родов. Она надеялась, что тогда она, Акали, останется рядом с Людвигом, чтобы его утешать и растить родившегося малыша. Мадлен, узнав об этом, конечно же, пришла в ужас. Вряд ли стоит сильно упрекать кого-либо за такие мимолетные мысли, но ты, Акали, довольно сурово наказала себя за них, поскольку тебе стало очень стыдно. Лично мне кажется, что к таким греховным мыслям нас подталкивают не кто иной, как демоны. Они рыщут вокруг нас и ждут, когда мы сделаем хотя бы малейший ложный шаг, чтобы затем подтолкнуть нас к дороге зла и очернить наши души.

Она произнесла эти слова голосом, в котором чувствовалась тревога. Ее красивые янтарные глаза смотрели при этом куда-то в пустоту.

– Теперь я знаю, что демоны и в самом деле существуют и что они даже могут пробраться в человеческую душу. Бабушка Одина была права, когда говорила, что Делсен – дитя демонов. Однако Тала сообщила мне во сне, что он теперь спасен. Возможно, благодаря мне.

Лоранс вытаращила и закатила глаза и, подняв руки, согнула пальцы так, чтобы они стали похожи на когти.

– Акали, знаешь, как Киона изгнала дьявола из тела Делсена? Она пробила в его голове дырку топором, и демон через нее выбрался наружу!

Произнеся эти насмешливые слова, Лоранс расхохоталась. Киона не смогла удержаться от того, чтобы тоже не засмеяться.

– Что за чушь вы обе несете? – удивилась Акали. – Это что, у вас такие шуточки? Вы хотите меня напугать? Мама написала мне в одном из своих писем, что ты уехала с Делсеном, а затем я узнала из почтовой открытки, что ты вернулась. А насчет ударов топором вы, наверное, надо мной подшучиваете?

– Вовсе нет. Послушай, ты быстро все поймешь.

Киона быстренько – не вдаваясь в подробности – рассказала о тех невеселых событиях, которые произошли недавно в ее жизни. Она очень удивилась, когда Акали, наконец узнав правду, тихо сказала:

– Я все время думала о тебе, Киона, и мне даже казалось, что ты по вечерам появлялась там, в монастырской спальне. Ты пыталась установить контакт со мной, но я не могла ни помочь тебе, ни тебя увидеть. Вообще-то было не совсем любезно держать меня в неведении. Мин и Мадлен могли бы навестить меня и рассказать о том, что происходит и как все мучаются. Мое место было здесь, и я должна была молиться за тебя и ждать тебя.

Произнеся эти слова, Акали смахнула набежавшую слезу. Киона стала ее утешать.

– Не плачь, ты и так молилась за меня, я в этом уверена. И не важно, где ты при этом находилась. Знаешь, если бы я могла, я отправилась бы попросить приюта в твоём монастыре. Мне хотелось уйти от мирской жизни.

– Я не ушла в полной мере от мирской жизни, Киона. Монахини конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей – ну просто прирожденные преподавательницы. Перед войной, в 1937 году, несколько из них основали школу в Африке. Когда я общалась с маленькими учениками, я невольно сталкивалась с внешним миром и его повседневной жизнью. Меня очень интересовало все то, что происходило за стенами монастыря. Когда у меня появлялась возможность из него выйти, я с удовольствием бродила по городу, разглядывала большие дома, заходила в магазины на улице Расин.

Темные глаза Акали заблестели – так, как будто она вдруг снова увидела все прелести города Шикутими.

Затем пришла очередь Лоранс рассказать о своей безответной любви. Пытаясь оправдаться за свое ночное «купание» в озере, которое могло стоить ей жизни, она не стала ни о чем умалчивать.

– А Нутта об этом знает? – поинтересовалась юная индианка, не зная, что и думать. – Я не могу в это поверить! Ты едва не утонула из-за месье Лафлера! Ты не имела права совершать такой поступок. И в доме никто ничего не заметил? Даже твои мама и бабушка?

– Нет, и я прошу тебя, Акали, держать все это в секрете. Конечно, когда моя сестра вернется из Квебека, я с ней поговорю. Черт побери, а ведь она отчасти виновата в том, что со мной произошло! Это, в общем-то, первый раз, когда мы с ней разлучились. Я чувствовала себя не в своей тарелке, как будто я стала какой-то другой Лоранс. И вас двоих рядом со мной тоже не было.

Киона покачала головой. Она довольно долго размышляла в последнее время над неразумным поведением Лоранс и неизменно приходила к одному и тому же выводу.

– Ты права, мы выросли вместе. Мы жили в одной комнате на берегу

Перибонки, в Валь-Жальбере и здесь. Если мы разлучаемся, то чувствуем себя не в своей тарелке. Когда одна из нас начинала вести себя безрассудно, мы это обсуждали. Акали в последние два года рядом с нами не было, однако едва мы снова собирались вместе, как становились сильнее. Я вполне могу понять, что ты чувствовала себя не в своей тарелке, Лоранс, что тебе было одиноко, и я не стану тебя ни в чем упрекать, потому что я и сама, когда уехала с Делсенем, действовала вопреки здравому смыслу. Впрочем, если наша судьба predetermined заранее, я, возможно, всего лишь следовала своей судьбе. Теперь я испытываю необходимость заботиться о тех, кого люблю, а также о тех, кого не знаю. Мне хотелось бы иметь возможность исцелять истерзанные души и израненные сердца. Это для меня было бы не очень трудно. У меня есть природный дар, и я должна найти способ, как его использовать во благо другим людям.

Растрогавшись от этих слов, Акали погладила короткие волосы Кионы, а затем провела ладонью по ее щеке.

– Ты и так уже используешь его с раннего детства во благо другим людям, – сказала она.

– Мне пришла в голову одна идея. Нам нужно провести зиму вчетвером в Большом раю и не ходить в школу, – неожиданно предложила Лоранс. – Как когда-то раньше – с бабушкой Одиной, тетей Аранк и родителями. Что вы об этом думаете?

– Я думаю, что мы уже больше не дети, – сказала Киона серьезным тоном, вставая и начиная раздеваться, чтобы затем надеть ночную рубашку. – Я, со своей стороны, решила прекратить учебу и пробыть здесь до первых морозов, чтобы заняться помощью самым бедным и обездоленным жителям нашего региона.

– Ты больше не пойдешь в школу?! – удивилась Акали, тоже начавшая снимать свое платье. – Это очень глупо! Ты ведь одна из лучших учениц.

– Тише! Мы разбудим малышей, если будем разговаривать так громко, – сказала Киона. – Давайте уляжемся в кровати побыстрее и затем продолжим наш разговор.

Вскоре они уже выключили свет. Комната погрузилась в полумрак, в котором чувствовалось что-то заговорщическое. Лунные лучи, пробиваясь сквозь розовые льняные занавески, заливали комнату тусклым светом.

– Лоранс, – прошептала Киона, – мне жаль, но Мари-Нутта не вернется сюда к Рождеству. Она останется в Квебеке, у Бадетты, и будет жить там и в следующем году. Мин и Тошан поначалу будут возражать, но в конце концов согласятся. Твоя сестра станет ходить там в школу и одновременно работать в газете «Солей». Это самый лучший путь к

осуществлению ее мечты – стать репортером.

– О-о, нет, нет! Это она тебе сказала или ты сама узнала?

– Я сама об этом узнала – несомненно, потому, что она об этом размышляла во время недавней вечеринки. Или же я это просто предчувствую.

– Быть такой, как ты, – это очень странно, Киона, – сказала Акали. – Получается, что ни у кого от тебя не может быть секретов. Прошлое людей, их будущее, их чувства, их самые постыдные мысли – ничего из этого нельзя от тебя утаить. Однако я знаю, что тебе самой трудно это вытерпеть. Ты ведь частенько плакала оттого, что не родилась самой обычной девочкой.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь тиканьем будильника. Опечалившись из-за известия о том, что ее сестра-близняшка не собирается возвращаться, Лоранс размышляла, как бы заставить ее изменить свое решение. Ей даже захотелось и самой поехать учиться в Квебек. Ее вывел из задумчивости тихий голос Кионы.

– Когда я была маленькой девочкой, я очень болезненно воспринимала удивительные проявления моего природного дара, – стала рассказывать Киона. – Я не люблю это слово, потому что вообще-то у меня нет никакого дара. Лучше говорить, что у меня есть необыкновенные способности. Весьма необыкновенные. Поначалу, если у меня начиналось видение, я пугалась, у меня затуманивалось сознание, я испытывала сильное недомогание... Особенно тогда, когда я чувствовала, что какая-то опасность угрожала кому-нибудь из тех, кого я люблю, например Тошану или Луи. Вчера утром в тот момент, когда мне удалось увидеть Лоранс, которая плыла по озеру, у меня началось головокружение. Однако эти болезненные ощущения уже не такие сильные, как раньше, и теперь я, похоже, могу с ними справляться. Кроме того, я, к счастью, вижу и предвижу далеко не всё и не всегда. Я могла бы также сказать: «К несчастью». Я не смогла спасти свою маму, потому что ничего не предчувствовала в то утро, когда пришли полицейские – пришли, чтобы отвезти меня в тот ужасный интернат. Я не знала наперед, что лошадь полицейского, который будет меня увозить, брыкнется и попадет копытом по моей маме и что моя мама от этого умрет. Иногда, еще девочкой, я видела какие-то будущие события, но смысл их оставался для меня скрытым. Мне помнится, как-то раз Симон Маруа и Шарлотта принесли мне маленькую елочку на Рождество. Я тогда сказала Шарлотте, что у меня было видение: я видела ее в белом подвенечном платье. Она решила, что это видение связано с ее будущим бракосочетанием с Симоном. Однако я

не видела в своем видении лицо ее будущего мужа и не знала, что Симона убьют в концентрационном лагере... В общем, я иногда и сама толком не могу разобраться в своих видениях.

– А Эстер? – спросила Лоранс. – Почему ты обняла ее во вторник вечером? Ты была при этом так потрясена, что едва не расплакалась.

– А кто такая Эстер? – спросила Акали. – Все говорили о ней за ужином, но я не решилась спросить, кто она. Мадам Лора сдает ей внаем комнату, да?

Киона ответила не сразу. Едва она вспомнила о своей первой встрече с Эстер, как ее сердце болезненно сжалось, потому что в ее памяти воскресли воспоминания о тех бедах и горестях, которые пришлось когда-то пережить Эстер и которые удалось ослабить в сознании Эстер ей, Кионе.

– Эстер Штернберг – еврейка, – сказала она дрожащим голосом. – Она угодила в концентрационный лагерь и сумела там выжить. Как только я подошла к ней, я почувствовала, через какие ужасы она прошла, увидела жуткие сцены из ее жизни, ощутила перенесенные ею невообразимые физические и душевные страдания. Я должна ей помочь, должна хоть немного облегчить ей душу, хотя полностью это сделать мне никогда не удастся. Она не сможет забыть того, что пережила.

– Боже мой! Она настоящая страдальница... – вздохнула юная индианка.

– Овиду, возможно, удастся ее утешить, – не без ехидства вставила Лоранс. – Киона, ты могла бы мне сказать, поженятся ли эти двое когда-нибудь в будущем? Я все еще его немного люблю, этого драгоценного учителя, но мыслю уже трезво. Я надеюсь, что встречу красивого парня, который будет моложе, чем он.

– Нет, я ничего не скажу, потому что не хочу ничего об этом знать, – сказала в ответ Киона. – Я, по крайней мере, могу себе такое позволить. Если я стараюсь не думать о каком-то человеке, то все, что его касается, остается для меня туманным и неведомым. Если же я концентрирую свои мысли на этом человеке, у меня начинаются видения о нем или же я догадываюсь о том, какие у него в голове мысли. А теперь давайте лучше поспим. Если, конечно, Акали вдруг не захочет нам кое в чем признаться.

– Ну хорошо, так и быть, – сказала Акали. – Его зовут Антельм. Он почтальон в Шикутими...

В комнате с противоположной стороны коридора Мадлен в то же самое время произнесла точно такие же слова:

– Его зовут Антельм. Он почтальон в Шикутими.

Эрмин с изумленным видом уставилась на нее своими большими глазами. Она сидела на кровати, и ее распущенные светлые волосы были

освещены розоватым светом лампы.

– Акали влюбилась в мужчину, когда находилась в монастыре? – прошептала она. – Господи, а я думала, что послушниц в монастыре конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей удерживают от подобных авантюр!

– Моя дочь мне во всем призналась, когда мы прогуливались по берегу озера, – сообщила индианка, сидя на краю кровати в длинной белой ночной рубашке с большим воротником. – Тебе же известно, что она хотела стать учительницей. Настоятельница, зная об этом, доверила ей присматривать за младшими классами, и Акали стала водить их во время переменок на прогулки. При этом она несколько раз случайно наталкивалась на этого почтальона. В конце концов он прислал ей записку, в которой написал, что влюбился в нее с первого взгляда. Мало-помалу она сама стала искать встреч с ним и прониклась к нему определенными чувствами. И поэтому ее религиозные устремления очень быстро сошли на нет. Тем более что...

– Договаривай, Мадлен. Ты вполне можешь мне довериться.

– Я просто хотела сказать, что никогда не верила, будто Акали и в самом деле хочет посвятить себя Богу. Мин, прости меня, я скрывала от тебя кое-что на протяжении четырех лет. Моя дочь сначала поступила в школу домоводства в Робервале, а затем пошла в монастырь в Шикутими исключительно из-за своей безнадежной любви к Людвигу! Она видела в нем архангела Гавриила. Он казался ей не таким, как все остальные смертные. Она его почти боготворила.

Эрмин ошеломленно покачала головой: она никогда даже не подозревала обо всем этом.

– Боже мой, какое бессмысленное скрытничанье! – посетовала она. – Киона, конечно же, знала об этом уже давным-давно. Теперь мне понятно, о чем вы с ней сегодня шептались.

– Да, именно об этом. Киона сообщила мне о возвращении Акали, а я ведь до этого всячески старалась утаивать от нее то, что Людвиг приехал жить в Валь-Жальбер. Я опасалась худшего, но совершенно напрасно. Этот почтальон – Антельм Потвен – хочет жениться на Акали, но говорит, что не раньше, чем через год. Мин, я была бы этому только рада. Иметь возможность лелеять детей Акали – это для меня настоящее счастье!

Искренне радуясь подобному повороту в ходе событий, Эрмин схватила свою подругу за руки.

– Ты, должно быть, почувствовала сильное облегчение, Мадлен. Я знаю, как сильно тебя угнетала разлука с Акали. Но скажи-ка мне, каким образом этот Антельм сделал Акали предложение? Он написал ей письмо или же пришел к ней прямо в монастырь?

– Это произошло в саду, когда она вышла туда утром нарвать роз. Мне еще не известны подробности, но этот парень, которому двадцать шесть лет от роду, кажется мне честным и порядочным. Они будут переписываться в ближайшие недели и встречаться по воскресеньям в моем присутствии до самой зимы. Думаю, нам частенько придется ездить на поезде в Шикутими. Свадьба состоится следующим летом.

– Так скоро? Но они же друг друга почти не знают! Даже если у этого молодого господина самые серьезные намерения, я опасаясь, что со стороны Акали это слишком поспешный выбор.

– Они оба уверены в правильности своего выбора. Тем не менее я попросила свою дочь хорошо подумать и подвергнуть свою любовь проверке. Мин, ты тоже должна с ней поговорить. Я такая несведущая в вопросах любви – кроме той любви, которую я испытываю к Богу-Отцу, Иисусу и Деве Марии!

В этом признании чувствовалась горечь. Эрмин уже в который раз удивилась тому, что эта милая женщина абсолютно добровольно обрекает себя на безбрачие.

– Когда я вижу влюбленные парочки – а особенно тебя и моего двоюродного брата, – меня охватывает ностальгия. Я также часто задаюсь вопросом о том счастье, которое приносит близость между мужчиной и женщиной. А у меня об этом такие ужасные воспоминания! Мой муж был грубым и...

– Не думай об этом больше, это ведь осталось в прошлом, – перебила ее Эрмин. – Мы разговаривали на эту тему уже много раз, и ты никогда не соглашалась, что тебе следовало бы предпринять еще одну попытку. Будем надеяться, что Акали не совершает ошибку. Я поговорю с ней завтра утром. Обещаю тебе.

– Спасибо, Мин.

– Спокойной ночи, Мадлен.

– Поскольку мы сейчас находимся здесь вдвоем, мне хотелось бы сказать тебе кое-что еще. Мне жаль, Мин, но я не поеду с вами в Большой рай. Мне хочется остаться этой зимой в Робервале. У меня есть кое-какие сбережения, и я подыщу небольшое жилище для себя и Акали. Так что своими малышами тебе придется заниматься самой. Поверь мне, я искренне об этом сожалею.

Новость огорчила Эрмин. Ей показалось, что без Мадлен она будет чувствовать, будто у нее отняли часть ее самой. Она сказала усталым голосом:

– Я их мать, и мне не следует всегда полагаться только лишь на тебя.

Кроме того, там будут еще Тошан, Одина и Аранк. Но я буду очень по тебе скучать!.. Ты останешься в Робервале ради возлюбленного Акали?

– Да, конечно. Она была бы очень разочарована, если бы не смогла встречаться с ним по воскресеньям!

– Я тебя понимаю. Мы расскажем моей маме о том, какая сложилась ситуация. Я уверена, что она с радостью приютит тебя до весны. Ты могла бы помогать Мирей.

– Я не осмелилась предложить это Лоре, но если такое возможно...

Почувствовав жалость к своей робкой подруге, Эрмин отбросила одеяло и, соскочив с кровати, подошла к Мадлен и обняла ее.

– Прошу тебя, Мадлен, не будь такой грустной. Ты – двоюродная сестра моего мужа, ты – часть нашей семьи, ты, как сказал бы Тошан, часть нашего клана. Мама запрыгает от радости, вот увидишь. А теперь давай-ка ложись спать. Возвращение Акали тебя, должно быть, очень взволновало.

– Да, это верно. Кроме того, когда я увидела, что в сад зашел Людвиг, я очень расстроилась.

– Все закончилось хорошо. Он вскоре ушел, и когда вы вернулись с озера, он был уже далеко. Так что перестань переживать! Акали не станет придумывать себе жениха только для того, чтобы тебя успокоить. Вот за кого я переживаю – так это за Шарлотту. Она, как мне кажется, слишком уж хрупкая для того, чтобы рожать третьего ребенка. По правде говоря, я и сама решила остаться этой зимой здесь, поскольку она будет рожать в январе.

– Но ведь ты могла бы побыть в Большом раю до середины декабря, а затем вернуться сюда.

– Я спрошу у Тошана, что он думает по этому поводу. Прости меня, Мадлен, но я очень устала. Спокойной ночи. Поговорим еще завтра утром.

– Прости. Всё, я ухожу.

Эрмин проводила Мадлен до двери. Они обе услышали приглушенный шум голосов, доносившийся из комнаты, в которой расположились на ночь три девушки.

– Они рады тому, что снова вместе, – тихо сказала Мадлен.

– Им наверняка есть о чем пооткровенничать, – усмехнулась Эрмин. – Я часто повторяю себе, что уже не должна относиться к Мари-Нутте и Лоранс как к маленьким девочкам, что они уже почти взрослые, однако это отнюдь не просто, а особенно когда я вижу, как они делают картонный домик для куклы. Кионе тоже очень нравится возиться с Аделью!

– Наверное, нужно уметь сохранять свою душу ребенка, а делать это в шестнадцать лет намного легче, чем в нашем возрасте, – сказала, улыбаясь,

индианка. – С этими добрыми словами я тебя покидаю.

Эрмин в знак согласия кивнула. Она уже собиралась пойти обратно к своей кровати, когда в двери напротив появилась Киона. В полумраке коридора она показалась Эрмин очень бледной.

– Мин, мне кажется, что у Тошана неприятности, – сказала она. За ее спиной в дверях стояли Лоранс и Акали. Их лица были перепуганными.

– Господи, какие еще неприятности? Говори, Киона! Ему угрожает опасность?

– Я не знаю, в чем там дело, но я только что увидела его в свете огня. Его лицо было перекошено от гнева, а кулаки сжаты. Были слышны крики и какие-то странные звуки. Я боюсь за него, Мин.

Мадлен, повернув назад, перекрестилась и сказала:

– Мой двоюродный брат сел на судно в шесть часов утра, и сейчас он уже должен находиться в Большом раю. Похоже, случилось что-то очень серьезное!

– Конечно. Он, наверное, оставил свой мотоцикл у хозяина постоянного двора в поселке Перибонка и пообедал на этом постоялом дворе, а затем отправился в Большой рай, – затараторила Эрмин, которая от охватившей ее тревоги начала дрожать. – Киона, ты не можешь сообщить мне что-нибудь еще? Что, по-твоему, я должна предпринять? Сейчас полночь. Даже если я попрошу нашего отца отвезти меня туда, мы приедем не раньше рассвета.

Киона, положив ладони на плечи своей сводной сестры, чтобы ее этим хоть немного успокоить, сказала ей:

– Я знаю, что нужно делать, Мин. Спустись в гостиную и позвони в полицию. В это время года они могут добраться до бухточки, которая находится рядом с Большим раем, на гидросамолете. Скажи им, что это срочно и очень серьезно. Я не могу дать никаких объяснений, но нужно сделать то, что я сказала, чтобы помочь Тошану.

– Хорошо, моя дорогая, я именно так и поступлю!

Эрмин побежала вниз по лестнице. Ее сердце бешено колотилось. Она не могла себе даже представить, какие события происходят сейчас там, на берегу Перибонки, но, даже и не обладая таким даром, как у Кионы, она предчувствовала, что эти события кардинально повлияют на их жизнь и на все их планы.

Валь-Жальбер, Маленький рай, тот же вечер

Шарлотта и Людвиг бодрствовали. Маленький Томас, устав за день, уснул и даже перед этим не капризничал. Шторы были задернуты. На столе

стоял кувшин с дымящимся настоем.

– Я не понимаю Киону, – сказала Шарлотта. – Почему она подарила мне свои платья? Они ведь новые и наверняка стоят немалых денег.

– Ты спросишь ее об этом, когда она придет в следующий раз. Пока я пил чай, Киона куда-то исчезла и затем вернулась с этим свертком. Она проводила меня до машины и затем сказала, что это подарок для тебя и что ты любишь красивые вещи.

Шарлотта, покоренная красотой платьев, провела ладонью по материи. Сначала ее пальцы скользнули по зеленому муслину, расшитому гладью того же цвета, а затем она ласково прикоснулась к шелковистой поверхности хлопковой ткани, с узором из цветов пастельных тонов.

– Эрмин тем не менее будет недовольна. Думаю, именно она купила все это Кионе в Торонто.

– Ты бы лучше порадовалась такому подарку. Ты ведь жаловалась, что у тебя не хватает летней одежды. В воскресенье, если месье Маруа согласится одолжить мне еще разок свой «бьюик», я отвезу тебя в Роберваль. Ты сможешь сходить там на богослужение в церкви Сен-Жан-де-Бребёф.

– Не хочу я ни на какое богослужение, – пробурчала Шарлотта.

– Тогда давай прогуляемся по бульвару Сен-Жозеф, чтобы ты могла покрасоваться в одном из этих платьев, – вздохнул ее муж.

– Ты необычайно любезен, Людвиг! – сказала Шарлотта раздосадованным тоном. – Придумываешь, как бы сделать мне что-нибудь приятное. Однако я этого не заслуживаю.

Людвиг взял ее за руку и притянул к себе. Он всей душой желал любить ее так, как любил раньше.

– Шарлотта, мы должны смотреть в будущее – наше с тобой будущее здесь, в Квебеке. Нам обоим следует обо всем забыть и быть счастливыми. Я принял такое решение сегодня утром, когда мы были вдвоем в нашей спальне, а также вечером, когда прощался с Кионой. Меня охватила радость, потому что она мне улыбалась. Вспомни, именно благодаря ей мы с тобой познакомились в начале войны.

– Я знаю, чем мы ей обязаны, знаю. Она такая же любезная, как и ты, а еще щедрая. Я часто завидую им – Мимин и Кионе, – завидую их терпению и доброте. А сама я ничего особенного собой не представляю.

– Не говори так. Мы с тобой живем вместе вот уже семь лет. Ты подарила мне много любви и двух красивых детей, которых я обожаю. Я верю в нас, Шарлотта. Мы сможем благополучно пережить этот тяжелый период.

Людвиг усадил Шарлотту за стол и налил ей липового настоя, от которого обычно клонит ко сну. Затем он сел рядом с ней.

– Киона сказала тебе, что этот ребенок – от меня! – произнес он. – Даже если это и не так, то – во имя всех сирот, оставшихся после войны, во имя малолетних мучеников, пострадавших от нацистского безумия, – я буду растить его как своего собственного ребенка. Я буду любить его и заботиться о нем.

Шарлотта недоверчиво посмотрела на Людвига пристальным взглядом. Он еще никогда не казался ей таким красивым. Его светлые выющиеся волосы спускались сзади ему на шею и обрамляли спереди его высокий лоб. В его лице не было ни одного изъяна, и к этому совершенству внешности добавлялись прекрасные качества его души – доброта, нежность и мудрость, – придававшие взгляду его пронзительно голубых глаз удивительный блеск.

– Мой дорогой, тебе не придется идти на такое самопожертвование, потому что Киона точно определила, что этот ребенок – наш с тобой. Она не стала бы врать по такому важному вопросу.

Людвиг кивнул и, улыбаясь, легонько сжал пальцами ладонь Шарлотты. Однако ему при этом пришла в голову мысль – назойливая, как жужжание комара: «Если только Киона не решила, что ей лучше нам соврать – соврать из доброты, из сострадания, из вежливости. Она, возможно, сказала то, что может помочь нам с Шарлоттой восстановить гармонию в нашей семье».

– Выпей настой, – сказал Людвиг громко, – и затем давай поскорее ляжем спать. Я повешу твои новые платья в шкаф.

– Мне вообще-то кажется, что Киона предпочитает носить мужскую одежду, – вздохнула Шарлотта. – Она в детстве – лет, думаю, до тринадцати – любила надевать индейскую одежду из вывернутой наизнанку кожи, а еще носила на шее свои знаменитые амулеты и заплетала волосы в длинные косы. Ты это помнишь? Ей удалось выдавать себя за парня целых десять дней на каких-то там конюшнях в Онтарио. Она, надо сказать, довольно странная!

Людвиг ничего не ответил. По его мнению, эпитет «странная» уж никак не подходил этой удивительной девушке с янтарными глазами. Когда он впервые встретился с ней восемь лет назад, он совершенно спокойно воспринял ее такой, какая она есть, и почти не удивлялся ее странностям. В ту эпоху он просто уподоблял ее персонажам скандинавских легенд – то лукавой фее, то домовому, оберегающему домашний очаг.

– О чем ты думаешь? – забеспокоилась Шарлотта. – Ты смотришь

куда-то в пустоту и улыбаешься.

– Я придумываю имя нашему малышу, – ответил Людвиг, позволяя себе соврать. – Может, если это будет девочка, то назовем ее Астрид, а если мальчик, то Виктор?

– Почему бы нет? Мне хотелось бы рожать на берегу Перибонки, и чтобы при этом присутствовала бабушка Одина. А еще – Мимин. Людвиг, прошу тебя, соглашайся. Если ты согласишься, Тошан не посмеет тебе отказать. Здесь я рожать боюсь, да и в больницу мне не хочется.

Она вытерла навернувшиеся ей на глаза слезы – которые, впрочем, ничуть не растрогали Людвиг. Он сделал раздраженный жест рукой.

– Нет, нет, Шарлотта. Я рублю лес, я посадил для нас овощи, я уже утеплил чердак. У нас тут прекрасные соседи – твой брат и его жена. Иветта может присмотреть за Аделью и Томасом в тот день, когда ты будешь рожать. Тебе нужно будет лечь в больницу. Тебе об этом говорили и Лора, и Эрмин. Четыре года назад ты едва не умерла в родах. Это был настоящий кошмар! Что угодно, но только не это: мне не хочется снова приехать в Большой рай, пусть даже у нас и есть о нем некие хорошие воспоминания. Твой настоящий дом – здесь, в Валь-Жальбере, а не там.

Шарлотта с недовольным видом пожала плечами, но настаивать не решилась. Она выпила липовый настой, мысленно пообещав себе все-таки добиться своего еще до наступления зимы.

Берег Перибонки, Большой рай, часом позже

Тошан едва удерживался от того, чтобы не сделать резкое движение вилами, острия которых он держал возле горла Пьера Тибо. Пьер лежал на ступеньках крыльца и со страхом смотрел на него. Железные острия вил слегка надавливали на его дряблую кожу, причиняя ему пока что лишь небольшую боль, однако в любой момент могли вонзиться глубоко и убить его.

– Успокойся, Дельбо, – едва выговорил Пьер. – Я собираюсь уйти отсюда. Мои приятели ведь ушли.

– Вот уж нет, – грозно возразил метис. – Твои собутыльники удрали, но ты сообщишь их имена полиции, потому что я не собираюсь тебя отпускать, Тибо. Тебе, возможно, даже хотелось бы, чтобы я тебя прикончил и в результате угодил за решетку. Но ты меня в этой игре не обыграешь. Я собираюсь доставить тебя в полицейский участок поселка Перибонка. А может, мне лучше все-таки двинуть вилами и избавить эту землю от тебя? Кто станет тебя искать? Никто. У меня будет целая ночь для того, чтобы закопать тебя где-нибудь в лесу. А потом я стану говорить, что

ты убежал отсюда вместе с теми мерзавцами, с которыми пришел.

Тошан едва сдерживал свой гнев, а потому его голос слегка дрожал.

– Ну, давай, грязный ублюдок! – рявкнул Пьер, еще толком не протрезвевший. – Давай, двигай, если тебе так хочется это сделать...

Все началось утром. Приплыв по озеру на судне, которое курсировало между пристанями Роберваля и поселка Перибонка, Тошан уселся за стол на террасе постоянного двора, завсегдатаем которого он был на протяжении уже многих лет. Хозяин заведения, верный поклонник Соловья из Валь-Жальбера, называвший Эрмин не иначе как «мадам Эрмин», подошел к нему с разговором.

– О-о, ты здесь, Тошан! У вас, по-моему, случился какой-то серьезный скандал. Я вот уже два дня сдаю комнату твоей бабушке. Она отказывается выходить. Служанке приходится носить ей еду в комнату. Она боится, что ее увезут в резервацию Пуэнт-Блэ. Я позволяю ей жить в долг: она сказала мне несколько раз, что скоро сюда приедешь ты и заплатишь за нее.

Это известие удивило Тошана. Он тут же поднялся, чтобы пойти в комнату, которую занимала его бабушка.

– Ну конечно я тебе заплачу, Наполеон! Мы ведь с тобой хорошие приятели, да?

– Я также хочу тебя предупредить, что тут несколько дней назад появился Пьер Тибо в компании с какими-то подозрительными личностями, и они были настроены очень агрессивно, можешь мне поверить. Как-то раз вечером Тибо принялся злословить в твой адрес. Он говорил, что ты отнял у него его блондиночку, что ты живешь за счет своей жены и... и что он поквитается с тобой за то, что ты избил его четыре года назад. Он показывал, что у него выбиты два зуба, и говорил, что их выбил ты. Этот парень стал настоящим проходимцем! Я чувствовал себя очень неловко. Затем они наконец уехали на каком-то грузовике, но некоторое время спустя сюда явилась твоя бабушка с твоим охотничьим ружьем за спиной. Она все время твердила, что на твое жилище напали демоны.

Тошан больше не стал ничего слушать. Он стремительно поднялся по лестнице на второй этаж и обнаружил, что его бабушка сидит в занимаемой ею комнате на волчьей шкуре, расстеленной прямо на полу, и курит трубку. То, что он затем от нее услышал, подтвердило его наихудшие подозрения.

– Я услышала, что они приближаются, еще издали, потому что они очень громко сигналили на своем грузовичке. Я догадалась, что может произойти что-то очень плохое. Я сказала твоей тете Аранк, чтобы она бежала к своему двоюродному брату – тому, у которого живут ее сыновья. Ты понимаешь, Тошан, Аранк еще не старая женщина. Мне стало страшно

за нее. За себя мне бояться уже нечего. Я зарядила твоё ружьё. На поляне остановился грузовичок, и я увидела этих мужчин. Среди них был Пьер Тибо – тот, который когда-то осмелился протянуть свои грязные лапы к Акали.

«И к Эрмин!» – подумал Тошан, все больше распаляясь.

– Я закрыла дверь и стала ждать. Я была в твоём доме одна. Если бы потребовалось, я бы в них выстрелила. Однако эти пьяницы принялись уничтожать наши запасы еды, затем Пьер Тибо поджег наши дрова, и... и он пристрелил из ружья твоих собак. Я считала выстрелы. Их было пять! Мое сердце обливалось кровью, по щекам текли слезы. Мне нужно было дать им отпор. Я вышла на крыльцо и выстрелила в одного из них. Выбрала его, потому что он размахивал руками. Я ранила его в плечо. Ох, если бы ты только видел, какая затем началась суматоха! Они хотели напасть на меня, но я пригрозила им, что снова пальну из ружья. А они стрелять не решились. Они стали меня оскорблять и бросать в меня камни, но все же позволили мне оттуда уйти. Тибо, который ими командовал, сказал им: «Пусть старуха уходит, и тогда мы разыщем ту шлюшку из племени монтанье». Они не знали, что никого больше в доме не найдут. Я ушла и исчезла в ночной темноте. Я очень долго шла, пока не пришла сюда, к твоему другу – хозяину постоялого двора.

Тошан прижал бабушку к себе. Пока она рассказывала ему о своих злоключениях, он всматривался в её лицо, очень смуглое, почти коричневое.

– Не выходи никуда из этой комнаты, Одина, чтобы тебя никто не видел, – посоветовал он бабушке. – Пока я жив, никто тебя ни в какую резервацию не увезет.

– Я верю тебе, Тошан, сын моей дочери Талы...

Все эти сцены вихрем пронесли перед мысленным взором Тошана. Ему показалось, что он снова слышит дрожащий голос бабушки, хотя смотрел с безграничным отвращением на своего давнего врага, взгляд которого затуманился от выпитого алкоголя, а кожа покрылась красноватыми пятнами.

– Ты за несколько дней уничтожил то, что создавалось много лет! – рявкнул Тошан. – Черт побери, я же четыре года назад тебя хорошенько отделал и предупредил, чтобы ты держался от этого места подальше! Ты тогда обещал, что больше не будешь появляться здесь и даже пальцем не тронешь женщин, которые мне дороги. Мне следовало бы тебя убить: сначала выбить тебе вообще все зубы и сломать пару ребер, а затем утопить в озере!

Метис нажал чуть-чуть сильнее на рукоять вил. Из шеи его врага выступила капелька крови.

– У меня больше нет дров на зиму, ты убил моих собак – безжалостно пристрелил этих бедных животных; ты сжег мои сани... За какие мои грехи ты со мной так поступил?

Пьер Тибо ошалело огляделся вокруг. Помощи ему сейчас ждать было не от кого. Его собутыльники разбежались, как зайцы, как только на поляне появился Тошан, целящийся в них из своего ружья.

– Что ты там высматриваешь? – сердито спросил индеец. – Твое ружье я бросил в костер, ты сам это видел, – тот самый большой костер, который вы развели и в который бросали нашу мебель и белье. Ты считаешь меня дикарем, да? Я с удовольствием проткну тебя этими вилами.

Перед мысленным взором Тошана снова замелькали сцены из прошлого. Этот мужчина, который сейчас находился в его власти, как-то раз попытался изнасиловать Эрмин и прижался к ее нежным губам своими желтоватыми губами – губами заядлого курильщика. Метис также вспомнил о том, как испуганная Акали долго сидела в доме, запершись изнутри, после того, как ее тискал этот мерзкий Тибо.

– Ты – вредоносное животное! – рявкнул Тошан. – Мне нет вообще никакого смысла оставлять тебя в живых и позволять тебе дышать тем же воздухом, которым дышу я и мои дети. Плевать мне на законы и правосудие! Мои соплеменники уже достаточно пострадали из-за таких негодяев, как ты. Откровенно говоря, я бы с удовольствием перерезал тебе горло. А затем твой труп сгорит на костре, который ты сам и развел!

Тошан, вытаращив глаза и содрогаясь всем телом от охватившей его ненависти, сжал зубы. Однако когда он уже хотел со всей силой вонзить вилы в горло своего врага, перед его мысленным взором вдруг появилась Киона. Она была в розовой ночной рубашке. Ее медовые руки и икры были освещены языками пламени, пляшущими где-то позади нее.

«Нет, Тошан, не надо, прошу тебя, не убивай его. Его смерть будет давить тяжким грузом на твою душу вплоть до твоей собственной кончины. К тебе едет Мин».

Эти слова отразились в его сознании эхом. Ему захотелось что-то ответить, но Киона уже исчезла. Тошану вдруг стало очень холодно, а затем его охватило абсолютное спокойствие. Он отбросил в сторону вилы, поднял с земли свое ружье и нацелил его на Пьера. В тот же самый миг откуда-то издали из ночной темноты донесся шум мотора.

– Киона? Ответь нам! – снова и снова повторяла взволнованным голосом Мадлен.

– Она скоро придет в себя, – сказала Лора. – Мы к такому уже привыкли.

– Да уж, привыкли, – пробурчал Жослин. – Моя бедная малышка когда-нибудь к нам не вернется.

Почти вся семья собралась в гостиной. Не было Эрмин: она, явившись в полицейский участок Роберваля и рассказав им о случившемся, настояла на том, чтобы они взяли ее с собой на берег Перибонки, где должен был находиться Тошан. Кионе минуту назад вдруг стало очень плохо. Лоранс и Акали подскочили к ней, чтобы чем-нибудь помочь.

– Нет, не нужно! – воскликнула она, откидываясь назад и прислоняясь к спинке дивана.

Затем она, закрыв глаза, замерла. Кожа на ее лице стала восковой.

– Она, должно быть, опять переместилась в пространстве при помощи билोकации. Мне знакомы эти симптомы, – вздохнула Лора. – Господи, какая еще трагедия обрушится на нас? Меня терзает этот вопрос.

Мирей, пришедшая в гостиную последней, покачала головой и громко сказала:

– Иисусе милосердный, как же нам не везет, мадам! Мы устроили сегодня веселый пир, и вот теперь после такого веселья у нас, похоже, опять случилось несчастье. За радостью, получается, всегда следует горе.

– Да помолчите вы! – прошипел Жослин. – Не надо так громко разговаривать, а то разбудите малышей. Пусть хоть они поспят спокойно.

Киона поднялась с дивана: ее привел в чувство сердитый и хриплый голос отца. Лоранс ласково прикоснулась к ее плечу, а Лора подала ей стакан воды.

– Спасибо, это очень любезно, – тихо сказала Киона. – Опасность уже миновала. Мне хотелось бы поспать. Да, мне необходимо поспать. Я чувствую себя обессиленной.

– Давай мы поможем тебе подняться в твою комнату, – предложила Акали.

– Нет, я хочу заснуть здесь и прямо сейчас. Не переживайте, Тошан спасен. Как и Делсен. Демоны побеждают не всегда. Самое главное – бороться с ними и не позволять им воровать наши души.

Мадлен перекрестилась, и ее примеру тут же последовала Мирей.

Лора, укутанная в шаль поверх своей длинной ночной рубашки, подняла глаза к потолку.

– Твоя дочь в последнее время частенько упоминает демонов, Жосс. Согласись, что это нагоняет страх!

Жослин, заботливо укрывая Киону пледом, не соизволил ничего ответить. Киона, растянувшись на диване и положив голову на подушечку, уже спала: Акали и Лоранс освободили ей весь диван, чтобы она могла вытянуться в полный рост.

– Бабушка, – прошептала Лоранс, – а может, выпьем кофе? Я этой ночью уже не засну. По крайней мере до тех пор, пока не получу каких-либо новостей о своем отце.

– Ему уже ничего не угрожает. Киона же нам об этом сказала. Так что ложись обратно в постель. Уже поздно. Не будем же мы бодрствовать до самого рассвета! И ты тоже, моя бедная Мирей, ложись спать. Ты все время зеваешь.

Вскоре Лора и Жослин остались в гостиной одни. Мадлен неохотно – и с тяжелым сердцем – поднялась на второй этаж, размышляя над словами Мирей. Неужели на каждую радость должно припадать какое-то горе? Чуть-чуть счастья – и сразу же опять несчастье?

Большой рай, в ту же ночь

Полицейские увезли Пьера Тибо, надев на него наручники. Он даже обрадовался, когда появились полицейские, потому что они не позволили разъяренному метису расправиться с ним.

– Он по крайней мере признался в своих злодеяниях, – вздохнула Эрмин, держа мужа за руку.

Он только что подробно рассказал ей о том, что произошло за сегодняшний день – вплоть до того момента, когда он избил Пьера Тибо и стал угрожать проткнуть его вилами.

Тошан и Эрмин сидели на самой высокой ступеньке крыльца и смотрели на огромный костер, в котором догорали великолепные сани, изготовленные Тошаном.

– Начиная со вчерашнего вечера эти свиньи подбрасывали в огонь наши личные вещи, мебель, матрасы, занавески... Мин, это катастрофа. Все стекла разбиты. Они превратили наши комнаты в уборные... К счастью, ты сейчас здесь. Сам я даже и не знаю, что стал бы делать. Я, по правде говоря, очень удивился, когда увидел, что ты приехала сюда вместе с полицейскими.

– Это произошло благодаря нашей сестре. У Кионы было видение, и

она посоветовала мне направить сюда полицейских. Я так испугалась за тебя, что заставила их взять меня с собой.

Эрмин прислонилась к Тошану и погладила его черные волосы. Она увидела, что он беззвучно плачет. Его до глубины души потряс такой удар судьбы.

– Тошан, любовь моя, мне так жаль!

– И мне тоже! Вы – ты и дети – уже не сможете провести здесь зиму. Даже если бы мне и удалось все отремонтировать до первого снега, тут все равно уже нет дров и почти не осталось запасов продовольствия. Они не смогли разбить наши металлические банки с консервами, а вот все бутылки разбиты, содержимое мешков с сахаром и мукой высыпано в грязь... Все приведено в негодность. Этот мерзавец пристрелил моих собак! Черт побери, мне не следовало уезжать во Францию! Я должен был оставаться здесь, чтобы присматривать за своей землей и своим домом. Впрочем, когда мы уезжали отсюда в конце апреля, тут был полный порядок. Бабушка Одина согласилась присмотреть за моими собаками и похлопотать тут по хозяйству. Двоюродный брат моей тети Аранк приходил сюда два раза в неделю и заботился о том, чтобы у нее всего было вдоволь, да и тетя регулярно навещалась к ней – как и всегда, когда мы куда-то уезжали. Если бы я только знал, что такое может произойти!..

– Получается, ты правильно сделал, что поехал сюда вчера утром. Если бы ты появился здесь позднее, то Большой рай превратился бы в кучку пепла.

Эрмин, тоже чувствуя себя подавленной, не осмеливалась произносить какие-либо утешительные слова. Она и сама уже оценила масштабы нанесенного ущерба, когда пришла на поляну перед домом в сопровождении трех полицейских, согласившихся отправиться на берег Перибонки главным образом потому, что их попросила об этом она, Соловей из Валь-Жальбера, гордость региона Лак-Сен-Жан.

– Как тебе удалось убедить полицейских приехать сюда? – спросил Тошан.

– Я была так встревожена, что даже не пыталась от них что-либо утаивать. Я рассказала им о видениях Кионы и стала кричать, что тебе угрожает серьезная опасность и что нельзя терять ни секунды. Хотя вообще-то тебе ничего не угрожало. Это скорее Пьер Тибо находился на волоске от смерти.

– Да, я едва не проткнул его вилами. Без Кионы... Она помешала мне дойти до крайности, как часто говорит твоя мать. Вообще-то он не заслуживал ничего лучшего, кроме как сгнить в какой-нибудь яме, где его

никто не нашел бы. Мне очень хотелось убить его, этого мерзавца, стереть его с лица земли! Он ведь когда-то пытался тебя изнасиловать и протягивал свои руки к Акали.

– Мы не должны устраивать самосуд, Тошан, хотя мне вполне понятен твой гнев. Киона не допустила, чтобы ты совершил нечто ужасное. Теперь все встанет на свои места. Тибо получит по заслугам, и ему придется назвать имена своих сообщников. Слава богу, они не причинили никакого вреда бабушке Одине.

– Да, не причинили, однако если бы она своевременно не посоветовала Аранк спастись бегством, могу себе представить, *что* бы с ней произошло, и тогда... тогда...

Тошан, сжав челюсти и кулаки, уставился на пламя костра с выражением лютой ненависти на лице. Эрмин почувствовала и душой, и телом ту боль, которая терзала ее мужа. «Какая подлость! – подумала она. – Попытаться уничтожить все то, что он создал своими собственными руками – он, который сражался во Франции за свободу!»

Эрмин представила себе, *что* мог почувствовать Тошан, когда увидел, что Симона и ее маленький сын пали под немецкими пулями. До этой ночи она еще никогда не осмеливалась поставить себя на место Тошана. Ей вдруг стало страшно, и она задрожала всем телом.

– Крепись, любовь моя! – вздохнула она, заключая его в свои объятия. – Сейчас начало августа. Если нам помогут наши родственники, то совместными усилиями мы устраним нанесенный ущерб. Мукки может оставить свою работу, раз уж у нас тут сложилась такая чрезвычайная ситуация. Нам наверняка захочет помочь Людвиг. Близняшки вместе со мной тоже активно поучаствуют в восстановлении дома.

Тошан вместо ответа закрыл лицо ладонями и покачал головой.

– Послушай, Тошан, я никогда не видела, чтобы ты опускал руки. До наступления зимы у нас есть еще довольно много времени.

– Нет, Мин, не стоит за это даже браться, – сказал Тошан приглушенным голосом. – Я не стану покупать сани и собак, а уж тем более дрова. Я знаю, что ты готова потратить свои деньги на то, чтобы восстановить наши запасы и вставить в окна новые стекла, но понадобятся ведь еще мебель и постельные принадлежности. Я испытываю такое отвращение и негодование, что предпочел бы спалить все то, что уцелело, – дом, *наш* дом, и все вокруг него. Весь Большой рай... Какой жестокой бывает иногда судьба!

– Ты сошел с ума! Наш прекрасный дом вообще-то уцелел.

– Я вижу ситуацию по-другому. Тибо и его приятели осквернили наш

дом – осквернили его тем, что повредили наши личные вещи и оставили в нашей памяти неприятные воспоминания. Они украли его душу. Наполеон предупредил меня о том, что здесь происходит, и я оставил мотоцикл в лесу. Я бесшумно подкрался и увидел, что они стоят на нашей поляне, режут, как олени во время гона, и бросают бутылки с пивом в фасад. Наш запас дров уже почти сгорел, и я при свете огня разглядел за решеткой загона своих пристреленных собак. Это был настоящий кошмар. Эти сцены снова и снова появляются у меня перед глазами. Я психологически не смогу принимать вас здесь, видеть, как моя маленькая Катери ходит среди пепла; дышать воздухом, изгаженным этими негодьями. В этой ситуации может быть только одно правильное решение: ты останешься на зиму в Робервале вместе с Мадлен и малышами. Твоя мама будет очень рада, если вы поживете у нее. Девочки пойдут в школу-интернат. Одной заботой меньше.

– А ты? Где будешь ты?

– Понятия не имею. Может, поищу где-нибудь хорошую работу, чтобы заработать денег. Следующим летом я, возможно, приеду сюда и приведу нашу собственность в порядок.

– Тошан, если ты покинешь это место, ты тем самым отдашь победу Пьеру Тибо, спасуешь перед грубой силой. Он очень обрадуется, если когда-нибудь узнает, что ему удалось изгнать нас из нашего Большого рая. А вот с тем, что этой зимой мне следует остаться в Робервале, я согласна. Я и сама об этом подумывала. Хочу быть рядом с Шарлоттой, когда она будет рожать. Однако до наступления зимы нам надо восстановить гармонию на этих землях, которые принадлежат тебе и которые наши дети очень любят. Подумай о них, о детях. Они будут гордиться тем, что принимают участие в такой работе. С завтрашнего дня мы займемся в первую очередь самым срочным. Нужно похоронить бедных собак и собрать те съестные припасы, которые еще пригодны к употреблению. Я здесь, любовь моя, рядом с тобой. Мы будем спать в лесу, вдвоем, как когда-то давно.

В ласковом голосе Эрмин чувствовалась такая убежденность, что Тошан слегка улыбнулся. Эрмин крепко его обнимала – словно какая-то теплая оболочка из нежности и доброты.

– Мин, дорогая, моя маленькая женушка-ракушка! – прошептал он. – Мне невероятно повезло в том, что я встретил тебя и стал твоим спутником жизни. Не покидай меня. Не покидай меня даже на секунду.

– Я и не собираюсь тебя покидать, – ответила Эрмин. – Ну да ладно, давай отойдем в сторону от этого унылого поля битвы. Я попросила одного из полицейских позвонить маме, когда они вернутся в Роберваль. У Лоры в

доме все, наверное, уже извелись. Что касается бабушки, то я уверена, что Наполеон позаботится о ней. Он человек порядочный. Смотри, после этого варварского набега уцелела пара одеял!

Они вошли, держась за руки, в дом, в котором провели вместе со своими детьми далеко не одну холодную зиму и далеко не одно солнечное лето. Эрмин усилием воли заставила себя сделать вид, что не обращает никакого внимания на гнусный запах, исходящий от рвотных масс и испражнений.

Свет от костра проникал в дом через окна. Через их разбитые стекла туда также проникал теплый влажный воздух.

– Осторожно! – сказал Тошан.

– Не переживай, я смотрю себе под ноги.

Отправляясь из дому сюда, на берег Перибонки, она надела черные полотняные штаны и довольно просторную кофту. Свои волосы, собранные в хвост на затылке, она покрыла платком.

В коридоре она указала своему мужу на шкаф, который из-за цвета сливался с деревянной обшивкой стен.

– Они его не открывали, – констатировала она. – Я храню в нем пледы и поношенные вещи, которые рву на тряпки. У нас будет вполне удобная постель.

Часом позже они растянулись на одеяле среди мелкой поросли. Эрмин принесла сюда из дому свечу, маленькое пляшущее пламя которой освещало тусклым светом тоненькие веточки вокруг них.

– Какой чудесный балдахин – все эти веточки! – сказала Эрмин, прижимаясь к Тошану. – И земля под нами не очень твердая.

Ее муж, не очень-то расположенный сейчас к разговорам, выдавил едва слышное «да» в ответ и поцеловал ее в лоб.

– Ты взял ружье? – тихо спросила Эрмин. – Я боюсь диких зверей, а особенно медведей.

– Напрасно. Медведи никогда не доставляли нам никаких неприятностей. Несколько украденных кусков сала и развороченный мешок сахара – вот и весь вред, который они причинили нам за двадцать лет соседства. Я предпочел бы прийти сюда и увидеть, что наше имущество повредили они, а не пьяные идиоты. Черт побери, а ведь Тибо когда-то считался моим приятелем! Ненавижу этого типа. Сколько времени, интересно, они продержат его за решеткой? Он ведь, если разобраться, убил собак, а не людей, да и не украл ничего, только сжег наше имущество на костре. Думаю, он проведет в тюрьме месяц или два, не больше. И что

потом? Он вернется сюда. Если он устроил такой погром из-за того, что хотел отомстить за свои выбитые зубы, то в следующий раз тут будет море крови.

– Давай дождемся решения суда, любовь моя... Боже мой, как жарко! Тебе не жарко? Мы чувствовали бы себя намного лучше, если бы разделись. Тебе так не кажется?

– Мин, прости меня, но сейчас неподходящий момент для того, чтобы забавляться. Не хочется тебя обижать, но я сейчас не в состоянии как следует оценить твою наготу.

– В состоянии ли ты ее оценить или не в состоянии, а я сниму с себя одежду.

Вскоре Эрмин уже предстала перед своим мужем в костюме Евы. Она выглядела очень эффектно на фоне контраста между темнотой и золотистым пламенем свечи. Ее длинные распущенные волосы были похожи на водопад из жидкого золота. Взгляд Тошана остановился на ее круглой груди, а затем скользнул по линии бедра. Эрмин с легким вздохом снова легла рядом с ним.

– Зрелище стоит того, чтобы на него посмотреть, – сказал он безразличным тоном, – но у меня складывается впечатление, будто я ребенок, которого ты хочешь утешить конфетками.

– Дурачок! – прошептала Эрмин. – Ты еще никогда не сравнивал меня с конфетой. Тошан, мне всего лишь хотелось бы вернуть тебе твоё мужество. Вспомни о том, как мы разъезжали по дорогам Онтарио и всей душой надеялись разыскать Киону. Ты снова и снова говорил мне, чтобы я не сдавалась, чтобы я верила в будущее. Тот злонамеренный парень мог ее изнасиловать, покалечить и даже убить – ее, нашу с тобой милую сестренку. Мы не осмеливались заговаривать о том страхе, который нас терзал. Горе могло произойти в любой момент и в любом месте. Нам нужно прежде всего дорожить той единственной настоящей ценностью, которую мы получаем при рождении, а именно – жизнью. Нашей собственной жизнью, жизнью наших детей и всех остальных людей, которых мы любим. Сегодня вечером я очень испугалась и разозлилась, когда увидела, что эти негодяи сделали с нашим домом, однако самым главным для меня было то, что ты цел и невредим. Я смогла прикоснуться к тебе, поговорить с тобой... Все остальное не имело значения. Когда я ехала сюда, меня охватила невыносимая тревога, потому что я воображала себе, что может случиться самое худшее – ну, то есть я могу тебя потерять. Дом, вещи ведь можно восстановить, отремонтировать, привести в порядок, а вот жизнь погибшим уже не вернуть. Раз уж ты жив и здоров, то никакие Пьеры Тибо всего мира

не смогут отнять то, что тебе принадлежит. Они не смогут отнять у тебя земли на берегу Перибонки и твою жену, которая тебя очень любит.

Она поцеловала Тошана в щеку и затем в уголок рта, ласково засунув ладонь под его рубашку через отверстие между ее пуговицами. Ее тонкие пальцы прижались к его груди, к сердцу: они, казалось, прислушивались к его ударам. Тошан, все еще не придя в себя после пережитого нервного потрясения, хотел было остаться глухим к этим осторожным намекам, однако сладковатый цветочный аромат, исходивший от его жены, заглушил запах горелой древесины и пепла. Эрмин снова поцеловала его, и прикосновение ее губ ослабило терзавшую его душу горечь.

«Эрмин права. Мне необходимо быть мужественным! – подумал он. – Я не должен капитулировать. Я не должен делать этого во имя памяти моего отца, Анри Дельбо, во имя уважения к Гале-волчице, которая когда-то жила здесь, между рекой и горами. Я нахожусь у себя дома, эти деревья – мои друзья, они будут согревать меня еще много лет, и когда-нибудь у меня будет самая лучшая собачья упряжка во всей стране. А сани я себе сделаю другие и стану зимой ездить на них с радостными криками по льду озера Сен-Жан. Буду ездить на них до конца своей жизни».

Словно бы желая чем-то закрепить это свое решение, он лихорадочным движением прижал к себе Эрмин. Под своими ладонями он почувствовал ее теплую бархатистую кожу, нежность ее женского тела.

– Погоди-ка! – пробормотал он, начиная поспешно стаскивать с себя одежду.

Раздевшись догола, он выпрямился во весь рост, протянул руки к ночному небу и издал крик, в котором смешались гнев и ликование. Он стоял на своих крепких ногах с выпуклыми мускулами, выгнув спину. Его освещало тусклое пламя затухающего костра. За прошедшие двадцать лет он не изменился. Он был похож на великолепную бронзовую статуэтку, и когда-то давно зимним вечером это очень взволновало молодую влюбленную девственницу, оказавшуюся наедине с ним в окружении лиственниц. Эрмин смотрела на него изумленными глазами, от волнения к ним подступили слезы. А еще ее охватило первобытное желание – желание отдаться, издавая стоны удовольствия, этому красивому мужчине, который был ее мужем, но при этом – никогда раньше так, как в эту драматическую ночь – являлся повелителем леса.

Наконец он опустил на колени рядом с ней, смотря на нее с восхищением, и направил свои ласки на те укромные уголки ее тела, которые были самыми интимными, самыми теплыми и нежными. Расположив свою голову между ее бедер, он доставил ей много

удовольствия, а затем заставил ее, издающую тихие удивленные стоны, развернуться. Она послушно прислонилась к стволу ближайшего клена и повернулась к Тошану округлыми ягодицами. Он вошел в нее, обхватив руками ее талию и полуприкрыв глаза – так, чтобы можно было видеть, как она изгибается, встряхивает своей шевелюрой и двигает телом в такт его энергичным движениям.

Эрмин вскрикивала от получаемого ею огромного удовольствия, не опасаясь при этом разбудить детей или родителей. Здесь, под ветвями высоких деревьев, кроме них двоих никого не было. Они были голыми, имели возможность заниматься любовью и издавать при этом крики удовольствия, не опасаясь быть замеченными. Прерывистое дыхание Тошана и хриплые звуки, которые он издавал от страсти и вожделения, еще больше возбуждали Эрмин, и она со стонами исступленно умоляла его входить в нее поглубже. Наконец, достигнув оргазма и почувствовав себя слившимися в единое целое, они на какое-то время оба замерли.

– Моя любовь, моя прекрасная любовь! – вздохнула Эрмин, когда затем они снова улеглись на одно одеяло и укрылись другим.

– Моя маленькая волчица! – прошептал Тошан ей на ухо. – Мы, я думаю, распугали всех медведей в округе. Так что можешь спать спокойно.

Произнеся эти слова, Тошан засмеялся от эйфории. Свеча уже погасла, и лишь лунные лучи, пробиваясь между ветвей, тускло освещали землю.

Эрмин, чувствуя себя изможденной, взяла ладонь мужа и прижала ее к своей груди.

– Мы станем еще сильнее, – заявил ей Тошан. – Не бойся, демоны удрали.

Он заговорил так, как говорила Киона. Это была последняя мысль Эрмин перед тем, как ее одолел сон.

Роберваль, понедельник, 7 августа 1950 года

Лора натянула на свои руки белые перчатки, поправив перед этим шляпку из органди и свои платиновые кудри. Вокруг нее царили веселье и суматоха. Лоранс гонялась за маленькой Катери, одетой в пышное платье с оборками на груди, в котором она была похожа на куклу. Мадлен и Акали, уже полностью одетые, пытались успокоить фокстерьера, все время прыгавшего и натягивавшего до предела поводок.

– Давайте поторопимся! – пробурчал Жослин, который выглядел очень эффектно в своем бежевом льняном костюме и красном галстуке. – Пароход уже подплывает. Мы опоздаем на пристань.

– Не опоздаем, папа! – возразила Киона, надевшая клетчатую рубашку

и новый комбинезон из голубой хлопчатобумажной ткани. – Мукки уже завел двигатель машины. Вам осталось только сесть в нее. А я поеду на велосипеде.

Вся семья собиралась идти встречать Эрмин и бабушку Одину, которые должны были прибыть на пароходе через четверть часа.

– Иисусе милосердный, да собирайтесь же вы поскорее! – взмолилась Мирей – единственная, кому предстояло остаться в доме. – Я присмотрю за кухонной плитой. Жаркое будет готово в полдень.

Полицейский, которому поручили предупредить семью Шарденов о том, что произошло на берегу Перибонки в ночь с пятницы на субботу, не поленился лично явиться в дом Лоры и рассказать об этом. Лора и Жослин, поначалу придя в уныние, затем с горячностью заявили о том, что окажут Эрмин и Тошану всяческую поддержку. Что касается Мукки, то он, узнав рано утром по телефону о случившемся, заявил своим хозяевам, что вынужден уволиться с работы, потому что ему необходимо помогать своему отцу. А вчера вечером Эрмин позвонила родителям из гостиницы в поселке Перибонка и сообщила, что возвращается, но не одна, а вместе с бабушкой Одиной.

– Быстренько в машину! – воскликнула Лоранс. – Мукки! А ну-ка посигналь!

Все уселись поудобнее в комфортабельном «линкольне». Жослин сел на переднее пассажирское сиденье, Констан и Адель расположились у него на коленях, а Лора, Мадлен и Лоранс заняли места на заднем пассажирском сиденье. Мадлен держала на руках Катери.

Киона тем временем уже ехала на велосипеде по дороге, ведущей к берегу. Ветер, дующий с озера, взъерошивал ее рыжевато-золотистые волосы. Она радостно улыбалась. «Я спасла Тошана. Нельзя было допускать, чтобы он запятнал свои руки – и душу – кровью. Мы отпразднуем Рождество здесь, в Робервале. Лора пригласит Шарлотту и Людвигу, и мы установим огромную елку. Я смогу посвятить себя своему предназначению: буду ходить по домам, навещать в санаторий и больницу».

С молчаливого согласия своего отца, который пообещал никому не разболтать этого, Киона решила, что с началом учебного года не вернется в колледж Бон-Пастёр, а займется помощью самым бедным и обездоленным людям своего региона.

«Когда я была ребенком, мой природный дар наводил на меня страх и мне все время хотелось носить какие-то амулеты, чтобы себя защитить. Но я должна принять этот подарок богов и начать приносить пользу многим

людям», – подумала она, чувствуя, что на душе у нее настоящий праздник.

Когда Киона уже ехала по пристани, неподалеку раздался гудок парохода. Она посмотрела на мостик судна и сразу же заметила Эрмин, облокотившуюся на металлический леер. Рядом с ней стояла полная пожилая индианка с седыми косами.

В этот момент к Кионе подбежала Лоранс, а затем – Мукки и Акали. Они все пребывали в приподнятом настроении.

– Мама! – во все горло закричал Констан, вырвавшись из рук Жослина. – Я вижу маму! Я ее вижу!

Эрмин, лучезарно улыбаясь, махала рукой. Она сейчас могла спокойно разглядывать со стороны свое «племя, осевшее в городе» (как ей самой нравилось говорить). Одина беззвучно посмеивалась. Индианка знала, что снова увидится с Мадлен, Акали, своими правнуками, а также Шарлоттой и Людвигом, которых она считала родственниками.

К Кионе подошла и Лора, горящая желанием продемонстрировать всем свое новое платье. Напустив на себя сердитый вид, она протянула Мукки рюкзак.

– Ты забыл его в машине, мой дорогой!

– Спасибо, бабушка. Я очень рад тому, что могу помочь папе! Он не будет разочарован. Я буду вкалывать на совесть.

Мукки приехал сюда на том же пароходе, но днем раньше. У него сейчас было только одно желание – поскорее ликвидировать ущерб, нанесенный Большому раю, и тем самым доказать отцу, что он, Мукки, очень любит их земли возле Перибонки.

Прошло еще немного времени – и белоснежный пароход причалил к пристани. Установили сходни, и пассажиры, в числе которых имелись и туристы, и местные жители, начали сходить на берег. Киона первой заключила в свои объятия старую Одину, и вслед за ними все стали обниматься. Небо было безоблачным и удивительно голубым. Над озером, по поверхности которого катились небольшие волны, летали чайки. Эрмин, взяв на руки свою маленькую Катери, прошептала ей на ушко:

– Твой папа вернется очень скоро. Он тебя сильно любит. Он сейчас далеко-далеко, вон там.

Девочка посмотрела в сторону севера, как будто Тошан мог вдруг появиться на фоне грандиозного пейзажа. Подражая жесту своей матери, Катери помахала пухленькой ручонкой, чтобы тем самым сказать «До свидания!» невидимому отцу. Киона, посмотрев на малышку, на несколько секунд закрыла свои красивые янтарные глаза. Ей уже стало удивительно легко видеть тех, кого она любит, но кто находится далеко от нее!

На несколько секунд она увидела своего сводного брата: он сидел на террасе гостиницы в поселке Перибонка, а его мотоцикл стоял неподалеку. Тошан курил сигарету и непонятно почему был одет в индейскую туннику-безрукавку из оленьей кожи, украшенную ракушками. Его лоб был перетянут узкой полоской кожи.

«Как будто в каком-то сне! – мысленно сказала сама себе Киона. – Но, как бы он ни был одет, его сердце снова стало отважным, а душа – мужественной. Все хорошо».

Глава 12

Трагедия в Валь-Жальбере

Роберваль, вторник, 22 августа 1950 года

Шел дождь, и громыхал гром. Киона, сидя в гостиной, перечитывала статью своей подруги Бадетты. Статью эту напечатали в газете «Солей» в субботу, пятого августа. Прежде чем свернуть и отложить в сторону газету (Лора купила три экземпляра), Киона еще раз внимательно всмотрелась в фотографию, которую сделала Мари-Нутта на следующий день после вечеринки, устроенной, чтобы отметить «возвращение чудоребенка» (именно так и была озаглавлена статья).

«Как это все-таки странно – эпизод из нашей жизни можно запечатлеть на кусочке бумаги», – сказала Киона сама себе тихим голосом.

Она знала, что индейцы не любят фотографироваться, потому что, по их мнению, фотографирование может украсть частичку души того, на кого наводят фотоаппарат. «А может, это и в самом деле происходит? – мысленно спросила себя она. – Ведь взгляды людей на фотографии сохраняют свою силу, а по выражению лиц можно догадаться, какие чувства эти люди испытывают. Запечатлеть чье-то изображение – это не так и безобидно. Уж я-то знаю».

Она использовала свое свободное время для того, чтобы снова и снова размышлять над своими медиумическими и прочими редчайшими способностями. Жослин – заботливый отец – помогал ей разобраться в них. Он уже много лет собирал научные и прочие статьи, посвященные паранормальным явлениям, и обсуждал их с Кионой, когда у нее появлялось желание это делать. В то утро он, ненадолго заглянув на кухню, чтобы наскоро позавтракать, зашел в гостиную.

– Как здесь тихо! – удовлетворенно вздохнул он. – Лоре дом кажется пустым, а я вот люблю, когда спокойно и тихо.

Он сел рядом с Кионой на диване. В комнате был включен светильник, потому что небо заволкли свинцовые тучи.

– Ты перечитывала эту дурацкую газету, моя малышка? Бадетта выполнила наше пожелание, она не стала писать о тебе подробно, но, несмотря на это, ее статья весьма поспособствует окончанию нашей спокойной жизни.

– Мне очень жаль, папа. Впрочем, если люди и станут приезжать сюда,

то вряд ли их будет много.

– Но и этого будет вполне достаточно! Согласись, что одна небольшая фраза была излишней.

Он взял газету и громко прочел: «Эрмин Дельбо, знаменитая оперная певица, предприняла все возможные усилия для того, чтобы найти свою сводную сестру, которая, по-видимому, наделена медиумическими способностями».

– Я разрешила ей написать эти слова, папа. Сама Бадетта не осмеливалась этого сделать, она опасалась, что мне станут докучать. Однако в то утро, в которое она должна была уже уехать, я сказала ей, что она может упомянуть о моем даре. Папа, меня абсолютно не пугает то, что о моем даре узнают многие. Мне необходимо стать полезной, помогать другим людям. Бадетта пишет, что я сбежала, и это вообще-то чистая правда. Не осуждай ее. У нее не было другого выбора: ее главный редактор иначе попросту не отпустил бы ее сюда. Я была рада снова с ней увидеться, да и Нутта смогла пообщаться с нами. Знаешь, папа, моя двоюродная сестра станет знаменитой журналисткой. Она будет работать во Франции.

– Вообще-то она приходится тебе не двоюродной сестрой, а племянницей.

– Какой ты сегодня утром придирчивый! – возмутилась Киона. – Мы – я, Мукки и близняшки – решили считать себя двоюродными братьями и сестрами, потому что мы примерно одного возраста. Если рассказывать кому-то, какие родственные связи нас на самом деле соединяют, то придется объяснять, что Эрмин – это твоя дочь в браке с Лорой, а меня родила красивая индианка, являющаяся матерью твоего зятя. Согласись, что тут все слишком запутано и может вызвать кривотолки.

– А вот Эстер поняла все быстро! – проворчал Жослин.

– Она женщина незаурядного ума, папа. Я даже сожалею, что она покинула нас так быстро.

– Улица Марку находится не очень-то далеко от нашего дома! Мы частенько будем ходить к ней в гости, даже если придется там сталкиваться с Овидом Лафлером, который стал для Лоры объектом особой ненависти и отвращения. Ох уж мне эти женщины! Почему моя жена теперь отказывается приглашать к нам этого беднягу учителя и не хочет объяснить мне причину?.. Знаешь, что я тебе скажу, Киона? Я думаю, что Эстер сняла домик всего лишь для того, чтобы у нее была возможность беспрепятственно встречаться с этим своим другом.

Киона слегка улыбнулась, а затем сказала:

– Ты очень проницателен, папа. Но давай поговорим о чем-нибудь

другом! Я вот тут некоторое время ломала себе голову по поводу своего природного дара, а еще размышляла над ролью фотографий – в частности, применительно ко мне...

– Говори, я тебя слушаю, моя маленькая, – оживился Жослин, радуясь тому, что Кионе захотелось поговорить именно с ним.

Лора заглянула в комнату, где они находились, не переступая порога. Она увидела, что ее муж и Киона сидят рядом друг с другом при свете электрической лампы, которую им пришлось включить, потому что дневной свет был из-за грозы очень тусклым. Они, казалось, вели такой сугубо личный разговор, что она предпочла им не мешать и пошла на кухню, где Мирей лушила фасоль.

– Не нравится мне такая погода! – посетовала Лора. – И тишина мне тоже не нравится.

– Иисусе милосердный, мадам, внутри дома, возможно, и тихо, но зато снаружи настоящий кавардак: грохочет гром, сверкают молнии. А еще слышно, как на озере плещутся волны.

– Я надеялась, что Эрмин пробудет здесь все лето, а ей пришлось поехать на берег Перибонки, чтобы помогать своему мужу! Вслед за ней туда поехали Лоранс, Мадлен и дети. Я не понимаю, зачем Эрмин привезла старую Одину в Роберваль. Одина ведь вполне могла дождаться их всех там, в Большом раю, вместе с Тошаном.

– Но ведь с вами тут остались ваш супруг, Акали и Киона! Наша Мимин пообещала вернуться не позднее начала сентября. Вам ведь известно, что она очень не любит разлучаться со своим мужем! А про эту женщину – бабушку Одину, как ее все называют, – вряд ли можно сказать, что она доставила вам много хлопот. Она тут поспала всего-то одну ночь, а затем пришлось отвезти ее в Валь-Жальбер, к Шарлотте.

– Вот это-то меня и раздражает, Мирей, поскольку мы с Одиной подруги. Во всяком случае, мы прониклись симпатией друг к другу, когда четыре года тому назад я была в Большом раю. Но мой зять считает, что она будет в большей безопасности в Валь-Жальбере. Боже мой, полицейские не стали бы силой забирать ее у уважаемой семьи, чтобы отвезти в Пуэнт-Блэ!

– Возможно, и стали бы, мадам! – возразила Мирей со знающим видом. – Что-то Акали задерживается. Она уже давненько ушла к Ганьону^[23] за бараньей ногой для вас.

– Она, наверное, решила заодно и прогуляться. Возраст у нее такой. Или же пережидает где-то грозу. Ну да ладно! Что у нас сегодня на ужин?

Они переключились на кулинарные темы. Дождь продолжал

барабанить по стеклам и крыше. В гостиной тем временем продолжался другой разговор: Киона рассказывала о своих наблюдениях, сомнениях и затруднениях своему отцу.

– Ты помнишь ту женщину – Альфонсину, – которая приходила на прошлой неделе? Ее сын пропал где-то в море, и она хотела узнать, жив ли он еще. У меня не возникло никакого видения на этот счет, а потому я даже понятия не имела, где он находится и здоров ли, однако она протянула мне его фотографию, и, как только я к этой фотографии прикоснулась, я смогла увидеть лицо этого парня. Я поняла, что он жив и скоро вернется. Мне, видимо, придется просить людей показывать мне фотографии своих близких, если они захотят о них что-либо узнать.

– Моя дорогая малышка, во что ты ввязываешься? Ты ведь еще такая юная! Я помню, что после этого разговора ты чувствовала себя изможденной, тебя охватил озноб.

– Состояние, в котором пребываю лично я, не имеет для меня большого значения. Выражение счастья, которое я увидела тогда на лице этой женщины, стоило всех моих ознобов и недомоганий. Я тебе повторяю, папа, что хочу использовать свой дар как можно более разумно. Я даже всерьез подумала о том, что мне, пожалуй, стоит начать изучать медицину, чтобы стать психиатром и, позднее, психоаналитиком. Мой дар позволил бы мне очень эффективно лечить больных. Я исхожу из статей о трудах доктора Фрейда^[24], которые я прочла.

Жослин с ошеломленным видом кивнул. Он не переставал удивляться интеллектуальным способностям своей младшей дочери. Киона много читала и, обладая отличной памятью, выносила для себя из этого немалую пользу.

– Вообще-то учиться нужно очень долго, – вздохнула она. – Так что я еще подумаю, как мне поступить. Когда я была ребенком, я боялась своих видений. Теперь же мне хотелось бы извлекать из них пользу... Хотя нет, не обязательно пользу, а хотя бы чтобы они были более понятными и своевременными. Я терзаюсь этой проблемой вот уже две недели. Почему я не смогла предвидеть то, что произошло в Большом раю? Я клянусь тебе, что ничего из этого не предвидела, абсолютно ничего. Если бы у меня возникло какое-то дурное предчувствие, я смогла бы предотвратить эту беду, которая коснулась и моего брата, и Эрмин, и всей нашей семьи.

Жослин с задумчивым видом покачал головой. Ему хотелось бы дать какой-нибудь умный ответ, однако в голову не приходило ничего, кроме банальностей.

– Ты часто говоришь о судьбе – судьбе, которую мы, беспомощные

людишки, не можем изменить и подчинить своей воле. Ну так вот, этот неприятный инцидент с Тибо был частью нашей судьбы! К счастью, ты смогла вмешаться в самый критический момент – когда Тошан уже собирался совершить непоправимый поступок. Что касается того негодяя, то он получил восемнадцать месяцев тюрьмы со строгой изоляцией.

– Я верю в судьбу, папа, и ты только что натолкнул меня на одну важную мысль. Если каждое событие играет в этой пресловутой судьбе какую-то роль, то следовало бы знать, частью чьей судьбы является этот инцидент – судьбы Тошана, судьбы Пьера Тибо или моей.

– Муки небесные, от таких твоих философских рассуждений у меня взорвется мозг! – вздохнул Жослин. – Ты прямо-таки блещешь умом, дочь моя!

– Папа, послушай меня! Если этот инцидент является частью моей судьбы, то какой в нем мог бы быть смысл с точки зрения Провидения? Я не собиралась жить этим летом в Большом раю. Так что вряд ли это произошло ради того, чтобы помешать мне туда поехать. Думаю, этот инцидент является частью судьбы Эрмин!

– То есть как это – судьбы Эрмин? – удивился Жослин.

– Эрмин, возможно, необходимо провести зиму не там, а здесь, в Робервале. Но почему? Маниту, прошу тебя, помоги мне!

Киона подняла глаза к потолку и придала своему красивому лицу умоляющее выражение.

– Я не Маниту, – усмехнулся Жослин, – но напоминаю тебе, что твоя сестра вообще-то и сама серьезно подумывала о том, чтобы присутствовать при родах Шарлотты в начале января. Она сама мне об этом как-то раз вскользь сказала. Так что твое предположение не оправдывается. Но когда-нибудь ты найдешь ответ. А про бабушку Одину ты что, забыла?

Киона посмотрела на своего отца взглядом, искрящимся радостью.

– Ну как же про нее можно забыть? Ты заметил, как повела себя Адель? Малышка сразу узнала Одину и стала к ней ласкаться. Как только она узнала, что мы увозим ее в Валь-Жальбер, она захотела вернуться в Маленький рай вместе с ней. Это хорошо, поверь мне, что Шарлотта уже больше не будет подолгу оставаться в одиночестве. Когда я отправилась навестить ее в воскресенье – после того, как Онезим согласился отвезти меня обратно вечером, – я увидела там настоящий семейный очаг. Дом был в безупречном состоянии, и в нем царил запах овощного супа. Дети вели себя послушно.

– Ну конечно, там все организовано идеально. Кстати, моя дорогая, полиция ведь обратилась к тебе с просьбой оказывать ей содействие при

проведении расследований. Какое ты приняла решение по этому поводу?

– Полиция! – мрачно повторила Киона. – Я приму решение тогда, когда сочту нужным это сделать. И Бадетта, кстати, в этом случае уже совсем ни при чем. Я обязана такой честью Мин, потому что это она рассказала полицейским о моем зловещем видении, чтобы заставить их отправиться в Большой рай. Начальник полиции, как только вернулся оттуда, решил, что я могла бы оказывать правоохранительным органам содействие в розыске различных преступников. Вообще-то я уже знаю, какой ответ дам на это его предложение.

– Положительный?

– Нет, отрицательный! – убежденно ответила Киона. – Я не могу предать память своей матери. Я не стану наносить это оскорбление детям индейцев монтанье, которых полицейские принудительно отправляли в государственные школы-интернаты, где их унижали и где с ними дурно обращались. Если бы полицейские не попытались увезти меня туда, мама была бы еще жива.

Киона вообще-то не имела привычки рассказывать о том, что терзает ее душу. Жослин, расчувствовавшись, нежно обнял ее и поцеловал в щеку.

– Тала, несмотря на то что погибла, продолжает заботиться о тебе, – прошептал он. – Ты сама мне говорила, что она появлялась перед тобой, когда ты в ней нуждалась.

– Появлялась, папа, но слишком редко. Слишком редко. Я так сильно ее любила!

Гроза удалялась. Снова появилась Лора. Она была одета в платье из сиреневого шелка.

– Мне жаль, что приходится вас беспокоить. Я хочу открыть окна. После дождя так замечательно пахнет влажной землей! Комары пока еще не появились. Жосс, если бы ты только видел, какие на озере волны!.. Киона, ты хотела выпить кофе. Я тебе его приготовила.

– Спасибо, Лора, это очень любезно.

Киона встала и вышла из гостиной. На ней была ее любимая одежда: комбинезон из джинсовой ткани, одетый поверх футболки (иногда вместо футболки она надевала рубашку). Волосы ее, отрастая, стали немного виться, и это ее очень забавляло. Киона уже шла через прихожую, когда в дом вошла Акали. Она держала в руке корзину.

– Киона! – воскликнула Акали. – Слава Богу, ты здесь!

Мирей, услышав голос этой молодой индианки, тут же стала ворчать:

– Наконец-то ты пришла! Иисусе милосердный, я уж думала, что бараньей ноги нам не видать.

– Я задержалась, Мирей, – ответила Акали, беря Киону за запястье. – Мне жаль, что так получилось.

Киона сразу же почувствовала, что Акали чем-то сильно обеспокоена, и впилась в свою подругу вопросительным взглядом.

– Нужно, чтобы ты немедленно поехала в Валь-Жальбер, – очень тихо сказала Акали. – Ты нужна Шарлотте. Я встретила Людвига. Он искал, но не мог найти доктора Брассара^[25]. Людвиг просто с ума сходит. Онезим дал ему свой грузовичок.

– Шарлотта? А что с ней случилось?

– Она теряет своего ребенка. Людвиг попросил меня поставить тебя в известность об этом. Он приедет сюда за тобой минут через пять.

Едва Акали произнесла эти слова, как послышался тихий скрип тормозов. Это к калитке подъехала на велосипеде Эстер. Она слезла с велосипеда, вошла в сад и поднялась по ступенькам крыльца.

– Добрый день, барышни! – весело воскликнула она, увидев Киону и Акали, все еще стоящих в прихожей. – Ну и ночь же у меня была! Я пойду отдохну перед обедом. Это будет один из моих последних обедов у вас. В пятницу я планирую переселиться.

В этот момент в прихожую вошла Лора. Увидев Эстер, она сразу же заговорила с ней.

– Моя дорогая Эстер, сегодня на обед у нас будет баранья нога, а на ужин – круглый пирог с овощами и пирожные с густым заварным кремом и карамелью. Вы ведь будете ужинать вместе с нами, да?

– Я пока не знаю, Лора.

Киона слушала их с рассеянным и раздосадованным видом. Она, получалось, не смогла предвидеть той угрозы, которая нависла над Шарлоттой. Акали легонько подтолкнула ее локтем.

– Нужно ей сказать, – прошептала она. – Мадам Лора имеет право знать.

– Что нужно мне сказать? – оживилась Лора. – Хватит уже скрытничать! Я этим летом и так уже натерпелась от всяких неприятных сюрпризов.

– Людвиг отвезет меня к Шарлотте, – сказала Киона. – Она теряет ребенка. Эстер, вы не могли бы поехать со мной? Я понимаю, что вы устали после ночного дежурства, но доктора Брассара, похоже, уже вызвал кто-то другой, а вы ведь медсестра...

– Хорошо. Мне удалось поспать пару часов. Я еду с вами, Киона.

– Я тоже поеду, – заявила Лора. – Шарлотта для меня – почти приемная дочь. Кроме того, кому-то нужно будет отвлечь Адель и Томаса.

До них донесся шум мощного мотора, который был им знаком. Это приближался грузовичок Онезима.

– Лора, не обижайся, но нас возле ее кровати не должно быть слишком много, – сказала Киона. – Приезжайте вдвоем с папой чуть позже. Малыши сейчас, наверное, у Иветты. Акали, сходи в ванную Эрмин. Там лежат болеутоляющие таблетки. Посмотри по надписям на упаковке. Возьми также девяностопроцентный спирт и бинты.

Эстер молча кивнула в знак того, что Киона говорит все правильно. Ее впечатлили хладнокровие Кионы, ее организаторские способности и решительность.

– Боже мой! Неужели такое возможно? – испуганно воскликнул, входя в прихожую, Жослин. – Я все слышал из гостиной. Бедная Шарлотта! Мне не раз приходила в голову мысль, что состояние ее здоровья слишком уж плохое для того, чтобы у нее нормально прошла эта беременность.

В этот момент в дом стремительно вошел Людвиг. Его светлые волосы намокли от дождя, а красивое лицо было перекошено от охватившего его волнения. Эстер, которой еще не доводилось с ним встречаться, была поражена его величественной осанкой и типичной североевропейской внешностью. «Немец, ариец, полностью соответствует критериям идеальной расы, о которой мечтал Гитлер», – подумала Эстер, чувствуя, как у нее сжимается сердце. Едва она об этом подумала, как тут же почувствовала на себе упрекающий взгляд янтарных глаз Кионы. Словно бы желая оправдаться, Эстер очень быстро сказала Людвигу:

– Месье, было бы разумнее положить вашу супругу в больницу. Насколько мне известно, она на пятом месяце беременности, и на таком сроке...

– Шарлотта отказывается ложиться в больницу, – ответил Людвиг, тяжело дыша. – Киона, поехали со мной, Шарлотта хочет тебя видеть – тебя и никого больше.

– Хорошо, я поеду, но мне необходимо взять с собой мадемуазель Штернберг, потому что она медсестра. Людвиг, поверь мне, ее нужно взять с собой.

Людвиг в знак согласия кивнул. На лестнице появилась Акали. Она держала в руке матерчатую сумку, в которой лежало все то, что ее попросила принести Киона.

– Спасибо. Я попытаюсь поставить в известность свою сестру, – сказала Киона.

Берег Перибонки, Большой рай, тот же день

Эрмин, одетая в бежевые штаны и розовую кофту, выкладывала свеженарезанные ломтики картофеля на сковородку, поглядывая на маленькую Катери, которая играла с новенькими кубиками, сидя на коврике. Дом тщательно приводили в порядок и проветривали несколько дней. Он казался теперь гораздо более просторным, чем раньше, поскольку в нем уже почти не было мебели, картин и занавесок, однако Эрмин все равно чувствовала, что находится у себя дома. Да, это был ее дом, с которым было связано много приятных воспоминаний, и она легко мирилась с возникшим дискомфортом, тем более что он напоминал ей о тех временах, когда она жила здесь без всяких удобств вместе с Тошаном и тогда еще очень маленьким Мукки.

Со стороны поляны до Эрмин доносились взрывы смеха. Констан играл в мяч со своим старшим братом, а Тошан занимался тем, что строил новый сарай для дров. Раздевшись по пояс и завязав свои черные волосы на затылке, метис энергично орудовал молотком. Солидарность не была на берегах озера пустым словом, а потому люди, живущие возле Перибонки, предложили свою помощь в рамках имеющихся у них возможностей. Кто-то предоставил свой грузовик, кто-то дал досок, а юноши, считавшие Мукки своим другом, дружно вызвались помочь своим физическим трудом.

– Спой, мама! – вдруг тихо попросила Катери.

– Тебе нравится, как я пою, сокровище мое! – развеселилась Эрмин. – Хорошо. Я спою «Кармен».

Любовь свободна, век кочуя,
Законов всех она сильней.
Меня не любишь, но люблю я,
Так берегись любви моей!..^[26]

Эрмин стала танцевать. Это вызвало большую радость у девочки: она поднялась и начала бегать вокруг нее, хлопая в ладоши. Она была очень симпатичной со своими густыми и гладкими черными волосами, мордашкой цвета меда и очень темными глазами.

– Моя маленькая фея! – воскликнула мать, беря ребенка на руки и покрывая его поцелуями. – Нам тут хорошо, правда? Знаешь, а твой папа смастерит нам новые кровати. Он уже сделал вот этот стол, за которым мы будем есть все вместе.

Девочка восторженно закивала. В этот момент в комнату зашла Лоранс: она принесла два ведра чистой воды.

– Ну и ну, мама! Пока одни вкалывают в поте лица, другие развлекаются.

– А чего же ты хочешь, дочь моя? Я ведь просто-таки ликую оттого, что могу пожить немного в этом нашем пристанище, затерянном в лесной глуши.

Она блаженно улыбнулась от воспоминания о том, что вот уже целую неделю после ее приезда Тошан каждую ночь проявлял любовный пыл. Они уединялись в лесу, чтобы предаться страсти, и о каждой такой близости восторженно вспоминали весь следующий день.

– Мама, у меня к тебе один вопрос, – сказала Лоранс, поставив ведра с водой возле стены. – Что ты думаешь о Реале, друге Мукки?

– Ну, это красивый темноволосый парень с голубыми глазами! Он, кстати, хорошо воспитан и любезен... Он будущий учитель. Одна из его прабабушек была индианкой монтанье.

– Ого, а ты хорошо информирована!

– Он помог мне заново натянуть веревку для сушки белья и развесить выстиранные вещи. Так что у меня была возможность расспросить его. Его отец учитель, и у него есть ездовые собаки. Одна из них ошенилась два месяца назад, и я сказала ему, что куплю трех щенков, чтобы подарить твоему отцу. Тошан сейчас твердит, что не хочет больше держать ездовых собак, однако я его хорошо знаю, а потому для меня очевидно, что, как только он их увидит и возьмет на руки, он тут же захочет, чтобы они принадлежали ему. Этот парень – очень милый, Лоранс, и я готова поспорить, что вскоре он придет сюда снова. Почему бы ему, например, не прийти завтра, раз уж он частенько засматривается на тебя и раз уж ты, похоже, тоже проявляешь к нему интерес?

Лоранс на радостях крепко обняла свою мать.

– Спасибо, мама, мне нужно было узнать твое мнение. Реаль сказал, что я очаровательная. Я очень рада тому, что приехала сюда вам помогать. Ну все, пока! Мадлен ждет меня у реки. Нам нужно принести еще воды. Какими же люди иногда бывают глупыми! Особенно я.

Лоранс ушла, оставив свою мать в недоумении. Вопреки нескольким намекам, сделанным Лорой, Эрмин даже на мгновение не заподозрила, что ее дочь была влюблена в Овида Лафлера. Последняя реплика Лоранс относилась к той вспышке страсти, которую она испытала к учителю, хотя на земле полно и других личностей мужского пола. Например, некий Реаль, живущий на противоположном берегу озера Сен-Жан.

– Почему твоя сестра считает себя глупой, Катери? – шутливо спросила Эрмин свою маленькую дочку. – Из-за этой болтовни моя

картошка едва не сгорела.

Эрмин снова занялась приготовлением обеда, а ее младшая дочь вернулась к своим кубикам. И вдруг в сознании Эрмин раздался хорошо знакомый голос: «Мин, дорогая Мин, приезжай, прошу тебя, поскорей приезжай в Валь-Жальбер. Ради Шарлотты».

– Киона? – встревоженно спросила Эрмин.

Сестра появилась перед ее взором буквально на пару секунд. На ее лице было отчаянное выражение, а рот был приоткрыт, будто она задыхалась. Не на шутку перепугавшись, Эрмин взяла Катери на руки и выбежала наружу, под навес.

– Тошан! – крикнула она. – Тошан, мне необходимо уехать.

Дорога из Роберваля в Валь-Жальбер, тот же день

Киона сидела на переднем сиденье грузовичка между Эстер и Людвигом. Немец вел автомобиль на довольно большой скорости. Киона прислонилась головой к верхней части спинки сиденья. Ее глаза были закрыты, а дышала она прерывисто: у нее началось сильное головокружение после того, как она попыталась явиться Эрмин.

– Что с вами? – встревожилась Эстер, прикасаясь ладонью ко лбу Кионы. – Вы прямо-таки ледяная!

– Ничего страшного, я к этому уже привыкла, так что не переживайте. Все будет нормально.

– Со стороны кажется, что вас охватил приступ паники, – покачала головой Эстер. Она на всякий случай стала считать пульс Кионы.

– Не надо, я же вам говорю, что со мной все в порядке, – вздохнула Киона. – Я только что пообщалась с Эрмин, и мне просто нужно немного восстановить силы.

– Вы только что пообщались с Эрмин? – удивилась Эстер. – Хорошо, что Тошан уже подробно рассказал мне о ваших удивительных способностях! Но одно дело о чем-то услышать, и совсем другое – столкнуться с этим лично.

Людвиг только что свернул на второстепенную дорогу, ведущую в Валь-Жальбер. Он бросил испуганный взгляд на Киону.

– Скажи, Шарлотта не умрет? *Mein Gott*^[27], если ты об этом знаешь, нужно, чтобы ты мне сказала.

– Я этого не знаю, – ответила Киона, говоря правду. – Я ведь даже не знала, что у нее начнутся проблемы с вынашиванием беременности. Уверяю тебя, у меня не было никаких зловещих видений. Я только чувствую, что она испытывает сильные физические и душевные муки и что

она очень напугана.

– Одина жаловалась, что у нее нет ее снадобий, – добавил Людвиг. – Она не смогла их забрать, когда убегала из Большого рая. Вокруг поселка, конечно же, есть множество лекарственных растений, но она не успела их собрать.

Эстер хотела было сказать, что с некоторыми недугами одними лишь лекарственными растениями бороться невозможно, но не стала этого делать – главным образом из-за напряженной атмосферы, которая установилась в машине. Сейчас был совсем неподходящий момент для того, чтобы затевать дискуссию. Вскоре Эстер увидела первые дома, построенные рядом с дорогой. Эту группу домов называли «маленьким Валь-Жальбером». Здесь после закрытия местного заводика поселился мэр. Эстер также увидела вдалеке большое открытое пространство между крутыми склонами холмов, густо заросшими деревьями с темно-зеленой листвой.

– Это водопад Уиатшуан? – тихо спросила она. – Тошан рассказывал мне, что Эрмин очень привязана к этому водопаду и любит на него смотреть, особенно зимой!

– Да, зимой он представляет собой просто фантазмагорическое зрелище.

– У вас богатый словарный запас, Киона, – усмехнулась Эстер.

– Когда смотришь на этот водопад, это слово напрашивается само собой!.. Мы уже приехали.

Полузаброшенный поселок, на который тоже недавно обрушилась гроза, казался еще более пустынным, чем раньше. Люди в своем абсолютном большинстве разъехались, и теперь взору представляли лишь опустевшие дома с кое-где просевшими крышами и отвалившейся керамической плиткой, а также бывшие сады, заросшие колючими кустами и прочей буйной дикой растительностью, которая, казалось, хотела скрыть все следы того, что в этом поселке когда-то кипела жизнь.

– Какое странное место! – воскликнула Эстер. – Жить здесь, должно быть, не очень приятно!

– Тут сейчас, кроме нас, живут только две семьи, а именно семья брата моей жены и пожилая семейная пара Маруа! – ответил из вежливости Людвиг.

Вскоре он уже остановил автомобиль возле Маленького рая. Дом, заново выкрашенный в цвет слоновой кости и окруженный растущими вдоль забора розовыми кустами, казался со стороны очень уютным. В тени одной из высоких яблонь стоял красивый стол. На окнах висели кружевные

занавески. На крыльцо, услышав шум автомобильного мотора, вышла бабушка Одина. Эта пожилая индианка была одета в длинное цветастое хлопчатобумажное платье и в кожаную кофту, украшенную разноцветным жемчугом и бахромой. Длинные седые косы соседствовали на ее объемистой груди с несколькими ожерельями, в которых сочетались птичьи перья, ракушки, медвежьи когти и волчьи зубы.

– Быстрой, Киона! – крикнула она хриплым голосом. – А Людвигу и этой даме заходить пока не нужно. Пусть подождут.

Это была первая встреча Эстер с настоящей аборигенкой региона Лак-Сен-Жан. Она медленно вылезла из кабины грузовичка после того, как Киона стремительно выскочила и бросилась в дом.

– Шарлотта лежит в гостиной, – сказала Одина, когда Киона проходила мимо нее. – Я с тобой не пойду – не могу подниматься по лестнице по десять раз в день.

Киона вошла в комнату, в которой было прохладно и темно, и приблизилась к кровати, стоящей между диваном и окном.

– Киона, наконец-то! – простонала Шарлотта, увидев Киону. – Скорее дай мне свою руку и скажи, умру я или нет. Боже мой, мне страшно, мне очень страшно. Если бы ты только знала, как у меня болит живот! Он болит со вчерашнего дня. Я уже больше не могу терпеть. Подойди поближе, прощу тебя! Пожалуйста, не смотри на меня так.

– Что тебе взбрело в голову сделать? – тихо спросила Киона, не беря протянутую ей руку.

– Ничего! Я ничего не делала! Разве я виновата в том, что мое тело отвергло этого ребенка? Одина его только что видела, и она завернула его в кусок ткани. Она говорит, что это был мальчик, но на такой стадии это ведь невозможно определить, да?

– Бабушка Одина знает, что говорит, Шарлотта, – сухо ответила Киона, испытывая чувство отвращения. – И перестань врать. Ты можешь обмануть кого-нибудь другого, но не меня, хотя я об этом и сожалею. Когда мы сюда ехали, у меня было видение, потому что я изо всех сил сосредоточилась на тебе. Это было ужасное видение, смысл которого я сразу же поняла. Уж лучше бы у меня его не было.

– Как, по-твоему, Господь меня простит? Или же он, черт возьми, меня накажет? Я уже больше не могла, Киона, я чувствовала себя больной, меня мучили боли в спине и пояснице, и я ужасалась одной только мысли о том, что мне снова придется рожать. Иветта в последнее время часто приходила поболтать, а особенно о женских делах. Она была права, когда говорила, что нам, женщинам, приходится очень дорого платить за полученное

удовольствие. Мы разговаривали о бедняжке Бетти, которая умерла во время родов в этом поселке, в доме Маруа. Ты представляешь себе, что будет, если я умру и оставлю Адель и Томаса одних, без матери? Что их тогда ждет?

Киона с ироническим видом улыбнулась.

– В тот день, когда Элизабет Маруа покинула этот мир, ты думала только о своем бракосочетании с Симоном, которое придется отложить. Эрмин дала тебе в коридоре пощечину. Я сидела на берегу озера Сен-Жан со своей мамой. Она плакала. Перед этим я безрезультатно молилась в церкви о том, чтобы эта милая женщина осталась жива. Мин ее обожала.

– Ты об этом помнишь? Но ведь тебе было всего лишь шесть лет!

– Я помню и об этом, и о многом другом. Если бы я вдруг стала забывчивой, то даже сочла бы это милостью Божьей. Шарлотта, ты совершила поступок, который Бог сочтет преступлением. Да и я тоже считаю его преступлением. Ты не имела права так поступать.

– Иветта делала это уже два раза. Священник ее простил. Мужчины думают только о себе! Они получают удовольствие, а мы от этого можем потом умереть. Я повторяла себе, что ты мне солгала – ты, безгрешный человек.

Сильные спазмы, начавшиеся у Шарлотты, заставили ее замолчать. Она перевернулась на бок и начала стонать и причитать.

– Даже не пытайся сделать меня виноватой! – сухо сказала Киона. – Я принесла тебе болеутоляющие таблетки. Сейчас я их тебе дам. Я также попросила приехать сюда Эстер Штернберг, потому что она медсестра. Я сделала это на всякий случай. Преждевременные роды на таком сроке – пятый месяц – чреваты серьезными последствиями. Тебя вообще-то следовало бы отвезти в больницу – что и советовала сделать Людвигу Эстер. Ну, и как нам поступить теперь? Она поймет, что ты сделала, если осмотрит тебя.

Шарлотта повернулась к Кионе и посмотрела на нее безумными глазами.

– Нет, не нужно везти меня в больницу. Я хочу остаться здесь. Плод из меня вышел, и я чувствую себя все же лучше, чем вчера вечером. Серьезной опасности уже наверняка нет. Я потеряла не больше крови, чем при обычной менструации. С какой стати тебе пришло в голову привезти сюда эту женщину?

– Прости меня за то, что я побеспокоилась о твоей безопасности! О том, что тебе плохо, я также поставила в известность Эрмин. Я подумала, что то, что происходит сейчас с тобой, происходит само по себе, не по

твоей воле, – сердито сказала Киона, едва не начиная плакать. – Моя бедная Шарлотта, ты меня разочаровываешь! Я ведь тебе сказала, что этот ребенок был от Людвига.

– Мой муж считает, что ты сказала так всего лишь из вежливости. Я прекрасно знаю почему. Он отнюдь не дурак. Я тоже не дура. В Германии мы в меру своих возможностей предохранялись, потому что я не хотела заводить еще детей. А от того, второго мужчины, я не осмеливалась требовать, чтобы он соблюдал меры предосторожности. К тому же он вел себя в постели как бешеный пес...

Киона в отчаянии закрыла себе уши ладонями. Ее сердце заколотилось так, что, казалось, вот-вот разорвется на части. Ее терзали гнев и ужас. А еще она не знала, как ей сейчас поступить. Эстер избавила ее от необходимости долго размышлять над тем, какое решение следует принять, поскольку эта медсестра, решительно постучав в дверь, зашла в комнату.

– Я извиняюсь за то, что вмешиваюсь в ход событий, но я проработала всю ночь, сильно устала и не собираюсь стоять в ожидании за дверью аж до полудня. Эта женщина-индианка посоветовала мне в срочном порядке вас обследовать.

Шарлотта, опираясь на локоть, попыталась приподняться. Она посмотрела на Эстер фальшиво-безмятежным взглядом.

– Мне жаль, но вас потревожили понапрасну.

– Ваш муж искал в Робервале местного врача. Думаю, вы не выдворили бы этого врача, если бы он пришел.

– Людвиг просто испугался. Врач мне уже больше не нужен. Бабушка Одина мне очень помогла, когда я потеряла ребенка. Это произошло где-то час назад. Мне нужны были всего лишь обезболивающие таблетки. У меня сильно болел живот.

Эстер заметила, что на комодке стоят графин с водой и стакан. Она держала в руке сумку, которую подготовила Акали и в которой лежали таблетки.

– Мадам, я должна вас осмотреть, чтобы убедиться в том, что у вас там все нормально и чисто, – стала настаивать Эстер. – Зачем вам от этого отказываться? У вас ведь уже родилось двое детей. Какой вам смысл стесняться?

Несмотря на охвативший Киону гнев, ей стало жаль Шарлотту, на лице которой появилось жалобное выражение. «Кто я такая, чтобы ее осуждать? – мысленно спросила Киона сама себя. – Никто меня сурово не судил, когда я сбежала с Делсеном. И Шарлотта меня не осуждала. Я на нее ужасно злюсь, но я ведь не знаю, что представляют собой роды. Она права

в том, что многие женщины во время родов умирают».

– Во всем виновата я, Эстер, – заявила Киона громко. – Я испугалась, что произойдет трагедия, и не захотела полагаться на навыки бабушки Одины, хотя она много раз помогала при родах. Раз уж Шарлотта почувствовала себя лучше, давайте мы отвезем вас обратно в Роберваль. Врач наверняка придет сюда сегодня вечером или завтра утром. Видите ли, Шарлотта приехала из Германии измученной и сильно похудевшей. Ее последние роды были трудными. Мы все за нее боимся.

Эстер протянула Шарлотте стакан воды и две таблетки, но та, взяв все это, не стала принимать таблетки. На ее лице появилось выражение сомнения.

– Моя совесть не будет спокойна, пока я не осмотрю эту женщину, – сказала Эстер. – Было бы нелепо уйти и вообще ничего не сделать! У меня есть все, что нужно: вода, полотенце. Света, правда, тут маловато. Выйдите, Киона, она тогда почувствует себя свободнее.

– Нет, я останусь. Я просто повернусь к ней спиной – вот так!

Киона вздохнула, не зная, что ей делать дальше. Шарлотта уступила настояниям медсестры, надеясь, что та не заметит ничего особенного из-за царящего в комнате полумрака и из-за крови, которая, как она чувствовала, вот уже несколько минут сочилась из ее утробы и впитывалась в гигиеническую салфетку. Осмотр продлился недолго. Эстер вытерла руки полотенцем, которое висело на спинке кровати, и одним резким движением накрыла тело Шарлотты простыней.

– Вы сильно себя поранили, идиотка вы этакая, – сказала она очень тихо презрительным тоном. – Вы и в самом деле думали, что я ничего не поняла? Я догадалась обо всем уже по одному вашему виноватому взгляду. Как вы могли так поступить, мадам?

– А кто дал вам право называть меня идиоткой? – огрызнулась Шарлотта, начав всхлипывать.

– Да, верно, мне следовало назвать вас не идиоткой, а убийцей!

– Не надо так говорить! – запротестовала Киона.

– О ней и ее муже следовало бы сообщить в полицию, чтобы их арестовали! – вспылила Эстер. – Прервать беременность, когда плоду уже пятый месяц! Даже в два месяца – и то это было бы гнусным поступком, а при таком сроке – вообще глупо и очень опасно. На что вы рассчитывали, мадам? На то, что доктор из Роберваля ничего не поймет? Ваш муж, получается, еще глупее вас!

– Замолчите! Не впутывайте Людвигу в эту историю! – сердито выпалила Киона. – Вы относитесь к нему с предубеждением, потому что он

немец. Поверьте мне, он искренне полагал, что это был выкидыш. Вам, может, не понравятся мои слова, но Людвиг – самый лучший из всех, с кем я сталкивалась за свою жизнь еще с самого рождения. Он сама доброта, сострадание и скромность.

Киона замолчала, прерывисто дыша и удивляясь самой себе. Шарлотта же обливалась слезами.

– Не бойтесь, – сказала Эстер. – Я не стану сообщать о вас в полицию. В Старом Свете и так уже было слишком много людей, с радостью отправляющих других в преисподнюю, и я не опущусь до того, чтобы последовать их примеру. Ваш муж поедет со мной в город, и я дам ему список того, что необходимо купить в аптеке. Потребуется дезинфицирующие растворы и болеутоляющие средства. Если вам хоть немного повезет, вы поправитесь довольно быстро. До свидания, мадам Бауэр... У вас ведь такая фамилия, да?

– Да, – пробормотала в ответ Шарлотта, чувствуя облегчение. – Спасибо, мадемуазель. Не нужно меня осуждать, у меня были причины...

Эстер не стала ничего больше говорить. Она лишь посмотрела удрученным взглядом на Киону, но та, о чем-то с рассеянным видом задумавшись, почти не обратила на это внимания.

– Онезиму, возможно, захочется узнать, как дела у его сестры, – наконец сказала Киона. – Он вас и отвезет. А Людвигу нужно сейчас быть здесь и подбадривать свою жену. Если бы вы могли немного подождать, Эстер, я охотно сводила бы вас к водопаду, чтобы вы посмотрели на него вблизи.

– Но сейчас для этого совсем не подходящий момент! Я вам уже говорила: я очень устала.

– Водопад Уиатшуан придаст вам сил! Пойдемте.

Эстер не смогла больше возражать Кионе, пристально посмотревшей на нее своими янтарными глазами. Людвиг сменил их у кровати Шарлотты, и та тут же стала иступленно всхлипывать, чтобы разжалобить своего мужа. Онезим тем временем уже ждал у нижних ступенек крыльца. Буквально в двух шагах от него сидела под яблоней Одина.

– Так было угодно Господу, и не стоит по этому поводу хныкать, – пробормотал Онезим. – Муки небесные, когда она, моя Лолотта, рожала моего маленького племянника Томаса, она едва не отправилась на тот свет. Поэтому сейчас не нужно уж очень переживать...

– Иветта присматривает за малышами? – поинтересовалась Киона.

– Ну конечно, она за ними присматривает!

– Скоро уже должны подъехать мой отец и Лора. Они смогут увезти

малышей в Роберваль, – добавила Киона.

Затем она направилась в сторону улицы Сен-Жорж, уводя с собой Эстер.

– Видите вон там большое здание, которое все еще в хорошем состоянии? В нем когда-то располагались универсальный магазин и гостиница. Зимой позади него делали каток. Знаете ли вы, Эстер, что около четырех лет тому назад я открыла двери в прошлое? Нет, конечно же, вы не можете этого знать, если только Тошан вам этого не рассказал. Я увидела Валь-Жальбер таким, каким он был в эпоху своего процветания: красивые дома, ухоженные сады, нарядные женщины, идущие за покупками... На лугу возле целлюлозной фабрики ежегодно устраивался летний пикник. Вы слышите, как шумит водопад? В июле течение реки довольно слабое, а вот весной водопад шумит так, что издали кажется, будто это звучит огромный орган, расположенный под открытым небом и восхваляющий своими звуками красоту природы в этой великолепной местности.

– Киона, я не успеваю ни идти рядом с вами, ни следить за ходом вашего восторженного рассказа! – посетовала Эстер.

– Прошу вас, не выдавайте секрет Шарлотты! Она всего лишь капелька в море вселенной. Немаловажная, конечно же, капелька, но... Если она и совершила преступление против этого ребенка, то причиной тому были отчаяние, тоска и глупость. Вы, несомненно, были правы и упрекнули ее за этот поступок совершенно справедливо. Однако я должна сказать вам, что Шарлотта...

Остановившись у подножия водопада Уиатшуан, Киона быстренько рассказала Эстер о судьбе Шарлотты, начиная с ее несчастного раннего детства и заканчивая историей ее любви к Людвигу. Киона умолчала о ее неверности, но описала некоторые из тех черт характера Шарлотты, которые у всех вызывали неудовольствие.

– Я не знаю, по какой причине, но по мере того, как шли годы, добрая и очаровательная Шарлотта постепенно превращалась в капризную, эгоистичную, злопамятную женщину, которая всегда всем недовольна, – подытожила Киона. – Однако она является частью нашей семьи, пусть даже Лора и не смогла удочерить ее официально. Мы все ее любим, и я абсолютно уверена в том, что она обожает Людвиг и своих детей.

– В этом нет ничего удивительного, – кивнула Эстер, очарованная мощным ревом водопада. Она уже чувствовала, как от него исходит прохлада и как ей на лицо попадают мелкие брызги.

– Какое великолепие! – сказала Киона. – Вам нравится?

– Да. Я уже больше не верю в Бога, но я невольно подумала о нем,

глядя на такую дикую силу, необузданную стихию, потому что эта бешеная вода кажется мне живым существом.

– Индейцы, как и другие туземные племена по всему миру, считают, что у кустов, деревьев, воды, огня и животных есть душа.

– Спасибо за информацию, но я знакома с данной религией, – холодно ответила Эстер.

– Почему вы на меня сердитесь? Потому что я попросила вас держать в секрете то, что в действительности сделала Шарлотта? А какая была бы польза, если бы мы ее разоблачили? Никому не нужно знать о том, что она сделала, уверяю вас. Моя мачеха была бы шокирована, мой отец – тоже, а для Людвига это было бы очень мучительно.

Эстер присела на траву и потерла свои коленные суставы, начавшие болеть оттого, что ей пришлось провести несколько часов на ногах.

– Простите меня, Киона. Я вижу, что вы добры и преданны своим родственникам. В тот вечер, когда я вас встретила и когда вы меня обняли, мне показалось, что меня обнимает ангел. Моя боль и мои наваждения на пару дней ослабли. Я еще раз благодарю вас за это. Однако, когда женщина убивает зародившуюся в ней новую жизнь, то есть, по сути дела, убивает своего собственного ребенка, я... я не могу относиться к этому спокойно.

– У Шарлотты, возможно, сработал инстинкт самосохранения. Она побоялась рожать в третий раз. Если ее безрассудный поступок спас ее саму от возможной смерти, должны ли мы ее осуждать?

Киона села на траву рядом с Эстер и взяла ее за левую руку. Кисть этой руки – маленькая и изящная – нервно подрагивала.

– Я понимаю, почему вы не можете относиться к этому спокойно, и мне вас искренне жаль.

– Что вы имеете в виду? – воскликнула Эстер, бледнея.

– Вы были впутаны в эту историю по моей вине. Я чувствую, что вы очень взволновались, и я знаю почему.

Киона произнесла эти слова шепотом. Сжав пальцы медсестры чуточку посильнее, она добавила:

– Нужно рассказать об этом Овиду. Он вас любит. Он видит в вас женщину, которую ждал много лет, и он, несомненно, прав. В его возрасте он, вполне возможно, хотел бы обзавестись ребенком.

Эстер задрожала всем телом. Свободной рукой она прикрыла глаза, из которых по щекам ручьем потекли слезы.

– Вы прочли мои мысли? Киона, вы первая, кто узнал правду. Молодые еврейки с хорошим здоровьем представляли собой интересный природный материал для медицинских экспериментов нацистов. Они проводили опыты

по стерилизации тех народов, которые они считали принадлежащими к низшей расе. Меня просвечивали рентгеновскими лучами, мне делали специальные уколы... Все эти их чудовищные эксперименты были скрыты завесой тайны, и лично мне отнюдь не хочется, чтобы эта завеса была приподнята надо мной. Они удалили мне яичники^[28]. Мне посчастливилось выжить после того, как их хирурги меня искромсали. В газовую камеру я тоже не угодила. Как ни странно, я поначалу стыдилась того, что осталась жива и вернулась в Париж. Я категорически не хочу рассказывать об этих ужасах Овиду. Если он о них узнает, у него может возникнуть неприязнь ко мне. Поверьте мне, между нами еще нет ничего серьезного. Мы всего лишь целовались несколько раз да вели бесконечно долгие дискуссии на литературные темы. Мне хотелось бы его полюбить, но я не осмеливаюсь этого сделать.

– Вы и так уже его любите.

– О-о, вообще-то общение с таким человеком, как вы, вызывает раздражение. От вас ничего не утаить.

– Неужели? – нервно усмехнулась Киона.

– Мне ваш дар кажется абсолютно неприемлемым, – сказала Эстер, тоже начиная смеяться, но сквозь слезы.

– Если вас это чем-то утешит, то могу сказать, что первая и самая главная жертва моего дара – я сама. Мое детство было для меня нелегким. Я часто видела призраки усопших и почти теряла сознание, когда у меня начинались видения. Впрочем, сейчас я уже чувствую себя сильнее и пытаюсь помогать другим людям. Посмотрите, вон там виден большой дом, который находится на улице Сен-Анн. В нем жил один бригадир. Он видел из окон своего дома и болтающихся по улицам рабочих, и верхнюю часть водопада, и всю территорию фабрики. В начале войны, когда мне было восемь лет, Людвиг прятался зимой в подвале этого дома. Впрочем, Тошан вам об этом, наверное, рассказал, да?

– Нет, он всего лишь пару раз упомянул его имя, не более того.

– Мой брат – скромняга. А вообще-то он спас жизнь Людвигу, который находился в лагере для немецких военнопленных, расположенном в глубине леса. Он не успел принять участие в сражениях, да и мобилизовали его еще совсем юным. Другие военнопленные стали относиться к нему крайне пренебрежительно и даже издевались над ним. Потому он попытался сбежать из лагеря. Один из наших солдат собирался выстрелить ему в спину, но Тошан помешал ему это сделать. Судьба привела Людвига сюда, и здесь его обнаружила я. В моих глазах – глазах девчонки – он был гибнущим ангелом. Я стала приносить ему по вечерам еду, а дома

говорила, что просто прогуливаюсь на своем пони. Тогда частенько шел снег, и мне нравились эти прогулки, когда я ехала на встречу со своим подопечным. Шарлотта как-то раз увязалась за мной, потому что дома стали переживать, куда это исчезает так много еды. Я сразу же почувствовала, что они влюбятся друг в друга. Я даже поспособствовала тому, чтобы они встретились...

Рассказав затем продолжение этой истории, Киона замолчала и о чем-то мечтательно задумалась.

– Об этом стоило бы написать роман, – вздохнула Эстер, – но поступок Шарлотты стал для меня еще менее понятным. Кроме того, она ведь уже не прячется в горах вместе с индейцами. Если бы она легла в больницу в Робервале, то не рисковала бы практически ничем.

– Такая уж у нее судьба, – прошептала Киона, задумчиво глядя своими янтарными глазами на водопад. – Пойдемте, вам нужно вернуться в город и немного поспать. И последнее. Я обещаю, что Овид Лафлер никогда не будет испытывать к вам неприязни. Я им кое в чем недовольна, но вообще-то он очень умный и добрый человек. Эстер, мне очень бы хотелось, чтобы вы смогли забыть о пережитых вами ужасах и стать наконец счастливой!

– Я попытаюсь это сделать, Киона.

* * *

Наступал вечер. После мрачного дождливого дня все вокруг постепенно погружалось в сиреневые летние сумерки. Киона, сидя на верхней ступеньке крыльца, разглядывала плывущие по серому небу тучи. Вторая половина дня прошла более-менее спокойно, несмотря на то что приходили в гости Лора и Жослин, а затем – чета Маруа. Онезим отвез Эстер обратно в Роберваль и купил в аптеке то, что требовалось для Шарлотты. Для него, простодушного великана, эти женские дела были абсолютной тайной. Он знал, каким образом можно зачать детей, затем он воспитывал их при помощи своей мощной глотки и ремня, но вот о женских делах ему не хотелось даже заговаривать. Бабушка Одина с невозмутимым видом выслушала его объяснения, когда он приехал из Роберваля обратно в Валь-Жальбер, привезя спринцовку, пузырьки с жидкими лекарствами и пачки таблеток.

– Эрмин сегодня вечером не придет, – тихо сказала Киона сама себе.

– Ты в этом уверена? – спросил Людвиг, который только что бесшумно вышел из дому.

Киона вздрогнула, вскочила на ноги и отошла к яблоне.

– Да, мы увидим ее завтра, не раньше. Но, как бы там ни было, я буду спать здесь. Нас ведь тут и так всего лишь трое. Будем дежурить у постели Шарлотты.

– Одина что-то задерживается, – посетовал Людвиг, оглядываясь по сторонам. – Она плохо ориентируется в том лесу, который окружает Валь-Жальбер.

– Бабушка родилась и выросла в лесу. Не переживай за нее. А что касается Эрмин, то она села на последний пароход и, поскольку Лора сообщит ей утешительные новости, она решит, что поедет сюда завтра. Ее привезет наш отец.

– А я скажу тебе, что ты ошибаешься, Киона. Я знаю Эрмин. Если сегодня она сойдет с парохода в Робервале, то приедет вечером. Хочешь, можем поспорить?

Красивый немец выдавил из себя улыбку. Он только что искупался и переоделся. Сейчас он был в рубашке небесно-голубого цвета. Его влажные льняные кудри были тщательно зачесаны назад. Людвиг, похоже, стойко выносил то, что воспринималось им как новый удар судьбы. Он неспешно спустился по ступенькам и подошел к Кионе, усевшейся за маленьким столом под яблоней.

– Мне грустно, очень грустно! – признался он. – Я уже любил его, этого ребенка. Другие мужчины подсмеивались надо мной там, в Германии, когда я возился с Томасом, но я очень люблю маленьких детей! Их первую улыбку, их приятный запах, пушок на их головках... Даже Шарлотта удивляется, когда я ласкаю Адель. Моя дочь становится большой, ей уже семь лет, да и Томас тоже быстро растет. Я говорил сам себе, что у меня будет младенец, которого я буду ласкать и о котором буду заботиться, даже если он и не от меня.

– Что ты сказал? – тихо спросила Киона.

– То, что ты слышала. Не заставляй меня это повторять. Я на днях сказал Шарлотте, что буду любить этого маленького человечка, которого доверил нам Бог, независимо того, от меня ли он родится или не от меня. Дети не виноваты в ошибках своих родителей. Как можно ненавидеть или наказывать невинных?

– Ты сказал это Шарлотте? – с трудом произнесла Киона, испытывая чувство восхищения Людвигом. – Да хранит тебя Господь! Ты очень хороший человек.

Вдруг почувствовав недомогание, она повернулась к Людвигу спиной. Он стал разглядывать ее тоненький силуэт и затылок с короткими

рыжевато-золотистыми волосами, которые в тусклом свете сумерек выглядели темнее, чем были на самом деле. Почувствовав по непонятной для него самой причине волнение, он подумал, что эта юная девушка несет на себе крест, который слишком тяжел для ее хрупких плеч.

– Пусть Господь хранит и тебя, Киона! – прошептал Людвиг. – Тебе, должно быть, нелегко находиться среди нас, если ты можешь читать наши мысли – и хорошие, и плохие – и если ты можешь видеть будущее и прошлое. Знаешь, есть кое-что, чего я тебе никогда не говорил. Когда ты пришла в первый раз в дом бригадира, я сразу же понял, что ты будешь мне помогать и станешь меня защищать. Ты тогда была очень маленькая и очень забавная со своим пони! Я тогда сказал сам себе, что у меня появился ангел-хранитель.

– Послушай, мне хотелось бы, чтобы меня перестали сравнивать с ангелом. Мне не нравится, когда со мной обращаются так, как будто я – ангел. Я не знаю, кто я такая на самом деле, однако это слово мне уже надоело.

Людвиг заметил, что Киона, продолжая стоять к нему спиной, плачет. Ее плечи слегка подрагивали.

– Киона, прости меня, я не хотел причинять тебе боль. Я просто вспоминал старые добрые времена. Самые лучшие в моей жизни воспоминания связаны с теми зимними днями, которые я провел в Валь-Жальбере, на мельнице Уэлле. Шарлотта казалась мне очень красивой с ее вздернутым носиком, губками бантиком и карими глазами, взгляд которых был таким озорным!

– Она и сейчас такая, Людвиг, – сказала Киона, поворачиваясь к немцу лицом.

– Ты права. Однако наша с ней любовь уже изменилась.

Людвиг, как и прежде, говорил медленно. Он старался изъясняться грамотно на французском языке, однако никак не мог избавиться от легкого немецкого акцента.

– Не надо так говорить. Еще будучи маленькой девочкой, я поняла, что мне нужно свести вас друг с другом, что ты – тот мужчина, которого ждала Шарлотта, испытавшая к тому моменту уже немало разочарований в своих отношениях с сильным полом. Вы должны и дальше друг друга любить, всю свою оставшуюся жизнь.

– Заставить себя любить кого-то невозможно. Я пообещал себе найти чувства в глубине сердца, но их там нет. А если и есть, то очень мало.

Киону вдруг охватило отчаяние. Она посмотрела на Людвига своими янтарными глазами, которые блестели от наполнивших их слез.

– Я не верю тебе, Людвиг. Ваша история любви была такой удивительной! В моих глазах и в глазах наших близняшек вы были восхитительной парочкой, и мы мечтали когда-нибудь встретить такую же любовь. Сегодня утром ты сходил с ума от одной только мысли о том, что можешь ее потерять.

– Ну конечно, она ведь моя жена, мать моих детей, и я буду ей верен. Я вполне смогу провести всю свою оставшуюся жизнь рядом с ней, но она будет для меня подругой – всего лишь подругой. Я, видишь ли, очень терпелив. Долгое время я был безумно влюблен. Я мирился абсолютно со всем. В Германии я еще любил ее всем своим сердцем, пусть даже и закрывал глаза на то, что у нее возникают трения с моей матерью, присматривавшей за нашими малышами. Однако мало-помалу моя любовь поносилась...

– Поизносилась, – машинально поправила его Киона. – Позволь мне дать тебе один совет, Людвиг. Если материя изнасилась где-то с краю, от нее отрезают изношенный участок, подрубают край и благодаря этому получают кусок материи, который может прослужить еще очень долго.

– Да, может быть, и так, – ответил Людвиг не слишком уверенным голосом.

– Вы разговариваете о шитье? – вдруг раздался низкий голос Одины. – А как же Шарлотта? Вам нужно быть рядом с ней. Если не сидеть возле ее кровати, ее могут забрать демоны.

– Я только что вышел из ее комнаты, Одина, – сказал Людвиг. – Ей хотелось спать, и я не стал мешать. Суп стоит на медленном огне. Стол накрыт.

– Ты хороший парень, – закивала старая индианка.

Раздавшийся где-то вблизи шум мотора заставил их замолчать. Киона увидела, что возле конюшни остановился черный «линкольн» ее отца. К ее превеликому удивлению, из него вышла Эрмин, причем только она одна. Ее силуэт резко выделялся на фоне серых сумерек из-за одежды: белого свитера и широкой синей юбки. Волосы Эрмин были собраны в хвост.

– Ты проиграла спор, Киона, – констатировал Людвиг.

– Мин! – воскликнула девушка. – Как я рада тебя видеть!

Эрмин обняла свою сводную сестру и поцеловала ее в лоб.

– Какой теплый прием, моя малышка! Как дела у Шарлотты?

– Она сейчас отдыхает, – сообщил Людвиг. – Вы умеете водить машину, Эрмин?

– Я научилась во Франции. Это ведь очень просто. Думаю, получу водительское удостоверение еще до наступления зимы. Папа одолжил мне

свою машину. Он полностью мне доверяет, и ему в кои-то веки не пришлось играть роль шофера. Добрый вечер, бабушка Одина. Какая печальная новость, не так ли?

– Да, очень печальная!

– Людвиг, вашим детям, похоже, очень нравится в Робервале. А еще они в восторге от картонного домика для куклы и от фокстерьера. Когда я уезжала, они были в пижамах и шли ужинать. Можно я взгляну на Шарлотту, даже если она спит? Я так переживаю за нее с сегодняшнего утра! Киона предупредила меня в свойственной ей манере, но я не знала, что конкретно произошло. Я позвонила маме из гостиницы в поселке Перибонка.

– Мин, раз уж ты приехала, я пойду прогуляюсь по поселку, – заявила Киона. – Я не голодна. Ужинайте без меня.

– Если ты нуждаешься в прогулке, не стану тебя удерживать силой, хотя вообще-то я надеялась, что ты побудешь со мной.

– Но ты ведь тоже заночуешь здесь, да?

– Конечно. Иди, разомни ноги. У тебя очень встревоженный вид. День, видимо, был тяжелым.

– Да, очень тяжелым...

Киона произнесла эти слова шепотом, дыша прерывисто. Она поспешно обогнула дом и направилась к реке Уиатшуан прямо через лес.

«Я когда-то шла по этой тропинке вслед за Тошаном. Это было в июле. Прошло, в общем-то, не так уж много времени, а мне кажется, что это было лет сто назад», – подумала она.

Чем дальше она шла, тем спокойнее билось ее сердце. Запахи, исходящие от влажной земли, сначала очаровали ее, а затем напомнили, как она бежала стремглав ночью по лесу на берегу озера Онтарио. Она сломала тоненькую кленовую веточку, преградившую ей путь, и зажала ее в руке. Девушке очень хотелось увидеть, как из зарослей выскакивает красивый серый волк, однако между стволов деревьев не было видно никого.

«Мама, явись ко мне, прошу тебя! Мне слишком трудно быть такой, какая я есть! Другим людям я говорю, что уже не боюсь и держу все происходящее со мной под контролем, однако это неправда. Мама, Тала-волчица, услышь свою дочь!»

Дойдя до вершины скалы, находящейся на берегу реки, Киона принялась выкрикивать имя своей матери. Затем, устав и чувствуя, что у нее от натуги уже начало болеть горло, она прилегла на каменную поверхность, которая, высохнув совсем недавно, была холодной.

«Мне хотелось бы, чтобы снова пошел дождь, хотелось бы искупаться

в слезах неба», – подумала Киона, закрывая глаза и испытывая при этом приятное чувство легкости во всем теле.

Где-то неподалеку раздались крики совы. Вода журчала, направляя свой бег, как и тысячи лет назад, к большому озеру Сен-Жан. Свежий ветерок шевелил золотистые локоны Кионы, лежащей на скале ничком. Погрузившись в дремоту, она не обращала на этот ветерок ни малейшего внимания. Киона постепенно засыпала, и перед ее мысленным взором стали появляться различные сцены. Хотя она и пребывала в полусознательном состоянии, у нее возникло впечатление, что она смотрит какой-то фильм или же листает книгу, фотографии в которой быстро сменяют одна другую. Сначала она увидела Делсена – увидела его глаза, похожие на глаза олененка и полные каких-то непонятных грез, увидела его красивые губы, изогнувшиеся в высокомерной ухмылке... Делсен шел по тротуару в каком-то городе, который, похоже, был очень большим и в котором высились огромные жилые дома. Бросив на нее, Киону, насмешливый взгляд, он послал ей воздушный поцелуй. Мгновением позже Киона увидела себя и Делсена голыми все в той же реке. Они крепко обнимали друг друга, но настоящей интимной близости между ними не было. Затем последовала целая серия коротеньких сцен: Лоранс плывет к острову Ужей; Фокси бросается в озеро и борется с волнами; Лоранс, радостно улыбаясь, раскрашивает в зеленый цвет крышу картонного домика для куклы... После этого перед мысленным взором Кионы предстало милое лицо тети Габриэль – ангела-хранителя Бадетты. Затем она увидела, как Шарлотта – исхудавшая и с восковой кожей – хлопает в ладоши на вечеринке, посвященной ее, Кионы, возвращению, и как Тошан – ее сводный брат, рожденный на свет Талой-волчицей, – забивает гвозди в доски. Он выглядел великолепно: медная кожа, иссиня-черные волосы, волевое и удивительно самоуверенное выражение лица. Через несколько мгновений вместо облика повелителя лесов появилось совсем другое лицо – очень красивое, с ясными светло-голубыми глазами, обрамленное светлыми кудрями. Оно находилось как бы за туманной дымкой. В выражении этого лица чувствовалась безграничная доброта. Киона старалась повнимательнее рассмотреть это лицо, но чем больше она в него вглядывалась, тем более плотным становился туман, мешающий ей его разглядеть.

«Нет, нет!» – простонала Киона, просыпаясь.

Ее сердце колотилось так сильно и быстро, что ей стало страшно.

«Что со мной?» – в испуге спросила она сама себя.

Уже почти наступила ночь. Киона, почувствовав смятение, поспешно

пошла обратно в Валь-Жальбер. Она как-то по-детски обрадовалась, увидев освещенные окна Маленького рая с их москитными сетками и наполовину отдернутыми шторами. Ее любимая Мин, должно быть, с нетерпением ждала, когда она, Киона, вернется. Эрмин накормит ее горячим и вкусным овощным супом. А может, бабушка Одина предложит ей отведать говядины, поджаренной с салом на сковородке. Затем они будут все вместе сидеть при свете ночника в ожидании, не понадобится ли что-нибудь Шарлотте. Какой бы поступок ни совершила Шарлотта, все равно надо было за ней ухаживать и ее оберегать. «Я не должна ее осуждать, потому что, вполне возможно, мы сами не были достаточно бдительны, мы за ней недоглядели. Особенно я. Она последовала гнусным советам Иветты, которая никогда не отличалась щепетильностью».

Киона поднялась по ступенькам крыльца и вошла, улыбаясь, в дом. На кухне никого не было. Из супницы не поднималось пара, а тарелки были чистыми. Во всем доме было ужасно тихо. «Гробовая тишина!» – подумала Киона, подходя к приоткрытой двери гостиной.

Из гостиной до нее донеслись какие-то звуки: кто-то говорил, кто-то плакал. Почувствовав недоброе, Киона поспешно зашла в гостиную. Ее внимание невольно привлекла тусклая лампа. Уставившись на ее абажур из красной бумаги, она лишь через несколько мгновений обратила свой взор на узкую кровать, где лежала Шарлотта, карие глаза которой были широко раскрыты, а милое личико, казалось, было полно жизни.

Эрмин стояла на коленях и молилась. Увидев свою сестру, она встала.

– Киона, крепись, дорогая моя! Шарлотта нас покинула.

– Нет, такого не может быть, я бы об этом знала заранее, – возразила Киона.

Бабушка Одина начала монотонно и протяжно петь грудным голосом. Ее пение было похоже на мелодичный и ритмичный плач.

– А где Людвиг? – спросила Киона, не осмеливаясь снова посмотреть на мертвую Шарлотту.

– Он пошел поставить в известность Онезима. Киона, это ужасно. Когда ты ушла, я вернулась сюда, в эту комнату. Зашла в нее на цыпочках. Мне показалось, что Лолотта спит. Она лежала в непринужденной позе, а выражение ее лица было безмятежным. Я вышла из комнаты, и мы еще немножко поболтали возле дома. Заходить в дом мы не стали, потому что боялись ее разбудить. Есть нам не хотелось, и мы решили, что дождемся тебя и только после этого все вместе поужинаем. И тут вдруг Людвиг резко встал и вошел в дом. При этом он громко упрекал себя за то, что оставил жену одну. Затем мы услышали, как он закричал. Это был крик ужаса.

Эрмин, почувствовав сильное волнение, замолчала. Инстинктивным жестом она оперлась на плечо Кионы.

– Кровотечение! – продолжила затем Эрмин. – У нее было кровотечение еще тогда, когда мы находились рядом с ней. Как такое могло произойти?.. Я не смогла ни попрощаться с ней, ни обнять ее. Она не взглянула в последний раз на своих малышек, прежде чем уйти в мир иной. Шарлотта умерла в полном одиночестве – она, которая так не любила оставаться одна. Господи, если бы ты только видела эту лужу крови! Простыни были пропитаны кровью насквозь. Кровь была везде, везде!

Почувствовав отчаяние, Эрмин снова замолчала. Теперь было слышно только заунывное пение бабушки Одины.

– Я не хочу, чтобы она умерла, – вдруг сказала Киона каким-то странным тоном и сильно изменившимся голосом. – Она не должна была умереть. Уже не должна была. Этого не должно было произойти.

– Я знаю, я знаю, нам не следовало оставлять ее одну ни на минуту, но Людвиг сказал, что Эстер ее осмотрела и что оснований для беспокойства нет. Вообще-то, надо сказать, любая медсестра хуже разбирается в медицине, чем врач. Однако была ведь большая вероятность того, что у Шарлотты возникнут проблемы в ходе беременности, и мы об этом знали. Ты помнишь, как она рожала Томаса? Она тогда потеряла очень много крови!

Киона попятилась: она вдруг почувствовала сильный и едкий запах, который поначалу не замечала. Она сильно помрачнела, по-прежнему не осмеливаясь взглянуть на неподвижное тело Шарлотты.

– Ее уже больше нет, моей Шарлотты, – прошептала Киона. – Это тело – не более чем пустая оболочка. Мин, не трогай меня, ты причиняешь мне боль!

– Прости, я едва не схожу с ума от этого горя и от гнева на нас всех за то, что мы проявили такую халатность. Людвиг позвонит доктору Брассару от мэра. Наверное, неуместно произносить в данный момент эти слова, но нам, насколько я знаю, нужно получить от врача разрешение на захоронение. Киона, что с тобой?

Эрмин удивленно уставилась на свою сводную сестру, которая отвела взгляд и стала смотреть в угол комнаты. Одина тут же прекратила свое монотонное пение и тихо спросила:

– Она там, да, малышка?

– Да, – ответила Киона, стоя абсолютно неподвижно.

Она увидела в этом углу – между окном и комодом – прозрачный расплывчатый силуэт. Она узнала бы его из тысячи. Силуэт внезапно исчез,

как будто его испугал раздавшийся грубый и хриплый голос Онезима.

– Черт побери! – выругался брат Шарлотты, заходя в комнату. – Боже всемогущий! Вот так дела! Моя маленькая Лолотта умерла!

Гигант, раскрыв рот, зашатался и едва не упал на тело своей сестры. Удержавшись на ногах, он медленно опустился на колени.

– Ну что за муки небесные! Этого не может быть! – стал всхлипывать он. – Я перепугался, когда узнал, что она опять беременна и что ей придется рожать. И тут вот такой удар, черт побери!

– Прощу тебя, мой бедный Онезим, не ругайся ты так! – покачала головой Эрмин.

– Отнесись к этому снисходительно, Мимин! – пробурчал Онезим. – Это ведь моя сестра, моя! Моя маленькая сестренка. И она умерла!

Киона, почти ничего не видя перед собой от охватившего ее волнения, вышла из комнаты. Чувствуя, что к горлу у нее подступает ком, и еле сдерживая слезы, она вдруг всей душой захотела вернуться в прошлое, снова стать шестилетней или восьмилетней девочкой, носить на себе амулеты и ожерелье своей прабабушки Алиетты, уроженки Пуату. Ее очень удивляло то, что у нее не возникло ни малейших предчувствий относительно безвременной кончины Шарлотты. «Я то и дело даю сбой – как часто ломающиеся часы! – подумала она, выходя на огород. – Лоранс я спасти смогла, а Шарлотту – нет. Но ведь я же все поняла бы, если бы у меня хотя бы было видение про ту кровь, которая унесла с собой ее жизнь! Боже мой, а что будет с Аделью? И с Томасом? У них уже никогда больше не будет мамы, никогда».

О том, как тяжело ребенку жить без мамы, Киона знала очень хорошо. Особенно если ребенок еще с пеленок привык к тому, чтобы мама пела ему колыбельные на ночь, то и дело целовала и ласкала и держала его за ручку с тех самых пор, когда он стал делать первые шаги.

Киона пошла куда глаза глядят, ежась от озноба и терзаясь чувством вины, от которого она, как ей казалось, задыхалась.

«Я не могу не то что спасти весь мир, а даже сделать счастливыми тех, кого люблю. Господи Иисусе, я ведь раньше всегда чувствовала, если дорогому мне человеку угрожала какая-то опасность! А вот про Шарлотту я ничего не почувствовала! Ну почему? Почему?» – мысленно причитала она.

Погрузившись в свои мысли и ничего перед собой не видя, она на кого-то натолкнулась и, потеряв равновесие, едва не упала на землю, но ее удержала чья-то сильная рука. Это был Людвиг.

– Куда ты идешь? – спросил он. – Послушай, малышка, ты не можешь

считать себя виновной во всех тех несчастьях, которые происходят на земле.

– Нет, это я виновата, я! Отпусти меня, дай мне пройти! Какой толк от моего дара, если я не могу сберечь мать для ее детей, если я не могу спасти свою подругу, свою сестру? Я выросла вместе с Шарлоттой, мне были известны все ее радости и горести. Она утешала меня, когда умерла моя мама.

Людвиг схватил ее за руку и стал удерживать, чтобы она не ушла. А Кионе и в самом деле хотелось исчезнуть в темноте, окружающей поселок.

– Это произошло из-за меня! – крикнула Киона.

– Нет! Пойдем! Нам нужно помолиться всем вместе. Киона, твои молитвы будут сильнее наших. Пойдем, врач придет завтра утром. Я хочу помолиться с тобой, с Эрмин и Одиной. Сделай это ради Шарлотты, сделай это и ради меня.

Киона, поддавшись на уговоры, едва слышно пробормотала: «Хорошо!». Поскольку ее ноги дрожали, Людвиг стал поддерживать ее за талию и довел так до входа в дом. Каждый шаг доставлял ей мучения.

– А теперь отпусти меня! – крикнула она. – И никогда, никогда больше ко мне не прикасайся.

Он в знак согласия кивнул. Киона заметила, что он плачет. Ей стало стыдно за то, что она повела себя так сурово, но у нее не было другого выбора.

Глава 13

Сердца в трауре

Роберваль, церковь Сен-Жан-де-Бребёф^[29], пятница, 25 августа 1950 года

После полудня в церкви собралась целая толпа. Члены семейств Шарденов, Дельбо и Лапуантов занимали первые ряды скамеек. Все они были одеты в черное и сидели с мрачным видом. Эрмин, пережившая сильный шок, представляла собой, казалось, лишь слабое подобие того, какой она была раньше. Тошан бросал на нее встревоженные взгляды, опасаясь, что она во время церемонии потеряет сознание.

Мари-Нутта приехала из Квебека одна. Она и Лоранс смотрели, не веря своим глазам, на дубовый гроб, обитый черной переливчатой тканью. Им обоим казалось чем-то невероятным то, что Шарлотта умерла и что ее тело лежит внутри этого продолговатого деревянного ящика. Они сдерживали слезы, чтобы еще больше не нервировать свою и без того убитую горем мать. Лора, скрыв лицо за черной вуалью, тихонько всхлипывала, да и Жослин уже был недалек от того, чтобы расплакаться горькими слезами, хотя он и решил стойко вынести этот удар судьбы. Позади них двоих сидели Мирей, Мадлен и Акали.

По другую сторону центрального прохода расположился Людвиг Бауэр, одетый в темно-серый костюм и белую рубашку. Он никак не реагировал на сочувственные взгляды местных женщин, которых растрогал вид этого красивого мужчины, ставшего вдовцом в расцвете лет. Рядом с ним сидела Киона, лицо которой – обычно медового цвета – сейчас было очень бледным из-за переживаемого ею горя. Она держала за руки Адель и Томаса. Дети были нарядно одеты. Они робко прислушивались к гулу голосов людей, находящихся в храме, и рассматривали бесчисленные букеты и букетики, которые лежали на настиле из каменных плит вокруг гроба. Онезим, Иветта и два их сына сидели в том же ряду скамеек, а Мукки и Луи расположились в следующем ряду.

– Не могу в это поверить, – уже в десятый раз повторял Луи, которого Лора в срочном порядке вызвала из летнего лагеря.

Луи был более высоким и более худым, чем Мукки. Его симпатичное лицо с серо-голубыми глазами портили несколько больших угрей. Волосы каштанового цвета были подстрижены очень коротко. Когда он находился в

летнем лагере, ему не терпелось вернуться домой, однако это его преждевременное возвращение получилось невеселым: он очень любил Шарлотту, и ее кончина его сильно огорчила.

– Подумать только: она вернулась сюда из Европы, но мне не удалось застать ее живой, – прошептал он на ухо Мукки.

– А я после ее возвращения виделся с ней только на одной вечеринке, – сказал Мукки, на душе у которого тоже было очень тяжело.

Жозеф Маруа, сидевший рядом с Луи, посмотрел на него сердитым взглядом. Сейчас был неподходящий момент для того, чтобы болтать, и Жозефу очень захотелось об этом напомнить молодым людям. Андреа Маруа, в девичестве носившая фамилию Дамасс, плакала, не сдерживаясь: ее переполняли эмоции. Мало кто из родственников и близких людей Шарлотты следил за ходом церемонии: почти все они погрузились в свои размышления и горевали каждый по-своему.

Лора с горечью размышляла о нелегкой судьбе тех женщин, которым пришлось стать жертвами на алтаре материнства. Она даже удивлялась тому, как это ей самой удалось благополучно родить троих детей. А еще ее очень беспокоила судьба двух детей Шарлотты, оставшихся без матери. Она жалела их всей душой.

Жослин снова и снова мысленно проклинал превратность и жестокость судьбы. «Эта бедная девчонка родилась под несчастливой звездой! – думал Жослин. – В раннем детстве она была почти слепой, ее первый жених ее бросил, а затем, когда она вышла замуж за серьезного и весьма любезного мужчину, она умерла в результате преждевременных родов».

Тошан, до глубины души потрясенный этой безвременной кончиной, переживал главным образом за Эрмин. Состояние депрессии, в которое она впала, напоминало ему о том тяжелом периоде их семейной жизни, который последовал за смертью их сына Виктора, прожившего на белом свете лишь несколько недель. Он сердито подумал, что это лето – лето 1950 года – принесло им тяжкие хлопоты и большое горе.

Людвиг пребывал в полном смятении. Судьба отняла у него женщину, которую, как он полагал, он уже не любил, и ему теперь казалось, что это наказание за его дурные мысли. «Я ее бросил – вот в чем заключается правда. Я ее не понимал и не поддерживал там, в Германии. Она впадала в меланхолию, и я подтолкнул ее к тому, что она совершила большую глупость. Она поступила так только потому, что нуждалась в мужском внимании. Бедняжка Шарлотта, прощай навсегда!» Людвиг старался не думать сейчас ни о чем, что не было связано с проходящей в церкви

траурной церемонией. «Реквием» Верди, который начал играть орган и звуки которого, казалось, устремлялись куда-то к высокому своду, заставил Людвига уставиться с задумчивым видом в пустоту.

Священник завершил отпевание и произнес краткую речь; слова ее отзывались болезненным эхом в сердце Кионы:

– Дочь нашего региона Лак-Сен-Жан, которая, уехав в далекую страну, вернулась к нам, чтобы сделать здесь свой последний вдох...

Онезим медленно закивал. Перед началом церемонии он специально попросил священника, чтобы тот не упоминал Германию. Для этого рыжеволосого гиганта тени войны еще не рассеялись. Иветта, услышав эти слова, громко всхлипнула, не заметив, что Киона посмотрела на нее испепеляющим взглядом.

«Уже слишком поздно стонать и испытывать угрызения совести. Все это произошло по твоей вине!» – подумала Киона, которой казалось, что ее обволакивает ледяное покрывало. Будучи не в силах от него избавиться, она не испытывала почти никаких чувств – как будто ее кровь застыла, а сердце – остановилось. Единственное, что она сейчас еще чувствовала, – это гнев и негодование.

Овид и Эстер стояли почти у самого выхода из церкви Сен-Жан-де-Бребёф и с мрачным видом слушали аккорды «Реквиема». Овид взял Эстер за руку, желая избавить ее от дрожи. Однако это не помогло ей успокоиться. Ее лицо было очень бледным, под глазами виднелись мешки, а в выражении лица чувствовались печаль и горечь с того самого момента, как она узнала о смерти Шарлотты.

«Ее следовало отвезти в больницу, – сказала Эстер перед началом траурной церемонии Лоре и Жослину. – Я ее осмотрела, но я всего лишь медсестра, а не врач, и у меня очень мало опыта!»

Решив послушаться Киону, она не собиралась открывать правду относительно так называемых «преждевременных родов». Кроме того, ее познания в области медицины подсказывали ей, что кровотечение, приведшее к смерти Шарлотты, не было напрямую связано с ее успешной попыткой совершения аборта. Доктор Брассар, осмотрев тело умершей, пришел к выводу, что у нее имелась какая-то хроническая проблема со здоровьем, и он сообщил об этом Эрмин.

– Вы мне говорили, что во время последних родов эта несчастная потеряла много крови. Можно считать, что на данном этапе беременности та нагрузка, которую вдруг стал испытывать ее организм, оказалась для нее фатальной, тем более что у нее была венозная слабость. Она сильно напрягалась для того, чтобы вытолкнуть из себя плод?

– Да, ей было очень плохо, и она сильно напрягалась, – сообщила бабушка Одина, нахмурившись.

– Нет никаких оснований полагать, что мы смогли бы спасти ее в больнице. Мне за мою врачебную практику часто доводилось видеть, как женщины умирают вскоре после родов – и обычных, и преждевременных, – и главной причиной такой смерти являлось кровотечение.

Киона, присутствовавшая при разговоре с врачом, впоследствии попыталась утешить Эстер, но та продолжала считать себя отчасти виноватой. Овид это знал, и он, в свою очередь, старался подбодрить Эстер, часто прикасаясь своими большими и теплыми мужскими пальцами к ее дрожащим пальчикам. Он не осмелился прийти и сесть вместе со своей подругой где-нибудь в первых рядах, потому что Лора Шарден стала вести себя по отношению к нему с подчеркнутой холодностью и прислала ему письмо, в котором потребовала от него держаться от ее семьи подальше.

– Нужно быть сильной, Эстер! – прошептал Овид.

Тошан только что прошептал точно такие же слова на ухо Эрмин. Когда обсуждалась процедура похорон, Эрмин решила, что споет произведение «Аве Мария» Шуберта. Незадолго до церемонии она также повторила арию «Пусть никто не спит» из оперы «Турандот» – арию, которая предназначена для теноров, но которую она знала хорошо и уже не раз исполняла.

Священник показал ей жестом, что она может к нему подойти.

– Ты уверена, что сможешь спеть, мама? – забеспокоилась Лоранс.

– Да, мне нужно сделать это ради моей Лолотты, – едва слышно ответила Эрмин.

Она поднялась со скамьи. Ее ноги стали ватными, она с трудом могла идти. Ей вспомнился один далекий день: двадцать четвертое декабря, канун нового года, первое Рождество, праздновавшееся в церкви, строительство которой закончилось весной 1931 года.

«Мне было семнадцать лет, я была обручена с Хансом Цале, и он тогда по какой-то причине не смог прийти аккомпанировать мне на пианино. Моя маленькая Шарлотта тогда находилась среди публики – сидела на коленях Бетти. Я пела песню «Святая ночь» и смотрела при этом на изображение распятого Христа Искупителя. Когда мы вышли на улицу, я увидела на тротуаре Тошана, которого уже считала погибшим. Он был в индейских одеждах».

Воспоминание помогло Эрмин собраться с духом, подойти к священнику и повернуться лицом к многочисленным собравшимся. «Мой маленький соловей... Как она страдает! – подумала Лора. – Господи, какой

она была красивой, когда пела здесь в первый раз! Я тогда сделала ей высокую прическу, которую украсила перламутровыми брошками в виде цветов. Одета она была в платье из темно-синего бархата. Господи, какой же все-таки странной и запутанной порой бывает по Твоей воле наша жизнь! Эрмин решила выйти замуж за Ханса Цале, но Тошан вернулся, а меня вдруг угораздило влюбиться в этого талантливое музыканта. Мне в тот вечер даже и в голову бы не пришло, что я снова сойду с Жослином и что мне когда-то доведется сидеть рядом с ним на церемонии похорон нашей маленькой Шарлотты. Но я, по крайней мере, когда-то сделала ей сказочный подарок – дала ей возможность наслаждаться способностью видеть в течение тех лет, которые ей выпало прожить на белом свете».

И тут вдруг Эрмин, которая должна была начать петь, заговорила тихим голосом – настолько тихим, что ее могли слышать лишь те, кто сидел в первых рядах.

– Мне хотелось бы попрощаться с маленькой девочкой, которую я любила как свою собственную сестру, – с Шарлоттой Лапуант. Я очень хорошо запомнила нашу с ней встречу в общей спальне монастырской школы Валь-Жальбера в тот день, когда монахини конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей уезжали от нас в Шикутими. Она была почти слепой и – то ли к несчастью, то ли к счастью – случайно разбила рамку, которая принадлежала мне и в которой под стеклом была фотография монахини Марии Магдалины, умершей в молодом возрасте во время эпидемии испанского гриппа. Она была своего рода ангелом, спустившимся на землю, и хотела уйти из монастыря ради того, чтобы удочерить меня, поскольку думала, что я – сирота. Вот так Шарлотта вошла в мою жизнь. Впоследствии она ждала меня за кулисами во время концертов, помогала мне преодолеть страх перед аудиторией, делала мне макияж и смешила меня. Она стала матерью, я тоже. Мы надеялись, что наши дети будут расти вместе и что мы с ней разделим многие радости жизни. Однако она нас покинула, и я очень хочу почтить ее память произведением, которое она любила, – арией «Пусть никто не спит» из оперы Пуччини. Прошу вас всех простить меня, если я не смогу спеть ее до самого конца.

По мере того как Эрмин произносила эту свою импровизированную речь, она говорила все громче и громче, слова становились все отчетливее и отчетливее. Многие из присутствующих женщин, растрогавшись, заплакали, время от времени вытирая слезы платками.

Эрмин глубоко вздохнула и подняла взгляд на изображение распятого Христа – возможно, для того, чтобы почерпнуть силы, необходимые ей для исполнения этого произведения.

Органист, у которого имелись обе партитуры, взял первые аккорды из выбранного певицей произведения. Затем наконец раздался голос Снежного соловья. Поначалу тихий, как бы приглушенный, этот голос быстро набрал силу и, усиленный раздирающими душу вибрато, достиг высоких нот. Его тембр был звонким и насыщенным, и он тут же покориł многочисленную аудиторию. Ко всеобщему удивлению, Эрмин спела эту арию на французском языке.

Пусть никто не спит! Пусть никто не спит!
Ведь и ты, принцесса, тоже,
В комнате своей холодной
Лицезреешь в небе звезды,
Что дрожат от страсти нежной...

Киона закрыла глаза, сопереживая той боли, которая, как она сама чувствовала, охватила тело и душу ее сводной сестры. Она спрашивала себя, каким чудом Эрмин удастся сейчас так великолепно исполнять эту арию, в ноты которой заложено столько отчаяния. И тут вдруг она поняла: пение мало-помалу освобождало душу Эрмин от давящей на нее тяжести и заменяло ей те исступленные крики, издать которые она не решалась. Это было своего рода отдушиной, способом облегчить свои страдания. Кионе вспомнилось, какой она увидела Шарлотту на следующий день после ее смерти. Одина и Эрмин тогда вызвались обмыть ее и должным образом одеть. Ее тело – легкое, как пушинка – положили на чистую простыню, надели красивое платье из зеленого муслина в золотистый горошек, которое ей подарила Киона. Когда, согласно квебекской традиции, ее положили в гостиной среди ваз с букетами цветов, чтобы к ней могли прийти проститься те, кто ее любил или хотя бы знал, она была похожа на спящую красавицу из сказки. Цветы нарвали Андреа, Иветта и Одина в заброшенных садах Валь-Жальбера.

«Какие тяжелые часы нашей жизни, какие невыносимые моменты! – подумала Киона, сжимая челюсти. – И никто не приходит, никто не пришел!»

Она имела в виду не живых, а тех усопших из числа родственников и просто близких людей Шарлотты, которые вполне могли бы появиться, чтобы сопроводить ее в таинственный мир духов, который люди называют потусторонним миром. Миром, находящимся по ту сторону границы между живым существом, наделенным осязаемым телом и способностью есть,

пить, смеяться, плакать и любить, и теми призраками, которых она частенько видела и которые представляли собой лишь силуэты – как четкие, так и расплывчатые; как цветные, так и бесцветные. Усопшие могут являться живым, когда те спят, и это, с точки зрения Кионы, очень любезно и вежливо с их стороны, потому что не вызывает такого шока, как встреча с ними наяву. Можно ведь было считать, что это всего лишь сон, и отрицать существование душ усопших. А вот таким медиумам, как она, умершие являлись в самых разных местах и в самое разное время. Однако в этот день в церкви Сен-Жан-де-Бребёф ни один из них не появился. «Ни ее мать Аглая, ни ее братья Симон и Арман! А ведь все они любили ее, хотя и каждый по-своему», – подумала Киона.

Чье-то всхлипывание отвлекло Киону от ее размышлений: Адель, заплавав, стала звать свою маму. Людвиг тотчас же наклонился над своей дочерью и попытался ее успокоить.

– Мама сейчас высоко-высоко, на небе. Ты когда-нибудь ее снова увидишь, моя дорогая, – прошептал он девочке на ухо.

– Я хочу видеть ее сейчас! – захныкала малышка.

Вслед за Аделью вдруг заплакал и Томас. Людвиг, почувствовав себя неловко, решил выйти с детьми из церкви.

– Мне не следовало их сюда приводить, – тихо сказал он, как бы извиняясь, Онезиму.

– Остайся здесь, с ними выйду я, – тихо сказала Людвигу Киона. – Если хочешь, я отвезу их домой. Им будет лучше рядом с Констаном и Катери. Бабушка Одина займется ими во время погребения. Вести их туда смысла нет.

Людвиг молча кивнул. Для Кионы стало большим облегчением то, что она снова увидела солнце и почувствовала, как ей в лицо дует ветер со стороны озера. Расстояние до озера было небольшое, а потому она пошла с обоими детьми на пляж, чтобы просто прогуляться. Вид чаек, которые то просто планировали, то совершали какие-то акробатические движения в воздухе, и белых барашков на волнах возымел желаемый эффект. Адель слабо улыбнулась, а ее маленький брат бросился бегом к кромке воды.

– Не намочи свою обувь! – крикнула ему сестра. – Папа будет сердиться.

– А ты переживаешь за Томаса! – констатировала Киона, умиленная серьезным выражением лица девочки.

– Так я же его старшая сестра. Папа будет ходить на работу, и мне придется заботиться о Томасе.

– Кто тебе такое сказал, Адель?

– Тетя Иветта.

– Она ошибается. Обязательно найдутся взрослые люди, которые будут заботиться и о тебе, и о твоём брате. Я знаю, что у тебя большое горе, что ты потеряла свою маму, но мало-помалу ты перестанешь горевать и снова начнешь играть и веселиться. Для меня детство – это нечто святое.

– А что означает это слово – «святое»?

– Скажем так, что дети должны иметь возможность быть счастливыми, что бы ни происходило. Ты имеешь право играть, даже если твоей мамы уже больше нет, и право смеяться, когда я тебя щекочу. Пойдем присядем вот под этим деревом.

Киона обняла Адель и погладила ее волосы – шелковистые и вьющиеся. Томас к тому моменту уже придумал для себя развлечение: он стал собирать гальку и бросать ее в воду.

– Мне было примерно столько же лет, сколько тебе сейчас, когда моя мама тоже умерла, – стала рассказывать Киона. – Всего лишь на год больше... Я тогда была не рядом с ней: меня упрятали в жуткое место. Там я попала к очень злым людям, которые причинили мне так много вреда, что я отнеслась к смерти своей мамы спокойно. Единственное, что меня тогда волновало, – так это как бы удрать из того жуткого места и найти Мин, которую я тогда уже очень любила. Она сама приехала меня спасти. Она взяла меня к себе и стала растить меня так, как будто я была ее собственным ребенком. Мне очень не хватало моей мамы, но зато я играла с близняшками – Лоранс и Нуттой – и со своим сводным братом Луи. Я поняла, что самое главное – это то, что я жива и что мне не причиняют больше зла... Я обещаю тебе, что мы будем о тебе заботиться. Мне хотелось бы взять тебя к себе и растить так, как Мин растила меня, делать тебе другие домики для кукол, водить тебя в школу, шить платья и петь колыбельные.

Адель, внимательно выслушав эти слова, приподняла нос, посмотрела на красивое лицо Кионы и сказала:

– Ты очень добрая. Но почему ты плачешь?

– Я плачу, потому что и у меня тоже горе. А еще потому, что я тебя очень люблю.

– Мама как-то раз сказала мне, что люди не будут меня любить и будут считать мерзкой, потому что я хромаю.

– Она в самом деле так сказала?

– Да. Она тогда на что-то рассердилась. Там, в Германии, она часто сердилась. Папа ей говорил, что она недобрая ко мне.

Киона почувствовала, как сжалось ее сердце, и не знала, что и сказать.

Она поцеловала Адель в лоб и в щеки.

– На самом деле она так не думала, уверяю тебя, моя дорогая, – сказала наконец Киона уверенным тоном. – Ты ведь сама сказала, что она на что-то рассердилась, а когда люди сердятся, они зачастую ведут себя очень глупо.

– Можно я пойду побросаю камешки вместе с Томасом? – спросила девочка. – Ты видела, это очень забавно, когда они падают в воду и получают брызги!

– Ну конечно, давай, иди!

Адель пошла, хромая, к своему братику. Она была очаровательной в своем платье из серого шелка, которое ей купила Лора в связи с похоронами. Киона стала разглядывать этих двоих детей издали. Она услышала, что они стали о чем-то разговаривать.

– Киона! – раздался рядом хорошо знакомый ей голос.

Она оглянулась, но никого не увидела. Тогда она поняла, что ее позвала Шарлотта.

– Я должна была с тобой попрощаться, – снова послышался голос усопшей, который был отрывистым, с легким местным акцентом. – Я поднимаюсь высоко, очень высоко – туда, где окажусь среди света и успокоюсь. Наконец-то успокоюсь. Меня возьмут туда, хотя я этого и не заслуживаю.

– Шарлотта! Мне очень жаль! – пробормотала Киона.

– Но почему? Мне совсем не хотелось жить без Людвиг, то есть без его любви ко мне. А еще я не могу бросать моего последнего малыша – Виктора. Это имя для него выбрал его папа. Имя, какое было у того малыша Мимин, который тоже вознесся на небо. Виктор будет рядом со мной.

Киона, чувствуя, что ее охватывает озноб, а кровь бешено пульсирует в висках, делала сверхчеловеческие усилия для того, чтобы увидеть Шарлотту и убедиться, что ей не мерещится, будто кто-то произносит здесь, на берегу озера, эти слова. Наконец она различила блеклый – в пастельных тонах – силуэт Шарлотты. Та была одета в зеленое платье, широкий подол которого был абсолютно неподвижным. Это было странно, поскольку дул довольно сильный для этого времени года северный ветер. Несмотря на ветер, материя платья, надетого на стройное тело с едва уловимыми контурами, даже не шевелилась.

– У меня мало времени, Киона, – сказал призрак. – Мне хотелось поговорить с тобой. С тобой одной. Я прошу тебя позаботиться о моих детях – Адели и Томасе. У тебя очень доброе сердце. Ты сможешь их

полюбить. Я также прошу тебя позаботиться об их отце. Позаботься о Людвиге, прошу тебя. Знаешь, я уже больше никогда не появлюсь. Никогда. Капризная Лолотта, которая всегда всем была недовольна, больше не будет докучать никому из вас. У меня, черт возьми, теперь есть дела поважнее.

Все еще сидя на берегу, Киона едва не потеряла сознание: ей попеременно становилось то ужасно холодно, то невыносимо жарко. Она напряженно всматривалась в облик Шарлотты, которая уже не казалась ей худой и изможденной. Шарлотта выглядела такой молодой и красивой, какой она была в свои двадцать лет. Ее щеки были круглыми, а губы – пухлыми.

– Ты скажешь им всем, что я их очень любила, но так и не нашла того, что искала, здесь, на земле. Там я видела свою маму – мою мамочку, которая красивая-прекрасивая. Так что там у меня прекрасная компания.

Киона, тяжело дыша, бросила ошалелый взгляд на Адель и Томаса. Они все еще играли, но теперь уже с волнами: когда очередная волна медленно накатывалась на песчаный берег, они, стоя неподалеку, отскакивали от нее назад, держась за руки и громко смеясь.

– Шарлотта, обо всем, что ты мне сказала, я могла бы догадаться и сама. Ты, возможно, всего лишь галлюцинация. Когда я была ребенком, я ни в чем не сомневалась. Я стала задавать себе вопросы где-то в возрасте тринадцати лет. Возможно, я сейчас нахожусь здесь в полном одиночестве и лишь выдумываю все то, что якобы вижу и слышу, только ради того, чтобы ослабить свою душевную боль. Докажи мне, что это и в самом деле ты, прошу тебя. Скажи мне что-нибудь такое, что ты знаешь, а я – не знаю, но могу проверить.

Видение, казалось, начало постепенно исчезать в ярком свете дневного солнца, однако Кионе усилием воли удалось снова сделать его более-менее четким.

– Не уходи! Мне нужно, чтобы ты доказала мне, что это именно ты!

– Бабушка Одина догадалась о том, что я сделала, еще до того, как ты приехала вместе с медсестрой. Она пришла в ярость. Спроси ее об этом. Она стала говорить, что я порочная бледнолицая женщина. Не будь такой грустной, Киона! Я все равно умерла бы при родах. Мне так сказали. Какая разница – чуть раньше или чуть позже... Прощай. Не забывай о том, что я попросила тебя позаботиться о моих детях и моем муже.

После этих слов воцарилась полная тишина. На лбу у Кионы выступил пот, ее начало тошнить. Ее видение трансформировалось в множество малюсеньких коричневых точек, а ее тело вдруг резко откинулось назад. Она потеряла сознание. Однако вскоре она услышала испуганные крики:

– Киона, Киона, проснись!

Ее лица касались маленькие влажные пальцы: это Адель, только что опускавшая ладошки в воду озера, стала легонько шлепать Киону по щекам.

– Ты спишь или ты умерла? – пролепетал Томас, дергая Киону за руку.

Она открыла глаза и увидела этих двух малышек. На ее устах появилась добрая улыбка – та удивительная, лучезарная и очаровательная улыбка, которой Киона одаривала людей с самых первых месяцев своей жизни.

– Все в порядке, дорогие мои, – сказала она. – Я просто устала. Я прилегла и случайно заснула. Простите меня, я вас напугала!

Киона приподнялась, села и поочередно обняла Адель и Томаса.

– А теперь нам нужно вернуться в дом Лоры. Вы поиграете с Констаном и Катери. Бабушка Одина накормит вас полдником. Пойдемте.

Поднявшись с помощью малышек на ноги, Киона почувствовала, что едва может идти.

– Давайте будем шагать очень медленно. Держите меня покрепче.

– Да, ангел, я тебя держу! – воскликнула Адель.

Киона не решилась поправлять эту девочку, понимая, что та наверняка услышала, как ее, Киону, называют взрослые, хотя она и пыталась отговорить их от этого. Адель вдруг тихонько добавила:

– Это папа мне сказал, что ты ангел...

– Он просто пошутил. Да, это была всего лишь шутка. Посмотри на мою спину – там нет никаких крыльев. А у ангелов ведь должны быть крылья.

Разговор на этом и закончился. Киона, держа Адель и Томаса за руки, вошла в большой дом семьи Шарденов. Ее недомогание закончилось, и, как ни странно, ее теперь охватило что-то вроде эйфории, а на душе стало легко. Она смутно предчувствовала, что еще часто будет ходить вот так, держа за руки Адель и Томаса. «А где будет Людвиг?» – задавалась она вопросом, но никакого вразумительного ответа так и не нашла.

Поразмышлять дальше об этом она не смогла, потому что, едва пройдя через калитку сада со своими подопечными, увидела Одину, вид которой был довольно забавным: старая индианка надела один из фартуков Мирей, и, поскольку завязки этого фартука оказались для ее талии слишком короткими, она обвязала талию поверх фартука бечевкой. С руками, испачканными по локоть в муке, Одина громко заявила:

– Я не могу в этом доме ничего найти! Хотела приготовить кукурузные лепешки, но здесь есть только белая мука. К тому же нет соли.

– Да не кричи ты так, я тебе сейчас помогу! – сказала Киона. – Где Констан и Катери?

– Этого скверного мальчишку я наказала. Сидит взаперти в сарае. А девочка прогуливается с собакой.

– Где?

– В гостиной. Она надела на пса ошейник с поводком. Почему ты делаешь такое сердитое лицо, Киона? Я умею обращаться с детьми. Я вырастила твою мать, Талу-волчицу.

Одина с заносчивым видом повернулась спиной к внучке и стала медленно подниматься по ступенькам крыльца. Киона пошла вслед за ней. В полумраке салона она увидела, что Катери стоит в чем мать родила и восторженно смотрит на лужицу, которую только что оставил фокстерьер на восточном ковре Лоры.

– Адель, пожалуйста, присмотри за ней, – сказала Киона. – Я освобожу Констан и вернусь. А затем я почищу ковер.

Киона побежала вглубь сада и открыла дверь сарая. Констан, сидя на земле, играл с одним-единственным шариком, который, по-видимому, лежал у него в кармане, когда его заперли в сарае.

– Выходи, малыш! – сказала Киона ласково. – Чем ты разозлил бабушку Одину?

– Я дал большой кусок сырого мяса Фокси, потому что он хотел есть.

– Это не такой уж и тяжкий проступок, но вообще-то ты не должен брать еду, предназначенную для людей, и давать ее собаке. Кроме того, Фокси к сырому мясу не привык. Я отменяю твое наказание, потому что Адель сейчас в доме, и я хочу, чтобы ты поиграл с ней и ее братом. Покажи им свои книжки с картинками. Или дай им поиграть своим паровозиком. Ты знаешь, что их мама умерла. Адель очень переживает, и ты должен о ней позаботиться.

Когда Лора предложила поначалу говорить детям, что Шарлотта отправилась в долгое путешествие или на какое-то время отлучилась, Эрмин и Киона не поддержали эту идею, полагая, что подобная ложь может привести к крайне негативным последствиям, поскольку дети будут ждать возвращения своей мамы, но так его и не дождутся. Констан знал, что Шарлотта умерла, однако он был мало знаком с усопшей, а потому ему было непонятно, почему все так сильно горюют.

– Хорошо, договорились! – уверенно заявил мальчик.

Киона занялась Катери и лужицей на ковре, думая о том, что она не будет присутствовать при погребении Шарлотты. По ее мнению, в этом не было особой необходимости, потому что она полагала, будто к ней и в

самом деле являлся дух усопшей. Киона, не обращая внимания на ворчание старой индианки, одела Катери.

– Ей так неудобно, – заявляла Одина. – Она ведь просто большой младенец. Она чувствует себя намного лучше без этих ваших тесных одежд.

– Ее платье и трусики вовсе не тесные. Лора не одобряет такие вольности – заставляя детей ходить нагишом.

– Лора неправа!

Изнывая от желания расспросить Едину, Киона усадила Катери перед наружной застекленной дверью кухни и, чтобы малышка могла чем-то развлечься, поставила рядом с ней тазик с плавающей в нем резиновой уточкой.

– Бабушка, мне нужно с тобой поговорить. Это для меня очень важно. Речь пойдет о Шарлотте. Я знаю про нее кое-что ужасное. А ты?

Одина прищурила свои раскосые глаза и поморщилась. Затем она медленно присела на стул и достала из кармана своего широкого хлопчатобумажного платья трубку и табак.

– Да, и я знаю.

– Но ты мне ничего не сказала и даже не намекнула, в том числе и в Валь-Жальбере, когда мы дежурили возле комнаты Шарлотты.

– Я дала обещание. Про это никто не должен знать – ни Эрмин, ни все остальные. Шарлотта говорила, что Эрмин уже больше не будет любить ее, если узнает правду. Поэтому я никому ничего не рассказала, хотя и очень сильно рассердилась.

– И ты ей об этом сказала?

– Конечно! Шарлотта несколько лет жила в моей хижине в горах. Я смазывала маслом ее косы и шила для нее туники. Кто смастерил первые мокасины для маленькой Адели?.. Мне очень не понравилось то, что сделала Шарлотта, а виновата во всем эта женщина с желтыми волосами – Иветта. Я стукнула кулаком по столу и сказала Шарлотте, что она порочная бледнолицая женщина. Она заплакала, и я стала ее утешать. Шарлотта часто клала свою щеку сюда.

Старая индианка с растроганным видом показала на свою объемистую грудь.

– Я любила ее, – сдержанно добавила Одина, и это само по себе уже свидетельствовало о том, что она испытывает сильные душевные страдания. – Ты хочешь спросить меня о чем-то еще, малышка?

– Нет, бабушка Одина. Спасибо тебе.

Киона с раннего детства не проявляла особой привязанности к этой

молчаливой женщине, и это было взаимным. Барьер из застенчивости и трагических воспоминаний заставлял их держаться на определенной дистанции, однако, будучи связанными кровью Талы-волчицы, они относились друг к другу с уважением. В этот траурный день Киона ощутила прилив нежности и, опустившись на колени на плиточный пол кухни, прижалась к Одине, а та обхватила своими коричневыми мясистыми руками плечи девушки.

– Давно мы с тобой не говорили по душам, Киона, – сказала старая индианка. – Тошан рассказал мне о том, что произошло с тобой, когда ты убежала с Делсеном, который дитя демонов и сам тоже демон. И ты обрезала себе волосы. Глупышка! Когда ты их сжигала, ты, возможно, сожгла часть своей души. Как можно ходить в таком виде, лысой? Да защитит тебя Маниту!

– Но я вовсе не лысая, – возразила Киона, нервно захихикав.

– Я не знаю подходящего слова в твоём языке... Тебе повезло, что, когда ты вернулась, меня здесь не было. Я бы надавала тебе палкой по заднице.

– Я это знаю, бабушка, знаю. Обними меня ещё раз покрепче. Я так несчастна!

– Тебе следовало бы просить тебя ударить, а не приласкать.

Вопреки этому своему заявлению, старая индианка изо всех сил обняла Киону и стала тихонько напевать какую-то монотонную песенку – так, как будто хотела убаюкать девушку.

Сен-Фелисьен, жилище Овида Лафлера, в конце дня

– Овид, увезите меня отсюда, прошу вас! – простонала Эстер после того, как она, стоя в толпе, увидела, как тело Шарлотты было предано земле.

Когда пришло время выразить свои соболезнования родственникам в церкви, Эстер подошла одна к членам клана Шарденов – Дельбо. Тошан увидел, как она потрясена, и, растрогавшись, крепко пожал ей руку. Лора же отнеслась к ней без особого внимания и даже холодно, а Эрмин на Эстер даже и не взглянула. Эстер потребовалось немалое мужество для того, чтобы пройти в составе похоронной процессии до самого кладбища. Она была уверена, что ее упрекают в халатности и относятся к ней с презрением. Когда она подошла к Оvidу, стоящему у своего «шевроле», то увидела, что и он сильно подавлен. Она быстро села на переднее пассажирское сиденье и попросила Овида увезти ее куда-нибудь подальше от Роберваля.

– У меня завтра выходной. Давайте поедem куда глаза глядят!

– Хотите, поедem в Сен-Фелисьен, в мое скромное жилище? – предложил Овид.

– Я же вам сказала, что мне все равно куда.

И вот теперь она смотрела на обстановку, в которой жил учитель: две просторные комнаты и небольшая кухня на втором этаже школы, в которой учились только мальчики.

– Вот то, что я напыщенно называю своей гостиной, – заявил Овид, показывая Эстер свое жилище.

– Здесь так много книг! – воскликнула она. – Однако этажерки у вас не очень-то прямые.

– Я, скажем так, любитель мастерить все собственными руками. Вот диван, на котором я либо сплю, либо читаю. Здесь беспорядок, поскольку я зачастую ночую в Пуэнт-Блё. Там у меня есть походная кровать. А вот зимой я чувствую себя очень уютно среди этих книг и моих диванных подушек. Снаружи идет снег, а моя печка урчит и потрескивает. Ее красноватый свет делает комнату еще более уютной, и мне, чтобы прийти на занятия к своим ученикам, нужно всего лишь спуститься по лестнице.

Эстер, слушая, кивала. Ее умилили детали, которые свидетельствовали, что здесь живет холостяк, – например, увядший букет ромашек и немытая чашка, по коричневому дну которой можно было сделать вывод, что в ней высохли остатки кофе. А вот старые афиши, украшавшие стены, и кружевные занавески ей понравились.

– Спальня, по-моему, выглядит еще более аскетичной и унылой, – сказал Овид, толкнув приоткрытую дверь.

Большая деревянная кровать была застелена шерстяным одеялом, расшитым разноцветными узорами. Пол блестел, а от зеркала на двери большого платяного шкафа отражался яркий дневной свет.

– Тут все безупречно! – удивилась Эстер.

– Я сюда просто редко захожу, – признался Овид. – По правде говоря, я чаще сплю на своем старом диване. Эстер, приготовить чай? У меня есть коробка печенья, к которой я еще даже не прикасался. Мне ее подарила Лора Шарден еще до того, как мы поссорились.

– Я с удовольствием выпью чаю, но давайте не будем разговаривать о Лоре и Эрмин. Я сказала вам, когда мы сюда ехали: эти люди на меня злятся. Я уже не осмелюсь переступить порог их дома, хотя там, к сожалению, остались мои вещи. У меня возникло такое впечатление, что я причастна к смерти этой бедняжки и сижу на скамье подсудимых. Однако, повторяю вам, когда я осматривала ее, никаких тревожных признаков не

было.

– Эстер, никто не считает вас виновной. Эти похороны были настоящей трагедией! Вы столкнулись на них с людьми, которые невероятно огорчены. Я даже не подходил к Лоре, поскольку она не желает меня видеть, но я пожал руку Эрмин. Поверьте мне, я ее знаю очень хорошо и для меня было очевидно, что она на грани нервного срыва.

– Возможно. Возможно и то, что я сама чувствую себя виновной, и поэтому мне кажется, что все остальные считают так же. Мне теперь уже даже стыдно за то, что я жива, нахожусь здесь, в Канаде, и стою рядом с вами в ожидании того, что вы напоите меня чаем.

– Да ни в чем вы не виноваты – ни в своем прошлом, ни в своем настоящем, – уверенно заявил Овид. – Вы всего лишь нуждаетесь в том, чтобы за вами ухаживали и о вас заботились. Присаживайтесь на мой диван и располагайтесь на нем поудобнее. Давайте положим подушку вам под локоть и укроем ваши ноги пледом.

Овид возился с ней так, как будто она была маленькой девочкой, а он – ее отцом или даже матерью, и это заставило ее растрогаться до слез.

– Помогите мне! – попросила она. – Мне хотелось бы больше об этом не думать, не терзать свой рассудок! Мне хотелось бы обо всем забыть! Обо всем: и о Шарлотте, и о слезах ее двух малышек и других людей, и о том зле, которое мне причинили...

Овид, уже собиравшийся было пойти вскипятить воду, вместо этого нежно обнял Эстер. Она обвила руками его шею, как будто тонула и у нее не оставалось другого выхода, кроме как цепляться за него. Преодолевая смущение и боязнь зайти слишком далеко, они обменялись долгим поцелуем.

– Я очень сильно влюблен, – признался Овид. – Я понял, что буду влюблен в тебя, как только впервые тебя увидел.

То, что Овид перешел на «ты», подбодрило Эстер и разрушило последний бастион ее стыдливости и стремления соблюдать приличия. До своей депортации она была молодой и очень активной парижанкой, которая жаждала развлечений, блистала в светском обществе и частенько ходила на прогулки и различные мероприятия.

– Ты мне тоже сразу же понравился, – ласково ответила она.

Не дожидаясь ответа, она поцеловала его еще раз, упиваясь прикосновением его губ к своим губам – извечной прелюдией к более тесной физической близости. Овид, хотя и слыл интеллектуалом, которого интересуют только книги, тем не менее был большим умельцем по части того, как пробудить женские чувства. Он всегда инстинктивно регулировал

свои жесты и ласки, высоко ценя не только сам половой акт, но и нежную прелюдию к нему. Ему нравилось медленно обнажать части тела своей партнерши, раздевать ее без спешки, наслаждаться ароматом и шелковистостью кожи. А еще ему нравилось любоваться женским телом, прежде чем им овладеть, и он в свойственной ему изысканной и искусной манере потихонечку подчинял партнершу своей воле.

– Какая ты красивая и грациозная! – прошептал он. – Изящная, с кожей цвета слоновой кости! Мне очень нравятся твои черные волосы: они гладкие и блестящие. Они прекрасны!

Каждая из этих реплик сопровождалась ласковым прикосновением к щеке Эстер, к ее волосам или шее. Эстер, полуприкрыв глаза, поначалу стала всем своим существом внимать тихому и ласковому голосу, восхвалявшему ее прелести. Однако, когда Овид аккуратно поднял подол ее широкой перкалевой юбки и начал гладить бедро, она вдруг вся напряглась.

– Нет, не сейчас, – взмолилась она. – Я хочу, чтобы ты меня целовал. Только лишь целовал.

– Прости меня, я поторопился. Мне показалось, что между нами установилось полное взаимопонимание, хотя мы познакомились совсем недавно.

– Да, между нами установилось полное взаимопонимание, – согласилась Эстер, касаясь пальцами лица Овида. – Овид, я вышла замуж очень молодой, в возрасте двадцати лет, в сорок первом году. Мой муж – его звали Жакоб – умер через год и три месяца в Аушвице. Откровенно говоря, у меня не было физической близости с мужчиной с того самого июля, когда в Париже устроили облаву на евреев и согнали всех тех, кого поймали, на Зимний велодром. Несколько месяцев назад я попыталась сделать это с мужчиной, который мне нравился, но не смогла. С тобой все по-другому: я этого хочу. Однако меня, к сожалению, пугает и даже ужасает одна только мысль о том, что... Ты понимаешь?

– Конечно! Иди ко мне, в мои объятия. Нам ведь очень хорошо обоим сидеть вот так, обнявшись. А своего мужа ты... любила?

– Ну что за вопрос? Конечно же, я его любила. А еще мы были с ним большими друзьями. Он был братом Исаака, выдающегося врача, мужа моей сестры Симоны. Мы вращались в медицинской среде. Жакоб занимался лабораторными исследованиями. Тот год, который мы прожили вместе, был одним из самых счастливых лет моей молодости. Вскоре после нашей свадьбы мне показалось, что я забеременела, но, к счастью, я ошиблась. А иначе мне пришлось бы рожать там, в концентрационном лагере... Я стараюсь об этом даже не думать. Если бы я была беременна, то

есть вынашивала бы в своей утробе еще одного представителя еврейской нации, у меня были бы все шансы угодить в газовую камеру в концентрационном лагере. Впрочем, мне иногда кажется, что такой судьбе в лагере, в общем-то, можно было бы и позавидовать. Тем, кто, как и я, провел три года в аду и сумел оттуда выбраться, очень трудно привыкнуть к нормальной жизни, к любви и красоте окружающего мира! Я утратила веру в Бога и людей.

Овид, внимательно выслушав этот рассказ, позволил себе выразить свое мнение.

– Я вообще-то тоже не отношусь к числу верующих, однако Киона серьезно пошатнула мое убеждение в том, что во всем нужно искать логику и под все подводить научные теории. Бога я иногда воспринимаю так, как воспринимал его Вольтер. Этот великий французский мыслитель вполне обоснованно говорил: «Вселенной я смущен, и, видя мощь часов, в них мощь часовщика я прозреть готов». Что касается наших братьев-людей, то было бы несправедливо стричь всех под одну гребенку. Подумай об участниках движения Сопротивления, о тех, кто отдал свои жизни ради того, чтобы спасти евреев, подумай о других жертвах фашистских режимов. А ведь еще есть дети, которые совсем не виноваты в ошибках, совершенных нами, взрослыми людьми. И есть женщины с очень нежным сердцем!

– Я все это знаю, Овид. Ты прав. Особенно когда ты упоминаешь Киону. Тошан еще во Франции рассказал мне о своей сводной сестре, однако я тогда даже не подозревала о том, что произойдет при нашей первой встрече. Эта странная девушка и в самом деле заставляет кое о чем серьезно задуматься. Она ведь со своими удивительными способностями – реальность. Ее мать – Тала – была, наверное, удивительным человеком.

– Мне посчастливилось быть с ней знакомым. Она была красивой индианкой с гордым лицом и всегда, когда что-то говорила или делала, вела себя очень достойно. Киона унаследовала свои невероятные способности скорее от своего прадедушки, очень мудрого и могущественного шамана. А еще – от одной уроженки Пуату, которую звали Алиетта и которая приходится бабушкой Жослину Шардену.

– Вообще-то странно видеть, что человек в столь юном возрасте способен держать в своей голове столько мыслей – и своих собственных, и мыслей окружающих людей. Ты заметил, как резко может меняться ее выражение лица и ее взгляд? У меня иногда появлялось впечатление, что я имею дело с очень мудрой женщиной, способной подняться над нашей мирской суетой.

Овид выпустил Эстер из своих нежных объятий и, встав, сказал, что нужно наконец приготовить обещанный им чай. Эстер с заговорщическим видом слегка улыбнулась, но тут вдруг ее охватила паника.

– Подожди! – воскликнула она, когда Овид уже направился в свою маленькую кухню. – Не оставляй меня, вернись. Овид, послушай, мне и в самом деле хотелось бы стать твоей прямо сейчас, но... но здесь слишком светло. А мне хотелось бы, чтобы было темно. Очень темно. Я не хочу, чтобы ты видел меня обнаженной.

– Хорошо, для меня нет разницы! – сказал Овид, возвращаясь и останавливаясь в метре от дивана.

Эстер посмотрела на него, чувствуя, что ее сердце начинает лихорадочно биться. Он ей очень нравился – худой, в белой рубашке и черных штанах, с вьющимися светло-каштановыми волосами. У него были специфические черты лица – отнюдь не идеально правильные, но приятные. Самыми красивыми в его внешности ей показались его задорные зеленые глаза, в выражении которых чувствовались ум, доброта и зарождающаяся любовь к ней, Эстер.

– Мы вольны поступать так, как нам с тобой придет в голову, – заявил Овид, улыбаясь. – Я с радостью помню материю твоей юбки, а расстегнутая кофточка соблазняет больше, чем абсолютно ничем не прикрытая грудь. Моя дорогая... Позволь мне называть тебя так. Мне так редко доводилось произносить эти слова раньше! Моя дорогая, не бойся. Если ты закроешь свои красивые черные глаза, станет темно, и я тебе обещаю, что сразу же тоже закрою глаза.

– У тебя есть спиртное? – спросила Эстер. – Чай не поможет мне расслабиться. Бокал виски...

– Виски у меня нет, но зато есть яблочный мистель, изготовленный моей мамой лет пять тому назад. Это алкогольный напиток на основе сидра, смешанного с яблочным соком и небольшим количеством кленового сиропа.

– Я с удовольствием его выпью!

Пока Овид ходил за бутылкой, Эстер быстренько сняла с себя шелковые трусики. При такой жаркой погоде она не надевала чулок и носила сандалии с ремешками. Терзаемая сильным волнением, она мысленно повторяла сама себе слова Овида, которыми тот пытался ее успокоить: «Да, помять мою юбку, да, расстегнуть мою кофточку, да, закрыть глаза...»

Овид вернулся с бутылкой мистеля янтарного цвета и двумя старомодными бокалами.

– Давай выпьем, моя дорогая, выпьем с тобой за счастливый случай, благодаря которому мы встретились, – сказал он очень торжественным тоном.

Эстер расхохоталась и распустила свои темные волосы, в обрамлении которых ее изящное лицо стало казаться еще более красивым. Выпив два бокала, Эстер прильнула к Овиду, и они, обнимаясь, несколько раз поцеловались, не отваживаясь на более смелые ласки.

– Иди ко мне, прошу тебя, – прошептала Эстер, ложась на диване среди подушек. – Мне уже не так страшно. Мне наплевать на все, кроме тебя и кроме моего желания близости с тобой.

– Ты в этом уверена?

– Да, хотя я чувствую себя перепуганной девственницей и мне кажется, что это в первый раз.

Овид лег рядом с ней и несколько раз легонько поцеловал ее закрытые веки и кончик ее носа. Затем он очень осторожно расстегнул пуговицы на своих штанах. Его охватило сильное вожделение, и ему показалось, что вдоль позвоночника прокатываются приятные теплые волны. Наконец он, в свою очередь, закрыл глаза и снова попытался проникнуть под подол ее юбки.

– Не касайся моего живота! – прошептала Эстер, тяжело дыша. – Ниже, да, вот так... Я сняла трусики.

Овид подчинился и стал ласкать ее. Эстер начала тихонько постанывать. Вскоре она схватила его руками за плечи и привлекла к себе.

– Сейчас, Овид, прямо сейчас.

– Да, моя дорогая! – пробормотал он, очень медленно входя в нее с огромным наслаждением.

Эстер, издав глухой стон, слегка изогнулась и стала двигаться в такт движениям Овида. Она тут же начала получать удовольствие. Овид мысленно возликовал, почувствовав, что она обхватила его бедра своими тонкими и стройными, как у газели, ногами, тем самым помогая ему входить в нее глубже. Чем больше она теряла контроль над собой, тем сильнее он пытался контролировать свои усиливающиеся приятные ощущения. Вскоре Эстер испытала оргазм, издав при этом долгий восторженный возглас. Овид тут же довел и самого себя до оргазма, поскольку ему очень хотелось разделить с ней это удовольствие. Затем Эстер – с порозовевшими щеками и приоткрытым ртом – с силой прижалась всем телом к телу Овида.

– Спасибо, спасибо... – прошептала она.

– Тс-с! Это я должен тебя благодарить. Хотя я и убежденный атеист,

мне хочется воздать хвалу Господу за то блаженство, которое ты мне подарила. Однако меня сейчас беспокоит то, что я потерял голову и был неосторожен. Надеюсь, что не будет никаких последствий!

– А если бы я забеременела, как бы ты на это отреагировал? – спросила Эстер, когда Овид лег рядом.

– Не знаю. У меня остались болезненные воспоминания о рождении моих детей. Акушерка сразу же категорически заявила, что близнецы, родившиеся преждевременно, выжить не могут. Но в данном случае я подчинился бы твоей воле. Принимать решение в подобных случаях следует женщинам, потому что материнство требует от них немалых усилий и потому что беременность и роды всегда несут в себе определенный риск.

– Это правда. Но ты, наверное, хотел бы завести ребенка?

– Детей у меня и так достаточно: три десятка в течение каждого дня во время учебного года. Летом я вожусь с маленькими индейцами из Пуэнт-Блэ. Я, в общем-то, и так чувствую себя отцом.

По щекам Эстер потекли слезы. Овид, встревожившись, стал вытирать их кончиками пальцев.

– Почему ты плачешь, моя дорогая?

– Я уже никогда не смогу родить ребенка, – сказала Эстер жалобным голосом.

Затем она рассказала своему любовнику то, что уже рассказывала Кионе, когда они ходили вдвоем к водопаду Уиатшуан. Слушая воспоминания Эстер о перенесенных ею страданиях (она, волнуясь и то и дело запинаясь, поведала ему о них далеко не все – так, отдельные моменты), Овид обнимал ее одной рукой и гладил ее волосы другой. Те ужасы, про которые он услышал, вызвали у него гнев и негодование. Эстер рассказывала тихим и дрожащим от волнения голосом, и ее слова произвели на Овида гораздо более сильное впечатление, чем все прочитанные статьи и увиденные им фотографии, посвященные зверствам нацистов в концентрационных лагерях.

– Ну вот, теперь ты все знаешь. Больше я тебе сейчас ничего говорить не хочу. И никто не должен об этом узнать. А иначе мне будет ужасно стыдно!

– Никто об этом не узнает, клянусь тебе! – сказал Овид очень серьезным тоном. – Эстер, ты осталась в живых, ты пересекла океан, и мы с тобой нашли друг друга. Мне плевать на то, что ты не можешь иметь детей, и мне плевать на все остальное. Тебе удалось спастись, ты находишься здесь, и я тебя люблю. Звездочка моя! «Эстер», насколько я

знаю, означает «звезда». Если ты выжила, неожиданно для себя получила небольшое состояньице и смогла залечить в душе раны войны – то, значит, ты везучая. Ты должна жить и радоваться жизни. У тебя будет свой дом, в котором тепло, который хорошо закрывается и в шкафах которого полно съестных припасов. Тебе уже никто не будет причинять зла, потому что рядом с тобой буду я. Если, конечно, ты не против.

Овид так разволновался от рассказа Эстер и своих собственных слов, что у него потекли слезы.

– С тех пор как умерла моя жена, я помогаю, как могу, индейцам монтанье, живущим в этой местности. Я испытывал необходимость вести борьбу в своей собственной манере, но не во Франции или какой-либо другой европейской стране, а здесь, где угнетают целый народ и отнимают у родителей их детей. Все мало-помалу становится на свои места. Начиная с сегодняшнего дня, я буду бороться только за одно – за то, чтобы сделать тебя счастливой. Возможно, борьба эта будет нелегкой!

– Овид, обними меня крепко-крепко. Спасибо тебе за такие слова, спасибо! Я уже больше не боюсь. Вообще ничего уже не боюсь. Поцелуй меня еще, пожалуйста.

– Целовать тебя мне очень-очень нравится. Я мог бы целовать тебя до тех пор, пока не наступит конец света.

– Тогда поторопись начать, а то ведь никто не знает, когда он наступит...

Роберваль, дом семьи Шарденов, вечер

Наступала ночь. Мадлен уложила всех четверых детей спать и ушла в соседнюю комнату, не став ничего есть. Она сильно устала из-за того, что очень много молилась и плакала, жалея Шарлотту. Лора, хотя она тоже сильно устала, взялась приготовить довольно плотную холодную закуску для тех, кто собирался поужинать у нее в доме в этот вечер, а именно: для своего мужа, Эрмин, Тошана, их дочерей-близняшек, Акали, Кионы, Мирей, Одины, Мукки, Луи, Людвига и Онезима. А вот Иветта настояла на том, чтобы ее муж отвез ее и их двоих сыновей в Валь-Жальбер.

И вот теперь этот гигант в черном костюме, сидя за столом под люстрой с хрустальными подвесками, подпирал свою большую голову ладонями. Безвременная кончина сестры так сильно поразила его, что он то и дело тяжело вздыхал.

– Муки небесные, если бы человек мог заранее знать, когда он умрет! – пробормотал Онезим. – Моя бедная Лолотта... Она не смогла стать счастливой в своем Маленьком раю.

– Это тяжело, Онезим, да, очень тяжело, – закивал Жослин, допивавший уже третий бокал хереса.

Эрмин тихонько плакала. Тошан обнимал ее за плечи.

– Ох, какое горе, какое большое горе! – захныкала Мирей, глаза которой уже покраснели от слез. – Послушай, Мимин, ты вся измучилась. Тебе бы выпить целебный настой с одной из таблеток мадам, которые она называет своим снотворным. Это поможет тебе заснуть.

Лора никак не прокомментировала эти слова Мирей, хотя вообще-то злилась, когда та рассказывала о ее маленьких пристрастиях.

– На ужин – салат, сваренные вкрутую яйца, блины с творогом и копченый лосось, – объявила Лора.

Ее голос дрогнул, и она тоже начала плакать. Луи вскочил со своего стула и подошел к ней, чтобы утешить.

– Мама, если ты будешь плакать, то и я тоже заплачу! – воскликнул он.

Бабушка Одина, полуприкрыв глаза, курила свою трубку, от которой исходил такой едкий запах, что это раздражало Мирей.

– Иисусе милосердный, мадам Одина, интересно, а что вы используете в качестве табака? Табак моего хозяина и то менее крепкий. У меня аж нутро наизнанку выворачивается.

– Я курю травы, которые забирают у меня мои слезы и горе и относят их к Маниту. Хочешь попробовать?

– Конечно же нет!

Мирей, рассердившись из-за того, что старая индианка обратилась к ней на «ты», замолчала и поднесла к своему носу салфетку. Акали, сидящая рядом с ней, посмотрела на нее сочувствующим взглядом. Ей, Акали, довелось пожить рядом с Одиной, а потому ей уже не раз и не два приходилось выносить этот едкий запах. Она подумала о том, как много странностей бывает в человеческой судьбе. А еще она с облегчением подумала, что уже больше не испытывает никаких чувств к Людвигу, хотя тот и овдовел, то есть стал свободным. Да, она не испытывала к нему больше никаких чувств, кроме глубокого сострадания. Три года назад ей хотелось, чтобы Шарлотта умерла, и вот теперь, когда это произошло, Акали мысленно благодарила Бога за то, что она в данном случае вообще ни при чем. Ее мысли перенеслись в Шикутими, где Антельм сейчас, наверное, тоже ужинал. Акали написала ему письмо, в котором отменила их встречу, запланированную на следующее воскресенье, потому что Мадлен решила, что в сложившейся ситуации его приезд был бы не совсем уместным. Тем не менее в этом письме фигурировали нежные слова любви, пусть даже пока и довольно робкие.

Все стали ужинать, но ели без аппетита и не решались затеять какой-нибудь разговор. Лоранс и Мари-Нутта, радуясь тому, что снова находятся рядом, обменивались еле заметными грустными улыбками и печальными взглядами.

Киона, сидевшая с безучастным видом, не притронулась ни к воде, ни к питью. Она надела на голову черный платок, скрыв под ним свои рыжевато-золотистые волосы, и от этого ее лицо казалось при свете люстры еще более красивым.

– Тебе, Киона, все-таки следовало бы прийти на кладбище! – неожиданно пробурчал Онезим. – С твоей стороны было не очень вежливо отправиться во время погребения на прогулку.

– Я решила, что будет лучше, если я присмотрю за Аделью и Томасом и утешу их, – ответила Киона нейтральным тоном. – Я от рождения обладаю и этим даром – умением утешать людей.

– Ее упрекать не в чем! – вмешался в разговор Людвиг. – Когда пришло время ложиться спать, малыши уже вели себя спокойно и даже улыбались.

Киона затрепетала – так, как трепещет парус, когда его наполняет ветер. Ей захотелось встать из-за стола, за которым собрались близкие ей люди, и куда-нибудь уйти, чтобы больше не чувствовать на душе тяжести их переживаний и невеселых мыслей.

– Я сообщаю вам всем, что Шарлотта попросила меня позаботиться о ее детях, – сказала Киона. – Это произошло тогда, когда похороны уже заканчивались и когда я была на берегу озера. Меня, видимо, потянуло пойти туда как раз для того, чтобы встретиться там с Шарлоттой. Иисус сказал: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов».

Жослин, побледнев, покачал головой и заявил, что он никогда толком не понимал смысла этих слов, фигурирующих в Евангелии.

– А я его понимаю, папа, – сказала его дочь. – Я не могла терять свое время на кладбище, где вы предавали земле телесную оболочку, которую уже покинула душа. Шарлотта захотела со мной попрощаться. Она торопилась вознестись на небо и обрести там покой. Вам нет никакой необходимости оплакивать и жалеть ее.

– Киона, ты невыносима! – сердито сказала Эрмин. – Я не могу тебя слушать. По какому праву ты призываешь нас не оплакивать Шарлотту, которая ушла из жизни в расцвете лет и у которой осталось двое маленьких детей?! Мне иногда кажется, что у тебя нет сердца, что ты черствая и бесчувственная.

Онезим резко отодвинул назад свой стул, выпрямил массивное туловище и поднял – как будто в знак приветствия – руку:

– Хорошо сказано, Мимин! А теперь я отсюда уйду. Я хотя Святое Писание и не цитирую, но зато проявляю уважение к мертвым. До свидания!

Он ушел, хлопнув входной дверью. Тошан посмотрел на Киону удивленным взглядом.

– Что за заявления ты делаешь сегодня вечером, черт побери?

– Отвечай! – крикнула Эрмин с отчаянным и одновременно разгневанным видом.

– Я не сказала ничего гнусного или злого, – возразила Киона.

– Да нет же, ты поступила отвратительно! Начнем с того, что не сообщила нам о том, что Шарлотта при смерти, в тот вечер, когда мы обнаружили ее мертвой. Ты отправилась на прогулку. Ты бросила ее одну!

– Мин, пожалуйста, не говори так! Как ты смеешь такое заявлять? Ты несправедлива! Я не командую своими видениями и предчувствиями. Я ничего не могла сделать.

Никогда еще две сводные сестры не спорили друг с другом с таким неистовством.

– Умоляю вас, прекратите! – простонала Лора. – Господи, моя бедная голова! Она уже начинает болеть.

– Эрмин, если Киона и виновата, то мы виноваты тоже, – сказал Людвиг, выразительно произнося каждое слово. – Мы вполне могли бы остаться возле ее постели, а не пойти пить чай в саду.

Тошан, кивнув в знак согласия, что-то пробурчал. Напряженная обстановка, установившаяся в столовой, была для него невыносимой. Он решил вмешаться.

– Я думаю, что нервы у всех у нас уже на пределе и что было бы правильнее просто вспомнить Шарлотту – вспомнить ее такой, какой каждый из нас ее запомнил. Мирей сказала правильно, Эрмин. Ты скоро пойдешь на второй этаж отдыхать, и снотворное тебе не помешает. Не стоит пытаться делать кого-то виноватым и сваливать на кого-то ответственность. Это была судьба, от которой не убежишь.

– К сожалению, это верно! – вздохнул Жослин. – Кстати, а что вы теперь собираетесь делать, Людвиг?

– Спасибо вам, месье Шарден, за то, что даете мне возможность об этом поговорить. Вообще-то мне хотелось обсудить этот вопрос с Тошаном, но я вполне могу обсудить его и со всеми вами. Я не могу вернуться в Валь-Жальбер. Я не хочу больше ни заходить в наш дом, ни быть соседом семьи Лапуант, которые терпели меня только потому, что не хотели ссориться с Шарлоттой. Тошан, если ты не возражаешь, я хотел бы поехать

вместе с тобой в Большой рай и помочь привести его в порядок. Мадам Лора, если бы вы могли позаботиться о моих детях в течение нескольких недель...

– Ну конечно, я могу это сделать! Эти малыши чувствуют себя здесь как дома. Я вас понимаю, Людвиг. Лично я не смогла бы на вашем месте вернуться в Маленький рай. Такое название, кстати, стало для этого места не очень подходящим.

– Но Адель и Томас будут по тебе тосковать, – возразила Лоранс. – У них ведь больше нет мамы, и если их папа куда-то уедет...

– Я над этим уже размышлял. Я вернусь быстро – вернусь, как только свыкнусь с мыслью о том, что моя жена умерла, и приду в себя. Все произошло так стремительно!

– Я собирался поехать туда в воскресенье, – сказал Тошан. – Со мной отправится бабушка Одина. Она хочет поехать к своей дочери Аранк в горы. Ты будешь для меня очень хорошей подмогой, Людвиг.

– Я тоже поеду, – заявила Эрмин. – Я не хочу оставаться в Робервале.

– О-о, нет, моя дорогая, не покидай меня! – взмолилась Лора. – Боже мой, сколько несчастий!

Киона бесшумно встала из-за стола. Она, чувствуя себя ужасно одинокой, перебирала в уме мысли своих родственников. «Мин и в самом деле считает меня бессердечной. Ей не нравятся мои поступки и слова. Мари-Нутта надеется, что в октябре Лоранс уедет вслед за ней в Квебек и что они будут учиться вместе в лицее, в который она, Мари-Нутта, собирается поступить. Акали сохнет по своему почтальону, а папа горюет о несчастной участи Шарлотты. Людвиг сильно злится на Иветту. Ему известна правда, но он не решился мне об этом сказать. Это хорошо, что он уедет, очень хорошо!» Киона укрылась в большом саду, который уже погрузился в темноту летней ночи, и, растянувшись на траве, стала разглядывать звезды. Луи, отправившись ее искать, едва не споткнулся об ее тело. Увязавшийся за Луи фокстерьер, хотя и был ужасно рад возвращению своего хозяина и всячески демонстрировал свою преданность ему, не преминул ласково лизнуть Киону.

– А-а, ты здесь! – сказал Луи. – Как ты себя чувствуешь?

– Как пария. Ангел я или демон – решай для себя сам. Знаешь, Луи, пару веков назад меня уже сожгли бы на костре.

– Не болтай глупостей. На колдунью ты совсем не похожа. Но ты в мое отсутствие пускалась в бега. Мукки мне рассказал про Делсена.

– Ну что ты хочешь, я ведь тоже могу совершать ошибки. Но мне не хотелось бы говорить о себе. Ты меня отвлек. Я думала о Шарлотте.

– Да, конечно, бедная Шарлотта. Я пережил шок, когда узнал, что она умерла. Когда я ехал в поезде, плакал, как ребенок.

Луи сел рядом с ней и закурил. Он уже много лет являлся восторженным поклонником Кионы и проклинал судьбу за то, что у него с ней общий отец и что поэтому они приходится друг другу сводными братом и сестрой. Так, по крайней мере, думал лично он. А вот Киона знала, что кровными родственниками они друг для друга не являются. Знала, но помалкивала об этом.

– Как бы там ни было, ты по-прежнему самая красивая – даже без кос. В летнем лагере я показывал твою фотографию своим приятелям и говорил, что эта блондиночка – моя девушка. И они мне завидовали!

Эти его слова слегка позабавили Киону. Ей подумалось, что Луи, похоже, недолго будет горевать по поводу смерти Шарлотты.

– Ты – юноша, нацеленный на будущее, – вздохнула она. – Ты плакал в поезде, но в действительности та, кого ты называл Лолоттой, чтобы ее подразнить, ассоциируется в твоём сознании исключительно с прошлым, с эпохой нашего детства. Ты ее уже почти забыл...

– Черт побери, не надо на меня за это сердиться! Да, после того, как ее не было здесь целых три года, я думал о ней уже не часто. Я даже полагал, что она навсегда останется в Германии. Вообще-то мне очень жаль не столько ее саму, сколько ее детей и мужа. Тяжело ведь не мертвым, а живым.

– Я думаю точно так же, как ты. Именно живые страдают от боли и тоски по тем своим близким людям, которые умерли. То, что произошло с Шарлоттой, – и в самом деле ужасно и чудовищно. Я очень переживаю, однако плачу вообще-то редко, и если и плачу, то тайком. Кроме того, я убеждена, что наши слезы вызывают печаль и у тех, кого мы оплакиваем.

– Ну и как нам быть? Не будем же мы сразу после похорон петь и танцевать!

– Почему бы нет? Это, возможно, поможет им – тем нашим дорогим людям, которые ушли из жизни.

– Ну что же, с такими идеями тебе следовало бы создать свою собственную религию. Или проповедовать джаз и свинг на траурных богослужениях.

– Какой же ты глупый! – воскликнула Киона, легонько стукнув Луи кулаком. – Но я все-таки рада, что ты здесь. Завтра я расскажу тебе о своих планах на эти осень и зиму. Завтра. Не сегодня вечером. Я устала.

Она закрыла глаза. Луи задал ей несколько вопросов, но не получил на них никакого ответа. Киона уже спала. Чуть позже он увидел возле беседки

Мукки и подбежал к нему, чтобы предложить ему прогуляться вдвоем по берегу озера. Никто не услышал, как Киона тихонько прошептала во сне: «Нет, не этот сон. Нет, только не этот сон...»

* * *

Эрмин сидела на краю своей кровати, держа в руке стакан с водой. Когда Лора занималась ремонтом дома, то выбрала для комнаты своей дочери различные оттенки голубого и синего цветов с золотистыми деталями. Обои напоминали весеннее небо, а шторы – летнюю ночь. К этому добавлялись белые занавески с блестящими завитушками и атласные шнуры медно-красного цвета, которыми занавески подвязывались в дневное время. Такое убранство, достойное новейших голливудских фильмов, не производило никакого впечатления на Тошана, предпочитающего жить в гораздо более скромной обстановке.

– Выпей эту таблетку, Мин! – потребовал Тошан. – Хорошенько выспаться тебе не помешает.

– У меня нет желания принимать подобные лекарства.

– Сделай это один-единственный раз! Ты ведь никак не перестанешь дрожать и всхлипывать. Ты ничего не съела за ужином. Я понимаю, что произошедшая трагедия тебя очень угнетает, но следует помнить о том, что у тебя есть дети. Ты им нужна.

– Боже мой, мне так плохо! Тошан, это был первый раз, когда мы с Кионой разозлились друг на друга.

– Разозлилась вообще-то только ты. Я допускаю, что она зашла в своих заявлениях слишком далеко, но, если вдуматься, у тебя не было оснований срывать на ней свое раздражение.

Эрмин посмотрела на мужа удивленным и негодующим взглядом. Он стоял прямо перед ней, и его темный силуэт четко выделялся на фоне голубых обоев комнаты.

– Но Киона ведь сильно изменилась, Тошан! После ее побега с Делсеном она стала другой. Согласись, что она теперь держится отчужденно и иногда даже высокомерно, хотя считает себя очень кроткой. Ее заявление о том, что нам не следует оплакивать Шарлотту, – это нечто недопустимое.

– Я считаю недопустимым прежде всего то, что ты стала ее упрекать. Ты ведь упрекнула ее за то, что она, дескать, оставила Шарлотту одну, что не смогла предвидеть скорую смерть Шарлотты... А ведь когда Шарлотта

уже агонизировала, вы трое – Людвиг, Одина и ты – находились очень близко.

– Замолчи! – крикнула Эрмин. – Я и так сама себе этого никогда не прощу! Господи, я была так довольна тем, что смогла поехать на папиной машине и что мне предстояло провести ночь в Маленьком раю! Мне там сказали, что Шарлотта отдыхает, что ей нужно дать поспать, что опасность миновала... Если бы ты видел Киону, когда она сказала мне, что хочет пойти немного прогуляться! Она показалась мне какой-то совсем другой.

Тошан выдавил из себя улыбку и присел на кровать, задумчиво глядя на Эрмин.

– Если ты не хочешь принимать снотворное, тогда сходи к Кионе и помирись с ней. Вы обе были неправы.

– Я не считаю, что была неправа по отношению к ней. Она меня разочаровала. Я поговорила об этом с папой и выяснила, что он, оказывается, ей все позволяет и все прощает. Тебе известно, что она решила бросить учебу и всецело посвятить себя заботе о тех, кому может помочь ее природный дар? К ней сюда уже приезжало четыре человека. Эта мадемуазель строит из себя медиума и ясновидящую! Может, ей стать еще и гадалкой? А ей ведь нет и семнадцати лет. Это все просто смешно.

Эрмин снова заплакала. Тошан обнял ее, удивляясь тому, что она вдруг так ополчилась на свою сводную сестру.

– Послушай, Мин, это же не кто-нибудь, а Киона! Ты как будто забыла, кто она такая и в какой мере ее детство было омрачено природным даром, таинственными способностями. Мы с тобой не можем себе даже представить, какие душевные силы потребовались ей для того, чтобы пережить смерть Талы, вынести условия жизни в школе-интернате и – самое главное – смириться с тем, что она, Киона, не такая, как все. Смогли бы мы с тобой выдержать биллокацию и различные недомогания, которые начинаются у нее, когда кто-нибудь из дорогих ей людей оказывается в опасной ситуации, а также такие видения, путешествия в прошлое и разговоры с призраками, являющиеся частью ее жизни? Черт побери, ты что, собираешься изгнать ее из своего сердца в тот момент, когда она сильнее всего страдает? Да, она страдает. Я чувствую это каждой клеточкой своего тела. Она сделана не из того теста, что мы. Я все еще задаюсь вопросом, почему именно нам выпало неслыханное счастье быть близкими людьми такого человека, как она. Вспомни о том, что в своем детстве – лет до тринадцати – она не раз приходила в отчаяние из-за того, что не такая, как все. Теперь же она смирилась с этим и хочет использовать это во благо других людей. Это с ее стороны мужественный и похвальный поступок.

Кроме того, не забывай об очень важном моменте: Киона знает больше, чем кто-либо из нас, и о наших дочерях, и о Луи, и о Мукки, и о Шарлотте, и об Акали. Я не шаман и не обладаю какими-либо экстраординарными способностями, однако наблюдательности и умения делать умозаключения мне не занимать, и для меня очевидно, что вы с Кионой относились к Шарлотте уже не так, как раньше. В тот день, когда она приехала, меня здесь не было, и я не могу судить о том, как ее здесь встретили. Однако впоследствии в ваших разговорах ощущались фальшивые нотки. Вы, можно сказать, чувствовали себя неловко.

Эрмин, в конце концов мысленно согласившись с доводами своего мужа, опустила голову и посмотрела невидящими глазами на стакан воды, который она все еще держала в руках.

– Ну ладно! – прошептала она. – Ну и адвокат бы из тебя получился! Мне сейчас стыдно. Значит, ты полагаешь, что Киона страдает? Но это ведь вызвано смертью моей Лолотты, и мы все страдаем из-за этой смерти.

– Да, но совсем по-другому, Мин. Ты поразмыслишь над этим завтра. Выпей воды и проглоти эту таблетку. Я сомневаюсь, что мы можем ей помочь.

Она в конце концов подчинилась мужу. Тошан очень бережно помог ей забраться под одеяло. Он взбил ей подушку и ласково погладил ее волосы.

– Спи, моя маленькая женушка-ракушка.

– Ты меня так называешь уже очень редко, – прошептала она.

– Но ты тем не менее все та же: перламутровая кожа и голубые – как вода в озере – глаза.

– А ты спать не ложишься?

– Ложусь, но не прямо сейчас. Мне нужно поговорить с Людвигом. Овдоветь в тридцать два года – это судьба незавидная. Мне хочется чем-то помочь ему.

Эрмин сощурила глаза. Она выглядела очень трогательной в своей слабости. Тошан нежно поцеловал ее в губы и вышел из спальни на цыпочках. На сердце у него был траур – как, впрочем, и у всех, кто находился в доме в этот погожий летний вечер.

Глава 14

Людвиг Бауэр

Роберваль, суббота, 26 августа 1950 года

Киона открыла глаза и с удивлением увидела, что лежит на диване в гостиной. Кто-то накрыл ее шерстяным пледом. Ей вспомнилось, что в саду ее неожиданно одолел сон. В доме, где она сейчас находилась, было очень тихо, что ее удивило, поскольку уже наступил день. Ее мысли переключились на Шарлотту, покинувшую мир живых. Ей пришла в голову именно эта фраза, и Киона оценила ее глубинный смысл. «Покинула мир живых – это еще не значит, что умерла, и если есть мир живых, то, получается, есть и другие миры», – подумала она.

Чувствуя, что ей очень удобно лежать на этом диване в такой расслабленной позе и с большой подушкой под головой, она стала прислушиваться, пытаясь уловить звуки, которые обычно раздаются, когда просыпаются обитатели дома. «Мирей спустится со второго этажа раньше Лоры и направится на кухню, чтобы вскипятить воду и приготовить чай и кофе. Мой брат Тошан выйдет подышать воздухом, поприветствовать озеро и выкурить сигарету. Затем появятся дети, Мадлен и Мин».

С лестницы донеслись звуки легких шагов, и затем кто-то прошел по прихожей. На пороге гостиной, застекленная двустворчатая дверь которой всегда была распахнута, появилась Эрмин.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

– Я здесь спала.

– У тебя, по-моему, есть своя комната.

– Послушай, не говори со мной таким суровым и враждебным тоном!

Эрмин подчинилась, хотя лицо ее осталось насупленным. Голова у нее была тяжелой, а мысли путались. Присев на край дивана, она встряхнула своей длинной светловолосой шевелюрой.

– Я никогда больше не буду принимать снотворного. У меня какие-то странные ощущения.

Киона посмотрела на Эрмин, но ничего не сказала в ответ. Ее очаровали миловидные черты лица Эрмин, красивый контур ее пухлых губ и изысканная красота профиля.

– Мин, ты – человек, которого я люблю больше всего на свете. Ты моя сестра, и ты была мне вместо матери. Мне очень жаль, что я тебя вчера

вечером обидела. Но ты должна меня понять. Я видела Шарлотту. Знаешь, она мне сказала: «Чуть раньше или чуть позже...» Она, похоже, все равно умерла бы во время родов. Ей это было сказано там, на небесах.

– А у тебя после ее возвращения сюда ни разу не возникало предчувствий того, что это произойдет?

– Нет, ни разу. Еще с тех пор, когда я была маленькой, со мной происходят странные явления. Моим рассказам об этом верили только моя мама и ты. Ты, возможно, помнишь, что я не принимала никаких решений. А если и принимала, то очень редко. Вместо меня решают другие. Когда я говорю «решают другие», я часто представляю себе невидимых существ, манипулирующих мной, как хотят. «Давайте покажем эту сцену Кионе, чтобы она предупредила того, кого это касается. А вот развязку мы от нее скроем. Нам нужна эта душа, которая уже ничего не может сделать со своим телом». По сути дела, меня используют. У меня часто возникает ощущение, что все это происходит в соответствии с каким-то планом – как, например, та моя история с Делсенем. Я мысленно увидела его смертельно раненным, хотя в реальной жизни именно мне и предстояло нанести ему этот удар. Я очень рада, что он остался в живых.

Она едва не добавила: «... и на свободе», – потому что видела во сне, что он уже находится в каком-то большом городе (показавшимся ей похожим на Нью-Йорк). Однако она предпочла держать язык за зубами.

Эрмин с безразличным видом пожала плечами.

– Я понимаю, что у тебя нет возможности полностью управлять своими пресловутыми экстраординарными способностями. Тем не менее ты часто успешно вмешивалась, когда надвигалась какая-нибудь беда. Без тебя я не смогла бы во время войны спасти Тошана, и я не знаю, сумели ли бы мы без тебя найти Луи, когда его похитили. Однако невидимые существа, которых ты упомянула, не могут играть нашими жизнями. Я убеждена в том, что мы свободны в принятии своих решений и что у нас есть возможность выбирать между хорошими и плохими поступками и решать, какой именно дорогой мы пойдём. Как бы там ни было, жизнь содержит в себе множество радостей и горестей, а также много маленьких проявлений счастья, которыми нужно уметь наслаждаться. Если взять в качестве примера меня, то могу заметить, что для меня ничего не было легким и простым. Я считала себя сиротой, но нашла своих родителей. Я любила Тошана, но в течение нескольких месяцев полагала, что он мертв. Мне очень хотелось умереть, потому что я сильно страдала от осознания того, что утратила его навсегда. Однако он вернулся и мы смогли пожениться. Впрочем, зачем тебе это рассказывать, если ты и сама все это

знаешь? Мне всего лишь хотелось бы доказать тебе, что нам, людям, постоянно приходится делать тот или иной выбор, и это может повлиять на нашу судьбу. Что касается тебя, то я считаю, что ты неправа в том, что решила бросить свою учебу, тем более что ты очень способная ученица.

– Давай не будем говорить обо мне, Мин. Ты только что произнесла слова, которые заставили меня вспомнить Шарлотту: «Маленькие проявления счастья, которыми нужно уметь наслаждаться». Мне кажется, Шарлотта ими наслаждаться не умела. Она нуждалась в сильных чувствах, в страсти, в ссорах... Она частенько совершала необдуманные поступки. Я ее за это не упрекаю, потому что такой уж у нее был характер и потому что такое ее поведение зачастую делало ее соблазнительной для мужчин... Нет, не плачь, я не хотела сыпать тебе соль на рану...

– Киона, я так сильно сама на себя сержусь! – простонала Эрмин. – Я была рядом с ней, но даже не смогла попроситься.

– Иди ко мне, я тебя обниму. Знаешь, плачь, сколько хочешь. Может, тебе станет от этого легче.

Киона привлекла к себе Эрмин и обняла ее. Как это уже было в случае с Эстер, она попыталась прибегнуть к своим неистощимым запасам сострадания и безграничной любви в надежде на то, что ей удастся ослабить мучения своей сводной сестры.

– Не забывай последние слова нашей маленькой Лолотты. Она была очень красивой в платье из зеленого муслина. Она вся сверкала на солнце и была молодой и радостной – клянусь тебе! Она сказала мне, что больше уже не придет. Я почувствовала, что ее охватило чувство внутреннего умиротворения.

– Если послушать тебя, то создается впечатление, что она хотела умереть и ей было наплевать на то, что она уходит, оставляя нас горевать по поводу ее безвременной кончины!

– Ей не хотелось жить без любви Людвига, а над этой любовью, как она чувствовала, нависла серьезная угроза, – тихо сказала Киона.

– Господи, ну как такое могло произойти?! – воскликнула, всхлипывая, Эрмин. – Я до сих пор еще не могу понять, что привело к трещине в их отношениях там, в Германии. Как она могла изменить такому хорошему, красивому и ласковому мужчине, как Людвиг? Она заявляла, что он часто оставлял ее одну, что она чувствовала себя одинокой, но ведь и Тошан часто оставлял меня одну. Он с самого начала войны отправился на фронт, причем это произошло вскоре после того, как я потеряла ребенка. Я тем не менее Тошану не изменяла.

Киона, еле удержавшись от ехидной улыбки, прошептала:

– Это верно, Мин, ты ему не изменяла, потому что, хотя ты и пыталась это сделать, у тебя ничего не получилось.

– Черт побери, с тобой невозможно спорить! – посетовала Эрмин. – Если я и сделала тот неверный шаг, то у меня в любом случае больше оправданий, чем у Шарлотты. Киона, ты должна знать, что мне тебя жалко. Как ты выдерживаешь то, что можешь читать наши мысли и знать о нашем вранье, наших ошибках и секретах? Тошан стал защищать тебя вчера, когда заставил меня лечь в постель и проглотить эту дурацкую таблетку. Он сказал правду. Было бы нелепо пытаться относиться к тебе как к обыкновенному человеку. Прости меня, я погорячилась во время вчерашнего невеселого ужина.

– Я не могу тебя прощать, потому что я тебя ни в чем не упрекаю. Может, выпьем крепкого кофе или чая с бергамотом? Сегодня утром тут удивительно тихо. Мирей не спускается на кухню со второго этажа, Лора тоже, да и дети всё еще спят.

– Еще слишком рано. Я вообще-то поднялась, чтобы выпить чаю, а то у меня во рту пересохло. Тошан, наверное, лег вчера очень поздно: он даже не пошевелился, когда я вылезала из постели.

– Давай воспользуемся тем, что нам никто не мешает, – сказала Киона, соскакивая с дивана. – Я обещала детям, что устрою для них сегодня после обеда кукольное представление при помощи тех кукол и декораций из папье-маше, которые Лора подарила в прошлом году Констану. Мне еще нужно найти этих кукол на чердаке.

Она протянула руку Эрмин, и та, почувствовав облегчение, посмотрела на нее ласковым взглядом.

Час спустя Киона уже шла по берегу озера. Она только что вышла из кухни, в которой собрались все проголодавшиеся домочадцы. Мирей и Лора разрывались на части, пытаясь одновременно накормить завтраком Одину, Мадлен, четырех малышей, сестер-близняшек, Тошана, Жослина, Мукки и Луи. А вот Людвига на кухне не было.

– Я слышал, как он поднялся очень рано, – пробурчал Луи, проснувшийся в дурном расположении духа.

– Пойду его поищу, – сказала Киона равнодушным тоном. – Он вряд ли ушел куда-то далеко.

Акали тут же пообещала ей присмотреть за Аделью и Констаном, поскольку Эрмин поднялась на второй этаж, чтобы привести себя в порядок и одеться.

«Весь мой клан собрался в Робервале!» – подумала Киона, наслаждаясь своей прогулкой, в которой компанию ей составлял лишь

фокстерьер.

Она забавлялась тем, что придумывала для каждого его роль – так, как будто они собирались жить вместе в глубине леса. «Тошан и Мукки были бы охотниками, Одина – старейшиной и знахаркой, Эрмин, конечно же, пела бы для всех, а папа... Хм, а какая польза могла бы быть от папы? Он разводил бы огонь и поддерживал его. Мадлен и Акали присматривали бы за детьми, а Лоранс рисовала бы красивые узоры на шкурах, из которых были бы сделаны наши вигвамы и туники. А вот чем могла бы заниматься Нутта, я не знаю... Возможно, она ловила бы лососей и собирала бы ягоды. Что касается Лоры, то она провозгласила бы себя вождем нашего племени... Остается Луи. Ага, я и его отправлю ловить рыбу, хотя и сомневаюсь, что он что-то поймает: уж больно он неловкий и нетерпеливый».

Фокстерьер начал лаять, но как-то так беззлобно, даже по-дружески. Киона, оглядевшись по сторонам, заметила, что вдалеке выходит из воды какой-то мужчина, одетый в полотняные шорты. С шорт стекала вода. Шевелюра мужчины была зачесана назад. Несмотря на то, что расстояние от Кионы до этого мужчины было довольно большим, Киона была уверена, что это не кто иной, как Людвиг. Она узнала его по фигуре и по легкой, почти женской походке. Киона увидела, как он натянул свитер и стал вытирать голову полотенцем.

«Я забыла причислить и его к нашему клану. Да и про саму себя забыла. Пустяки! Это ведь была всего лишь детская игра!» – подумала Киона.

Она подошла к Людвигу, но намного раньше к нему подбежал Фокси, взбудораженный ветром и акробатическими полетами недоступных для него чаек, в чьи крылья он с удовольствием вцепился бы зубами.

– Доброе утро! Все завтракают! – сказала она. – Адель спросила меня, куда ты подевался. Она, похоже, волнуется. Ей нужно уделять внимание, потому что она очень впечатлительная! Раз у нее уже нет матери, она еще больше, чем раньше, нуждается в отце.

Людвиг посмотрел на Киону ошеломленным взглядом и сказал в ответ странные слова:

– А еще она нуждается в Кионе, которую мать Адели попросила позаботиться о своих детях. Ты сама вчера это сказала. Почему же ты тогда пошла искать меня, вместо того чтобы остаться с Аделью?

Киона, удивившись такому заявлению Людвига, ответила резким тоном:

– Я поднялась с постели первой и уже успела выпить кофе и съесть

бутерброд. Поверь мне, сегодня утром о твоих детях есть кому позаботиться.

– Не сердись, Киона, я просто немножко тебя поддразнил. Воспринимай мои слова как шутку. Я удрал сюда, потому что мне захотелось поплавать. Это очень полезно для здоровья.

Киона знала, что он говорит правду. Смущаясь из-за того, что слегка вспыхнула, она улыбнулась Людвигу с извиняющимся видом.

– Кроме того, хотя я не осмелилась сообщить об этом вчера вечером своим родственникам, Шарлотта попросила меня позаботиться и о тебе. Так что если кому-то следовало отправиться тебя разыскивать, так это мне, – попыталась, в свою очередь, пошутить Киона.

Людвиг присел на песок и скрутил себе папиросу. Киона осталась стоять и повернулась к огромному озеру Сен-Жан.

– Это вообще-то странно! – сказал Людвиг.

– Да, я знаю. Я сидела на пляже, а Адель и Томас забавлялись тем, что бросали гальку в озеро. И тут вдруг я услышала голос Шарлотты. Она звала меня по имени. Шарлотта предстала предо мной в зеленом платье – том самом платье, в котором мы ее похоронили. Она была очень красивой, а на лице у нее было безмятежное выражение.

Киона вкратце пересказала Людвигу свой диалог с усопшей, упомянув о том, что Шарлотта уже больше никогда не будет появляться перед ней, Кионой.

– Она вела себя так, как будто хотела побыстрее вознестись на небо и получить там небесное прощение, о котором нам ничего не известно.

– Мне было очень интересно все это узнать. Спасибо тебе. Имей в виду, что я никогда не подвергал сомнению то, что ты говоришь. Никогда. Ты – медиум, а медиумы могут общаться с мертвыми.

– А ты хоть и не медиум, но все же смог узнать жуткую правду об истинной причине этих преждевременных родов. Как у тебя это получилось? Я прочла о том, что ты знаешь правду, в твоих мыслях.

– Когда я пришел сообщить Онезиму, что его сестра мертва, он выбежал из дому. Иветта удержала меня за рукав рубашки. У нее на лице было какое-то безумное выражение. Она заикалась и дрожала. Она сказала мне, что это ее вина, потому что она посоветовала Шарлотте вытолкнуть из себя плод и объяснила, как это сделать. Она попросила меня простить ее и не выдавать никому эту тайну. Я пообещал ей никому ничего не рассказывать и ушел злой как черт. Я до сих пор еще злюсь, Киона. Я отправлюсь работать с Тошаном, потому что мне нужно уехать из этого места. Осенью я напишу своим родителям, сообщу им, что овдовел, и

попрошу денег на дорогу обратно. Хочу вернуться в Германию и воспитывать своих детей у себя дома, в кругу своих кровных родственников. В Квебеке мне больше делать нечего.

Киона постаралась остаться невозмутимой, несмотря на недомогание, которое начало одолевать ее и с которым она стала изо всех сил бороться. Это недомогание заключалось в том, что ей, как частенько бывало раньше, становилось то жарко, то холодно, в ушах гудело, а к горлу подступил ком.

– Но в таком случае я не смогу сдержать свое обещание, – сказала Киона, чувствуя себя в густом тумане, в котором даже ее собственный голос казался ей доносящимся откуда-то издалека.

– У Адели и Томаса есть в Германии бабушка и дедушка, которые их обожают. Тебе не стоит обременять себя двумя детьми. Я их отец, и я сумею сделать их счастливыми.

– А ты там, в Германии, женишься во второй раз? – спросила Киона, подавив охватившее ее волнение, но так и не сумев заглянуть в будущее Людвигу.

– Ты, возможно, знаешь это лучше, чем я. У тебя было видение о том, что я женюсь на красивой блондинке?

– Это не смешно. Я не знаю, что тебя ждет, но не могу смириться с мыслью о том, что ты уже больше не любил Шарлотту. Любовь ведь не проходит так быстро. Ну разве что у девушек моего возраста. Лоранс целый год думала, что безумно влюблена в одного мужчину, но затем вдруг заявила, что уже не испытывает к нему никаких чувств. Примерно то же самое происходило и с Акали, и со мной. Я искренне верила, что Делсен для меня – не кто иной, как возлюбленный из «Песни песней», очень красивого стихотворения из Библии.

– И твоя мечта разбилась, Киона. Так же, как и моя.

Людвиг с меланхоличным видом свернул свое махровое полотенце и положил его себе на плечо.

– Я очень несчастен. Я потерял жену, с которой прожил восемь лет и которая родила мне двоих детей. К сожалению, с того момента, как осознал, что она сделала, я, как я тебе уже говорил, так разгневался, что этот гнев почти заглушил мои страдания.

Киона, почувствовав сильное волнение, закрыла глаза. Между нею и Людвигом происходило что-то странное. Она замечала это и раньше, однако только сейчас, в это утро, она смогла проанализировать это уже более обстоятельно. Мысли этого человека раньше были для нее зачастую доступными, если она сама стремилась в них проникнуть. Чуть более чем за месяц ей удалось обуздать свою чрезмерно развившуюся способность

читать мысли других людей. Напрягая свою волю и стараясь не контактировать с людьми физически, она умудрялась блокировать потоки таинственных флюидов. Тем не менее, если ей хотелось узнать что-то конкретное, она вполне могла проникнуть в сознание любого человека.

С Людвигом же у нее теперь было по-другому. Он, казалось, мог замкнуться в себе и закрыть ей доступ в свое сознание. «Я попыталась узнать, был ли его гнев настоящим или же он просто выставлял его напоказ только для того, чтобы лучше скрыть свое отчаяние. Но я блуждала в пустоте...» Киона с усмешкой представила себе, что, став величиной с Мальчика-с-пальчик, идет по пустыне, которая – не что иное, как рассудок Людвига.

Они неспешно пошли вдвоем в сторону дома. За ними поплелся и фокстерьер.

– Здесь мне будет очень трудно забыть о случившемся, – продолжил Людвиг. – Кроме того, у меня нет денег, а значит, я не смогу обзавестись собственным домом. Маленький рай принадлежит семье Лапуант, а не мне.

– Он принадлежит Адели и Томасу, – возразила Киона. – Ты имеешь право отвезти этих малышей к себе в Германию, однако их корни – здесь, в Квебеке. Вы с Шарлоттой были частью нашей семьи, а также семьи Шогана и Одины. Ты от всего этого отказываешься? У тебя не выработалось никакой привязанности к людям, которые приняли тебя у себя и покровительствовали тебе столько лет?

Киона снова попыталась проникнуть в мысли Людвига, и снова ей не удалось этого сделать.

– Да, конечно. Я далек от того, чтобы быть неблагодарным, но хорошее отношение ко мне моих родственников еще больше подталкивает меня к тому, чтобы уехать: не хочу быть обузой. Мадам Лора не станет содержать моих детей. Да я и не хочу, чтобы мне помогали из жалости. Я и так уже не очень-то гордился тем, что ем еду, которую приносите мне вы с Эрмин. Я рассчитывал, что смогу прокормить свою семью при помощи огорода. Теперь овощи, которые я посадил, пойдут на стол Онезима и Иветты.

Киона поняла, что Людвиг чувствовал себя униженным – причем, возможно, на протяжении многих лет, – потому что он не был настоящим главой семьи, ведь ему приходилось прибегать к помощи других людей, чтобы прокормить свою жену и детей. Кроме того, устроиться на работу по своей специальности – а он был столяром – он мог только в Германии.

– Прошлое – это прошлое, Людвиг, – сказала Киона. – Ты не виноват в том, что сложилась такая ситуация. Я хочу, чтобы ты знал: мы сделаем для тебя все, что будет нужно. Подумай о своих двух малышах. Если они

проживут у нас до зимы, они к нам ко всем привыкнут. Адель пойдет в школу, у нее там появятся подруги, и тут вдруг ты ее и Томаса куда-то увезешь – увезешь после того, как у них уже начнется размеренная жизнь без каких-либо потрясений и невзгод.

Киона с Людвигом подошли к ограде сада Лоры, где розы в этот утренний час испускали чудесный аромат.

– Зачем ты это говоришь? – прошептал Людвиг.

– Адель рассказала мне кое-что невеселое. Она в последнее время боялась своей матери. В Германии ты, похоже, упрекал жену за то, что она плохо обращается с вашей дочерью.

Людвиг побледнел, а его светлые глаза наполнились слезами. Он, казалось, растерялся. Киона наконец смогла прочесть его мысли. «Он не понимает, почему в его отношениях с Шарлоттой настал крах. Их любовь постепенно угасла и переросла в сплошные муки. Он не ладил с Шарлоттой до ее смерти целых два года – два года супружеского ада. Вот о чем он сейчас думает».

– У Адели не было оснований врать, – тихо сказал Людвиг. – Я очень болезненно воспринимал то, что она чувствовала себя несчастной. Если я пытался вмешиваться, начинались крики и слезы. Это приводило в ужас Томаса.

Киона покачала головой и, проникнувшись состраданием, машинально прикоснулась ладонью к руке Людвига.

– Поступай так, как сам считаешь нужным. Я всегда буду тебя поддерживать.

– Спасибо, маленькая Киона. Не обижайся, я называю тебя так в память о той девочке, которая ездила на своем пони в Валь-Жальбере. Ты, кстати, хорошо поспала на диване?

– Да, но...

– Я обнаружил тебя в саду, но будить не стал, а отнес на руках в гостиную. Подниматься на второй этаж я не решился, потому что не знал, где находится твоя комната... Ну да ладно. Я пойду в дом, а то бутерброды закончатся.

Пройдя в одиночку вдоль белой ограды, украшенной цветами, он вошел в калитку, вспоминая при этом, как ему было приятно прижимать к себе спящую Киону и чувствовать ее теплую круглую щеку на своем плече. Когда он переступал порог дома, у него мелькнула мысль, что он несет на руках не просто девушку, а настоящее сокровище – такое сокровище, на которое бедный человек может лишь таращиться, даже и не мечтая им завладеть.

Киона не стала смотреть Людвигу вслед. Она погладила кончиками пальцев одну особенно пышную розу, на ярко-красных лепестках которой виднелись капли росы, похожие на настоящие жемчужины. Киона надеялась стереть все следы незнакомого ей ощущения, которое возникло у нее, когда она прикоснулась к руке Людвига.

«Нет, нет, нет, тысячу раз нет!» – стала твердить она сама себе.

Роберваль, дом семьи Шарденов

Эстер вошла бесшумно через главную входную дверь, которая была открыта. Овид остался ждать ее в своей машине, припаркованной на бульваре Сен-Жозеф. Эстер хотела забрать свой чемодан и несколько вещей, которые она купила в Робервале после своего приезда в этот поселок. Поднявшись на крыльцо, она услышала, что из гостиной доносятся громкие голоса, и это заставило ее остановиться. Она стояла, не зная, как поступить: пойти дальше или повернуть назад. Если она появится сейчас в гостиной этого дома, это может смутить его обитателей, которые, похоже, что-то оживленно обсуждают, а если сразу же поднимется на второй этаж по лестнице и не зайдет в гостиную поздороваться, это будет невежливо. Самое худшее же заключалось в том, чтобы стоять здесь, на крыльце, и волей-неволей слышать голоса, без труда узнавая, кто это говорит.

– Большой рай будет готов к зиме, – заявлял Тошан. – Людвиг с этим согласен, он отдает мне дрова, которые нарубил в Валь-Жальбере, а также сухие стволы деревьев, срубленных три года назад. Я арендую у Онезима его грузовичок.

– Но этого вам не хватит на всю зиму, – возразил Жослин. – Зачем вы упрямитесь, зять?

– Папа, у меня есть сбережения, – вмешалась в разговор Эрмин. – Мы собираемся купить дров в поселке Перибонка, их доставят нам в начале декабря. Что касается продуктов питания, то я уже рассчитала, сколько и чего нам в самом деле потребуется.

– Я согласна с мнением Жосса, что это глупо! – воскликнула Лора. – Кроме того, вы потакаете прихотям ваших дочерей и записываете их в лицей в Квебеке. А еще вам не мешало бы сказать Бадетте, что она должна приглядывать по субботам и воскресеньям за этими двумя юными ветреницами. Откровенно говоря, я вас не понимаю!

Последовало молчание. Эстер кашлянула и, стуча каблучками, вошла в гостиную.

– Добрый вечер! Сожалею, что мне пришлось приехать сюда так

поздно, но график моей работы в санатории изменился. Я приехала забрать свои вещи. Начиная с сегодняшнего вечера я буду жить на улице Марку.

Лора с раздосадованным видом встала с кожаного кресла, на котором она во время разговора сидела, словно председательствующий на собрании.

– Я провожу вас на второй этаж, Эстер. То, что вы покидаете нас, меня огорчает, хотя я и признаю, что вам необходимо иметь свой собственный уголок, – сказала Лора, беря Эстер за руку. – Господи, никому меня не жалко. Шарлотта умерла. Нам следовало бы извлечь из этого события урок для себя и стать ближе друг к другу, но мы этого не сделали. Моя дочь уезжает от нас завтра утром, причем уезжает в лесную глушь, подальше от нас.

– Лора, прекрати! – рявкнул Жослин. – Ты говоришь глупости. Эстер может понять твои слова превратно. Согласись, что можно по-разному понимать фразу «в лесную глушь».

– Не беспокойтесь, месье, я все поняла правильно, – сказала Эстер. – Речь идет о Большом рае, который находится на берегу Перибонки.

– Вот видишь, Жосс! Я говорю отнюдь не на китайском языке, – покачала головой Лора.

Эстер пошла вслед за ней на второй этаж. Она успела заметить Эрмин в черном платье и с распущенными волосами, Тошана, сидящего на табурете возле пианино, Людвига Бауэра, Мукки и Луи. Отсутствовали только девушки-близняшки и Мадлен.

– Боже мой, все идет кривь и вкось, – заявила своенравная фламандка, как только она и Эстер вошли в комнату на втором этаже. – Впрочем, в каждой драме есть и что-то хорошее. Акали – та юная индианка, которая передумала становиться монахиней – вызвалась стать у меня домработницей вместо той, которая у меня сейчас. Она собирается выйти замуж следующей весной или следующим летом, а потому, естественно, хочет заработать немного денег. Я пообещала ей в качестве свадебного подарка сервиз и комплект постельных принадлежностей.

– Это очень любезно с вашей стороны, Лора, – сказала Эстер, вытаскивая из шкафа свои личные вещи.

– Мирей ликует, потому что ненавидит нашу нынешнюю домработницу. У Акали имеется одно явное преимущество: она будет жить здесь и поэтому сможет помогать мне более эффективно. Наша дорогая Мирей займется главным образом приготовлением пищи, тем более что это ее конек. А вот мой зять и моя дочь становятся безрассудными. Они твердо решили, что проведут зиму вчетвером: он, она и их дети Констан и Катери. Получается, что Констан не пойдет в этом году в школу, а это прискорбно.

Думаю, им составит компанию Одина! В ее возрасте она не захочет проводить снежные зимние месяцы в горах. Короче, моя дорогая подруга, я в полном смятении. А как дела у вас? Думаю, в этой вашей спешке насчет съема квартиры на улице Марку и переезда туда отчасти виновата я. Я создала вам затруднения тем, что перестала пускать в свой дом Овида Лафлера.

Эстер закрыла свой чемодан и теперь сворачивала летние платья и шерстяную кофту, чтобы положить их в матерчатую хозяйственную сумку.

– Лора, вы отреагировали абсолютно нормально – так, как должна реагировать бабушка, стремящаяся оберегать свою внучку. У нас с вами довольно близкие отношения, и поэтому я могу сказать вам, что Овид поведал мне о том, что произошло между ним и Лоранс. Он очень сердился на самого себя и продолжает сердиться. Минута слабости... У кого из нас их не было?!

Лора с изумленным видом всплеснула руками.

– Он вам об этом рассказал? Ну что же, он, по крайней мере, честен. Я согласна с вами, Эстер, насчет минут слабости, однако когда сорокалетний мужчина допускает подобную слабость по отношению к шестнадцатилетней девушке – это ненормально. Слава богу, Лоранс, похоже, уже забыла о том, что было для нее всего лишь мимолетным увлечением.

– Ну да, она ведь еще так юна! Моя дорогая Лора, я благодарю вас за гостеприимство и за ваше дружеское отношение ко мне. Я буду часто к вам приезжать, и мы будем болтать за чашкой чая. А сегодня вечером я спешу. Меня ждет Овид.

– Вы его любите?

– Думаю, что люблю.

– Ну, тогда будьте счастливы. Вы этого заслуживаете. Вероятно, он тоже вас любит, а иначе у вас не был бы такой довольный вид. Не тратьте много времени внизу, в гостиной, на то, чтобы попрощаться. Вы, в общем-то, становитесь нашей соседкой, и видеться мы будем часто.

– Договорились. Передайте от меня привет Мадлен и четверем девушкам, которых в гостиной не было.

– Мадлен, должно быть, пошла молиться, а девочки прогуливаются по пляжу. У них есть о чем друг с другом пооткровенничать. Такой уж у них возраст.

Эстер вскоре оказалась лицом к лицу с Эрмин: та, увидев, что Эстер направляется к ней, поднялась со своего кресла. Неожиданная смерть Шарлотты отодвинула в сознании певицы на второй план все остальное, и

она уже почти забыла об Эстер. Кроме того, пробыв несколько дней в Большом раю, она ничего не знала о романе, начавшемся между ее бывшим робким воздыхателем и Эстер.

– До свидания, Эстер, – вежливо сказала она. – Вчера на похоронах я видела вас лишь мельком. Спасибо за то, что пришли.

– Не за что. Я была мало знакома с вашей подругой, но я сочувствую вам всем своим сердцем.

– Я вам верю, – вздохнула Эрмин.

Недолго думая, она поцеловала ту, которую еще совсем недавно считала своей соперницей.

Тошан, растроганный поступком своей жены, решил последовать ее примеру и громко чмокнул Эстер в обе щеки.

– Будьте мужественной! Первая зима в Квебеке наверняка станет для парижанки чем-то умопомрачительным! – пошутил Тошан. – На что вам следует обратить особое внимание в своем доме – так это на отопление.

– Я последую вашему совету.

Эстер пожала руку Жослину, Мукки и Луи. Наконец дошла очередь и до Людвига. После недолгих колебаний она пожала его протянутую руку.

– Примите мои соболезнования, месье. Я, следуя примеру Тошана, могу всего лишь пожелать вам быть мужественным.

Красивый немец уже знал из рассказов Эрмин, что Эстер Штернберг была узницей в концентрационных лагерях. Он посмотрел на нее своими светло-голубыми глазами и сказал торжественным тоном:

– А я, мадемуазель, хотел бы попросить у вас прощения от имени своего народа, пусть даже очень многие немцы – как, например, мои родители – ничего не знали о тех зверствах, которые совершались в Третьем рейхе. Один из моих дядей умер в Дахау. Его отправили туда, потому что он выступал против нацистского режима. Еще раз прошу у вас прощения от имени своих соотечественников!

Произнеся эти слова, он слегка поклонился, а его голос задрожал. Эстер, сильно смутившись, отступила назад. Она не смогла ничего сказать в ответ. Ей показалось, что ее выставили напоказ голой, что она снова стала юной изможденной мученицей, терзаемой болью и ненавистью.

– До свидания, – сказала она.

Затем Эстер повернулась и быстро вышла из гостиной.

Сразу же после ее ухода воцарилась гробовая тишина. Людвиг, понимая, что причиной такого ее поведения были его слова, посмотрел на Тошана и спросил:

– Я сделал что-то не так?

– Нет, старина, все было правильно. Просто Эстер хотела сохранить в тайне кое-какие эпизоды из своего прошлого. Мы отнеслись к этому решению с уважением. Похоже, кое-кто проболтался, – усмехнулся метис.

– Я не мог этого знать, – сокрушенно покачал головой Людвиг. – Извините меня, я пойду подышу свежим воздухом.

Берег озера Сен-Жан, тот же вечер

Мари-Нутта развела костер из маленьких веточек, которые насобираала, пока шла по берегу с Лоранс, Акали и Кионой. Из этих четырех девушек она была единственной, кто еще не мечтал о любви, и даже гордилась этим. Глядя своими зеленовато-голубыми глазами на пляшущие языки пламени, она рассуждала:

– Я не сентиментальна, и тем лучше для меня. У меня есть одна страсть: фотосъемка. Я сделаю ее своей профессией. Позднее, если я встречу мужчину, который мне понравится, я подумаю, как мне поступить. А вот вас троих я не понимаю.

– Нутта, три года назад, когда Делсен крутился возле Большого рая, ты считала этого парня очень красивым! – напомнила Акали.

– Да, но примерно так же, как я могу счесть красивым пейзаж, животное или любого человека как мужского, так и женского пола. Когда я думаю о Делсене, мне приходит в голову мысль, что его можно было бы рассматривать как интересный пример того, как выглядят индейцы монтанье в наше время. Кроме того, вполне можно признавать, что юноша очень красив, но при этом не терять голову и не влюбляться в него. Откровенно говоря, Лоранс, я никак не могу поверить в то, о чем ты мне только что рассказала. Ты ведь могла утонуть – утонуть из-за какого-то там Овида Лафлера! Надеюсь, что ты нам не врешь и что это не было осознанной попыткой совершить самоубийство.

– Уверяю тебя, что не было. Спроси у Кионы, она прекрасно почувствовала, что я говорю правду. Я не хотела накладывать на себя руки. Я была безумно влюблена, это верно, но не до такой степени, чтобы принести подобное горе маме, папе и тебе, моей сестре. Знаешь, недавние события дали мне понять, как сильно я нуждаюсь в твоих советах и твоей поддержке. Если бы ты в тот период была здесь, рядом со мной, я бы страдала намного меньше. Сейчас я задаюсь вопросом, как я могла испытывать такие сверхсильные чувства. Я заблудилась в своей мечте и не отдавала себе отчета в том, что Овид далек от того, чтобы меня любить. Он всего лишь был обо мне высокого мнения – что, впрочем, само по себе уже хорошо.

Акали слушала своих подруг, глядя на костер. Смуглая кожа ее красивого лица казалась золотистой из-за падающего на нее света пламени. Она была одета в желтую блузку и широкую бежевую юбку. В этот тихий летний вечер ей хотелось быть рядом с Антельмом.

– Лоранс, ты и в самом деле его больше не любишь? – спросила Акали, поеживаясь от того, что начал дуть прохладный ветер.

– Все стало другим. Он мне по-прежнему очень нравится, но уже не хочется ни выходить за него замуж, ни ложиться с ним в постель... В самом худшем случае, раз уж он увлечен Эстер Штернберг, я подожду года четыре или лет пять, и когда она ему надоест, я стану его любовницей.

Она разразилась нервным смехом, чтобы всем стало понятно, что это была всего лишь злая шутка.

– Если ты станешь его любовницей, тебе придется ложиться с ним в постель, – заметила не без иронии Мари-Нутта.

– Я пошутила!

– Может, и пошутила, – вмешалась в разговор Киона, до сего момента молчавшая. – Вообще-то ты права, Нутта, мы еще слишком юные для того, чтобы любить. Кроме тебя, Акали: тебе ведь уже двадцать лет.

– Но вообще-то маме было столько же лет, сколько и нам, когда она вышла замуж за папу, – напомнила Лоранс.

– Это, скажем так, всего лишь вопрос полового созревания, – сказала ее сестра-близняшка. – Времена изменились. Раньше девушки выходили замуж в пятнадцать лет, и затем они приблизительно каждые полтора года рожали детей. Бабушка Лора сказала мне, что у ее матери – там, в Бельгии, – было девять детей, из которых до взрослого возраста дожили только четверо. Смерть Шарлотты привела меня в ужас. Не знаю, захочу ли я когда-нибудь забеременеть.

Киона не стала участвовать в дальнейшем разговоре, когда девушки стали обсуждать необходимость продлевать род человеческий, а также те опасности и радости, которые с этим связаны. Она разглядывала большое озеро Пиекоиагами, поверхность которого поблескивала при свете луны. Ей показалось, что она снова видит, как из воды выходит Людвиг – высокий, худой, с лицом, осунувшимся от пережитого им горя. Этот мужчина был для нее загадкой: ее изумляла его способность закрывать для нее двери своего рассудка и сочетать безграничную доброту с периодическими проявлениями жестокости.

– О чем ты думаешь, Киона? – воскликнула Акали. – У тебя странное выражение лица – такое, как будто ты сердисься.

– Да, я сержусь на саму себя. В последние несколько дней в моей

голове какой-то хаос. Но ты лучше скажи-ка, когда ты познакомишь нас со своим дорогим Антельмом.

– Никогда! Вы слишком уж красивые, – ответила, улыбаясь, молодая индианка.

– Какая ты глупая! – воскликнула Мари-Нутта, ущипнув Акали за предплечье. – Лично мне нужно, чтобы ты мне кое-что объяснила. Когда я уезжала в Квебек, ты жила в монастыре. Когда я вернулась, ты уже находилась здесь и обзавелась модной прической и, кроме того, женихом.

– Это удивительная история, – начала рассказывать Акали. – Антельм приносил в монастырь почту, и я часто видела его там. Вскоре я уже стала поджидать его и прихорашиваться перед тем, как брать у него письма. А еще весной я вызвалась работать в саду, потому что это давало мне возможность встречаться с ним. Он, со своей стороны, совершал примерно такие же маневры, особенно в те дни, когда я водила учениц на прогулку. Как вы помните, мне очень нравился Людвиг, когда он жил вместе с нами в Большом раю, но в этом случае все было совсем иначе. Мне кажется, что мы с Антельмом испытываем абсолютно одинаковые чувства, нас волнуют одинаковые проблемы. Как только я с ним пообщалась, я поняла, что мы должны связать наши судьбы. Как-то раз наши ладони случайно соприкоснулись и я почувствовала, что между нами словно бы проскочила искра. Я почувствовала, что меня тянет к нему и что я испытываю удивительную необходимость в его нежности. Господи, как я мечтаю о совместной жизни с ним! Я буду варить суп, гладить его рубашки, лежать рядом с ним в постели, вставать утром раньше него и готовить ему кофе...

– Какие у тебя жалкие планы! – вздохнула Мари-Нутта.

– Ты ошибаешься. Я думаю, что если люди по-настоящему любят друг друга, то эти обычные жизненные эпизоды приносят им много счастья.

– Как же ты уверена в себе самой и в нем, Акали! – удивилась Киона.

– Разве я в чем-то неправа? У тебя было видение о том, что мы с Антельмом в будущем не будем вместе? Скажи мне, Киона, я хочу это знать.

– А что бы ты стала делать, если бы у меня и в самом деле было такое видение? – раздраженно воскликнула Киона. – Ты бросила бы Антельма и вернулась бы в монастырь, да? Чем больше я думаю о своем даре предвидения, тем больше он мне кажется опасным и пагубным. Я ведь могла бы рассказать тебе черт знает что, Акали, а ты бы мне поверила, и из-за того, что я тебе сказала бы, твои чувства изменились бы, и ты уже стала бы бояться общаться с парнем, который тебя любит. Как бы там ни было, мне это уже надоело. Я не могу больше быть человеком, который все знает,

который все предвидит, который читает ваши мысли. Мне это уже надоело, понимаете? Если вам уж очень хочется знать, *что* вас ждет, я могу вам это сказать. Ты, Нутта, станешь журналисткой, поедешь работать во Францию и будешь поначалу жить у Бадетты, потому что она скоро вернется в свою родную страну. Ты, Акали, будешь счастлива со своим мужем, и мы еще попляшем на твоей свадьбе, которая будет проходить дома у его родителей в Шикутими. А тебя, Лоранс, я, возможно, огорчу, потому что скажу тебе, что ты никогда – никогда! – не будешь любовницей Овида Лафлера. Ты станешь учительницей рисования в Монреале, и некто Реаль – друг Мукки, который тебе очень нравится – примерно через год заставит тебя забыть о Лафлере. Ну что, вы довольны? Разве вам теперь будет интересно жить, если вы уже знаете, что вас ждет в будущем? Я знаю все это про вас, но – к сожалению! – у меня не возникало даже малейших предчувствий относительно того, что Шарлотта умрет тогда, когда я буду спокойно спать на берегу реки Уиатшуан. Это прозвучит, наверное, ужасно, но я полагаю, что ее судьба заключалась в том, чтобы умереть в тот вечер в полном одиночестве, без наших прощальных поцелуев и без прощальных слов человека, которого она обожала. Вот так вот! А теперь оставьте меня в покое!

Киона встала и, со слезами на глазах и прерывисто дыша, убежала прочь. Ей сейчас хотелось только одного: исчезнуть, раствориться в ночи, шагать куда-нибудь до изнеможения – до такого изнеможения, которое она почувствовала, когда очень долго ехала на велосипеде, украденном у китайских поваров после того, как ударила топором и – как она тогда думала – убила Делсена. Остальные три девушки с изумленным видом посмотрели ей вслед, обратив внимание на то, что она побежала не к дому Лоры, а в противоположном направлении.

– Смотрите, она уходит с пляжа и направляется на улицу, – заволновалась Лоранс. – Пойдемте вслед за ней.

– Нет, она хочет, чтобы ее оставили в покое, – возразила Акали.

– Нужно дать ей возможность успокоиться, – сказала Мари-Нутта. – Скажите, как вы думаете: Киона сказала нам правду или же она, рассердившись, болтала что попало? Мне кажется, что она не решилась бы сделать это – бросить нам наше будущее прямо в лицо.

– Меня больше волнует то, что происходит с ней самой, – покачала головой Лоранс.

– Она терзается из-за смерти Шарлотты, и это вполне объяснимо, – заявила Акали. – Я уверена, что она вскоре вернется сюда. Нам нужно всего лишь подождать ее здесь, возле костра. К нам сюда скоро должны прийти

Мукки и Луи.

Киона шла по бульвару Сен-Жозеф, держа руки в карманах своих штанов. Она беззвучно плакала, чувствуя облегчение оттого, что может пролить так много слез, вместе с которыми из нее постепенно выходили раздражение и горе. Если бы кто-нибудь увидел ее в этот момент, он принял бы ее за выдающуюся женщину, а не за девушку в возрасте шестнадцати с половиной лет. Черты ее лица посуровели, выражение янтарных глаз стало свирепым, а рот был приоткрыт так, как будто она собиралась вскрикнуть от негодования и бессильного гнева.

Она решила пойти одна в Валь-Жальбер, хотя уже и было темно. Она не боялась больше ничего.

«Я потеряла свою маму. Парень, про которого я несколько лет думала, что люблю его, попытался меня изнасиловать и даже уничтожить. Из-за меня умерла Шарлотта – да-да, из-за меня», – думала Киона.

Она зашагала более легкой походкой. Она с удовольствием прошла бы так много-много километров, однако у нее была конкретная цель, и она собиралась ее достичь. Ее измученная душа жаждала снова увидеть Валь-Жальбер. Там она сможет прижаться к своему коню и заночевать на лугу, на котором он пасется, под старой яблоней, защищающей днем этого коня от солнца. Ее убаюкает доносящийся издали еле слышный шум водопада, и царящее вокруг безмолвие заставит замолчать тихий внутренний голос, терзающий ее вот уже несколько дней. Киона мысленно пообещала себе, что вернется в дом своего отца на следующий день, поскольку ей вообще-то нужно заботиться об Адели и Томасе. Устроенный ею кукольный спектакль детям очень понравился. Даже Катери, подражая Констану, смеялась и хлопала. Чувствуя на себе наивные взгляды четырех малышек, Киона вспоминала свое собственное детство – а точнее, те его восхитительные моменты, когда она играла в куклы с сестрами-близняшками и Акали или же когда вместе с Луи кормила сеном пони по имени Базиль.

«Детский смех – это настоящее благословение, лучшее из целебных средств, – прошептала Киона. – Возможно, мне следовало бы находиться рядом с ними с утра до вечера и спать возле их кроваток. Да, быть может, именно благодаря им со мной не будет происходить уже ничего плохого».

Вскоре она уже зашагала по дороге, ведущей в Валь-Жальбер вдоль полей, которые люди превратили в пашни еще в начале века.

– Моя сестра Эрмин одарила меня своей любовью, она спасла меня и оберегала, – довольно громко сказала Киона. – Мне хотелось бы сделать то же самое для этих двух маленьких детей, позаботиться о которых меня

попросила их мать! Если им все-таки суждено отсюда уехать, я буду заботиться о них вплоть до отъезда.

Где-то рядом заухала сова: эту птицу испугал голос Кионы, довольно отчетливо прозвучавший в ночной тишине. Затем послышались чьи-то осторожные шаги: какое-то животное (а может, даже несколько), тоже испугавшись появления незваной гостьи, предпочло ретироваться в глубь леса. Киона, почувствовав, что у нее лихорадочно заколотилось сердце, положила ладони себе на грудь. Она почти ничего не ела с самого утра. Ее организм, измученный часто случавшимися с ней, Кионой, недомоганиями, иногда давал небольшие сбои.

«Остановлюсь-ка я ненадолго и порассматриваю звезды. А затем опять пойду в Валь-Жальбер. Фебус будет рад меня видеть, и на рассвете я проскачу на нем галопом по пустынным улицам поселка! Но сначала мне нужно немножко помечтать».

Пару минут спустя она снова зашагала по дороге, пошатываясь, словно пьяная, и задрал голову к небу. Послышался шум приближающегося автомобиля. Людвиг, сидевший за его рулем, с удивлением узнал в свете автомобильных фар Киону.

– *Mein Gott!* – воскликнул он, тормозя так резко, что «Линкольн Континенталь», после того как колеса были заблокированы тормозной системой, проехал немного юзом. – Киона!

Людвиг стремительно выскочил из машины и схватил Киону за плечи.

– Почему ты идешь прямо посередине дороги? Хочешь попасть под колеса и погибнуть, да?

– А ты что здесь делаешь? – сердито сказала в ответ Киона. – Это близняшки тебе сказали, что я ушла?

– Нет, я одолжил машину у твоего отца, чтобы забрать свою одежду из Маленького рая, потому что я уезжаю завтра с Тошаном. Мне также нужны мои столярные инструменты... Киона, я тебя едва не задавил.

Поскольку Киона стояла неподвижно, Людвиг решил подвести ее к дверце машины и усадить на переднее пассажирское сиденье, а для этого обхватил рукой за талию.

– Я тебе уже сказала, чтобы ты никогда больше ко мне не прикасался! – выпалила Киона угрожающим тоном. – Объясни мне, почему ты едешь в такое время в Валь-Жальбер, куда я решила пойти пешком.

– Мне кажется, тебе следовало бы обратиться к врачу, и поскорее. Ты, похоже, потихоньку сходишь с ума. Садись в машину.

Киона с решительным видом отрицательно покачала головой. Затем она показала на окружающий их полумрак и тихим голосом заявила, что

доберется туда, куда ей нужно, сама.

– Я в последнее время совсем забыла Фебуса, моего коня. Я сегодня переночую на лугу, на котором он пасется, пообщаюсь с ним, а завтра отправлюсь на прогулку верхом. Но я быстро вернусь в Роберваль, чтобы быть рядом с твоими детьми. Они очень расстроятся из-за того, что ты уедешь! Ты попросил Лору, чтобы она приютила их у себя? Почему? Почему ты оставляешь их и уезжаешь, если они только что потеряли свою мать?

Людвигу показалось, что Киона бредит. Ее взгляд был направлен куда-то в пустоту, а губы дрожали. Его охватило чувство сострадания, и он благодаря этому чувству догадался, что после смерти Шарлотты Киону время от времени охватывает паника.

– Если бы я был твоим отцом, то заставил бы тебя отдохнуть недельку, лежа в постели, и при этом есть побольше! – заявил Людвиг. – Садись, я довезу тебя до твоего коня. Но вообще-то я предпочел бы доставить тебя домой. Если ты не предупредила своих родственников, они будут волноваться.

Киона послушно уселась на переднем пассажирском сиденье. Когда Людвиг тоже сел в автомобиль на место водителя, она вдруг нервно рассмеялась.

– Представляешь себе, какая бы возникла ситуация, если бы ты меня сейчас задавил насмерть? Как можно было бы объяснить моим родственникам, что абсолютно случайно я оказалась на дороге, по которой ехал ты? – сыронизировала Киона.

– Тебе совсем не идет быть глупой и злой, – сказал в ответ Людвиг. – Мне хочется дать тебе пощечину, когда ты разговариваешь подобным тоном и насмехаешься надо мной. Ты это делаешь умышленно, чтобы к тебе уже не относились, как к ангелу?

В этих словах Людвиг было столько правды и справедливости, что Киона не нашлась что ответить.

– А еще с твоей стороны не очень любезно отправляться на прогулку верхом в то утро, в которое мы будем садиться на пароход.

– Кто это «мы»?

– Бабушка Одина, Мукки, Луи, Тошан и я. Эрмин решила остаться еще на недельку-другую в Робервале. Ты не присутствовала при важном разговоре, который начался после того, как приехала и затем уехала Эстер. Я, сказав что-то неуместное, обидел ее. Я вышел из дома вслед за ней, чтобы принести свои извинения, но не смог ее догнать: она сидела в машине месье Лафлера, которая уже отъехала. Когда я вернулся, мадам

Лора сообщала всем, что дарит твоему брату грузовик вместе с приспособлениями, которые помогут ему ездить снежной зимой. Твоя мачеха очень упряма. Она хочет, чтобы все праздновали Рождество в ее доме... Киона, ты меня слушаешь?

– Да, и очень внимательно. Маленькая девочка, едущая на своем пони, подчиняется немецкому солдату, спрятавшемуся в подвале дома на улице Сен-Анн.

– Я уже больше не солдат. Да я им никогда и не был, даже когда носил военную форму, – твердым голосом сказал Людвиг. – Ты какая-то странная. Ты очень изменилась!

Всю оставшуюся часть пути они ехали молча. Наконец Людвиг остановил автомобиль возле крайних домов Валь-Жальбера. Киона вышла из машины. Она была одета во все черное, и поэтому в темноте Людвиг видел лишь ее лицо и волосы, которые при луне казались еще более светлыми.

– Я приду сюда через час, – сказала она. – Позволить тебе войти в Маленький рай одному может, конечно же, только глупый и злой человек, но ты не переживай. Там тебя не ждут никакие призраки – только приятные воспоминания о тех счастливых временах, когда Шарлотта прятала тебя на чердаке и ухаживала за тобой. Она вырвала тебя из ледяного холода мельницы Уэлле, она, можно сказать, вытащила тебя оттуда на руках, была готова пойти ради тебя на какой угодно риск...

– Я все это знаю! – сказал резким тоном Людвиг. – Именно такую Шарлотту я и любил.

– Ну тогда помолчи! – потребовала Киона.

Людвиг выругался по-немецки и поехал дальше. Его пальцы еще крепче вцепились в руль, а глаза наполнились слезами.

«Она чокнутая, она сошла с ума!» – подумал он.

«Я чокнутая, я окончательно сошла с ума!» – подумала, в свою очередь, Киона.

Роберваль, тот же вечер

Эстер ходила туда-сюда по первому этажу своего дома, находящегося на улице Марку. Овид следовал за ней по пятам, разглядывая элементы конструкции дома и мебель. Дом представлял собой довольно старое деревянное здание, весьма типичное для данного региона, с относительно большой прихожей. В глубине прихожей имелась уходящая на второй этаж лестница, справа находилась дверь, ведущая на кухню, а слева – дверь в большую комнату, которую можно было использовать в качестве столовой

или же гостиной. На втором этаже были расположены две красивые комнаты, а на лестничной площадке – туалет. Дом был окружен садом, за которым виднелись дровяной сарай и еще одна хозяйственная постройка.

– Как ты думаешь, тебе понравится здесь жить? – спросил учитель.

– Ну конечно. Особенно после того, как я оборудую тут все по своему вкусу. Мне уже хочется повесить шторы.

– Сегодня вечером?

– А почему бы и не сегодня вечером? Я считаю, что шторы важны. Они создают уют.

– Уж лучше бы нам вернуться в Сен-Фелисьен.

– Нет, я намереваюсь сегодня лечь спать под собственной крышей. Ты бы сходил и принес сюда из автомобиля мой чемодан, маленький саквояж из красной кожи и матерчатую хозяйственную сумку с бамбуковой ручкой – ту самую, которую мне подарила Лора.

– На чем ты собралась здесь спать, моя дорогая? Ты надо мной подшучиваешь?

– Вообще-то я кое-что тут для себя организовала, прежде чем упасть вчера в твои объятия. Пойдем-ка на второй этаж.

Они поднялись по лестнице. Эстер открыла дверь, окрашенную в белый цвет, и Овид увидел в комнате двуспальную кровать со спинкой из медных прутьев и с периной из розового сатина. Вместо обычных подушек лежали диванные. На красивом комодe с мраморным верхом стояла ваза с великолепным букетом роз.

– Я не стану возражать, если ты скажешь, что убранство здесь довольно простенькое, но согласишься, что на этой кровати вполне можно провести ночь. Мне завтра на работу к семи утра. Отсюда до санатория ближе, чем от твоего дома.

Овид задумался. Увидев, что у изголовья кровати стоит на табурете лампа, он быстренько включил ее, а затем выключил общее освещение.

– Моя дорогая, я полностью подчиняюсь твоей воле. Надо же нам воспользоваться моим отпуском! Когда снова начнутся занятия в школе, мы уже не сможем проводить каждую ночь вместе. Скажи мне, а собственники этого дома не сообщали тебе, кто снимал его до тебя? Мне кажется странным то, что тут все в безупречном состоянии, все заново покрашено, все вычищено. То ли это собственники дома сделали косметический ремонт, то ли твои предшественники отличались любовью к порядку и чистоте.

Эстер прижалась к своему любовнику. Ее прежняя сдержанность исчезла после нескольких часов разговоров по душам и бурной ночи,

проведенной в объятиях друг друга.

– Нет, все немного сложнее, – сказала она. – Дело в том, что в этом доме лет десять вообще никто не жил, потому что два брата стали оспаривать право собственности на него после смерти родителей, раньше владевших домом. Тот из братьев, которому этот дом в конце концов достался, решил сначала привести его в порядок, а потом уж попытаться кому-нибудь сдать. Мне повезло: одна из моих пациенток в санатории сообщила мне имя и адрес этого человека, ее соседа. Этой пациентке, как мне кажется, жить осталось недолго, к сожалению, хотя ее и пытаются лечить.

Овид поцеловал Эстер в щеку. Ему хотелось оберегать ее даже от малейших неприятностей и невеселых мыслей.

– Ты не жалеешь о том, что нашла здесь именно такую работу? – спросил он.

– А чем же еще я могу заниматься? Такая уж у меня специальность. Кроме того, она создает у меня впечатление, что я работаю ради того, чтобы почтить память своей сестры. Она ведь тоже была медсестрой. А еще...

– Что еще?

– Нет, ничего.

– Эстер, ты можешь разговаривать со мной о чем угодно – даже о том, что ты пережила в концентрационных лагерях, – заявил Овид, обнимая Эстер чуть-чуть покрепче.

– Вообще-то именно благодаря тому, что я медсестра, мне удалось остаться в живых. Когда я находилась в последний год войны в Дахау и когда нацисты почувствовали, что ситуация изменилась не в их пользу, я работала в медпункте. Благодаря этому меня лучше кормили, я имела возможность спать на чистой постели, в которой не ползали ни блохи, ни вши, и я могла помогать своим товарищам по депортации. Ну, вот такое я дала тебе объяснение. Может, все-таки сходишь за моими вещами?

Эстер осталась в комнате одна. Она стала ради забавы мысленно представлять себе, где повесит картины и какой ковер постелет на пол. «Новая жизнь начинается», – подумала она, одновременно и радуясь, и нервничая.

Вскоре вернулся Овид. Он поставил ее багаж в углу комнаты.

– Ну что же, уже поздно, а потому давай быстренько подготовимся ко сну и затем «обновим» твою постель, – сказал, улыбаясь, Овид.

Начиная с предыдущего дня каждая из его улыбок согревала душу Эстер – как согревали ее и те искорки желания, которые она видела в его

зеленых глазах. Но тут вдруг ее охватила сильная тревога.

– Овид, мы с тобой сможем быть счастливыми? – спросила она. – Сможем быть *по-настоящему* счастливыми?

– А кто может похвастаться тем, что он по-настоящему счастлив? Эстер, не напускай на себя такой встревоженный вид. Если наша жизнь будет течь спокойно среди стопок книг, дымящихся чайников и теплых простыней, на которых мы станем заниматься любовью, это само по себе будет уже очень и очень хорошо.

Эстер кивнула, но с не очень-то уверенным видом. Овид протянул ей сигарету, и Эстер прикурила ее. Руки у нее при этом нервно подрагивали.

– А Лоранс? Эта девушка, наверное, тебя все еще любит. Возможно, она сильно страдает. В ее возрасте муки любви могут быть ужасными. Юные девушки забивают себе голову упоительными иллюзиями, а затем сталкиваются лицом к лицу с суровыми реалиями.

– В этом возрасте люди очень легко ставят крест на своих недавних треволнениях, чтобы затем найти для себя новую иллюзию или же более глубокие чувства, – возразил Овид. – Вчера, когда все выходили из церкви, я встретился взглядом с Лоранс. Она, по всей видимости, плакала во время богослужения: ее глаза были покрасневшими, – однако мне она улыбнулась улыбкой, в которой чувствовалась доброжелательность. Всего лишь доброжелательность. Я не увидел в этой улыбке ничего другого. По правде говоря, я не имею ни малейшего понятия о том, насколько были глубоки те чувства, которые она ко мне испытывала. Может, это было лишь мимолетное увлечение, а может, и что-то более серьезное. Я не слышал ничего о ней с того самого вечера, когда я впервые встретил тебя в доме у ее бабушки. Думаю, что этот вопрос уже закрыт.

– Тем не менее тебе следовало бы написать Лоранс письмо, чтобы извиниться перед ней.

– Я об этом подумывал, но в конце концов – скажу тебе честно – просто об этом забыл. Все произошло так быстро! Наш первый ужин вдвоем, наша экскурсия в Ла-Бе... Затем случилось это ужасное несчастье – умерла Шарлотта.

Эстер распахнула окно и глубоко вдохнула прохладный ночной воздух. Хотя она и была обязана хранить профессиональную тайну, ей захотелось открыть Оvidу правду о том, при каких обстоятельствах умерла Шарлотта.

– Давай не будем больше говорить о грустном, – сказала она. – Завтра мне нужно найти того, кто установит мне замки на дверь, выходящую на улицу, и на дверь, выходящую в сад. Я никогда не привыкну к этому вашему квебекскому обычаю не запирает двери на ключ. Я хочу

чувствовать себя в безопасности и не бояться, что ко мне кто-то может зайти без спроса вечером или даже днем.

– Я поговорю об этом с кузнецом – месье Дюфуром, – и он посоветует тебе какого-нибудь слесаря. Извини меня, моя дорогая, но я предпочитаю лично за это не браться, а то еще сделаю что-нибудь неправильно. В данный момент ты ничем не рискуешь, потому что рядом с тобой я. Я защищу тебя даже от комаров, которые прилетят в эту комнату несметными полчищами, если ты оставишь окно открытым. Иди ко мне, я тебя обниму.

Овид обхватил Эстер руками, обвил вокруг своего указательного пальца прядь ее черных – шелковистых и блестящих – волос и поцеловал ее в губы.

Валь-Жальбер, Маленький рай, тот же вечер

Людвиг закончил сортировать свои вещи. Он повесил полотняную сумку на плечо и в последний раз окинул взглядом дом, в котором пережил очень много и радостей, и горестей. Киона сказала правильно: те зимние месяцы, которые он провел когда-то в этом доме, оказались самым прекрасным временем его юности. Они с Шарлоттой страстно любили друг друга, и получаемое ими обоими удовольствие становилось еще более пикантным оттого, что они пренебрегали существующими в обществе запретами. Это была своего рода игра в прятки, в которую им приходилось играть с семьей Шарденов, жившей в ту эпоху в этом доме, и с Онезимо Лалуантом.

Людвиг со вздохом заглянул в уголок под лестницей, где спала старая ездовая собака по кличке Мало, увязавшаяся за ними в тот вечер, когда они пустились в бега после того, как Ламбер, племянник Шарлотты, их «застукал».

«Да, очень приятные воспоминания! – подумал Людвиг. – Чтобы как-то скоротать время, я писал по-немецки обо всем, что со мной происходило, в записную книжку. Куда же она подевалась, эта записная книжка?»

Он прихватил также игрушку Томаса – ослика, запряженного в повозку. Он когда-то зимним вечером сам вырезал эту игрушку из дерева на берегу Перибонки, а затем ее красиво разукрасила Лоранс. Предаваясь ностальгическим воспоминаниям, он направился большими шагами в комнату, в которой умерла его супруга. В этой комнате был наведен идеальный порядок. Узкая кровать куда-то исчезла, как будто здесь ничего трагического и не происходило. Однако Людвигу показалось, что он снова видит ту жуткую сцену: молодая мертвенно-бледная женщина лежит,

свесив одну руку с кровати – лежит так, как будто спит. Врач заявил, что она не почувствовала никакой боли. Кровотечение вызвало у нее постепенное ослабление организма со смертельным исходом.

– Шарлотта! – воскликнул он. – Не знаю, слышишь ли ты меня там, где теперь находишься. Я тебя прощаю. Да, я тебя прощаю. Мне необходимо это сделать в память о той любви, которая у нас с тобой была, и ради наших двоих детей. Прощайте, *Frau*^[30] Бауэр. Прощай, моя маленькая Шарлотта!

Произнеся эти слова душераздирающим тоном, Людвиг вышел из дома и, сев в автомобиль, поехал, опасаясь в глубине души, что Киона не придет туда, где они договорились снова встретиться. Однако она ждала его, сидя у дороги на заросшем травой склоне.

– Ну, как там поживает твой конь? – спросил Людвиг, как только Киона села на переднее пассажирское сиденье.

– Хорошо. Он передал мне немного своей силы и спокойствия, – тихо ответила Киона. – Его жизнь ему нравится: хороший луг, общение с другом Базилем, нашим старым пони, свежая вода... Но он скучает по мне. Так он мне сказал.

– Ты можешь читать и мысли животных?

– Да, могу, и ты это уже знаешь, потому что я рассказывала об этом в тот вечер, когда вернулась в Роберваль.

– Меня тогда там не было. Я возился со своими малышами здесь. Киона, я беспокоюсь о тебе.

Она молча кивнула. Черты ее лица были напряжены из-за тех душевных мучений, которые она сейчас испытывала. Людвиг повернулся и внимательно на нее посмотрел.

– Мне кажется, ты больна, – сказал он. – Киона, я знаю тебя очень хорошо. Мы ведь за последние несколько лет провели много времени вместе. Раньше ты часто смеялась, много улыбалась, и это было для всех нас все равно что солнечный свет. Ты иногда говорила что-то ужасное, но сама при этом не испытывала страха. Что заставило тебя так сильно измениться? Этот парень-индеец Делсен? Ну же, расскажи мне. Мне кажется, что ты на меня за что-то злишься. Я сделал или сказал что-то такое, что тебе очень не понравилось?

Киону эти слова Людвига сильно встревожили. Они затронули очень болезненный для нее вопрос, и она стала возражать увещательным тоном:

– Нет, Людвиг, зря ты так думаешь. Но вообще-то я очень несчастна. Кроме того, меняюсь не только я одна – меняется весь мир, который

окружает нас. Мне хотелось бы вернуться в прошлое, снова стать маленькой девочкой, которая разъезжает на своем пони по улицам Валь-Жальбера и которую ты частенько вспоминаешь. К сожалению, мы все выросли – и я, и Акали, и Лоранс, и Нутта. Сейчас я чувствую себя хорошо только в компании детей. Рядом с ними я не испытываю никакого страха. Мне нравится заставлять их смеяться и ласкать их.

Людвиг покачал головой, ничего не говоря. Ему не хотелось перебивать ее: он полагал, что ей нужно дать возможность высказаться. Они свернули с второстепенной дороги на более оживленную трассу, пролегающую вдоль озера Сен-Жан.

– Я не знаю, какая меня ждет судьба. Несмотря на все мои экстраординарные способности, у меня нет об этом ни малейшего представления. Эрмин упрекает меня за то, что я решила больше не ходить в школу, а Лора считает глупым мое намерение использовать дар ясновидения для того, чтобы помогать людям, живущим и в нашем регионе, и за его пределами. Насколько я поняла из прочитанной мной специальной литературы, я и в самом деле являюсь медиумом. Если кто-то решил наделить меня экстраординарными способностями, то, несомненно, ради того, чтобы я приносила помощь человечеству, разве не так? Однако из-за того чертового сна я не смогла предотвратить смерть Шарлотты.

– Нет, ты ошибаешься, это произошло не по твоей вине. Врач высказался по данному поводу вполне однозначно. Даже если бы она легла в больницу, то все равно бы умерла. Никто не может вернуть кровь человеку, если он потерял ее уже слишком много.

– Вообще-то я знаю, что такие попытки предпринимались, и некоторые из них закончились успехом, однако успешных попыток было ничтожно мало по сравнению с огромным числом провальных. Когда-нибудь медицина найдет решение этой проблемы.

– Это станет выдающимся событием... Значит, я все-таки прав? Ты болеешь для того, чтобы наказать саму себя? Не надо этого делать, слышишь? Если ты накажешь себя, ты тем самым накажешь всех нас.

Киона покосилась на Людвига. Он напряженно смотрел на шоссе, освещенное фарами. Киона стала разглядывать его профиль. Ее внимание привлекла прядь волос на его виске. «Мне очень хотелось бы прикоснуться щекой к его плечу и взять его за руку! – подумала она. – Вот бы прижаться к нему! Это ведь было бы всего лишь небольшим проявлением нежности».

– Ты нуждаешься в помощи, – добавил Людвиг. – Ты также должна научиться правильно пользоваться своим природным даром. Я приведу тебе пример. Еще в возрасте девяти лет я захотел стать столяром. Мой отец

дал мне свои инструменты, но не стал присматривать за мной, и я поранил себе руку. Тем не менее я снова и снова пытался работать с древесиной. Результаты работы меня все время не устраивали. Перед войной я стал подмастерьем: мой наставник давал мне советы, показывал, каким образом нужно совершать те или иные движения, руководил моей работой. Если бы меня не призвали в армию, я получил бы гораздо больше навыков. Ситуация с тобой – аналогичная: если ты хочешь научиться пользоваться своим природным даром, тебе нужен наставник.

Киона с робким и недоверчивым видом засмеялась.

– Наставник в столь специфической сфере сверхъестественного? Я даже представить себе не могу, кто мог бы мне помочь...

– А ты поищи получше и в конце концов найдешь. И еще кое-что, Киона. Почему ты боишься, когда я к тебе прикасаюсь?

– Это из-за Делсена. Однако мне не хотелось бы с тобой об этом говорить.

– Хорошо, я стану вести себя осмотрительнее. Так, мне кажется, будет даже лучше. А то мне приходила в голову одна глупость.

Когда этот красивый немец начинал беспокоиться, ему становилось труднее изъясняться на французском языке. По-французски он вообще-то умел говорить бегло, однако ему для этого приходилось изрядно напрягать свои мозги.

– Да, глупость. Ты сказала мне, что Шарлотта попросила тебя позаботиться о наших с ней детях и обо мне. Я подумал, что ты боишься, что тебе придется выйти за меня замуж и затем все время утешать меня... Ну вот мы и приехали.

Людвиг остановил автомобиль на проезжей части бульвара возле тротуара.

– Это и в самом деле огромная глупость, Людвиг! – с негодованием заявила Киона. – Я не настолько бестолковая, чтобы поверить в это хотя бы на секунду. Когда кого-то просят о ком-то позаботиться, имеется в виду поддержка в том случае, если человеку тоскливо, а также забота о его здоровье. Я тебе повторяю: все дело в Делсене. Он хотел причинить мне зло. Большое зло. Даже если бы призрак Шарлотты попросил меня выйти за тебя замуж, я бы не стала этого делать. У меня нет желания выходить замуж. Мне нужна свобода для того, чтобы идти по своей невидимой дороге... Ой, ты видишь – на всем первом этаже горит свет. Они там, наверное, теряются в догадках, куда же я запропастилась.

– Ну что ж, иди и скажи им правду.

Они вышли из автомобиля. Киона пошла впереди Людвига, чтобы

поскорее предстать перед теми, кто дожидался ее возвращения. Когда она вошла в прихожую, освещенную люстрой из опалового стекла, раздались возгласы облегчения.

– Где ты была? – рявкнул Жослин, вставая со своего кресла. – Ты что, желаешь моей смерти и для этого куда-то исчезаешь?

– Киона, ты заходишь уж слишком далеко! – неодобрительно покачала головой Мари-Нутта. – Мукки и Луи везде тебя ищут. Теперь придется искать их!

– Мне захотелось сходить в Валь-Жальбер, чтобы взглянуть на Фебуса, – сказала Киона, чувствуя на себе одновременно и обеспокоенные, и гневные взгляды Эрмин, Тошана, Лоранс и Акали. – А Людвиг, который как раз ехал туда же, подвез меня и затем привез обратно. Мне жаль, что я заставила вас волноваться.

– Волноваться, муки небесные, – это не то слово! – проворчал ее отец. – Ты ушла куда-то одна ночью – и это после всех тех треволнений, которые вызвала у меня не так давно!

– Прости меня, папа, – вздохнула Киона.

Людвиг слушал этот разговор, стоя на пороге гостиной. Он находился в нескольких шагах от Кионы, стоящей к нему спиной. Он разглядывал ее – стройную, худенькую, облаченную в черные одежды, с растрепанной шевелюрой, поблескивавшей в свете люстры. Те, кто находился перед ней, казались Людвигу какими-то тусклыми силуэтами – кроме, пожалуй, Эрмин, очень красивой со своими светлыми волосами и большими голубыми глазами, взгляд которых был прикован к сводной сестре. Несмотря на удивительное сходство между Кионой и Эрмин, Киона была все же другой. Людвиг невольно снова сравнил ее со сказочными существами – феями и духами, живущими в огромных дремучих северных лесах. Однако эти таинственные существа из древних легенд представляли собой своего рода сообщество, состоящее из веселых или злых сотоварищей. Киона же была такая среди окружающих ее людей одна.

Людвиг и дальше предавался бы таким странным размышлениям, если бы Жослин успокоился. Но не тут-то было! Глядя на свою дочь с высоты своего внушительного роста, Жослин крикнул:

– Лора права: я слишком многое тебе позволяю! Ты уходишь и приходишь тогда, когда тебе вздумается, ты собираешься бросить школу... Так вот, черт возьми, теперь это закончилось. Начиная с этого вечера ты будешь спрашивать разрешения, прежде чем куда-то уйти, и будешь вести себя так, как полагается. Тебе известно, что произошло с твоей прабабушкой Алиеттой, когда она бегала в Пуату по болоту ночью в

полнолуние? Насколько я знаю, если ее отец слышал, как она возвращается оттуда в отчий дом, он устраивал ей трепку – сильно бил палками по икрам. Я бы не удивился, если бы оказалось, что эта колдунья выбрала тебя для своего перевоплощения! Может, тебе тоже хочется побегать по болоту в полнолуние? Лично я не хочу больше ничего слышать ни о билокации, ни о ясновидении, ни обо всем остальном. Ты поняла?

Жослин, произнося эти слова, для пущей убедительности поднял руку со сжатой в кулак ладонью. Киона, ошеломленная таким натиском, отступила на шаг.

– Хорошо, папа, – сказала она.

Однако в действительности она подчиняться не собиралась. Ее отец, сам того не замечая, только что ей кое-что подсказал: Киона вспомнила, что Жослин вроде бы хранил в шкатулке, инкрустированной мозаикой, дневник своей бабки, знаменитой Алиетты, – дневник, который Алиетта начала вести сразу после своего приезда в Канаду.

Глава 15

Из потустороннего мира

Роберваль, понедельник, 28 августа 1950 года

Судно величественно удалялось по голубым водам озера, увозя на своем борту многих представителей клана Шарденов – Дельбо. Эрмин, сдерживая слезы, чуть-чуть сильнее сжала руку своей сводной сестры.

– Слава Богу, Тошан согласился выехать не вчера, а сегодня, – вздохнула она. – Благодаря тебе, Киона.

– Я не сделала ничего особенного, Мин. Я всего лишь объяснила этим господам, что если они проведут еще один денек со своими родственниками в спокойной обстановке, то это пойдет всем на пользу. Людвиг смог поиграть со своими детьми и объяснить им, почему он уезжает на несколько недель, а Одина смогла навестить своего отца Наку.

– Если бы мы только могли представить себе, что этот почтенный старик находится в Пуэнт-Блэ!

– Да, жаль, что я не узнала об этом намного раньше, – посетовала Киона. – Я должна навестить его в четверг. Он ждет меня именно в этот день и ни в какой другой.

– Не сочти меня бестактной и назойливой, но как могло случиться, что у тебя не было видения относительно того, что твой прадедушка обосновался в резервации, аж до прошлого воскресенья? По словам уполномоченного по делам индейцев, Наку привезли туда в начале прошлой зимы.

– Хорошо, что привезли! В его возрасте он уже не мог выносить сильных морозов в горах. Если у меня до недавних пор не было видения относительно его приезда в резервацию – значит, тогда не подошло еще время. Когда я была маленькой и жила с мамой, я встречалась с ним два раза. Затем, насколько я знаю, он изготавливал для меня амулеты, но я его уже не видела. Я лишь слышала о нем от Одины. Я долгое время думала, что речь идет о моем дедушке, но на самом деле она рассказывала о моем прадедушке. Но не важно, я в любом случае рада тому, что он все еще жив и находится теперь недалеко от меня.

– Смотри, вон там, в левой части палубы, стоит Лоранс. Она машет нам рукой. Луи тоже! – сказала Эрмин, начав махать рукой в ответ.

Киона заметила этих двух молодых людей, но махать им не стала.

Взгляд ее янтарных глаз привлекло красное платье Мари-Нутты, которая, стоя на корме судна, фотографировала Роберваль. Тошан держал свою дочь за плечо. Его длинные волосы развевались на ветру.

– Я не вижу Мукки, – посетовала Эрмин. – На палубе так много народа!

– Посмотри вон туда, в сторону носа судна. Он разговаривает с бабушкой Одиной.

– Да, ты права.

– Мин, дорогая, почему ты решила остаться здесь? Ты ведь стораешь от желания находиться с ними на судне и вернуться к себе домой, на берег Перибонки. Я чувствую это всем своим существом.

– Ты также, должно быть, чувствуешь, что мне хотелось бы иметь возможность сходить в церковь, чтобы помолиться за Шарлотту, и что я хочу помочь тебе присматривать за Аделью и Томасом. Кроме того, мама проявила большую щедрость и подарила нам современный высококлассный грузовик! Я из чувства благодарности хотела бы посвятить немного времени ей. Тошан рассчитывает вернуться через десять дней, и тогда он отвезет туда и меня, но уже на автомобиле. Ну ладно, давай уйдем с пристани. Мне нужно зайти в булочную.

Эрмин увлекла за собой свою сводную сестру. Они вдвоем представляли собой очаровательное зрелище – в легких платьях пастельных тонов и в белых шляпах с широкими мягкими полями. Мари-Нутта двумя часами раньше сильно удивилась, увидев, что Киона вдруг стала одеваться элегантно.

– Что с тобой случилось? – воскликнула Мари-Нутта.

– Не докучай мне! – огрызнулась ее юная тетя. – Бывают ситуации, когда я одеваюсь традиционно. На похороны Шарлотты я ходила не в спецовке, разве не так? Я провожу вас до пристани. Погода сейчас жаркая, и в таком легком платье я буду чувствовать себя комфортнее.

– Ты очень красива и без нарядной одежды, а в таком элегантном платье – просто ослепительна, – добавила Лоранс.

Теперь Киона жалела о том, что додумалась, как сказала Адель, «нарядиться так, чтобы стать красивой-прекрасивой». Она упрекала саму себя за свое смутное желание оставить у Людвига приятное впечатление о той, кого он упорно называл «маленькой Кионкой». «Что он сейчас делает? О чем думает? – спрашивала она сама себя, идя рядом с Эрмин. – На палубе его не было. Он наверняка находился в каюте судна – вместе со всеми теми, кто укрывался там от ветра или страдал от бортовой качки».

Она, досадно отвлекаемая ударами своего быстро заколотившегося

сердца, попыталась сконцентрироваться и увидеть мысленным взором, что происходит сейчас с этим красивым немцем. Вскоре ей удалось его увидеть. Видение это было кратковременным, но очень четким. Людвиг сидел на скамейке в голубой рубашке, а его правильные черты лица стали еще более симпатичными благодаря задумчивому выражению. К глазам у него подступили слезы.

– Киона, ты споткнулась! – забеспокоилась Эрмин. – Ты, похоже, не привыкла ходить в обуви на высоком каблуке.

– Нет, дело не в этом. У меня просто сильно закружилась голова. Наверное, оттого, что мы находимся на солнцепеке. Но теперь уже не кружится. Так что все в порядке.

– Я куплю тебе в булочной пирожное. Тебе не помешает съесть чего-нибудь сладенького, чтобы восстановить силы. Ты в последнее время почти ничего не ешь.

Людвиг, находясь на твиндеке судна, переоборудованном в своего рода салон и снабженном баром, пережил сильный шок. Перед ним только что на три-четыре секунды появился образ Кионы, которая была просто ослепительна в своем летнем платье и широкополой шляпе, затенявшей лицо. Она смотрела на него пристально, и в этом ее взгляде он, к своему ошеломлению, узрел некое сильное чувство, удивительно похожее на любовь – любовь, которая была безграничной и объектом которой являлся не кто иной, как он.

Его охватило замешательство. Он поднялся и, подойдя неуверенными шагами к стойке бара, заказал у бармена кружку пива.

* * *

Во второй половине дня, когда обоих самых маленьких детей уже уложили часок-другой поспать, Киона забралась на чердак дома вместе с Аделью и Констаном. Ей нужно было вернуть туда декорации для домашнего кукольного театра, включая три разборных щита из папье-маше. Констан с гордым видом нес в руках ящичек, в котором лежали куклы.

– Если ты это убираешь, то получается, что ты уже больше не будешь показывать нам кукольные представления! – посетовал мальчик.

– Нет, у нас будет спектакль в какое-нибудь другое воскресенье, но если оставить кукол в сарае, то краска на них может из-за сырости испортиться. Кроме того, забираться на чердак иногда бывает очень интересно.

– Почему? – спросила Адель.

– А потому что – погляди сама – чердак похож на большой магазин. Все складывают здесь свои сувениры, поломанные предметы и вообще всякую всячину. Правда, на этом чердаке вещей не так уж много, потому что у Лоры сгорело все имущество во время пожара в ее доме в Валь-Жальбере.

«Сгорело все, кроме того, что я сейчас ищу!» – подумала затем Киона.

Шкатулку с инкрустацией, которую она хотела разыскать, прислали по почте год назад. Мари, старшая сестра Жослина, который вообще-то был родом из Труа-Ривьер, продала старую фамильную ферму семьи Шарденов. То ли решив хоть чем-то поделиться с братом, то ли не осмелившись эту шкатулку и ее содержимое просто выкинуть, она прислала своему брату посылку с этой шкатулкой и запечатанным письмом. «Я была там в то утро, – стала вспоминать Киона. – Папа распаковал посылку и затем открыл шкатулку. Я заметила в ней очень старую тетрадь и высохшие цветы в пакетике».

Ей показалось, что она снова сейчас услышала, как ее отец, открыв тетрадь, сказал: «Черт побери, да это, похоже, дневник, который вела моя бабушка Алиетта! На первой странице написано ее имя. Странно, что его еще не сожгли. Прошло ведь уже так много времени!»

Произнеся эти слова, Жослин закрыл шкатулку и затем куда-то спрятал и ее, и письмо. «Я попросила папу отдать мне эту тетрадь, но он сказал, что у меня есть и более полезные занятия, чем читать этот дневник, и что я должна учиться. Это произошло накануне моего отъезда в школу-интернат. Затем я об этом забыла – напрочь забыла. А вот вчера вечером имя “Алиетта” вдруг прозвучало в моем мозгу очень громко – да, очень-очень громко, – и я снова увидела ту шкатулку и ту тетрадь в темно-зеленой обложке», – подумала Киона.

– Киона, – позвал Констан, – иди скорее сюда! Я нашел коробку, в которой полно шариков.

– Это шарики Луи. Он их коллекционирует. Знаешь, он дарил мне агаты, когда нам было столько же лет, сколько сейчас тебе. Я их хранила и относилась к ним очень бережно. В те времена мы не часто бывали вместе. Вечером, когда я уже лежала в постели, я держала шарики зажатыми в своем кулачке, и это меня утешало.

– Это было тогда, когда твоя мама умерла? – спросила Адель тихим и грустным голосом.

– Нет, насколько я помню, раньше.

– Почему же тебе было нужно саму себя утешать?

– Потому что мне часто становилось грустно. Мой брат ушел в армию, а у моей сестры умер ее ребенок-младенец, и поэтому мне хотелось тогда быть рядом с Луи. Иногда я навещала его в своей специфической манере, потому что и он тоже по мне скучал.

– В твоей специфической манере? – удивленно переспросила девочка.

– Да, – закивал Констан. – Киона может находиться с нами на чердаке и видеть при этом моих сестер и твоего отца, которые плывут на пароходе. Это будто волшебство.

Адель посмотрела на Киону широко раскрытыми от удивления глазами.

– Я так делаю не часто, потому что это занятие меня сильно утомляет, – сказала Киона. – В детстве это не требовало от меня почти никаких усилий. Теперь же, когда я выросла, делать это стало уже не так легко. Мне приходится переносить различные недомогания.

– А вообще-то это здорово! Если папа увезет нас в Германию, ты сможешь нас так навещать, – обрадовалась Адель.

– Конечно же, я попытаюсь.

Киона, вдруг почувствовав что-то вроде досады, стала складывать декорации в углу чердака. Она предпочла бы, чтобы эти малыши ничего не знали о ее необыкновенном природном даре, но получилось так, что Констан, сам того не желая, слышал очень многие разговоры взрослых, потому что те не всегда обращали внимание на то, что он вертится поблизости и слышит все, что они говорят.

– Когда вы пойдете в школу, вам не следует рассказывать об этом волшебстве своим товарищам, – сказала Киона детям. – А иначе они станут считать вас лгунишками.

– Но почему? Мы ведь будем говорить правду! – воскликнул Констан с таким видом, как будто уже что-то замышлял.

– Потому что это нечто необычное, ненормальное, и тебе никто не поверит. Но давайте поговорим о чем-нибудь другом. Ты, кстати, можешь поиграть с этими шариками. А ты, Адель, открой-ка вот этот чемодан. В нем лежит одежда, которую моя мама – Тала – и бабушка Одина сшили для меня, когда я была маленькой.

Обнаружив в чемодане туники из оленьей кожи, украшенные бахромой, бирюзой и жемчужинами, Адель радостно вскрикнула. Затем она схватила маленький браслет, представляющий собой два скрепленных друг с другом тончайших золотых кольца.

– Какой он красивый, Киона!

– Я тебе его дарю. Он как раз подходит тебе по размеру. Мама

подарила мне его, когда мне было столько же лет, сколько сейчас тебе. Мне это украшение очень нравится.

– Спасибо, ты очень добрая! – воскликнула девочка, бросаясь Кионе на шею. – Мне хотелось бы, чтобы ты всегда обо мне заботилась.

– Я буду заботиться о тебе столько времени, сколько у меня будет возможность.

– Скажи, а можно мне переодеться в индианку? Тут есть и мокасины с красными жемчужинами.

– Делай, что хочешь. А мне нужно найти шкатулку из темного дерева с красными, зелеными и позолоченными деревянными пластинками.

Киона ходила между ящиками и чемоданами, поочередно роаясь в них, но не находя того, что ей было нужно. Ей немного действовало на нервы то, что здесь, на чердаке, было очень жарко. Наконец она, так и не найдя шкатулку, села на пол и, закрыв глаза, попыталась при помощи своего дара ясновидения определить, где находятся нужные ей шкатулка и тетрадь. Но у нее ничего не получилось. Тогда она машинально прикоснулась к своей груди.

«Медальон Алиетты! Я уже не ношу ни его, ни мои амулеты».

Она вскочила на ноги.

– Дети, никуда отсюда не уходите и не балуйтесь. Я вернусь через пару минут.

Она по крайней мере знала, где находится ожерелье, которое подарил ей Жослин в качестве талисмана, якобы предотвращающего спонтанные проявления ее сверхъестественных способностей. Она поспешно достала его из ящика своего комода, надела себе на шею и поцеловала медальон, когда-то принадлежавший ее прабабушке.

«Алиетта, если ты не возражаешь против того, чтобы я прочла твой дневник, помоги мне его найти. Я не могу спрашивать у своего отца, куда он его спрятал, потому что он на меня сердится. Он хочет, чтобы я поставила крест на своем природном даре».

После такого мысленного обращения к своей прабабушке Киона постаралась сосредоточиться на своих ощущениях. Ей очень хотелось получить послание из потустороннего мира. «Если мне, как утверждает Людвиг, нужен наставник, то у меня имеются два варианта: либо Алиетта, либо Наку, мой прадедущка, могущественный шаман».

Едва она сформулировала эту мысль, как у нее началось необычайно сильное недомогание. Ей стало очень холодно, в ушах загудело, голова закружилась... Она уже едва могла стоять на ногах. Вытянув руки вперед, она уперлась ими в спинку кресла, в котором читала по вечерам, и

медленно села в это кресло. Ее сердце колотилось так сильно, что она даже застонала. В тот же самый миг на фоне странного мрака, в который она погрузилась, появилась очень красивая молодая женщина с длинными рыжеватыми волосами и янтарными глазами. Эта женщина посмотрела на Киону с насмешливой улыбкой. Она была одета в коричневую юбку и простенькую коричневую кофту, а за ней виднелся зеленый пейзаж, состоящий из живых изгородей и маленьких каналов с почти стоячей водой, поверхность которой была покрыта растительностью.

«Зачем искать там, где не следует этого делать? – раздался голос со специфическим акцентом, который, впрочем, был похож на квебекский. – Почему ты боишься быть такой, какая ты есть?»

Перед взором Кионы – оторопевшей и дрожащей – снова появилась обстановка ее комнаты. Она не знала, сколько времени длилось это видение. Почувствовав ошеломление, но при этом не забыв про оставленных ею на чердаке детей, она поспешно забралась на чердак, где двое «папузов»^[31] с нетерпением ждали ее возвращения. Констан, следуя примеру Адели, нацепил на себя одну из туник с бахромой и штаны, которые когда-то в детстве носила Киона, и теперь торжественно ходил туда-сюда, засунув карандаш в рот и тем самым изображая, что он курит трубку – так, как ее курит Одина.

На это его шутовство с умилением смотрела Лора, а Адель любовалась собой в большом зеркале на ножке, стекло которого посередине треснуло.

– Лора? – удивилась Киона. – Что ты здесь делаешь? Я думала, что ты отдыхаешь в саду с Эрмин.

– Да, так оно и было, но я поднялась в свою комнату, чтобы взять книгу, которую хотела дать почитать твоей сестре. Там я услышала, как над моей головой кто-то топает. Я поднялась сюда и увидела, как эти двое малышей вырядились в маскарадные костюмы.

– Это не маскарадные костюмы, а моя одежда, которая стала для меня слишком маленькой.

– Да не обижайся ты! Я произнесла слово «вырядились» вовсе не из презрения. Вы ведь – ты и сестры-близняшки – тоже наряжались в мои вечерние платья. А ты, я вижу, открыла тут чемоданы. Ты ищешь что-то конкретное?

– Да, я ищу дневник моей прабабушки Алиетты, – призналась Киона.

– Господи, ну зачем твой отец стал бы хранить его здесь? Лучше спроси у него самого, так будет проще. А-а, я поняла. После проповеди, которую он прочитал тебе в воскресенье вечером, ты не осмеливаешься к нему обращаться.

Киона почувствовала непривычную ласковость в голосе своей мачехи и доброжелательный блеск в ее светлых глазах.

– Я положу этот дневник на твою кровать чуть позже, перед ужином. Жосс даже и не заметит его исчезновения. Думаю, после того, как ему прислали эту тетрадь, он к ней больше ни разу не прикасался. Лично я пролистала этот дневник из любопытства в надежде найти что-нибудь интересненькое об этой семье Шарденов, которая отвернулась от Жослина, своего отпрыска, причем из-за меня. Некоторые отрывки тебе понравятся, в этом я уверена. Возможно, они тебе в чем-то помогут. У меня не хватило решительности и усидчивости прочесть все полностью и внимательно: почерк у этой женщины был довольно неразборчивым... Киона, Эрмин сказала мне, что ты в последнее время сама не своя. Вы с ней обе чувствуете себя виноватыми из-за Шарлотты. А зря. То, что произошло, было неизбежно. Это для всех нас огромное горе, но никто в нем не виноват.

– Спасибо, Лора, ты очень добра.

– Дай я тебя обниму, малышка. Должна сказать тебе, что я тебя люблю, пусть даже свою любовь никак не проявляю. Почти никак.

Киона прильнула к раскрывшей свои объятия Лоре и, поскольку та была выше ростом, положила голову на плечо своей мачехи.

– Вы ласкаетесь? – воскликнула Адель. – Я тоже хочу!

Лора и Киона вдвоем нежно обняли девочку. Констан тем временем стал возиться с шариками Луи. Вскоре на чердаке появилась и Эрмин, которую заинтриговало долгое отсутствие матери. Сцена, которую она там увидела, вызвала у нее взволнованную улыбку.

– А может, спуститесь вниз и попопдничаете? – предложила она. – Мирей испекла большой пирог с черникой, и пахнет он очень аппетитно.

«Жизнь продолжается! – подумала Эрмин. – Киона права: самое главное – это счастье наших маленьких шалунов».

Роберваль, дом Эстер, вечер

Овид крепко спал, хотя было всего лишь десять часов вечера. Эстер, повернувшись к Оvidу, внимательно его разглядывала. Ее умиляло безмятежное выражение его лица, которое она могла довольно отчетливо видеть в полумраке комнаты. Она не любила темноту, а потому оставила зажженной свечу, поставив ее в чашу из цветного стекла.

Ей было непривычно спать в одной постели с мужчиной после того, как она много лет спала одна. Тем не менее его присутствие придавало ей уверенности. Еще как придавало. Все еще чувствуя отголоски

удовольствия, которое этот мужчина ей доставил, она никак не могла заснуть.

«А мне ведь нужно вставать в шесть часов утра», – подумала она, меняя положение тела так, чтобы был виден будильник, стоящий на прикроватном столике. Тиканье этого будильника ее немножко раздражало, однако по утрам он звонил достаточно громко и обойтись без него она не могла. Посмотрев на то, как движется секундная стрелка, она вздохнула, начиная нервничать. Раньше она довольно долгое время пользовалась снотворными средствами, однако после своего приезда в Квебек решила постараться ими не злоупотреблять.

«Мне хочется пить. Пойду на кухню и выпью содовой».

Эстер встала с постели. Она была очень красивой в ночной рубашке из белого атласа, оставлявшей обнаженными ее руки и плечи. Шлепая босыми ногами по полу, она вышла из комнаты и, оказавшись на лестничной площадке, щелкнула выключателем. Лампа, которая освещала лестницу, вспыхнула на мгновение и затем погасла.

– Вот черт! – пробурчала Эстер. – Лампочка перегорела.

Несмотря на воцарившийся полумрак, Эстер стала спускаться по ступенькам лестницы, крепко держась за перила. С улицы в помещения дома проникал тусклый свет. Наконец-то почувствовав под ногами паркет первого этажа, она поспешно включила потолочный светильник в коридоре, но и в нем тоже лампочка вспыхнула и тут же погасла.

– Где-то короткое замыкание, – пробормотала Эстер.

Расстроившись, она направилась на кухню, но тут же остановилась, услышав глухой звук удара, отразившийся эхом от стен. Она с удивлением прислушалась и услышала другие такие же звуки.

«А-а, это просто кто-то неподалеку колет дрова... Хм, но при этом кажется, как будто звук исходит из-за стены, за которой находится сад. А замков на дверях у нас, конечно же, нет».

Вдруг испугавшись, она очень громко позвала Овида. Тот, вскочив с кровати, тоже громко спросил у нее, что случилось.

– Лампочки не горят, так что будь осторожен на лестнице. Иди поскорее сюда.

Овид, позевывая, спустился на первый этаж и приблизился к Эстер. Она бросилась к нему и сжала его в своих объятиях изо всех сил.

– Овид, прислушайся, сейчас это начнется снова! Кто-то, похоже, бьет по одной из стен дубиной или молотком.

– В таком случае я поднимусь и оденусь, моя дорогая. Я, конечно, выйду из дому и посмотрю, что там происходит, но не в таком виде – в чем

мать родила.

– Нет, прошу тебя, не оставляй меня одну!

– Хорошо, пойдем со мной. Ты наденешь тапочки. Ты на этой улице новенькая, и, возможно, кто-то из местных озорников решил над тобой зло пошутить. Я что-то ничего больше не слышу. Они, наверное, решили удрать, когда ты закричала.

– Хорошо, что рядом со мной есть ты, а иначе я бы умерла от страха.

Овид повел ее на второй этаж. Он по привычке щелкнул выключателем, и сразу же зажегся свет.

– Лампочки горят, моя дорогая, и никто не колотит ничем по этим старым деревянным стенам. Может, ты сейчас просто перенервничала?

– Знаешь, я, пожалуй, выпью снотворное, чтобы заснуть. Черт возьми! Коробочка со снотворным лежит в выдвигном ящике кухонного шкафа. Ты не мог бы принести мне его вместе с большим стаканом воды?

– Хорошо, сейчас принесу. Извини, что хожу тут перед тобой голым. Мне хотелось надеть свою пижаму, но голос у тебя был таким испуганным, что я сразу же пошел к тебе.

Эстер слабо улыбнулась, то и дело поглядывая на тусклую лампочку, которая вроде бы только что перегорела, но сейчас почему-то светила как ни в чем не бывало. Взяв Овида за руку, Эстер пошла рядом с ним вверх по лестнице.

– А может, мы быстренько поженимся? – сказал Овид. – Я не смогу чувствовать себя спокойно, если ты будешь в Робервале одна. Тебе нужен верный рыцарь, который находился бы рядом с тобой.

– Какое неподходящее место для того, чтобы делать предложение! И какой неподходящий наряд! Овид, мы с тобой друг друга почти не знаем. Ты сделал это предложение серьезно?

– Абсолютно серьезно. И оно основано на сложившихся реалиях. Если мы будем жить вместе, но при этом не поженимся, моя репутация как учителя будет запятнана. Да и твоя тоже. Мы даже можем потерять из-за этого работу.

Они вошли в комнату. Эстер хотя и была сильно взволнована из-за предложения, прозвучавшего из уст ее любовника, это не помешало ей заметить, что свеча погасла.

– Овид, это ты погасил свечу?

– Нет. Мне это даже вряд ли бы в голову пришло. Моя дорогая, чтобы погасла свеча, хватит и небольшого сквозняка.

Эстер, тяжело задышав, покачала головой, а затем подошла к свече и указательным пальцем сняла воск вокруг фитиля.

– Воск еще мягкий и теплый. Кто-то погасил свечу только что.

– Эстер, ты раздуваешь целую историю из какой-то мелочи. Я выбежал из комнаты, как угорелый, и тем самым создал поток воздуха, который, видимо, и потушил свечу. Ну ладно, ложись в постель. Все тихо, лампочки не перегорели, и никто не колотит по стенам.

– Овид, прошу тебя, попытайся вспомнить. Когда я тебя позвала и ты поднялся с постели, в комнате было темно или же ты видел пламя свечи? Ответь мне, это важно. Как бы там ни было, мне хотелось бы, чтобы ты осмотрел второй этаж и чердак. Вот что бывает, если не запирают входные двери на ключ! Ты помнишь о моей мечте? Я мечтала о доме, в котором чувствовала бы себя в безопасности! А тут все очень скверно...

Овид кивнул. Ему было жалко видеть Эстер такой перепуганной. Он надел пижаму, взял Эстер за руку и пошел вместе с ней осматривать соседнюю комнату, в которой стояли деревянная кровать без сетки и маленький шкаф.

– Если злоумышленник прячется в этом шкафу, то мы имеем дело с тщедушным доходягой, с которым я расправлюсь за пару секунд, – сказал Овид, подходя к шкафу и открывая его.

В ванной комнате тоже никого не оказалось. Не нашли они никого и на чердаке, освещенном попадающими в него через слуховое окно лунными лучами.

– Ну, теперь-то ты убедилась в том, что тут никого нет? – ласково прошептал Овид.

– Да, потому что в этом убедился ты.

Пятью минутами позже Эстер выпила снотворное и расслабилась в объятиях своего защитника. Он стал ждать, когда она заснет. Его успокоило то, что ее дыхание стало ровным, а тело расслабилось.

– Спи, моя дорогая. Тебе причинили слишком много зла, и поэтому тебе теперь везде мерещится опасность, – прошептал он, глядя ей в волосы. – Спи спокойно, я рядом с тобой.

Роберваль, дом семьи Шарденов, тот же вечер

Киона держала в руках тетрадь с темно-зеленой обложкой – дневник Алиетты Шарден. Она прождала до этого позднего часа, прежде чем наконец-то достала эту тетрадь из шкапулки. Она стала ощупывать ее, чувствуя при этом исходящий от нее терпкий запах старой бумаги.

«Как-то странно думать о том, что моя прабабушка прикасалась своими пальцами к обложке этой тетради и ее страницам и что именно она положила в тот пакетик то ли еще свежие, то ли уже засохшие цветы! –

мысленно сказала сама себе она. – На этой тетради наверняка остались отпечатки ее пальцев, как и частичка ее души».

От одной лишь этой мысли сердце Кионы забило быстрее. У нее даже возникло ощущение, что сейчас возле ее кровати появится этот ее предок.

«Можно мне прочесть то, что ты написала? – прошептала Киона, оглядываясь по сторонам. – Ты спросила меня, почему я боюсь быть такой, какая есть. Знаешь, то, что я чувствую, иногда наводит на меня ужас. А ты? Ты чего-нибудь боялась?»

Киона не получила никакого ответа, и у нее не возникло никаких болезненных ощущений. Наконец она решилась. На первой странице она прочла: «Алиетта Шарден, Труа-Ривьер, 1858-й год». Сам дневник как таковой начинался с какой-то субботы – запись на третьей странице была украшена малюсенькими рисунками, выполненными фиолетовыми чернилами и изображающими цветы. Эти искусные рисунки поразили Киону.

«Так вот от кого у Лоранс ее талант!» – подумала она, прежде чем начала читать текст дневника, написанный убористым почерком с завитушками.

Суббота, незадолго до зимнего солнцестояния

Я, Алиетта, оказавшаяся в чужой стране, смотрела на то, как за окном падает снег, весь вчерашний день и сегодня утром. Я скучаю по своему милому Пуату, по болотам, по запаху цветов и влажным берегам.

Я пообещала своему супругу больше не возиться с дикими цветами и лекарственными травами. Однако самое главное, что я пообещала, – это молчать. Мне хотелось бы никогда не давать такого обещания Гедеону. Какой будет моя жизнь здесь, в этой стране на краю света, где, как мне говорят, зимой очень холодно?

Я так сильно горюю, что буду молчать ради того, чтобы не кричать от гнева и негодования. Мне не хотелось уезжать из моей родной страны.

Запись на этом заканчивалась. Кионе захотелось расплакаться. Ее охватило чувство глубокого сострадания по отношению к этой женщине, которая тосковала по своей родной стране, по Франции. Тем не менее Киона удивилась изящной манере письма и той легкости, с которой

излагала свои мысли Алиетта. «Она была крестьянкой, а в те времена дети в сельской местности редко ходили в школу, – подумала Киона. – Между этих строк кроется какая-то тайна. Посмотрим, что там дальше... А-а, вот указана конкретная дата!»

Четверг, 30 декабря 1858 года

Как грустно! Женщина, с которой я встретилась во время мессы на Рождество, недавно умерла. После нее осталось шестеро детей, один из которых – шестимесячный младенец. Я видела сероватый ореол вокруг ее головы, но не решилась ей об этом сказать. Ее пожирала опухоль, я про это узнала, причем очень странным способом, присущим мне еще с детства. У меня было видение: эта женщина лежала мертвая на кровати, и какой-то голос сообщил мне о том, из-за чего она умерла. Гедеоу следовало бы понять, что от меня было бы больше пользы в этой далекой стране, если бы я могла помогать нашим соседям и соседкам и даже незнакомым людям, живущим далеко от Труа-Ривьер. Я сказала ему об этом еще раз сегодня вечером, но он ничего не захотел слушать.

Что же это за любовь, если он не позволяет мне делать того, что мне следовало бы делать в моей жизни?

Он боится, что меня станут считать колдуньей и здесь – так же, как у нас на родине. Но кто такие колдуньи? Они являются божьими созданиями – такими же, как олени, лисы, волки... Они также являются женщинами, которые умнее и образованнее других женщин, они легко учатся всему и проявляют большие способности к логическим рассуждениям.

Если бы я могла летать (а такой способностью я не обладаю), я перелетела бы через океан и спряталась бы в лабиринте моих болот, где меня никто бы не нашел.

На этот раз из глаз Кионы потекли слезы. Каждое слово этой женщины больно вонзалось ей в сердце. Она едва не закрыла эту тетрадь и не положила ее обратно в шкатулку, чтобы остаться в стороне от тех ужасных страданий, которые чувствовались в строках этого дневника.

«Нет, это было бы проявлением трусости с моей стороны! – упрекнула она сама себя. – Как это странно! Я уверена, что этот дневник вызвал бы у меня восторг, если бы мне было сейчас одиннадцать или двенадцать лет, однако в моем нынешнем возрасте мне кажется, что я сама ощущаю те

ужасные мучения, которые испытывала Алиетта».

Киона сделала довольно долгую паузу, прежде чем решиться снова начать читать строчки, написанные ее таинственной бабушкой и вызывавшие у нее болезненную дрожь.

Вторник, 17 мая 1859 года

В Труа-Ривьер – весна. Снег, хотя его было очень много, весь растаял. Я никогда раньше не видела такого глубокого снежного покрова – очень плотного и очень холодного. А еще я никогда раньше не видела бурь, при которых падают печные трубы и застывает кровь в жилах тех, кто заблудился. Те, кто сбился с пути, зачастую оказываются обреченными на смерть.

Я ослушалась Гедеона. Одним февральским вечером я попросила его посидеть с нашим сыном и сказала, что мне нужно сходить на вечернюю мессу. Поскольку я периодически хожу в церковь и он уверен в моем благочестии, я имею возможность поступать так, как мне хочется. В общем, я побежала к соседке, сообщила ей, что ее муж заблудился, и рассказала, где именно он находится. Один из соседей и кузнец пошли туда и привели домой этого несчастного, который едва не замерз до смерти. Ему удалось выжить. Начиная с этого дня, если у меня будет видение или я получу какое-то предупреждение из потустороннего мира (я называю так тот мир, где правят невидимые силы, избравшие меня в качестве посланницы), я – клянусь! – буду хитрить, врать, но не сойду с той дороги, которую мне указали, когда я была в возрасте моего Констанана, то есть около шести лет.

Весна меня очаровывает. Яблони цветут, и вырастает удивительно зеленая трава. Получившая свободу вода поет с утра до вечера. Значит, урожай будет хорошим...

Я жду ребенка. Возможно, он даст мне мужество полюбить мою новую родину. Это будет девочка, и мое сердце этому радуется.

К сожалению, Гедеон хотел бы второго сына – такого, как Констан. Сына, которому было бы суждено работать на нашей ферме. Я не осмеливаюсь сказать ему, что я уже знаю, что это девочка и что у меня не будет больше детей.

«Констан! Интересно, Эрмин выбрала это имя для своего сына в

память об этом Констане или по какой-то другой причине? Я спрошу ее об этом завтра, – пообещала сама себе Киона. – Бедная Алиетта! Она, наверное, была вынуждена тщательно прятать этот свой дневник, потому что, если бы ее муж его обнаружил, он бы его сжег».

Впрочем, эта запись не вызвала у Кионы никаких страданий – она лишь стала для нее источником важной информации. Киону поразили слова: «Невидимые силы, избравшие меня в качестве посланницы».

«Это как раз мой случай, – констатировала Киона вслух. – Я тоже своего рода посланница».

Она закрыла тетрадь и легонько поцеловала ее обложку. Затем она положила тетрадь в шкатулку, поставила шкатулку под свою кровать и погасила лампу. Лежа на кровати в темноте, она мысленно перенеслась на сто лет назад и представила себе, что связана по рукам и ногам существующими в обществе порядками и вынуждена подчиняться мужу, который негативно относится ко всему, что выходит за пределы его понимания. «Я не смогла бы жить в ту эпоху... – подумала Киона. – Папа перегибает палку. Я не должна воспринимать его слова всерьез, когда он сердится. Я ему объясню завтра утром, что буду идти своим путем, буду следовать своей судьбе, хочет он того или нет».

Приняв такое решение, Киона заснула. Ее рука при этом касалась медальона Алиетты, висевшего на шее. Это было подсознательное проявление желания увидеть во сне этот удивительный персонаж. И она его увидела.

Перед ней предстала Алиетта Шарден – предстала, по всей видимости, в том возрасте, в котором она приехала в Канаду. Как и при видении, случившемся у Кионы днем, она была одета в простенькую кофту и юбку из коричневой ткани. Ее длинные волосы были распущены и спадали на плечи. Она сидела в лодке посреди пруда и держала в руках букет желтых цветов. От этой простенькой сцены создавалось удивительное впечатление гармонии и абсолютного спокойствия.

«Моя дорогая малышка, иди по своему пути – пути света, – сказал тихий и нежный голос. Он сказал это с певучим акцентом, похожим на квебекский. – Не сходи с него, а иначе будешь страдать так, как страдала я. Ты создана для того, чтобы приносить радость и счастье и утешать страждущие души. Не забывай об этом, не отказывайся от этого пути! Я позабочусь о тебе, Киона, и я буду делать это не одна».

Это видение стало рассеиваться. Оно сменилось другими сновидениями – гораздо более ординарными. Проснувшись на рассвете, Киона почувствовала себя удивительно спокойной. Она, казалось,

примирилась с самой собой.

«Это благодаря сну? – мысленно спросила она себя. – Я стала чувствовать себя лучше и после того, как уехал Людвиг».

Через полчаса она, умывшись и одевшись, спустилась на кухню. Мирей, слегка сутулясь, готовила утренний кофе и при этом что-то ворчала себе под нос. Жослин сидел в ожидании, нахмурившись.

– Доброе утро, Мирей! Доброе утро, папа!

– Доброе утро, малышка! – ответила Мирей. – Где мой поцелуй?

Киона поцеловала ее в щеку и предложила чем-нибудь помочь. Жослин, посмотрев на свою дочь мрачным взглядом, сначала ничего ей не ответил, а затем заявил высокомерным тоном:

– Ты снова нацепила на себя эту ужасную полотняную спецовку и рубашку, как у парня! Я не хочу больше, чтобы в моем доме ходили в такой одежде.

– Тебе не хотелось бы, чтобы я тебя поцеловала, папа? – усмехнулась Киона.

– Нет, оставь свои поцелуи себе! Или же поднимись на второй этаж и поцелуй мою жену, которая тоже меня ни во что не ставит.

– Что с тобой случилось?

– Иисусе милосердный, месье, малышка права, вы ворчун!

– Не вмешивайся, Мирей. Это касается только меня, моей супруги и этой мадемуазель.

Киона уже все поняла, поскольку могла читать мысли своих близких.

– Лора рассказала тебе про шкатулку, да? – поинтересовалась она. – Ты не должен на нее за это сердиться. Мне нужно было обязательно прочесть дневник Алиетты. Если ты намеревался не позволить мне это сделать, тебе следовало бы бросить его в озеро или сжечь в печке. А еще, папа, можно было бы поступить в свое время совсем по-другому: не рассказывать мне про мою прабабушку, которая была очень на меня похожа. Я была еще совсем маленькой, когда ты рассказал мне о ней, и чуть-чуть постарше, когда подарил мне ее медальон, чтобы я использовала его в качестве амулета.

Жослин отнюдь не собирался идти на попятную. Он выпрямился, подался вперед и стукнул кулаком по столу.

– Не было никакой необходимости читать этот вздор! – рявкнул он. – Семья Шарденов, фамилию которых я ношу до сих пор, изгнала меня из своей жизни, исключила меня из числа родственников. Спроси об этом у Лоры! Моя сестра Мари плюнула ей в лицо в тот день, когда я после нашей свадьбы привез ее в Труа-Ривьер, чтобы познакомить с моими родителями.

Они были ханжами, погрязшими в житейских и религиозных предрассудках – тех самых, из-за которых в Старом Свете в свое время погибло немало людей.

В кухню вошла Эрмин – вошла в домашнем халате и с растрепанными волосами.

– Папа, почему ты кричишь? Малыши еще спят. Или ты не знаешь, который час? И что за вздор ты несешь по поводу наших родственников?

– Твоя родная сестра плюнула в Лору, твою супругу? – ошеломленно спросила Киона.

Жослин пожал плечами, тем самым давая понять, что это уже не имеет большого значения. Однако было слишком поздно. Он увидел, как вдруг сильно побледнело лицо его второй дочери, способной заглядывать в прошлое, – так, как, например, когда она заглянула в прошлое четыре года назад с целью преподнести особенный подарок Эрмин, представляющий собой толстый альбом, озаглавленный «Воспоминания о золотом веке Валь-Жальбера» и содержащий изображения этого поселка, искусно нарисованные Лоранс, и комментарии к ним, составленные Кионой и рассказывающие его историю.

Киона, лоб которой покрылся потом, а коленки задрожали, стояла с таким видом, как будто больше не видела и не слышала того, что происходит вокруг нее: она была всецело занята борьбой с начавшимся у нее сильным недомоганием.

– Киона! – воскликнула Эрмин, заметив, что ее сводная сестра пошатывается. – Боже мой, она сейчас упадет в обморок. Помоги мне, папа!

– Иисусе милосердный! – захныкала Мирей. – Смотрите, она сейчас упадет в обморок!

Жослин вскочил на ноги и бросился помогать Эрмин. Вдвоем они, поддерживая Киону за руки, усадили ее на стул. Она вдруг, как будто ее кольнули чем-то острым, резко выпрямилась и пробормотала:

– Гедеон и его брат убили Алиетту. Эти люди – настоящие чудовища. Я только что это узнала, мне это сказали!

– Муки небесные! – сердито воскликнул Жослин. – Какая же это была глупость со стороны моей жены – дать моей дочери, которая и так уже немало настрадалась, эту чертову тетрадь.

Эрмин, не зная, что и думать, посмотрела долгим вопросительным взглядом на своего отца. Она вообще не понимала, о чем сейчас идет речь и что здесь происходит.

– Что ты имеешь в виду, папа? О какой тетради ты говоришь? Мирей,

дай-ка мне быстренько стакан хереса для Кионы. Она еще не потеряла сознание. Херес поможет ей прийти в себя.

– Нет, дайте мне воды. Холодной воды! – попросила Киона.

Ей дали попить воды. А еще Мирей предложила ей съесть кусок пирога, но Киона жестом показала, что не будет. Мало-помалу ее побледневшие щеки и губы снова стали розовыми.

– Ты чувствуешь себя лучше, моя дорогая? – спросила Эрмин, обнимая Киону.

– Да, спасибо. Это прошло. Папа, я прочла в дневнике Алиетты только четыре страницы. Лора говорит, что не дочитала его до конца. А ты?

Жослин с видом кающегося грешника опустил голову и затем тихо произнес:

– Господи, меня угораздило прочесть его от начала и до конца. Ты права, Киона: я даже не знаю, что удержало меня от того, чтобы уничтожить эту чертову тетрадь. Ну и балбес же я! Я думал, что она будет лежать в шкапулке, стоящей под шкафом в нашей спальне. Однако Лора вечно везде сует свой нос. Впрочем, меня это не удивляет: ей ведь есть за что злиться на семью Шарденов из Труа-Ривьер. Могу сказать вам, мои дорогие дочери, которыми я горжусь, что я многое отдал бы за то, чтобы не быть кровным родственником этих людей.

– Вы наконец соизволите мне объяснить, о чем вообще идет речь? – возмутилась Эрмин. – Да, европейская семья Шарденов отказалась со мной встречаться – и когда я была еще подростком, и когда уже стала знаменитой певицей, но мы, пожалуй, поговорим обо всем этом позже. Я слышу голоса Мадлен и малышей – они раздаются там, на втором этаже.

– Иисусе милосердный, как тут все сложно! – пробурчала Мирей, ставшая невольной свидетельницей семейной перебранки.

– Мирей, Лоре – ни слова! – сказал Жослин, чувствуя себя утомленным из-за пережитого только что волнения. – Боже всемогущий, у меня заболело сердце.

– И у меня тоже! – покачала головой Киона.

Если бы она не переживала за Адель, она пошла бы сейчас побродить по берегу озера. Однако она решила почаще находиться рядом с этой девочкой, а потому, дожидаясь, когда появится Адель, начала делать бутерброды, намазывая хлеб маслом. Ее отношения с Томасом были другими. Этот мальчик, которому недавно исполнилось четыре года, ни разу не потребовал, чтобы пришла его мама. По словам Мадлен, он думал, что она куда-то уехала, и совсем не страдал от ее отсутствия. Все окружающие относились к нему очень хорошо. Он много играл с Катери и

просто обожал Эрмин. Поэтому он не нуждался в какой-то особой заботе со стороны Кионы. Лора его баловала, рассчитывая на то, что он будет чувствовать себя в ее доме счастливым и скоро вообще забудет Шарлотту.

Двумя часами позже Эрмин и Жослин вошли в комнату Кионы. Мадлен и Акали пообещали ей, что чем-нибудь займут всех четырех детей в саду. Лора, как обычно по утрам во вторник, ушла к парикмахеру.

– Ну что же, я надеюсь наконец получить ответы на вопросы, которые мучают меня с самого утра! – заявила Эрмин, садясь на кровать своей сводной сестры. – Я попыталась расспросить папу на лестнице, но он не соизволил даже рта раскрыть.

– Я успела прочесть последнюю страницу дневника моей прабабушки, – сообщила Киона. – Я торопилась это сделать, чтобы лучше понять то послание, которое получила на кухне, когда у меня было очень короткое, но ужасное видение. Слова самой жертвы имеют ведь больше веса, чем мои свидетельства. Мин, речь идет о женщине, являющейся и твоим предком тоже. Мы ее потомки: папа, ты, я, Мукки, близняшки, Констан и Катери...

– Позволь мне тебя на этом перебить, моя дорогая, потому что я знаю о семье Шарденов из Труа-Ривьер побольше тебя. Я тебе этого не говорила, но когда я нашла свою маму и она рассказала мне об этих моих родственниках, я написала им письмо. Их первое ответное письмо, состоящее из четырех строк, было сухим и категоричным, хотя и вежливым. Они написали, что не хотят иметь со мной никаких отношений. Затем Бетти – моя дорогая Бетти – проявила инициативу и тоже написала им, чтобы помочь мне наладить с ними контакты. Ответ был язвительно-ядовитым. Мы после этого сильно поругались с мамой возле водопада, я ее толкнула, она упала с обрыва и едва не погибла. К счастью, Ханс Цале смог ее спасти в сотрудничестве с Арманом Маруа, который прибежал на помощь с веревкой. Спасибо Господу, что он не допустил этой смерти. Моя бедная мама, когда падала с обрыва, сумела ухватиться за куст толокнянки и затем упереться ногами в выступ в скале. Так она и висела, пока ее не вытащили.

– Они оклеветали Лору! Они написали жуткие клеветнические измышления про нее! – пробурчал Жослин.

– Папа, не утруждай себя защитой Лоры, – запротестовала Киона. – Мне всего лишь шестнадцать с половиной лет, но с раннего детства мне частенько приходилось сталкиваться с различными гнусностями. Я закалилась благодаря тому, что я увидела мысленным взором про мерзкого монаха Марселлена из интерната, а также про интимную близость между

различными взрослыми людьми. Очень часто это вызывало у меня изумление и растерянность, однако у меня не возникало никаких сомнений относительно смысла того, что я видела, понимаешь? Дома у Лоры я несколько раз чувствовала ее давнишние душевные раны. Я догадывалась об их природе, но не увидела ничего конкретного.

– Слава Богу! – прошептала Эрмин, которой было известно абсолютно все о прошлом ее матери.

– Ну что же, давай покопаемся в этом поглубже, – проворчал Жослин. – Лора в молодости стала жертвой одного мерзкого типа, который заставил ее продавать свое тело. Он бил и терроризировал ее. Это я вытащил ее из ямы, в которой она оказалась. Я обожал ее, и...

– Тихо, папа, не говори больше ничего, – перебила его Киона. – Поговорим об этом как-нибудь зимним вечером, когда будем сидеть вдвоем при свете лампы в гостиной. Зачем вспоминать о мерзостях, совершенных по отношению к какому-то человеку, и мусолить чьи-то ошибки юности? Мы имеем право умалчивать о том, что вызывает у нас чувство стыда. Уж я-то это знаю.

Эрмин и Жослин слушали ее, как замороженные. Киона казалась им уже не юной девушкой, а зрелым человеком. Она говорила уверенным тоном, глядя куда-то вдаль, а выражение ее красивого лица было очень серьезным и величественным. Она сидела на стуле прямо напротив них.

«Господи! Ну кто мы такие по сравнению с ней? – подумала Эрмин, глядя на свою сводную сестру, слегка выющаяся золотистая шевелюра которой была чем-то похожа на корону. – Она узнала, что я едва не отдалась Овиду во время войны, и вполне возможно, что также узнала в свое время о любовной связи между Тошаном и Симоной. А еще она, наверное, видела мысленным взором мою маму в тот короткий период ее жизни, когда она была вынуждена заниматься проституцией, поскольку оказалась одна-одинешенька в незнакомой стране, приехав в Канаду из своей родной Бельгии. Да и Шарлотта не смогла скрыть от нее тот инцидент, который произошел с ней в Германии. Что известно ей из того, о чем мы даже не догадываемся и во что нам не следовало бы совать свой нос?»

Жослин тем временем испытывал сильнейшие душевные страдания: ему было стыдно за своих предков, и он был уже готов просить прощения у дочерей за своего дедушку и своего двоюродного дедушку.

– Я прочла начало этого дневника вчера вечером, – стала объяснять Киона, – а также прочла его конец, пока ждала вас здесь. Я напоминаю о ситуации, в которой оказалась Алиетта, для того, чтобы ты поняла самое главное. Этот дневник описывает ее недолгую жизнь в Квебеке, а точнее – в

Труа-Ривьер. Она приезжает туда из своего Пуату вместе с шестилетним сыном Констаном. Ей тогда было тридцать четыре года, и ей пришлось покинуть Францию, где ее обвинили в том, что она колдунья. Это ее муж Гедеон решил уехать вместе с семьей за границу – что, впрочем, было в ту эпоху обычным явлением. Папа рассказал нам когда-то давно, что Алиетта увлекалась лекарственными растениями и обладала такими же способностями, как и я, хотя, наверное, не столь ярко выраженными. Ее муж перевозит ее через Атлантический океан. Родители Алиетты – их фамилия была Ноле – следуют их примеру, мечтая о том, что в новой для них стране их ждет лучшая жизнь. Притом Алиетта пообещала отказаться от своих снадобий, приготовляемых из растений, и не рассказывать никому о своих предчувствиях и видениях. Уже в первую зиму она приходит в уныние. Она страдает оттого, что, по сути дела, сидит взаперти, и оттого, что ей приходится отречься от своего главного предназначения – помогать окружающим ее людям, утешать их и даже иногда спасать.

Киона распалась все больше и больше. Ее голос постепенно повышался и становился более мелодичным. Она, держа в руках зеленую тетрадь, смотрела не на своего отца и сводную сестру, а куда-то в пустоту позади них – так, как будто различала где-то вдалеке силуэт своей прабабушки.

– Наступила весна, и в мае 1859 года Алиетта осознала, что беременна и что у нее родится девочка. Однако она еще зимой ослушалась своего сурового супруга и сообщила одной своей соседке, что ее муж заблудился в лесу. На другой странице ее дневника я прочла, что она в последующем очень часто нарушала свое обещание, хотя и всячески скрывала это – зачастую при содействии тех, кому помогала. Я могу повторить твои слова, папа, я помню их очень хорошо: «Она много работала и стала очень набожной, словно бы прося у Бога прощения за то, что у нее получалось разгадывать секреты». Именно так ты сказал мне, когда я была маленькой. Однако это было ложью, чем-то вроде легенды, которую тебе вбили в голову, чтобы скрыть правду. Когда ее второй ребенок – девочка, которую назвали Региной, – достигла школьного возраста, Алиетта вознамерилась убежать. Она жаждала свободы и не хотела больше врать и прикидываться. Кроме того, ее угнетала ненависть, которую испытывал к ней ее деверь Жак. Она собрала свои пожитки и летним утром отправилась в лес. Гедеон и Жак, которым рассказала об этом жена Жака, догнали Алиетту и стали избивать ее кулаками и ногами. Она же при этом кричала им правду в глаза. Могу сейчас зачитать вам конец дневника:

Июль 1866 года... Мне не следовало так сильно возмущаться, когда Гедеон схватил меня за рукав платья. Однако, когда он замахнулся кулаком, меня охватил гнев. Я с радостью крикнула ему, что не сдержала свое обещание, что моя судьба, написанная на звездах, заключается в том, чтобы заботиться о других людях, подсказывать им путь и передавать послания из потустороннего мира. Жак стал орать, что я колдунья.

Он всегда ненавидел меня, этот Жак. Даже во Франции он настраивал жителей нашей деревни против меня. Откажитесь мужчине – и он вам отомстит. Жак – хороший тому пример. Поначалу я этого нюанса не учитывала.

Несмотря на постигшее меня несчастье, мне кое в чем повезло. Гедеон запер меня как раз там, где я и сама пряталась, чтобы вести свой дневник, как мне посоветовал делать пожилой господин Ментагр, которому я обязана своим умением читать и писать и вообще своей образованностью, потому что он позволял мне читать книги в библиотеке его усадьбы, хотя вообще-то я должна была заниматься там только уборкой.

Этот темный чулан, где я еще прежде припрятала под каменной плитой свечи, огниво, трут и мою драгоценную тетрадь, станет моей могилой. Боль, которую ощущает мое тело, не идет ни в какое сравнение с болью моей души. Безусловно, пытаясь убежать, я оставляла своих детей в руках этого мужчины, ставшего озлобленным, грубым и жестоким, однако я надеялась когда-нибудь с ними снова встретиться и рассказать им, что мне было просто необходимо удрать из моей тюрьмы с невидимыми решетками.

Эти звери выбили мне три зуба. У меня, похоже, треснуло ребро, и все мое тело покрыто кровоподтеками и синяками. Умереть здесь, взаперти! Какой ужасной представляется мне моя медленная агония!

Они заколотили дверь – заколотили ее крепкими дубовыми досками. Гедеон крикнул мне, что завтра они возведут стену из известняка, поскольку наш дом – каменный, а не деревянный, как большинство домов вокруг.

Вот такое для меня наказание – для меня, дочери болот, которая бегала при луне, толкала свою лодку вдоль каналов, целовала едкие лютики и водяные ирисы. Я умру в темноте,

после того как этот огарок свечи погаснет. Умру от жажды еще прежде, чем могла бы умереть от голода. Моим двум детям расскажут, что я была плохой матерью, колдуньей, бросившей свой дом. Или же им расскажут, что я утонула...

Эрмин, слушавшая затаив дыхание, вдруг замахала рукой – как будто пыталась что-то от себя отогнать.

– Перестань читать, Киона, это невыносимо! Боже мой! Я не могу поверить в такой кошмар.

– Да, перестань, моя малышка, а то аж с души воротит! – проворчал Жослин.

– Прошу вас, позвольте мне прочесть кое-что еще. Папа, будь мужественным. Я знаю, почему тебе очень не хотелось, чтобы эта тетрадь попала ко мне в руки. Итак, Мин, слушай!

Киона снова стала читать. Ее голос при этом становился все более и более тихим – как будто она делилась какими-то тайнами.

С этим трудно смириться, но, поскольку я могу заглядывать в будущее, я знаю, что мне предстоит умереть здесь, замурованной живьем, и что мои убийцы не понесут в этом мире никакого наказания. Существующее у людей правосудие никак их не покарает. Они проживут еще долгие годы и будут слыть уважаемыми людьми и ревностными католиками. Они, несомненно, потрудятся изобразить меня своим потомкам как послушную и набожную женщину – ну, то есть такую, какими они пытаются изобразить самих себя, – но Иисус, которому всегда все известно, сумеет должным образом осудить их с высоты небес. Он когда-нибудь придет на эту землю, истерзанную страданиями, войнами и беззаконием, светлое существо лучезарной красоты, которое будет моим потомком и унаследует мой природный дар. Я не знаю, какое ему дадут имя, но оно будет иметь какую-то связь с солнцем – тем самым солнцем, которого я уже никогда не увижу.

Я случайно нашла веревку. В этом я вижу знак свыше. Я в последний раз поступлю как человек, свободный в своих поступках, и положу конец своему пребыванию в этом мире. Пусть тот (или та), кто прочтет эти страницы, сжалится надо мной и уничтожит их, чтобы тем самым избавить от неприятностей моих детей.

Киона замолчала. Ее руки слегка дрожали. Она едва удерживалась оттого, чтобы не расплакаться: ее снова потрясли эти строки, в которых, по всей видимости, говорилось и о ней.

– Последний абзац, получается, был написан именно для того, чтобы упомянуть веревку. Алиетта хотела сообщить о том, что собирается наложить на себя руки.

– Какая жуткая история! – сокрушенно покачала головой Эрмин. – Папа, так ты, получается, не знал правды?

– Получается, что не знал! Тебе нужно понимать, какой она была, та эпоха – конец девятнадцатого века. Когда я родился в 1883 году, Алиетта была уже мертва. Мне помнится, что, когда мне было лет пять, мне говорили о моей бабушке как об умершей, за которую надо молиться во время мессы.

– Папа, если я все правильно поняла, ты вырос в том старом каменном доме, в котором была заживо замурована в чулане Алиетта? – спросила Эрмин, перестав обращать внимание на Киону.

– Похоже, именно так, и от этого у меня стынет кровь в жилах.

– В таком случае кто нашел этот дневник? – воскликнула Эрмин. – Если это сделали те, кто убил Алиетту, то почему они сохранили его, хотя на последних страницах их прямо обвиняют в совершении преступления?

Киона вдруг каким-то отчужденным голосом попросила их замолчать. Они, слегка удивившись, повиновались. Киона закрыла глаза, прижала к лицу ладони и оставалась в таком положении несколько долгих минут. Наконец она выпрямилась и посмотрела на своих собеседников.

– Простите меня. Я услышала в своем рассудке какой-то шум. Это наверняка шептала Алиетта. Она хотела мне что-то объяснить. Похоже, что перед тем, как построить свою стену, Гедеон и Жак решили поговорить со своей узницей. Позвав ее и не получив никакого ответа, они были вынуждены сорвать доски, которыми заколотили дверь, и войти в чулан. Они обнаружили ее там мертвой, но, поскольку самоубийцам нельзя было устраивать похороны по церковному обряду, они стали утверждать, что она погибла в результате несчастного случая. Что касается тетради, то им, конечно же, на всякий случай следовало бы ее сжечь, но они ограничились лишь тем, что просто ее хорошенько спрятали. Как бы там ни было, они не умели читать – ни один, ни другой.

– Но ведь Мари – сестра папы, которая прислала ему эту шкатулку по почте, – читать умеет! Ты думаешь, у нее не возникло желания из любопытства полистать эту тетрадь?

– Этого я не знаю, – мрачно ответила Киона. – Могло получиться так,

что она прочла этот дневник и, чтобы избавиться от него, прислала сюда.

– А я думаю, что она – из суеверия – даже не прикоснулась к ней, – предположил Жослин. – Кроме Мари, все мои родственники со стороны семьи Шарденов уже в могиле. Все члены семьи Ноле тоже умерли. Вот они были неплохими людьми. Именно поэтому я в санатории Лак-Эдуар называл себя Эльзеаром Ноле.

– Ноле были неплохими людьми? – удивилась Киона. – Но они ведь никак не защищали свою дочь от ее мужа!

– Они владели фермой возле Труа-Ривьер, но им там не нравилось и они вскоре уехали оттуда и обосновались возле города Квебек.

– А о Регине – дочери Алиетты – ты мне никогда ничего не говорил, папа, – упрекнула Жослина Эрмин.

– Моя тетя стала монахиней в тридцать лет. Ей не хотелось выходить замуж, хотя она и была красивой.

– А разве для того, чтобы жениться или выйти замуж, обязательно быть красивым? – с возмущением спросила Киона. – Меня считают красивой, но после прочтения вот этого письма я отнюдь не горю желанием связывать свою судьбу с судьбой какого-либо мужчины. Я хочу оставаться свободной в своих поступках и своих решениях.

– Моя дорогая, посмотри на мой пример. Я вышла замуж за Тошана в возрасте шестнадцати лет, и мы страстно любим друг друга. Наша совместная жизнь доставляла мне удовольствие и до сих пор доставляет – каждый день.

– Неужели? Я люблю своего сводного брата и восхищаюсь им, но он хотел помешать тебе сделать карьеру оперной певицы. Вы даже расстались на некоторое время, когда ты настояла на том, что тебе нужно выполнять контракты, заключенные с «Капитолием». Мне разболтали это Лора и Мадлен. Если вам интересна моя точка зрения, то могу сказать – в том числе и тебе, папа, – что я не верю ни в большую любовь, ни в семейное счастье, пусть даже я и не стану приводить другие негативные примеры.

Эрмин поняла, что Киона намекает на Шарлотту и Людвигу. Жослин, который не знал, что с ними на самом деле произошло, вдруг, в свою очередь, стал возражать.

– Несмотря на то что мы с Лорой на несколько лет расставались в силу обстоятельств, я подчеркиваю, что нам очень нравится наша семейная жизнь. Разве не замечательно то, что Бог даровал нам сына – нашего Луи?

– Да, это настоящее чудо, – слегка сыронизировала Киона.

– Какое еще чудо? Я еще не был старым, а Лоре едва исполнилось сорок лет. Если так рассуждать, то и ты была настоящим чудом. Ну да

ладно, улыбнись мне своей прекрасной улыбкой. Я рассчитываю прожить еще достаточно долго для того, чтобы повести тебя к алтарю и полюбоваться твоим белым подвенечным платьем. У меня не было возможности испытать подобное огромное счастье во время свадьбы твоей сестры, и я до сих пор об этом жалею.

Вдруг в дверь постучали. Это была Акали, прибежавшая с первого этажа.

– Телефон, месье Жослин! – крикнула через дверь она. – Звонят из полицейского участка.

– Черт побери, что им от нас еще нужно? Иду.

Киона, после того как к ней в комнату зашли отец и сводная сестра, закрыла дверь на задвижку, чтобы им троим никто не мешал. Жослин отпер дверь, но, прежде чем выйти из комнаты, посмотрел на Киону и Эрмин встревоженным взглядом.

– Ни слова о преступлении семьи Шарденов из Труа-Ривьер! – прошептал он. – По крайней мере, не сегодня. Мы договоримся все втроем, как нам себя вести. А пока что никто ничего не должен знать.

– Хорошо, папа, не переживай! – согласилась Эрмин. – Иди, мы спустимся на первый этаж вслед за тобой.

Как только Киона и Эрмин остались вдвоем, Киона прижала дневник Алиетты к своему сердцу.

– Мне хотелось бы как-то компенсировать то зло, которое ей причинили. Она стремилась жить свободно и использовать свой природный дар на благо других людей, но ей не позволили этого делать: ее довели до самоубийства. Но я сменю ее на этом поприще, клянусь, и я не буду никого любить... по крайней мере, ни одного мужчину.

Эрмин с печальным видом обняла Киону за плечи и погладила пальцами по щеке.

– У тебя еще есть время на то, чтобы изменить свое мнение, сестренка. Я вообще-то не понимаю, почему тебя все это так сильно беспокоит. Ты очень много об этом говоришь после инцидента с Делсеном. Мы ведь вовсе не торопимся увидеть тебя замужней женщиной. Киона, когда любят всем сердцем, физические отношения становятся возвышенными. Я не осмелилась бы говорить на эту тему со своими дочерьми, поскольку они еще не такие взрослые, как ты. Если в твоей жизни произошло неприятное событие, не обращай на него внимания. Ты была откровенна со мной, когда мы возвращались сюда. Ты призналась мне, что тебя взволновали его поцелуи, но ты почти сразу же почувствовала страх и неприязнь. Мне кажется, это произошло потому, что ты не любила Делсена. Ты морочила

самой себе голову много месяцев – и даже лет – из-за человека, который тебе явно не подходил.

– Прошу тебя, Мин, не пытайся меня подбадривать. Мне никто не подойдет. Я предпочитаю посвятить свою жизнь детям – тем, которые страдают в своем сердце и своей душе.

– У нас будет возможность поговорить об этом еще раз, потому что я проведу несколько дней здесь. А теперь давай быстренько спустимся на первый этаж. Мне интересно, что же понадобилось полиции. Возможно, это имеет какое-то отношение к Пьеру Тибо.

Эрмин и Киона вышли из комнаты. Когда они уже спускались по лестнице, Киона хлопнула ладошкой по руке своей сводной сестры.

– Это Делсен. Думаю, что полицейским захотелось предупредить папу. Я уверена, что Делсен сбежал и что это произошло еще несколько дней назад. Возможно, в тот вечер, когда умерла Шарлотта. Или даже раньше. Когда я заснула на берегу реки на камне, он мне приснился. Он тогда был уже далеко, в Нью-Йорке. Лично мне на это наплевать, потому что наши с ним жизненные пути больше никогда не пересекутся.

Когда они спустились на первый этаж, Жослин с мрачным выражением лица сообщил им примерно то же, что только что сказала Киона. Делсену, оказывается, удалось удрать в Торонто от полицейских, когда его две недели назад перевозили из больницы в тюрьму.

– Да пусть бежит, куда хочет! На этот раз я уже не помогала ему удрать, – заявила с легкой улыбкой Киона.

В дверях гостиной появилась Адель. Киона подбежала к ней, подняла ее и поцеловала.

– Ты пойдешь играть с нами? – спросила малышка. – Констан нашел лягушку. Он хочет тебе ее показать.

– Хорошо, иду...

Жослин проводил их взглядом и уселся в свое любимое кресло. Покачав затем головой, он сказал своей старшей дочери:

– «Светлое существо лучезарной красоты, которое будет моим потомком и унаследует мой природный дар». Так написала моя бабка. Черт побери, эти слова вполне соответствуют действительности, однако я боюсь, что Кионе тоже придется помучиться, когда она станет взрослой.

– Она и так уже взрослая, папочка, – ответила Эрмин.

Она подошла к пианино и, нажимая на клавиши из слоновой кости, извлекла из них простенькую мелодию, играть которую ее несколько лет назад научил Ханс Цале, а затем стала еще и тихонько напевать:

На ступеньках дворца,
На ступеньках дворца
Красавица гордо сидела.
Так много парней ей призналось в любви,
Так много парней ей призналось в любви,
Что выбрать она не сумела... [32]

- Почему ты это поешь? – спросил Жослин, зажигая свою трубку.
- Сама не знаю. Эта мелодия пришла мне на ум – только и всего.

Резервация Пуэнт-Блэ, четверг, 31 августа 1950 года

В этот день в резервации, расположенной на самом длинном мысе, выдающемся далеко вглубь озера Сен-Жан, дул сильный ветер, однако небо было голубым и безоблачным. Оно отражалось в озере, по поверхности которого бежали волны. Киона со сжимающимся сердцем смотрела на домики, обшитые досками, и на полотняные палатки, которые были установлены здесь много лет назад и которые периодически ремонтировали, но никогда не сворачивали. Киона приезжала сюда в первый раз в прошлое воскресенье – приезжала вместе со своей бабушкой Одиной.

«Маштеуиатш! Это имя такое ласковое, такое певучее!» – подумала Киона, бросая печальный взгляд на старую школу резервации Пуэнт-Блэ, которую еще с начала столетия содержали церковники из Шикутими, считавшие своей священной обязанностью обучать маленьких «дикарей». Однако в эту школу пошли не все дети индейцев монтанье, и поэтому Овид Лафлер открыл свою частную школу, чтобы учить читать и писать все еще неграмотных маленьких индейцев в надежде на то, что они смогут затем пойти в начальную школу.

«Моя мама приводила меня сюда, когда я была маленькой? Что-то я этого не помню, хотя память у меня прекрасная! Тала-волчица не любила ни это учреждение бледнолицых, ни слово “резервация”».

Киона была сейчас одета в бежевые полотняные штаны и просторную зеленую рубашку. Она, полная недобрых предчувствий, шла между бараками, вызывая интерес у малышей и их матерей. «Они знают, кто я такая, – подумала она. – Я это чувствую, я это знаю. Великий Дух, почему я всегда избегала этих мест, где живет мой народ, изнывающий от ностальгии? Я презирала Овида, а он ведь, между прочим, пытается сделать что-то полезное для индейцев монтанье, моего народа».

Подойдя к сооружению из длинных жердей и больших кусков полотна, Киона остановилась. Она так сильно разволновалась, что во рту у нее пересохло. К ней направилась какая-то женщина, одетая в платье из серой хлопчатобумажной ткани. Ее длинные черные волосы были заплетены в косы. Эта женщина заговорила с Кионой на французском языке.

– Наку тебя уже заждался, Киона. Пожалуйста, заходи. Я приготовила чай. Есть и просто питьевая вода. Я оставлю вас одних.

– Благодарю тебя.

Чувствуя неловкость перед тем, кого ей хотелось называть своим прадедушкой, Киона скользнула в вигвам. В нем, поджав свои тощие ноги, сидел на ковре старик. В руках с пергаментной кожей он держал ожерелье из маленьких ракушек. Он посмотрел на Киону своими блестящими и пронизательными черными глазами, которые казались молодыми вопреки множеству морщин, покрывавших его лицо с орлиным носом.

– Я рада снова тебя видеть, Наку, – прошептала Киона на языке монтанье.

– Почему же ты дрожишь? Садись передо мной и дай мне выпить воды, – ответил старик на том же языке.

Киона поспешно опустила на колени, наполнила металлический стакан водой и дала его Наку. Он сделал глоток, отставил стакан в сторону и затем протянул Кионе ожерелье, которое он держал теперь своей левой рукой.

– Я сделал для тебя много подобных ожерелий, Киона. Я делал их каждый раз, когда твоя мать Тала приходила ко мне и просила: «Помоги моему ребенку, почтенный Наку, защити его от духов из потустороннего мира, которые его терзают». Мне было жаль Талу. Моя внучка обладала мужеством и гордым сердцем волчицы, но вышла замуж за бледнолицего.

Старик замолчал и пошевелил губами так, как будто жевал какую-то невидимую еду.

– Тала доставила мне много неприятностей. А ей самой доставляла неприятности ее красота. Ты пришла ко мне в том возрасте твоей жизни, в котором хочется узнать побольше про других людей и про саму себя. Ты правильно делаешь, что торопишься: этой зимой я усну навсегда. Шоган тоже просил у меня ожерелья и амулеты, и всегда для тебя, Киона. Этим летним днем я наконец-то увидел тебя такой, какой ты стала, – красивой молодой женщиной. Но я недоволен. Твои волосы! Зачем ты подрезала свои волосы? Я в своих снах всегда видел тебя с длинными косами – косами цвета заходящего солнца.

– Я сделала это для того, чтобы саму себя наказать! Это было

жертвоприношение.

Киона сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить свое бешено колотящееся сердце. Рядом с Наку она была лишена энергии, своего ясновидения и воли. Этот человек вот уже несколько десятилетий славился своей шаманской силой и видениями, которые случались с ним как во сне, так и наяву. Он, без всякого сомнения, знал о ней, своей правнучке, буквально все, однако ему, похоже, хотелось, чтобы она откровенно рассказала о себе сама. Поэтому Киона – обстоятельно и ничего не опуская – поведала Наку обо всем том, что произошло с ней в июле, начиная со своего побега с Делсенем и заканчивая преждевременной кончиной Шарлотты. В ходе своего рассказа она, однако, задала ему один конкретный вопрос, который еще никому задавать не осмеливалась.

– Ты спрашиваешь у меня, почему у тебя было видение о том, как твою мать насилует бледнолицый, когда за тобой гналось дитя демонов? – пробормотал старик. – Тала показала тебе его, чтобы дать силы, необходимые для борьбы со злом и для победы над ним. Это произошло давно, на берегу Перибонки, когда твой брат Тошан был еще совсем маленьким. Один бледнолицый взял ее силой, угрожая ей ножом. Ее муж – высокий ирландец – об этом не узнал, но я отправил Махикана – одного из самых смелых мужчин моего народа – наказать виновного. Ты должна это правильно понять, Киона. Врать, скрывать свои раны – это нехорошо. Талеволчице нужно было бы рассказать о том случае своему мужу. Он разобрался бы с обидчиком сам.

Киона, ошеломленная этим откровением, сказала растерянно:

– Однако мне следовало бы узнать об этом намного раньше. У меня никогда не было никаких видений на этот счет. Наку, зачастую тяжело жить с тем природным даром, которым я обладаю, и порой очень трудно вдруг оказываться на время лишенной этого дара, причем непонятно почему. Мне хотелось бы иметь возможность управлять этим даром, который все называют сверхъестественными способностями.

– Дай мне еще воды, малышка. Когда много говоришь, начинает хотеться пить.

Киона посмотрела на своего дедушку пристальным взглядом, и ей не поверилось, что он и в самом деле умрет следующей зимой. «Я бы это предчувствовала!» – подумала она.

– Не в том беспокойном состоянии, в котором ты сейчас, – ответил старик.

Произнося эти слова, он улыбнулся, обнажив свои десны, на которых уже не хватало многих зубов.

– Ты прочел мои мысли, – сказала Киона, не испытывая большого удивления.

– Я читаю их с того момента, как ты пришла сюда. Тебе не терпится раскрыть мне свой секрет, но ты боишься это сделать.

– Твой рассудок наглухо закрыт, – посетовала девушка с таким видом, как будто Наку ее коварно перехитрил.

– Потому что я хочу, чтобы он был закрыт. Ты считаешь себя достаточно хитроумной для того, чтобы обхитрить почтенного шамана Наку, родившегося еще в прошлом веке? Киона, мне уже девяносто два года, и жизненного опыта у меня намного больше, чем у тебя.

Старик насмешливо, но при этом абсолютно беззлобно рассмеялся.

– Возьми вот это ожерелье. Оно тебе поможет, Киона. В каждой маленькой ракушке содержится много магии. Ты совершила ошибку, когда обрезала себе волосы и сожгла их, ведь твой мозг стал беззащитным. Он остается беззащитным и теперь. А это ожерелье тебе поможет.

Киона послушно повесила ожерелье себе на шею. Наку с удовлетворенным видом хлопнул в ладоши.

– Я благодарю тебя от всего сердца за амулеты и ожерелья, которые избавили меня от многих страхов, когда я была маленькой девочкой, и за это ожерелье, такое красивое, что я не буду его снимать никогда, – сказала Киона.

– Ты можешь снять его, когда твои волосы дорастут вот до сих пор! – заявил старик, показав на грудь Кионы. – В тот день ты почувствуешь себя уверенной, мудрой и преисполненной радости.

Киону подбодрили эти слова, но она все никак не находила в себе достаточно мужества для того, чтобы заговорить о самой мучительной для нее проблеме. Ее прадедушка оставался невозмутим. Если он и читал ее мысли, то никак этого не выказывал.

– Почтенный Наку, – заговорила она, – мы все идем по пути, начертанному высшими духами, – пути, который бледнолицые часто называют судьбой. Еще в раннем детстве у меня бывали видения о том, что произойдет на таком пути у тех или иных людей – как у близких мне, так и у чужаков. Я также могла перемещать часть моего существа в пространстве, чтобы прийти на помощь своему брату или другу, если вдруг начинала чувствовать, что с ними случилось несчастье или что им угрожает опасность. Чем больше я росла, тем больше у меня появлялось уверенности в том, что я могу противостоять судьбе, вмешиваться в ход событий. Однако теперь я в этом уже отнюдь не уверена. Лоранс, дочь Тошана, – она утонула бы без моей помощи или нет? А сын одной моей

знакомой женщины, следы которого я сумела разыскать, вернулся бы он и без моей помощи к своей матери или нет? Я не могу привести тебе все примеры, потому что...

– Потому что сейчас тебя по-настоящему волнует только один из них. Ты уверена, что Шарлотта, которую я хорошо знал, умерла по твоей вине. Нет, не из-за того сна, заставившего тебя на время позабыть о ней и тем самым удалившего тебя от нее. Ты полагаешь, что твой путь накладывается на ее путь, что ей пришлось исчезнуть ради того, чтобы ты могла получить кое-что, чего ты жаждешь. Скажи это своими словами, Киона, а иначе ты останешься слабой и свет вокруг твоего лба потускнеет.

Киона отрицательно покачала головой. К ее глазам подступили слезы, и ее охватило невыносимое нервное напряжение.

– Я уже сказала тебе, что я спала тогда, когда Шарлотта от нас ушла. В этом сне я видела маленькую частичку своего будущего, в котором огромное место занимал Людвиг. Я отказалась это признавать. Мне хотелось, чтобы я ошиблась. Однако немного позднее я узнала о смерти Шарлотты. У меня и в самом деле возникло ощущение, что это я вытолкала ее из мира живых, чтобы когда-нибудь занять ее место – растить ее детей и любить ее мужа. Вот так! Теперь ты доволен? Я сказала это своими словами и теперь схожу с ума от стыда и отчаяния. Затем я видела еще два странных сна, и в них обоих мне снился этот мужчина. Между мной и ним в этих снах было так много нежности! Полная гармония. Но я не хочу этого, я не желаю, чтобы такое произошло – ни сейчас, ни через десять лет!

– Я помню этого Людвига, – сказал старый индеец угрюмым тоном. – Он заботился обо мне в горах целую зиму. Он бледнолицый, но он не склонен к обману. У него нет никаких пороков. Впрочем, какой смысл говорить тебе то, что ты и сама знаешь? Киона, ответь мне откровенно. Ты считаешь себя Маниту, Великим Духом или Верховным богом бледнолицых?

– Нет, Наку, никем из них я себя не считаю! – возразила Киона.

– Почему же ты в таком случае думаешь, что женщина, которую ты любила, умерла по твоей вине? Шарлотта боялась рожать этого ребенка: она была уверена, что умрет во время родов. Ты не имела никакого отношения ни к этому ее страху, ни тем более к ее смерти. Она обрела покой. Я ее оплакивал, ты тоже. Так что все в порядке. Ты многого недодумываешь. Если бы Шарлотта умерла там, в стране своего мужа, ты вообще не была бы в этом замешана. Однако Людвиг вернулся сюда, на берег озера Пиекоиагами. Дорога этого бледнолицего проходила мимо тебя. Война привела его на нашу землю, а твой брат Тошан спас ему жизнь.

Почему он прятался возле водопада Уиатшуан? А вдруг ему надлежало сблизиться именно с тобой, Киона, в ту зиму, в которую ты привела Шарлотту к нему в силу твоего стремления делать людей счастливыми? Я сказал: «А вдруг». Ничего больше.

– И что я должна делать? – спросила Киона, уже чувствуя облегчение.

– Идти по своему невидимому пути и не верить во всякие глупости. Без своего дара предвидения ты не смогла бы взглянуть на ту частичку своего будущего. По мере того как время идет день за днем, ты будешь убеждаться в том, что этот мужчина заставляет твое сердце биться сильнее. Ты поняла бы это, даже если бы Шарлотта не умерла, а жила еще долго-долго.

– Он хочет вернуться к себе на родину, в Германию.

– Позволь ему уехать. Он вернется. В тот день, когда он вернется, ты сможешь снять это свое ожерелье.

– А если я помешаю ему уехать? Шарлотта явилась ко мне из потустороннего мира и попросила позаботиться о ее детях. Я их люблю, и мне хотелось бы оставить их у себя.

– В таком случае договорись с их отцом. А главное – не бойся. Ты наделена большой силой. Киона, я устал. Мои веки слипаются. Ты должна меня отпустить. Скажи своей сестре, пусть она споет моему народу еще до наступления зимы. Мне хотелось бы послушать ее хотя бы раз. Шоган сказал мне, что у нее очень красивый голос.

– Я обещаю тебе, что скажу ей это, почтенный Наку, и я благодарю тебя за то, что ты освободил мою душу и вытащил из моего сердца колючку, причинявшую мне боль.

Старик ничего ей не ответил. Его глаза уже были закрыты: он сидел неподвижно и спал.

Глава 16

После тревожного лета

Роберваль, пятница, 1 сентября 1950 года

Киона сидела в беседке, а у нее на коленях лежала тетрадь Алиетты. Небо было покрыто серыми тучами, шел мелкий дождь. Из-за белого забора, вдоль которого росло множество белых роз, доносилась песня волн озера. Волны эти были более быстрыми и более высокими, чем обычно. Все домочадцы пообедали вместе и затем разошлись кто куда – каждый по своим делам. Акали занялась наведением порядка в комнатах. Мадлен стала одевать детей, готовя их к ставшей уже почти ритуальной прогулке по бульвару Сен-Жозеф. Лора и Жослин уселись слушать радио в гостиной, а Эрмин принялась писать письма, расположившись в столовой в компании Мирей, которая погрузилась в одно из своих любимых занятий – составляла меню на следующую неделю.

«Как тихо! – подумала Киона. – Мне нужно воспользоваться этим, чтобы поразмышлять».

После посещения резервации она почувствовала себя гораздо спокойнее. Левой рукой она прикасалась к маленьким ракушкам своего ожерелья, словно пытаясь впитать в себя их магию. Она прикоснулась также к медальону Алиетты, и это заставило ее вспомнить о том волнении, которое она испытала, когда узнала об обстоятельствах трагической смерти ее прабабушки. «Что нам следует делать, Алиетта? – мысленно спросила она, закрывая глаза. – Твои палачи умерли много лет назад, пусть даже, по словам Эрмин, Лора и увидела старого Гедеона через окно фермы, когда ей и Жослину пришлось оттуда ретироваться, потому что их выгнала Мари, ревностная католичка, которая, должно быть, не очень внимательно читала Евангелие».

Жослин предпочел ни о чем не рассказывать ни Лоре, ни тем более другим членам семьи. Эрмин его в этом поддержала.

– Нужно забыть, Киона, – заявила Эрмин днем раньше, когда они снова принялись обсуждать эту трагическую историю. – Ты говорила нам, что у тебя были видения, в которых Алиетта сверкала, а это означает, что она находится посреди божественного света и что она прощена.

Киона, поморгав, посмотрела на розовые кусты, листья которых, смоченные дождем, блестели.

– Ну хорошо, давай забудем! – сказала она тихим голосом. – Я уже получила послания, в которых нуждалась. Я, кстати, и сама являюсь посланницей каких-то невидимых сил. Я не должна бояться быть такой, какая я есть. По словам Наку, я не имела никакого отношения к кончине Шарлотты.

В словах почтенного шамана Киону кое-что удивляло. Он, похоже, был уверен, что она почувствовала бы влечение к Людвигу даже в том случае, если бы его законная супруга не умерла. «Не могу в это поверить, – подумала Киона. – Это правда, что я первой встретила с ним на улице Сен-Анн и первой стала помогать ему, но ведь я была тогда всего лишь ребенком – его маленькой Кионой».

Киону оторвала от ее мыслей пришедшая из кухни Эрмин.

– Моя дорогая, ты дышишь свежим воздухом? Меня этот дождь наводит на мысли о зиме.

– До зимы пока далеко, и у нас впереди еще прекрасная осень. Мин, ты выполнишь желание Наку?

– Ну конечно! Я тронута тем, что он хочет услышать, как я пою, тем более если он чувствует, что его смерть уже близко. Мне нужно, чтобы ты подсказала мне, какие песни и какие арии из опер мне ему спеть. Жаль, что я не владею языком монтанье – знаю лишь несколько слов. Мне хотелось бы уметь петь на этом языке хотя бы отрывок из какого-нибудь произведения.

– Это прекрасная идея. Я могу тебе помочь. Выбери произведение, и я его переведу.

Они улыбнулись друг другу с заговорщицким видом, радуясь тому, что им придется потрудиться вместе. Эрмин легонько постучала указательным пальцем по тетради.

– А что мы будем делать с этим скандальным дневником? Папа хочет его сжечь, чтобы уже никто не смог его прочесть.

– Ни в коем случае! – запротестовала Киона. – Я буду хранить этот дневник в моей комнате. Впрочем, я согласна с тем, что нужно помалкивать об этом ужасном прошлом и попытаться о нем забыть. Такова была воля Алиетты.

Эрмин осмотрелась по сторонам – так, как будто ее прабабка могла находиться где-то поблизости, – а затем с раздосадованной улыбкой прошептала:

– Знаешь, Киона, когда слушаешь тебя, начинаешь осознавать, что параллельный мир и в самом деле существует, но просто сам ты по отношению к нему глух и слеп. Иногда меня бросает от этого в дрожь, но

бывает и так, что я начинаю тебе завидовать. В детстве ты видела призраков, но они тебя, похоже, не очень-то пугали. Но как тебе удавалось и удается их видеть?

Киона посмотрела на Эрмин и одарила ее своей удивительной улыбкой.

– Ты ошибаешься, мне очень часто становилось страшно, а особенно в Валь-Жальбере, когда я решила заглянуть в прошлое. Это было ужасно: призраки тех, кто когда-то жил и умер в поселке, вдруг, казалось, решили заявить о себе. В бывший универсальный магазин частенько наведываются какие-то призраки, я в этом уверена. Я отчетливо помню о том, что тогда чувствовала. Знаешь, сейчас я с тобой разговариваю, и мне при этом кажется, что кто-то шепчет мне на ухо, что я не одна такая. Вполне возможно, у многих людей имеются такие способности, как у меня, – у кого-то в большей степени, у кого-то в меньшей, – но эти люди их не замечают. Ты использовала только что очень удачную формулировку: они глухи и слепы. Возможно, потому, что они к себе не прислушиваются и отказываются открывать глаза и замечать подаваемые им знаки.

– Что ты хочешь этим сказать? – с интересом спросила Эрмин, садясь рядом со своей сводной сестрой.

– Долгими зимними вечерами в Большом раю ты подробно рассказывала нам о своем детстве и юности. Разве тебе не снился частенько человек в темных одеждах, управляющий санями, которые тащат по снегу собаки? Когда ты была сиротой, за тобой ухаживали монахини, и ты не знала, что твои родители в действительности живы. Тем не менее ты ждала их и видела во сне, что наш отец идет по белой пустыне. Та женщина в черном, которая держалась в глубине зала ресторана в «Шато-Роберваль», тебя зачаровывала. Ты не догадывалась, что это вообще-то твоя мать, но вот твой дух это заметил. Я в этом уверена.

Эрмин, кивая, попыталась припомнить другие эпизоды из своей жизни, когда у нее бывали предчувствия и вещие сны. Однако она так ничего и не вспомнила.

– Кроме этого сна про папу – сна, который, надо признать, доставил мне в свое время немало беспокойства, – у меня, я думаю, не было и одного процента тех проявлений экстраординарных способностей, которые были у тебя, хотя... Давай-ка лучше сменим тему разговора. Какую бы мне выбрать песню, чтобы она понравилась Наку и другим индейцам в резервации? Песню про то, что вызвало бы у них интерес и растрогало бы их.

– Мы могли бы поговорить об этом с папой сегодня вечером. С папой и

с Мадлен. Нам всем необходимо немного развеяться, и это будет неплохим развлечением. Нужно будет организовать этот необыкновенный концерт где-то в октябре или же в начале ноября. А еще ты могла бы спеть для тех, кто лечится в санатории.

Эрмин с печальным видом покачала головой.

– Откровенно говоря, у меня нет ни малейшего желания петь. Спеть несколько арий в Пуэнт-Блё, чтобы выполнить просьбу Наку, который является прадедушкой и для Тошана, – так и быть, это я сделаю. Но должна тебе признаться, что я вообще-то аннулировала все свои договоренности в Квебеке и Монреале – два концерта, запланированные на конец сентября, и еще три концерта в октябре. Мне уже надоело петь, когда мое сердце разрывается на части. Когда я пела на похоронах Шарлотты, мне показалось, что я вот-вот упаду в обморок. Мне тогда хотелось не столько петь, сколько выть от горя.

Киона взяла свою сводную сестру за кисти рук и сжала их, а затем посмотрела прямо в ее голубые глаза пристальным взглядом.

– Эрмин, если я создана для того, чтобы общаться с потусторонним миром и спасать людей благодаря моим видениям, то ты создана для того, чтобы петь, чтобы очаровывать наши сердца и покорять души своим золотым, необыкновенным голосом.

– В сфере оперного пения появляются новые великолепные голоса, Киона. Я продвигу потрясающую карьеру Марии Каллас. Я купила одну из ее пластинок. У нее неслыханный талант. А Рената Тебальди^[33], которая широко известна в Европе, обладает удивительным тембром голоса.

– Ты тоже, Мин!

– Несомненно, но я намереваюсь проводить больше времени с Констаном и Катери, а также со своими родителями и мужем. Однако прежде всего я должна соблюсти траур по моей маленькой Лолотте.

– Да, конечно, но при условии, что ты будешь продолжать работать над своим голосом, репетировать арии из опер и доставлять радость людям. Прошу тебя, подумай об этом, это важно.

– Ты права, не следует пренебрегать тем даром, который я получила свыше. Я частенько забываю о той страсти к пению, которая была у меня в твоём возрасте.

Эрмин, неожиданно почувствовав облегчение, улыбнулась Кионе. Она не заметила тех благотворных флюидов, которые струились из изящных рук ее сводной сестры и проникали во все тело ее, Эрмин, действуя на нее успокаивающе.

– А если я спою для Наку и его соплеменников что-нибудь из

репертуара Эдит Пиаф? Перевести слова, правда, будет трудно, даже если ты и решишь сделать перевод вольным. В мае этого года Эдит Пиаф записала «Гимн любви» – замечательную песню, которую она сочинила для боксера Марселя Сердана приблизительно за месяц до его смерти. Мама до сих пор жалеет о том, что не смогла попасть на выступление Эдит Пиаф в нью-йоркском кабаре «Версаль», в котором та исполнила эту песню впервые. Это было в сентябре прошлого года^[34]. Ты знаешь эту песню?

– Нет. Думаю, что нет.

– Я купила пластинку с ней в Париже. Я поставлю ее на проигрыватель, чтобы ты ее послушала. Родители возражать не станут.

Киона пошла вслед за Эрмин в гостиную, в которой на чудесном кухонном шкафу из лакированной древесины стоял проигрыватель. У нее появилось какое-то нехорошее предчувствие. Она уж слишком часто думала о Людвиге и упрекала себя за это, несмотря на предсказания Наку. Это было сильнее ее: все то, что имело отношение к любви между женщиной и женщиной, ее сильно смущало.

– Ну и что тут сейчас будет происходить? – спросила Лора, отрываясь от своего журнала.

Жослин, в свою очередь, поспешил выключить радиоприемник на ножках, представлявший собой настоящий предмет мебели.

– Мы собираемся реализовать свое право на красивую музыку! – воскликнул он. – Надеюсь, нам споет Снежный соловей!

– Нет, папа, не я, а Эдит Пиаф, – заявила Эрмин. – Я купила в Париже пластинку, на которой записана ее песня «Гимн любви». Из-за всех тех событий, которые произошли в нашей жизни в последнее время, я забыла дать вам ее послушать.

– Эдит Пиаф? Вот замечательно! – воскликнула Лора.

Киона примостилась на подлокотнике кресла своего отца с насупленным выражением лица – таким, какое бывает у наказанного ребенка. Вскоре в комнате раздался неподражаемый голос знаменитой французской певицы, зачастую достигающий очень высоких нот.

Может небо свалиться, любимый, на нас,
И разверзнуться может под нами земля,
Но я, чувствуя ласковый взгляд твоих глаз,
Ничего не боюсь, ведь ты любишь меня.
Коль в объятьях твоих я от страсти томлюсь
И у нас без любви не проходит и дня,
Я, любимый, проблем никаких не боюсь,

Потому что, мой милый, ты любишь меня...

Лора, расчувствовавшись, смахнула слезу. Эрмин, стоявшая опершись на буфет, украдкой посмотрела на Киону. Удивленное выражение на лице этой девушки и ее приоткрытый рот говорили о том, как сильно потрясла ее эта песня. Однако долго разглядывать Киону Эрмин не смогла: та вдруг поспешно вышла из гостиной.

«О-о! Эти слова... “Буду вечно, любимый, я рядом с тобой... Волей Божьей влюбленных сольются сердца”... – подумала Киона. – “Коль в объятиях твоих я от страсти томлюсь”... Томилась ли я от страсти, когда ко мне прикасались пальцы Делсена? Томилась, но очень слабо. Очень слабо. Его поцелуи вызывали у меня необычное волнение, а вот прикосновений его рук я не переносила. А если бы со мной то же самое делал Людвиг? Было бы то же самое, я в этом уверена. Я никогда не стану жертвой такой любви – любви телесной».

Она укрылась в сарае, где стояли три велосипеда и у дальней стены лежал садовый инвентарь, которым Лора пользовалась раз в несколько месяцев.

– Киона! – позвала Эрмин, переступая порог сарая.

– Оставь меня в покое! Ты перестаралась, когда захотела, чтобы я послушала эту песню и голос этой женщины, заставляющий сжиматься сердце.

– Это правда, но я надеялась, что благодаря Эдит Пиаф и ее песне ты поймешь, что любовь может сделать жизнь прекрасной и придать ей удивительную пикантность!

– Для большинства девушек и женщин – может быть, но не для меня.

Эрмин подошла к Кионе и, обняв ее, звонко поцеловала ее в щеку.

– Ты и в самом деле рассердилась?

– Нет, я скорее переживаю за свое будущее. Делсен не был в меня влюблен. Однако мне следует понимать, что когда-нибудь какой-нибудь мужчина может влюбиться в меня по-настоящему. Как объяснить ему, кто я на самом деле такая, и при этом не заставить его дать от меня деру? Я только что спросила сама себя, не является ли предостережением для меня то, что я чувствую неприязнь, когда слышу или читаю такие фразы, как, например: «Мое тело будет трепетать в твоих объятиях».

– Какое еще предостережение?

– А такое, что, когда я стану женщиной, возможно, утрачу свой природный дар.

– Так ты же сама часто этого хотела. Это отнюдь не было бы ужасным, если бы ты стала чувствовать себя счастливой. Киона, ты выдумываешь всякую ерунду. Тебе известно, что у почтенного Наку было несколько жен и множество детей, однако своих природных способностей он не потерял? Тошан как-то раз вечером, незадолго до рождения Катери, рассказал мне о длинной и бурной жизни Наку.

– Мужчины наверняка менее подвержены воздействию эмоций, чем женщины. Кроме того, они не рожают детей.

Этот спор и забавлял, и огорчал Эрмин. Она увлекла свою сводную сестру вслед за собой в сад. Они пошли в беседку, потому что дождик – поначалу очень слабый – стал усиливаться.

– Как бы там ни было, – прошептала Киона, – если зачатие было бы таким же тяжелым и мучительным, как рождение детей, земля обезлюдела бы еще много веков назад.

– Господи, в тебе так мало романтики! – воскликнула Эрмин.

– Это всего лишь чистая логика, Мин. Ты для своего выступления в Пуэнт-Блэ можешь, конечно, подобрать что-нибудь из репертуара Эдит Пиаф, но я бы посоветовала тебе спеть арию из оперы «Кармен» – арию, в которой, опять же, говорится о любви. Я предчувствую, что ритм этой музыки им очень понравится.

Затем весь этот день, отвлекаясь лишь на приемы пищи и на игру с детьми, обе сводные сестры занимались составлением списка отрывков из опер и песен, как относящихся к классике, так и современных.

Мало-помалу к этому процессу подключились все взрослые обитатели дома. Даже Мирей – и та настоятельно предложила включить в список между двумя ариями какую-нибудь из широко известных песен ее любимой певицы Ла Болдюк. После ужина в гостиной началось что-то вроде собрания, причем довольно бурного. Вскоре Эрмин решила напеть несколько куплетов – к великой радости четырех малышек, уже одетых в пижамы и разместившихся на диване. Для этого она выбрала одну весьма успешно исполнявшуюся ею песню известной французской певицы Лин Рено.

В мою родную хижину в Канаде
Добраться можно по лесной дороге,
И из ее окна наружу глядя,
Я вижу белок на ее пороге.
На ключ в ней дверь опять я не закрыла:
Украсть в ней вряд ли что-нибудь найдется.

Ее недавно снегом завалило,
И ждет она, когда весна вернется.
Моя родная хижина в Канаде —
Моя судьба, пристанище и счастье.
И в ней всегда, к большой моей отраде,
Любое можно переждать ненастье.
Коль мне так хорошо и здесь живется,
То что еще искать? Чего бы ради?
Ведь сердце у меня все время рвется
Вернуться в мою хижину в Канаде.
Однако все же я хочу признаться,
Что привести в нее давно мечтаю
Того, кто захотел бы в ней остаться,
Чтоб жить в местах, которые я знаю.
В мою родную хижину в Канаде
Вернуться я хочу вдвоем с тобою,
У жаркого костра с тобой присядем,
И нас никто здесь не побеспокоит.
Ну разве что один индеец старый,
Идя по лесу, любопытства ради
Заглянет – горбоносый и поджарый —
В мою родную хижину в Канаде.
Мы песни будем петь по сто раз на день,
Мы дикие цветы пособираем.
Моя родная хижина в Канаде,
Пока ты в ней живешь, нам станет раем.
Мой милый, ну зачем ты где-то рыщешь,
Шагая от одной к другой преграде?
Ведь счастье для себя легко ты сыщешь
В моей любимой хижине в Канаде ^[35].

Констан и Адель в конце песни заплодировали. Их глаза радостно заблестели. Томас, похоже, тоже был очарован, а Катери беззвучно смеялась. Что касается Кионы, то последний куплет вызвал у нее восторг, однако внешне он никак не проявился: ее лицо осталось невозмутимым.

– Мин, эта песня очень понравится Наку. Мне нужно записать ее слова. Мне она тоже нравится.

Вечером, когда Киона легла спать, она уже не думала ни об Алиетте,

ни о своем прадедушке: ее мысли вращались в основном вокруг Людвига. Что делает он в этот поздний час на берегу Перибонки? Киона представила себе костер на поляне и Людвига, сидящего возле этого костра в компании с Тошаном, Мукки и Луи. Его лицо было ей знакомо на протяжении уже нескольких лет, однако впервые ей захотелось прикоснуться к нему кончиками пальцев и положить ладонь ему на лоб. Широко улыбнувшись, Киона закрыла глаза. Она почувствовала себя по уши влюбленной.

Роберваль, среда, 6 сентября 1950 года, дом Эстер

Эстер находилась в снятом ею доме одна. Она создала интерьер в абсолютно современном стиле, чтобы отделаться от воспоминаний о родительской квартире в Париже, в которой доминировали старинные картины, шикарная мебель и тяжелые вышитые шторы. Съев на ужин салат и яйцо, сваренное вкрутую, и расположившись на красном диване, она листала журнал мод. Из новехонького радиоприемника доносилась классическая музыка.

Эстер вот уже в третий раз бросила взгляд на часы. Овид задерживался. Он провел этот день в Сен-Фелисьене, но ночевать должен был приехать в Роберваль. Эти двое любовников старались по возможности не разлучаться: они организовывали свою повседневную жизнь и работу так, чтобы проводить как можно больше времени вместе. Они встречались то на улице Марку, то в Сен-Фелисьене, соединенном с Робервалем железнодорожной веткой. Эстер, ездившей на работу на велосипеде, приходилось садиться на поезд и проезжать на нем всего лишь несколько километров, чтобы навестить к Овиду. Их отношения становились все более и более тесными, и они уже всерьез вознамерились пожениться еще до наступления зимы или же в ее начале – главным образом для того, чтобы положить конец сплетням, которые распространялись о них. Они оба чувствовали, что соседи проявляют к ним довольно большой и не всегда здоровый интерес. Они над этим подсмеивались, понимая, что шокируют своим поведением некоторых благонравных людей.

– Я буду называть себя «мадам Лафлер», – говорила Эстер. – Звучит неплохо.

В этот вечер она снова подумала о предстоящей гражданской церемонии бракосочетания. Ей хотелось, чтобы гостей было немного и чтобы в день бракосочетания шел снег. «Я куплю себе меховую шапочку и длинную накидку с воротником из такого же меха», – усмехнувшись, подумала она.

Улыбка застыла на ее губах, когда стена позади дивана слегка

содрогнулась от глухого удара. Затем послышались еще два удара – такой же силы и такие же глухие.

«О-о, нет, только бы это не началось снова!» – простонала Эстер, вставая и чувствуя, что у нее екает сердце.

Попытавшись успокоить себя мыслями о том, что на дверях уже стоят замки, а окна крепко-накрепко закрыты, Эстер инстинктивно пошла искать себе убежище в кухне – самом маленьком и самом теплом помещении в этом доме.

«Мне следовало бы выйти и прогнать этих злых шутников», – прошептала она.

Однако она стала лишь выжидать. Других ударов не последовало. Ей показалось, что воцарилась какая-то неестественная тишина, хотя из радиоприемника и звучал концерт для фортепиано.

«Уже становится холодно. Осень. Скоро придется включить отопление», – сказала она себе, начиная готовить чай.

Она зажигала газ в конфорке, на которой стоял чайник, когда вдруг на ее правое плечо легла чья-то ладонь. Так легонько к ней обычно прикасался Овид, и она, почувствовав облегчение, повернулась.

«А-а, ты уже здесь!» – сказала при этом она.

Однако позади нее никого не оказалось. Она была в кухне одна.

«Такого не может быть! Я ведь и в самом деле что-то почувствовала, – пробормотала Эстер, в панике уходя из кухни в гостиную. – Овид, приезжай поскорее!»

С ужасом думая о том, что ее может снова коснуться чья-то рука, она включила музыку погромче, как будто та могла развеять ее страх. Однако как только фортепиано зазвучало громче, раздались новые удары, но уже в противоположную стену. Затем вдруг одна за другой затрещали и погасли электрические лампочки. Из радиоприемника донеслись какие-то хрипы, и он перестал работать. Стало темно и очень тихо. Эстер, перепугавшись, издала хриплый крик, чем-то похожий на крик загнанного животного.

«Почему? Почему я?» – забормотала она.

Звуки ударов донеслись со ступенек лестницы. Эстер, уже едва не сходя с ума от ужаса, бросилась к двери главного входа и, отперев замок, распахнула ее. На улице Марку царил тишина. Окна соседних домов были освещены. По ночному небу двигалось множество маленьких облачков. Зеленого «шевроле» с помятым левым крылом поблизости от дома видно не было. Эстер не стала долго раздумывать и сомневаться: единственным местом, где она могла найти для себя безопасное убежище, был дом семьи Шарденов на бульваре Сен-Жозеф.

Эрмин и ее отец сидели в гостиной. Мадлен легла спать очень рано. Ушла в свою спальню и Лора, которую начала мучить головная боль, что случалось с ней очень часто. Однако первой ушла спать Мирей, терзаемая очередным приступом ревматизма. Что касается Кионы и Акали, то они пошли в кино: «Театр Роберваль» в этот вечер предлагал зрителям музыкальную комедию «Пират»^[36], которую два года назад снял Винсент Миннелли и главные роли в которой исполнили Джуди Гарленд и Джин Келли.

– Нам везет: Адель заснула очень быстро, без капризов, – заявил Жослин, складывая свою газету. – Ты заметила, как она привязалась к Кионе? Если твоя сестра не расскажет ей какую-нибудь интересную историю на ночь, она нервничает и плачет.

– Да, но я сумела ее заменить. Моя колыбельная возымела свой эффект.

– Черт побери, если соловей прилетел бы спеть у моего изголовья, я тоже заснул бы очень быстро. Я наконец успокоился насчет Кионы. Насколько я вижу, смерть Шарлотты потрясла ее очень сильно, но она, похоже, уже оправилась от этого потрясения. Не знаю, сыграли ли в этом какую-либо роль мои увещевания, но твоя сестра стала вести себя очень благоразумно. Ты слышала, как за ужином она рассказывала о своих планах?

– Ну конечно, папа, я ведь не глухая, – сыронизировала Эрмин, улыбнувшись. – Я тоже почувствовала облегчение. Киона хочет продолжить свою учебу в школе и – еще того лучше – она наконец-то нашла свой путь в жизни.

– Именно так. Для женщины нет более прекрасной профессии, чем учительница. Как говорила Андреа Дамасс до того, как вышла замуж за моего старого приятеля Жозефа, образование – это то средство, при помощи которого формируются зрелые люди, обладающие самыми важными положительными качествами.

Жослин с довольным видом стал набивать трубку. Ему было чему радоваться: Киона захотела завершить свое обучение не в какой-нибудь школе в городе Квебеке, а в педагогическом училище в Робервале^[37], и это означало, что она не станет уезжать из дому.

– Не забывай о самом главном, папа, – добавила Эрмин. – Киона намеревается обучать главным образом детей монтанье и также заниматься

теми, кто удрал из государственных школ-интернатов. Ожерелье, которое ей подарил прадедушка, обладает, наверное, большой магической силой. Киона преобразилась после того, как стала его носить.

– Да, это весьма подходящее слово, моя дорогая, – «преобразилась». Я чувствую, что она стала решительной и счастливой оттого, что наконец-таки решила, чем будет заниматься в будущем. По правде говоря, мне очень не хотелось бы, чтобы она сталкивалась черт знает с какими людьми, которые стали бы требовать от нее сеансов ясновидения или просить вступить в контакт с их усопшими родственниками.

Эрмин в знак согласия кивнула. Выражение ее голубых глаз стало нежным: она мысленно представила себе свою сводную сестру в роли учительницы, окруженную маленькими девочками с черными косами и медными лицами, а также маленькими мальчиками, которых она, Эрмин, представляла себе такими, каким был Муки в возрасте шести лет.

– Нужно благодарить Бога за то, что он наставил ее на путь истинный, – вздохнула Эрмин. – Бога, Иисуса или Маниту. А может, еще и Алиетту или почтенного Наку!

Этот их разговор продолжался бы и дальше, но тут вдруг во входную дверь постучали. Фокси залаял и побежал рысцой в прихожую.

– Кто это, черт возьми? – пробурчал Жослин. – Сиди, Мимин, я сам схожу посмотрю.

– Да нет же, сиди ты! Ты ведь так уютно устроился! – возразила Эрмин, уже поднявшись на ноги.

Открыв входную дверь, она с большим удивлением увидела на крыльце Эстер – в домашнем халате и тапочках. Ее шелковистые черные волосы были растрепаны, а сама она, похоже, очень сильно чем-то встревожена.

– Эрмин, прошу вас, позвольте мне войти в дом. Можно? Я знаю, что уже поздно, но мне страшно. Очень страшно!

– Заходите, заходите. Что случилось? Проходите в гостиную, мой отец еще не лег спать. Он будет рад снова с вами увидеться.

– Спасибо...

– Ого, да это же Эстер! – воскликнул Жослин. – Какие-то проблемы?

У него имелось вполне достаточно жизненного опыта для того, чтобы догадываться о чувствах других людей, тем более что эта еврейка была сейчас чем-то похожа на загнанного зверя.

– Присаживайтесь, драгоценная наша подруга! – сказал Жослин.

– Хотите чаю или какого-нибудь тонизирующего напитка? – вежливо предложила Эрмин.

– Если у вас есть виски или джин, то я бы немножко выпила.

Эстер запыхалась и дышала очень быстро. Жослин и Эрмин, не решаясь ее расспрашивать, лишь терялись в догадках, что заставило ее прибежать сюда. Никаких следов насилия на ней видно не было, значит, на нее никто не напал.

– Успокойтесь! – сказал Жослин. – Когда отдышитесь, объясните нам, что у вас там произошло.

– Овид задерживался. Я его ждала, но он все никак не приезжал, – начала рассказывать Эстер срывающимся голосом. – И тут вдруг позади меня раздались удары в стену – там, куда я поставила свой диван. Я уже слышала такие удары на прошлой неделе, в понедельник. Электричество тоже отключилось, хотя, как вы сами знаете, никакой грозы сегодня вечером нет. Более того, я почувствовала, как кто-то положил руку сзади мне на плечо. Я обрадовалась, что это приехал Овид, но позади меня никого не оказалось. Вообще никого!

Эстер, еле сдерживая слезы, посмотрела на своих собеседников ошалелым взглядом.

– Вы теперь живете с Овидом? – удивленно спросила Эрмин. – Ой, простите меня за такой бестактный вопрос. Я просто ничего не знала. У нас не было возможности пообщаться с вами с того самого вечера, когда вы приходили сюда за своими вещами.

– А-а, да, я еще только поселилась в доме на улице Марку и была счастлива оттого, что у меня наконец-то есть свое жилье! Но кто-то тогда задул свечу, а лампочки погасли. Овид смог сделать так, что они снова зажглись. Вот с того самого вечера я иногда слышу удары в стену.

Жослин, заинтригованный, поднялся со своего кресла и стал наливать виски своей гостье, поскольку Эрмин не решалась этого сделать: она, казалось, застыла на месте из-за того, что сейчас услышала.

– Выпейте поскорее алкоголя, это вас подбодрит, – сказал Жослин. – Еще одна странная история!

– А почему «еще одна»? – спросила Эстер тихим голосом.

– Мой отец хотел сказать, что нашей семье благодаря Кионе часто приходится сталкиваться со странными явлениями, – вежливо пояснила Эрмин. – Овид был свидетелем того, о чем вы нам сейчас рассказали?

– К сожалению, нет! Он мне почти не верит. По его словам, мои взвинченные нервы и тяжелое прошлое сделали меня уж очень впечатлительной. Но хватит об этом. Мне жаль, что я вас потревожила. Я не знала, куда мне идти. Я здесь ни с кем не знакома, кроме вас.

Подбодренная глотком виски, Эстер окинула взглядом интерьер,

создающий теплую и душевную обстановку, в которой она, Эстер, не так давно вела приятные беседы с Лорой.

– Я теперь чувствую себя неловко, – призналась она. – Я даже не смогла одеться поприличнее.

– Это лишь подтверждает то, что вы были напуганы, моя бедная малышка, – шутливым тоном сказал Жослин.

– Ваш дом, возможно, стал мишенью озорников, или же – еще банальнее – электропроводка пришла в негодность, – предположила Эрмин.

Она смотрела на Эстер, которая даже в таком встревоженном состоянии оставалась красивой: белокожее лицо античной царевны, окаймленное черными как смоль прядями волос. «Я понимаю Овида, – подумала она. – Она очаровательна. По крайней мере, мне уже можно не переживать о нем и его душевном благополучии. А ведь он заявлял, что будет любить меня вечно и до конца жизни останется холостым». Вздохнув, она попыталась подавить в себе эту слабую вспышку неуместной ревности, тем более что у нее мелькнула – также не делающая ей чести – мысль, что в такую очаровательную женщину мог влюбиться и Тошан. «Пусть уж лучше в нее влюбляется Овид», – мысленно сказала Эрмин сама себе.

Жослин тоже задумался. В силу того, что у его второй дочери имелись таинственные паранормальные способности, он уже не раз задумывался над сверхъестественными явлениями и давно не сомневался в существовании призраков, блуждающих душ и злых духов.

– Эрмин говорит правду. Тому, что вас так сильно напугало, может иметься логическое объяснение, – вдруг заявил он.

– Но отнюдь не прикосновению к моему плечу, – ответила Эстер. – Я никогда не забуду это странное ощущение. Оно было странным потому, что я находилась в кухне одна.

– Да, конечно, – кивнул Жослин.

– Папа, об этом, наверное, следовало бы поговорить с Кионой, – предложила Эрмин. – Она и Акали скоро вернутся из кино.

– Нет, ни в коем случае! – возразил Жослин. – Она еще только пытается оправиться от шока, который перенесла. Как, впрочем, и все мы. Нет смысла просить ее прибегнуть к своим необыкновенным способностям.

– Я сняла дом, в который наведываются призраки, да? – спросила Эстер. – Не надо скрывать от меня правду. Мне пришла в голову эта мысль еще в первый вечер моего пребывания там. Я чувствовала, что там что-то не так, хотя обстановка в доме мне нравится, поскольку я изменила ее в

соответствии со своими вкусами. Я, надо сказать, еще ни разу не спала там одна. Или ездила ночевать в Сен-Фелисьен, или Овид оставался на ночь у меня.

– А-а... – сказал Жослин, смущенный такой откровенностью своей собеседницы. – Скажите, а вы собираетесь узаконить свои отношения?

– То есть пожениться? Да, у нас имеется такое намерение. Мы уверены в прочности наших отношений.

– А когда? В скором будущем? – предположила ошеломленная Эрмин.

– Ну конечно. Мы с ним оба пережили несколько лет горького одиночества. Наша встреча стала для нас обоим знаменательным событием. У нас появилось впечатление, что мы созданы друг для друга. Овид – замечательный, добрый, щедрый, умный и образованный человек, который к тому же обладает хорошим чувством юмора. По правде говоря, для нас не важно, оформлены наши отношения официально или нет, но, к сожалению, в санатории по поводу моего жениха мне уже делали кое-какие замечания. Для Овида это имеет еще большее значение, потому что его профессия требует от него незапятнанной репутации с точки зрения морали и нравственности.

Во входную дверь снова постучали. Эрмин жестом показала Эстер, чтобы та оставалась сидеть на месте, и пошла открывать. На этот раз она увидела на крыльце Овида, который, как она сразу заметила, был сильно взволнован.

– Эстер в ее доме нет. Там везде водяной пар и светятся все лампочки! – воскликнул Овид.

– Не переживайте, Эстер здесь. Пожалуйста, входите.

Овид хотел было броситься в гостиную, но Эрмин удержала его за рукав куртки.

– Я узнала, что вы с ней собираетесь в ближайшем будущем пожениться, – прошептала Эрмин. – Вы ее любите?

– У вас что, еще одна вспышка ревности – как тогда, во время войны, когда я разорвал свою помолвку, вызвавшую у вас неудовольствие? – спросил Овид, тоже переходя на шепот. – Да, я ее люблю, и она меня любит. Я уже едва не забыл то упоение, которое вызывает у человека взаимность чувств.

– Я вас ни о чем не просила, Овид. Не упрекайте меня за то свое решение, которое вы приняли сами.

– Ладно, давайте не будем об этом. А что произошло, из-за чего Эстер пришла к вам сюда?

– Она расскажет вам об этом сама!

Эрмин, чувствуя легкое раздражение, направилась в кухню, чтобы выпить воды. Однако ее плохое настроение тут же развеялось. После смерти Шарлотты, когда повседневная жизнь с ее мелкими заботами и радостями снова пошла своим чередом, Эрмин то и дело видела мысленным взором неподвижное тело своей подруги и обещала самой себе, что будет относиться снисходительно к своим близким и будет все им прощать. «Наша жизнь держится на ниточке, которая в любой момент может оборваться! – подумала она. – Следует ценить лишь любовь и нежность – единственные настоящие ценности в этом мире. Я поздравлю Эстер и Овида. Надеюсь, они будут очень счастливы друг с другом».

Сцена, которую она увидела, вернувшись в гостиную, вполне соответствовала этим ее надеждам. Овид прижимал к себе Эстер и целовал ее волосы. Не замечая направленного на него ошеломленного взгляда Жослина, он ласково отчитывал еврейку.

– Моя дорогая, у тебя, похоже, галлюцинации. Уверяю тебя, что, когда я зашел в дом, лампочки светились, а радиоприемник нормально работал. Сильно кипел на плите чайник – вот и все. Но я очень испугался. Ты оставила дверь на улицу распахнутой настезь.

– Я не обратила на это внимания. Овид, я почувствовала, как кто-то положил мне сзади руку на плечо. Я подумала, что это ты.

– Ну да ладно, теперь все это закончилось, пойдем домой. Я задержался из-за одного соседа, который одолжил у меня мой «шевроле» и вернул его позже, чем обещал. Месье Шарден, Эрмин, простите нас за это позднее вторжение.

– Да, простите меня, – добавила Эстер. – Спасибо вам за то, что приняли меня у себя и успокоили.

Овид и Эстер тут же направились к выходу, ничего больше не говоря о происшедшем.

– Я, черт побери, лягу спать, – вздохнул Жослин. – Нам повезло, что Лора не спустилась к нам сюда, иначе она обнаружила бы в своей гостиной Лафлера. Я все никак не могу понять, за что она рассердилась на этого человека до такой степени, что перестала пускать его в свой дом! Видимо, еще один из ее капризов. Готов поспорить, что он неосторожно сказал что-то про ее возраст.

– Я расспрашивала маму об этом. Она мне рассказала, что он сделал ей обидный намек, когда она упомянула в разговоре о том, как снова сумела разбогатеть после того пожара. Думаю, эта их ссора будет недолгой. Иди спать, папа, а я подожду девочек.

Жослин, уставившись на дочь из-под своих седеющих густых бровей,

погрозил ей указательным пальцем.

– Самое главное – ни слова Кионе! Эрмин, я говорю серьезно. Я думаю, что никто в полной мере не оценил той опасности, которой она подвергалась, когда захотела проникнуть в прошлое Валь-Жальбера. Я знаю, что у нас в семье накопилось многовато секретов, но в этом случае я буду категоричным. Ради ее же блага необходимо, чтобы наш ангелочек держался подальше от всяких паранормальных явлений.

– Наш ангелочек! – задумчиво повторила Эрмин. – Она в последнее время вела себя как архангел мести.

– Да, безусловно, но это уже закончилось. У нее уже больше нет ни удрученного вида, ни отчаянных взглядов, которые меня расстраивали.

– Папа, я обещаю тебе не говорить об этом с Кионой, но ты должен потребовать того же от Овида.

– Хм, Овид и Эстер должны были это почувствовать! В разговоре с Эстер я, по-моему, высказался достаточно понятно.

Произнеся эти слова, Жослин подставил дочери свою частично скрытую густой бородой щеку, чтобы она ее поцеловала. Когда Эрмин прикоснулась губами к щеке отца, в прихожую вдруг вошли, оживленно болтая, Киона и Акали.

– Ну вот и они! – процедил сквозь зубы Жослин. – Я, черт возьми, сейчас получу двойную порцию поцелуев!

– Это был ну просто волшебный фильм, – заявила Акали, глаза которой блестели от восторга. – Один мужчина выдавал себя за пирата, чтобы прельстить женщину, которую любил. Музыка в фильме очень красивая!

– Я рада, что фильм тебе понравился, – сказала Эрмин. – Лично я обожаю Джина Келли. Как он прекрасно танцует! Знаешь, а меня представили ему в Нью-Йорке. А еще я побывала на спектакле с участием Джуди Гарленд.

– Ого! Это восхитительно! – воскликнула юная индианка, всплескивая руками.

Эрмин, растроганная ее восторгом и ее жизнерадостностью, подумала, что еще совсем недавно Акали находилась в монастыре и носила одежду послушницы.

– Кино, музыка и танцы – это прелести окружающего нас мира, – сказала Эрмин. – А еще к числу таких прелестей относится любовь к хорошему парню.

– Почему ты это говоришь, Мин? – с недовольным видом спросила Киона. – Акали полагает, будто ты упрекаешь ее за то, что она ушла из

монастыря.

– Вовсе нет, как раз наоборот, – возразила Эрмин. – Я обрадовалась, увидев, что Акали после того невеселого детства, которое у нее было, решила насладиться радостями жизни. Малышка, ты ведь про меня такое не думала?

– Да вообще-то такие мысли у меня мелькали, – призналась индианка.

– Значит, ты была неправа. Я не одобряла твоего решения уйти в монастырь, тем более что Мадлен от него очень страдала. Ну да ладно, не будем больше об этом. Папа, мы, похоже, мешаем тебе пойти спать.

– Вовсе нет. Я очень рад тому, что, прежде чем пойду спать, полюбуюсь вашими тремя милыми мордашками.

Киона посмотрела сначала на своего отца, а затем на Эрмин. Слегка улыбнувшись, она как бы между прочим сказала:

– Если у Эстер дома возникает много проблем, я навещу ее на следующей неделе.

– Муки небесные! – недовольно пробурчал Жослин. – Ты опять ковырялась в моих старых мозгах!

Киона покачала головой и, показав на Акали – так, как будто призвала ее в свидетельницы, – сказала:

– Нет, папа. Просто машина Овида Лафлера стояла припаркованной возле тротуара, а сам он о чем-то оживленно разговаривал с Эстер. Мы с ними поздоровались. Я заметила, что Эстер плачет, и она рассказала мне о том, что ее тревожит. Она попросила меня ей помочь, потому что, по ее словам, ей не верит никто, кроме меня.

– Киона, я запрещаю тебе – ты меня слышишь? – я запрещаю тебе ступать хоть одной ногой в этот проклятый дом! – рявкнул ее отец.

– Тише, папа! – прошептала, укоризненно качая головой, Эрмин. – Ты сейчас всех разбудишь!

– Мин права, папа, не надо так кричать, – сказала Киона. – Я вообще-то имею право оказать помощь своей подруге! Стану ли я в будущем учительницей или домохозяйкой, я все равно останусь такой, какая я есть, со своими способностями шамана и медиума. Я уважаю Эстер и испытываю к ней чувство глубокого сострадания. Было бы чудовищной несправедливостью оставлять ее один на один с ее страхами. Если я смогу как-то вмешаться, я это сделаю.

– Папа полагает, что это для тебя небезопасно, Киона, – встревоженно покачала головой Эрмин. – Он ведь помнит, какие сильные недомогания ты испытывала в Валь-Жальбере четыре года назад.

– Валь-Жальбер – это гнездо призраков. Я тогда была еще девчонкой,

причем очень впечатлительной. Самое худшее, Мин, заключалось для меня в том, что я увидела тебя ребенком – ребенком примерно того возраста, в котором была тогда. Мне показалось, что я умираю. Да, такое было. Но теперь я стала намного сильнее и у меня есть ожерелье Наку.

Поцеловав сводную сестру и отца, Киона вышла из комнаты и медленно пошла на второй этаж. Акали, пожелав Эрмин и Жослину спокойной ночи, отправилась вслед за ней.

– Господи, мы никогда из этого не выберемся, – посетовал Жослин, почесывая себе подбородок. – Каким гнусным было прошлое лето! А теперь и осень не лучше!

– Не переживай, папочка. Но что верно, так это то, что от этого лета у нас останутся неприятные воспоминания – как о том лете, когда мы потеряли Бетти, которая была для меня как мать... Я часто думаю о Шарлотте, ушедшей из жизни в расцвете лет!

– Мы с твоей матерью переживаем очень сильно. Мы просто пытаемся казаться невозмутимыми, чтобы не пугать детей. Этих двоих малышей мы считаем почти что своими внуками. Если Людвиг согласится, мы с удовольствием приютим их здесь, у себя.

Эрмин с выражением бессилия покачала головой. Ее, впрочем, растрогала доброта родителей.

– Это очень любезно с вашей стороны, но Людвиг сказал мне, что собирается увезти их в Германию, к себе домой. Он еще молод, а потому очень быстро снова женится после того, как закончится траур. У нас нет никакого права пытаться удерживать его здесь, среди нас.

– Вообще-то семья Одины прятала, кормила и оберегала его и Шарлотту в течение довольно долгого времени. А вы с Тошаном приютили их в Большом раю, и они прожили там несколько месяцев. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что Людвиг ведет себя как неблагодарный человек.

– Мы, возможно, чего-то не знаем и поэтому не можем правильно понять его решение, – сказала Эрмин. – Я устала, папа. Пойдем оба спать.

Они пошли вверх по лестнице, и вслед за ними по ней стал взбираться фокстерьер. В отсутствие Луи и Тошана Эрмин держала этого песика у себя в комнате, где он спал на плоской подушечке, положенной на полу возле прикроватного столика.

Киона, лежа в постели, услышала, как по коридору прошла ее сводная сестра. Кионе захотелось было зайти к ней в комнату и поболтать о том о сем, но она решила этого не делать. «Зачем снова вспоминать об ошибках Шарлотты? – мысленно спросила сама себя Киона. – Сколько еще секретов

нам придется спрятать в наших сердцах? Жестокость семьи Шарденов, граничащая с фанатизмом и стоившая жизни Алиетте, неверность различных людей, безумный поступок Лоранс, которая вполне могла утонуть... Кстати, а ведь завтра вернется Луи, хотя, кроме меня, об этом никто даже не подозревает. Он чувствует себя в Большом раю ненужным, и это меня не удивляет: он не очень-то ловок в ручном труде и, кроме того, отличается большой рассеянностью. Бедный Луи! Он подавляет в себе чувство любви, которое испытывает ко мне еще с детства. Он подавляет его, потому что думает, что мы с ним кровные родственники. Он слепо прощает мне все. Когда он узнал, что я отдала его новый велосипед Делсену, он в шутку хвастливо заявил, что Лора купит ему перед началом учебного года еще один велосипед. Впрочем, так оно и случилось. Если бы он знал то, что известно мне, это стало бы катастрофой».

Ей вспомнилось одно давнишнее видение, которое было у нее еще в детстве: Лора и Ханс Цале обнимаются на кровати в гостиничном номере. «Эта сцена предстала перед моим мысленным взором, когда мне было восемь лет. Тогда шла война, и Лоре пришлось приютить меня у себя в Валь-Жальбере. Однако событие, с которым было связано это видение, произошло, по-видимому, в 1933 году, когда я еще даже не родилась. Я очень хорошо помню, при каких обстоятельствах у меня было это видение. Мы сидели за столом, и Лора ворчала на Луи. Там находилась и Андреа, которую наняли для того, чтобы она обучала нас на дому. И тут вдруг я увидела мысленным взором эту странную сцену и поняла, в чем ее смысл и чего боится Лора. Впоследствии чем больше времени я проводила рядом с Луи, тем отчетливее я чувствовала, что мы с ним не являемся кровными родственниками».

Осторожный стук в дверь отвлек Киону от ее размышлений.

– Киона, ты еще не спишь? – послышался тихий голос Эрмин.

– Нет, не сплю. Заходи.

Эрмин проскользнула в комнату и села на край кровати.

– Сестренка, я очень огорчена, но не могу поговорить ни с кем, кроме тебя. Папа только что довольно резко высказался в адрес Людвигу. Я едва не рассказала ему, что Шарлотта изменила Людвигу в Германии. Но, согласись, было бы нехорошо, если бы я стала чернить ее память перед теми, кого она любила. Они ведь были ее приемными родителями, пусть даже и не удочеряли ее официально. Все эти тайны вообще-то действуют на меня удручающе. От одних только мыслей о моей Лолотте я прихожу в жуткое уныние.

– Ты знаешь, мне, как ни странно, тоже приходили в голову такие

мысли. Все эти тайны в конце концов начнут давить на нас тяжким грузом, если мы будем и дальше их накапливать. Я пытаюсь шутить, но вообще-то я испытываю такие же удручающие чувства, как и ты.

Киона взяла в руки ладонь своей сводной сестры и сжала ее.

– Ты правильно сделала, что пришла со мной поговорить. Ты, наверное, скучаешь по Тошану. И по близняшкам тоже. Когда ты снова отправишься в Большой рай, я передам с тобой письма. Выполнишь роль почтальона.

– С удовольствием, моя дорогая. Знаешь, если ты пойдешь к Эстер, мне хотелось бы пойти вместе с тобой. Папа очень о тебе беспокоится. Как, по-твоему, в этот дом наведываются призраки?

– Мин, ни для кого не секрет, что я прочла все, что только смогла найти, про паранормальные и сверхъестественные явления. Я ознакомилась с многочисленными свидетельствами людей, которые сталкивались с явлениями такого рода, необъяснимыми с научной точки зрения. Ощущение прикосновения к плечу – явление довольно частое. Если вдуматься, это не угроза, а скорее проявление дружеского отношения.

– Замолчи, а то меня от твоих слов в дрожь бросает. Пожалуйста, расскажи мне о каком-нибудь призраке, которого ты и в самом деле видела. Не во сне и не во время твоих попыток заглянуть в прошлое...

Киона поднялась с кровати и зажгла прикроватную лампу, которая осветила своим неярким розоватым светом стены, оклеенные обоями цвета слоновой кости, кружевные занавески, акварели Лоранс, вставленные в рамки и прикрепленные к стене возле письменного стола...

– Твоя просьба, по-моему, вполне уместна. Если покопаться в памяти, то становится ясно, что мне являлись лишь очень немногие из наших усопших родственников. Первым из них мне явился Симон Маруа. Это произошло в комнате для занятий, которую оборудовала Лора. Он никогда раньше не казался мне таким красивым. Вокруг него был яркий свет, и он улыбался мне удивительной улыбкой. Он не сказал мне ни слова, но я почувствовала, что он наконец-то чувствует себя свободным, счастливым и умиротворенным. Мне жаль, но у меня не получается вспомнить про него что-то более конкретное. Я видела так много всякой всячины, так много расплывчатых обликов! Вообще-то все то, что я видела по части усопших, походило на какие-то послания. Про Бетти, мать Симона, могу сказать, как я почувствовала, что она усиленно наблюдает за своей дочерью Мари, поскольку не смогла уберечь сыновей от их трагической участи. Она, должно быть, уже спокойна: Мари устроилась работать учительницей в Дебьене и вышла замуж за симпатичного молодого человека. Этим летом я

также видела одну очаровательную женщину – ангела-хранителя Бадетты. Это ее тетя Габи. Она находилась рядом с ней на вечеринке, которую Лора организовала в честь моего возвращения, хотя я этого и не заслуживала.

– А Тала никогда не пыталась появиться перед тобой, да?

– Да, почти не появлялась, и я от этого очень страдала! Однако теперь я понимаю, почему она так поступала. Она, видимо, знала, что если появится передо мной, то это совсем не ослабит мою тоску по ней, а, наоборот, может ослабить меня. Впрочем, она меня никогда и не покидала. Я видела ее раза два или три в состоянии сонливости и недомогания, в которое я обычно впадаю перед тем, как со мной произойдет что-то сверхъестественное. Я получила подтверждение, что она присматривает за нами всеми тремя.

– Это произошло после рождения Томаса, когда у Шарлотты было кровотечение?

– Да, тогда, а еще совсем недавно. Она появилась в виде волка – величественного зверя, смотревшего на меня гордым и самоуверенным взглядом. Мне показалось, что этот волк бежал рядом со мной, когда я спасалась бегством возле озера Онтарио. Но вообще-то я этого толком не знаю, все как-то перепуталось. Ты можешь успокоить папу: после этого бурного лета я надеюсь обрести покой. Эрмин, скажу тебе откровенно, для меня стало большим облегчением то, что я нашла одну-единственную дорогу, по которой мне следует идти. Я должна посвятить себя детям монтанье.

– Я в этом не сомневаюсь, моя драгоценная сестренка. Эти дети и в самом деле нуждаются в ангеле, который поведет их к лучшему будущему. А теперь спи. Спокойной тебе ночи. Я вернусь сейчас в свою комнату. Фокси там, наверное, уже затосковал от одиночества. Луи следовало бы взять его с собой на берег Перибонки.

– Фокси скоро снова увидит своего хозяина. И тебе спокойной ночи. Не переживай, призраки гораздо менее опасны, чем некоторые из ныне живущих.

Пятница, 8 сентября 1950 года, Большой рай

Тошан поднимался вместе с солнцем, горя желанием снова приняться за работу. В это утро он намеревался осмотреть дом вдоль и поперек, чтобы понять, что еще в нем необходимо сделать. Людвиг старался ему во всем помогать. Благодаря их усилиям, а также усилиям их помощников, в число которых входили трое уже почти взрослых отпрысков Тошана и друга Мукки, Большой рай возвращал себе свое скромное величие (именно

так выразилась Мари-Нутта, сделавшая немало общих фотографий всех тех, кто здесь трудился, собирая их для этого на ступеньках крыльца). Хозяин дома первым делом привел в порядок ту комнату, которую он занимал вдвоем с Эрмин. Пьер Тибо и его приспешники не успели сжечь стоявшую в этой комнате кровать, но сильно повредили ее ударами топора. Поэтому Тошан спал теперь на новой кровати, которую он смастерил из неотесанных еловых стволов и из сосновых досок, еще пахнущих смолой.

«Ну хорошо, если мне покажется, что все уже в порядке, я сяду в воскресенье на пароход и привезу сюда свою милую женушку на грузовике», – мысленно сказал сам себе красивый метис, приготавливая кофе.

Он бросил по привычке взгляд в окно, из которого открывался вид на поляну. На этой поляне стояли три оранжевые полотняные палатки треугольной формы. В них расположились Мукки, два его друга – Реаль и Жоашим – и Людвиг.

«Все еще спят, – пробормотал Тошан. – Пойду разбужу девушек. Мари-Нутта повторяет каждый вечер, что ей хочется сфотографировать утреннюю зарю, а саму из постели утром не вытащишь».

Он постучал в дверь одной из комнат и позвал:

– Лоранс, Нутта, вставайте! Восход на реке великолепный.

– Сейчас идем, папа! Нужно вскипятить воду для чая.

– Хорошо, – ответил Тошан, даже и не подозревая, что одна кровать в этой комнате уже пуста.

Мари-Нутта бесшумно встала и открыла окно, выходившее на задворки.

«Черт побери, что она там делает?» – тихо пробормотала она.

Раздавшийся через пару секунд тихий свист развеял ее страхи. Лоранс бежала к ней в ночной рубашке, и ее длинные – ниже плеч – светло-каштановые волосы развеялись на ветру. Подбежав к дому, она проворно забралась в комнату через открытое окно.

– Ты совсем уже чокнулась, – прошептала Мари-Нутта. – Если папа заметит, что ты ходила к Реально в его палатку, произойдет буря века.

– Мы не делаем ничего предосудительного, я тебе это говорила уже несколько раз. Я пожелала ему доброго утра, и мы поцеловались – только и всего. Я ходила к нему всего лишь три раза, причем благодаря Мукки, который взял Жоашима к себе в палатку. Кроме того, Реаль завтра возвращается в поселок Перибонка. Так что я пользуюсь тем, что он все еще здесь.

– В таком случае веди себя благоразумно, если вы с ним пойдете вдвоем на прогулку сегодня вечером, как вы это уже делали, – сказала

Мари-Нутта обеспокоенным тоном. – Душераздирающее прощание двух влюбленных может перерасти в нечто совсем иное. А Людвиг вас не видел и не слышал? Мукки и Жоашим хотя и обо всем знают, но ничего никому не расскажут, а вот он... Он вполне может проболтаться папе.

– Нет, он еще, должно быть, спит.

Лоранс вся просто сияла. Впрочем, ее прежнее страстное увлечение Овидом ее кое-чему научило. Реаль ей нравился, но она не была влюблена в него до такой степени, чтобы потерять голову. Этот семнадцатилетний парень тешил ее комплиментами и поцелуями, не заходя при этом слишком далеко. Он уже шептал ей на ухо что-то о помолвке. Она в шутливой форме пообещала ему подумать об этом в следующем году.

– Одевайся, нам уже пора идти работать, юная бесстыдница, – пробурчала Мари-Нутта. – Тебя из нас двоих считали более благоразумной, но это не более чем иллюзия. Ты просто хорошо умеешь скрывать.

– А тебе следовало бы сменить Акали в монастыре. Жоашим строит тебе глазки, но ты его игнорируешь.

– Он меня не интересует, – отрезала Мари-Нутта, натягивая на себя штаны и кофту.

В большой комнате, в которой девушки обычно готовили еду и которая служила также гостиной и столовой, хлопотал по хозяйству Тошан. В эту комнату зашел и Людвиг. Немец уже успел искупаться в реке: его волосы были мокрыми, а лицо – посвежевшим. Он сел за стол, на котором стояли кофейник, глиняное блюдо с ломтиками хлеба, горшочек с черничным вареньем и миска со сливочным маслом.

– Ты успеваешь обо всем позаботиться, Тошан. Ну прямо настоящая курица-наседка! – констатировал Людвиг. – Большое спасибо, я проголодался.

– Я – курица-наседка? Может, мне обидеться? А кто же тогда петух? Мукки или ты?

Людвиг расхохотался, а затем впился своими красивыми зубами в первый бутерброд.

– Я рад слышать, что ты смеешься, – признался метис. – И я благодарю тебя за то, что ты сюда приехал. Ты тут неплохо поработал.

– К концу ноября у тебя уже будет мебель. Не шикарная, но зато прочная и практичная. Я боялся, что из-за моих воспоминаний о тех временах, когда я жил в Большом раю с Шарлоттой, я буду чувствовать себя здесь очень несчастным. Однако я чувствую себя хорошо.

– Если бы здесь была Киона, она сказала бы, что круг из белых камней, выложенный нашей матерью Талой, оберегает нас от бед и

опасностей, потому что отпугивает злых духов. А вот Тибо он, к сожалению, отпугнуть не смог.

– Без этого круга, возможно, все закончилось бы еще хуже, – сказал Людвиг, слегка напрягшись при упоминании имени Кионы.

Это имя прозвучало в его ушах, как радостный перезвон колоколов, от которого биение его сердца ускорилося. В комнату вошли Лоранс и Мари-Нутта. Волосы у них обеих были завязаны на затылке в хвост, и одежда у них была почти одинаковой. Их сходство друг с другом бросалось в глаза еще больше, чем обычно.

– Доброе утро! – звонко сказала Лоранс.

Она села за стол рядом с Людвигом. Тот покосился на нее с насмешливым видом. Тошан стал дразнить Мари-Нутту:

– А что это ты сюда пришла? У тебя нет времени на то, чтобы распивать здесь чай! Беги на реку, сейчас как раз идеальное время для фотографирования.

– Папа, я хочу есть. Я схожу на реку завтра утром. А ты когда поедешь за мамой и за грузовиком?

– В воскресенье. А вернемся мы во вторник.

– Нужно, чтобы вы отдали мои фото пленки на проявку в Робервале и чтобы вы купили мне новые фото пленки. И если бы ты привез мне арахисового масла, я была бы счастлива. Я попробовала его у Бадетты, и оно мне очень понравилось.

– Составь мне список, моя дорогая. Знаешь, есть кое-что такое, что я рассчитываю прихватить с собой, когда буду возвращаться сюда, но тебе это в список вносить не надо.

– И что же это? – спросила Лоранс.

– Щенки, которых Мин зарезервировала у отца Реаля. Этот славный человек нам их любезно подарил. Мы вообще-то должны были забрать их раньше, но...

Это «но» относилось к произошедшей недавно трагедии, а именно к безвременной кончине Шарлотты. Воцарилось молчание, которое прервал Людвиг.

– Мне хотелось бы поскорее увидеть этих щенков, – сказал он. – Загон для них отремонтирован, а конуры – вычищены.

– Тут все уже в безупречном виде, – закивала Мари-Нутта. – В окнах нет ни одного разбитого стекла, полы почти везде покрашены заново. Сегодня мы вдвоем с Лоранс займемся комнатой малышкой. Мама дала нам на этот счет указания. Нужно перекрасить полы в этой комнате в светло-желтый цвет.

Тошан в знак согласия кивнул, сердито сжав при этом челюсти: перед его мысленным взором снова предстали следы мочи и экскрементов, которыми были загажены стены и пол. А еще – нецензурные надписи углем на стенах.

– Теперь я буду стараться уезжать со своих земель как можно реже, – сказал Тошан. – Людвиг, завтра мы посвятим весь день рыбалке. Мне нужно успеть закоптить много рыбы до того, как выпадет снег. Мукки очень хорошо умеет это делать. Для собак-маламутов это самый лучший корм.

Четвертью часа позже, после обсуждения некоторых практических вопросов, метис отправился осматривать дом вместе с Людвигом, а девушки пошли будить троих парней. Из-за крон деревьев окружавшего дом леса медленно выползал огненно-оранжевый диск солнца.

Первым из юношей появился Мукки. Его глаза радостно поблескивали. Он вылез из палатки и, голый по пояс, в пижамных штанах, стал потягиваться. Потянувшись в разные стороны своими мускулистыми руками с золотистой кожей, он стал здороваться с девушками:

– Доброе утро, о красавицы Перибонки! Надеюсь, вы приготовили чего-нибудь поесть трем голодным воинам!

Лоранс звонко рассмеялась, тайно надеясь, что звуки ее голоса заставят Реаля поскорее выйти из палатки, в которой он спал один. Однако следующим появился Жоашим – верзила с очень коротко подстриженными волосами. Он вылез из своего спального мешка и затем выскользнул наружу.

– Доброе утро, девушки, – тихо пробормотал он со свойственной ему робостью.

– Идите поскорее выпейте кофе или чаю, – сказала Мари-Нутта, у которой вызвал раздражение восхищенный взгляд, который украдкой бросил на нее Жоашим. – Папа сказал, что сегодня вам предстоит собирать хворост.

Лоранс, оглянувшись и убедившись, что ее отец и Людвиг все еще в доме, скользнула в палатку Реаля. Этот юноша крепко спал. Лоранс разбудила его еще до наступления рассвета, и теперь он, похоже, наверстывал упущенное. Выражение лица у него, спящего, было каким-то детским. Лоранс быстренько наклонилась и поцеловала его в губы.

– Просыпайся, храбрым воинам уже пора вставать, – пошутила она.

Он открыл свои серо-голубые глаза и восторженно посмотрел на Лоранс. Вздрагивая от желания, которое ему постоянно приходилось сдерживать, он притянул ее к себе и поцеловал в шею и волосы, а затем – в

губы, которые были нежными, как только что распустившийся цветок.

– Я тебя люблю, Лоранс, – прошептал он ей на ухо.

В животе у девушки появилось ощущение тепла, оно стало расходиться волнами. От этого тепла у нее возникло желание отдаться ласкам, которые она отвергла час назад.

– Жаль, что мне придется уехать завтра! – добавил Реаль.

– Нет, так будет даже лучше, иначе мы можем сделать какую-нибудь глупость, – ответила Лоранс, улыбаясь Реалю.

Он воспринял эти ее слова как признание, как обещание быть верной ему.

В тот же самый день около полудня Людвиг подошел к Реалю, когда тот возился в дровяном сарае.

– Послушай меня, Реаль, я заметил эти ваши шалости – твои и Лоранс. Я даже не подумаю выдавать вас Тошану, однако я прошу тебя отнестись к этой девушке с уважением. Любовь – это не игрушка. Ты можешь доставить Лоранс большие неприятности, это ты понимаешь? Женщины болезненно воспринимают, когда их бросают. Иногда очень болезненно.

Реаль знал, что Людвиг совсем недавно овдовел и что его жена умерла в результате аборта. Он задрожавшими от нервного напряжения руками закурил сигарету.

– Я обещаю вам, что буду вести себя как порядочный человек, – ответил он тихо. – Я с Лоранс вовсе не играю. Я предложил ей обручиться.

– Ну и что, что предложил? Я думаю о том, что происходит уже сейчас, и меня тревожат эти ваши встречи по утрам и вечерам. Подумай хорошенько. Настоящую любовь нужно уметь распознать.

Произнеся эти слова тихим голосом, Людвиг вышел из сарая на ярко освещенную солнцем поляну. Он смирился с неожиданным поворотом, который произошел в его судьбе. Все извилистые дороги, по которым он шел вплоть до недавнего времени, вели его, по всей видимости, к Кионе.

Валь-Жальбер, суббота, 9 сентября 1950 года

Эрмин и Киона только что постучали во входную дверь дома Жозефа Маруа: они решили воспользоваться своим приездом в поселок, для того чтобы повидаться со своим бывшим соседом и приятелем.

– Такое впечатление, что тут никого нет, – сказала Эрмин, снимая со своей головы соломенную шляпку. – Вообще-то в это время Андреа устраивает чаепитие. Я с гордостью думала о том, как сообщу Жозефу, что получила водительские права! Тошан тоже будет ошеломлен.

– Должна признать, было очень приятно видеть тебя в качестве

шофера, – сказала Киона. – Когда ты сидишь за рулем «линкольна», да еще и в черных очках, ты похожа на кинозвезду.

– Куда же они запропастились? – забеспокоилась Эрмин.

Киона с сосредоточенным видом закрыла на несколько секунд глаза.

– Они сейчас находятся в своей комнате и спорят из-за того, кто из них должен пойти и открыть входную дверь, – сообщила затем она. – Нам нужно просто подождать.

Эрмин и Киона решили совершить эту прогулку, чтобы как-то отметить получение Эрмин водительского удостоверения два дня назад. На обратном пути они планировали навестись к Эстер. Та днем раньше позвонила Лоре из санатория и попросила Киону заглянуть на улицу Марку, когда у нее появится возможность это сделать.

– Ну что ж, посмотрим, кто там пришел, – послышался грубый голос из-за входной двери. – Нечасто к нам приходят гости.

Жозеф, открыв дверь, широко развел руки в стороны. Он был все таким же высоким и сутулым, с коротко подстриженными серебристо-седыми волосами. Он лишь чуть-чуть начал полнеть.

– Да уж, это сюрприз, причем сюрприз приятный! – воскликнул он. – Заходите скорей сюда, в прохладное место. Мимин, как у тебя дела? А у тебя, маленькая колдунья? Я убрал твоего коня с нашего луга. И пони, конечно же, тоже. Я отвел их на большой луг, который находится возле старой мельницы Уэлле.

– Спасибо вам за то, что заботитесь о нем, месье Жозеф, – сказала Киона.

– О-о, давайте обойдемся без церемоний, зови меня просто Жозеф. Мы ведь знаем друг друга уже очень давно.

Они обнялись. С лестницы донеслись тяжелые шаги спускающейся по ней Андреа. Эта бывшая учительница с пышными формами плохо переносила жару.

– У нас сейчас самое настоящее бабье лето, – посетовала она. – Я хотя и боюсь холода, но в последнее время стала ждать зимы. Да вы присаживайтесь, я приготовлю для вас чай.

Эрмин осмотрелась по сторонам, невольно вспоминая то далекое прошлое, когда она жила в этом доме. Семейство Маруа выделило ей в качестве спальни свою гостиную и даже потратилось на то, чтобы обеспечить ее проигрывателем. «Это произошло после того, как был закрыт завод и из монастырской школы уехали монахини, – стала вспоминать Эрмин. – Бетти и Жозеф взяли меня к себе. Они хотели меня удочерить».

Киона тем временем разговаривала с хозяевами дома. Они

расспрашивали ее о Лоре, Жослине и детях.

– Какое же это большое горе – смерть Шарлотты! – сокрушенно покачала головой Андреа. – А как ее восприняли малыши? А ее муж? У меня не было возможности познакомиться поближе с этим молодым человеком, но он показался мне порядочным и трудолюбивым.

– Адель и Томас оказались в такой хорошей компании, что они пока еще не страдают от отсутствия матери, – вмешалась в разговор Эрмин. – Людвиг сейчас живет у нас, на берегу Перибонки. Он помогает Тошану восстанавливать дом и приводить в порядок близлежащую территорию.

– Муки небесные, этот придурок Пьер Тибо так все изгадил! – посетовал Жозеф. – Хорошо бы сгноить его в тюрьме, этого гнусного типа. А вы получили письмо от Мари? Она очень сожалеет о том, что не смогла приехать на похороны Шарлотты. Знаете, она вообще-то уже ждет своего первенца, хотя ей всего лишь столько же лет, сколько твоему Мукки, Мимин. Мы только что вернулись из Дебьена. Теперь, если я хочу увидеться со своей дочерью, мне приходится ехать аж туда... А если я захочу поцеловать Эдмона, мне придется отправиться в Африку, куда он поехал как миссионер.

– Да, мы слышали о том, что он туда поехал. А вот про Мари – это хорошая новость! – воскликнула Эрмин. – Ты слышишь, Киона, наша Мари скоро станет мамой.

– Я молю Господа утром и вечером о том, чтобы роды прошли благополучно, – вздохнула Андреа, слегка выпучивая глаза за толстенными стеклами своих очков. – Она будет рожать в мае.

– Не переживайте, все пройдет хорошо! – уверенным голосом заявила Киона.

– Если так говорит маленькая колдунья, то я этому верю, – рассмеялся Жозеф, почувствовав в глубине души облегчение. – А что привело вас сюда, девушки?

– Я недавно получила водительские права, – сообщила Эрмин. – Чтобы как-то отметить это событие, я взяла машину у своего папы, и мы решили совершить прогулку в Валь-Жальбер – мой дорогой поселок призраков.

Жозеф, бывший рабочий, вдруг помрачнел и покачал головой.

– Не надо так шутить, Мимин! Сюда приезжали прошлым летом какие-то люди из различных канадских городов и даже из Соединенных Штатов – приезжали для того, чтобы побродить по улицам поселка. Какие-то юные кретины взломали двери бывшего универсального магазина, потому что эта безмозглая Иветта Лапуант рассказала им, что туда наведываются призраки. Они хотели провести там ночь. Могли вам сказать,

что они очень быстро дали оттуда деру. Муки небесные, у меня и моей бедной супруги в соседях призраки!

Она слегка запнулся на слове «призраки», и это вызвало улыбку у Кионы.

– Взгляни-ка на нашу колдунью, Андреа! Ее рассмешило то, о чем я рассказал. Ты что, не боишься призраков, Киона?

– Нет, пока еще не боюсь, – ответила загадочным тоном эта странная девушка. – Но сегодня, мне кажется, меня ждет встреча с призраками, причем их будет немало.

Глава 17

Две сестры, держащиеся за руки

Валь-Жальбер, суббота, 9 сентября 1950 года, тот же день

Эрмин отправилась вместе с Кионой в бывший универсальный магазин. Киона настояла на том, чтобы наведаться в это здание, в котором четыре года назад с ней происходило нечто весьма необычное. Внутри здания царил полумрак, пахло пылью, старой древесиной и ржавчиной. Сестры, взявшись за руки, медленно пошли по первому этажу.

– Я так часто приходила сюда! Когда послушница отправляла меня купить сахара или муки, я шла очень медленно, предвкушая тот момент, в который я зайду в магазин. Даже когда было очень холодно, я все равно неторопливо разглядывала витрину и наблюдала через нее за покупателями, находящимися внутри магазина. Затем я входила и начинала рассматривать блестящую кухонную утварь, полки с бакалейными товарами, весы, деревянные ящики с фасолью, горохом и рисом. Но самым приятным было слушать треньканье колокольчика, висящего у входной двери.

Эрмин замолчала и провела пальцем по большому прилавку. Палец оставлял темный след на сероватом слое пыли, накопившейся за несколько лет.

– А я видела здесь сцены из прошлого так, как будто я смотрю кинофильм, – сказала Киона взволнованным голосом. – Я видела женщин в длинных платьях, которые держали в руках корзинки и о чем-то разговаривали.

– Ты очень хорошо описала их в своем подарке мне. Меня потрясла уже одна только мысль о том, что ты видела соседку Бетти, невыносимую Анетт, и Селин Тибо, мать Пьера. Бедняжка, если бы она только знала, что ее сын в конце концов угодит в тюрьму! Когда я думаю о том, что впервые в жизни я поцеловалась именно с ним... Он в те времена был неплохим парнем, да и симпатичным тоже... Ну так что, ты замечаешь здесь что-нибудь странное?

– Пропавшие души находятся на втором этаже, в двадцати номерах гостиницы... Здесь также были два ресторанных зала и курительная комната. Все казалось тогда таким современным – горячая вода из кранов, электричество... Народу здесь всегда было хоть отбавляй.

– Да, – закивала Эрмин. – Когда я была еще совсем маленькой девочкой, боялась сюда даже подходить. Мне казалось, что тут слишком многолюдно и слишком шумно.

Киона, задумчиво улыбнувшись, добавила:

– Я стала свидетельницей очень волнительного эпизода: молодой рабочий с целлюлозной фабрики разговаривал с портретом своей жены Катрин. Он был очень доволен тем, что устроился на работу, и обещал прислать ей денег, чтобы она смогла к нему приехать. Его приводила в восторг мысль о том, что их первенец родится здесь, в Валь-Жальбере...

Киона внезапно замолчала и приподняла подбородок, как будто услышала какой-то шум. Эрмин, взглянув на Киону, увидела, что ее сводная сестра быстро заморгала, побледнела и затем прислонилась спиной к одной из колонн магазина.

– Он здесь, Мин. Я имею в виду этого молодого рабочего. Он – один из находящихся здесь призраков, – сказала Киона напряженным голосом. – Главное, не говори ничего. Подожди.

– Ты меня пугаешь! Давай уйдем отсюда, Киона, – взмолилась Эрмин едва слышным голосом. – Кроме того, небо покрывается тучами. Становится темно. Мне как-то не по себе.

Киона, приложив указательный палец к губам, тем самым показала Эрмин, чтобы она помолчала. Эрмин отошла к застекленной двери, ведущей в маленькую комнатку, расположенную позади главного помещения.

– Он всхлипывает, он плачет, бедняжка! Те удары, которые слышатся, – это он. Он стучит по столу в своей комнате. А теперь – звук разбиваемого стекла! Он бросил портрет своей жены на пол. Опять! Повторяются те же самые звуки. Мне нужно подняться на второй этаж, чтобы утешить его и все ему объяснить. Он повесился там, потому что его жена умерла, так и не приехав сюда, в поселок. Она умерла в результате несчастного случая. Он хочет остаться там и ждать ее.

Киона дрожала, тяжело дышала и смотрела куда-то вдаль. В тот момент, когда она хотела пройти в соседний коридор, ведущий к лестнице, Эрмин, выйдя из охватившего ее оцепенения, бросилась к ней и схватила ее поперек туловища.

– Нет, Киона! – крикнула она. – Мы уходим! Пусть эти звуки раздаются здесь хоть годами, хоть столетиями, но ты на второй этаж не пойдешь. Что ты намереваешься там обнаружить? Ты стала холодной как лед, у тебя стучат зубы. Пойдем!

– Там есть и один пожилой мужчина. Он бьет по кровати своей

тостью и зовет на помощь. Он умрет от приступа. Его никто не слышит из-за громкой музыки. Мин, прошу,пусти меня, мне нужно им все объяснить. У них еще есть время для того, чтобы подняться к свету. Они – пленники своей преждевременной смерти, своего отчаяния и страха, который охватил их во время разрыва.

– Какого еще разрыва? – удивилась Эрмин.

– Разрыва между телом и душой!

Киона заплакала, и на ее лице появилось выражение сострадания. Ее сводная сестра уже было выпустила ее, но тут же спохватилась.

– Уходим отсюда, и поскорее! Ты уже сама не своя. Я отведу тебя к Фебусу и Базилю. Вспомни, мы взяли для них сухарей. Они вдвоем еще очень даже живы.

– Хорошо, пойдем, – неожиданно капитулировала Киона. – Но вообще-то бросать пропащие души – это очень жестоко.

– Мне наплевать на то, жестоко это или нет. На кого мне не наплевать – так это на тебя, моя дорогая, – резким тоном ответила Эрмин.

Вернувшись на улицу Сен-Жорж, она почувствовала облегчение. Где-то вдалеке грохотал гром, а цвет неба приобретал металлический оттенок. Огромный водопад, поток воды в котором был усилен недавними дождями, казалось, что-то отвечал раскатам грома своим глухим и монотонным голосом.

– В машину! – воскликнула Эрмин. – Садись в машину, и поехали отсюда.

Как только «линкольн» отъехал на пару сотен метров, Киона сразу же почувствовала себя лучше. Она слегка откинула свою красивую голову с золотистой шевелюрой.

– Больше я в этот бывший универсальный магазин никогда заходить не буду, – заявила она. – Мин, а ты и в самом деле ничего не слышала? Вообще ничего?

– Поверь мне, я была не меньше ошарашена царившей там тишиной и – прежде всего – тем состоянием транса, в которое ты впала.

– Да уж, а четыре года назад я вообще упала в обморок. У меня, наверное, не хватает душевных сил. Или же нервы у меня для таких встреч слабоваты. Такого рода недомогания очень утомляют.

– Как бы там ни было, к Эстер мы уже заглядывать не будем. Папа прав – тысячу раз прав! – в том, что нам следует держать тебя подальше от всего, что связано с потусторонним миром.

– Если ты не отвезешь меня на обратном пути на улицу Марку, я отправлюсь туда позднее на велосипеде, пешком или на четвереньках, но

Эстер я помогу. Мне очень хочется, чтобы она была счастливой и залечила свои раны.

– Ну хорошо, мы заедем к ней вечером, но я буду рядом и буду за тобой присматривать. Гляди, вон там руины, уже покрытые растительностью. Это мельница Уэлле. Боже мой, у меня разрывается сердце, когда я думаю о том, как моя Лолотта бегала по ночам через этот луг, чтобы броситься на шею Людвигу. Она носила ему конфеты, шоколад и печенье. Они провели немало времени вместе. В их жизни тогда был восхитительный период – период зарождения взаимной любви. А меня как будто переместили в другой мир в то утро, когда Тошан в буквальном смысле слова похитил меня и увез на своих санях. Собаки бежали по живописной местности. Все вокруг было покрыто снегом и льдом и поблескивало на солнце. А вечером мы поженились. Церемония бракосочетания прошла в городке Лак-Бушетт.

– Я уже знаю эту историю наизусть, – укоризненно покачала головой Киона, – кроме всего того, что касается брачной ночи. Ты, должно быть, боялась физической близости...

Эрмин захихикала, и ее лазурно-голубые глаза на пару мгновений затуманились. Ее сводной сестре невольно подумалось, какой же все-таки удивительно привлекательной является эта женщина с густыми светлыми волосами и стройным телом, женственные формы которого, впрочем, были довольно объемными. В своем голубом шелковом платье с декольте в форме буквы «V» и с обнаженными руками Эрмин смогла бы очаровать какого угодно мужчину.

– Да, я боялась. Я была больна страхом. Кроме того, монахини привили мне такие представления о стыдливости, что я даже стеснялась закатывать летом рукава. Однако Тошан сумел меня приручить, и после этого я уже никогда не боялась. Больше я тебе про это ничего рассказывать не стану: это наш с Тошаном секретный сад. Ой, смотри, у нас гости!

К ним скакал галопом Фебус. Его грива развевалась на ветру. Вслед за ним, почти не видный из-за высокой травы, едва поспевал Базиль. Киона проскользнула между досок ограды и бросилась к своему коню. Фебус резко остановился и радостно заржал. Киона обхватила коня за шею и прижалась к ней своей щекой. Эрмин тем временем подошла к Базилю – славному пони, который был радостью детства всех ее детей и ее брата Луи.

– Вам тут немножко одиноко – Фебусу и тебе – на этом огромном лугу, – сказала Эрмин Базилю. – Но зато у вас тут много места и полно еды.

– Ты разговариваешь с Базилем? – с радостным удивлением спросила

Киона.

– А что тут такого? Я всегда любила и больших лошадей, и пони. Я каталась на Шинуке, мерине Жозефа. И запрягать его я умела. Когда Лолотта была маленькой девочкой, к тому же слепой, я возила ее на прогулки верхом на Шинуке. Мне тогда казалось, что этот мерин оказывает ей особое внимание: когда она ехала верхом на нем, он не делал никаких резких движений.

– Лошади вообще-то телепаты, – закивала Киона. – Шинук чувствовал, что Лолотта очень хрупкая.

Эрмин молча кивнула в ответ, чувствуя, что к глазам у нее подступают слезы. Она посмотрела на близлежащие холмы и на крыши Валь-Жальбера, а затем прошептала горестным тоном:

– Мне здесь все напоминает о Шарлотте. Господи, как бы мне хотелось, чтобы она сейчас была здесь, в Маленьком раю, чтобы я могла ее обнять, услышать ее голос, поболтать с ней, листая журнал мод! Ей очень нравились украшения и красивые платья! Ты и мои дочери-близняшки знали ее хуже, чем я, и это вполне естественно. Вы были еще совсем маленькими, когда она стала уже взрослой девушкой. Она сопровождала меня в моих турне и помогала мне в гримерной. Я часто приглашала ее в рестораны в Монреале, в Квебеке и даже в Нью-Йорке. Она любила гулять по улицам больших городов, любила делать себе макияж и красиво одеваться, любила кокетничать.

Киона слушала, стоя возле своего коня. Когда ее сводная сестра замолчала, она осторожно сказала:

– Ты, видимо, думаешь о Шарлотте такой, какой она была в те времена – веселой и милой. Она тоже предстала передо мной после своей смерти именно такой. Точнее, не она, а ее призрак. Призрак... Не знаю, какое еще слово можно было бы в этом случае использовать. После ее смерти я много размышляла. Она обожала своих детей. Однако мне кажется, что после того, как она стала матерью, ее характер изменился. Беременность и связанные с ней трудности сильно ее раздражали.

– Да, я с этим согласна, она частенько по этому поводу психовала, и мы все становились заложниками перемен в ее настроении. Людвиг тоже с ней намучился.

– Вполне возможно, она чувствовала, что ей угрожает опасность и что исход будет фатальным. Те слова, которые она мне сказала – точнее, сказал ее призрак, – очень многое прояснили: «Чуть раньше или чуть позже». Она, похоже, была уверена в том, что не переживет родов этого ребенка. Она в любом случае умерла бы, Мин. Это, конечно, звучит не очень-то

утешительно, но я уверена в том, что Шарлотта обрела покой и устремилась к свету. Это меня радует.

Эрмин пожала плечами: она не была способна взглянуть на смерть своей подруги под таким углом зрения.

– Покой и свет вдали от своих детей, от любимого мужчины и от нас всех? Нет, такое меня не устраивает. Давай не будем больше об этом. Пойдем, уже поздно.

Дом Эстер, тот же день

Овид любезно встретил Эрмин и Киону, хотя он и неловко чувствовал себя в цветастом фартуке.

– Мне жаль, но у Эстер работа начинается сегодня в пять часов, и она уже ушла, – сказал он. – Однако я и сам могу вам все рассказать. Все, что вам захочется узнать, Киона.

Киона ничего не сказала в ответ, мысленно задаваясь вопросом, обращался ли к ней Овид на «вы» в то время, когда она была еще ребенком. Она поняла по этому его обращению, что он относится к ней уже совсем по-другому, и это заставило ее улыбнуться.

– По правде говоря, я рад, что вы сюда приехали, – продолжал Овид. – Ситуация становится все хуже и хуже. Эстер извелась: ей все никак не удавалось доказать мне, что в этом доме происходят какие-то аномальные явления. Совсем недавно, правда, мне довелось стать свидетелем чего-то странного... Эрмин, хотите выпить содовой или чего-нибудь покрепче? А вы, Киона?

– Нет, спасибо! – ответили сводные сестры почти в один голос.

– Хотя повод для вашего прихода сюда не очень-то радостный, я должен признать, что мне повезло. Мне не часто удастся увидеть вас только вдвоем – без Тошана, Мадлен, детей и ваших родителей. Знаете, я только сейчас заметил, как много похожего в ваших чертах лица, жестах, волосах, форме носов...

– Вы что, собираетесь выучиться на судебно-медицинского эксперта? – сыронизировала Киона желчным тоном.

– Дорогая моя, какая муха тебя укусила? – удивленно воскликнула Эрмин.

– Все в порядке, все в порядке! – стал успокаивать ее Овид. – Эта реплика вообще-то была забавной – прекрасный черный юмор. Но вы тем не менее ошибаетесь, моя дорогая Киона. Этой своей новой привычкой всматриваться в лица других людей я обязан Лоранс. Она пробовала себя в трудном искусстве написания портретов и объясняла мне основы этого

искусства – в частности, рассказывала, как именно нужно рассматривать человеческое лицо. Кстати, как у нее дела?

«Ну и наглец же он, раз осмеливается спрашивать, как дела у Лоранс!» – подумала Киона.

– Она сейчас находится у нас, в Большом раю, вместе со своим отцом, братом и сестрой, – ответила Эрмин. – Мы собрали там всех, кто захотел нам помочь. Но вы лучше расскажите нам о том, что происходит здесь.

Овид снял с себя фартук Эстер и бросил встревоженный взгляд в сторону кухни.

– Ой, подождите, пожалуйста, минуточку. Я готовлю пирог с овощами, и мне не хочется, чтобы он пригорел. Мы собираемся устроить завтра пикник на берегу озера.

Овид с извиняющейся улыбкой вышел из комнаты.

– Он еще и повар, – прошептала Эрмин своей сестре.

Но Киона уже о чем-то глубоко задумалась. Сидя рядом с Эрмин на красном диване, она смотрела невидящим взглядом на стену.

– Здесь кто-то есть, – прошептала она. – И этот кто-то сердится.

Подобное заявление заставило бы испуганно вздрогнуть кого угодно. У Эрмин пересохло во рту. Тут снова появился Овид. В одной руке он держал графин, в другой – два стакана.

– Я прихватил это на тот случай, если вам вдруг захочется пить! – сказал он, тоже садясь на диван. – Так вот, давайте не будем тратить время на разговоры про всякие банальности. Это произошло в ночь с четверга на пятницу. В среду вечером, когда мы с Эстер пришли сюда, здесь все было нормально. Полное спокойствие. Я всячески успокаивал ее на следующее утро, но она все время твердила, что в этом доме есть призраки и что ей необходимо переехать. А было бы очень жаль это делать: она ведь только что закончила обновление интерьера.

– Здесь все выглядит современно, – рассеянно сказала Эрмин, чувствуя себя не в своей тарелке из-за слов, только что услышанных ею от Кионы.

– Да, но я к этому привык, – пошутил Овид. – Короче говоря, в ночь с четверга на пятницу Эстер будит меня около полуночи, потому что снова слышит эти чертовы удары в стену. Я прислушиваюсь и тоже начинаю слышать какие-то глухие удары, доносящиеся с первого этажа. Я решаю выйти из дому, чтобы посмотреть, кто это там балуется. Я обхожу вокруг дома, но никого не вижу. Возвращаюсь и вижу, что свет погас. Эстер ждет меня на кухне и плачет от страха. Она пытается взять чашку, но та вдруг летит на землю и разбивается. Кроме того, она снова чувствует, что к ней прикасаются, но на этот раз уже более настойчиво: кто-то сжимает ее

локоть. Я упорно пытаюсь ей объяснить, что причиной тому могут быть климатические катаклизмы, какие-то совпадения, но едва я начинаю излагать ей свои заумные предположения, как вдруг чувствую чье-то ледяное дыхание у себя на лбу и прикосновение чьей-то руки к моему плечу. Этого мне вполне хватило, чтобы перестать умничать. Мы взяли кое-какие вещи, и я увез Эстер ночевать в Сен-Фелисьен. Сегодня я заеду за ней в полночь, и мы опять поедem ночевать ко мне. Я признаю, что был неправ, когда не верил Эстер. Она теперь пребывает в полной растерянности и очень нервничает. Киона, вы можете нам помочь? Точнее говоря, помочь Эстер. В противном случае мне придется поселить ее в своем маленьком жилище.

– Я для того сюда и приехала, чтобы помочь Эстер, – ответила Киона, давая своими словами понять, что он, Овид, не имеет к этому ее стремлению никакого отношения.

Она с сосредоточенным видом встала с дивана.

– Эрмин, тебе нужно остаться здесь, в гостиной, вместе с Овидом. Не говорите ничего и не шевелитесь. Меня не должны отвлекать ни ваши голоса, ни ваши движения.

Затем Киона – под удивленными взглядами Эрмин и Овида – обошла комнату, касаясь стен кончиками пальцев, и, выйдя из гостиной, направилась на второй этаж. Эрмин и Овид услышали, как скрипит под ее ногами паркет, а затем до них донесся приглушенный стон. Эрмин, терзаемая тем, что не может сейчас ничего сказать учителю, стала кусать себе губы. Овид мимикой показал ей, что очень взволнован. В ответ она с сочувствующим видом слегка покачала головой.

И тут вдруг Киона, находившаяся на лестничной площадке, стала что-то говорить тихим голосом – таким тихим, что они не могли расслышать, что она говорит. Им показалось, что она произносит какой-то монолог, делая в нем бесконечно долгие паузы. Наконец Киона вернулась в гостиную. Она была очень бледна, что сразу же бросалось в глаза, потому что обычно цвет ее лица был медным – то есть точно таким же, как у Тошана.

– Ну так что? – спросила Эрмин, говоря еле слышным голосом.

– Мне кажется, у меня получилось. Пожалуйста, дайте мне выпить воды.

Эрмин, усадив Киону на диван, принесла ей стакан воды. Киона выпила один глоток и сделала глубокий вдох.

– Я изменяюсь в лучшую сторону. Мое недомогание было очень коротким и легко переносимым, – сказала она удивленно.

– А что вы говорили там, наверху? – поинтересовался Овид. – Мне показалось, что вы читали какие-то молитвы.

– Это были не молитвы. Я давала советы и пояснения.

– Кому? – испуганно спросил Овид.

– Женщине. Она умерла в 1926 году во время того, что в газетах называли трагедией региона Лак-Сен-Жан.

– Я помню это очень хорошо, мне тогда было шестнадцать лет! – воскликнул учитель. – Это произошло во время строительства плотины. Строительство вызвало много протестов, но они закончились ничем. Строительные работы были начаты и доведены до успешного завершения. Уровень воды в озере поднялся – как во время больших весенних паводков^[38].

– Я тоже это помню, – закивала Эрмин. – В Валь-Жальбере все об этом говорили. Жозеф Маруа ездил оказывать помощь своим двоюродным братьям и сестрам. Киона, а как умерла эта женщина? Она утонула?

– Нет, ее забил в саду до смерти ее муж – ревнивый и агрессивный человек. Она так и не поняла, что умерла. Она думала, что просто спала, а когда проснулась, ее никто почему-то не слышал и не видел. Ее муж уехал на другой конец Канады. Как только в этом доме кто-нибудь поселялся, она пыталась привлечь к себе внимание, и при этом ее частенько охватывал бешеный гнев. Она ведь была женщиной простой и неграмотной. Ее пребывание между двумя мирами показалось ей очень коротким. Однако в действительности она вот уже двадцать четыре года зовет на помощь и стучит в стены, когда замечает, что в доме есть жильцы. Поройтесь в архивах местной газеты – и вы найдете сведения о ней и о том, как она умерла. Я ничего не выдумываю.

Ошеломленный Овид на несколько секунд закрыл глаза. Хотя он и был материалистом, увлекающимся не только литературой, но и естественными науками, в этой ситуации ему волей-неволей приходилось поверить Кионе.

– Я не стану оскорблять вас какими-либо проверками, малышка. Если эта бедняжка никак не станет проявлять себя в будущем, я буду вам очень признателен.

– Как только она осознала, что мертва, ее душа успокоилась и она исчезла. Я больше не видела ее. Думаю, она сюда уже не вернется.

Эрмин, дрожа, взяла сводную сестру за руку.

– То есть ты ее освободила? – спросила она. – Но получается, что ты ее видела, да? Я имею в виду ее лицо, внешность...

– Хотя и смутно, но видела. Она предстала передо мной в виде расплывчатого сероватого изображения, в котором трудно было что-либо

рассмотреть. Очень худая низкорослая женщина. Она заслуживала того, чтобы обрести покой, улететь к свету... Боже мой, Овид, вы так сильно побледнели!

– Побледнеешь тут... Мне уже хочется восхвалять Господа. И вас, Киона, тоже – за то, что вы проявили такое мужество, находясь лицом к лицу со сверхъестественным.

Киона улыбнулась сострадательной улыбкой, глядя на искажившиеся черты лица Лафлера. А тот с обескураженным видом продолжал:

– Избита в саду до смерти! Если я расскажу об этой трагедии Эстер, ей опять захочется куда-нибудь переехать отсюда.

– Не захочется. Я сумею ее успокоить. Если вдуматься, в каждом районе земного шара – и в нашей стране, и за рубежом – существуют места, в которых кто-то умер насильственной смертью. Подумайте о бесчисленных войнах, развязываемых людьми в погоне за богатством и властью!

– Это, к сожалению, правда, – согласилась Эрмин.

– Тем не менее мало кто из усопших приходит побаловаться электрическими выключателями или побарабанить в стену, – покачал головой Овид. – Но раз уж мы затронули эту тему, то мне хотелось бы узнать ваше мнение, Киона. Раньше я полагал, что необходимо присутствие медиума для того, чтобы призраки могли как-то заявить о своем появлении или продемонстрировать нам, что они находятся, как вы сказали, между двумя мирами. Однако эта женщина терроризировала нас и без помощи медиума.

– Сожалею, Овид, но я недостаточно хорошо разбираюсь в этом вопросе для того, чтобы быть способной аргументированно ответить вам. Я прочла в какой-то книге, что призраки могут проявить себя и без тех ворот, которые как бы открывают для них медиум. Также возможно, что определенную роль играет и степень того отчаяния, которое охватило блуждающую душу. Однако, прошу вас, скажите Эстер, что ей уже больше нечего бояться. Вообще-то ей и раньше ничего не угрожало – ну разве что серьезный нервный срыв. Отныне она будет чувствовать себя в этом доме намного лучше. Сейчас я уже могу вам признаться, что едва я переступила порог, как сразу же почувствовала, что атмосфера здесь удручающая. Последняя деталь: собственник этого дома обо всем этом знал. Все его наниматели отсюда сбежали. Воспользуйтесь этим для того, чтобы заставить его снизить цену.

– Прекрасная идея! Благодарю вас, барышня! – воскликнул Овид, вставая. – Опять ваш черный юмор! Юмор, который я считаю оружием

интеллекта.

– Ну, как хотите, – сказала Киона нейтральным тоном. – Эрмин, нам пора возвращаться. Я пообещала Адели, что прочту ей сказку на ночь.

– Да-да, ты права. Но у меня вообще-то имеется вопросик к Овиду.

– Я вас слушаю, моя дорогая подруга.

– Чем вы не угодили моей маме? Мне очень жаль, что у вас больше нет возможности нас навещать. Напишите ей письмо с извинениями, если вы чем-то ее разозлили.

– Хорошо, я так и поступлю, обещаю вам. Да, я ее разозлил! Хотя правильнее будет сказать, что я ее разочаровал.

– Ну что ж, посмотрим, дадут ли ваши извинения какой-либо результат. Да, кстати, я вам еще не говорила: я получила водительские права. Я одна из первых женщин нашего региона, научившихся управлять автомобилем.

– Bravo, вы поразили мое воображение! – заявил Овид. – А что касается писем, то я хотел бы передать через вас письмо для Лоранс. Можно?

– Ну конечно! Я уезжаю на берег Перибонки в начале следующей недели вместе с Тошаном. Мы поедем на нашем новехоньком грузовике. Нам его подарила мама.

Овид со смущенным видом пошел в коридор и достал из висевшей там сумки конверт с письмом. Он дал его Эрмин, а затем проводил ее и ее спутницу к выходу.

– Не знаю, как вас и благодарить, Киона, – сказал Овид. – Если я, в свою очередь, смогу оказать вам какую-либо услугу, я сделаю это с превеликим желанием.

Покосившись украдкой в сторону своей сводной сестры и увидев, что та уже садится за руль «линкольна», Киона тихонько сказала учителю твердым голосом:

– Вы можете рассчитаться со мной прямо сейчас. Что написано в этом вашем письме? Лоранс, между прочим, из-за вас едва не погибла. Ей захотелось поплавать в озере, чтобы изгнать свою любовь к вам, и она едва не утонула. Да, мне хотелось, чтобы вы об этом знали. Об этом известно только Мукки, Нутте, Акали и мне. Надеюсь, вы перед ней извинились. А если нет, то уже давно пора извиниться!

Овид, чувствуя на себе ледяной взгляд янтарных глаз Кионы и придя в ужас от того, что она ему только что сообщила, сказал едва слышным голосом:

– Да, я перед ней извинился.

– Ну вот мы и в расчете. До свидания, Овид. Желаю счастья вам и Эстер.

Роберваль, четверг, 14 сентября 1950 года

Киона наводила порядок в своей комнате. После того как уехала ее сводная сестра, у нее возникло ощущение пустоты. Она уже начала скучать по Эрмин, хотя та уехала всего лишь два дня назад. Эрмин сидела, улыбаясь, на пассажирском сиденье серого грузовика и держала у себя на коленях маленькую Катери. Грузовая платформа была наполнена дровами, различными вещами и провизией.

«Я не увижу их аж до конца ноября, – подумала Киона. – Хорошо, что я узнала от Тошана, что Людвиг отложил свой отъезд в Европу. Он проведет Рождество с нами, чтобы не разочаровывать своих малышей. Лора вызвалась оплатить ему авиабилеты на новый рейс – из Монреаля в Париж, – который, как пишут в газетах, будет открыт в октябре^[39]. Уж лучше пусть он отсюда уедет, хотя у меня сердце разрывается при мысли о том, что я навсегда разлучусь с Аделью и Томасом».

Киона посмотрела недоверчивым взглядом на тоненький бежевый конверт, лежащий на ее письменном столе. В этом конверте находилось письмо, которое написал ей Людвиг – красивый немец с ангельским лицом, – однако она до сих пор его еще не прочла и даже не вскрыла конверт. Письмо передал ей Тошан – вместе с письмами от Мукки, Лоранс и Нутты, которые она, Киона, прочитала почти сразу же, потому что ей было очень интересно узнать, что же происходит в Большом раю.

А сейчас, пребывая в меланхолическом настроении, она подошла к окну, из которого открывался вид на сад. Все четверо детей играли под присмотром Мадлен на лужайке. Светило солнце – робкое солнце, борющееся с холодным северным ветром. По бледно-голубому небу медленно плыли темно-серые тучи. По поверхности озера катились большие волны такого же цвета, но с серебристым оттенком.

Киона продолжила раскладывать свое белье. В первых числах октября она начнет учиться в Робервальском педагогическом училище на условиях полупансиона. Лора попросила ее посмотреть свой гардероб и выяснить, чего из одежды ей не хватает, поскольку Лора собиралась организовать поездку за покупками в Шикутими. Это будет также поводом для встречи с Антельмом, будущим женихом Акали. «Он присылает ей письма через день, и она ему на все эти письма старательно отвечает, – подумала Киона, умиляясь. – За этих двоих мне беспокоиться не нужно. Их ждет безмятежная совместная жизнь, полная любви и нежности».

В дверь тихонько постучали, и в комнату вошла Лора.

– Я не говорила, что можно войти, – запротестовала Киона. – Я ведь могла быть еще в нижнем белье.

– В то время, когда уже пора обедать? Маловероятно!

Мачеха Кионы, плохо переносящая холод, была одета в сиреневое шерстяное платье, хорошо гармонизировавшее с ее платиновой шевелюрой. На лице у нее был легкий макияж, а на шее – жемчужное ожерелье. Она встала перед открытым настежь шкафом.

– Моя дорогая малышка, мне необходимо с тобой посоветоваться! – сказала Лора. – Тебе известно, что я попросила Эрмин и ее мужа обязательно прислать к нам Мукки и близняшек в следующий понедельник. Эти две девушки решили закончить свое обучение в школе не здесь, а в Квебеке. Бадетта ждет их к концу месяца. Я думаю, что было бы разумно, если бы ты провела эти несколько дней каникул с ними. Мальчики возвратятся в Шикутими. Твой отец отвезет их туда в оговоренный день.

– Хорошо. А в чем тут вообще проблема, Лора? – поинтересовалась Киона.

– Понимаешь, мне сегодня утром вдруг пришла в голову мысль, что было бы неплохо поехать вместе с девочками в Квебек и сделать там кое-какие покупки. Я заплачу за все – как обычно, кстати, в кругу наших родственников! Я чувствую в себе желание оказать материальную помощь нашей подруге-француженке и заполнить одеждой ее шкафы.

– Ты платишь за все потому, что тебе самой нравится это делать! Мин уже не раз тебе говорила, что у нее достаточно денег для того, чтобы помогать Бадетте, да и сама Бадетта сказала тебе по телефону, что она как журналистка зарабатывает на жизнь очень неплохо.

– Да, конечно, однако Эрмин серьезно потратилась на восстановление Большого рая. Стекла, дрова, новая посуда и много чего еще... Кроме того, она разорвала свои контракты.

Киона, начиная сердиться, присела на табурет и пристально посмотрела на Лору.

– О чем ты хочешь со мной посоветоваться? Ты ведь, как говорит папа, всегда поступаешь так, как тебе самой взбредет в голову.

– Не разговаривай со мной так дерзко, Киона! Господи, рядом со мной, кроме тебя, сейчас нет никого, с кем можно было бы немного поболтать. Пойми ты, что в Квебеке я могла бы подыскать подарки на Рождество. Я предпочитаю купить эти подарки заранее. Мы впервые соберемся все вместе здесь. Елка будет великолепной, просто сказочной. Подумай об Адели и Томасе, они улетят за океан, и мы расстанемся с ними навсегда. У

них должны остаться чудесные воспоминания об этом Рождестве – их последнем Рождестве на квебекской земле.

Киона, тут же смягчившись, задумчиво улыбнулась. Лора была права: предстоящий праздник должен стать незабываемым, пусть его и омрачила смерть Шарлотты.

– О чем я хочу с тобой посоветоваться – так это о том, что мне следует купить, – сказала Лора заговорщическим тоном. – Сегодня вечером – или же завтра – мы с тобой вдвоем составим список. Ты лучше всех подскажешь мне, что может понравиться тому или иному человеку. А теперь у нас уже нет времени: обед готов. Мирей угощает нас свежим лососем со сливками и рисом.

– Хорошо, я помогу тебе составить список. Жаль, что малыши не смогут забрать игрушки в Германию. В самолет нельзя брать много багажа.

Лора, успокоившаяся и обрадовавшаяся, подошла к Кионе и поцеловала ее в обе щеки.

– Извини меня за то, что побеспокоила тебя, Киона. В моем возрасте человека перевоспитать уже невозможно. Понимаешь, для меня самое лучшее времяпрепровождение – это составление приятных планов. Идея поездки в Квебек приводит меня в восторг. После этой поездки состоится концерт Эрмин в Пуэнт-Блэ, затем – ее концерт в санатории, и тогда мы отпразднуем Рождество. Ты в этот вечер будешь неотразимой. Твои волосы уже отрасли. Тебе нужно будет сделать модную прическу и надеть красивое платье. Например, платье из парчи коричневатых оттенков. Теплый коричневый цвет.

Лора ожидала, что Киона станет возражать, а потому ответ, который она услышала, ее удивил.

– Да, такой цвет мне бы понравился, да и парча мне по душе. А еще будут нужны туфли на каблуках. Эрмин утверждает, что осанка и походка от них улучшаются.

– Ты получишь все, что хочешь, – с энтузиазмом заявила Лора. – Ну ладно, я пошла вниз. Акали уже накрывает на стол. Не задерживайся.

Когда Киона осталась одна, она машинально схватила письмо Людвиг. В канун Рождества в Робервале она постарается быть ослепительной, чтобы понравиться ему и стать в его глазах взрослой девушкой, а не маленькой девочкой, разъезжающей на своем пони. Киона вскрыла конверт, достала из него листок бумаги, сложенный вчетверо, развернула его и стала читать.

«Ангелу озера Сен-Жан, присматривающему за моими

драгоценными малышами, смеха и нежности которых мне так сильно не хватает! Горный воздух, холодная речная вода, пение птиц – все это усугубляет мою тоску. Прости меня, если я делаю в этом письме ошибки: я умею разговаривать на вашем французском языке, но писал на нем я очень редко.

Я тщательно подбираю слова, потому что мне хотелось бы, чтобы ты поняла меня правильно. Одина, ты и я – мы трое храним ужасную тайну, и никому больше не нужно знать о том, что сделала Шарлотта. Если никто ничего не узнает, то я смогу рассказывать о ней своим детям без стыда, раскаяния и сожалений. Страшно произносить эту фразу – «без сожалений».

Киона, мне хотелось бы, чтобы она жила, хотелось бы, чтобы она дышала свежим воздухом своей родной страны, но только не рядом со мной.

Ты – единственная, кому я могу довериться. Ты – человек, которым я больше всего восхищаюсь на этой земле среди всех тех, кто меня окружает, и я всем сердцем надеюсь, что твоя жизнь станет лучше и что ты никогда не ляжешь и не заснешь на какой-нибудь дороге, потому что – увы! – меня уже не будет рядом, и я не смогу поднять тебя и унести подальше от опасности, даже если этой опасностью являюсь я сам, потому что я едва тебя не задавил.

Береги себя.

Целую,

Людвиг

Киона снова сложила листок вчетверо и, держа его в руках, стала перебирать в памяти только что прочитанные ею слова. Безусловно, стиль этого письма был немного корявым, однако это было самое-самое первое из множества писем, которые ей предстояло получить от Людвигу. Она почувствовала это, когда прикоснулась к свернутому письму губами. Связь между Канадой и Германией не будет разорвана.

«Мы будем писать друг другу письма», – мысленно сказала сама себе Киона, будучи уже глубоко уверенной, что именно так и будет.

Почувствовав волнение, она прикоснулась пальцами к своим волосам и затем к ожерелью из ракушек, которое ей подарил Наку. Людвиг обожал ее, и он сетовал по поводу того, что уже не сможет утешать ее и спасать. Она почувствовала по этим строчкам, что он испытывал сильное волнение, когда писал ей письмо, и так же терзался сомнениями и тайными

надеждами.

Роберваль, воскресенье, 24 сентября 1950 года

В то же самое утро Лора и сестры-близняшки сели на поезд, идущий в город Квебек. Они взяли с собой три больших чемодана и множество маленьких. Лоранс светилась от радости: Реаль изнемогал от любви к ней, а Овид Лафлер прислал ей уже второе письмо. В первом своем письме он всего лишь приносил ей извинения, а вот второе письмо – написанное после откровений Кионы относительно Лоранс – было более длинным, более сердечным и содержащим в себе множество комплиментов, которые немножко тешили ее самолюбие.

Киона и Луи прогуливались с Фокси по берегу озера. Погода была пасмурной и сырой, но им нравилось шагать у кромки воды, слушая очень знакомые и навевающие сон крики чаек.

– Тошан ни в чем не отказывает своим дочерям, – сказал Луи желчным тоном. – А вот мне и Мукки предстоит проторчать в Шикутими еще пару лет.

– Ну и что? Вы, по крайней мере, будете ближе к Робервалю! Ты все время ворчишь – ну прямо как наш отец. Ты и без того на него достаточно сильно похож, так что не пытайся ему подражать.

– Я похож на папу? Черт побери, мне хотелось бы иметь такие же широкие плечи, как у него, такую же мускулатуру и такую же бороду. Девочки в городе на меня даже не смотрят, потому что я нескладный, невзрачный, с прямыми волосами и бледной кожей. Мне не хватает только очков для того, чтобы быть похожим на грустный экземпляр отстающего в развитии.

– Да, это верно, – с насмешливым видом кивнула Киона.

А про себя она мысленно добавила: «И чтобы стать точной копией Ханса Цале».

На прошлой неделе она посвятила вечер рассматриванию фотографий в семейных альбомах. Пианист Цале фигурировал на одном из снимков, сделанных в Валь-Жальбере во время какого-то ужина. Цале сидел за роялем, повернув лицо к объективу фотоаппарата. «Интересно, а кто в тот вечер фотографировал? Лора должна знать, но спрашивать ее об этом я не рискну».

Луи неожиданно схватил Киону за руку и потянул за собой под ветви деревьев, которые росли на широком склоне, спускающемся к озеру.

– На меня упали капельки. Сейчас пойдет дождь. Пойдем где-нибудь укроемся.

Они присели бок о бок. Луи прикурил американскую сигарету, слегка прищурив глаза и наклонив голову так, как это делали некоторые актеры в фильмах, которые он ходил смотреть в «Театр Роберваль». Рядом с Кионой он забывал о своих комплексах и о неопределенности, терзавшей его душу.

– Хочешь выкурить сигарету? – спросил он у Кионы, протягивая ей открытую пачку.

– Ты и сам знаешь, что нет. Я не курю и никогда не выпью даже одного бокальчика алкоголя. Тебе следовало бы взять с меня пример по части спиртного. Вчера вечером ты был пьян. Но тебе повезло: никто не услышал, как ты шел на второй этаж в свою комнату.

– Ну и что из того, что я был пьян? Мои родители тоже не очень-то воздерживаются. Карибу для папы, херес для мамы, шампанское по малейшему поводу, не говоря уже про виски...

– Это не одно и то же. Я никогда не видела, чтобы наш папа был пьян. И Лору тоже я никогда пьяной не видела. Она, когда выпьет, просто бывает веселее, чем обычно.

Киона посмотрела на Луи суровым взглядом. Он со своими прямыми жесткими волосами тускло-каштанового цвета, худощавым лицом и крупным носом был не очень-то привлекательным парнем. Однако ему еще предстояло измениться внешне, и Киона об этом знала.

– Если я пью, то в этом, в общем-то, виновата ты, – заявил Луи обиженным тоном разочарованного ребенка. – Когда я впервые увидел тебя в окне твоего дома, мне показалось, что я вижу ангела. Затем, когда твоя мать умерла, ты приехала жить в Валь-Жальбер, и мне сказали, что ты моя сводная сестра. Однако мы с тобой примерно одного возраста. Ты говоришь о хорошем примере, который показывают нам взрослые! А ведь наш отец познал двух женщин почти в один и тот же отрезок времени...

– Луи, ты прекрасно знаешь, как это произошло. Папа рассказал нам про оба этих случая. Когда он встретил Талу, он был в отчаянии, потому что заглянул как-то раз вечером через окно в дом Лоры и увидел, что она, похоже, уже обручена с другим мужчиной. Затем, как в сказках про фей, он набрался смелости, явился в Валь-Жальбер и снова завоевал твою мать, в результате чего родился ты.

– Нет необходимости рассказывать мне эту историю, она мне и так известна. Но вообще-то могло получиться и так, что моим отцом был ее тогдашний жених. Его фамилия Цале, да? В таком случае я имел бы право тебя любить.

Луи, произнося эти слова, нежно погладил бедро Кионы. Девушка, рассердившись, оттолкнула его руку.

– Ну все, с меня хватит! – воскликнула она. – Ты часто пытался меня целовать, но тогда тебе было всего лишь двенадцать лет. Мы были еще детьми. Больше ты не можешь позволять себе подобные поступки, Луи. На земле имеется превеликое множество девушек. Попытайся подыскать себе девушку, которая тебе подойдет. Этой девушкой никогда не буду я, потому что я – твоя сестра.

– Моя сводная сестра! – пробурчал Луи, бросая прямо перед собой поднятый им с земли камешек. – Зачем мне кого-то искать? Я люблю тебя. Ты красивая – очень красивая! – и к тому же еще и умная. Подумай хорошенько! Мне известно о твоём природном даре, о твоих экстраординарных способностях. Где, по-твоему, ты сможешь найти мужчину, который спокойно отнесся бы к твоим странным недомоганиям и видениям? Я смотрю на это под таким углом зрения. Если он тебе изменит, ты об этом сразу же узнаешь. Если он плохо о тебе подумает или сочтет, что приготовленный тобой суп невкусный, то ты сразу же узнаешь и об этом. Не очень-то веселая перспектива для твоего будущего мужа!

Луи затронул болезненный для Кионы вопрос. Она, встревожившись, стала ему возражать:

– Если он будет меня любить, то ему на все это будет наплевать. Все мои родственники относятся ко мне с любовью вопреки моим странным особенностям.

– Может быть, и так, но, откровенно говоря, Киона, ни один мужчина не достоин тебя. Ни один. Я, как и в детстве, считаю, что ты своего рода ангел. Ты отдаешь себе в полной мере отчет в том, что ты сделала для нас на протяжении всех этих лет? Я похож на балбеса, близняшки повторяют мне это довольно часто, но я ничего не забыл. Когда меня похитили, ты являлась ко мне во снах, чтобы успокоить и сообщить, что меня спасут. После этого ты выяснила, где именно находится Тошан во Франции. Без тебя он был бы уже мертв. Лоранс – тоже. Мукки рассказал мне, что ты спасла ее, когда она едва не утонула в озере. Ты делаешь очень много полезного. Когда ты улыбаешься людям своей неподражаемой улыбкой, они чувствуют себя намного лучше. На душе у них становится легко и радостно, и им кажется, что они оказались в раю.

Киона, сильно разволновавшись, подумала, что это замечательное признание в любви. Она повернулась к Луи и улыбнулась ему как раз той улыбкой, о которой он только что упомянул. Луи воспринял эту улыбку как драгоценный подарок. К его глазам подступили слезы.

– Пожалуйста, не плачь из-за меня, – прошептала Киона, кладя свою голову на плечо Луи. – Дай мне свою руку.

Она сжала пальцы своего «сводного брата» и закрыла глаза, чтобы иметь возможность получше сконцентрироваться.

– Луи, будь мужественным, – сказала она ласковым голосом, который показался юноше удивительно звонким и чистым. – Через три года ты будешь учиться в Монреале. Ты поправишься и станешь брить голову. О тебе будет мечтать одна девушка. Француженка, брюнетка с зелеными глазами.

– А как ее зовут? – спросил, оживляясь, Луи.

– Я не имею права тебе это говорить, а иначе ты узнаешь ее сразу – при первой же вашей встрече. Скажу только, что это имя начинается на букву «Ж». Она будет тебя любить, а ты будешь любить ее. Искренне. Верь в свое будущее!

– Француженка? Имя начинается на «Ж»? Подожди-ка. Жюльетта, Жанна, Жозетта, Жаклин...

– Нет, это все не то. Ну да ладно, пойдем обратно в дом. Папа, наверное, уже заскучал в компании Мадлен и малышей. Он не любит, когда его дом пустеет. А тут еще Мукки уехал в Ла-Бе. Он отправился туда повидаться с Эмилией.

– Они собираются пожениться, как Акали и Антельм? – поинтересовался Луи, вставая.

– Сомневаюсь. Я, возможно, удивлю тебя, если скажу, что ты женишься намного раньше его, поскольку он встретится с избранницей своего сердца лишь к тридцати годам.

Обрадовавшись и даже немножко возгордившись, Луи с восторженным видом присвистнул.

– Вообще-то от твоего дара ясновидения есть практическая польза! – признал он. – Однако ты не видишь самого главного. Даже если я и женюсь на девушке, которая станет моей судьбой, я все равно всегда буду любить тебя.

Киона, усмехнувшись и поморщившись, покачала головой, а затем ради забавы схватила крутившегося возле ее ног фокстерьера и поцеловала его в нос.

– Послушай, – продолжил разговор Луи, – я уверен в том, что тебе прекрасно известно, за кого ты выйдешь замуж... Скажи, кому выпадет счастье тебе понравиться и право тебя любить?

– Ну конечно, мне это известно! – ответила, засмеявшись, Киона.

Среда, 27 сентября 1950 года

Жослин, сидя в уютной гостиной, слушал радио. С самого утра шел

дождь. Мадлен включила свет еще в четыре часа дня. Расположившись в кресле возле одного из окон, она вязала. Вязание было одним из ее любимых занятий, которое она считала и полезным, и приятным. Она вязала шарфы, шапочки и кофточки для детей.

– Как здесь становится тихо, когда моя жена уезжает куда-нибудь подальше за покупками! – констатировал глава семьи, глядя на индианку. – А что вы думаете, Мадлен, по поводу предложения Мирей включить отопление? Мне кажется, время для этого еще не пришло.

– Я с вами согласна, но, если хотите, могу развести небольшой огонь в камине. При такой погоде тепло из камина будет приятным. Констан и Адель, когда вернутся из школы, могли бы пополдничают, сидя у камина.

– Киона уже отправилась за ними?

– Да, конечно. Она все время побаивается, что застанет Адель всю в слезах, потому что какая-нибудь из ее одноклассниц поиздевается над ее хромотой. Однако с самого начала учебного года ни одного такого случая еще не было. Я думаю, Адель страдает из-за того, что ее папа уехал, однако она старается быть мужественной и не показывать этого. А Томас вообще уже к этому привык.

– Черт побери, а вот Констан все никак не привыкнет к тому, что ему теперь надо ходить в школу. Ему не нравится учиться. Эрмин следовало бы настоять на своей изначальной идее и не отправлять его в этом году в школу.

– Знаете, месье, я уверена, что после Рождества вашего внука увезут в Большой рай. Он уже намеревается заявить своей маме, что в школе ему не нравится.

В комнату, держа Томаса за руку, вошла Акали. В шотландской юбке и красном свитере она выглядела великолепно. На безымянный палец ее левой руки было надето скромное колечко с аквамаринном – знак того, что она помолвлена с Антельмом. Молодой почтальон подарил его неделю назад – в среду, 20 сентября. Эта дата была выгравирована на внутренней стороне кольца. Лора и Киона, как и было договорено заранее, в один погожий солнечный день съездили с Акали в Шикутими.

Красивая фламандка, элегантно одевшись, смогла вдоволь погулять по магазинам. Она купила себе шляпку в магазине «Ганьон-э-фрер», одном из самых больших в Шикутими, и тонкое белье в «Дюфур-э-Дюфур», расположенном на улице Расина^[40]. Затем они все – Мадлен, Киона, Лора, Антельм и Акали – пошли в «Кафе-де-Пари». Жених Акали произвел на всю компанию очень приятное впечатление: тщательно причесанные каштановые волосы, серый костюм в полоску, белая рубашка и галстук. Он

проявлял уважение к Лоре и еще большее уважение к Мадлен, своей будущей теще, однако вел себя довольно сдержанно по отношению к Кионе, которая, кстати, на обратном пути еще раз заявила в поезде Акали, что этот молодой человек – ее, Акали, судьба.

– Если вдуматься, то получается, что, не отправься ты в монастырь конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей, то никогда бы не встретила на своем жизненном пути Антельма, – сказала Киона. – Ты ведь вполне могла бы остаться в школе домоводства в Робервале в качестве преподавателя. Потребовалось стать послушницей в монастыре, чтобы тебе встретился твой будущий жених. Это еще одно подтверждение того, что у каждого своя судьба.

– А почему «еще одно»? – удивилась Лора, которая уже впадала в дрему, убаюканная покачиваниями вагона.

– Да потому, что я верю в судьбу, – поспешно ответила Киона. – Возьмем, к примеру, Мин и Тошана. Если бы он не заглянул в Валь-Жальбер как-то раз зимним вечером и не пошел на каток, расположенный за универсальным магазином, и если бы послушница из монастырской школы не попросила Эрмин сходить к Мелани Дунэ, они бы не встретились...

И вот теперь Акали, усадив Томаса на ковер возле коробки с его игрушками, вспоминала этот разговор. Ее юное сердце трепетало от радости. Бог заставил ее отправиться в монастырь, чтобы указать ей там на ее будущего возлюбленного.

– Месье Жослин, – сказала она, – я пойду проветрю вашу комнату и вытру в ней пыль. Сегодня утром я не решилась вас беспокоить. Вам нужна какая-нибудь теплая одежда? Я могла бы вам ее принести.

– Нет, спасибо, Акали. Отдохни немного с нами. Ты так часто наводишь порядок, что наш дом стал ухоженным, как никогда раньше.

– Если ты ищешь, чем заняться, Акали, то я вообще-то собиралась развести огонь в камине, – сказала Мадлен.

– Я сделаю это прямо сейчас, мама! Но затем я все равно вытру пыль в комнате месье Жослина.

– Акали, мне режут ухо эти твои «месье Жослин»! – проворчал Жослин. – Малышка, я буду весьма доволен, если ты станешь называть меня «папа Жосс». Это звучит приятно и будет меня радовать.

Мадлен, сильно растрогавшись, опустила голову. Она при этом также улыбнулась, потому что в отсутствие своей супруги Жослин Шарден разговаривал в гораздо более раскованной манере – той самой квебекской манере, к которой Лора относилась с презрением.

– Но, месье, называть вас так имела право только Шарлотта, – возразила Акали, которую смутило столь благосклонное отношение к ней.

– Да, это верно, черт побери, и было бы неправильно, если бы меня уже никто больше так не называл.

– Хорошо... папа Жосс!

* * *

Киона почувствовала умиротворение, едва переступила порог дома вместе с Аделью и Констаном. Из кухни доносился приятный запах глазированных оладий, которые Мирей ароматизировала при помощи цветов апельсинового дерева. К этому запаху примешивался хорошо знакомый Кионе запах горящей древесины. Киона услышала потрескивание огня сквозь громкую музыку, раздающуюся из радиоприемника. «Я предчувствую, что впереди нас ждет еще довольно много безмятежных месяцев, – подумала Киона. – Прошедшее бурное лето, чем-то напоминающее ужасный ураган, сменится гораздо более спокойными временами года».

– Мои дорогие, я уверена, что вы сейчас с удовольствием пополдничаете у камина, – сказала она, обращаясь к детям.

Адель подняла к ней свою мордашку, которая под красной клеенчатой шапочкой казалась очень милой. Ее каштановые волосы от влаги стали слегка завиваться. Она очень скучала по своему отцу.

Киона с материнской заботливостью сняла с Адели теплую одежду и помогла ей надеть тапочки. Констан заносчиво заявил, что сможет снять с себя одежду и сам. Раздевшись, оба ребенка пошли в гостиную, где Жослин стал задавать им традиционные вопросы: «Вы вели себя хорошо? Вы слушали учителей внимательно?»

Мирей вскоре принесла большое блюдо с глазированными оладьями. Она теперь занималась исключительно стряпней и готовила уже не только свои традиционные и неизменно вкусные блюда, но и нечто новенькое. Неисчерпаемым источником новых рецептов, из которых она выбирала самые интересные, для нее стала Лора.

Мадлен усадила малышей за маленький столик в детские кресла из ивовых прутьев.

– Вы избалованны, – сказала Акали. – Пойду принесу теплого молока. Папа Жосс, хотите чаю?

– Уж лучше бы пива, – ответил Жослин шутливым тоном.

– Папа Жосс? – прошептала Киона на ухо своему отцу.

– Ну да, в память о Шарлотте. Это просто такой способ дать понять этой красивой девушке, что я испытываю к ней чувство привязанности и что она, так же как и Мадлен, является членом нашей семьи.

– Спасибо за нее, папа. Где-то через четверть часа у нас будут гости. Возле булочной «Косетт» я встретила Эстер. Она ждала Овида. Раз уж Лора сейчас в Квебеке, я пригласила их зайти к нам и выпить с нами чаю.

– Черт побери, нехорошо поступать так за ее спиной, моя дорогая. Насколько я знаю, этот бедняга Лафлер является сейчас для Лоры персоной нон грата.

– Нет, она уже простила его. Эстер рассказала мне, что Лора ответила на его письмо, в котором он приносил свои извинения. Моя мачеха решила стереть в своей памяти какой-то инцидент, о котором, я думаю, мы так ничего и не узнаем.

– Наверняка какой-нибудь пустяк! – фыркнул Жослин. – У моей Лоры тяжелый характер. Ее лучше не злить. Хм, а инцидент этот – наверняка какой-нибудь секрет! Но я не стану ломать себе голову над разгадкой этой загадки.

Киона отвернулась, чтобы никто не увидел, как она улыбнулась. «Лора хотела защитить Лоранс, и у нее были все основания для того, чтобы не пускать в свой дом Овида. Неужели ему удалось снова снискать ее расположение? Хотелось бы мне это знать».

Вскоре ей представилась такая возможность. Овид и Эстер пришли намного позднее, чем предполагалось, и поэтому Жослин, изображая из себя гостеприимного хозяина, пригласил их не только попить чаю, но и поужинать.

Эстер, похоже, было очень приятно снова оказаться в доме, в котором прошли первые дни ее пребывания в регионе Сен-Жан и в котором, кроме того, она встретила своего будущего мужа. Она поучаствовала в купании детей и стала наблюдать за тем, как они – уже в пижамах – ужинают. Это позволило Кионе поболтать с ней. Овида же увел в гостиную Жослин, никогда не упускающий подходящего случая поболтать с кем-нибудь о политике.

Когда детям пришло время ложиться спать, Киона попросила Акали отвести троих малышей на второй этаж и пообещала детям, что скоро к ним придет.

– Вы откроете мне один маленький секрет? – спросила Киона у Эстер, уводя ее в садовую беседку.

– Я не могу вам ни в чем отказывать, Киона. Благодаря вам я теперь

имею возможность наслаждаться жизнью в доме, о котором я мечтала, – доме, в котором тепло, который хорошо закрывается и в шкафах которого полно съестных припасов. Я вспомнила об этой своей незатейливой мечте, когда Овид повез меня на прогулку в Ла-Бе, и затем он помог мне воплотить мою мечту. Вы мне тоже очень помогли: мой дом теперь стал жилищем без призраков. Благодарю вас от всего сердца.

– Вы меня уже отблагодарили, Эстер, в то утро, когда я заглянула к вам, чтобы убедиться, что все встало на свои места и больше нет ни странных звуков, ни проблем с электричеством.

– Если бы вы не приехали и не объяснили мне, кем была эта несчастная пропащая душа, у меня не хватило бы мужества продолжать жить на улице Марку.

– Меня сегодня вечером что-то стало мучить любопытство. Овид рассказал вам, что он написал Лоре письмо с извинениями по поводу своего поведения с Лоранс? Думаю, я могу затеять с вами разговор на эту тему, потому что он вам обо всем рассказывает.

– А почему это вас интересует? – удивленно спросила Эстер.

– Простите. Вы, похоже, сочли меня бестактной.

– Вовсе нет.

– Сочли, сочли.

– Тогда получается, что вы прочли мои мысли.

– С этим я, к сожалению, не могу ничего поделать. Но вообще-то я всячески стараюсь отталкивать от себя все то, что пытается перескочить из головы находящегося рядом человека в мою голову.

Эстер расхохоталась, а затем легонько ткнула указательным пальцем в грудь Кионы.

– Получается, что вы, несмотря на свои экстраординарные способности, не можете выяснить, в чем же покаялся мой жених?

– Нет, я отнюдь не обладаю способностью узнавать содержание писем, запечатанных в конверт и находящихся от меня на расстоянии в несколько миль, – ответила Киона, тоже начиная смеяться.

– Подойдите поближе – и вы все узнаете, – прошептала Эстер. – Я вообще-то помогала Оvidу составлять это письмо. Он поначалу пытался сочинять какие-то бессмысленные объяснения, но в конце концов ваша мачеха получила письмо, состоящее всего лишь из нескольких строк. «Дорогая Лора, чтобы процитировать Вам кого-нибудь из великих, напишу следующее: тот, кто никогда не грешил, пусть первым бросит в меня камень. И еще: будь я на Вашем месте, я поступил бы точно так же, то есть выдворил бы из своего дома гнуснейшего наглеца, который, впрочем,

виноват лишь в том, что был на несколько секунд сражен красотой Вашей внучки». Затем – его подпись.

– Вы, получается, знаете содержание письма наизусть? – удивилась Киона.

– Я прочла его несколько раз вместе с Овидом, и в подобных случаях я запоминаю вообще-то быстро. Ну что, теперь вы довольны?

– Да, благодарю вас. Вы с Овидом, как ни странно, сумели написать именно то, что могло подействовать на Лору. Bravo! Мне хотелось бы встречаться с вами этой зимой, по воскресеньям... Вам, я думаю, нужно будет посетить концерт, который будет давать моя сестра в резервации Пуэнт-Блэ в конце ноября. Мы вдвоем с Мадлен займемся подготовкой места, в котором пройдет концерт, и организацией самого концерта.

– А как насчет концерта в санатории? Помните, вы мне о нем говорили? Это было бы огромной радостью для наших пациентов!

– Этот концерт, возможно, пройдет в первую очередь. Ну да ладно, идите к Оvidу в гостиную, а я прочту сказку малышам.

Киона направилась легким шагом к дому – худенькая и гибкая девушка в длинном платье цвета осени.

Резервация Пуэнт-Блэ, четверг, 30 ноября 1950 года

Сидя рядом с Кионой в школьном классе, Жослин погладил ей ладонь, чтобы привлечь ее внимание. Она повернулась к отцу, и тот показал ей на одно из окон. За стеклами, освещенными висящим над входом в школу фонарем, падали снежинки.

Киона показала жестом, что она это уже видела, и снова посмотрела на Эрмин, стоявшую на возвышении, предназначенном для учительницы. Певица кланялась под бурю аплодисментов, только что исполнив «Арию колокольчиков» из оперы «Лакме». Ария эта была довольно трудной.

Классная комната была забита до отказа. Монтанье, живущие в резервации, расселись в ней кто как может – и на стульях, и на партах, и просто на паркете в проходах между рядами. Женщины держали своих маленьких детей у себя на коленях, уставившись с серьезным и сосредоточенным видом на певицу, силуэт которой был освещен двумя светильниками. Только лишь почтенному шаману Наку было предоставлено кресло. На голове Наку была потертая меховая шапка, а на его худые плечи накинули толстое покрывало. Он, как и все остальные, с восхищением слушал Соловья из Валь-Жальбера, выступающего то в роли Мими из оперы «Богема», то в роли Кармен из одноименной оперы, то в роли Маргариты из оперы «Фауст» и способного без каких-либо видимых

усилий брать самые высокие ноты. Эрмин выглядела ослепительно в своем платье из розового муслина со стразами. При малейшем ее движении материя начинала поблескивать от уровня ее выдающейся вперед груди и до подола широкой юбки, который колыхался вокруг ее ног.

Поскольку Эрмин сделала небольшую паузу, старик слегка наклонился и постучал пальцами по руке Тошана, сидящего у его ног.

– Если бы я был помоложе, я украл бы у тебя твою жену, – прошептал он. – Великий Дух одарил тебя большой милостью, подарив тебе Канти^[41]. Красивую Канти, нежную Канти, такую же яркую, как звезда!

Эти слова прадедушки Тошана заставили метиса улыбнуться. Он прошептал ему в ответ:

– И она, несомненно, предпочла бы мне тебя.

Наку оценил такой ответ, потому что и сам любил пошутить: он начал радостно смеяться.

– Голос Канти изгоняет все печали из души моего народа, – добавил Наку. – Мои сородичи сегодня вечером чувствуют себя счастливыми.

Шаман еще не знал, что его ждет большой сюрприз. Пианист – давнишний знакомый Овида Лафлера – начал играть незатейливую мелодию «Моя хижина в Канаде».

Киона сжала руку своего отца, Лора затаила дыхание, а Мадлен, Эстер и Овид нетерпеливо переглянулись: для них наступал момент, которого они ждали больше всего.

«Хоть бы у Мин все получилось! – подумала Киона. – Она репетировала не один десяток раз, но язык монтанье ведь сильно отличается от французского! Если она будет ошибаться слишком часто или у нее случится провал в памяти, виновата в этом буду я. Это ведь была моя идея – вполне возможно, что идея нелепая».

Эстер, которая была в курсе всего этого, посмотрела на Киону ободряющим взглядом. Многие люди охотно посодествовали организации этого концерта, слухи о котором расползлись по всему региону. Ни для кого не было секретом, что эта знаменитая певица – Снежный соловей – вышла замуж за метиса и жила то среди своих кровных родственников, то среди родственников своего мужа, который, кстати, отличился во время войны, находясь во Франции. Поэтому никто не удивился, прочитав в газетах, что Эрмин Дельбо будет петь для индейцев из резервации через неделю после своего благотворительного концерта в санатории, находящемся в Робервале.

Публика начала тихонько перешептываться, как только зазвучали первые слова следующей песни, которую Эрмин исполняла на языке

монтанье. Затем все зрители замолчали. Они слушали певицу с ошеломленным и внимательным видом. Киона вся дрожала. Она не сводила глаз со своей сестры, которая была удивительно красивой со своими длинными светлыми волосами и голубыми глазами.

«Такое впечатление, что моя милая женушка разговаривала на языке моих предков всю жизнь!» – с восторгом подумал Тошан, чувствуя, как от волнения к его горлу подступает ком.

Он слегка повернулся и поднял голову, чтобы взглянуть на морщинистое лицо почтенного Наку. Старый индеец слушал очень внимательно. В выражении его лица чувствовалось величайшее напряжение. По щекам текли слезы. Тошан понял, что сейчас чувствует его прадедушка. Исполнение песни на языке монтанье, да еще таким чистым и таким необыкновенным голосом, было равносильно дани уважения всем индейским племенам Канады, переселенным и униженным бледнолицыми людьми ради того, чтобы освоить новые земли, навязать индейцам так называемый цивилизованный образ жизни, организовать массовую вырубку леса, возвести различные сооружения, остановить течение рек и заставить «маленьких дикарей» забыть свой родной язык во время обучения в пользующихся дурной славой школах-интернатах.

Метис, расчувствовавшись, стал мысленно благодарить Киону. Ему подумалось, что она сумеет подбадривать и с добротой и мудростью прививать знания детям народа, из которого происходит и она сама. Он представил себе на мгновение некую магическую связь в виде невидимой нити, протянутой через все помещение между двумя сестрами, которые обладают огромными сердцами и жаждут справедливости и которых Творец всего сущего наделил ослепительной красотой и удивительными талантами. Когда Эрмин пела, она, как и Киона своими неподражаемыми улыбками, излучала доброту, способствующую утверждению гармонии.

Она сейчас пела, немного наклонив голову. Ее фигура, ярко освещенная светильниками, слегка раскачивалась. Индейцы восторженно слушали ее. Когда она замолчала и поклонилась публике, началась настоящая буря – буря оглушительных аплодисментов и радостных криков.

– Черт побери, это было превосходно! – воскликнул Жослин. – Зрители, похоже, очень довольны.

– О-о, да, они счастливы, очень счастливы! – заявила Киона.

– Но концерт, я надеюсь, еще не закончился, да? – поинтересовалась Эстер. – В санатории Эрмин исполнила, помимо всего прочего, замечательный отрывок из «Травиаты».

– Этого произведения в программе сегодняшнего концерта нет, –

вежливо ответила Лора.

– Мин исполнит еще три произведения: «Гимн любви», «Мои башмаки» Феликса Леклерка и – самой последней – песню «Голубка».

– «Голубка»! – ошеломленно повторил Овид. – Но ведь...

– Тихо! – оборвала его Киона. – Подождите немного, прежде чем задавать какие-то вопросы.

Овид не стал упорствовать. Эрмин стала петь «Гимн любви», однако пела она его совсем не так, как Эдит Пиаф, поскольку их голоса были похожи друг на друга лишь своей необыкновенной силой и больше ничем. Эрмин привнесла в исполнение немного веселья и чуточку страсти, и это вызвало восторг у индейцев, очень многие из которых понимали по-французски, а то и говорили на этом языке. Затем настал черед песни «Мои башмаки».

Мои башмаки побродили по свету,
Из школы меня отнесли на войну.
Я в них пересек половину планеты,
Бывая у разных несчастий в плену.
Мои башмаки по долинам шагали
И даже когда-то топтали луну,
И с феями рядом они ночевали,
Заставив сплясать далеко не одну...

Этой песне, сочиненной жителем Квебека, восторженно аплодировал Наку, которому она очень понравилась. Эрмин, допев песню до конца, поклонилась. Выпрямившись, она поблагодарила публику за аплодисменты и добавила:

– Перед тем как спеть последнюю песню, я хотела бы сказать вам, как сильно я растрогана тем, что нахожусь здесь, среди вас, вместе со своими родственниками. Я видела так много радостных взглядов и так много аплодирующих детских ручек, что обещаю вам, что буду приезжать сюда каждый год, чтобы дарить вам подобные моменты радости. Мне хотелось бы поблагодарить месье Овида Лафлера, благодаря которому мне стал сопровождать на школьном пианино мсье Антуан Потвен, специально приехавший сюда из Шамбора, – его я тоже благодарю. Мне известно, что уже много лет Овид Лафлер является вашим другом и посвящает себя вам. Поэтому в качестве последнего произведения концерта я выбрала его любимую песню – «Голубка».

Раздались громкие крики – крики одобрения. Старый шаман Наку провел своими худыми пальцами по волосам Тошана, все еще сидящего у его ног, и прошептал ему на языке монтанье:

– Этот учитель тоже украл бы у тебя твою жену. Когда владеешь настоящим сокровищем, нужно за ним присматривать, а ты не всегда это делал. Но тебе повезло: Канти любит только тебя.

Метиса очень обрадовали эти слова шамана, хотя он и раньше не сомневался в том, что Эрмин любит только его. Она на всякий случай заранее предупредила его, что посвятит исполнение песни «Голубка» Овиду, поскольку знала, что Тошан бывает ревнив, и не хотела провоцировать очередной всплеск ревности. Дождавшись конца песни, Тошан восторженно сказал шаману:

– Я буду помнить об этом, Наку. Я больше не буду разлучаться с ней, моей удивительной супругой.

– Значит, теперь я могу спокойно уйти, – пробормотал старик.

Эти его слова были заглушены взрывом аплодисментов, смешанных с восторженными криками. Эрмин кланялась направо и налево. Киона, пробравшись через переполненное помещение, бросилась к своей сводной сестре. Они встали рядом друг с другом в золотистом свете светильников: одна – в розовом платье со стразами, вторая – в платье цвета осенней листвы, которое, казалось, было сшито специально для нее. Вьющиеся волосы Кионы были собраны на затылке в хвост и завязаны разноцветной ленточкой. На ее шее висело ожерелье из ракушек, слегка поблескивавшее своим перламутром на фоне кожи медного цвета.

Эрмин своим чистым голосом объявила:

– Мне очень захотелось, прощаясь с вами, держать за руку мою сестру Киону – дочь Талы-волчицы, которую многие из вас знали, и внучку Одины, которая, в свою очередь, является дочерью всеми уважаемого Наку! Именно Киона помогла мне организовать этот концерт и, самое главное, научила меня петь на вашем языке. Я благодарю ее и прошу вас тоже ее поблагодарить.

Индейцам понравилось это заявление Эрмин. Они стали шумно ее благодарить.

– В скором времени – через год или два – Киона сможет работать учительницей здесь, в Пуэнт-Блэ, – добавила певица. – Я уверена, что она сумеет грамотно организовать обучение ваших детей, будет относиться к ним с любовью и поможет им сохранить ваш язык, память о вашем прошлом и ваши легенды.

Волна энтузиазма прокатилась по классу, заполненному индейцами

монтанье. Они устроили двум сестрам овацию. Лора, прижимаясь к обхватившему ее руками Жослину, пустила слезу. Эстер, тоже расчувствовавшись, положила голову на плечо Овида.

– Скажи честно, ты и в самом деле уже больше не любишь Эрмин? – спросила она у него взволнованным шепотом. – Она ведь яркая личность и очень красивая женщина!

– Для меня она уже в прошлом. Теперь я люблю всем своим сердцем только тебя, моя дорогая. Не бойся ничего. Никогда уже больше ничего не бойся.

Он подкрепил свои слова нежным поцелуем, не чувствуя при этом, что за ним и Эстер наблюдает с растроганным видом Мадлен. Затем индианка перевела взгляд своих темных глаз на окна школы. Снаружи шел густой снег. Снежинки были большими и пушистыми.

– Месье, – сказала Мадлен Жослину, – нам уже пора отправляться в обратный путь. Акали и Мирей обещали подготовить для нас горячие напитки.

– Да, сейчас поедем. Твоя дочь и так уже лишила себя этого замечательного вечера ради того, чтобы присмотреть за детьми. Тошан повезет Мимин и Киону.

Из класса не спеша вышли один за другим все зрители, которых было так много, что от их теплого дыхания в помещении стало тепло, несмотря на то что по настоянию администрации резервации Пуэнт-Блё большую металлическую печь, находящуюся в глубине класса, растапливать не стали, чтобы в толчее никто об нее не обжегся.

Прижавшись носом к стеклу, Киона разглядывала женщин, которые в большинстве своем завернулись в покрывала и удалялись в холодных сумерках в направлении своих хижин или другого хлипкого жилища. Некоторые из них несли на спинах маленьких детей, тогда как дети постарше топали по недавно выпавшему снегу позади своих родителей. Всей этой общине, всем этим ее братьям и сестрам по крови, подумалось ей, предстоит пережить очередную суровую зиму.

Возле нее прошли Тошан и Овид. Они поддерживали шамана, ноги которого едва касались паркета. Подчинившись требованию старика, они остановились.

– Киона, не грусти, моя малышка! – крикнул он по-французски. – Того, что сделано, уже не исправить – ни слезами, ни насилием. Я испытал сегодня вечером на берегу Пиекоиагами много счастья благодаря тебе и благодаря Канти. Теперь я могу спокойно уснуть. Я знаю, что ты позаботишься о моем народе. И пусть Великий Дух оберегает тебя – тебя и

твоих близких.

– Благодарю тебя за эти слова, почтенный Наку, – ответила Киона. – Я хотела бы тебя поцеловать так, как это делают бледнолицые.

Киона, к горлу которой от охватившего ее волнения подступил ком, легонько поцеловала Наку в его щеки, кожа которых уже стала похожей на пергамент. Эти поцелуи показались ему легкими прикосновениями крыльев птицы. Он радостно улыбнулся, и это была его последняя улыбка. Он ушел в мир иной следующей ночью, когда спал.

Киона это предчувствовала. Когда она узнала на следующий день о его кончине, она просто сказала, что все произошло так, как и должно было произойти.

Глава 18

Канун Рождества

Роберваль, воскресенье, 24 декабря 1950 года

Адель прижала свой маленький носик к оконному стеклу, чтобы было удобнее любоваться заваленным снегом садом. За ночь окружающий пейзаж стал абсолютно белым: белыми стали даже ветки деревьев, растущих у сарая, и кустов, окаймляющих лужайку. Девочке показалось, что она слышит голос своей матери, шепчущий ей на ухо:

– Смотри, моя дорогая малышка, это снег-хлопок – мой любимый вид снега, легкий и нежный. Он обволакивает все, даже самые маленькие предметы.

Это было в Германии в первую зиму у ее дедушки и бабушки – еще до того, как жизнь превратилась в сплошные крики и слезы. Адели захотелось плакать. Завтра уже наступало Рождество, а ее папа все еще не приехал. Ее мама же сейчас находилась на небесах, как ей об этом твердили разные люди в школе, в магазинах и в церкви, в которую она ходила по воскресеньям.

Она вздрогнула, увидев снаружи странный силуэт. Какой-то человек шагал по глубокому снегу. Он был одет в длинную коричневую куртку, капюшон которой был надвинут до самых бровей. Шарф, намотанный до уровня носа, наполовину скрывал лицо.

«Это не мой папа. Папа намного выше ростом», – разочарованно подумала девочка.

Пару мгновений спустя незнакомец помахал руками, откинул капюшон назад и опустил шарф. Адель тут же узнала Киону, которая подавала ей знаки руками и переминалась с одной ноги на другую – так, как это делают поднявшиеся на задние лапы медведи. Затем Киона подошла к окну и прислонилась губами к стеклу, как будто бы целуя Адель.

– Откуда ты пришла? – крикнула Адель погромче, чтобы Киона смогла услышать ее сквозь стекла.

– Сейчас узнаешь, – ответила Киона, прежде чем исчезнуть.

Адель, повеселев, заковыляла в сторону прихожей. Мадлен еще с утра надела на нее новое платье из зеленого бархата, украшенное красными вставками на рукавах и в нижней части юбки. Ее каштановые волосы, вымытые накануне, были собраны в «конский хвост» на затылке. Такая

прическа очень ей шла.

Киона вошла в дом в тот момент, когда Адель выходила из гостиной.

– Моя дорогая малышка, ты выглядишь шикарно! Лора использует это слово – «шикарно». Поэтому давай и мы будем так говорить.

Сняв свою кожаную куртку и перчатки, Киона поцеловала Адель.

– У меня для тебя есть замечательная новость: сегодня после обеда я поведу тебя и Констанана в кинотеатр. Я только что ходила в «Театр Роберваль», чтобы узнать, что там показывают. «Пиноккио» Уолта Диснея. Это мультфильм. Я видела в вестибюле кадры из этого мультфильма, и они мне очень понравились. Ну что, ты рада?

– О-о, это очень приятный сюрприз! Ты такая добрая! Но ведь тогда может получиться так, что приедет папа, а меня тут нет.

– Он подождет тебя здесь, в тепле, и поиграет с Томасом. Его мы с собой не берем: он слишком маленький.

Киона прижала свою подопечную к груди и тут же почувствовала, что та только что сильно горевала и даже едва не плакала.

– Ты думала про свою маму, – прошептала Киона, глядя Адель по волосам. – Тебе ее не хватает, да? Если тебе хочется плакать, то плачь, никто не станет тебя за это упрекать. Я тебе об этом уже говорила.

– Я знаю, но мне уже не хочется плакать. Это все из-за снега-хлопка. Сегодня утром снежинки очень мелкие и покрывают все вокруг – такой снег мама называла снегом-хлопком.

– Я запишу это в свою тетрадь, где записываю все те красивые и трогательные слова, которые ты говоришь, – пообещала Киона. – Скажешь Констанану про «Пиноккио», хорошо?

– Хорошо. Он на втором этаже, с Мадлен.

Адель зашагала вверх по лестнице, хватаясь рукой за перила, чтобы было легче переступить со ступеньки на ступеньку. «Какая она мужественная! – подумала Киона. – Если бы я только могла ее исцелить, чтобы у нее появилась возможность резвиться так, как это делают дети ее возраста!»

В это позднее утро в доме, как показалось Кионе, было слишком уж тихо. Она вспомнила, что Эрмин и Лора, прихватив с собой Катери, ушли вскоре после нее, Кионы. Они отправились докупить продуктов, необходимых для сегодняшнего праздничного ужина. Лоранс и Мари-Нутта тоже увязались за ними, радуясь тому, что снова могут погулять по Робервалю после трех месяцев в Квебеке. Акали же сейчас ехала на поезде в Шикутими: родители Антельма пригласили ее провести праздники у них дома.

– Они хорошие люди, раз без каких-либо задних мыслей согласны с тем, чтобы их сын женился на индианке, – заметила накануне Мадлен. – Для них важно только то, что моя дочь – католичка и что она образованная.

– Ваша Акали – прекрасная жемчужина! – воскликнул Жослин. – Кто смог бы не проникнуться к ней симпатией?

По этому поводу обратились с расспросами к Кионе, поскольку с ней вообще всегда консультировались в семейном кругу в подобных случаях, рассчитывая на ее дар ясновидения.

– Я вам уже говорила, что Акали ждет радужная и спокойная жизнь рядом с ее мужем, – сказала Киона. – И давайте об этом больше не говорить.

Те два месяца, которые она провела в педагогическом училище, стали для нее своего рода передышкой, поскольку, посещая занятия и выполняя различные школьные обязанности, она находилась в основном в окружении девушек одного с ней возраста, которым она не стала демонстрировать своих необыкновенных способностей. Хотя слава о ней как о медиуме ее опередила, другие ученицы с самого начала стали относиться к Кионе просто как к своей сверстнице, не осмеливаясь расспрашивать о ее паранормальных способностях. Монахини-урсулилки, должно быть, втайне от Кионы настоятельно порекомендовали ее одноклассницам не проявлять к ней какого-либо нездорового любопытства. Киона частенько внутренне улыбалась, прочитав мысли директрисы и почувствовав в них что-то вроде страха: люди, способные заглядывать в будущее и общаться с усопшими, по-прежнему считались церковью потенциальными сообщниками демонов. Не таким уж далеким было то время, когда «ведьм» сжигали на костре.

Киона с приподнятым настроением зашла в кухню, где священнодействовала Мирей, одетая в черное платье и в пока еще чистый большой белый фартук.

– Иисусе милосердный, а я думала, что я здесь, на первом этаже, одна. В тот момент, когда я услышала, как ты разговариваешь с Аделью, я уже собиралась спеть припев одной из песен моей любимой Болдюк.

– Ну так и спой, Мирей, если тебе хочется! А куда подевались Мукки и Луи? И мой отец?

– Мукки и Луи отправились в Валь-Жальбер, чтобы навестить семейства Маруа и Лапуантов. Однако это всего лишь повод, а их реальная цель – просто прогуляться, тем более что у Мукки теперь есть автомобиль. Они прихватили с собой и месье Шардена, для которого эта прогулка в Валь-Жальбер – хорошая возможность выпить по стаканчику со своим другом Жозефом.

– Куда-то ехать на автомобиле в такую погоду – не очень-то благоразумно.

– Да ладно тебе, Киона! Тут у нас все норовят ездить на своих машинах даже тогда, когда так много снега, как сегодня утром. Мукки сказал твоему отцу, что на колесах его автомобиля есть цепи.

Киона кивнула, села за стол и налила себе стакан воды. Радуюсь тому, что ей наконец-то есть с кем поговорить, Мирей с довольным видом добавила:

– Лично у меня на душе теплеет, когда наступает пора отпусков и каникул и дом наполняется людьми. Наша Мимин правильно поступила, что осталась в Робервале после своего концерта в Пуэнт-Блё. Констан, поскольку его мама дома, стал ходить в школу без лишних капризов. Я очень рада тому, что Мимин, похоже, уже не так горюет из-за Шарлотты, как раньше.

– Как сказал Тошан, жизнь должна продолжаться, – с рассеянным видом пробормотала Киона, думая о чем-то своем. – Насчет моей сестры ты права. Я тоже вчера с радостью пообщалась с ней вечером, после занятий в школе... Мирей, хочешь пойти вместе со мной и детьми сегодня во второй половине дня в кинотеатр? Ты уже давно никуда не ходишь. Там будут показывать мультфильм про Пиноккио – деревянную куклу, которая хотела стать настоящим маленьким мальчиком.

Мирей подняла руки к потолку и, выпучив глаза, обвела взглядом кухню.

– Иисусе милосердный, у меня нет времени на то, чтобы развлекаться в такой день. Нас будет много: мадам, месье, Мимин, близняшки, Мадлен, Мукки, Луи, ты, я, Тошан и Людвиг. Двенадцать человек за столом! Дети тоже будут есть, пусть даже мы и посадим их за маленьким столиком возле елки. Кроме того, я должна приготовить еду в соответствии с тем меню, которое мне дала мадам. Копченый лосось, спаржа с яйцами, сваренными вкрутую, в качестве первого блюда, два больших круглых пирога с курятиной, свининой и морковкой, нарезанными на маленькие кусочки. И еще три вида десерта – не меньше! Господи, как же мне приходится мучиться!

– Притворщица! Ты ведь в действительности рада тому, что готовишь для нас пир, – возразила Киона. – Надеюсь, что Тошан и Людвиг не опоздают. Адель ждет своего отца со вчерашнего вечера. Она только о нем и думает. Я свожу ее в кинотеатр, чтобы время тянулось для нее не так медленно.

– Бедная малышка! Томас тоже скучает по своему папе.

Представляешь, на следующий день после Рождества они сядут все трое на поезд и уедут – уедут навсегда! Больше мы их уже никогда не увидим.

– Я знаю. Нужно будет воспользоваться сегодняшним вечером и завтрашним днем для того, чтобы побольше пообщаться с ними, – сказала Киона так, как будто пыталась убедить в этом саму себя.

– Ты, похоже, очень загрустила.

– Нет. Просто мне будет тяжело расставаться с этими малышами. Я за них не беспокоюсь: я знаю, что им там будет хорошо. Их бабушка и дедушка живут в большом доме на краю поселка, расположенного на краю лесного массива Шварцвальд. Шарлотта прекрасно описала те места в одном из своих первых писем. Ей там, похоже, нравилось. Она упоминала искусно украшенные балконы и сад с цветами. А еще она писала, что ее свекровь относится к ней очень хорошо. Тем не менее я предпочла бы, чтобы они остались здесь, с нами.

Произнеся эти слова, Киона встала и направилась в гостиную. Там она подошла к большой ели, украшенной сверкающими игрушками. От этой ели, срубленной два дня назад Мукки, исходил приятный хвойный запах. Золотистая звезда, установленная на верхушке ели, касалась потолка. От этой звезды, сделанной из картона, спускались сверкающие золотистые и серебристые гирлянды. Лора разыскала в Квебеке, куда она ездила за Лоранс и Мари-Нуттой, новые блестящие стеклянные шары для украшения рождественской елки, у которых возле точки их крепления имелся полукруг в виде мелкой белой крошки, имитирующей иней.

Опустившись возле ели на колени, Киона стала разглядывать темно-зеленые с синеватым отливом ветки. Ей вспомнились события, происшедшие в 1939 году за несколько дней до Рождества. Шарлотта и Симон принесли ей малюсенькую елочку в дом на улице Сен-Анн, в который Эрмин поселила тогда ее с Талой. «Мы эту елку украсили. На ней даже была гирлянда со светящимися фонариками. Вечером я положила свой матрас под елкой. Мне захотелось почитать книгу при мягком свете этих фонариков и затем заснуть».

Ее сердце сжалось. Перед ее мысленным взором предстал облик Шарлотты – такой, каким он был в ту эпоху: очаровательная, подвижная и веселая девушка, по уши влюбленная в красавца Симона Маруа.

«Она покинула этот мир, и я вот теперь жду того, за кого она вышла замуж и кого она обожала. Я жду его так же нетерпеливо, как ждет его Адель. Когда я шла совсем недавно по улице, я вздрагивала при малейшем звуке мотора, моля Бога, чтобы это был грузовик Тошана».

Жестом, ставшим для нее привычным, она прикоснулась к своим

волосам. За прошедшие шесть месяцев они отросли уже настолько, что полностью скрывали сзади ее шею. Эти мягкие и немного вьющиеся золотистые волосы Жослин называл «рыжеватыми».

«Я снова увижу Людвига, но затем уедет далеко, очень далеко от меня – по другую сторону океана. А где он сейчас? Наверняка уже едет в автомобиле: сидит в кабине рядом с Тошаном. Они курят и о чем-то разговаривают. Я это всего лишь предполагаю, потому что не вижу мысленным взором их, не вижу мысленным взором *его*. Интересно, почему?»

Она прикоснулась пальцами к ожерелью из ракушек – самому последнему из ожерелий, которые ей когда-либо дарил ее прадедушка Наку. Являлось ли это скромное украшение амулетом, являлось ли оно талисманом? Киона думала, что являлось, раз уж она почему-то не могла выяснить, когда именно приедут Людвиг и ее сводный брат Тошан. Однако ей даже и в голову не приходило снять это ожерелье с себя. Она считала, что должна руководствоваться словами, которые сказал ей старый шаман.

«Когда мои волосы будут гораздо длиннее, когда они дорастут до груди – и не раньше!» – прошептала она.

Роскошная обстановка, окружавшая ее, в конце концов подействовала успокаивающе. В камине, отделенном от комнаты трехсекционной железной решеткой изящной формы, потрескивали горящие дрова. Фарфоровые фигурки на пианино, бросающиеся в глаза благодаря обвитой вокруг них гирлянде со светящимися маленькими лампочками, воспроизводили сцены Рождества. «Лора умеет создавать волшебный интерьер, – подумалось Кионе. – Характер у нее, как говорит папа, колючий, как зубья пилы, однако ее щедрость не знает границ. Мы с ней понимаем друг друга все лучше и лучше».

Со второго этажа до нее донеслись звуки беготни, смех малышек и голос ворчащей на них Мадлен.

Киона с радостью и умилением почувствовала, как на ее душу накатывают волны любви ко всем близким родственникам. Сосредоточившись и закрыв глаза, она сложила ладони и попросила Бога-Отца, Иисуса Христа и Духа Святого защитить их всех и даровать им счастье и здоровье. Затем она открыла глаза, развела руки в стороны и встала: паркет заскрипел под чьими-то шагами. Кто-то заходил в салон. Киона, еще даже не обернувшись, поняла, что это Людвиг.

– Киона! – позвал он.

Она, казавшаяся очень худенькой в своих черных штанах и свитере такого же цвета, повернулась к нему. Он, остановившись чуть поодаль от

Кионы, долго смотрел на нее, облаченный в свою тяжелую куртку лесоруба. Его светлые волосы были скрыты под серой шапкой. Киона заметила, что он уже снял грубые кожаные башмаки, чтобы не наследить на паркете. Этот его поступок слегка растрогал ее.

– Добрый день, Киона, – сказал Людвиг, не находя в себе сил улыбнуться.

– Ну вот ты и приехал, – сказала она тихо, чувствуя, что ее сердце забилось быстрее. – Мне нужно позвать Адель. Она будет очень рада!

– Подожди немножко. Самую чуточку.

Он наконец подошел, не сводя при этом с нее взгляда. Она, смущаясь, тоже сделала шаг к нему.

– После всего этого белого снега и серого неба ты кажешься мне похожей на солнце, – тихо произнес Людвиг.

Киона не смогла сразу поблагодарить его за этот комплимент: ее вдруг ошеломило то, как сильно она рада снова его видеть и слышать его негромкий и ласковый голос. Ей показалось, что круг из тишины и света отделил их двоих от всего остального мира и что время остановилось.

– А что, целоваться не будем? – спросил Людвиг, которого, похоже, не удивило ее необычное поведение.

Киона, вздрогнув, робко подставила Людвигу свою щеку. Людвиг легонько поцеловал ее и собрался было отступить на шаг назад, но Киона вдруг прижалась к нему и обхватила его руками. От нахлынувшей нежности у нее подступили к глазам слезы. Они сжимали друг друга в объятиях лишь несколько секунд, а затем отстранились.

– А где Тошан? – пробормотала Киона.

– Он высадил меня возле дома и отправился в гараж. В грузовике кое-что барахлит. Но это мелкая неполадка.

– Давай мне твою куртку и шапку. Ты мог бы подняться наверх и обрадовать своим появлением детей. А я тем временем приготовлю тебе кофе.

Когда Киона взяла одежду Людвигу, у нее вдруг возникло странное чувство, что эта сцена будет часто повторяться когда-то в будущем, хотя уже и совсем в другой обстановке. Сильно взволновавшись, она заулыбалась.

– Ну вот, теперь я успокоился, а то мне вдруг показалось, что ты уже разучилась улыбаться своей замечательной улыбкой, – сказал Людвиг. – Знаешь, Киона, я с удовольствием приехал бы в прошлом месяце вместе с Тошаном, когда Эрмин пела в Пуэнт-Блэ, но я пообещал ему, что останусь охранять Большой рай. Благодаря этому он смог уехать, ни за что не

опасаясь.

– Мой брат мне все это объяснил. Он, должно быть, рассказал тебе, что концерт удался на славу, но вскоре после него скончался Наку. После я видела его во сне. Он сказал мне, что его душа – снова молодая и свободная – улетела на небеса, потому что ее освободил голос Канти, моей сестры. Тошан хотел похоронить его в горах, однако было очень сложно получить соответствующее разрешение и перевезти его туда... Прости, мне не следовало обо всем этом говорить. Иди скорей на второй этаж, к детям.

– Наку был твоим прадедушкой. То, что тебе хочется поговорить о нем, – это вполне нормально. Но вообще-то мне и в самом деле следует поскорее подняться на второй этаж. Мне не терпится обнять своих детей. Я так сильно по ним скучал!

Людвиг и Киона вышли из гостиной и направились в прихожую. И тут вдруг с лестницы донесся крик Адели:

– Папа приехал, я слышала его голос! Папа!

– Папа! – крикнул вслед за Аделью Томас.

Людвиг устремился к лестнице и увидел, что Мадлен спускается по ступенькам, слегка сгорбившись, потому что на спине у нее, держась за ее шею, висит Адель. Вслед за ними шел Томас, держась ручкой за перила.

– Я несу ее, потому что она так торопилась, что могла упасть, – вежливо объяснила индианка. – Я выступила в роли послушного верхового животного для этой малышки.

– Спасибо, Мадлен. Иди ко мне, *kleine Fräulein!*^[42] – воскликнул Людвиг, подхватывая свою дочь на руки и покрывая ее поцелуями. – И ты, Томас, тоже иди ко мне, я достаточно сильный для того, чтобы взять на руки вас обоих.

Киона зачарованно смотрела на встречу детей с их отцом. Затем она схватила Мадлен за запястье, увела ее в пустую столовую и сказала ей с восхищением:

– Ты только что подсказала мне замечательную идею. Мне и самой следовало бы додуматься до этого. Самая большая мечта Адели заключается в том, чтобы уметь бегать и наслаждаться большой скоростью движения. Она могла бы кататься верхом на старом Базиле, который ведет себя очень послушно. Я ее научу.

– Это была бы замечательная идея, Киона, если бы Адель не уезжала в Германию. Но ты все равно расскажи об этом ее отцу. Может быть, в Германии тоже будет возможность ездить на пони.

– Может быть, но я хочу доставить ей такую радость на это Рождество. Мы завтра отправимся в Валь-Жальбер. Я сяду верхом на Фебуса, посажу

Адель перед собой, и мы поскачем по поселку.

Благоразумная индианка с сомнением покачала головой, поскольку затея показалась ей безрассудной. Однако она ничего не сказала, потому что была уверена, что Киона от своей идеи не откажется.

– Папа, иди скорей посмотреть на елку, – сказал Томас своему отцу, все еще находясь рядом с ним в прихожей. – Я повесил на ветку стеклянный шар. Мне помогла Адель.

– Папочка, а я в школе выучила стихотворение, – сообщила Адель, чувствуя себя бесконечно счастливой оттого, что наконец-то приехал ее отец.

Людвиг и его дети пошли в сопровождении Мадлен любоваться елкой, а Киона поспешила на кухню и принялась там готовить обещанный кофе под изумленным взглядом Мирей.

– У тебя еще осталось печенье с корицей – то, которое Лора купила в бакалейном магазине в Шикутими? – спросила Киона у Мирей, доставая из кухонного шкафа красивую чашку. – Оно было очень вкусным.

– Вон там стоит коробка с этим печеньем, – пробурчала Мирей. – На столе, прямо перед твоим носом, рядом с сахарницей.

– Спасибо. Скажи мне, а ты слышала, как вошел Людвиг? Обычно ты сразу же сообщаем всем, что пришли гости. Ну, то есть предупреждаешь нас, чтобы они не застали нас врасплох.

– Представь себе, я не услышала ни малейшего шума, потому что месье Бауэр ходит так же тихо, как Тошан, а у меня было уж слишком много работы на кухне для того, чтобы к чему-то прислушиваться. А ты, похоже, больше не грустишь...

Киона, почувствовав, что щеки у нее зарделись, тут же попыталась заглянуть в рассудок Мирей, смотрящей на нее насмешливым взглядом. «Она умышленно меня не предупредила. Кроме того, она подглядывала за нами двумя, когда мы были в гостинной».

– Прошу тебя, Мирей, никому ни слова! – взмолилась Киона тихим голосом.

– Я не какая-нибудь дура, маленькая моя. И я умею держать язык за зубами.

– Благодарю тебя. Кстати, это было совсем не то, что ты подумала.

– Иисусе милосердный, я вообще ничего не подумала! Ну давай, иди, а то кофе остынет.

Не успел Людвиг откусить кусочек печенья, как в дом с улицы зашла оживленно переговаривающаяся компания: Лора в шубе и шапке из меха куницы, Эрмин с Катери на руках и сестры-близняшки, держащие в руках

битком набитые сумки.

– На улице холодно, очень холодно! – посетовала, зайдя в прихожую, Лоранс.

– Мерзлячка! – сказала в ответ Мари-Нутта. – Тебе следовало бы переехать жить в Калифорнию.

– Ну хватит, мои дорогие, вы все никак не прекратите спорить! – укоризненно покачала головой Эрмин. – Нам сейчас нужно поскорее накрыть стол в столовой. Ваш отец проголодался.

Киона стремительно подошла к ним с таким ласковым и радостным выражением лица, что все они удивились.

– Мин, ты, видимо, встретила Тошана в городе, раз знаешь, что он проголодался. Людвиг уже здесь. Он в гостиной с детьми.

– Да, я встретила Тошана. Он посигналил нам, когда увидел, что мы идем по тротуару на бульваре. Посигналил так громко и неожиданно, что я едва не поскользнулась и не упала. О-о, я слышу, как смеется Адель. Она, должно быть, очень счастлива оттого, что вернулся ее папа.

Киона в знак согласия кивнула, чувствуя себя немного неловко из-за направленных на нее подозрительных взглядов близняшек. Она почувствовала, что сейчас ее подвергнут допросу. Так оно и произошло.

– Иди помоги нам, – сказала ей повелительным тоном Мари-Нутта. – Втроем мы справимся быстрее.

Киона, не став возражать, пошла вслед за близняшками, размышляя о том, как бы ей половчее их одурочить.

– Не разговаривай больше со мной таким тоном, Нутта, – сказала Киона, когда они оказались втроем в комнате, и никто другой их уже не мог услышать. – Я ведь, между прочим, твоя тетя. Ты могла бы проявлять ко мне немножечко уважения!

– Какая она забавная, эта наша тетушка, которая моложе нас, – прыснула со смеху Лоранс.

– Всего лишь на два месяца, – огрызнулась Киона, расстилая на столе большую скатерть цвета слоновой кости.

– У тебя было какое-то восхитительное видение, пока мы тут отсутствовали, или же ты скрываешь в глубине своего сердца какую-то тайну? – усмехнулась Мари-Нутта. – Ты вся преобразилась. Причем это, как ни странно, произошло именно тогда, когда в Роберваль вернулся красавец Людвиг.

– Глупости, – сердито ответила Киона. – Я что, не могу порадоваться за Адель и Томаса, которые чувствуют себя счастливыми из-за того, что вернулся их отец? Или я не могу порадоваться тому, что мы встретим

Рождество все вместе? Вы сразу начинаете фантазировать, потому что у вас все мысли только о мальчиках и о Любви с большой буквы. Особенно у тебя, Лоранс.

– Ну и что? У меня есть на это полное право! – возразила Лоранс, пожимая плечами.

Она с недовольным видом начала ставить на стол тарелки из английского фарфора, украшенные изображениями цветов ириса. Киона отошла от нее в сторону под предлогом того, что ей нужно достать из выдвижного ящика кухонного шкафа серебряные столовые приборы. Ей удалось прочесть мысли Лоранс, и она тут же сказала тихим голосом:

– Тебе должно быть стыдно, Лоранс. Я признаю, что Людвиг красивый мужчина, но мы знаем его уже немало лет. Он видел, как мы росли, и он вдовец, который сейчас в трауре. Как ты осмеливаешься думать, что он мне нравится?

– А как ты осмеливаешься опять читать мои мысли? Тебе не следовало этого делать, Киона.

– Я не смогла от этого удержаться. Но даже если бы у меня и не имелось такого дара, я прочла бы то же самое в твоих глазах. Ты ошибаешься, поверь мне. Ты бы лучше позвонила Реалю. Он с начала каникул звонил тебе уже три раза, но тебя все время не было на месте. Реаль надеется увидеться с тобой еще до того, как снова начнутся занятия. Ему хотелось бы приехать сюда, в Роберваль.

– Пусть приезжает! Ему для этого мое согласие не требуется. Я его как раз в этом и упрекаю – в его нерешительности. Если бы он отважился обходиться без моего разрешения, то уже приехал бы сюда и ходил бы сегодня вечером вокруг этого дома, высматривая, какое из окон мое, и надеясь, что я появлюсь между штор.

– Ты, наверное, слишком часто ходила в Квебеке в кино, – сыронизировала Киона. – Кстати, если уж зашла речь о кино: вы можете пойти вместе со мной и малышами в кинотеатр. Там будут показывать «Пиноккио».

– Нет, спасибо, у меня и у Лоранс другие планы, – сказала Мари-Нутта. – Мы до самого ужина будем валяться на своих кроватях и читать журналы, которые мы купили в городе. А еще будем прихорашиваться. Кроме того, мы обещали Луи, что сыграем с ним в карты – в бридж. Это его новая страсть.

– Думаю, он вернется из Валь-Жальбера поздно. Мой отец уехал с ним и с Мукки. Они наверняка надолго задержатся у Маруа.

– Ты так думаешь или ты это знаешь точно? – насмешливо спросила

Лоранс.

– Ну конечно же, я знаю это точно.

Произнеся эти слова, Киона почувствовала отчаяние и вышла. Они любила сестер-близняшек всем сердцем. Тем не менее и она, и они все чаще проявляли в отношениях характер, а сферы их интересов все больше и больше отличались. «Они испортили мне радость встречи с Людвигом. Я теперь чувствую себя виноватой – так, как это уже было летом», – с горечью подумала она.

Несмотря на все это, обед прошел в веселой обстановке, причем главным образом благодаря Тошану, который, поскольку Жослин отсутствовал, исполнял роль главы семьи. Сидя на почетном месте за столом, он рассказывал о том, что новенького появилось в интерьере Большого рая.

– Людвиг – ас по части столярной работы, – заявил Тошан, поедая сосиску. – Мин, тебя приятно удивит та красивая мебель с выдвигаемыми ящиками, которую он изготовил для комнаты Катери.

– Я до сих пор не могу понять, что за безумие охватило Пьера Тибо и зачем он сжег вашу мебель и ваше белье! – воскликнула Лора. – Каждый раз, когда я об этом думаю, я дрожу от негодования.

– Это вполне объяснимо, мама, ты ведь пережила еще более ужасное несчастье, когда твой красивый дом в Валь-Жальбере сгорел дотла в результате пожара, – сказала Эрмин.

– Увы! – вздохнула ее мать.

– По этому поводу я сказал Людвигу сегодня утром, что он может обосноваться здесь и открыть столярную мастерскую и соответствующий магазинчик, – сообщил Тошан.

– Нужно сначала убедиться в том, что изделия, которые я мастерю, найдут своего покупателя, – сказал в ответ Людвиг. – Я попытаюсь это выяснить в Германии.

– Да, выясни насчет деревянных игрушек, скамеек и табуретов, цена которых не была бы существенно выше цены фабричной продукции. Думаю, твои изделия неплохо продавались бы здесь. Сюда приезжает летом все больше и больше туристов, прежде всего американцев. Деньги у них водятся.

Киона слушала этот разговор, терзаемая капризами своего сердца, которое то колотилось, как бешеное, то замедляло свое биение. «Тошан прав: Людвиг мог бы обосноваться в Робервале. Зачем ему отсюда уезжать? Однако я должна с уважением отнестись к его решению и мне не следует пытаться его удержать. Наку сказал мне, что Людвиг вернется». Киона едва

могла есть. Чтобы скрыть свое волнение, она стала кормить Катери и резать мясо для Томаса. Эрмин, однако, в конце концов заметила, что ее сводная сестра ведет себя как-то необычно.

– Киона, ты какая-то молчаливая... И встревоженная! Ты почти ничего не ела. Тебя что-то беспокоит?

Киона с раздосадованным видом посмотрела на Эрмин. Слово «беспокойство» стало тем термином, которым в семейном кругу называли ее недомогания и состояния транса, связанные с различными видениями и пророческими предчувствиями.

– Ничего у меня не вызывает никакого беспокойства, Мин. Я поем побольше сегодня вечером. Вообще-то я уже скоро поведу Констана и Адель в «Театр Роберваль», чтобы посмотреть там мультфильм. Томас и Катери для этого еще слишком маленькие. Будет лучше, если они просто поспят днем. Если кто-то хочет пойти вместе с нами...

Желающих не нашлось. Тошан мечтал о том, как бы побыстрее запереться со своей женой в их комнате, а Лора горела желанием лично заняться подготовкой праздника. Что касается Мадлен, то она пообещала уложить спать двоих малышей, за которыми ей поручили присмотреть, после того как закончится обед.

– Я с удовольствием пошел бы с вами, – вдруг сказал абсолютно спокойным голосом Людвиг.

– Да, пойдём, папа, пойдём! – оживилась Адель.

– Хорошо, моя дорогая малышка, я пойду. А после мультфильма мы купим в бакалейном магазине конфет.

Киона, придя в восторг, делала над собой сверхчеловеческие усилия, чтобы скрыть радость, однако это ей не очень-то удалось, потому что Лоранс и Мари-Нутта обменялись короткими торжествующими взглядами.

Роберваль, вечер того же дня

Лора глядела на себя в зеркало, сидя в своей комнате. Надев на свое стройное тело длинное и узкое прямое платье столь любимого ею фиолетового цвета, она теперь искала на своей шее и своем лице признаки старения.

– Да не переживай ты! Со стороны кажется, что тебе лет сорок, не больше, – сказал ей Жослин, борясь с запонками на своих манжетах. – Я каждый божий день удивляюсь тому, какая красивая у меня жена.

– Какой замечательный комплимент, Жосс! – взволнованно сказала Лора. – Ты тоже выглядишь в этом костюме очень импозантно. Да не мучайся ты с этими запонками, я тебе помогу. Вот, смотри, это запонки,

которые я купила тебе на прошлое Рождество. Они золотые, и на них выгравированы твои инициалы. Надеюсь, Господь дарует нам еще много лет совместной жизни в окружении наших детей.

Жослин чувствовал, что после смерти Шарлотты Лора стала более уязвимой и что ее запросы и претензии к жизни слегка уменьшились.

– Женушка моя, – вздохнул он, – ты, надеюсь, не станешь сейчас, черт возьми, плакать?

– Нет, не стану! Не подражай Жозефу, пусть даже ты и провел сегодня несколько часов в его компании, – проворчала, фыркнув, Лора. – Луи уже, между прочим, то и дело использует ваши с Жозефом ругательства и вашу манеру разговаривать. Я, кстати, переживаю за его учебу. Он получает в основном посредственные оценки!

– Тихо! Завтра наступает время праздников. Давай превратим его в сказку. Никаких слез, никаких сомнительных разговоров, никаких упреков даже в том случае, если наш сын сказал что-нибудь не так или ругнулся!

Лора в знак согласия кивнула и стала поправлять кончиками пальцев свои платиновые волосы. Надев затем ожерелье из аметистов и сережки с тем же камнем, она самодовольно улыбнулась.

– Жосс, я купила Кионе серебряное кольцо с топазом. Этот камень – такого же цвета, как ее глаза. Как, по-твоему, ей понравится?

– Конечно.

– Когда мы пили сегодня чай, она показалась мне какой-то странной. Думаю, она огорчена из-за того, что Адель и Томас скоро уедут. Она к ним сильно привязалась. Да и мы тоже. Без этих малышей наш дом будет казаться мне каким-то пустынным.

– Лора, мне что, опять нужно тебя увещевать? Нам нужно избегать тем, которые вызывают досаду. Давай поговорим лучше про Констана. Ты слышала, как он сравнил Эрмин с Голубой феей из мультфильма о Пинокио? Этот шалун умеет разговаривать с женщинами: «Мама, я хочу, чтобы у тебя было платье Голубой феи, потому что ты на нее похожа. Она красивая, очень красивая, с почти белыми волосами, как у бабушки, и с голубыми глазами, как у тебя».

– А что может быть более естественным, чем голубые глаза у Голубой феи? – рассмеялась Лора. – Я объясню нашему милому малышу, что существует такой цвет волос, как платиновый, и что он не имеет никакого отношения к белому.

Жослин, довольный тем, что ему удалось рассмешить Лору, стал, насвистывая, причесывать свою седоватую шевелюру.

В соседней комнате Эрмин ходила взад-вперед перед шкафом. На

кровати возле этого шкафа лежал под одеялом абсолютно голый Тошан. Эрмин видела только мечтательное лицо своего мужа и его руки цвета меди. Каждый раз, когда она склонялась над ним, притягиваемая его красотой, она целовала его в губы.

– С такой скоростью ты не успеешь нарядиться и до полуночи, моя Голубая фея, – пошутил Тошан. – Кстати, эта твоя ночная рубашка из розового атласа вызывает у меня кое-какие шаловливые мысли.

– Опять? Ты ненасытный! – тихо рассмеялась с польщенным видом Эрмин. – Тошан, мы заперлись здесь еще три часа назад. Я не смогла ни помочь Мадлен переодеть малышей, ни поговорить с Мукки и Луи.

– Нам было хорошо здесь вдвоем, моя дорогая. Тебе ведь, насколько я вижу, и самой понравилось, – сказал Тошан. – Что касается этих двух шалопаев, то мы с тобой в курсе их подвигов, – с саркастическим видом добавил он. – Твой брат кричал на лестнице так громко! Ну как тут было не услышать, что они снова увидели того старого лося, больше шести футов от земли до шеи, и что Мукки проскользил футов тридцать по обледеневшему снегу, когда тормозил. Тем не менее ничто не могло омрачить нашу встречу!

Эрмин посмотрела на Тошана с коварной улыбкой. Она подняла руками свои длинные светлые волосы так, что ее грудь приподнялась и стала четче проступать под атласом ночной рубашки.

– Да, мне понравилось, – тихим голосом призналась Эрмин. – Все эти дни и ночи, которые я провела одна, без тебя рядом со мной в кровати, показались мне такими длинными! А теперь давай-ка немножко поторопись. Я достала твой серый костюм и твою шелковую рубашку.

– Нет, у меня будет другая одежда. Сегодня вечером я отдам должное своим предкам – индейцам монтанье. Я привез свои кожаные штаны и тунику из оленьей кожи, расшитую Одиной.

– Поступай, как считаешь нужным. Ты мне нравишься в любом виде. Так ты считаешь, что наша дорогая Одина прекрасно устроилась в Большом раю вместе с твоими двоюродными братьями?

– Вместе с моими двоюродными братьями и моим охотничьим ружьем... А какое ты выберешь платье для себя?

– Платье из розового муслина, украшенное стразами на груди. Я надевала его только раз – тогда, когда выступала в Пуэнт-Блэ.

– Вот и хорошо, ты будешь выглядеть в нем восхитительно. Да, кстати, а есть какие-нибудь новости про Эстер и Овида, наших молодоженов?

– Киона разговаривала с Эстер по телефону в пятницу. Наши молодожены, как ты их называешь, проведут праздники в Нью-Йорке. А

следующим летом они поедут в Париж. Овид уже давно мечтает посетить этот город.

Тошан с неудовольствием вспомнил о том, как в годы войны он уехал в Европу, оставив свою жену тосковать по нему в Валь-Жальбере. Овид же все время старался свою жену как-то развлечь, и эта задача облегчалась тем, что они оба интересовались литературой и искусством.

– Овид раньше любил тебя, – сказал Тошан нейтральным тоном. – Он сам мне в этом как-то раз признался.

– Может, и любил, но теперь он очень любит Эстер. Она – женщина, которая ему очень подходит. Ну да ладно, сейчас Рождество, а потому давай пока не будем говорить о прошлом.

– Хорошо, моя маленькая женушка-ракушка. Знаешь, а Наку сказал мне, что украл бы тебя у меня, если бы был моложе. Подумать только: это были едва ли не последние его слова перед тем, как он умер. Они – свидетельство того, что он очень высоко ценил твою ослепительную красоту и твой талант.

Тошан обхватил Эрмин руками и стал целовать ее в шею, в лоб, между грудей. Она закрыла глаза и прижалась к нему.

– Любовь моя, – прошептала она ему на ухо, – мне не терпится вернуться в Большой рай, и пусть зима засыплет все снегом так, чтобы мы с тобой вдвоем стали там пленниками и проводили ночь за ночью вместе в нашей постели.

– Мин, скажи, а ты серьезно говорила насчет Констанана? Он не пойдет в школу? Мы заберем его с собой?

– Да, Тошан, ему в школе очень не нравится. Я сама могу научить его читать и писать. Его учитель, похоже, даже обрадовался тому, что избавится от такого недисциплинированного ученика.

– Хорошо, я капитулирую. Делай то, что тебе кажется правильным. Женщины всегда правы, не так ли?

Они снова обнялись и поцеловались, радуясь тому, что любят друг друга все так же страстно и что их недавние ссоры уже ушли в прошлое.

Киона, сидя с поджатыми ногами на своей кровати, только что увидела мысленным взором, как Эрмин и Тошан крепко обнимаются и целуются в губы. Удивившись этому своему видению и растерявшись, она безуспешно пыталась понять, зачем ей вдруг дали возможность увидеть интимную сторону личной жизни ее сводной сестры и Тошана.

– Кто это сделал? – прошептала она, положив ладони на свое ожерелье из ракушек. – Наку? Алиетта?

Она улыбнулась, подумав о том, что сейчас кто-то невидимый

наблюдает за тем, как она ломает себе голову. Однако вскоре ее мысли снова переключились на ее главную заботу: она стала размышлять о том, стоит ли ей, выражаясь словами Лоры, «сделать себя красивой». «Если я покрашусь, попытаюсь сделать прическу и надену то платье, которое вытащила из гардероба, близняшки опять станут надо мной подтрунивать и следить за каждым моим жестом и каждой моей улыбкой, – подумала она. – Но их ждет разочарование: я останусь такой, какая я есть».

Надеясь восстановить свое душевное спокойствие, она стала вспоминать о том, как прекрасно провела время после обеда в компании с Людвигом и его детьми. Мультфильм «Пиноккио» им всем четверым очень понравился: они пришли в восторг и от красочной мультипликации, и от песен – а особенно от песни про звездочку. Когда на экране появилась Голубая фея, Констан воскликнул: «Она похожа на маму!» Зрители, сидевшие перед ним, тихонько засмеялись. По дороге в кинотеатр и обратно Киона и Людвиг с детьми шли медленно, любуясь городом, засыпанным снегом, и огромным озером, превратившимся в ослепительно-белую снежную равнину.

«Людвиг вел себя раскованно и часто смеялся, – подумала Киона. – В конце мультфильма он сделал то, о чем я даже не мечтала, – взял мою ладонь и погладил ее пальцами. Такой его поступок был милым, безобидным и очень трогательным».

То и дело вспоминая с радостью об этих моментах своего общения с Людвигом, Киона после традиционного чаепития возле рождественской елки удалилась в свою комнату. И вот теперь она сомневалась, что ей надеть: то ли длинное платье осенних цветов, в котором ее формы лишь угадывались, а не проступали четко, то ли так называемое вечернее платье, сшитое из темно-синей переливчатой тафты. Лора утверждала, что этот темно-синий цвет хорошо подойдет к золотистому цвету лица Кионы.

«Нет, я не стану его надевать, у него слишком большой вырез. Будут обнажены и руки, и плечи. Мари-Нутте оно придется по вкусу, а потому отдам-ка я его ей».

Приняв решение, она встала, взяла темно-синее платье и вышла из комнаты. В коридоре она встретила Людвига. Он был тщательно выбрит, в белой рубашке и бархатных штанах, с еще влажными волосами.

– Киона, какое красивое платье! – воскликнул он. – Оно сшито как будто специально для тебя.

– Какое? Синее? – спросила она, показывая на платье, которое держала в руках.

– Нет, это синее платье тебе не идет. Я имею в виду то платье, которое

на тебе надето. Оно напоминает мне твои индейские одежды. Когда ты была маленькой девочкой, ты не хотела носить ничего другого.

– Если бы я могла, я продолжала бы одеваться в той же манере. Но монахини из педагогического училища были бы шокированы. Синее платье – для Нутты. Она его ждет.

Она быстро пошла прочь и ворвалась, как смерч, в комнату близняшек, которые в это время делали себе макияж.

– Держи, Нутта, я тебе его отдаю. Я примерила его еще раз. Цвет мне не подходит.

– Правда? Спасибо, мне оно очень нравится.

– А как тебе нравится мой наряд? – спросила Лоранс, надевшая красную юбку и белую кофточку с большим кружевным воротником.

– Ты выглядишь восхитительно, – сказала Киона, уже направляясь к выходу. – Поторапливайтесь, я хочу поставить на проигрыватель пластинку с рождественскими песенками, чтобы их послушали наши малыши, когда они будут ужинать возле елки. Им понравится еще больше, если мы все соберемся вокруг них.

– Хорошо, мы уже идем.

Они улыбнулись друг другу. Насмешкам и ссорам не было больше места под крышей этого большого и очень уютного дома, представляющего собой оазис света и тепла посреди огромных масс снега и льда.

* * *

Храня верность традиции, установившейся еще в ее прежнем жилище в Валь-Жальбере, Лора распорядилась накрыть стол не в столовой, а в гостиной, чтобы можно было за ужином любоваться рождественской елкой, все украшения на которой поблескивали благодаря гирляндам горящих лампочек и пляшущему в камине пламени. Праздничный ужин уже закончился. Все четверо детей легли спать и очень быстро заснули. Им пообещали, что когда они проснутся утром, то найдут под елкой подарки.

– Я бы принял какое-нибудь средство, улучшающее пищеварение, – вздохнул Жослин. – Мирей, ты заставила нас объесться. Так много вкусного!

– Твой шоколадный торт был просто чудесен, – добавила Лоранс. – Ты дашь мне рецепт? Мне хотелось бы испечь такой торт там, у Бадетты. Мы по воскресеньям покупаем сладости, но они не так вкусны, как твои.

– Иисусе милосердный, я пекла этот торт по памяти, малышка.

– Раз уж ты упомянула Бадетту, – сказала Лора с грустным видом, – то мне хочется сказать, что я очень сожалею о том, что она не приедет к нам на праздники. А я ведь всячески уговаривала ее приехать!

– Бабушка, но она попросту не может выделить на это время! – воскликнула Мари-Нутта. – Ты, похоже, не понимаешь, какими суровыми порой бывают реалии профессии журналиста. То же самое ждет и меня. Если я стану работать журналисткой, мне тоже не всегда будет удаваться приезжать сюда даже в тех случаях, когда будет собираться вся семья. Кроме того, во время твоего визита в Квебек вы с Бадеттой неплохо провели вечер в ресторане отеля «Шато-Фронтенак»...

Киона, сидя очень прямо на своем стуле, смотрела на огонь и тихонько улыбалась. «Это магия Рождества, присутствие Людвига или воля невидимых могущественных существ? – мысленно спрашивала себя она. – Сегодня вечером мои природные способности усилились, и благодаря этому мне стал известен новый секрет, тщательно сохраняемый близняшками. Бадетта вполне могла выделить себе время на поездку в Роберваль. Ее профессия журналистки не имеет никакого отношения к ее решению воздержаться от поездки к нам. Она просто не осмелилась признаться Лоре, что познакомилась с мужчиной, который моложе ее на пять лет, и что он пригласил ее на ужин. Они будут счастливы друг с другом, как Эстер и Овид и как – по-прежнему – Эрмин и Тошан. А я? Познаю ли я когда-нибудь счастье взаимной любви?»

Она почувствовала на себе чей-то взгляд и слегка повернулась. На нее смотрел, улыбаясь, Людвиг. Он был обворожительно красив. Его светлые волосы изящно окаймляли высокий лоб, а в прозрачных голубых глазах чувствовалось удивленное ожидание. Именно таким он чаще всего представлял перед ее мысленным взором – и когда она спала, и когда бодрствовала. Его внешность была сейчас как никогда раньше похожа на облик ангела. Эта внешность несколько лет назад произвела сильное впечатление на маленькую девочку, которой она, Киона, была в те времена.

Раздавшийся голос Тошана заставил ее вздрогнуть. Ее сводный брат предлагал встать из-за стола и развернуть свертки, лежащие на красном коврике возле рождественской елки. Все направились к елке – все, кроме Мукки, который, устав за день, предпочел пойти спать. Близняшки при этом стали тихонько подтрунивать над Луи, опустошавшим уже третий бокал шампанского.

Затем, как водится в таких случаях, стали раздаваться радостные крики, тихий смех, слова благодарности за подарки, подобранные для всех с учетом их вкусов и предпочтений.

Киона крепко обняла Лору, увидев, что та подарила ей кольцо с топазом.

– Когда я увидела этот камень, его цвет сразу же напомнил мне о твоих глазах, – прошептала Лора.

Людвиг, в свою очередь, смастерил каждому деревянную вешалку, на которой было выгравировано имя этого человека. Он счел уместным сказать:

– Это очень скромно, но...

– Но изготовлены эти вешалки с большой любовью, очень старательно и для каждого индивидуально! – перебила его Эрмин.

– Моя дочь права, – добавил Жослин. – Дарить свое время и свой талант – это значит делать подарок, которому нет цены.

Киона сжала пальцами подаренную ей вешалку и, закрыв на несколько секунд глаза, увидела мысленным взором, как Людвиг трудится над изготовлением этой вещицы при свете керосиновой лампы. «Как бы мне хотелось находиться возле него тогда, когда он занимался этой работой! – подумала Киона. – Я с удовольствием прикоснулась бы пальцами к его волосам и погладила бы его щеку».

Вокруг нее продолжали разворачивать свертки из бумаги различных цветов, радостно вскрикивать, рассматривать подарки, однако Кионе казалось, что она очутилась в каком-то другом мире, в котором царит абсолютная тишина и в котором она сейчас нетерпеливо ждет, когда появится и пообщается с ней Людвиг. Однако он, похоже, не чувствовал, что она его ждет.

Вообще-то этот немец, сам того не желая, всегда вызывал симпатию у всех окружающих его людей, и его самого удивляло, что те его зачастую балуют.

– Не знаю, как мне вас благодарить, – пробормотал он. – Шоколадки, новый галстук, роман на моем родном языке, перчатки из тонкой кожи...

– Вы для нас родственник, – вздохнула Лора. – Двери нашего дома всегда будут для вас широко открыты, Людвиг, если вы когда-нибудь решите вернуться в Квебек.

– Спасибо, мадам, спасибо. Вы дарите мне еще и билеты на самолет! Тошан, да ты сошел с ума. Здесь, в конверте, так много денег!

– Ты немало на меня потрудился, старина. Так что все справедливо. В Германии тебе эти деньги пригодятся.

Киона со сжимающимся сердцем поднялась с дивана, на котором она сидела одна, и тихонько вышла из комнаты. Вслед за ней устремился фокстерьер. Оказавшись в прихожей, он стал вилять хвостом, постукивая

им по входной двери.

– Да, Фокси, пойдём прогуляемся, – сказала Киона песику слегка дрожащим голосом.

Охваченная невыносимым отчаянием от мысли о том, что Людвиг и его дети скоро уедут, Киона не обращала внимания на холод. Она бесшумно надела свои сапожки на меху и шубу Лоры, висевшую в коридоре на вешалке. Выйдя на улицу, она сразу же почувствовала, что на свежем воздухе ей дышится легче. А ещё она невольно залюбовалась великолепием зимнего пейзажа. От золотистых лампочек, которые Мукки и Луи подвесили на электрическом проводе под навесом, на заснеженный сад падал мягкий свет. Тысячи ледяных кристалликов усеяли ветки кустов, доски ограды и полотно калитки, украшенное завитушками.

Киона осторожно спустилась с крыльца и направилась к беседке. Ничто не могло сейчас подействовать на нее по-настоящему успокаивающе – даже этот пейзаж, достойный рождественской открытки.

«А я ещё полагала, что люблю Делсена! – с горечью подумала она. – То, что я испытывала к нему, не идет ни в какое сравнение с теми чувствами, которые вызывает у меня Людвиг. В объятиях Делсена я испытывала не только восторг, но ещё и страх. Моя мечта оказалась призрачной. Впрочем, нет ничего особенно удивительного в том, что я ошиблась: я ведь, когда его впервые повстречала, была ещё совсем девочкой. Кроме того, я всегда полагала, что Шарлотта и ее муж проживут вместе всю оставшуюся жизнь».

Ей снова стало казаться, что она – орудие судьбы. К ее глазам подступили слезы, а горло сжалось так, что стало больно. И тут вдруг, когда она изо всех сил старалась не расплакаться, она почувствовала на своем лице чье-то теплое дыхание: кто-тодохнул ей в лицо раз, еще раз... Киона с ошеломленным видом осмотрелась по сторонам, но никого не увидела. Затем она почувствовала, как кто-то, легонько прикасаясь к ней, пытается вытереть ее слезы. Однако рядом с ней по-прежнему никого не было видно.

– Шарлотта? – спросила Киона. – Шарлотта, это ты?

Как только она произнесла эти слова, на фоне ночной темноты появился блестящий образ. Это была Шарлотта в платье из зеленого муслина. Выражение ее лица показалось Кионе удивительно безмятежным.

– Ты же говорила, что уже никогда больше не появишься! – прошептала Киона. – Ой, прости меня, пожалуйста.

Призрак ласково улыбнулся, и эта улыбка подействовала на Киону как чудодейственный бальзам: терзавшая ее душу горечь исчезла.

– Мне пришлось появиться перед тобой, потому что ты слишком

сильно страдаешь! Перестань плакать и терзаться. Не забывай о том, что я попросила тебя позаботиться о моем муже и моих детях – позаботиться так, чтобы они стали твоими близкими людьми. Ты ничего не поняла, Киона? Я прошу тебя об этом, потому что я люблю их всей душой, пусть даже мне и пришлось их навсегда покинуть. Я люблю их и желаю им счастья. Их счастье – это ты, Киона.

Песик твякнул, и призрак Шарлотты почти мгновенно исчез.

«Нет, нет! – застонала Киона. – Это была не она, это появилось из меня самой, из моей души. Я сама усилием воли спровоцировала то, что сейчас увидела и услышала, чтобы снять с себя ответственность. Я сделала это из самого обыкновенного эгоизма».

Терзаемая сомнениями, она подняла голову и посмотрела на небо. Все то же теплое дыхание, ставшее сильнее северного ветра, ласкало ее и проникало во все ее существо, и она при этом ощущала величайшее блаженство. Ей даже показалось, что она отрывается от земли и переносится туда, где людские страдания исчезают.

– Киона! – раздался совсем рядом с ней мужской голос.

Это был Людвиг, накинувший на плечи свою куртку лесоруба. Он без каких-либо колебаний обхватил Киону руками и прижал к себе – так, как он это уже делал утром.

– Киона, не будь такой несчастной, – сказал Людвиг очень ласковым голосом. – Мне нужно уехать. Нужно соблюсти период траура. Мои родители меня ждут. Их очень огорчила смерть моей жены, хотя ее поведение в последние месяцы нашей с ней жизни в Германии сильно их разочаровало. Рядом с ними я смогу прийти в себя после всех этих ударов судьбы и поразмыслить. Но я вернусь. Я обещаю тебе, что вернусь, когда мы будем к этому готовы – мы оба. Я еще не готов, да и ты тоже. Нужно ждать этого дня без слез, без грусти. Каким стал бы мир без твоей улыбки?

Киона в знак согласия кивнула, а затем посмотрела на Людвига и подарила ему свою улыбку – самый ценный подарок, источник радости, небесного света и утешения.

– Вот так-то лучше, – восторженно добавил Людвиг.

Эту улыбку, которую Людвиг так хотел сберечь, он забрал у нее при помощи поцелуя, прижавшись губами к губам Кионы.

Июнь 1953 года, Гнездышко

Киона посмотрела на часы, висящие над дверью. Было уже почти пять часов вечера.

– Поторопитесь, дети, пора сдавать мне ваши сочинения.

Двенадцать девочек, из которых состоял класс, посмотрели на учительницу. Некоторые из них при этом улыбнулись, другие – еще не успевшие закончить свои сочинения – нахмурились.

– Через две недели у вас начнутся каникулы, – добавила учительница. – Скажите своим родным и двоюродным сестрам, что они могут сменить вас за этими партами, если захотят посещать мои занятия летом.

Киона была обута в сандалии на босу ногу, а одета – в широкую коричневую юбку с рыжим поясом и бежевую блузку с напуском, воротник которой был расшит разноцветными жемчужинами, образующими простые узоры. На ее спине лежали две длинные светло-рыжие косы, а на шее поблескивало ожерелье из маленьких перламутровых ракушек. Две недели назад журналист, специально приехавший из Квебека, посетил ее школу и сфотографировал Киону в окружении ее учениц: все они были детьми монтанье.

Купив экземпляр газеты «Солей», в котором была напечатана посвященная ей статья, Киона прочитала ее с большим удовольствием. В ней ведь говорилось про ее частную школу, которую учредила и финансировала знаменитая оперная певица Эрмин Дельбо и в которую принимали девочек-индианок, живущих в резервации Пуэнт-Блэ.

В статье также сообщалось, что Киона Шарден, очень образованная девятнадцатилетняя девушка, всячески борется за сохранение культуры индейцев монтанье. Она, в частности, выступала против открытия в Пуэнт-Блэ школы-интерната^[43]. Были приведены и отмечены курсивом ее собственные слова: «Я сама – хотя и недолгое время – училась в подобном заведении. Я знаю, что в той школе-интернате, которую собираются открыть на берегу озера Сен-Жан, будет уютно, а с детьми в ней будут обращаться хорошо. Однако им обрежут их длинные волосы, заставят снять одежды из оленьей кожи, сшитые их матерями, им запретят носить их украшения, их заставят говорить на французском языке, а не на языке их предков. Им, скорее всего, придется обратиться в католическую веру. Всего этого допускать нельзя, потому что это приводит к ассимиляции целого народа, к исчезновению его обычаев и легенд».

Эту статью, несомненно, прочло огромное количество квебекцев благодаря поддержке Бадетты.

Киона с задумчивым видом вернулась за свой стол. Вскоре ученицы уже стали приносить и отдавать ей в руки свои сочинения. Девочки сразу же выходили из класса, стремясь поскорее снова оказаться на свободе, пусть даже в течение учебного дня для них и устраивались длинные

перерывы.

– До свидания, мадемуазель! – звонко сказала последняя из них, покидая класс.

– До свидания, Марита.

Оставшись одна, Киона окинула взглядом помещение, в котором она находилась и которое было переоборудовано так, что вполне могло служить своего рода большой гостиной. Она арендовала эту бывшую ферму, расположенную рядом с резервацией Пуэнт-Блэ. Ее привлекли близость озера и кленовой рощи, прекрасно дополняющей окружающий пейзаж. Увидев здесь еще и два больших луга и осмотрев помещения, Киона поняла, что это то, что ей нужно. Эрмин и она сама окрестили это место «Гнездышком».

Киона привела сюда своего коня и старого пони Базиля, а также Фокси, поскольку Луи уже не проявлял больше интереса к своему песику.

«Выпью-ка я чашечку чая», – подумала Киона, тоже выходя из класса, но через внутреннюю дверь, которая вела в другие помещения этого здания.

Киона жила теперь в просторной комнате, примыкавшей к классу, с большой чугунной печью, круглым столом и кроватью с несколькими диванными подушками, позволяющими использовать ее и в качестве дивана. Внутренние стены, обшитые широкими еловыми досками светло-желтого цвета, были украшены разноцветными гобеленами, сотканными индианками, живущими в резервации и буквально завалившими Киону подарками в знак их благодарности ей. Эти женщины стали для нее подругами и почти сестрами.

Приближалось лето, и уже становилось жарко. Посмотрев в окно, защищенное москитной сеткой, Киона залюбовалась ярко-зелеными кустами и бледно-розовыми дикорастущими цветами, проникшими в ее сад. Она села за стол, чтобы еще раз прочитать письмо, которое она намеревалась отправить по почте на следующий день. «Тридцатое по счету письмо, которое полетит в Германию, – подумала она. – Одно письмо в месяц, начиная с того момента, как они уехали».

Людвиг отвечал на каждое из писем Кионы, а несколько месяцев назад ей стала писать и Адель. Томас ограничивался лишь тем, что рисовал рисунки. Киона невольно предполагала, что этот маленький мальчик ее уже почти забыл. В августе ему исполнится лишь семь лет, а его сестре – десять. Когда Киона смотрела на фотографии этих двух детей, присланные их отцом в его письмах, она жалела о том, что у нее нет возможности быть свидетельницей того, как они растут.

Тяжело вздохнув, она, почему-то робея, стала перечитывать свое письмо, где сообщалось о ее чувствах и надеждах, а также о том, что она уже устала ждать его возвращения, которое уже два раза откладывалось.

Мой дорогой Людвиг!

Я с удовольствием написала в первой строке своего письма слова «мой дорогой», потому что, хотя они звучат немного забавно и являются уже избитыми, я считаю их нежными и душевными. Мне ведь очень хочется наконец получить возможность выразить свою нежность, чтобы доказать тебе, как сильно я тебя люблю. Это, конечно же, странно и рискованно, когда любовь расцветает между людьми, находящимися друг от друга на расстоянии в несколько тысяч километров и всего лишь обменивающимися письмами, пусть даже они и не чувствуют при этом, что надолго расстались друг с другом.

Вы должны были возвратиться в Квебек прошлым летом, а затем ваш приезд сюда был отложен до Рождества. Однако вы так и не приехали. Я, конечно же, была очень разочарована. Однако самое худшее произошло бы в том случае, если бы ты вдруг объявил мне, что никогда уже не ступишь на землю региона Сен-Жан. Я, сгорая от нетерпения, жду, когда же ты сообщишь мне следующую дату своего приезда.

Здесь к вашему приезду все уже готово: комната Адели, комната Томаса и – с волнением буду писать следующие слова – наша с тобой комната. Это маленькие помещения, обставленные в моем вкусе, то есть скромно. Базиль тоже ждет свою будущую всадницу. Я очень довольна тем, что Адель все еще помнит тот замечательный день, когда она скакала на Фебусе, сидя передо мной. Я тогда держала ее крепко-крепко. Это было 25 декабря 1950 года – в день, который теперь кажется мне и далеким, и близким. Вечером, вернувшись из Валь-Жальбера, я снова поцеловала тебя, потому что нам повезло оказаться вдвоем в саду. Мне хочется снова почувствовать божественный вкус твоих поцелуев.

Как и каждый месяц, я спешу сообщить тебе последние новости о жизни клана Шарденов – Дельбо. Мари-Нутта и Бадетта позавчера, должно быть, уже уплыли на пароходе во Францию. С ними, конечно же, туда отправился и жених

Бадетты. Овид и Эстер, в свою очередь, в первых числах июля тоже уезжают в Париж. Они представляют собой прочную семейную пару и по-прежнему мечтают о том, чтобы купить дом в Сен-Фелисьене.

Мой папочка частенько приезжает ко мне на своем «линкольне» и учит меня водить его на близлежащей лесной дороге. Лора намеревается изменить интерьер своего большого дома, в котором теперь стало пусто, хотя у нее и живет во время учебного года Констан. Она приглашает к себе в гости соседок и докучает Мирей своей болтовней с ними. Однако ситуация изменится к лучшему, когда у нее наконец-то появится телевизор, а это произойдет уже довольно скоро^[44].

Эрмин и Тошан находятся в Большом раю вместе с Лоранс, Мадлен и Катери. Катери очень похожа на красивую куколку, но только тип внешности у нее – как у индейцев монтанье. Они должны приехать сюда где-то через неделю, и мне уже не терпится их увидеть. Моя сестра затем отправится на гастроли сначала в Онтарио, а затем в Миссури.

Мукки получил диплом и теперь горит желанием съездить в Европу, прежде чем займется здесь поиском работы по специальности. Что касается Луи, то он, как я ему и предсказывала, встретил в Монреале – где он, как тебе известно, учился – девушку по имени Жюстин, в которую тут же по уши влюбился.

Акали недавно прислала мне письмо. Ее сын Калев чувствует себя хорошо. Завтра ему исполнится шесть месяцев.

Даже если тебе это совсем не интересно, я все же напишу тебе в конце своего письма о тех, кто живет в Валь-Жальбере. Андреа и Жозеф Маруа живут абсолютно спокойной жизнью. К ним – к их неизменной радости – приезжает Мари, у которой родился уже второй ребенок – девочка по имени Элизабет, названная так в честь матери Мари. В семействе Лапуантов ничего не изменилось: Онезим по-прежнему пьет слишком много. Иветта вот уже год грозит уйти от него, но все никак не отважится это сделать. По словам Андреа, она стала очень набожной.

После этого краткого обзора последних новостей мне остается лишь еще раз обратиться к тебе с призывом, который исходит из глубины моего сердца: возвращайся поскорее, ведь

летние ночи здесь так прекрасны!..

Киона со слезами на глазах отложила письмо в сторону, не дочитав его до конца. Фокстерьер, сидя в своей корзине, стоявшей на полу между двумя этажерками, заставленными книгами, бросил на нее взгляд, который показался ей сострадательным.

«Да, Фокси, я, как это ни глупо, снова плачу. Понимаешь, это ожидание становится уж слишком долгим. Мне хотелось бы снять это ожерелье. Мои косы ведь уже доросли до груди, не так ли? К счастью, у меня есть мои ученицы, мой класс, моя – как выразился журналист – уникальная школа. Но насчет уникальности журналист был неправ: первым такую школу создал Овид. Вот его-то бесплатная школа возле резервации и была в свое время уникальной».

Киона покачала головой, чувствуя досаду из-за того, что так сильно нервничает, и злясь из-за того, что приходится подчиняться судьбе, которая у нее, как она считала, очень нелегкая. За последние два года, прошедшие в учебе, работе и тщетных надеждах, она научилась контролировать дарованные ей природой удивительные способности. Ей удалось это сделать благодаря чтению соответствующей литературы и благодаря опытам, которые она проводила, оставаясь наедине с собой. Она знала теперь, что к билोकации следует прибегать только в самых крайних случаях, и потому никогда не пыталась предстать перед взором Людвиги или его детей, поскольку они все трое жили спокойной жизнью в доме семьи Бауэр в благоприятной обстановке.

Что касается способности Кионы читать чужие мысли, то она использовала ее преимущественно с животными. Она теперь запросто могла усилием воли отгородиться от мыслей и чувств своих родственников и прочих людей, находящихся рядом с ней. Только лишь ее видения по-прежнему не подчинялись ей и «капризничали»: начинались, когда она этого не хотела, и, наоборот, не начинались, когда она пыталась заглянуть в свое будущее или в будущее других людей.

Чтобы успокоиться, Киона решила совершить прогулку. Она свистнула фокстерьеру и надела старую соломенную шляпу.

– Пойдем поболтаем немного с Фебусом и Базилем. Я поняла, что тебе уже надоело сидеть взаперти в этой комнате. Однако тебе следовало вести себя прилично и не кусать моих учениц за щиколотки, когда они играют в мяч.

Песик побежал вслед за ней, однако едва он оказался на крыльце фермы, защищенном от солнца и дождя широким навесом, как вдруг начал

неистово лаять.

«Ты меня напугал, дуралей!» – проворчала Киона.

Ее сердце сильно забилося. Почувствовав головокружение, она схватилась за перила и закрыла глаза. Звуки, раздававшиеся вокруг нее, вдруг стали необычно громкими. Она услышала с удивительной отчетливостью, как поют птицы, как шумит ветер в ветках деревьев, как жужжат пчелы возле цветов яблони... «Недомогание... У меня начинается недомогание! – испугалась она. – Но почему?»

Она с ужасом подумала, что увидит сейчас, как кто-то из близких ей людей оказался в беде, или сильно заболел, или же стал жертвой несчастного случая... Однако увидела она нечто совсем иное. Перед ее взором предстал Людвиг – ярко освещенный солнцем, загорелый, с коротко подстриженными волосами, с напряженным выражением лица, в котором чувствовались волнение и нетерпение, хотя его светлые глаза улыбались и поблескивали от огромной радости.

– Он скоро вернется. Я скоро получу от него письмо! – воскликнула Киона.

– Он уже вернулся, Киона, посмотри на него, посмотри на меня, – раздался в ответ ласковый голос.

Он раздался так близко, что Киона с ошеломленным видом открыла глаза.

Людвиг стоял на нижней ступеньке крыльца. Он был точь-в-точь таким, каким Киона только что увидела его в своем мимолетном видении, но теперь он уже не улыбался, а смеялся. Его появление здесь было таким неожиданным и невероятным, что Киона несколько секунд стояла абсолютно неподвижно, не веря своим глазам. Однако затем все ее сомнения развеялись. Два с лишним года разлуки тут же улетучились из ее памяти так, как будто тот день зимы 1950 года, в который они расстались, был не далее как вчера.

– Но как ты здесь оказался? – спросила Киона, бросаясь в объятия Людвига.

– Я совершил долгое путешествие – очень долгое – и наконец-то прибыл в хороший порт.

Полюбовавшись красотой Кионы, он крепко обнял ее и стал целовать в щеки и лоб. Когда он ее увидел, это стало для него шоком. Она осталась в его памяти худенькой – почти бесплотной – девушкой, похожей на золотоволосого блистательного ангела, а теперь она стала уже гораздо более «земной» и осязаемой: хотя ее щеки были уже не такими пухлыми, как раньше, ее грудь, наоборот, стала больше выпирать вперед, набрав, по-

видимому, энергии и жизненной силы, да и прочие женские формы заметно округлились. В общем, Киона стала еще красивее.

Она позволяла ему себя ласкать, обхватив его руками и прижимаясь к нему. В объятиях Людвига ее охватило чувство чудесной безмятежности – как будто она наконец нашла на этой земле надежное пристанище, в котором ее будет окружать любовь.

– Я оставил детей у Лоры. Я позвонил ей заранее с почты, – сказал Людвиг между двумя поцелуями.

– А под каким предлогом ты оставил их у нее?

– Мне не потребовались никакие предлоги. Лора была очень рада снова их увидеть и приютить сегодня вечером у себя. Твой отец тоже.

– Им, наверное, стало интересно, куда это ты собрался, – забеспокоилась Киона. – Я им про нас с тобой ничего не говорила. Мин и Тошан в курсе наших отношений, ты об этом знаешь, но я предпочитала дожидаться твоего возвращения, прежде чем рассказывать о них всем остальным родственникам.

– Мы с тобой приняли такое решение вместе, разве не так? Но теперь твоему отцу и твоей мачехе уже обо всем известно. Знаешь, что я им сказал?

– Давай ты не будешь загадывать мне загадки!

– Я сказал им следующее: «Дорогая мадам Лора, дорогой месье Жослин, у меня свидание с Кионой. Свидание, которое было назначено еще тогда, когда мы оба только появились на свет».

– Ты и в самом деле так сказал?

– Да. Думаю, они почти все поняли, если судить по тому, что оба широко улыбнулись. Они, наверное, кое о чем догадывались.

– Ты прав. Вполне возможно, что Мин не смогла удержать язык за зубами и проболталась им. Но это уже не имеет значения, ведь ты здесь.

Киона посмотрела на Людвига, чтобы убедиться, что он и в самом деле вернулся, и коснулась пальцем его губ и висков.

– У меня такое впечатление, как будто мы и не расставались, – прошептала она.

– Ты была со мной там, в Германии, в моем сердце, – ответил он, пытаясь ее поцеловать, но на этот раз уже в губы.

– Подожди, – сказала она с улыбкой, которая была лучезарнее весеннего солнца.

Он ждал. Она грациозным движением сняла со своей шеи ожерелье из ракушек и засунула его в карман юбки. Затем она распустила свои косы и встряхнула пальцами рыжевато-золотистую копну мягких волнистых волос.

– Теперь я готова! – прошептала она. – Готова стать счастливой рядом с тобой, любовь моя.

Людвиг нежно прикоснулся своими губами к ее губам с безграничным почтением, и их поцелуй со вкусом вечности был радостным, нежным и легким. Вот так поцеловались эти два ангела возле озера Сен-Жан в июне 1953 года.

notes

Примечания

Персонаж одноименной оперы Джакомо Пуччини (1858–1924 гг.) – итальянского композитора, считающегося одним из величайших в своем жанре и творившего в конце XIX века и в начале XX века. Упомянутое произведение было впервые исполнено в апреле 1926 года в миланском театре «Ла Скала». Дирижировал при этом Тосканини. *(Здесь и далее примеч. авт., если не указано иное.)*

28 октября 1949 года при перелете из Парижа в Нью-Йорк.

Катери Текаквита была канонизирована Папой Римским Бенедиктом XVI 21 октября 2012 года, то есть через триста тридцать два года после своей смерти. Это первая святая из числа коренных жителей Северной Америки.

Здесь и далее стихи в переводе В. Ковалива. (*Примеч. ред.*)

Лагерь возле озера Труа-Сомон был основан в 1947 году.

6

Метод, используемый в настоящее время некоторыми всадниками.

7

А именно, с 1856 года.

8

Возлюбленный, дружок, приятель (*англ.*).

Еврей! (*нем.*)

Фраза из песни Джона Говарда Пейна (1791–1852). Широко известное в Великобритании выражение: «Дом, милый дом».

Аббат Пьер, будучи возмущенным существующим социальным неравенством, основал в ноябре 1949 года общество «Эммаус» с целью борьбы с бедностью и поддержки тех несчастных, которые остались без жилья и без средств к существованию. Людям, оказавшимся в тяжелом положении, предоставлялись жилище, еда и работа на благо местных общин.

Карибу – алкогольный коктейль, популярный в Квебеке. (*Примеч. пер.*)

Эти слова и в самом деле принадлежат аббату Пьеру.

14

Город в провинции Онтарио, расположенный на берегу озера Онтарио.

В среде наездников развивается манера общения на уровне интуиции, и эта манера все серьезнее и серьезнее воспринимается как наездниками, так и конезаводчиками. Лошади «сообщают» людям, способным с ними общаться, о том, что доставляет им физические или психические страдания.

Английское ругательство, соответствующее ругательству «Черт возьми!».

Данный колледж был открыт в Шикутими в 1937 году. Он предназначен для девушек, а заведуют им монахини.

В провинции Квебек лишь в 1943 году был принят закон об обязательном посещении школы детьми в возрасте от 6 до 14 лет.

Маленький остров, расположенный примерно в двух километрах от Роберваля.

Это закончилось... Ты хороший мальчик! (нем.)

Отрывок из оперы «Мирей», написанной Шарлем Гуно в 1864 году.

Песня «Скиталец из Канады» была написана в 1842 году Антуаном Жереном-Лажуа после восстания в Нижней Канаде (1837–1838 гг.), когда одних повстанцев приговорили к смерти, а других выслали в Австралию и в Соединенные Штаты Америки. Нана Мусхури впоследствии создала свою версию песни.

Мясник, торговавший в Робервале в 1950-е годы.

Зигмунд Фрейд (1856–1939) – австрийский врач-невролог, основатель психоанализа.

Реальный персонаж, врач-хирург, живший в ту эпоху в Робервале.

Фрагмент оперы «Кармен» французского композитора Жоржа Бизе (1838–1875). Эта его опера – одна из наиболее известных в мире.

Боже мой! (нем.)

Такое происходило на самом деле.

Строительство этой церкви началось 15 марта 1930 года на бульваре Сен-Жозеф. Своим названием она обязана канонизации канадских мучеников, в числе которых был священник Жан де Бребёф (его канонизировали 29 июня 1930 года). Церковь построена в готическом стиле. Ее основное здание имеет 47,25 м в длину и 16,8 м в ширину. Первым приходским священником в ней был Жорж-Эжен Трамбле, которого 24 августа 1930 года назначил на эту должность епископ города Шикутими.

Госпожа (*нем.*).

Так называют детей индейцы-алгонкины.

Старая популярная французская песенка.

Рената Тебальди (1922–2004) – знаменитая итальянская певица сопрано, которую часто воспринимали как соперницу Марии Каллас.

Это и в самом деле произошло в то время, а точнее 14 сентября 1949 года.

Песня «Моя хижина в Канаде» стала очень популярной в 1948 году.

Фильм, вышедший в 1947 году.

Эта школа была создана в 1925 году и управляется монахинями-урсулинками.

Это событие произошло на самом деле. Много прибрежных земель было затоплено водой в 1926 и 1928 годах.

Рейс компании «Эр Франс», который был открыт 3 октября 1950 г.

Торговые предприятия, существовавшие в Шикутими в ту пору. Магазин «Ганьон-э-фрер» существует до сих пор.

Это имя на языке индейцев означает «та, которая поет». Прозвище, которое дали Эрмин ее родственники со стороны Тошана.

Маленькая барышня (*нем.*).

Школа-интернат в Пуэнт-Блэ будет открыта в 1956 году и закрыта в 1965 году.

Телевидение появилось в округе Сагней-Лак-Сен-Жан в 1955 году.